

Уэндэл Джонсон

ЛЮДИ В ЗАТРУДНЕНИЯХ

Семантика личностной адаптации

Международное сообщество по общей семантике

Конкорд, Калифорния

США

Издание 1946

Печать 1996

Перевод 2021

Оглавление

Введение.....	iii
ЧАСТЬ I <i>Люди в затруднениях</i>	7
Глава~I ВЕРБАЛЬНЫЕ КОКОНЫ.....	8
ЧАСТЬ II <i>Научная жизнь</i>	18
Глава~II ВСЕГДА РАЗНАЯ РЕКА.....	19
Глава~III Наука и личность.....	26
Глава~IV НАУКА И ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ.....	39
ЧАСТЬ III <i>Слова и не-слова, основные принципы общей семантики</i>	54
Глава~V МИР НЕ-СЛОВ.....	55
Глава~VI МИР СЛОВ.....	67
Глава~VII ПРОЦЕСС АБСТРАГИРОВАНИЯ.....	85
Глава~VIII ТРИ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЯ.....	100
Глава~IX РАБОЧИЕ ПРИНЦИПЫ.....	109
Глава~X ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ И ТЕХНИКИ.....	120
ЧАСТЬ IV <i>Изменения</i>	140
Глава~XI ЯЗЫК ДЕЗАДАПТАЦИИ.....	141
Глава~XII ЯЗЫК КАК ТЕХНИКА.....	155
Глава~XIII ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕЗАДАПТАЦИИ.....	169
Глава~XIV НАШИ ОБЩИЕ ДЕЗАДАПТАЦИИ.....	192
Глава~XV И ТАК ДАЛЕЕ.....	214
ЧАСТЬ V <i>Применения</i>	222
Глава~XVI В РАБОТЕ НАД ЧУЖИМИ ЗАТРУДНЕНИЯМИ.....	223
Глава~XVII ИНДЕЙЦЫ НИКАК ЭТО НЕ НАЗЫВАЮТ.....	251
Глава~XVIII БЕЗОТЛАГАТЕЛЬНЫЙ РАЙ.....	266
СЕМАНТИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ.....	277
Приложение.....	285

Введение.....

В этой книге я рассказываю о проблемах, возникающих в наших попытках жить с самими собой и друг с другом. Эти проблемы, вместе путями их решений, я обсуждаю с точки зрения общей семантики. Глядя на проблемы с этой точки зрения, мы обращаем внимание на те аспекты научного метода, которые оказываются полезными в повседневной жизни.

Говоря о личных проблемах, стоит оценить, что по мере того, как мы взрослеем, мы привыкаем к собственному поведению, а также к людям и миру вокруг нас. Мы развиваем в себе склонность принимать знакомое и привычное как данное. Наши понятия «нормального» во многом определяются поведением, убеждениями, подходами и социальными условиями, которые мы научились принимать как «правильные» или «естественные». Это означает, что, если бы нас оценили по разумным стандартам, мы можем справляться явно плохо, но при этом не чувствовать, что испытываем «личные проблемы». Многие люди так сильно привыкают к трениям, фрустрациям и общей возне в их повседневном существовании, что их внимание привлечёт разве что полное безумие или убийство. Они настолько адаптировались к дезадаптации, что им даже не приходит в голову, что человеческую жизнь удалось бы, кроме как по чистой удаче, вести иначе, чем они знают. Им не удаётся разглядеть широкие, удивительные горизонты сквозь тонкие щели, определяющие их взгляд на мир.

Все мы, конечно, испытываем личные проблемы. Мы осознаём их и придаём им важность в зависимости от степени напряжения, страдания и смятения, которые научились терпеть. Говоря в общем, если внимательно рассмотреть то, что мы считаем своими крупными проблемами, мы увидим, что они складываются из малых вещей, которые, по мере их накопления, мы не замечаем до тех пор, пока до нас внезапно не дойдёт, что они нас одолели. Поэтому для того чтобы применять написанное в этой книге, следует обострить нашу осознанность малых вещей и применять это к ней. Иными словами, незначительные, на первый взгляд одномоментные применения принципов адаптации производят значительный эффект в длительной перспективе. Семантические упражнения в конце этой книги я разработал частично с целью показать различные возможности таких одномоментных применений; если читатель внимательно прочтёт книгу, он найдёт больше таких возможностей.

Помимо проблем, вращающихся вокруг глубоко личных предметов беспокойства и отношений с людьми, возникают также проблемы связанные с нашим вовлечением в профессию, бизнес или семейные дела, а также с обучением ремеслу, навыкам, играм или обучением других. Многие люди из толстого каталога человеческой деятельности – врачи, юристы, преподаватели и студенты, редакторы и писатели, режиссёры радио программ, руководители в индустрии кино, чиновники, менеджеры персонала, домохозяйки, торговцы и т. д. – могут применять общую семантику множеством способов. В обширных областях гражданской деятельности, оценки социальных, экономических и политических вопросов, конструктивных вкладов в жизнь общества, общая семантика тоже предлагает широкий выбор возможностей применения. Эти возможности мы обозначим и обсудим в этой книге.

Людей в Затруднениях я написал для широкого круга читателей, – для всех, кто хочет воспользоваться возможностями личностного роста и общего культурного обогащения – однако, некоторые части особо заинтересуют более конкретные группы. Например, студентам и преподавателям в новой и быстро растущей области коммуникации придётся полезным поэтапный анализ процесса коммуникации, который я привёл в Главе XVIII, чтобы объяснить

функции и отклонения в разных аспектах говорения, письма, чтения и слушания. Дополнительный материал, представляющий особый интерес для таких читателей я привёл в Главах XI и XII, где обсудил язык дезадаптации. Тяжёлые и лёгкие типы личностной дезадаптации я с семантической точки зрения описал в Главах XIII и XIV, а конкретные методы личностного переобучения обсудил в Главах X и XVI. Несмотря на то, что эти главы представляют ценность для рядового читателя, я не сомневаюсь, что работники в областях психиатрии, клинической психологии и психопатологии найдут в них что-то полезное для своих профессиональных целей. Не стоит, однако, знакомиться с упомянутыми главами вне контекста остальной книги; любую часть следует толковать относительно целого.

Сегодня в колледжах, университетах и учебных заведениях для взрослых растёт количество курсов по общей семантике, многие из которых организуют при содействии Сообщества по Общей семантике. Я надеюсь, что студенты и преподаватели найдут эту книгу полезной и стимулирующей. С этой целью я учёл, что общую семантику не удастся представить эффективно сухим, утомительным образом, поэтому я постарался не только структурировать эту книгу последовательно и практично, но также сделать её интересной и удобочитаемой.

Я постарался практически полностью избежать сносок, но уместно указал некоторые источники в тексте, а все иные включил в библиографический список. Из одного источника – *Науки и Здравомыслия* Альфреда Коржибски – я позаимствовал так много и позволил себе столько вольностей в обращении с ним, что мне стоит привести некоторые объяснения.

Впервые опубликованная в 1933 году книга *Наука и Здравомыслие* представляет собой первоисточник общей семантики. Каждый читатель, применяющий принципы, представленные в этой книге, неизбежно делает это согласно тому, как он может их интерпретировать. Он применяет принципы к конкретным, интересующим его проблемам и задачам, способами, которые определяют его предшествующий опыт и обучение. Моё представления общей семантики сложилось в ходе моих попыток воспользоваться ей, начиная с 1936 года, в лечении заикания и наиболее распространённых личностных дезадаптаций среди университетских студентов. С 1939 года я каждый год проводил курс в Государственном Университете штата Айова, а за последние пять лет провёл исследование некоторых семантических проблем. В ходе этого периода – и много лет до этого – я преподавал и проводил исследования в логопедии и психологии, а также занимался лечением нарушений речи. Конкретно мои формулировки общей семантики следует рассматривать с учётом этих сведений. В этой книге я не воздержался от некоторых модификаций оригинальных формулировок Коржибски, добавил, убрал и в целом симпровизировал и адаптировал его материал, как счёл полезным. Я, однако, сохранил основополагающие элементы, представленные Коржибски, и позволил себе – с его одобрения – воспользоваться некоторыми из его терминов и высказываний, не сопровождая их конкретной справкой. Мне повезло с тем, что Коржибски ознакомился и отреагировал на рукопись. Так или иначе, то, с чем не справился я, не следует приписывать ему; и стоит отдать ему должное за ценность, которую удастся найти в изложении моего применения принципов, которые разработал он.

Некоторые люди, включая немалое число моих студентов, прочли рукопись полностью или частично, и я благодарю их за множество полезных предложений. Майор Ирвин Дж. Ли из Северо-Западного университета прочёл всю рукопись; по его совету я значительно расширил Главы V и VI, добавил главу XVI и внёс несколько других малых изменений. Он мне очень помог. Лейтенант Джон Р. Нот из Государственного Университета штата Айова внимательно прочёл Главу XIII и добавил много полезных пометок и комментариев. Профессор С. И. Хаякава из Иллинойсского Технологического Института прочёл Главу I и предложил некоторые изменения, которые я впоследствии внёс в беловой вариант. Параграф о прогрессивной ре-

лаксации в Главе X прочёл доктор Эдмунд Джейкобсон, директор Лаборатории Медицинской Физиологии в Чикаго, который разработал описанные техники; я внёс изменения в беловой вариант согласно его предложениям, и если я как-то неверно истолковал его методы, ответственность за это несу только я. Профессор Бринг Бринглсон из Университета штата Миннесота прочёл мои объяснения его методов групповой терапии в Главе XVI, и в этом случае, ответственность за неадекватные высказывания лежит на мне.

Мисс Лусин Руссо из издательства Harper & Brothers с интересом поучаствовала в редакции книги, которой, не сомневаюсь, посвятила больше времени, чем от неё требовал работодатель. Я также благодарю мисс Кэролин Вуд за то, что она провела выборку определённых материалов из библиотечных источников. Мисс Мэри Дин Фаулер, миссис Лорна Стобарт Нэнс и мисс Элизабет Эрдайс, ходившие на мой курс по общей семантике, проделали значительную часть работы над подготовкой рукописи для публикации, в ходе которой предложили внести множество толковых улучшений в стиль и организации. Мисс Эрдайс помогла с выверкой текста и вместе с мисс Фаулер составила алфавитный указатель. Эдна Бокуолт, моя жена, оказала мне помощь не только с прочтением и оценкой рукописи, но и с другими задачами, за что я не смогу её адекватно отблагодарить.

Каждый автор подобной книги остаётся в долгу у многих преподавателей, студентов и друзей за то, о чём он не может в полной мере знать и не может четко указать. Я не сомневаюсь, что многие люди увидят собственное влияние на этих страницах. Определённо, профессор Карл Сишор, Джордж Стодарт, Эдвард Мэби и Ли Эдвард Трэвис заметят результаты их обучения. Я хочу выразить особенную благодарность профессору Джону Макгику. Если бы он не поддерживал меня, когда я только планировал эту книгу, и не настаивал на том, что мне стоит отвести для неё время, я бы скорее всего откладывал её до бесконечности. Я мог бы попытаться добавить благодарностей только с риском пропустить множество имён, которые следовало бы включить в целях точности, но могу только выразить признательность всем, кто знает, что я ссылаюсь на них.

Я благодарю издателей и индивидуумов, перечисленных ниже за их разрешение привести цитаты из указанных публикаций:

ALEXANDER, JEROME. [Editor.] *Colloid Chemistry*, Volume V. New York: Reinhold Publishing Corporation, 1944, pp. 2-3.

Einstein, A., and INFELD, L. *The Evolution of Physics*. New York: Simon and Schuster, Inc., 1938, p. 33.

Keyser, Cassius J. "Mathematics and the Science of Semantics," *Scripta Mathematica*, 1934, 2, 247-260.

Korzybski, Alfred. *Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics*. Lancaster, Pa.: The Science Press, 1st ed., 1933, 2nd ed., 1941, pp. 14-15, 2nd ed.

The New Yorker, March 20, 1943, p. 51; February 10, 1945, p. 15. Thomas, W. I., and Thomas, Dorothy Swain. *The Child in America*. New York: Alfred A. Knopf, 1928, p. 572.

Большую часть Главы I опубликовало Сообщество по Общей Семантике практически без изменений относительно этой книги в статье под названием «Люди в Затруднениях» в осеннем выпуске 1943 года журнала *Etc.: A Review of General Semantics* под редакцией профессора С. И. Хаякава из Иллинойского Технологического Института. Части другой статьи, «Вы не можете написать письмо», из летнего выпуска *Etc.*, 1943 года, я в модифицированной форме включил в Главу III. Короткий отрывок в Главе IX я взял из рецензии на книгу, опубликованную в выпуске газеты *Chicago Sun Book Week* от 21 мая 1944 года с разрешения литературного редактора, мистера А. Спекторски. Главу XVI ранее публиковала Государственная Ассоциация Преподавателей Культуры Речи в форме двух статей в *Ежеквартальном Журнале о Культуре Речи* под редакцией профессора Норвуда Бриганса из Университета Уобаш,

после чего их перепечатали в *Etc.* Исключая малые дополнения, материал из Приложения появлялся в выпуске *Psychological Monographs* 56, № 2, 1944, опубликованный Американской Психологической Ассоциацией под редакцией профессора Джона Дашиела из Университета Северной Каролины.

Я выражаю благодарность этим издателям и редакторам за разрешение включить эти материалы в настоящую книгу.

У. Дж.

Айова-Сити

1 Сентября 1945

ЧАСТЬ I *Люди в затруднениях*

Глава~I ВЕРБАЛЬНЫЕ КОКОНЫ

Я провёл большую часть последних десяти лет, занимаясь затруднениями других людей; помогал им переживать их несчастья и фрустрации. Я счёл необходимым заключить, что эти затруднения и неспособности приспособиться не носили строго личный характер. Как мне показалось, среди них удалось разглядеть не только индивидуальные слабости и смятения, но и то, что ознаменовывает ряд условий, характерных для нашей общей культуры. Такие трудности в адаптации намекают на то, что цивилизация страдает от аллергии на саму себя.

Помимо интересных индивидуальных особенностей удастся разглядеть любопытную схожесть между людьми, живущими несчастно и неэффективно. Мозаика несчастья не складывается случайно. Раздумья о ней ведут к распознаванию вездесущих сил, влияющих на человеческое поведение. Джордж Стоддарт как-то сказал, что человек может быть лишь тем, чем он мог бы стать. Нам стоит принять во внимание, что то, чем человек мог бы стать, определяется не только физической структурой, с которой он рождается, но и, в существенной мере, структурой общества, в котором он рождается. Вообще, человек может понять отдельные личности не глубже, чем он понимает социальные составляющие, в окружении которых, и которыми, определяются основные характеристики этих личностей. Из этого следует, что индивидуум отражает эти социальные составляющие. Таким образом, анализ индивидуальных личностей, особенно крайнего типа, которых мы называем дезадаптированными, позволяет нам тщательно изучить эти социальные и культурные силы, которые формируют наши жизни, как индивидуумов.

Разочарованные и безутешные идеалисты

Мы можем назвать большинство, если не всех, дезадаптированных людей в нашем обществе разочарованными и безутешными идеалистами, и это не получится счесть случайностью или некой присущей характеристикой человеческой природы. Они ведут себя безутешно, потому что испытывают разочарования, а разочарования они испытывают, потому что приучили себя смотреть на мир идеалистически. Мы можем смотреть на них как на пример того, сколько мы платим за чтимые традиции, за побуждаемые традициями стремления и за налагаемые ими же ограничения. Незаинтересованный наблюдатель, скорее всего, не разглядит этот идеализм; от поверхностного взгляда он, как правило, ускользает. Мы проявляем (неизученную) склонность предполагать, что больше всего дезадаптированные люди нуждаются в том, что мы называем чувством целенаправленности, предназначения, возвышенного стремления, т. д. И мы не ошибаемся в этом всецело, однако, ограниченное понимание нередко встаёт препятствием перед более проникновенной мудростью.

Идеалы дезадаптированных людей стремятся ввысь в трёх основных отношениях. Во-первых, им недостаёт ясности, из-за чего их с трудом удаётся распознать, и кажется, что они постоянно куда-то ускользают. Это выливается в череду несчастий человека, который не определяет свои идеалы ясно, из-за чего он не может каким-либо чётким способом определить, достиг он их или нет. Этот человек сохраняет тревожную убеждённость в том, что потерпел неудачу, укореняя тем самым веру в трудность достижения своих идеалов. Труднодостижимые идеалы, когда трудности возникают от неопределённости точки их достижения, производят практический эффект высоких идеалов.

Предположим, что мы хотим добраться из пункта А в пункт Б – от того, что мы называем общим словом «неудача» к чему-то, что обозначим словом «успех». Ключевой точкой нашего путешествия станет та, которую мы решим считать точкой перехода, или точкой, на которой мы покидаем А и начинаем прибывать в Б. Если мы не можем распознать такую точку, у нас не получится испытать убеждённости в том, что мы достигли пункта назначения – достигли «успеха». И до тех пор пока, мы не можем поверить, что достигли «успеха», мы продолжаем предполагать, что не достигли его, продолжая тем самым испытывать «неудачу». В таких обстоятельствах мы разочаровываемся и приходим к безутешному состоянию.

Если мы чётко не определили пункт Б, пункт А тоже остаётся неясным – если мы не можем с уверенностью объявить «успех», то не можем избавиться и от «неудачи». На пути от А до Б не может существовать точки перехода. Как бы ни выглядела местность, через которую проходит путь, мы не видим в ней ничего, что бы указало на то, что он находится в области Б, куда мы так хотим попасть. Один знакомый джентльмен, для которого идеал называется «состоятельность», заработал два миллиона долларов и язву желудка. Женщина, которую я знал много лет, мчалась за блуждающим огоньком «очарования» с таким безудержным рвением, что смогла достичь почти бесчисленного множества символов благообразия, скопила воз воспоминаний о Каире, Вене, Лондоне и Веракрусе и в придачу – хронические головные боли с неизвестными медицинскими причинами. У людей, стремящихся к «успеху», конкретные достижения походят на выставку гравюр, которые они хоть и признают красивыми, но насладиться ими не могут из-за навязчивого вопроса: «А это Искусство?»

Другими словами, эти индивидуумы признают свои конкретные достижения, могут иногда черпать из них уверенность и даже хвалиться ими, но удовлетворение от них они испытать не могут. На деле может часто *казаться*, что они утверждают свои цели достаточно определёнными терминами, но тревожное рвение, с которым они продолжают тянуться за грань утверждённых целей, добавляя к ним больше и больше, навевает мысли о Гитлеровском бреде, чётко выраженном иронической фразой: «У меня больше нет территориальных притязаний в Европе!» Неспособность распознать эти конкретные достижения как точки перехода от А к Б, от «неудачи» к «успеху», приводит индивидуума к расстроенному и раздражённому состоянию, в котором каждое новое достижение расценивается как новое свидетельство «неудачи». Несмотря на все достижения, «успех» обходит его стороной.

Он обходит его стороной по на удивление очевидной причине, которую индивидуум настойчиво не хочет замечать. Заключается она в том, что его одолел словесный мираж. Он пытается избежать *абсолютной* неудачи, а достичь пытается *абсолютного* успеха, тогда как ни того, ни другого не существует за пределами его головной боли. На деле он достигает ряда *относительных* успехов. Ничего иного индивидуум и кто угодно не может достичь. Увы, но посреди *относительного* достатка, ориентированные на *абсолют* идеалисты голодают. Они не знают; им никогда не приходило на ум; в нашей культуре их никто не проинформировал, что *успех* представляет собой слово, которым мы можем обозначать множество чего-то, но не что-то одно. Тем временем, они ищут то самое *одно единственное*, без конца от них ускользающее нечто, и не находя это *одно* нечто, не добиваясь «успеха», они приходят в смятение от множества чего-то – от своих собственных успехов.

Либо-либо

Другое отношение, в котором идеалы дезадаптированных людей стремятся в высь, заключается в том, что они высоко ценятся. Сила, с которой их желают, создаёт отчаяние от их недостижения. Эту силу создаёт ужас, приходящий от раздумий о том, что их не удалось достичь. Если не добившись абсолютного успеха, индивидуум убеждает себя в том, что по-

терпел полную неудачу, то абсолютный успех становится для него крайне важным. «Успех», попросту, становится необходимым, а «неудача» начинает расцениваться как катастрофа. «Успех» становится необходимым, когда на него смотрят, как на единственную альтернативу «неудаче», и путём семантических уловок *абсолютный* успех, по определению, выступает единственной альтернативой *абсолютной* неудаче.

Для того чтобы подчеркнуть значимость этих замечаний, нам следует поместить их в надлежащий контекст, и для этого мы рассмотрим общий образ мышления, к которому они относятся. И если мы хотим оценить существенную важность этого образа мышления, нам придётся вспомнить о человеке, который большей частью послужил основателем его пространства и поспособствовал тому, что на нём выстроилась наша традиционная культура. Этот человек жил 2300 лет назад в Греции, и звали его Аристотель. Его труды имели такое влияние, что даже нашу культуру иногда называют Аристотелевой. Среди нас не удастся найти никого, на кого бы его учения не повлияли. То, чем каждый из нас мог стать определяется в немалой степени тем, что Аристотель жил и писал двадцать три века назад. Многие из нас могут всего этого не осознавать; без сомнений, многие из нас лишь слышали где-то его имя, но почти ничего о нём не знают. Тем не менее, если мы не практикуем науку, мы, в сущности, смотрим на мир, выстраиваем отношения, поступаем и ориентируемся, руководствуясь Аристотелевыми положениями. Говоря проще, мы разделяем издавна присущее нашей культуре ориентирование, которое каждое новое поколение перенимает его от предыдущего, и, не всегда осознанно, передаёт его следующему.

Нам придётся придавать научности или излишне запутывать то, что нам стоит сказать об Аристотеле. Он наблюдал за поведением людей своего времени, особенно за их языком. Он умел наблюдать очень хорошо. Он сформулировал словами – которые впоследствии оказались почти неопровержимыми – своего рода как-будтость поведения и языка его народа. По существу, он сказал: «Они поступают как будто, они говорят как будто; всё, что они ощущают, во что верят и на чём строят жизнь, я могу свести к трём основным положениям или правилам. Во-первых, они, по-видимому, всегда говорят и поступают, как будто вещь есть то, что она есть. Это я могу выразить в общей форме: А есть А. Человек есть человек, истина есть истина, и т. д. Это я могу назвать положением или *законом тождества*.

«Во вторых, они говорят и поступают, будто предположив, что нечто обязательно есть определённая вещь или не есть эта определённая вещь. Это понятие я могу выразить общей формой: нечто есть либо А, либо не-А. Нечто либо есть человек, либо не есть человек, нечто либо есть истинно, либо не есть истинно, и т. д. Я могу назвать это положением или *законом исключённого третьего*. Это представляет факт, как я его наблюдаю, что люди смотрят на вещи предполагая «либо-либо»; иными словами, они ориентируются двузначным или двусторонним образом.

«В-третьих, они говорят и, в общем, ведут себя так, будто принимают как должное, что нечто не может быть определённой вещью, и одновременно не быть этой определённой вещью. Это я могу выразить в общей форме: нечто не может одновременно быть и А, и не-А. Нечто не может быть одновременно человеком и не-человеком, истиной и не-истиной, и т. д. Это я могу назвать положением или *законом непротиворечия*.

«Закон тождества, закон исключённого третьего и закон непротиворечия, по-видимому, служат этим людям тремя основными законами мысли. Стоит заметить, что утверждение одного из них предполагает наличие двух других: если А есть А, то всё должно быть либо А, либо не-А, и конечно, ничто не может быть как А так и не А в одно и то же время. Закон тождественности служит основой для двух других; по крайней мере, если его принять, то два

других закона становятся необходимыми. В итоге, эти три закона вместе составляют основу для формирования людских ощущений, мыслей и всех их жизненных реакций».

Во многом, дела обстоят так до сих пор. Мы можем считать эти законы тем, что мы называем *здравым смыслом*. Многие принимают их уже давно и почти повсеместно. Большинство людей, однако, как и люди в его времена, чьё поведение и язык эти законы, предположительно, описывали, не осознают законы Аристотеля, какими он их сформулировал, и не знают о многочисленных интерпретациях этих законов преподавателями логики. Однако стоит их утвердить, и они звучат настолько же «правильно» для нас, насколько они звучали для древних греков. Аристотель дал людям слова, с помощью которых они могли бы лучше узнать себя. Он дал людям возможность развить более точную самоосознанность, или осознанность законов своего поведения. За счёт этой осознанности они могли бы поступать более осмысленно, более связно относительно основного образа поведения. Они могли бы *планировать*, что говорить и делать, потому что теперь у них появился «общий план», или «карта» языка, мысли и действия. И эти планы, над которыми, на основе законов Аристотеля, продолжалась работа, постепенно стали известной нам сегодня цивилизацией.

В связи с этим, ценность обобщений Аристотеля следует оценивать по той пользе, которую цивилизация из них извлекла, а их дефектность следует мерить страданиями цивилизации, которые они за собой повлекли. По недавним статистическим докладом нашей страны, США, количество людей, которых отправляют в психиатрические лечебницы приравнивается к количеству поступающих в колледжи и университеты. (Некоторые из них, кстати, отправляются в лечебницы из университетов.)

С этим введением мы продолжим разбирать идеализм дезадаптированных людей. Однако, пока мы не начали, стоит удостовериться в том, что мы не оставили впечатлений, будто называли Аристотеля глупым или приписали ему дурные намерения. С уверенностью не получится утвердить ни то, ни другое. Он внёс огромный вклад в развитие человека. Общество до Аристотеля отличается от общества после него, как небо от земли. Между прочим, на неблагоприятие последствий его обобщений, в основном, повлиял не столько сам Аристотель, сколько его последователи. Когда Аристотель сформулировал свои законы, он дал людям возможность не только лучше осознавать, но и более эффективно критически оценивать своё поведение и язык. Люди, к сожалению, ошибочно приняли законы Аристотеля за не требующие пересмотра законы *природы*. Они приняли их как Истину в абсолютном смысле. Поэтому, раз уж они были для них Истиной, то любые видоизменения или несоответствия им были не-Истиной. И таким образом, они поддерживались и использовались – осознанно и неосознанно – для того, чтобы построить систему доктрин и сложную общественную структуру. Мы назовём эту систему и эту общественную структуру Аристотелевой, не подразумевая при этом, что нашу критику и предложения по их пересмотру мы в обязательном порядке направляем против самого Аристотеля. Гений Аристотеля, вероятнее всего, позволил бы ему успешно развить и улучшить свои изначальные понятия. Если бы он жил сегодня, то, скорее всего, придерживался бы не-аристотелевых взглядов.

На фоне этого краткого описания Аристотелевой системы мы можем лучше рассмотреть то, что Карен Хорни назвала «невротик нашего времени». Дезадаптированные индивидуумы проявляют склонность расценивать «успех», «богатство», «счастье» или любые другие идеалы, к которым они стремятся, с точки зрения положения «А есть А». Автоматически вместе с этим они действуют в расчёте на двужначность (исключённое третье), с учётом которой что угодно должно быть либо «успехом», либо «неудачей», «богатством» или «нищетой», «счастьем» или «несчастьем». К этому образу поведения добавляется их следующее предположение, что ничто не может быть одновременно «успехом» и «неудачей», ничто не может

быть и «богатством», и «нищетой», и т. д. (непротиворечие). Взаперти с этим двусторонним ориентированием, им остаётся только вить вокруг себя путанную паутину смятения.

Подобно тому как положение о том, что «истина есть истина» может привести к Пилатовой насмешке и, ожидаемо, к цинизму, – ведь никто не может ответить ни за всех, ни за себя абсолютно: «Что *есть* истина?» – положение о том, что «успех есть успех» может привести к сплошным волнениям и срывам. В придачу, предположение о том, что нечто есть «успех» ведёт к предположению, что всё остальное есть «неудача», и запутанный индивидуум сводит свой выбор лишь к двум альтернативам; одну, чтобы восхищаться, а вторую, чтобы испытывать отвращение и страхи. В этом смысле и этими средствами он приходит к тому, что приписывает очень высокую ценность своим идеалам. Если он достаточно долго стремится к высоко ценным идеалам, которые при этом никак не дают себя достичь, он не просто расстраивается, а приходит в окончательно деморализованное состояние.

Нереалистичные желания

Мы уже сказали, что в некоторых случаях дезадаптированные люди, по-видимому, ставят себе достаточно чётко и конкретно определённые цели, хотя такие цели обычно оказываются переходными. Рассмотрев эти конкретные цели, мы сможем обнаружить третье отношение, в котором идеалы дезадаптированных людей стремятся в высь. Они стремятся в высь относительно высокого показателя шансов против их достижения.

По некоторым оценкам, приблизительно двое из трёх студентов, поступивших в крупный среднезападный университет, выражают желание стать врачами, юристами, профессорами или достигнуть некоего другого сравнимого статуса. Однако лишь один из шестнадцати этих студентов *может* достичь такого идеала в нашем обществе. Люди, которые предпочитают не слушать радио-викторины, подкрепляя убеждённость в собственной глупости; молодые девушки, стремящиеся выглядеть как звёзды кино; владельцы автомобилей, обслуживание и содержание которых они не могут себе позволить; молодые невесты в тревожных раздумьях о том, стоит ли оставить своих мужей или свои голливудские определения мужа – все эти люди и миллионы людей на них похожих живут высоким идеализмом, ведущим их, по меньшей мере, к тому, что доктор П. Грэйвен назвал «не-здоровым мышлением».

Эта склонность дезадаптированных людей устанавливать самим себе нереалистично высокие стандарты, по-видимому, неизбежно вытекает из их ориентирования по Аристотелю. В связи с тем что их понятия «успеха» и «неудачи», в конечном счёте, носят абсолютный характер, и впоследствии размываются и расходятся лишь в две стороны, они считают, что «потерпели неудачу» до тех пор, пока *безоговорочно* не «добились успеха». В результате, они метят высоко, хотят бить рекорды, делать что-то больше и лучше. В этом поведении их постоянно поддерживает множеством своих более очевидных аспектов их семантическая среда. Этот нескончаемый зуд желания добраться до верхов и перескочить всех выскочек, который так любят вызывать рекламщики, голливудские продюсеры, авторы статей в популярных журналах, и т. д. Всё это говорит о том, что это стремление достать до неба встречается широко среди дезадаптированных индивидуумов; мы можем вполне охарактеризовать им наше общество. Дезадаптированные индивидуумы попросту отражают эту характеристику. Их сложности и проблемы возникают под влиянием их семантической среды.

Кратко

В этом контексте мы можем назвать эти затруднения вербальными коконами, в которые индивидуумы старательно завиваются, чтобы, в распространённых обстоятельствах нашего времени, никогда их не покидать. Структуру этих коконов во многом определяет структура

общества, в котором они формируются, а структура этого общества в значительной степени определяется структурой языка, который мы неосознанно приобретаем и необдуманно применяем. Просто пользуясь этим языком и выстраивая жизнь в рамках общего ориентирования, которое он представляет и поддерживает, мы культивируем идеализм и впоследствии страдаем от фрустрации и деморализации, очевидных в жизни людей в затруднениях.

Неудачи для неудачников

В виду того что эти люди ориентируются на идеалы, они подвергают себя – в большей или меньшей степени, систематически опыту «неудачи», и отсюда они приобретают ещё одну заметную черту – склонность вырабатывать то, что мы называем чувством ущербности или комплексом неполноценности. Старая поговорка гласит, что неудачи лучше всего удаются неудачникам. Мы можем понять такое высказывание. Неудачи растут и цветут пышнее, не в последнюю очередь, от слёз о последствиях предшествующих неудач.

Множество исследований психологов чётко показывают, что чувство неполноценности относится, скорее, к правилу, нежели исключению среди людей в целом. Более того, склонность людей считать себя «ниже среднего» встречается настолько широко, что знаменитый венский психолог, доктор Альфред Адлер, сформулировал большую теорию о человеческом поведении, и постарался объяснить бóльшую часть наших личных проблем с адаптацией на основе этого феномена низкой самооценки. Он ввёл термин *комплекс неполноценности*, который впоследствии стал частью нашего повседневного языка, и это показывает, что он выражает чувство, которое большинство из нас в той или иной мере испытывало.

У очевидно дезадаптированных людей этот образ оценки проявляется ярче. В этом отношении – как и практически во всех других отношениях – люди, называемые дезадаптированными, или невротиками, или ненормальными не кажутся уникальными, или же людьми другого *сорта*; они попросту представляют более крайние формы того, что считается вполне обыкновенным поведением. «Все дурны умом, но не я и не ты» – и мы, конечно же, не смогли бы знать о самих себе. В некотором смысле, существуют не столько «дурные» люди, сколько «дурные» поступки, и все мы, часто или редко, такие поступки совершаем.

Чувство неудачи или ущербности удаётся легче заметить в дезадаптированных индивидуумах, потому что они его, в отличие от большинства людей, сильнее в себе развили. Когда удаётся его чётко пронаблюдать, оно видится размытым или обобщённым, крайне настойчивым и неразрывно связанным с тревогой, страхами, упадком духа и другими «эмоциональными» реакциями. Исключая случаи, когда люди с комплексом неполноценности дошли до крайних степеней отчаяния и апатии, они постоянно держатся настороже, поспешно объявляют себя «оскорблённым», обижаются на критику и в целом проявляют повышенную чувствительность. Они выглядят напряжёнными, и если за ними внимательно понаблюдать, удастся заключить, что они действительно испытывают напряжение. Они часто реагируют резко и громко на что-то, что видят, и особенно на то, что прочли или что им сказали. Иными словами, они проявляют склонность реагировать слишком быстро и слишком много. В общении с ними люди чувствуют, что могут их легко задеть или «ранить», от чего в их компании не удаётся расслабиться. Они не становятся хорошими спутниками, особенно самим себе.

Эти люди не усвоили простой факт, что неудачи не существует в природе. Неудача зависит от оценки ощущаемой разницы между тем, что вы ожидаете и тем, что получаете. Именно вы оцениваете разницу между тем, что по вашим предположениям вам стоит делать, что вы от себя требуете, и тем, что вы собственно делаете. Неудачу вы ощущаете, когда ваши осуществления не достают до ваших ожиданий. Если ваши идеалы стремятся в высокую высь в том смысле, что вы определяете их слишком размыто и не реалистично, и придаёте им

слишком высокую ценность, вы скорее всего испытаете чувство неудачи. Впоследствии вы, вероятно, испытаете страдания от комплекса неполноценности и низкой самооценки. Также, вам, вероятно, придётся всюду встречать «общую неподатливость всего».

Вы, однако, не остаётесь равнодушным к таким несчастливым ситуациям. По крайней мере, до тех пор пока вы до определённой степени себя не деморализовали, вы пытаетесь дать сдачи. Вы злитесь, в большей или меньшей степени, на людей и даже на общественные нормы и материальные обстоятельства, которые, как вам кажется, вам мешают. Всё это, как правило, начинает приобретать структурные осложнения. Иногда это даже приводит к выработке неприязни к пище, цветам, именам и названиям, местам, или другим вещам, которые вы каким-то образом ассоциируете с вашими фрустрациями. Если агрессия дозволяется – и в некоторых формах в определённых обстоятельствах в нашей культуре её определённо поддерживают – вы можете совершать нападки, открыто или косвенно, на людей, которые, на ваш взгляд, препятствуют вашему развитию. Вы можете предпринять попытки ослабить их влияние с помощью разговоров о них, публичного противостояния, срывов их планов и множеством других способов. Вы постараетесь любыми разрешёнными средствами «избавиться от неверных без кровопролития». Время от времени, целые нации участвуют в яростных войнах и систематических истреблениях людей. Индивидуумы тоже, но реже, могут прибегать к убийству. Обратит внимание стоит на то, что в итоге, вы посвящаете больше и больше доступных сил на отклонения от намеченного пути, из-за чего у вас остаётся всё меньше и меньше сил, отведённых на эффективный и плодотворный труд. Мало того, вы увеличиваете количество озлобленных врагов. «Успех», таким образом, постепенно ускользает из ваших рук. Вам не удастся вечно избегать растущего понимания, что вы ведёте заранее проигранную войну и шаг за шагом себя изматываете. Тем временем, грозные облака неудачи сгущаются на вашем горизонте.

Чувство неудачи – выработанное и усвоенное – рано или поздно выливается в состояние скуки – общей потери интереса к возможностям достижений. В конечном счёте, вы приходите в состояние депрессии. Это происходит, потому что в нашем обществе вам не разрешат просто испытывать скуку. Влияния вашей семантической среды работают посредством настояний, провозглашений, угроз, поддержек и насмешек со стороны семьи, друзей, знакомых и нескончаемой стимуляции от прессы, радио, кино и прочего. Все эти влияния продолжают вас тыкать и понукать. Они не дадут вам продохнуть. Они не допустят такого лёгкого решения, как простая скука. Из-за этой настойчивой стимуляции, вы можете продолжать время от времени делать рывки к «успеху», но абсолютный успех, как всегда, ускользает. По мере укоренения чувства неудачи, вы всё больше впадаете в отчаяние. И тогда вам не просто становится скучно, но вы об этом ещё и сожалеете. Вам приходится оценить вашу «неудачу» – почувствовать себя неполноценным от того, что вы чувствуете себя неполноценным.

ИФД

Во всём этом мы можем разглядеть широкую структуру нашей общей проблемы с адаптацией, которую я называю болезнью ИФД: от идеализма к фрустрации, и затем к деморализации. Вероятно, никому из нас не удастся избежать её полностью. Масштабы её распространённости близятся к пандемическим. Скорее всего, люди, профессионально работающие с личностными проблемами мужчин, женщин и детей, рано или поздно начинают воспринимать её как некий стандартный фундамент, на котором выстраиваются трудности и семантические недуги особого характера, включая серьёзные «умственные» и нервные расстройства, неврозы и психозы. Среди «проблем, с которыми мне приходилось иметь дело», по количеству случаев, данная проблема безоговорочно занимает первое место.

Почему следует стремиться к ясности в выражении

Стоит рассмотреть ещё один симптом того, что мы называем дезадаптивностью личности. Мы настолько привыкли к этому симптому, что часто оставляем его без внимания, не смотря на то, что о нём с той или иной точки зрения писало много людей. Практикующий психиатр, доктор Койн Кэмпбэл, выступая на конференции Речевой Ассоциации Центральных Штатов в Оклахома-сити, сформулировал этот симптом чётко и просто. Сообразно нашим целям стоит вспомнить его высказывания. Доктор Кэмпбэл сказал, что пациенты, которых к нему привели, потому что сочли их крайне плохо адаптированными или даже «безумными», проявляли один общий симптом: *Они не могли сказать ему, в чём заключалась их проблема*. Они попросту не могли уложить свои трудности в слова. Большинство из тех, кто профессионально помогает людям решать их проблемы, замечали относительную неспособность выражаться внятно. В ходе нескольких бесед с одной женщиной, уверявшей его в своём глубоком чувстве собственной никчёмности, он однажды поставил перед ней зеркало и спросил, что она в нём видит. Она пристально смотрела в зеркало, не говоря ни слова, на протяжении минуты, а затем неуверенно сказала: «Я не могу ничего сказать».

Такую реакцию не стоит принимать как данное. В ней стоит разобраться. Так же стоит оценить реакцию, весьма распространённую среди людей, которые говорят быстро, используют большое количество слов и составляют грамматически сложные предложения, но при этом никак не могут выйти за рамки протоптанных собственными ногами вербальных кругов. Они фонтанируют теориями и измышлениями, почти полностью состоящими из одних лишь звуков. Возникают подозрения, что их импульсивное желание говорить без умолку обуславливается, прежде всего, тем, что они сами в некоторой мере понимают, что выпустив очередной поток слов, они так ничего и не сказали. Поэтому они снова пытаются уложить слова так, чтобы они выражали причиняющие им страдания чувства. В сущности, они формулируют не многим внятнее людей, которые почти ничего не говорят.

Доктор Кэмпбэл отметил далее, что когда ему удавалось, в работе с пациентом, вербализовать его затруднения ясно и близко к сути, он мог его выписывать, потому что пациент, как правило, чувствовал, что мог позаботиться о себе сам. Это может показаться странным любому, кто не задавался вопросом о роли языка в адаптации личности. Размытые, несущественные и, иной раз, дикие высказывания людей в затруднениях обычно считаются не более чем пеной на пиве. Идея об этой пене как о неотъемлемой части пива – о языке затруднения как о весомой части затруднения, не пользуется популярностью. Ей не уделили должного внимания даже психоаналитики, так подробно показавшие целебные качества разговора. В том, что количество разговоров с пациентом на кушетке психоаналитика состоит в связи с переменами, наступающими за длительный курс лечения, сомневаться не приходится.

Под высказываниями доктора Кэмпбэла лежит простой факт, что перед тем как подходить к решению проблемы, её следует эффективно и чётко изложить. Только изложив её таким образом, мы можем более или менее разглядеть решение к ней. Иными словами, дезадаптированные или запутавшиеся люди, вероятно, останутся таковыми до тех пор, пока не научатся излагать свои проблемы ясно в той степени, в которой смогут сами себе показать, какие шаги они могут предпринять, чтобы изменить свою ситуацию или своё поведение в свою пользу. Любой опытный научный работник знает, что самый важный шаг к решению лабораторной проблемы состоит в изложении проблемы таким образом, чтобы в нём содержались отправные точки к её решениям. Как только это удалось сделать, его ассистент может повернуть нужные краны и начать следить за показаниями приборов. Компетентные исследователи понимают пределы и ограничения своего оборудования, но их главный вклад состоит не из ответов, которые они выкапывают из природы, а из острых, проникновенных вопросов,

применяемых ими к природе. Техники могут воспользоваться оборудованием и устройствами учёного, и добыть ответы на его надлежаще составленные вопросы. Учёным учёного делает способность формулировать проблемы и выстраивать прочный каркас для вопросов так, чтобы техники, с помощью оборудования, смогли добыть значимые факты.

Личные проблемы не сильно отличаются от лабораторных. Их требуется высказать (сформулировать, выразить, и т. д.), прежде чем решать. Прежде чем удастся получить полезные ответы, следует задать подходящие вопросы. Мы все хотим удовлетворительных ответов. Однако у дезадаптированного человека не получается – и ему стоит научиться – обозначать ответы, в которых он нуждается. Иными словами, ему не хватает навыков задавать вопросы так, чтобы ответы на них приносили облегчение или удовлетворение, или развивали его способности к адаптируемости. По мере развития таких навыков, он может, как отметил доктор Кэмпбэл, позаботиться о себе сам во всяких практических отношениях.

Чёткий ответ не получится дать на нечётко поставленный вопрос. Терминология вопроса определяет терминологию ответа. Редко какой-либо другой принцип оказывается важнее в работе над собственными недоумениями и конфликтами, ведущими к неудовлетворённости и неэффективным поступкам. Наши конкретные вопросы к самим себе определяют потенциальные ответы, а полученные ответы делают нашу жизнь в великой степени такой, какой мы её живём. Не зная об эффективных подходах к постановке вопросов, мы обычно угадываем в паутину ошибок, как индивидуально, так и социально. Если попытаться одним словом охарактеризовать то, что мы называем *умственной гигиеной*, то подойдёт слово *точность*. Техники точности, главным образом, предполагают техники языка. Языковые смятения дезадаптированных людей зависят от смятений в других аспектах их поведения. Они состоят в близких отношениях; одни не удастся понять в отрыве от других.

Эпоха вопросов

В свете обсуждения дезадаптированных людей в контексте их фрустраций, тревог и идеализма, мы можем взглянуть на грани проблем, с которыми все мы сталкивались в той или иной степени. Болезнь ИФД – как мы её обрисовали – представляет собой не столько недуг индивидуумов, сколько отражение влияния на них семантических сил. Если влияние этих сил имеет большой потенциал, каждый из нас в некоторой мере предрасполагается к проблемам, которые оно порождает. Мы легко «подхватываем семантические болячки».

Как эти болячки передаются? Какие «бациллы» заражают нашу жизнь смятением, фрустрацией и отчаянием? Подсказку к ответу на этот вопрос мы можем найти в относительной неспособности дезадаптированных людей вербализовать свои трудности, изложить проблемы и задать вопросы таким образом, чтобы на них получилось ответить эффективно и с готовностью. Эта подсказка неким образом указывает на язык. Она указывает на то, что в структуре нашего общего языка присутствуют разрушительные факторы, в разной степени негативно влияющие на жизненные реакции тех, кто языком пользуется. Мы можем описать структуру нашего общего языка в контексте Аристотелевых «законов», о которых мы говорили ранее. Эту проблему в подробностях разобрал Альфред Коржибски в книге *Наука и Здравомыслие*, и – в более сжатой форме – Сэмюэл Хаякава в книге *Язык в Действии*.

Если систематически возвращаться к рассмотрению этих вопросов, значимость понимания структуры языка удваивается. Она играет роль в формировании структуры нашей культуры, общества, цивилизации, и т. д. Она также служит одним из основных средств, которыми индивидуум приобретает и *свыкается* со структурой культуры. Таким образом, изучение структуры языка может помочь лучше понять нашу цивилизацию и её проблемы, и больше узнать о некоем фундаменте жизней индивидуумов. Мы можем сказать, что человечество сплело

огромную сеть, в которую само же угодило, и теперь перед нами стоит задача распутать эту сеть символизма, потому что она ставит судьбу людей под угрозу.

Именно на эти проблемы и их последствия мы стремимся направить общую семантику. Им же посвящается эта книга. Общую семантику, однако, не получится должным образом усвоить и эффективно применять, если не рассматривать её в контексте и в отношении к индивидуальным и социальным проблемам, с которыми с её помощью стоит иметь дело. К ним относятся проблемы личной адаптируемости, о которых мы говорили выше. Идеализм, ведущий к фрустрациям и деморализации, становится чем-то большим, чем неудачной и малопонятной последовательностью событий, когда появляется возможность рассмотреть всё это в отношении к невро-лингвистическим заостенелостям и путаницам, на которые общая семантика проливает свет, и которым помогает противодействовать.

Мы понимаем значимость и интерес к общей семантике в силу распространённости и личного характера проблем. Поэтому в дальнейших главах мы вновь – уже более подробно – обсудим проблемы подобные тем, на которые мы уже обратили внимание.

Более полного понимания удастся достичь, рассмотрев отношение общей семантики к некоторым общим, масштабным тенденциям, характеризующим современность. В наши дни [1946 г.] эти тенденции стали особенно заметны. Мы чувствуем что-то во времени, в котором нам пришлось оказаться, что способствует норову и поискам себя, но необязательно упадку сил и цинизму. Что бы мы ни говорили о нашем времени, нам следует, не обманывая себя, признать, что мы живём в эпоху прямых и искренних вопросов. Покуда мы можем оценить степень, в которой прежнее поколение не знало ответы, мы начинаем яснее понимать важность вопросов, а также техник и методов постановки вопросов, с помощью которых мы сможем извлечь более великую мудрость из нашего опыта. В систематическом изучении техник постановки вопросов мы можем разглядеть отличительные качества общей семантики и надежду на освобождение будущего от проблем прошлого, в наших индивидуальных жизнях и в общем приключении, которое мы называем цивилизацией.

ЧАСТЬ II *Научная жизнь*

Глава~II ВСЕГДА РАЗНАЯ РЕКА

О греке по имени Гераклит вспоминают по сей день, цитируя его высказывание о том, что человек не может ступить в одну и ту же реку дважды.

Он шёл от суждения о том, что двух в точности одинаковых вещей не существует, к тому, что одна вещь в отдельно взятые два момента не остаётся одинаковой – реальность следует рассматривать как процесс. Стоит отметить, что человек не может войти в одну и ту же реку дважды, не только потому что река течёт и меняется, но и потому что тот, кто в неё входит тоже меняется, и всегда отличается от самого себя в два отдельных момента.

Гераклит опередил своё время на две тысячи лет. Умело выраженное им понятие, носит от-тенек современности. Его высказывание вполне мог бы поддержать Эйнштейн. Это понятие лежит в основе науки, а наука, какой мы её знаем, появилась намного позже Гераклита.

То, что Гераклит выразил своей метафорой, представляет также основное понятие в общей семантике. Вся структура общей семантики возводилась на основе взгляда на реальность, как на процесс. Это общее утверждение выражает последствия такого взгляда; последствия, показывающие ключевые аспекты характера реальности, возможности человека узнать что-то о реальности и средства приспособления к ней.

В этом смысле, наука и общая семантика уравниваются в своей старости – и молодости – с Гераклитом, который в наше время нашёл бы себе товарищей по уму, потому что до этого, его суждению не уделялось должного внимания. Его культура, которую через века унаследовали мы, представляла и представляет до сих пор совершенно другую точку зрения. Взгляды науки, общей семантики и Гераклита представляются далеко не традиционными. В самом широком смысле, они представляют как раз отход от традиций. Поэтому в информативных целях мы кратко рассмотрим эти две тенденции: традиционную и до сих пор широко распространённую, и новую, имеющую большой потенциал. Зная о конфликте этих двух тенденций, мы сможем лучше оценить общую семантику и стоящие перед ней задачи.

Постоянные отличия

Никакой другой факт не формирует и не переформирует наши жизни настолько, насколько следующий: реальность, в самом широком смысле, постоянно меняется, как река Гераклита; и с недавних пор река Гераклита, по всей видимости начала подниматься к берегам. Течение ускоряется, водовороты раскручиваются стремительнее, а поток увеличивается с каждым днём. То, что мы раньше могли считать твёрдой почвой, размывается наводнением, а мы с тревогой наблюдаем за этим с насыпи.

Нам, однако, необязательно придётся тревожиться и ужасаться всеохватывающими и стремительными переменами. Учёного физика они не пугают, а вызывают любопытство. Перемены в жизнях народов, социальных групп и индивидуумов не пугают социолога; они лишь определяют грани в его исследованиях. Перемены ужасают лишь тех, кто в планировании своих жизней не принимают их во внимание.

К сожалению в значительной мере нас учили и учат до сих пор как раз таки обходить их вниманием. К переменам относились с подозрением и неприязнью на протяжении всей истории нашей расы. Традиционно отцы передают своим сыновьям вероучения и обычаи, которые им передали их отцы. Предкам поклоняются, а старейшин почитают с незапамятных

времен. Образование в основном сводится к убеждению принять взгляды и поступать как поступают старейшины. Учащиеся разучивают ответы вместо того чтобы учиться задавать вопросы, а когда учат вопросам, готовые ответы всегда находятся в конце учебника. Большой частью, учащимся передают знания, а не методы получения и пересмотра знаний, кроме метода авторитета, обращения к правильной книге или к старейшине. В образовании главной целью образования ставили и ставят сделать из ребёнка ещё одного старейшину, разлить свежее вино возможностей в старые бочки традиций.

Так или иначе, в одну и ту же реку дважды не войдёшь. Физики, химики, геологи и все, кто изучает физические явления; антропологи, социологи, психологи и все, кто изучает людей, сообщают, что всё, что им удастся найти, представляет собой процессы, рост и распад, преобразование энергии, социальные перемены и т. д. *Никакое событие не повторяется в точности одинаково.* Научный прогресс со времён Галилея, и особенно за последние пятьдесят лет, сделали процессуальный характер реальности более очевидным. Обобщения, великие символические сети, в которые человек пытается поймать орлов времени, разорвали создания, для которых их вязали. Аристотелю, Эвклиду, Ньютону и другим старейшинам бросили вызов современные математики и учёные: Эйнштейн, Коржибски, Рассел и другие, кто продвигает идеи процесса и перемен.

Если важная работа таких людей продолжит набирать силу влияния, мы можем предположить, что в завтрашних учебниках появятся вопросы, ответы на которые мы уже не отыщем на последних страницах. В образовании будущего знания представят подверженными незаметным нам переменам, и доносить их придётся вместе с методами для пересмотра и лёгкой адаптации к пересмотру. Учащихся научат не столько определяться в каких-то вопросах, сколько формировать гибкие, эффективные взгляды на них. Целью образования станет делать ребёнка отличным от старейшины и признавать факт, что он отличается, как постоянно отличается мир, в котором ему придётся жить.

Теперь, когда мы чётче видим то, что мы веками считали «известным» и то, что находится в центре внимания современной науки, — а именно: мы не можем констатировать тождественность никаких двух вещей или тождественность какой-либо одной вещи самой себе в два отдельных момента; мы повсюду видим перемены, поток, процесс — мы можем понять, что нам придётся принять этот мир как мир постоянных отличий. Мы понимаем, что видимая разница между мальчиком и мужчиной представляет собой процесс, который происходил с тех пор, когда мужчина вёл себя как мальчик. Попытку мужчины остаться мальчиком мы считаем дезадаптацией, и теперь так же можем счесть дезадаптацией попытки общества жить и функционировать в 1946 году так, как оно жило и функционировало в 1900.

Перемены и отличия

Как мы отметили, понятие отличий в процессе служит одной из основных составляющих системы общей семантики и, как мы скоро увидим, влечёт за собой широкие последствия. Эти последствия предполагают определённые принципы адекватного человеческого поведения. Эти принципы отличаются во многих отношениях от тех, к которым мы привыкли благодаря нашему общему образованию и благодаря иной раз незаметным, но значительным влияниям наших традиций и культуры. Более того, понятие процессуального характера реальности подводит нас, ни много ни мало, к новой цивилизации.

Уважение и потребность в отношении схожестей, нежели отличий, стали своего рода традициями нашей расы. Люди давно любят обобщения широкого охвата: природу человека не изменишь; каков отец, таков и сын; закон «спроса» и «предложения»; получаешь то, за что платишь, и т. д. Исключения из правил отменяются заявлением о том, что они его «подтвер-

ждает». Мы не собираемся доказывать бесполезность или «дурной» характер обобщений; в этой книге нас интересуют принципы адекватного обобщения. Мы постараемся сфокусировать наше внимание на традиционных тенденциях принимать общие правила, убеждения, вероучения, теории, не подвергая сомнению их обоснованность, и придерживаться их даже после наглядной демонстрации их бессмысленности, ложности или, по меньшей мере, сомнительности. Во многих случаях, стоит нам принять какое-то убеждение, как мы начинаем обращать внимание на случаи, которые, как нам кажется, это убеждение подкрепляют. Тем временем другие случаи мы игнорируем, приуменьшаем или искажаем их значимость, чтобы они вписывались в убеждение и тоже его подкрепляли. Многим из нас по не всегда осознаным причинам кажется, что менять точку зрения означает проявлять слабость.

Что мы называем обобщением? Обобщение представляет собой высказывание, под которым предполагается, что разные вещи каким-то образом сходятся вплоть до полной одинаковости, и поэтому реагировать на них и обращаться с ними следует одинаково, или почти одинаково. Как следствие, мы не только можем сказать, что, например, всем пациентам с такими-то симптомами следует диагностировать аппендицит, но и пойти дальше, и начать удалять им аппендиксы. Некоторые религиозные группы верят в то, что все дети рождаются «нечистыми» или «в грехе», и т. д., и проводят церемонии, в которых окунают детей в воду или обрызгивают, или же крестят их каким-то ещё способом. В некоторых странах людей разделяют по некоторым расовым характеристикам, как негров, и лишают их определённых привилегий и прав. У многих из нас не получается напоминать себе о том, что не все пациенты с определёнными симптомами, дети и негры сходятся до степени полной одинаковости, даже когда мы об этом заявляем. Со сходствами дела обстоят по-другому. Даже если замеченные нами сходства несут мизерную значимость, мы поддаёмся куда более сильным впечатлениям от них, нежели от существенных отличий; мы выделяем сходства, называя вещи какими-нибудь словами и эти слова затем *становятся обобщающими терминами*.

Проблема заключается не в том, что мы не знаем об этом факте. Напротив, мы хорошо знаем собственную склонность – индивидуальную и групповую – ориентироваться на основании сходств, и даже предполагаемых тождеств, в значительно большей степени, нежели на основании отличий. Иными словами, мы знаем о нашей склонности лечить болезнь, нежели пациента, учить ребёнка, нежели Джонни, говорить о своей второй половинке, нежели о множестве индивидуумов, оказывающих влияние на наше поведение. И мы хорошо знаем о нашей сильной предрасположенности держаться за свои обобщения, отстаивать свои убеждения, обижаться на их критику и не доверять или смеяться над теми, кто их не разделяет, следуя вместо них своим взглядам и традициям.

По всей видимости, нас до ужаса пугает непостоянство. Профессор Эдвард Л. Торндайк, выдающийся психолог, как-то раз начал своё обращение к государственной конвенции ассоциации образования с отступления о том, что он собирался сказать что-то, что *никто никогда* не говорил за двадцать пять лет, которые он посещал эти ежегодные собрания. «Мне стоит сказать», объявил он, «что я допустил ошибку».

«И это тоже пройдёт»

Склонность не признавать ошибки, гнаться за постоянством, поддерживать и отстаивать ранее принятые обобщения представляет лишь один аспект нашей более широкой склонности пренебрегать отличиями. Человек может изменить – иной раз радикально – сложившиеся убеждения, уделив внимание отличиям. Мы меняем взгляды, именно когда позволяем себе поразмыслить о случаях, когда здоровый аппендикс удаляют пациенту с «аппендицитом»; когда безработные люди, устроившись на работу, оказываются весьма компетентными

сотрудниками; когда дорогие одеяла изнашиваются медленнее дешёвых, и т. д. Мы держимся за прежние взгляды, потому что игнорируем такие случаи. Начав искать отличия вместо сходств, мы почти не можем сохранить наши обобщения, убеждения, предположения, и т. д. такими, какими когда-то их приняли. Не получится просто взять и прекратить находить или выдумывать новые идеи. Навык задавать вопросы: «Как эти вещи отличаются?», «Что я могу сделать иначе» служит одной из основных техник творческого мышления.

Этот навык требуется для оптимальной адаптации к реальности процессов, изменений, потоков с постоянно происходящими отличиями. Если в одну и ту же реку дважды не войти, то стоит прекратить пытаться это сделать. Если любовь во вторник отличается от любви в понедельник, то последствия ожиданий, что она останется прежней, могут варьироваться от простого разочарования до самоубийства. Если пища одного человека действует как яд на другого, то спешащий с обобщениями «повар» может представлять угрозу для общества. Если Джонс в возрасте двадцати пяти лет придерживается поступков Джонса пяти лет, его, вероятно, сочтут балбесом, скверным парнем, или «умственно» больным. Инфантилизм, неудавшиеся попытки повзрослеть, поменять взгляды и поведение адекватно возрасту, по-видимому, в разных степенях представляют собой почти универсальную форму дезадаптации в нашей цивилизации, где схожести ценят выше отличий, а переменам противятся. Мы противимся переменам как в детстве, так и в зрелости, на разных этапах социального развития, оставаясь инфантильными и культурно неразвитыми. Мы скучаем по золотому веку, ругаем новое поколение и ждём «коллапса цивилизации». Этот сценарий устарел, и его стоит принимать не как данное и не как «природу человека», а как культурное наследие.

В нашем обществе, встречая кого-то, с кем давно не виделись, мы говорим: «Вы совсем не изменились, выглядите в точности, как я вас помню», и считаем это комплиментом. «Синица в руках лучше журавля в небе», «Не мутите воду» и множество других традиционных изречений отражают укоренённый консерватизм и желание избегать перемен. Упрямство, с которым некоторые люди сопротивляются переменам, не так давно продемонстрировали так называемые «пылидельцы» — фермеры, отказавшиеся, даже за счёт правительства, переезжать в районы с более плодородной почвой. С. Хаякава говорил, что при въезде в новый видный особняк, нас в тайне охватывает тревога о том, что мы потеряли дом.

Авраам Линкольн учёл это традиционное недоверие к переменам в своём обращении 1859 года, за два года до начала Гражданской Войны США. Говоря об угрозе возникшего конфликта, — как мы можем предположить — в попытке внушить людям — и себе — уверенность и надежду, он рассказал им историю о китайском императоре, поручившем своему мудрейшему философу придумать высказывание, которое он мог бы уместно употребить по любому случаю. Философ предложил императору слова: «И это тоже пройдёт». Цитируя эти слова, Линкольн не поддержал их в полной мере: «Тем не менее, я надеюсь, что это отличается от истины». Он считал, что эта мысль шла против убеждений «разумных» людей. Он высказался против этой идеи в присутствии друзей и соотечественников, которые ожидали от него мудрых наставлений. Благодаря этому, Линкольн получил поддержку исторических сил. Ведь история перехода человека из века в век во многом состоит из упёртых сопротивлений и бегств от беспощадных лавин непрекращающихся преобразований.

Удивительная способность человека противиться неизбежному видится вдохновляющим, но в то же время, трагическим качеством. Стоит снова подчеркнуть, что борясь с переменами, человек не демонстрирует свою «природу», а скорее опирается на сказанное старейшинами; он ведёт себя так, как его научили, и просто соблюдает и передаёт традиции.

Отличия от науки

То же, словами китайского мудреца, мы можем сказать о традициях: «Они тоже пройдут»; возможно, раньше, чем мы предполагаем. Река Гераклита поднимается быстрее, выходит из берегов и заполняет долины. Это также не стоит считать чем-то самым собой разумеющимся. Для большей эффектности, мы поищем причину в истории одного человека, жившего не так давно в Италии. Благодаря ему, нынешний мир сильно отличается от прошлого.

Четырнадцатого февраля 1564 года, всего 382 года назад, в итальянском городе Пиза, в семье не самого толкового аристократа родился сын. Его назвали Галилео Галилей, но мы его обычно называем просто Галилей. Согласно истории, в возрасте семнадцати лет он поступил в Университет Пизы, чтобы изучать медицину и философские учения Аристотеля. Аристотель в те времена считался старейшиной среди старейшин. Это он, так сказать, соорудил плотину для нашей цивилизации, а Галилей первым проделал в этой плотине достаточно широкую дыру и, как мы увидим, не постеснялся это сделать. Почтенные последователи Аристотеля, включая церковь, подвергли его за это суровым наказаниям. Плотина, несмотря на то, насколько хорошо её построили и на то, как твёрдо она до сих пор в некоторых местах стоит, со временем осыпается и рушится, не в силах сдержать реку Гераклита.

Продолжим. Галилей поступил в Университет Пизы юношей семнадцати лет. Он не потратил много времени, чтобы вызвать разлад, подвергнув сомнениям догматические высказывания его наставников. С некоторых точек зрения, мы можем сказать, что этим он положил начало преобразования Аристотелевой, *до-научной* цивилизации. Вместе с Галилеем в мир пришло что-то новое, и изменило его навсегда до такой степени, что никто не пытался даже представить, как бы его удалось вернуть в прежнее состояние.

Галилей дал человечеству то, что мы сегодня привычно называем *наукой*. Она представляла собой точку зрения, общий метод, не вполне понятную штуковину, которую большинство не может постичь даже сегодня. Люди несомненно чувствуют её воздействие, пользуются её результатами, живут в новых, странных семантических средах, сложившихся под её влиянием. Для большинства, однако, наука остаётся тайной, покрытой мраком, и у многих одно только её упоминание вызывает недоверие.

Наука представляет собой образ поведения, при котором Слово подвергается опытной проверке, и по результатам этой проверки пересматривается; при этом, возрасту Слова или статусу тех, кто его защищает, не придаётся значения. Науку стоит справедливо считать молодым явлением в мире, ведь лишь около четырёхсот лет назад Галилей забрался на вершину Пизанской башни и провёл один из первых научных экспериментов, которым продемонстрировал, что тяжёлое ядро не падало быстрее лёгкого. Этот эксперимент пошатнул мир. Он показал не столько факт о падающих предметах, сколько новый метод решения проблем, основанный не на авторитете возраста или престиже, а на авторитете наблюдения и эксперимента. Он заставил Старейшин ёрзать на собственном троне, и с тех пор они уже никогда не смогут сидеть на нём прямо.

Несмотря на то, что со времён Галилея прошло уже около четырёхсот лет, во многих делах мы по-прежнему ориентируемся на авторитет старшинства, почтенных имён, статусных одежд, титулов и символов. Однако в истории расы такой период едва составит малую часть раннего утра. За это время земля увидела немало изменений, а они обычно набирают, нежели теряют, скорость. Влияние Старейшины в нашем мире всё ещё преобладает, но мир этот кажется ему всё страннее, а доверие к нему постепенно сменяется сомнениями. Теперь будущее цивилизации формирует наука, и мы, даже в наше время, можем научиться это ценить. В будущем к этому смогут легко и с энтузиазмом приспособиться наши дети.

Прежняя культура, *до-научная цивилизация*, заканчивается, и мудрость приобретает характер сожалений, участвуя в ускоряющемся переходе к *научной цивилизации*. Отчаявшиеся пророки, которые заявляют о смерти цивилизации и о том, что мы возвращаемся к мрачным временам средневековья, путают прогресс со смертью. Не стоит называть это новым началом для нас, потому что история не повторяется.

Старые и новые тенденции имеют отличия с интересными последствиями. Фундаментальное отличие уходящей ныне культуры заключается в том, что она основывалась на *статичном* понятии реальности, и поэтому предполагала неприятие перемен, завышенную оценку схожестей, глубокое уважение к широко принятым обобщениям, традициям, и авторитету Старейшины. В этих качествах, прежняя культура резко отличалась от восходящей научной культуры, основанной на *процессуальном* понятии реальности и предполагающей понимание склонности к переменам, высокую оценку отличий, критическое отношение к широко принятым обобщениям. В научной культуре мы проявляем склонность к убеждению, что из старых традиций следует вырастать, и ставим в авторитет систематические наблюдения и оценённый опыт – в этой культуре мы ценим науку, как *метод*.

Во всём этом особенно стоит подчеркнуть понятие процессуального характера реальности, которое считается одним из основных с научной точки зрения на мир и на человека. Великие законы науки – всегда подлежащие пересмотру – затрагивают непрекращающиеся процессы реальности, которые Макс Борн подходяще назвал «неугомонной вселенной». Основное назначение науки состоит не только в том, чтобы изучать эти процессы, и уж точно не в том, чтобы им противостоять, а скорее в том, чтобы их прогнозировать, и таким образом ими управлять, чтобы человек мог приспособиться к окружающему его великому и стремительному потоку природы, в котором он участвует. В научном образе жизни принимаем и осознаём перемены, потоки, процессы и отвергаем убеждения в том, что реальность стоит на месте, что под луной не происходит ничего нового, и что история повторяется.

Так же как специальные лабораторные методы, и как технология, наука позволяет нам в значительной мере переделывать наш материальный мир. Это же, однако, само по себе, в купе с до-научной «философией», может вымостить путь к трагедии – и об этом в нынешние времена стоит себе напоминать. Именно наука как *общеприменимый метод*, и как *ориентирование*, и не менее чем образ жизни, обещает нам средства, которыми мы можем научиться жить дружно в мире, которым себя окружили благодаря нашей пугающей находчивости.

Основа общей семантики

Общую семантику мы можем считать систематической попыткой сформулировать общеприменимые методы науки так, чтобы их удавалось применять не только в нескольких обособленных областях человеческого опыта, но и *общим образом* в повседневной жизни. В общей семантике наука интересуется нас не своими специальными лабораторными процедурами, точными измерениями и показаниями приборов, эзотерическими теориями о лунах Юпитера, формулами состава чистящих средств, выборкой фактов и статистическими данными о скорости ветра и оценками топливных запасов – не технологией – а общим методом и способом решать задачи, и при этом, надлежащее внимание мы уделяем языку науки.

Общая семантика следует традициям Галилея, Ньютона, Максвелла, Дарвина, Пастера, Павлова, Пирса, Рассела, Эйнштейна – традициям нарушать традиции согласно изменчивой реальности и человечеству. Тому, что люди от науки умеют делать с такой беспрецедентной эффективностью в своих технических лабораториях, общая семантика может научить делать в повседневной жизни, имея дело с проблемами общества, которые касаются всех нас.

Так как общая семантика происходит как дисциплина от науки, нам для начала стоит взглянуть на науку – в частности, на те её характеристики, которым мы придаём важность в общей семантике. Затем мы сможем внимательнее рассмотреть основные положения и процедуры общей семантики и научиться применять их эффективнее.

Глава~III Наука и личность

Наши общие трудности в социальной и личной адаптации говорят нам кое-что не только о нас самих, но и об особенностях культуры и семантических сред, в которых эти трудности возникают. Чтобы понять наши проблемы, нам потребуется осмотреться и ознакомиться с миром людей и значений, где крутятся наши жалобы и стенания.

В предыдущей главе мы разобрали, что наша культура большей частью традиционно остаётся *до-научной*. Тем не менее то, что мы называем наукой, за последние триста лет, и особенно за недавнее время, создало тенденции к переменам в наших привычных взглядах на мир и способах жить. По мере того как эта *научная* культура развивается, она вступает в конфликт с нашими традиционными институтами, убеждениями и привычками. Из этого конфликта вырастает множество наших личных и социальных проблем. Попытки сохранить прежние взгляды и традиции видятся более губительными, нежели усилия, направленные на то чтобы понять и извлечь пользу из течений в новых направлениях. За счёт понимания этих течений и понимания науки как основы ориентирования в жизни мы сможем добиться чувства надёжности и достижения, сейчас и в будущем. Следующие несколько страниц мы потратим с целью разобрать простыми, но важными словами значения и пути науки.

Наука, в том смысле, в котором мы употребляем этот термин, предполагает, как мы уже подчёркивали, фундаментальное понятие реальности как процесса. Процесс предполагает изменения в нас и в мире вокруг. Эти изменения идут непрерывно, но не всегда стабильно или постепенно. Иногда перемены могут происходить настолько медленно, что мы едва можем их заметить, а в других случаях, они могут течь стремительно и почти мгновенно.

Как правило, мы не наблюдаем процессы напрямую, а, скорее, делаем заключения о том, что они происходят. Например, летом в саду на дереве растут яблоки. В один день мы замечаем, что одно из яблок стало больше и имеет другой окрас. Мы *наблюдаем* отличия, а *подразумеваем* процессы, которыми объясняем отличия. Мы говорим, в этом случае, о процессах роста и о том, что яблоко *зреет*. Мы, в действительности, не видим рост и созревание; мы делаем заключение из того, что видим. То, что мы видим, представляет собой *ряд отличий* в том, как яблоко выглядит день ото дня. Мы можем посмотреть на яблоко в один день и отметить, что оно отличается, но всё равно остаётся «тем же самым» яблоком, которое мы видели несколькими днями ранее. Мы видим тоже самое яблоко, но другое! Здесь мы встречаем любопытную проблему. Как две вещи могут меняться, оставаясь одинаковыми?

Это кажется странным, но мы можем обосновать то, что называем разные вещи одинаковыми, а одинаковые вещи – разными. Это зависит от того, как мы на них реагируем.

Мы знаем, что наши традиционные взгляды склоняют нас обращать внимание и придавать значение схожестям и не замечать или умахать отличия. Мы научились видеть некоторые разные вещи одинаковыми и ожидать, что некая отдельная вещь продолжит оставаться прежней. Исходя из этого, мы можем говорить о нашем расположении как о *статическом* ориентировании. Оно показывает, что мы не предполагаем, что реальность постоянно изменяется. Мы говорим и думаем так, будто реальность обладает неизменным характером, стабильностью, постоянством, и не видим нужды проявлять гибкость или склонность меняться.

Научный строй

Это стоит учесть и запомнить, потому что мы подошли немного ближе к тому, что мы имеем в виду под наукой. Научный строй представляет *динамическое или процессуальное* ориентирование. При научном строе мышления, мы проявляем склонность реагировать на вещи, которые кажутся одинаковыми, предполагая в них также отличия. Начиная с предположения, что реальность не стоит на месте, а происходит как процесс, мы готовимся встречать отличия, потому что в процессуальной реальности, никакие две вещи не остаются одинаковыми, и никакая одна вещь не остаётся прежней. В соответствии с этим, мы формируем наши ожидания и настраиваем себя так, чтобы уделить внимание, прежде всего, отличиям.

Такой строй мышления практикует опытный врач, перед которым стоит задача поставить диагноз. Он видит отличия между симптомами, или между пациентами, которые выглядят похожими, как две бутылки молока, для невооружённого глаза. Сначала он определяет, чем пациент не болеет, тем самым устанавливая важные отношения, в которых пациент отличается от как можно большего числа пациентов. Затем по своим способностям он даёт недугу пациента наиболее конкретное и узко определённое название, и делает он это, только после того как заключил, что пациент не отличается коренным образом от других пациентов, недугам которых дали то же название. На этом он не останавливается. Дав болезни название – дифференцируя её тем самым от других болезней – опытный врач не подходит к *данному* случаю, будто он в точности повторяет все другие случаи. Он смотрит на конкретного пациента, на условия проявления у него болезни, на его реакции, интересы, привычки, на то, что делает медсестра, и что делают друзья и родственники, которые его навещают, и на множество других подробностей, отличающих *этого* пациента от всякого другого с «той же» болезнью. Врач, который говорит – и не врёт – что не существует двух одинаковых больных, и который лечит не только болезнь, но и пациента, обладает научным строем мышления.

Заметим, что когда такой врач распознаёт схожесть между двумя пациентами или симптомами, этой схожести, скорее всего, стоит придать важности. Он не станет записывать её в список схожестей до тех пор, пока он не заключил, что присутствующие отличия – и они всегда присутствуют – не играют ключевую роль. В сущности, для научно-ориентированного врача или любого научно-ориентированного человека, *схожесть состоит из отличий, которые в данном случае, по-видимому, ни на что не влияют*. Чтобы считать отличие отличием, нам следует увидеть как оно влияет и меняет ход события – и только если оно этого не делает, мы можем строить предположения о схожести.

С этим соображением, мы можем шагнуть дальше. Когда учёный говорит, что две вещи сходятся, он подразумевает, что не видит необходимости при данных обстоятельствах или с данными целями учитывать некоторые отличия между ними. Например, два разные по размеру и форме алмаза, могут сходиться в контексте изготовления из них конкретного режущего инструмента. Учёный также учитывает схожесть для того чтобы отличать схожие вещи от всего остального, опять же, с определёнными целями. То, что алмазы сходятся в определённых отношениях – например, своей режущей способностью – имеет значение, потому что именно в этих отношениях алмазы отличаются от других материалов. Таким образом, схожесть представляет интерес для учёного тем, что она меняет положение вещей, ход событий или точку зрения относительно некой цели. На практике учёный, занимающийся физическими заболеваниями, камнями, речевыми дефектами, алмазами, или чем-либо ещё, прежде всего, занимается поиском и нахождением отличий.

Учёный ищет схожести, чтобы делать обобщения. Он пытается разобрать хаотичные факты, чтобы сгруппировать их наиболее полезным образом. Он ищет важные отношения между разными событиями, и его достижения составляют широкие теории или общеприменимые

законы. Чем более общим характером обладают сформулированные им законы, тем большую важность им придают, – если они согласуются с фактами – потому что они позволяют ему объяснять прошедшие события и прогнозировать ещё не произошедшие. Учёные становятся известными именно благодаря своим широко обобщающим формулировкам.

Результаты науки, однако, не стоит путать с процедурами науки. Для того чтобы прийти к той или иной классификации, придётся, прежде всего, распознать вещи, которые *не* сочетаются друг с другом, иными словами, у которых не наблюдается значимых отношений или схожестей. Увидеть, что разные вещи каким-то образом сходятся, не составляет труда; это может сделать даже младенец, и делает это часто. Мы можем создать важные и полезные классификации, рассматривая вещи внимательнее, чтобы увидеть тонкие аспекты, которыми похожие для неподготовленного взгляда вещи в действительности отличаются. Учёные выводят обобщающие законы, не исходя из предположения о том, что «исключения подтверждают правила»; их не устраивают правила с большим числом исключений, потому что эти исключения правила не подтверждают. Они, как раз таки, обычно его опровергают. Компетентный учёный уделяет внимание исключениям – примерам, которые отличаются от рядовых или усреднённых. Именно благодаря изучению этих отличий и их объяснению он может подойти к формулировке общего закона. Например, медицинскому исследователю обязательно следует знать подробности отличий среди разных микробов, переносящих болезни, перед тем как он сможет сформулировать разумную общую теорию о микробах.

Здесь стоит подчеркнуть ещё один важный момент. Строгий учёный не доверяет своим обобщениям, теориям и законам в полной мере. С его точки зрения, они всегда подлежат пересмотру. Не смотря на то, что с виду он склоняется к тем или иным обобщениям, на самом деле, он специально пересматривает уже установленные обобщения. Каждый эксперимент, который он проводит, подготавливается не с целью *доказать* верность его гипотезы или убеждения, а чтобы найти что-то, что могло бы показать их ошибочность. Под теорией учёный предполагает неотъемлемую необходимость её *проверить*. Он пытается не отстоять свои убеждения, а улучшить их. Учёный как никто другой умеет отбрасывать старые убеждения в пользу новых, более полезных.

Адаптируемость

Описать, как научно-ориентированный индивидуум настраивает себя на жизнь, мы можем следующим образом. Он ищет новое, исключительное, смотрит на тонкие перемены оттенков в проявлениях мира вокруг него, в самом себе и в своих социальных отношениях. В этих качествах он отличается от до-научно-ориентированного индивидуума, который настраивает себя на распознавание схожестей или тождеств, разливают новое вино по старым бутылкам, быстро приходит к обобщениям, уходит от которых не торопится. Конечно, не все люди, которых мы называем учёными ведут себя согласно приведённому образу; многие из них проявляют склонность защищать существующие выводы и отвергать новые, возможно, более разумные выводы. Вне стен своих лабораторий, некоторые так называемые «учёные» демонстрируют не меньшую статичность в своих точках зрения, чем те, кого учёными не называют. Случается и так, что большинство людей, которые не считают себя научно-ориентированными, не всегда практикуют полную статичность в своём жизненном ориентировании; если бы они её практиковали, то смогли бы оправданно ожидать терпимого отношения общества, или даже просто, выживать. Человек хоть в какой-нибудь мере не готовый к переменам в мире или в себе, не смог бы отвечать требованиям существования.

Заметим также, что выживать с трудом пришлось бы и слишком изменчивому, чрезмерно непостоянному человеку, податливому любому шансу и дуновению ветра обстоятельств.

Такая крайность считалась бы не менее патологической, чем описанная выше. Желательным видится то, что мы могли бы назвать термином реалистичная, оптимальная, «достаточная» степень адаптируемости.

Мы можем это представить с помощью чисел. Предположим, что наша оптимальная степень адаптированности выражается значением 10. Затем, предположим, что мир или реальность, изменяется разными способами, выраженными числами в правом столбце, ниже. Изменения необходимые индивидууму, если он хочет оставаться оптимально приспособленным, мы выразим числами в левом столбце; так, у нас получается следующее:

Изменения в индивидууме	Оптимальная Адаптация	Изменения в реальности
2	10	8
5	10	5
1	10	9
3	10	7
7	10	3

Два числа в правом и левом столбцах, 2 и 8, при сложении дают 10; то же происходит и с двумя следующими числами, 5 и 5, и т. д. Иными словами, в этой таблице мы показываем, что оптимальная адаптация достигается, когда индивидуум меняет свои убеждения, поведение и т. д. таким образом, чтобы подстроиться к изменениям реальности, к которой ему требуется приспособливаться. Если человек отказывается подстраиваться к этим изменениям в реальности, его слабую адаптацию мы можем выразить следующим образом:

Склонность к постоянству в индивидууме	Недостаток адаптируемости	Изменения в реальности
2	10	8
2	7	5
2	11	9
2	9	7
2	5	3

Приведём в качестве примера жену с застывшими представлениями о том, каким «должен быть» муж; как «принципиальная женщина», она отказывается менять свои представления, чтобы они согласовывались с действительностью настоящего, живого мужа, которого она видит каждое утро за завтраком. Или, к примеру, консерватор или реакционер, включая тех, которые зовут себя либералами или радикалами, кто верит, верил и продолжит верить во что бы он не верил, независимо от любых фактов, которые отличают 1946 год от 1910. Мы можем назвать такого рода позиции «менталитетом по Линии Мажино».

С другой стороны, индивидуум, который меняет свои убеждения и поведение без видимых причин в той или иной степени, не учитывая факты, к которым ему следует приспособливаться, тоже не может достичь или поддерживать оптимальную адаптируемость:

Чрезмерное непостоянство индивидуума	Недостаток адаптируемости	Изменения в реальности
2	10	8
3	8	5
6	15	9
2	9	7
8	11	3

Здесь мы говорим о поверхностном энтузиасте, увлечённом новыми трендами, падком на новейшие экономические панацеи и любые общественные движения – любителей начёсывать волосы на глаз или есть хрустящие ржаные хлебцы – не из глубокого интереса или со зрелой осознанностью, а, как правило, от скукоты, порыва или желания попасть в компанию. Такой представляется инфантильная личность с симптомами тревожности.

Таким образом, мы можем представить две крайности дезадаптированности или более или менее идеальную форму оптимальной приспособленности. Не многие люди строго проявляют соответствие с одной или другой крайностью, или же с идеалом. Чаще мы варьируемся по континууму, как на Рис. 1.

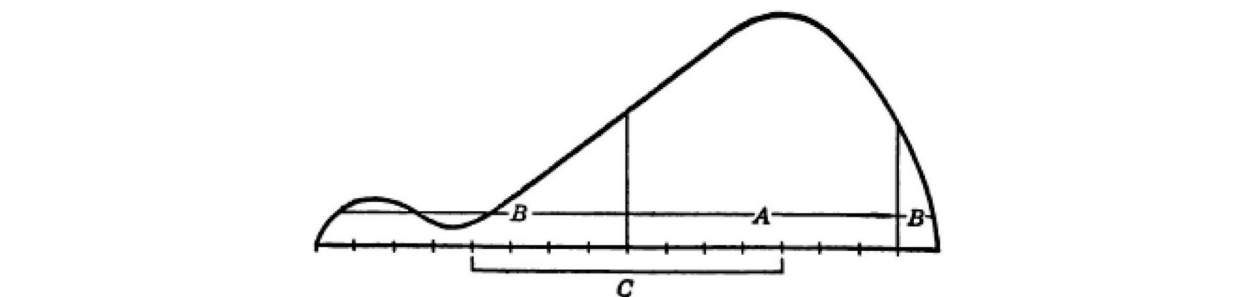
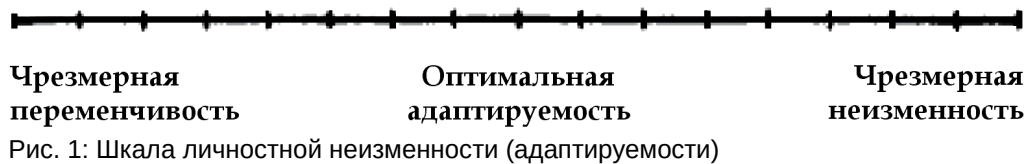

Рис. 2: Предполагаемая кривая (не основанная на действительных данных) распределения индивидуумов в до-научной культуре в отношении адаптируемости. Отрезок А представляет тех людей, которые в данной культуре считаются «нормальными». Отрезки В представляют индивидуумов, которых считают дезадаптированными в том, что они слишком часто меняются (в левой области шкалы) или слишком редко меняются (в правой области шкалы). Отрезок С представляет тех индивидуумов, которые бы считались «нормальными» в научной культуре.

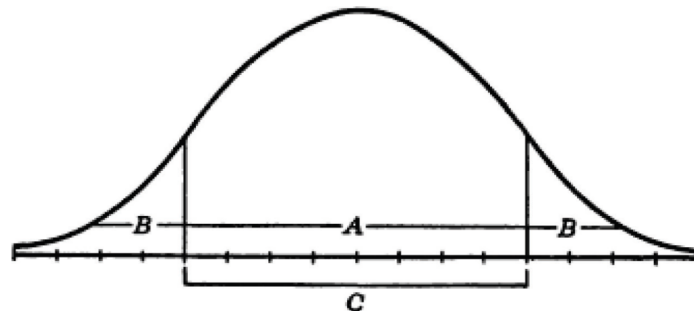

Рис. 3: Предполагаемая кривая (не основанная на действительных данных) распределения индивидуумов в научной культуре в отношении адаптируемости. Отрезки А и С представляют тех людей, которые в данной культуре считались бы «нормальными». Отрезок В представляет индивидуумов, которых бы считали дезадаптированными из-за слишком сильной склонности к переменам (в левой области шкалы) или недостаточной склонности к переменам (в правой области шкалы).

В нашей культуре, большинство людей, вероятно, склоняются к правому краю континуума. Если бы мы могли оценить каждого из нас таким способом и построить кривую на основе этих данных, она бы выглядела примерно как на Рис. 2. В культуре, которая в должной мере адаптировала бы научное ориентирование, кривая выглядела бы как на Рис. 3.

Под каждой кривой, в пределах области, обозначенной буквой А находятся те люди, которых считают наиболее нормальными, или наиболее представительными. Их обычно называют «нормальными» или «хорошими» людьми. Значительная часть тех, кого считают

нормальными в нашей культуре (Рис. 2), таковыми не считали бы в научной культуре (Рис. 3), потому что, по научным стандартам, они бы считались слишком закрытыми к переменам.

Под каждой кривой располагаются две области, на краях шкалы, обозначенные *В*. В этих областях пребывают индивидуумы, которые считаются ненормальными или патологическими – крайне дезадаптированными. Они располагаются по-разному на Рис. 2 и Рис. 3, потому что потребовалась бы меньшая степень неизменности или, в некотором роде, бо́льшая степень изменчивости, чтобы считаться патологическим в научном сообществе.

На Рис. 2 и на Рис. 3 мы также видим область *С*. Она охватывает снизу отрезок шкалы, который представляет оптимальную адаптируемость. В нашей культуре мы не всегда считаем её патологической, но на неё часто смотрят, как на что-то необычное, и даже «странное». Поведение при оптимальной адаптируемости не обязательно порицается, но иногда его не совсем понимают, и оно не всегда нравится, например, избирателям. В научном обществе (Рис. 3) такое поведение проявлялось бы большинством и считалось бы нормальным.

Наука и личностная адаптация

Мы можем рассматривать науку как метод адаптации. В этом смысле мы пользуемся этим словом, и в этом же смысле общая семантика представляет научное ориентирование в жизни. С такой точки зрения, мы заметим, что поведение научно-ориентированного человека характеризуется гибкостью и склонностью меняться по обстоятельствам. Адаптация в процессуальной реальности состоит из множества адаптаций. Наиболее распространённая форма недостаточной адаптации складывается из чрезмерной однородности, ригидности и стабильности, которые не дают возможности с готовностью иметь дело с требованиями меняющихся ситуаций, особенно учитывая простой факт, что мы стареем день ото дня.

В развитых областях физики, химии, геологии и т. д., удастся найти конкретные применения общего метода науки. Однако, если мы думаем, что наука ограничивается только этими областями и заперается в лабораториях, придающих им важности, мы упускаем важный для нас, как для индивидуумов, так и для общества момент – то, что делает физик, химик, геолог и т. д. могут делать и все остальные теми или иными способами в повседневной жизни.

Главная мысль этой книги заключается в том, что науку – если её ясно понимать – удаётся применять в повседневной жизни в качестве почвы для миролюбивого человека и эффективной жизни. Это звучит неправдоподобно из-за того, как мы науку определяем.

Значения науки

Термин *наука* имеет, по меньшей мере, шесть общих значений. Он обозначает, прежде всего – и это, скорее всего, не так широко признаётся – строй мышления или ориентирование в реальности, которое мы обсудили выше. Базовое научное предположение состоит в том, что реальность обладает характером процесса; не допускать такого предположения, означает аннулировать всякую цель и назначение того, чем наука занимается. В идеально статичном мире для идеальной адаптации требовалась бы лишь хорошая память, которой обладали бы все, если мы вообще можем говорить о памяти в мире, в котором вчера и завтра оставались бы тождественными. Научно-ориентированного, адаптированного или здравомыслящего человека характеризует не столько определённые убеждения, привычки или отношение к чему-либо, а скорее умение их изменять в ответ на возникающие обстоятельства. Он меняется с готовностью в отличие от ригидного, догматичного, смиренного индивидуума, который с не меньшей готовностью отстаивает свои убеждения.

Существуют другие значения слова *наука*, которые не показывают, как мы могли бы пользоваться наукой в повседневной жизни – именно эти значения большинство из нас чаще всего

подразумевает. Например, термин *наука* часто используется для обозначения некоторых техник, в которых используются всяческие устройства. Если человек проводит время за применением таких устройств или техник, мы называем его учёным. Адекватнее стоило бы называть такого человека техником. Человек может обладать хорошими навыками работы с рентгенографическим аппаратом, но не обладать тем, что мы называли научным строем мышления. Между тем, многие из наших самых выдающихся учёных не всегда обладают достаточной компетентностью или опытом для работы с техническим оборудованием на уровне техника. Эйнштейн, которого мы считаем одним из самых выдающихся учёных, насколько я знаю, не провёл ни одного лабораторного эксперимента в своей жизни. Индивидуумов, обладающих талантом в работе с техническими аппаратами, удаётся без труда чётко отличить от учёных, и называть их, например, «технарями». Такой термин не обязательно считается пренебрежительным; компетентные технари приносят много пользы. Он лишь термин помогает провести чёткую грань отличия.

В третьем случае мы часто определяем науку с точки зрения «естественных наук», иными словами, когда мы подразумеваем физику, биологию, химию, инженерное дело или другую область науки. Мы подразумеваем нечто подобное, когда говорим о курсах в учебных заведениях, в которые входит изучение таких областей науки. С такой точки зрения может показаться, что помимо этих конкретных областей, наука больше нигде не встречается. Возможно, многие из нас читали или слышали где-то, что научный подход не получается применять к социальным, экономическим или моральным проблемам. В этом случае имеется в виду, что не получится обеспечить занятость населения или счастье в семьях с помощью ускорителей частиц или закона Бойля-Мариотта. Это представляется вполне очевидным, но не означает, что человек не может пользоваться наукой, чтобы делать такие вещи.

В четвёртом случае, мы употребляем слово наука, когда говорим о научном знании. Для многих людей наука, в сущности, представляет собой свод знаний. Рекламщики могут привлечь внимание таких людей, если назовут что-то «научным фактом». Рассказы о науке в журналах и на радио обычно предлагают информацию (и дезинформацию), которую якобы получили стараниями людей в лаборатории. Попытки ознакомиться с такими рассказами с целью узнать, как информацию получили, или узнать подробности процедуры, которой определили надёжность такой информации, обычно ведут в никуда. В школьных учебниках о науке мы обычно находим усложнённые без особой надобности варианты надёжных высказываний о воде, огне, земле и воздухе. Учащийся не всегда может выработать должное понимание того, чем собственно учёные занимаются, или как они понимают, что и как им делать, или как их действия влияют на общество, или на кого-либо. В итоге учащийся не может также понять, что он может пользоваться наукой в своей повседневной жизни.

Термин *наука* довольно широко употребляют, говоря не о фактической информации или технических данных, а о теориях и законах, например, о законе тяготения Ньютона или о теории относительности Эйнштейна. В этом случае, наука состоит из непонятных длинных слов и математических уравнений, по-видимому, никак не связанных с повседневной жизнью. С этой точки зрения, вам следует знать математику, чтобы знать, о чём говорят учёные. Люди обычно считают, такого рода теории «выше своего понимания». Если, вдобавок, те же люди не подразумевают под наукой ничего иного, они, скорее всего, не проникнутся к ней глубоким интересом и не узнают о её возможностях.

Существует и более полезное употребление этого слова, и следующие несколько глав мы посвятим подробностям такого употребления. Мы можем считать науку, как мы уже говорили, общим практическим методом адаптации. Наука как *метод* в этом общем смысле не ограничивается лабораториями и не имеет статуса привилегии бородатых людей в белых халатах,

которые вглядываются в содержимое пробирок и разговаривают шестислоговыми словами. Мы можем рассматривать её просто, как организованный здравый смысл, или как метод, с помощью которого обычные люди в своих повседневных жизнях могут предупреждать шок и разочарование, избегать и разрешать серьёзные конфликты, повышать эффективность жизни, иными словами, оставаться в здравом уме.

Называть это здравым смыслом [дословно, общими знаниями], подразумевая, что доступ к нему и контроль над ним имеет большинство людей, видится ошибочным. Высказывания, исходящие из такого здравого смысла, обычно воспринимаются как очевидные, особенно, если сопровождаются демонстрацией. Иной раз вещи могут показаться настолько очевидными, что приходится прикладывать усилия, чтобы случайно их не проигнорировать. Едва ли получается научиться чему-то с бóльшим трудом, чем тому, что мы называем очевидным. Это кажется обучением ничего не делать, и поэтому такое обучение требует особенной фокусировки внимания. По словам многих опытных преподавателей плавания, большинству людей с трудом удаётся научиться держаться на воде, по всей видимости, потому что учиться здесь ничему не приходится. Для того чтобы просто держаться на воде, требуется ничего не делать. Следует учиться не делать ничего, что мешает держаться на воде.

Похожим образом происходит и обучение общей семантике, иными словами, обучение научному ориентированию. Здесь приходится узнавать о том, что мешает достигать оптимальной адаптации и поддерживать её. Наука как метод представляет собой вполне естественное для человека поведение. Следует лишь дать себе разрешение или шанс его проявить. Такое обучение в немалой мере состоит из переобучения, или, если начинать с малых лет – из не обучения тому, что не позволяет функционировать эффективно. Многие из нас не всегда осознают, сколько ложной информации и неразумных теорий мы принимаем. Смышлёный ребёнок может учиться хорошо поступать глупо. Возможно, правду говорят, что конфету не удастся сделать из фекалий (хотя, как отметил Джордж Стоддард, её получится сделать из того, что мы считаем фекалиями), но куда правдивее видется то, что из конфеты фекалии мы сделать можем. Существует такая вещь как усвоенная неэффективность или культивированный ступор. Психиатр, доктор Адольф Мейер из Университета Джона Хопкинса, сказал, что большинство людей страдает не от невежества, а от избытка ошибочных знаний. В обучении таких людей важную роль играет забывание усвоенной дезинформации и неэффективности; забывать их, как правило, приходится с трудом.

В придачу к забыванию, необходимому учащимся общей семантики или научного метода, им также требуется учиться очевидному. Как правило, люди реагируют на то, что мы клеймим очевидным, двумя расхожими способами. Во-первых, нам кажется, будто мы всегда это знали и не верится, что мы могли это пропустить. Во-вторых, очевидное кажется нам неважным, потому что нам не составляет труда его «понять». В обоих случаях мы обычно не поддерживаем на очевидном внимание, проводим мало времени (если вообще проводим) в раздумьях над ним и в итоге не видим связанных последствий. Например, возможно, любому из нас поднятие руки покажется простым и очевидным. Ну, как вы поднимаете руку?

Позволим себе отметить, что большинство изобретений и научных прорывов в наших знаниях в основном следовало за открытием очевидного. Колесо, рычаг, булавка; законы Менделя о передаче наследственных признаков, которые служат обобщениями его экспериментов по выращиванию гороха; отчёты Павлова о поведении собак, так сильно повлиявшие на современную психологию; наблюдения Фрейда за невротическим поведением; заключения Джозефа Листера об антисептических методах – эти и тысячи других примеров достижений людей, не посчитавших что-то самим собой разумеющимся и решили «перепроверить». Вещи, которые мы не замечали долгое время, кажутся нам простыми и очевидными, если кто-

то обратит на них наше внимание. Из-за этого мы вырабатываем иллюзию, будто всегда о них знали. Это стоит одной из самых высоких преград на пути обучения.

Основные составляющие науки как метода

С этим предостережением мы можем кратко рассмотреть некоторые из наиболее очевидных – но очень важных и не широко применяемых – составляющих научного метода.

Очень кратко мы можем сказать, что метод науки состоит из (а) формулировки ясных и чётких вопросов, ответы на которые мы получаем, проведя (б) и составив отчёт о наблюдениях в спокойной и минимально предвзятой манере, после чего (с) сформулировать ответы с максимальной точностью так, чтобы они согласовывались с вопросами, заданными в начале, после чего любые уместные убеждения или предположения, предшествующие наблюдениям, следует пересмотреть в соответствии с проведёнными наблюдениями и полученными ответами. После этого мы можем задать новые вопросы, основанные на пересмотренных понятиях, провести новые наблюдения, прийти к новым ответам, пересмотреть имеющиеся предположения, а потом начать этот процесс снова. Наука как метод представляет собой непрекращающийся процесс, в котором любые выводы остаются предметом пересмотра. При таком методе поддерживается актуальность информации, убеждений и теорий. Этот метод, прежде всего, заключается в достаточно частом изменении точки зрения.

Это краткое резюме научного метода включает четыре основных шага, и *три из них реализуются применением языка*: формулировка вопросов, направляющих наблюдения, отчёт о наблюдениях, способствующий ответам на вопросы, и пересмотр убеждений и предположений в соответствии с полученными ответами. Вещи, которые мы привычно ассоциируем с научной работой – в которой применяются различные устройства и процедуры измерения – составляют лишь один шаг, который, в той или иной мере, могут выполнить техники или лабораторные ассистенты, если учёный скажет им какими устройствами или техниками пользоваться. Ассистенты также занимаются записью наблюдений и сведением таблиц по достаточно простым инструкциям. Однако, когда дело доходит до формулировки вопросов и теоретических заключений, учёного на своём месте подменить никто не может. Он делает свою работу, и она требует способности пользоваться языком определённым образом и с должной степенью эффективности. *Язык науки служит основной частью метода науки. Подобным образом, язык здравомыслия служит основной частью здравомыслия.*

Об этом языке стоит сказать две важные вещи. Мы хотим в нём ясности и надёжности. Его грамматическая «правильность» играет лишь второстепенную роль; человек может писать грамматически «правильно» но не достигать ясности или надёжности. Пользуясь научным языком, не требуется соблюдать хороший стиль с точки зрения литературной критики, но этого никто не запрещает. По меньшей мере, мы можем согласиться, что существует множество интересных и увлекательных научных книг. Например, первые пятьдесят страниц книги Эйнштейна под названием *Относительность* стоит рекомендовать старшеклассникам и студентам колледжей в качестве примера сочинения на английском языке.

Язык науки и здравомыслия

Существует один очень важный принцип в том, какой язык подходит для научного использования: *им следует пользоваться содержательно* – так чтобы высказывания ссылались прямо или непрямо (посредством взаимосвязанных определений) на что-то в мире опыта. Нам не хватает того, чтобы они ссылались на что-то для говорящего и на что-то для слушателя. Нам требуется, чтобы они ссылались на приблизительно одно и то же для обоих. В содержательном разговоре человек не просто общается, а передаёт что-то кому-то, и это

что-то, при этом, представляет собой не употреблённые слова, а то, на что этими словами ссылаются. Успешность коммуникации, в данном случае, удастся измерить степенью того, насколько слова представляют одно и то же для слушателя и для говорящего. При этом, степень, в которой это происходит, мы считаем показателем ясности – одной из основных характеристик – научного языка, как письменного, так и устного.

Ясность играет важную роль в языке науки, потому что она служит необходимым условием для обоснованности высказываний. Стоит учесть, что высказывания, составленные «изящно» и грамматически правильно, могут не нести никакого фактического смысла. В других случаях они могут что-то значить, но оставаться туманными, или звучать точно, но не иметь под собой почвы. В научных высказываниях – тех, что служат адекватной адаптации – нам требуется и ясность, и обоснованность. Их удастся составить ясно без оснований, но если их составили неясно, их обоснованность не удастся определить. Поэтому, прежде всего, мы хотим в них ясности или фактической значимости, прежде чем мы поднимем вопрос об их обоснованности. Мы спрашиваем: «Что вы имеете в виду?», перед тем, как спросить: «Откуда вы знаете?» До тех пор пока мы не согласуем то, о чём в точности говорит человек, мы не можем согласовать степень относительной истинности его высказываний.

Только степень согласованности участников общения с конкретными условиями или наблюдениями, которые требуются, чтобы выяснить обоснованность высказывания, может придать значение вопросу о его обоснованности; степень их согласованности служит показателем степени ясности или значимости высказывания. Если слушатель совсем не может согласовать вопрос о том, как удалось бы данное высказывание проверить или опровергнуть, то высказывание, «изящное», «красноречивое» или грамматически безукоризненное, не несёт смысла. Мы не можем показать обоснованность или необоснованность этого высказывания, и поэтому смысл оно имеет только для его автора и его психиатра. Иной раз, оно представляет собой не более, чем шум, поданный с соблюдением ритма и мелодики, собранный из более или менее знакомых слов, но в целом, не более фактически значимый, чем дребезг парового радиатора.

Примером такого шума служит высказывание доктора Панглосса в произведении Вольтера *Кандид, или Оптимизм*: «из всех возможных миров, этот – [есть] самый лучший». Чтобы понять, о чём говорить в этом высказывании, придётся провести немало времени за исследованиями. Что, например, Вольтеровский доктор подразумевает по *этим* миром? Он имеет в виду мир, как он его знает, или мир для «всех», или то, как мир испытывают определённые люди; или он имеет в виду только часть мира, какой бы её мог кто-либо испытывать? Под глаголом *быть* [который в русском языке опускается] он подразумевает то, каким мы находим мир, или общие возможности того, каким мы можем его найти? В своём высказывании он также употребил слова *лучший, возможный, миры*; и стоит ли упоминать слово *все*? Это высказывание не приходится долго рассматривать, чтобы понять, что оно попусту шумит не меньше, чем строчки Льюиса Кэрролла: «Варкалось. Хливкие шорьки Пырялись по наве».¹ В связи с этим, стоит также вспомнить сообщение от издательства Associated Press 1939 года из Вашингтона: «когда секретаря, Стивена Эрли, попросили растолковать высказывание в президентском послании о том, что США не принимали политического участия в Европе, Эрли ответил, что в этом высказывании имелось в виду то, что в нём говорилось».

Вопросы без ответов

То, что мы сказали выше об утвердительных высказываниях, подобным образом, и в большей мере, касается вопросов. В значимом применении языка мы строго придерживаемся

---

1. Перевод Д. Орловской

правила: *терминологией вопроса определяется терминология ответа*. На туманный вопрос не удастся получить ясного ответа. Язык науки отличается тем, что он строится на адекватно составленных вопросах. Важнейшую часть любого научного эксперимента составляет формулировка вопроса, на который эксперимент может помочь найти ответ, и если вопрос сформулировали нечётко, из эксперимента не получится вывести точных данных. Поставив вопрос чётко, мы видим средства, которыми сможем на него ответить. В таком вопросе учитываются конкретные наблюдения и условия их проведения. Как кто-то довольно справедливо отметил, дурак знает все ответы, и вопросов не задаёт.

Индивидуумы, страдающие от дезадаптации, особенно грешат туманностью вопросов, которые настойчиво себе задают. Они очень хотят получить ответы, но не могут, сколько бы бессонных ночей им это ни стоило. Не могут, не от «глупости», или от того, что «мир слишком сложен», как многим из них кажется, а в большей степени, от того, что они ставят свои вопросы так, что никакого гениального ума не хватит, чтобы на них ответить. Стоит им высказать свои вопросы в ясной и точной форме, как они могут сразу обнаружить, что их напряжения начинают отпускать. Они понимают, что знали ответы всё это время, но не знали, что именно эти ответы они искали, потому что их туманные вопросы заволокли обзор.

Как-то раз мне пришло письмо от председателя женского клуба, из которого я узнал, что среди участников возникли споры, которые никак не получилось разрешить. Участникам, оказавшимся в тупике, пришлось искать помощи среди людей вне их клуба. В своих обсуждениях они пытались прийти к ответу на вопрос: «Одержит ли верх демократия над религией?» Он каким-то образом возник в ходе одного из их учебных проектов. Председатель сказала, что они бы хотели получить научный ответ на свой вопрос. В последующих письмах я постарался объяснить им, что они задали вопрос, на который не представляется возможным ответить. Его составили из знакомых слов, поставили в конце него знак вопроса, и поэтому они сочли, что естественно, кто-то как-то дал бы на него ответ.

Прежде всего, в своём вопросе они никак не обозначили время. Под *одержит* они могли бы подразумевать события на следующей неделе, в следующем году, или через десять тысяч лет. Они также не обозначили, какую ситуацию они подразумевали, в которой что-то над чем-то одерживает верх с точки зрения действительного опыта. Помимо этого, любой, кто пробовал обозначить хотя бы с некоторой ясностью, что следует подразумевать под *демократией* или *религией*, скорее всего, заметит проблемы с формулировкой этого вопроса. Проблема здесь не заключается в том, что эти слова «ничего не значат». Скорее, наоборот – они значат слишком много. Они едва ли не обозначают «все вещи для всех людей». Следовательно, ответить на такой вопрос следовало бы: «всегда для всех людей». В довесок, члены клуба хотели получить один ответ, *правильный*. Вопрос, в той форме, в которой они его задали, может иметь множество ответов, тысячи, но никак не один. Если бы они спросили: «Как мы можем соотнести группы людей на городских собраниях, которые ходят в церковь и которые не ходят в церковь?», они могли бы прийти к достаточно ясным ответам. С их изначальным вопросом, не получается даже понять, это они пытались выяснить, или что-то другое. Им бы стоило это согласовать, перед тем как начинать задавать вопросы.

Пожалуй, ничто так не освобождает и не проясняет разум, как понимание, что мы задаём вопросы, на которые *не сможем ответить*. Проблема состоит не в том, что у нас не хватает информации или интеллектуальных способностей, чтобы прийти к ответу, а в том, что задавая такие вопросы, мы не предполагаем, какая информация или способности нам потребуются, чтобы сформулировать ответы. Люди, которые уверенно отвечают на такие вопросы или настойчиво пытаются найти на них ответ, этим самым показывают недостаток интеллектуальных способностей. Как только мы пришли к тому, что формулировкой заданного

вопроса мы не позволяем себе на него ответить, добавить остаётся нечего, и мы избавляемся от бесплодного вопроса.

Когда мы спрашиваем, например: «В чём секрет успеха?», мы, скорее всего, можем испытать раздражение, или даже счесть оскорблением, то, что наш вопрос называют нон-сенсом, пустым звуком, или говорят, что на него не никак не получится ответить. Если нас попросят переформулировать вопрос без слов *секрет* и *успех*, такая просьба может нас смутить, и перед тем как до нас начнёт что-то доходить, мы скорее всего возразим, что не нуждаемся ни в каких других словах, потому что мы хотим узнать в точности о том, что спросили: «В чём секрет успеха?»

За гранью таких вербальных кругов лежит мудрость; мы заступаем за эту грань, просто обозначая их бессмысленными, и остаёмся за ней, задавая ясные вопросы, в которых учитываем, где и когда нам следует искать ответы. Это составляет основу любого эффективного метода исследования, без которой не имеет смысла надеяться получить ответы о толковой общественной политике или личностной адаптации.

Люди впустую тратят колоссальное количество энергии в настойчивых попытках дать достоверные ответы на неясные и бессмысленные вопросы. В чём мы можем оправданно обвинить нашу систему образования, так это в том, что в ней учащимся дают ответы, но едва ли направляют эту систему на обучение навыкам задавать вопросы, которые бы эффективно направили их к исследованиям и оценке. В такой системе, учащегося ставят в одну точку зрения и не показывают, как пройти к другим, когда это потребуется. Любая попытка улучшить нашу систему образования, в которую не входит понимание этого недостатка, скорее всего, не приведёт к значительным улучшениям. Более того, любая попытка переобучить дезадаптированного индивидуума, которая не даёт ему эффективные техники познания, не приведёт к существенным и долгосрочным благоприятным эффектам.

Наука, как и здравомыслие, большей частью состоит из языка науки, и особенно наглядно это показывают способы, которыми учёные формулируют вопросы. В каждом вопросе учёного подразумевается: «Какими конкретно действиями получится найти надёжные, фактические ответы?» Если такие действия не удаётся подыскать, учёный откладывает данный вопрос. Благодаря этому учёным удаётся решать проблемы так эффективно; они направляют свои силы на вопросы, на которые могут ясно ответить. Мы все можем последовать их примеру – в нашей жизни – и обеспечить себе личностный рост и развитие в обществе.

Ясность в ответах

Последующие страницы мы посвятим дальнейшему обсуждению этой фундаментальной проблеме. По текущим замечаниям, пока что мы можем подвести итог, выделив наши реакции на фрустрирующие поиски ответов на «загадки». После долгих, многочисленных попыток отыскать абсолютные ответы на некоторые вопросы о свободе воли, религии, этики, широкой социальной политике, самооценке, и т. д., мы часто приходим к осознанию тщетности этих попыток. Конечно, обсуждения, которые возникают на почве таких вопросов, порой могут оказаться очень интересными и увлекательными, покуда мы сами от них не унываем. Такие обсуждения, однако, крайне редко приводят к твёрдым заключениям. По мере того, как наша убеждённость в этом растёт, обычно в возрасте от пятнадцати до пятидесяти лет, мы чувствуем нужду выработать к этому какое-либо отношение.

Мы можем выделить четыре распространённых отношения. Одно из них мы выражаем, когда говорим, что, в конечном счёте, в природе всюду встречаются загадки; такое отношение мы часто встречаем в религиях. Ещё одно отношение мы выражаем заявлениями о присущей людям глупости. Вице президент Кёртис в разговоре с фермером со среднего запада,

выразил это отношение коротко и драматично: «Ты слишком тупой, чтоб понимать!» Другое отношение мы можем выразить часто встречаемым выражением: «У каждого своё мнение» или «Мнение одного человека не лучше мнения другого». Мы это называем «терпимостью», и многие сходятся в том, что считают её разумной и желательной. С научной точки зрения – при условии, что это не способствует халатности в мышлении и не упраздняет все наши методы и техники эффективной оценки – мы можем рассматривать её как своего рода семантический ступор при попытке принять сложное решение. Мы можем одобрить терпимость, если при данных мнениях – включая наши собственные – мы оставляем свободным путь эффективному, непредвзятому исследованию и пересмотру этих мнений.

Четвёртое отношение встречается не так часто. Его мы можем выразить вопросом: «До какой степени этот вопрос представляет собой бессмыслицу?» Учёный понимает, что упрямые и усердные попытки ответить на неясные и бессмысленные вопросы, скорее всего, приведут к путанице, конфликтам, цинизму и другим человеческим неудачам. Он не вешает вину за такие результаты на человеческую глупость или на безнадежную таинственность природы. Он не призывает своих товарищей к терпимости, и не упрекает их, если они её не практикуют. Вместо этого, он ищет источники затруднений в самих вопросах, в их формулировках, и пытается ясно выразить принцип, что туманный вопрос не позволит ответить на себя точно. Комфорт и благоденствие, которого никак не могут достичь патриарх и моралист, учёный достигает, задавая *только* те вопросы природе и себе, на которые он видит *возможность* ответить с практической ясностью.

Глава~IV НАУКА И ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ

В предыдущей главе мы рассмотрели пять важных аспектов науки, как метода. Мы называем их важными, потому что они входят в фундамент научной цивилизации, которая развивается последние три или четыре века с постоянно растущими темпами. Возможно, за срок нашей жизни и за срок жизни наших детей, мы придём к преобладанию такой научной культуры. Образ жизни, который наши отцы и мы сами считаем «правильным» и «естественным», сильно изменится с её становлением. Прежняя эра, по всей видимости, заканчивается, и необычные сдвиги в обществе, с этой точки зрения, становятся понятными.

Между нациями и группами наций, внутри них, и *внутри индивидуумов* по всему миру разворачивается большой и бурный конфликт. Новые идеалы, убеждения, методы и образы жизни бросают вызов старым идеалам, убеждениям, методам и образам жизни. О старом мы говорим как о до-научном, о новом – как о научном. Вопросом о том, что имеется в виду под словом *научный* в этом случае – что имеется в виду под научным поведением и научным обществом – мы поинтересовались в предыдущей главе. В этой главе мы постараемся пойти с ним дальше. Здесь стоит упомянуть, что мы, вместе с этим, рассматриваем происхождение и основы общей семантики.

До сих пор, как мы уже сказали, мы выделили пять важных аспектов науки как общего метода и ориентирования или как образа жизни. Давайте приведём резюме этих аспектов:

1. Положение о том, что реальность мы рассматриваем как процесс, что в свою очередь, предполагает постоянные перемены, иными словами, нескончаемые отличия в нас самих и различных аспектах реальности, к которой мы хотим оставаться адаптированными. Не существует двух одинаковых вещей, и не существует одной вещи, которая бы оставалась прежней. Это считается фундаментальной точкой зрения науки.

2. Адаптируемость – готовность меняться по требованию условий – культивируется такой точкой зрения, и представляет собой основную характеристику научного образа жизни.

3. Из четырёх основных шагов научного метода три выполняются применением языка: постановка вопросов, направляющих наблюдения, составление отчёта о наблюдениях таким образом, чтобы ответить на поставленные вопросы, и пересмотр убеждений в той мере, в которой этого требуют полученные ответы. (Ещё один шаг не включает применение языка – проведение наблюдений.) *Язык науки составляет бóльшую часть научного метода.*

4. Содержательность языка науки заключается в том, что он указывает нам прямо или непрямо на опыт или на что-либо, что мы можем наблюдать. Благодаря своей содержательности и вытекающей из неё ясности, язык науки позволяет нам строить себя, ориентируясь на точность и обоснованность. Мы устойчиво направляем его двумя основными вопросами: «Что имеется ввиду?» и «Каким образом это стало известно?»

5. Язык науки не только предполагает содержательные, ясные и обоснованные высказывания, но также вопросы, на которые удаётся дать ясные ответы. В применении языка научным образом мы придерживаемся важного правила: *Терминология вопроса определяет терминологию ответа.* В научном языке и в языке здравого смысла не находится места бессодержательным вопросам – вопросам, на ответы на которые не существует. Такие вопросы направляют наше поведение по ложному пути и мешают нам адаптироваться. В научном методе и образе жизни от таких вопросов избавляются или откладывают их. Как мы сказали в

предыдущей главе, комфорт и благоденствие, которого никак не могут достичь патриарх и моралист, учёный достигает, задавая *только* те вопросы природе и себе, которые предполагают *возможность* ответить на себя с практической ясностью.

Проекция

С этим резюме нашего обсуждения, мы можем продолжить, выделив ещё одну в научном ориентировании и в общей семантике характеристику научного применения языка, которая обычно не бросается в глаза. Мы говорим о степени, в которой учёный осознаёт свой язык, как аспект своего поведения; о степени, в которой он понимает, что своими высказываниями он говорит о самом себе в не меньшей мере, чем о том, о чём он, по-видимому, говорит; о степени, в которой он понимает, что его язык – какой угодно язык – создаётся человеком и не даёт большей надёжности и эффективности, чем люди, которые его создают и пользуются им. Язык не создают со встроенной защитой от дураков и элементами, позволяющими выйти за рамки человеческих возможностей; это относится даже к научному языку.

Мэнцзы, древний китайский философ, сказал по этому поводу, что разум работает согласно собственным теориям о том, как ему следует работать. Недавно схожее наблюдение выразил профессор Роберт Кармайлк, сказав, что известная нам вселенная представляет собой продукт, произведённый наблюдателем и наблюдаемым. Тем или иным образом философы и учёные знают об этом базовом принципе. Современные психологи подобрали для него термин. То, о чём говорил Мэнцзы, в современной психологии называют *проекцией*.

Проекция происходит так же естественно, как дыхание. Она относится к тем вещам, которые, если на них указать, могут показаться вполне очевидными. Поэтому нам стоит оставаться начеку, чтобы не приуменьшить её значимость. Те, кто уже о ней «знают», особенно часто ей пренебрегают, потому что уже «полностью понимают» её.

Если, например, юноша смотрит на девушку и восклицает: «Какая шикарная блондинка!», стоит учитывать, что своими словами он куда больше сообщает нам о себе, чем о девушке. Он проецирует; «шикарность» исходит от него. Когда пациент психиатрической больницы тревожно сообщает нам о пляшущих на стене розовых слонах, он не сообщает нам ничего о стене, а информирует нас о своём состоянии. Он проецирует; розовые толстокожие звери исходят от него. Когда нас приветствует друг и радостно говорит: «Сегодня чудесный денёк!», он не сообщает нам о погоде, а лишь говорит, что, например, он хорошо отдохнул и позавтракал. Он проецирует; «чудесность», не относится столько ко дню, сколько к его состоянию. Когда человек печально говорит: «Я не знал, что он заряжен», он сообщает, что некоторое время назад он спроецировал свои понятия о пистолете на пистолет.

Научно-ориентированный человек, в приведённых обстоятельствах, добавил бы к своим высказываниям собственную точку зрения, вслух – «для меня» – или про себя. Он бы сказал: «Какая шикарная блондинка (для меня)!», или «Я вижу, как на стене пляшут розовые слоны. А вы видите?» Он выражает свою осознанность степени, в которой его мысли или высказывания служат проекциями его собственного внутреннего состояния, нежели сообщениями о фактах, связанных с чем-то другим, и пользуется такими выражениями, как «мне кажется», «по-видимому», «с моей точки зрения», «мне это видится, как», и т. д.

Научно-ориентированный человек проявляет высокую степень осознанности проекции. Составляя отчёт об эксперименте, учёный, как правило, квалифицирует свои выводы предупреждением о том, что не стоит поспешно вытягивать из того, что удалось обнаружить, слишком широкие обобщения, потому что их получится обосновать только в отношении того, что он проверял и от условий его проверки. Он подчёркивает квалификатор «с моей точки

зрения». Его язык выражает высокую степень осознанности проекции, и поэтому заключения, которые он впоследствии выводит, имеют основания.

Недостаток осознанности проекции наблюдается в языковом поведении большинства пациентов, страдающих «умственными» заболеваниями. Такой недостаток представляется особенно очевидным, например, при состоянии паранойи или излишней подозрительности. Такие случаи описали Уильям и Дороти Суэйн Томас в книге *The Child in America* [Ребёнок в Америке], в которой они обсуждают, что в психологической практике следует не только объективно проверять истинность высказываний пациента, но и то, как они постоянно искажаются из-за само-проекции. Авторы приводят следующие комментарии по этой проблеме:

Очень часто имеются существенные расхождения между ситуацией с точки зрения сторонних наблюдателей и этой же ситуацией с точки зрения индивидуума, проявляющего проблемное поведение. Например, надзиратель в тюрьме Клинтон отказался последовать судебному распоряжению временно освободить заключённого по одному делу. Он объяснил отказ тем, что считал его слишком опасным. Он убил нескольких человек, которые по несчастной случайности имели привычку разговаривать с самими собой на улице. Ему казалось, что по движению губ он мог определить, что они подло называли его всякими дурными словами, и он поступал так, будто они действительно это делали. Если люди определяют ситуации как реальные, они становятся реальностью в их сознании.

Неосознанная проекция как один из симптомов личностной дезадаптации проявляется ярче многих других и встречается часто среди «нормальных» людей. Эта проблема служит основой бесчисленных споров и обид, недопониманий, тревог и смятений, простых ошибок суждения и сотен других проблем, не дающих нам жить, как нам бы того хотелось. Недостаток осознанности проекций стоит считать следствием не «человеческой природы», а скорее, разных видов усвоенного формального и неформального образования в нашей, большей частью, до-научной культуре. Такой взгляд на эту проблему обнадеживает, потому что, если проблемы кроются не столько в нас, сколько в нашем обучении, мы можем их решить.

Неосознанная проекция заметно проявляется в употреблении глагола *есть* [быть, являться] в его разных формах [в английском языке *am, is, are*]. Когда мы говорим: «Сегодня [есть] хороший денёк», глагол *есть* производит эффект отождествления или спутывания нашего личного мнения или внутренних ощущений с объективной реальностью вне нас. Когда мы говорим: «Штора [есть] синяя», глагол *есть* способствует спутыванию нашего личного суждения с некоторым внешним фактом. Цвет шторы представляет собой результат работы нашей нервной системы и некоторых процессов в шторе. Насколько мы знаем, «синевы», как таковой, в шторе не присутствует; скорее, существуют некоторые физико-химические явления, которые, *наблюдая*, мы озвучиваем словом *синий*. Мы можем выразить нашу осознанность, сказав: «Штора выглядит синей с моей точки зрения», или «Я вижу штору синей».

Если нам не грозят нападки человека, заявляющего: «Вы сошли с ума! Эта штора [есть] зелёная», нам не составит труда определиться с тем, что штора есть синяя, хотя некоторые из нас проявляют склонность тратить время на споры о том, есть эта штора зелёная или синяя. Однако когда мы вносим одинаковые неосознанные проекции в разные ситуации, мы создаём себе неприятности всякого рода, некоторые из которых ведут к катастрофам. Когда, например, родители или учителя смотрят на ребёнка и говорят: «Уилбур [есть] непослушный и плохой. Он [есть] воришка», они скорее всего нанесут вред личности Уилбура. Этого не случится, если они понимают, что своим высказыванием они практически не передают никакой информации о Уилбуре, а вместо этого говорят что-то о своих представлениях о поведении ребёнка, о книгах, которые прочли, о собственных родителях и учителях, и т. д. Его родители или учителя не объясняют Уилбуру этим высказыванием, «как быть хорошим», а просто говорят, что он им не нравится. Не осознавая проекцию в той же мере, в которой не осо-

знают её они, он скорее всего выразит свои реакции, решительно заявив: «Вы [*есть*] злые, и вы мне тоже не нравитесь!» И так очередная человеческая жизнь начинает свой путь вниз по трубам цивилизации. Такой случай может показаться недостаточно серьёзным, чтобы навредить, но если такое произойдёт достаточное количество раз, это несомненно нанесёт вред. Подобно тому как мелкие капли воды в большом количестве могут постепенно стереть камень, множество мелких *есть* могут лишить всякой надежды на благо.

То, что мы делаем с *есть*, мы делаем с другими словами и другими способами, но легче всего нам это удаётся именно с *есть*. Человеческий опыт изобилует бесчисленными злыми спорами о том, есть ли что-то искусство или нет, хорошее или плохое, успешное или провальное, мудрое или глупое, и т. д. Во многих случаях разбирательств в суде всё вертится вокруг вопроса о том, есть ли тот или иной закон «конституционный», и нередко в таких случаях то как один человек употребляет *есть* может повлиять на ход истории.

Важность в этом не стоит придавать тому, что мы привычно пускаемся в само-проекции, или что *есть* есть «плохое» слово. Плохих слов не существует; существуют неэффективные способы применения слов. Проекция происходит естественно как одна из функций нервной системы, и саму по себе её не стоит называть «хорошей» или «плохой». Подобно, например, пищеварению, – другому естественному процессу организма – её деятельность может сказываться на нас как благоприятно, так и неблагоприятно, зависимо от того, как мы за ней следим и как с ней обращаемся. Некоторые люди обращаются со своим пищеварением небрежно, потому что мало что в нём понимают. Подобное мы можем сказать и о проекции; ей злоупотребляют те, кто её не осознают в должной мере и не понимают роль, которую она играет в применении языка и, следовательно, в развитии индивидуума и общества.

Решение этой проблемы состоит не столько в пересмотре языка или в отказе от употребления некоторых слов, ведь в нашем языке слово *есть* настолько плотно закрепилось, что говорить, не употребляя различные формы *есть*, почти не представляется возможным. (В недавнем исследовании 200.000 слов, употребляемых в письме взрослыми людьми, одна из моих студенток, Грейс Шаттен, выявила, что количество форм *есть* составило около четверти всех употреблённых слов.) Решение, скорее, может состоять в выработке осознанности проекции и в понимании значимости некоторых терминов. Это помогает. Замена и сопровождение глагола *есть* такими терминами, как *по-видимому*, *с моей точки зрения* и т. д., когда это представляется удобным, и указание своего участия в суждении подобными выражениям способствуют повышению осознанности проекции. *Осознанность* проекции служит основой. Нам не придётся всегда и везде в обязательном порядке выражать эту осознанность вслух и на письме. Мы можем сказать: «Это [*есть*] синяя штора», или «Это [*есть*] искусство», и чётко понимать, что мы делаем, когда говорим что-то подобное.

В научном языке – в лучших случаях его применения – важность проекции признаётся и адекватно указывается, чтобы предупредить получателя информации. К ней не стоит применять грубые подходы. Человек, осознающий проекцию учтёт её и допустит её роль по обстоятельствам. Таким образом, он пользуется языком и поступает научно – согласно тому, как здесь употребляется термин *научный*.

Чрево вещание

Помимо неосознанной проекции, мы проявляем ещё один аспект до-научного языкового поведения. Мы рассмотрим его на примере Эдгара Бергена и Чарли Маккарти; они помогут нам усвоить один из важнейших в истории человечества урок. Сообразно нашему примеру, мы назовём этот аспект языкового поведения *чрево вешанием*.

Чревовещать означает говорить *якобы* голосом кого-то или чего-то другого. Среди очевидных примеров мы можем назвать Судью, который якобы говорит голосом Закона. Этот случай чревовещания, как правило, настолько имеет такой успех, что нам, иной раз, не приходит на ум, что мы слышим голос Судьи. В случае Бергена и Маккарти процесс происходит обратным образом: голос Чарли Маккарти, на самом деле принадлежит Бергену.

Мы часто пользуемся чревовещанием в попытках решить свои проблемы, индивидуально и в обществе. Мы пользуемся этим приёмом, когда говорим с самими собой или с теми, на кого мы хотим повлиять, будто бы голосом Старейшины. Этим приёмом практикуется авторитет старшинства с целью воспитать молодое поколение и в целом добиться контроля в обществе. Среди известных чревовещателей, которые влияют на наши жизни, мы можем назвать Судью, Проповедника, Преподавателя и Родителя. Они якобы говорят голосами Закона, Всемогущего, Мудрости и Блага. Они представляют фундаментальные элементы структуры нашей культуры: государства, церкви, школы и дома.

В борьбе с традицией Этому голосу в своё время от имени человечества возразил Галилей. В общем смысле, произошла культурная перемена, которой индивидuum постепенно добился некоторой меры независимости от Старейшины и смог найти новые, эффективные методы самоутверждения в техниках науки и демократии. Произошла революция, после которой деревянная кукла стала намеренно подавлять и искажать голос чревовещателя.

Некоторые люди узнали, что голос представителей духовенства исходит не из под северной звезды, а из их собственного горла. Несомненно, в немалом числе случаев этот голос принадлежит доброму человеку, из слов которого удастся выцедить какую-нибудь мудрость. Другие узнали, что голос Судьи принадлежит судье, и что говоря от имени Закона, он представляет голоса других, в большинстве своём уже покойных судей. Несмотря на то, что не все из нас настраивались на волну Джорджа Бернарда Шоу, назвавшего любого ребёнка, который верит в то, что говорит ему учитель, балбесом, мы, по меньшей мере, можем обратить внимание на то, что учитель за зарплату в \$3000 в год объясняет своим студентам, как зарабатывать \$50.000. Также стоит отметить, что за последние годы Родитель смог в некоторой мере утратить свою патриархальность и стать ребёнку, скорее, компаньоном.

Для тех, кто узнал о трюке с чревовещанием, голос Старейшины теперь звучит ясно как голос мистера Фосдика [известного пастора], Феликса Франкфёртера [известного судьи], и Роберта Хачинса [философа] или просто Отца. Научно-ориентированные люди спрашивают чревовещателей голоса Старейшины: «Что вы имеете ввиду?» и «Откуда вы знаете?», и когда чревовещатели дают ответы якобы голосом Старейшины, научно-ориентированные люди отвечают: «Давайте проверим».

Чревовещание обычно происходит неосознанно, но некоторые люди, которые хорошо понимают, что они делают, могут пользоваться им намеренно. Во времена Аристотеля это считали искусством и преподавали в университетах как часть курса по риторике. Среди принципов риторики, как их сформулировал Аристотель и как их до сих пор преподают, особое место занимает то, что называют «этическим доказательством». Сегодня, то что преподаватели риторики подразумевают под этическим доказательством, во многом представляет собой то, что мы здесь подразумеваем под чревовещанием. В сегодняшнем этическом доказательстве своего высказывания мы показываем, что это высказывание сидит, так сказать, в хорошей компании и воспитывалось хорошими родителями. Иными словами, например, политический докладчик представляет этическое доказательство своих взглядов, приписывая их Вашингтону и Линкольну, и называя их сутью американской политики. Таким образом он как бы говорит голосом отцов-основателей и великих американских политических деятелей. Те, кто допускают аристотелево этическое доказательство, обычно говорят, что

оно работает. Да, в до-научном обществе такая языковая техника работает весьма успешно. Эффективный вещатель может произвести на своих слушателей впечатление, будто его голос на самом деле есть голос другого, того, чей авторитет они принимают.

Эту технику особенно легко удастся найти в рекламе. Человек за кадром знает, что мы, скорее всего, не обратим внимания на его голос. Мы не знаем Фредерика П. Чамберуэйта. Он говорит голосом миссис Мартин К. Вандеван III, показывая нам цветную фотографию с ней в вечернем платье, с подписью «Я всегда курю Whiffles. У них мягкий, изысканный вкус». Этот голос не звучит, как голос Фреда Чамберуэйта, но мы слышим именно его.

В надлежащем научном языковом поведении чревовещанию, конечно же, места не найдётся. Учёный, слушает он или говорит, осознаёт проекцию в себе и в других, и хорошо понимает, что голос Судьи, в действительности, принадлежит самому судье. Научно-ориентированный человек понимает, что озвученное «голосом Закона» представляет собой интерпретацию фактов рассматриваемого дела и высказываний других людей. Он также понимает, что судья проецирует его собственные интерпретации на голоса более высоко почитаемых людей, или на Институты, стоящие каким-то образом выше любого человека. Так создаётся иллюзия будто говорят эти самые почтенные люди или же целые Институты.

Это происходит как если бы Эдгар Берген мог бы проецировать свой голос настолько эффективно в рот Чарли Маккарти, что люди бы забывали, что говорил на самом деле Берген. Большинство из нас об этом помнит, но некоторые люди, по-видимому, забывают; они шлют Чарли цветы, конфеты и праздничные поздравления. Научно-ориентированный человек, конечно, уважает *законы*. С его точки зрения, они подлежат пересмотру; он уважает их до тех пор, пока их не пересмотрели. Он считает их необходимыми для организации общества, но не забывает, что их придумал и сделал человек, и если их следует по необходимости пересматривать, человеку придётся это делать. Он понимает, что Закон, как что-то, что человек не создавал, представляет собой иллюзию, семантический побочный результат неосознанной проекции а такие иллюзии, в свою очередь, представляют собой характерный результат чревовещания. Это понимание характеризует ясность его ума.

Прогноз и оценка

В обсуждении того, что включает в себя наука, стоит уделить внимание ещё одной важной вещи, связанной с конечной целью науки. В лаборатории и в повседневной жизни человек пытается достигнуть научным методом то, что мы обозначим одним словом: *прогноз*.

Рассматривая науку с точки зрения её основной цели, мы в очередной раз видим, что она не ограничивается лабораториями. Относительно точный и надёжный прогноз ищут как в исследовательских центрах, так и у себя дома. В сущности, наука работает над теми же задачами, над которыми работают люди, желающие лучше адаптироваться к жизни. В этом отношении, и во многих других, наука и здравомыслие сливаются друг с другом.

Мы хотим точных прогнозов, по меньшей мере, по двум причинам. Во-первых, они служат основой *контроля* над процессами природы и над нашим личным и социальным развитием. Во-вторых, они лежат в основе *оценки*; мы называем теорию или политику «хорошей», пока они дают нам строить точные прогнозы и эффективно готовиться к грядущим событиям. Более того, способность прогнозировать – то, что мы иногда называем даром предвидения – составляет значительную часть того, что мы обычно подразумеваем под разумностью.

Мы конкретно и целенаправленно разрабатываем и применяем научный метод не только, чтобы объяснять, что случилось, но и чтобы прогнозировать, что ещё случится. Процедуры и их назначения, терминология, отношение к проводимой работе и, пожалуй, всё остальное, что касается учёного, имеет смысл только в отношении к прямой цели науки как метода.

Как с помощью научного метода мы достигаем прогнозируемости? Мы уже дали общий ответ на этот вопрос. Научный метод позволяет прогнозировать, потому что он даёт нам «набор» для распознавания перемен и отличий, обостряет наше внимание и развивает способности к адаптации. Помимо этого, в науке авторитет характеризуется не возрастом, соблюдением традиций или личным интересом, а систематическими наблюдениями, проверкой предположений и оценкой опыта. Более того, в построении языка науки, мы ориентируемся на точность, а формулируя вопросы и ответы, придаём им фактическую значимость. Научно-ориентированный человек применяет такой язык эффективно, потому что он хорошо осознаёт свои проекции и избегает обманчивых чревовещаний.

Именно за счёт тщательно проработанных и выведенных заключений из теорий и предположений научно-ориентированный человек может делать прогнозы. Эти теории и предположения часто оказываются надёжными, потому что их работоспособность изучается. Теории учёного остаются «хорошими», просто потому что он постоянно их пересматривает и согласует с текущими условиями. Его интересует точность, нежели скорость, поэтому он не испытывает нужды защищать свои теории, ведь он их проверяет. Он составляет прогноз на их основании, а затем проводит необходимые наблюдения, чтобы оценить теории, узнать, насколько «хорошими» окажутся его прогнозы. Практически, они никогда не оказываются идеальными, и учёный никогда не получает всецело удовлетворительных результатов, поэтому он меняет свои теории, делает новые прогнозы, и снова проверяет, насколько лучше или хуже они окажутся в сравнении с предыдущими. Скорее всего, он потратит всю жизнь, никогда не остановившись, чтобы воскликнуть: «Вот она абсолютная истина!» Лучшие теории находят те, кто не считают старые теории правильными во всех отношениях.

За циферблатом

В некоторых более общих теориях учёные пользуются особыми терминами. Эти термины не относятся к чему-то, что мы можем увидеть, услышать, потрогать, попробовать на вкус или пронаблюдать каким-либо другим образом. Эти термины обозначают то, что называют «конструкциями» [концепциями, моделями, построениями]. Конструкция представляет собой вещь или событие, существование которых учёный предполагает. В этом он, однако, не пускает воображение во все тяжкие. Он старается сформировать предположение о том, что он не может наблюдать, которое бы позволило объяснить то, что он наблюдает.

Наверняка, большинство из нас слышали об электронах, атомах и молекулах. Они относятся к конструкциям. Иными словами, никто никогда электрона не видел. Учёные говорят о потоках электронов и обсуждают скорости, на которых они передвигаются. Они говорят, что атомы состоят из электронов и обладают своей массой. Масса атома водорода, как утверждали Эйнштейн и Инфельд в *Эволюции Физики*, составляет 0,0000000000000000000000033 грамма. От таких разговоров, если не проявлять осторожность, может сложиться впечатление, что атомы походят, например, на крошечные шарики, которые удастся разглядеть под микроскопом. Некоторые учёные рассказывают о том, как атомы разбивают,¹ и исходя из этого, непосвящённый человек может представить, что этот процесс выглядит как раскалывание орехов. Такой язык, однако, не обозначает что-то реальное в таком же смысле, в каком мы говорим о настоящих крошечных шариках. Он обозначает то, что называют выведенными данными, иными словами, частицы и процессы, которые мы не можем пронаблюдать, но можем сделать заключение об их существовании.

1. [п. к п.] Речь идёт о столкновении атомов в ускорителе частиц. В разговорной речи употребляется слово *smash*, которое в большинстве контекстов означает «разбивать вдребезги», «крошить» и т. д.

Почему учёные делают такие заключения? Вспомним шотландского ботаника, Роберта Броуна. В 1827 году он открыл нечто «очевидное», которое дало нам много новых знаний. Как-то раз он занимался изучением форм и размеров цветочной пыльцы под микроскопом. Он поместил их на каплю воды, внимательно в них взгляделся и осознал, что они двигались.

Когда двигается что-то, от чего не ждут движения, это может вызвать смутение и даже напугать. Роберт Броун точно не ожидал, что частички пыльцы задвигаются в капле воды под микроскопом. Мы можем себе представить, какое смутение он испытывал, когда пытался понять эти подвижные частицы. Он смог определить, что частицы двигались не из-за какой-либо вибрации микроскопа, перемещения жидкости или её постепенного испарения. Затем он задался вопросом о том, обладали ли эти конкретные частицы пыльцы в это время какими-то необычными качествами, объясняющими их движение. Но другие частицы тоже двигались подобным образом. Более того, он обнаружил, что достаточно маленькие частицы любого материала, если их рассматривать под достаточным увеличением, двигались таким же образом при погружении в жидкость.

Роберт Броун не оказался первым из тех, кто наблюдал это любопытное явление, но он первым его увидел. Иными словами, он первым проявил любопытство, решил проверить и попытаться объяснить его. В нашей культуре такое отношение встречается редко, и прежде чем это броуновское движение заслужило внимание французского учёного, Жана Перрена, прошло около шестидесяти лет. За последние годы его подвергли тщательному изучению, которое привело к значимым результатам в естествознании. Броуновское движение наблюдалось в жидкой углекислоте, в полости прозрачного кварцевого кристалла, и предполагается, что в этом конкретном случае, этот процесс продолжался на протяжении миллионов лет.

Если поставить себя на место Роберта Броуна, мы можем начать понимать, почему учёным требуются конструкции – почему им приходится предполагать какой-то процесс, который не удаётся пронаблюдать, чтобы объяснить то, что они наблюдают. Роберт Броун и другие исследователи никак не могли объяснить движение частиц, учитывая только то, что они могли наблюдать. Они могли лишь исключить несколько неподходящих объяснений. Они вычеркнули возможность движения частиц от их собственного химического состава, или в связи с их постепенным растворением, или другими химическими изменениями, интенсивностью света, под которым их исследовали, и т. д. К тому же, они не смогли найти адекватных объяснений в данных, полученных при фотографировании частиц, изучении путей их перемещения, скорости и изменений направлений. Изучение условий, при которых проводились все эти исследования, тоже не приблизили учёных к ответам.

Эти исследователи оказались в ситуации, которую подходящим образом описали Эйнштейн и Инфельд в *Эволюции Физики*:

Мы можем сравнить наши попытки разобраться в реальности с попытками понять механизмы работы закрытых часов. Мы видим циферблат, движение стрелок, слышим тиканье, но не можем открыть часы. Если мы проявим достаточную изобретательность, то сможем представить некоторую картину механизма, стоящего за тем, что мы наблюдаем, но никогда не позволим себе уверенность, что картина служит единственным объяснением наблюдений. Мы никогда не сможем сравнить свою картину с реальным механизмом и даже представить возможность или значение такого сравнения. По мере того как мы накапливаем знания, мы верим, что наша картина реальности продолжит упрощаться и сможет послужить объяснением всё большему количеству наших наблюдений.

"Если мы проявим достаточную изобретательность, то сможем представить некоторую картину механизма, стоящего за тем, что мы наблюдаем..." Такая «картина» представляет собой то, что мы называем конструкцией; мы также можем составить её из нескольких конструкций, тем или иным образом связанных друг с другом. Роберту Броуну

требовалась такая картина механизма в «часах», или же внутри капли воды. Без неё, он просто не мог объяснить, почему частицы пыльцы Двигались. В этом смысле, он столкнулся с проблемой, с которой приходится сталкиваться любому человеку в попытках найти исчерпывающее объяснение наблюдаемым аспектам реальности или жизни. Если человек начинает наблюдать какой-либо аспект реальности, он рано или поздно доходит до предела способности наблюдать, ведь способности к наблюдению у человеческого организма явно имеют ограничения. Даже с самыми эффективными приспособлениями, которые мы можем создать, мы не можем наблюдать всё в каком-либо аспекте. Мы всегда находим предел, за который никакие из наших органов чувств или приспособлений заглянуть не могут. В этом смысле, существует субмикроскопическая область.

То, что мы называем историей человеческой мысли, в более глубоком смысле, мы можем считать чередой картин, которые представляли люди, чтобы объяснить реальность, или множеством понятий о явлениях не поддающихся наблюдениям, на основе которых мы пытаемся понять то, что наблюдаем. Мы не станем расписывать типы картин, которые люди рисовали, но если мы хотим ясно оценить разницу между до-научным и научным ориентированием в жизни, нам следует понять основные свойства двух разных типов таких картин, или теорий, лежащих в основе преобладающих сегодня взглядов.

Научную теорию представили понятиями или конструкциями, выработанными, чтобы объяснить броуновское движение. Кратко и просто, движение частиц объяснили тем, что они поддаются постоянной бомбардировке молекулами, слишком маленькими и слишком быстрыми, чтобы их увидеть. Каждая частица движется непостоянно, потому что сила молекулярной бомбардировки меняется, увеличиваясь с одного края частицы к другому. Согласно этой теории, частицы крупнее тоже поддаются бомбардировке крошечными молекулами, но они не двигаются, потому что достаточно большое количество молекул постоянно ударяется обо все края такой крупной частицы, и поэтому сила бомбардировки на одном краю компенсируется или уравнивается силой бомбардировки с другого края в тот же момент.

Постоянность подвижности броуновских частиц принимается как свидетельство соответствующей постоянности молекулярной активности в, по-видимому, покоящейся жидкости. Наблюдаемое движение частиц интерпретируют как эффект от движения частиц поменьше, которые мы не можем наблюдать – никто никогда не видел молекул, и тем более атомов, не говоря уже об электронах. (По их определению, они отличаются размером от самой большой частицы до самой маленькой. Молекулы состоят из атомов, а атомы из электронов.)

Значимость броуновского движения состоит в том, что оно служит наглядной и легко наблюдаемой демонстрацией процессов, которые, по-видимому, характеризуют физический мир в целом, включая наши тела. Считается, что теории, которые разработали, чтобы объяснить броуновское движение, обладают *общей* обоснованностью. Иными словами, мы можем назвать их не просто теориями броуновского движения, а *теориями реальности*. Аккуратность, с которой их сконструировали, количество наблюдений, которыми их проверяли, надёжные прогнозы и основанные на них реальные достижения (такие, например, как радио) – всё это даёт нам уверенность в их работоспособности. Конечно, как и всегда в науке, по этим теориям по-прежнему остаётся много открытых вопросов, но основная теория о том, что называемое нами реальностью, в твёрдом жидком или газообразном состоянии, составляет непрекращающийся процесс, едва ли поддаётся попыткам опровержения.

Именно понятие процесса служит основой научному ориентированию, как в лаборатории, так и в повседневной жизни. Знания подробностей конкретных конструкций, взаимосвязанных определений, которыми мы можем точно сверить эти конструкции с наблюдениями, дают несомненное преимущество. (Вы можете ознакомиться с особенно интересным случаем в

ядерной физике в официальном отчёте Генри Смита о разработке атомной бомбы под руководством правительства США, 1940 – 1945, *Атомная Энергия для Военных Целей*, изданным Princeton University Press, 1945.) Однако для здоровой жизни нам не требуется весь фонд научных знаний. Требуется чёткое «ощущение» процесса во всём, с чем человеку приходится иметь дело, включая самого себя. Элементарные знания теорий об электронах и молекулах, в таких общих терминах, как мы ими воспользовались выше, чтобы обсудить броуновское движение, дают нам средство визуализации процессов, и придают уверенности в том, что понятие процесса имеет под собой надёжный фундамент. Самым важным здесь видится общее динамическое ориентирование, готовность испытывать отличия и перемены, которые постоянно происходят в процессуальной реальности. С таким ориентированием мы можем лучше готовиться и адаптироваться к жизни в этой «неугомонной вселенной».

Плоглы

Другой тип картины «механизма в часах» – до-научной картины – мы найдём в рассказе о «плоглах», согласно которому, когда-то существовало две загадочных проблемы, над которыми долгие годы мудрейшие из людей чесали бороды, и никак не могли их решить. Две эти загадочные проблемы заключались в том, что когда кому-то понадобился простой карандаш, найти его не получалось, а когда кто-то хотел заточить простой карандаш, точилка всегда оказывалась забитой стружкой. Это всех ужасно раздражало, и после долгих негодований общественности, правительство собрало комитет из самых выдающихся философов, чтобы они изучили эти проблемы и нашли им объяснение. Пока distinguished члены комитета вели напряжённые обсуждения и раздумья, нетерпеливая общественность продолжала их поторапливать и требовать результатов. Наконец, после долгих ожиданий, философы пришли к главе государства, чтобы представить своё гениальное объяснение этих двух загадок.

Объяснение это оказалось весьма простым. Согласно их теории, под землёй жило множество маленьких человечков, которых они называли «плоглы». Философы объяснили, что плоглы пробирались в дома людей под покровом ночи, бегали по дому, собирали все простые карандаши и стачивали их на точилке, после чего возвращались под землю.

Благодаря этой блестящей теории, которая одним изящным росчерком объяснила обе загадки, беспокойства поутихли. Оставалась одна проблема: плоглов не существовало.

Теории, которые мы считаем до-научными или магическими, мы назовём теориями плоглов. Их существует множество. Для простоты, мы разделим их на теории о «больших людях» и теории о «маленьких человечках» в «закрытых часах» реальности. К большим плоглам относятся боги, демоны, дьяволы, всяческие чудовища, и т. д. Маленькие плоглы называются феями, домовыми, эльфами, гремлинами и другими забавными словами. Эти плоглы, маленькие и большие, живут за «циферблатом» и поворачивают стрелки часов по кругу. Все они обладают одним очень важным качеством: *полной непредсказуемостью*.

Благодаря непредсказуемости ими удаётся очень удобно пользоваться, особенно всяким знахарям, древним и современным, которые их выдумывают. Непредсказуемость служит идеальным алиби. Любое событие всегда получится объяснить – *после того, как оно произошло* – сказав: «Что поделаешь, это всё плоглы». Объяснение «по воле плоглов» звучит нормально для любого, кто в них верит, кого научили понимать, что так они работают.

Мы часто обвиняем плоглов, ответственных за Удачу, например, гремлинов. Их изображают в комиксах маленькими непоседливыми человечками, которые выводят из строя двигатели автомобилей, пускают пыль в глаза отбивающему на бейсбольном поле, укатывают упавшие монеты в места, где их не удаётся отыскать и поддерживают непредсказуемость в жизни другими способами. Несколько веков назад люди знали ещё один вид широко распро-

странённых плоглов; для некоторых людей они существуют до сих пор – дьяволы. В *Анатомии Меланхолии* Роберт Бёртон привёл подробный каталог убеждений, что безумие имеет демоническое происхождение. Он объяснил страдания людей и кошмарные наказания, которым их подвергали, теорией о том, что их одолели дьяволы. Когда лечение не работало, врачи и чиновники оправдывались речами о том, что ничего не могли поделать с дьяволами. Мало кому приходило в голову, что дьяволами пользовались в качестве алиби.

Вместе со своей непредсказуемостью плоглы обладают ещё одним качеством, которое приходится полезным людям от медицины, знахарям и прочим «чудотворцам» – человечностью. Плоглы обладают отобранными аспектами «человеческой природы». Человек создал их по собственному образу и подобию с помощью неосознанной проекции.

«Чудотворец» удобно оправдывается, что ничего не может сделать с плоглами, кроме того, конечно, что он может предложить за определённую плату и, конечно же, он никогда не предлагает что-то доступное простому человеку. Плоглы ведут себя капризно; они требуют особых церемоний или ритуалов, которые умеет проводить только «чудотворец», и если они приводят к успешному результату, «чудотворца» чествуют и благодарят. Если же процедуры не помогают, то «чудотворец» может сказать, что плоглам просто не понравилось поведение больного, и для достижения успеха потребуется больше решительности и вложений.

По сей день вокруг нас бегают множество плоглов, однако современных плоглов не всегда удаётся заметить так же легко, как, например, домовых. Они стали абстрактнее. Их уже не представляют в людской форме и не приписывают так много очевидно человеческих качеств. Они, тем не менее, всё ещё обладают такой же непредсказуемостью, и всякие интерпретации с точки зрения их существования одаривают скорее задним умом, нежели способностью делать надёжные прогнозы. К современным плоглам относятся, например, «наследственность» и «влияние среды», между которыми, по всей видимости, пролегает пустота человеческой бренности и доброй судьбы. Иной раз кажется, что не существует ничего, что не удалось бы объяснить «наследственностью» или «влиянием среды», до тех пор, конечно, пока кто-то не спросит: «О чём конкретно вы говорите?» «Природа человека» то и дело возникает в речах «мудрецов», когда они пытаются объяснить всевозможные людские поступки людям, которые всевозможно же поступают. Этот плогл представляет особый интерес, потому что он не поддаётся никаким изменениям – ни политическим реформам, ни образованию, ни церемониям. Он служит простейшим объяснением человеческому поведению: люди поступают так, как они поступают; люди сделали то, что люди сделали по «человеческой природе», а «человеческую природу» не получится изменить. Моряк Попай торжественно заявляет о существовании этого плогла, когда говорит: «Я есть я, и это есть всё, что я есть».

Теории плоглов неотъемлемо бытуют в традиционной до-научной культуре. Любому человеку за гранью такой культуры, или любому кто не до конца её впитал, явление плоглов видится немыслимым, но в то же время удивительным, интересным и трагичным. Те же, кто всегда принимал и придерживался верованиям, убеждениям, методам, и т. д., полученных от своих отцов, не видит в плоглах ничего необычного. Более того, они не всегда могут понять, как бы наше общество существовало без них, из-за чего они испытывают недоверие к тем, кто в плоглов не верит, и не участвует в ритуалах для их усмирения.

Электроны и домовые

Важнейшее отличие до-научных плоглов от научных конструкций заключается в потенциале их применения в составлении прогнозов. Плоглы дают задний ум. Мы можем объяснить, что прошлой ночью шёл дождь или ребёнок умер от дифтерии, потому что некоего вида плоглы подстроили эти события. Если же в попытке сделать так, чтобы дождь пошёл или чтобы

предотвратить смерть другого ребёнка, человек занимается ритуальными танцами или зажиганием свечей, он не пользуется техниками прогноза и контроля, а вместо этого полагается на некритическую и бездумную веру. Такими ритуалами получается лишь продемонстрировать, что человек не имеет и не предлагает выработать адекватные объяснения.

В определённом смысле, безусловно, плоглы и научные конструкции, такие как электроны, сходятся в том, что они пришли из воображения. Никто никогда не видел ни плоглов, ни электроны. Тогда почему электроны помогают делать прогнозы, а плоглы нет? Потому что их по-разному определяют. Их определяют по-разному, потому что относятся к ним по-разному. Научно-ориентированный человек чётко осознаёт, что электрон представляет собой продукт его воображения, и он проецирует его в реальность осознанно. До-научный человек, напротив, не осознаёт, что плоглы пришли из его воображения, и проецирует их в реальность неосознанно. В итоге, научно-ориентированный человек контролирует свои электроны, а до-научный человек поддаётся контролю своих плоглов.

Учёный определяет электрон и другие конструкции с чётким намерением. Он говорит, что электрон обладает определёнными характеристиками, такие как форма, размер, внутренняя структура, отношения между собой, скорость передвижения, и т. д. Он приписывает им эти характеристики так, чтобы на их основании удалось объяснить наблюдаемые события. Определёв электрон, учёный с готовностью меняет своё определение, когда по нему не получается объяснить наблюдаемые события. Он вывел определение сам, и не видит в нём ничего священного. Он свободно пересматривает электрон любым образом, чтобы с его помощью максимально эффективно объяснять реальность. Он составляет картину «механизма в часах», которая бы объяснила движение стрелок по циферблату. Если стрелки задвигаются по-другому, или если он заметит в их движении что-то, что до этого упускал, он составит другую картину «механизма в часах». После множества таких пересмотров своей картины, он сможет достаточно успешно прогнозировать движение «стрелок» по меньшей мере, следующие несколько минут, если не следующие несколько дней или даже лет.

Совсем иначе обращается с плоглами до-научный человек. Он их не пересматривает. Он не имеет свободы это делать, и вообще, не видит в этом смысла, как и в возможности делать более эффективные прогнозы. Насколько он знает, будущее находится в руках богов. Он знает лишь, что плоглы разозлятся на него, если он не сделает то, что, как его научили, плоглы требуют. И он делает; но всё равно может подвергнуться наказанию за грехи, о которых не знал, или по другим сверхъестественным причинам, которыми плоглы руководствуются. До-научный человек оценивает жизнь задним умом, надеждой и ужасом. Задний ум требует, чтобы успокаиваться, внушать надежду и терпеть ужас, ведь так или иначе, «что ни делается, всё к лучшему». Что бы ни случилось, всё по воле плоглов. И раз уж с этим ничего не удастся сделать, по определению, то стоит практиковать скромность, терпеливость и не жаловаться слишком много, ведь всё могло сложиться куда хуже, и, по определению же, лучше сложиться никак не могло. В итоге прогноза он не составляет, потому что не предпринял попыток его составить. Плоглы не обязуются помогать предвидеть грядущие события; они помогают лишь утешить себя объяснениями того, что уже произошло.

Важность прогнозов

Заполнять свои мысли подробностями теорий о субмикроскопических событиях, на основе которых учёные составляют удивительные прогнозы о наблюдаемом мире, без необходимости не стоит. Стоит осознавать, что учёные занимаются такими вещами – составляют картины «механизма за циферблатом». Стоит понимать, что их научные теории сходятся на том, что реальность, включая нас самих, представляет собой осознанный процесс. Стоит уметь

оценивать этот базовый процесс общеприменимыми практическими терминами, такими как рост, развитие, спад, изменения разного рода, и т. д.

Следует осознать, что в силу процессуального характера реальности, нам придётся учиться адаптироваться к нескончаемой череде отличий. Мы можем учитывать общий прогноз о том, что куда мы живём день ото дня, мы меняемся, мир вокруг нас меняется, двух в точности одинаковых вещей не существует и ничто не остаётся прежним. Об этом следует помнить, составляя прогнозы, чтобы чрезмерно уверенно не ожидать постоянства и сходства, потому что уже завтра многое может измениться. Прогнозы, построенные без учёта постоянных изменений, приводят к неожиданностям, а последствия варьируются от лёгкого раздражения, когда нам попадается горький орех, до трагедий, таких как Пёрл Харбор.

Ложные знания и предположения ведут к ложным прогнозам. Мы прогнозируем, чтобы приспособиться к реальности. Если мы ожидаем, что данное событие произойдёт через десять лет, дней или минут, или даже через долю секунды с текущего момента, и ошибаемся в своих прогнозах, мы не успеем подготовиться к тому, что в действительности произойдёт. Когда мы готовимся к чему-то другому, то, что происходит, разочаровывает, раздражает и пугает нас, а иной раз оказывается катастрофой. Производимые эмоции и конфликты, могут вести к шокам, «нервным срывам», и т. д., эффект которых может длиться долго. Ошибки в прогнозах часто ведут к травмам, иногда к смерти. В социальном масштабе они порой ведут к депрессиям, высокому уровню безработицы, международным трениям и войнам.

Прогнозируемость не только служит ориентиром для учёного в разработке его теорий и организации процедур; на ней также держится здравомыслие и адекватная социальная и личная адаптация. Здесь не подразумевается, что человеку следует усвоить и познать науку во всех её мельчайших технических аспектах, чтобы считаться здравомыслящим. Подразумевается здесь то, что наука как *общий метод* и как общее *ориентирование*, способствует прогнозируемости и общей адекватности в поведении индивидуумов и групп.

Два мира

Чтобы свести и выделить то, что мы рассмотрели в этой и предыдущей главе, мы приведём список основных свойств научного ориентирования, или стиля жизни, и контрастирующий с ним список свойств донаучного ориентирования, которое доминировало много столетий и широко распространено в наши дни.

ОСНОВНЫЕ СВОЙСТВА ДО-НАУЧНОГО ОРИЕНТИРОВАНИЯ

1. Фундаментальное понятие статичного характера реальности, в котором предполагается постоянство («ничто не ново под луной»). Основное внимание уделяется схожестям, тогда как отличия преуменьшаются или игнорируются. Индивидууму, таким образом, не придаётся важность, и он считается представителем какого-то типа.
2. Ригидность или консерватизм – склонность поддерживать установленные убеждения и привычки независимо от изменений в условиях, которая формируется на основе понятия статичности и постоянства. Традиции чтят, авторитет старшинства возвышают и почти не оспаривают; экспериментирование порицается. Ста-

ОСНОВНЫЕ СВОЙСТВА НАУЧНОГО ОРИЕНТИРОВАНИЯ

1. Фундаментальное понятие процессуального характера реальности, которое позволяет наблюдать нескончаемую череду отличий. Больше внимания уделяется как отличиям, так и схожестям. Из этого вытекает важное последствие, состоящее в том, что индивидуум считается индивидуумом, а не простым примером какого-либо типа.
2. Адаптируемость – готовность меняться вместе с меняющимися условиями, основанная на понятиях процесса и отличий. Впоследствии возникает склонность систематически подвергать сомнению авторитет, экспериментировать, проверять традиционные убеждения и обычаи в отношении наблюдений и опыта. Ста-

рейшинам полагается подчинение и почтение. В результате, культивируется индивидуальный инфантилизм и сдерживание в развитии в общества.

3. Основной метод решения задач и проблем, который мы можем назвать авторитарным, предполагает следование советам от избранного авторитета, такого как родитель, учитель или судья. Авторитет также может представлять книга или свод правил. Провозглашения такого авторитета не подлежат пересмотру. Этот авторитарный метод направляется на сохранение принятых убеждений, традиций и правил поведения. Если проблемы не удаётся решить, их «объясняют» с точки зрения «судьбы», «природы» или «сверхъестественного». Язык, используемый в таких «объяснениях», не обдумывается и не подвергается сомнениям.

4. Язык до-научного ориентирования направляют на контроль поведения и представление авторитета. Если языку не достаёт ясности, назначенный авторитет может его интерпретировать; интерпретациям полагается верить. Обоснованность высказываний авторитета не подлежит обсуждению. Высказывания фактов и высказывания предположений часто считаются одинаковыми.

5. Большинство вопросов в до-научном языке не отличаются точностью и плохо соотносятся с фактами. Попытки ответить на такие вопросы приводят к недопониманиям, разногласиям, дезинформации и ошибочным теориям, в результате чего надёжных прогнозов приходится достигать медленно, если это вообще удаётся. Впоследствии, культивируется плохая индивидуальная и социальная адаптация.

6. В до-научном ориентировании естественный процесс проекции происходит неосознанно (без учёта точки зрения проецирующего). Наблюдается недостаток понимания того, что высказывания передают информацию о говорящем, а не только о том, о чём он, по-видимому, говорит. В оценке фактической значимости высказываний степень само-относимости часто игнорируется.

7. В до-научном ориентировании наблюдается склонность говорить от лица другого человека (чрево вещание). Например, голос закона не распознаётся как голос судьи. Говорящий чрево вещает как неосознанно, так и намеренно

рейшин уважают, но оценивают их критически. В результате вышеуказанного, стимулируется индивидуальная и социальная зрелость.

3. Основной метод решения задач и проблем, который мы называем научным, состоит из четырёх основных шагов: (а) постановка вопросов, которые направляют (б) наблюдения на поиск (в) ясных ответов, позволяющих проверить убеждения или предположения и (г) пересмотреть их в соответствии с наблюдениями. Три из этих шагов предполагают, в основном, применение языка. Этот научный метод направляют на систематическое улучшение техник, отсеивание убеждений и «модернизацию» обычаев и правил поведения. Если проблемы не удаётся решить, вырабатываются новые теории и методы.

4. Язык научного ориентирования разрабатывают с целью фактической значимости, прямой или косвенной ясности и обоснованности. Высказывания составляются с учётом двух общих проверочных вопросов: «Что имеется в виду?» и «Как об этом стало известно?» Предположения чётко отделяются от утверждений фактов.

5. Научный язык строится вокруг ясных по фактам, поддающимся ответам вопросов. Неясные или бессмысленные вопросы откладываются, как не стоящие усилий на поиски ответов. Основываясь на принципе, что терминология вопроса определяет терминологию ответа, допускаются только ясно составленные вопросы. Это способствует взаимному согласию; улучшается прогнозируемость, культивируются индивидуальная и социальная приспособленность.

6. В научном ориентировании естественный процесс проекции проходит с высокой осознанностью (мы называем это осознанной проекцией или учётом точки зрения). Имеется понимание, что каждое высказывание передаёт информацию как о говорящем, так и о том, о чём он, по-видимому, говорит; учитывается степень само-относимости в оценке фактической значимости высказываний.

7. В научном ориентировании наблюдается низкая степень склонности говорить от чьего-либо имени. Голос Закона распознаётся как голос судьи. Говорящий, как правило, не чрево вещает осознанно или неосознанно; он понимает,

(как в запланированном применении «этического доказательства»). Только наиболее подкованные чревовещатели, видимо, осознают, что выражают собственную оценку.

8. Точный прогноз, или предвидение, не всегда ставится целью в до-научном ориентировании. По крайней мере, теории и определённые высказывания не оцениваются главным образом с точки зрения их пользы в составлении прогнозов. В до-научном ориентировании, строго говоря, не существует научных теорий о субмикроскопическом уровне, но в нём встречаются *убеждения* о «сверхъестественном». Они, как правило, остаются неизменными, потому что считаются утверждениями фактов. Вера и покорность перед авторитетом, – выраженные в участии в предписанных ритуалах, и т. д. – представляющим систему убеждений, ценятся как средства контроля над природными и человеческими процессами.

Мы можем лучше уяснить то, что мы понимаем под научным ориентированием, или образом жизни, с помощью вышеприведённого его сопоставления с до-научным ориентированием. Стоит напомнить, что здесь мы подразумеваем не высоко специализированную и лабораторную науку, а общий метод. В технической и лабораторной науке к общему методу добавляются высокоточные приспособления и техники измерения, высокая степень контроля над условиями наблюдений и измерений (экспериментальный контроль) и математическая отчётность и анализ полученных данных. Всё это мы можем назвать *усовершенствованиями*. Они позволили развить такие науки как физику и химию. Но их не стоит ошибочно принимать, как это часто случается, за основные методы науки. Мы не можем пользоваться этими усовершенствованиями с достаточной степенью эффективности в наших обычных повседневных жизнях, но наукой, как методом, мы пользоваться можем, и весьма эффективно.

Теперь мы перейдём к рассмотрению общей семантики как системы понятий, положений и техник. Понимание науки как метода позволит нам лучше понять и более эффективно применять общую семантику, потому что эту систему вывели из всего того, к чему мы применяем термин «наука». Она представляет научный метод, сведённый к простым и практичным понятиям – науку, которой удаётся легче научиться. Мы можем надеяться найти в ней средства ускорить развитие научной цивилизации и подготовиться к её задачам и возможностям.

что выражает собственные оценки, даже если цитирует слова другого человека.

8. Точный прогноз, или предвидение, признаётся целью в научном ориентировании. Теории и отдельные высказывания оцениваются с точки зрения их пользы в составлении прогнозов. Ценность научных теорий о субмикроскопическом (таких как молекулярная теория материи) заключается в точности прогнозов, которые удаётся строить, основываясь на этих теориях. В таких теориях – включая теории без субмикроскопических конструкций – изменения вносятся с целью составлять более адекватные прогнозы. Теории с высокой степенью прогнозируемости ценятся как средства контроля над природными и человеческими процессами.

ЧАСТЬ III *Слова и не-слова, основные принципы общей семантики*

Глава~V МИР НЕ-СЛОВ

Многие теми или иными словами говорили, что проблемы знания и понимания удастся объяснить с точки зрения отношения языка к реальности, или символа к факту. Каким таким образом отметины, по которым вы ведёте глазами и которые мы соглашаемся называть словами, которые, в свою очередь, мы соглашаемся принимать как «платёжное средство» в обмене информацией, выполняют свои странные функции? Если смотреть на печатное слово достаточно долго, оно станет для вас простыми отметинами, узором из линий. Сначала слово выглядит, будто оно написано правильно, затем уверенность в этом начинает пропадать, а потом доходит, что простые раздумья о правописании этого слова ведут нас в самые запутанные лабиринты человеческого понимания.

Конечно, если посмотреть на что угодно достаточно долго и вдумчиво, происходит переход в состояние, в котором увиденное не поддаётся словесному выражению. Один философ отметил, что самым странным изобретением в истории человечества он считал вещь для прикрытия ступней, называемую «носок». Он внимательно смотрел на один носок несколько минут. Порой, однако, кажется, что никакое другое человеческое изобретение не сравнится своей странностью и удивительностью со словом; например, словом «носок».

Мы можем задаться вопросом, откуда слова изначально появились, и как они «обретают» свои «значения». Таким вопросом задавались Чарльз Огден и Айвор Ричардс в своей книге о «значении значения». Мы можем уверенно сказать, что человек, задавшийся таким вопросом рано или поздно узнаёт, что слово «значит» нечто большее, чем просто другие слова. Например, люди привыкшие сверяться со словарями, поддаются заблуждению, что они могут найти в них полное значение слова. Находят они лишь определение слова, состоящее из других слов. К тому же, словарь представляет собой закрытую систему. Какое-либо слово в нём определяется другими словами, и эти слова, в свою очередь, тоже определяются другими словами, и если пойти достаточно далеко по этой тропе определений слова, мы обнаружим, что это тропа ведёт нас по кругу, что и позволяет понять, что слова применяются для определения друг друга. *Пространство* определяется с точки зрения *длины*, а *длина* определяется с точки зрения *пространства*; *красоте* приписывается характеристика *хороший*, а в определении слова *хороший* в пример приводится *красота* и т. д. Тщательно исследовав словарь, то, что вы в итоге знаете представляет собой слова, и всё, что вы о них знаете тоже представляет собой слова. Если всё, что вы знаете, представляет собой слова, у вас остаётся вопрос, с которого вы начали: что слова «значат», кроме других слов?

Этот вопрос представляется невероятно сложным, и множество простых ответов, которые мы на него даём, показывают нашу глупость. Мы можем в некоторой степени избежать повторений этой глупости, предупредив, что не исчерпаем эту тему. Мы ставим скромные цели. Пока что нас волнуют три аспекта «значения»: не-вербальные факты, которые мы представляем словами; *оценки*, которые мы ими выражаем; и *эффекты* производимые на тех, кто их слышит или читает, включая тех, кто их произносит или пишет. Например, слово *блондин(ка)* может относиться к определённой человеку; мы можем произнести его так, чтобы выразить оценку от любви до отвращения; или его произнесение может привести к реакциям от дружеских улыбок до убийства человека. Что *блондин(ка)* «значит» по словарю, ведёт, опять же, в направлении, которое нас пока не особо интересует. Оно интересует других исследователей языка, которые занимаются своей важной работой. Мы можем рассматривать «зна-

чение» слова множеством других способов. Эта проблема видится не менее глубокой и сложной, чем другие проблемы человечества, так что исчерпать её не получится. Но в пределах наших интересов, мы попробуем разобраться с ней по порядку.

Что есть факт?

Начнём с обозначения основных этапов простого, процесса, в котором мистер А разговаривает с мистером Б – процесс коммуникации. Имеется «факт»; что-то происходит, что стимулирует мистера А. Он что-то чувствует и интерпретирует. Он говорит, переводя свою интерпретацию в словесную форму. Мистер А производит звуковые волны, которые вызывают вибрации мембран и жидкостей в ухе мистера Б. Это запускает деятельность в его слуховом нерве и в коре его мозга, после чего он интерпретирует то, что происходит в его коре. Затем он что-то говорит или делает, на что в свою очередь реагирует мистер А, затем мистер Б снова реагирует на мистера А, и т. д. Подобные вещи происходят между сотнями миллионов людей тысячи лет, и в результате человеческое общество становится всё более сложным. Разговор мистера А с мистером Б – как широко поставленный вопрос – играет важную роль. Он связывает практически все наши проблемы межчеловеческого понимания и согласия, сотрудничества и конфликтов, знания и глупости, мира и войны.

Так что же происходит, когда мистер А разговаривает с мистером Б? Мы начали с того, что имеется некий факт. Именно этот этап процесса мы рассмотрим в данной главе. Перед нами стоит простой вопрос: «Что есть факт?» Так называемые специалисты по пропаганде предостерегают нас от опасностей того, что они называют призывом к эмоциям. Они настойчиво призывают нас взглянуть на факты, требовать фактов и не спускать глаз с фактов. Эта рекомендация кажется обезоруживающе простой. Если ей следовать, придётся многое оставлять на волю случая или принимать как данное. В ней имеется предположение о том, что факт есть факт, и что любой узнает факт, когда его увидит. Здесь, однако, стоит кое-что учесть. Во-первых, знать факты – если подразумевается знание *всех* фактов о чём-либо – не представляется возможным. Если кто-то не советует предпринимать действий до тех пор пока не станут известны факты, этот кто-то заклинает вас на вечное бездействие, если только он не указывает конкретно, какие и сколько фактов вам следует знать. Вспомним также, что называемое фактами, может меняться. Вчерашняя статистика может стать сегодняшними байками. К тому же, факт видится по-разному в зависимости от точки зрения; ваши факты не представляют собой в точности факты кого-то другого. Нередко факт одного человека может оказаться выдумкой другого. Это означает, что факты, в значительной мере, определяются социальной согласованностью. Если это не признать, советы придерживаться фактов обычно верно ведут к безнадёжным спорам.

Если мы и можем узнать факт, когда его видим, нам стоит учитывать четыре важных сопровождающих его условия: мы не испытываем весь факт; он меняется с течением времени; он зависит от личной точки зрения; а польза от него зависит от степени согласованности вашей точки зрения на него с точками зрения других людей.

Факт всегда остаётся неполным. Наши способности наблюдать мир вокруг нас имеют ограничения. Существуют некоторые звуковые волны, которые мы не распознаём как звук, и энергетические излучения, которые мы не видим, не чувствуем и не распознаём каким-либо другим способом. Чтобы преодолеть такие ограничения, мы можем пользоваться, например, микроскопами, которые обладают своими ограничениями. Иными словами, мы можем добраться лишь до той доли фактов, до которой нам позволяют добраться органы чувств и усиливающие их устройства. За пределами того, что мы можем наблюдать, существует микро-

скопический мир, а за ним – субмикроскопический мир, который мы можем представить не лучше, чем слепой ребёнок может представить себе осеннее дерево.

То, что мы наблюдаем как факт неизбежно представляет собой отрывок, адаптированное издание, так сказать, чего-то, о чём мы можем лишь строить догадки. «Если мы проявим достаточную изобретательность, то сможем составить некоторую картину механизма, стоящего за тем, что мы наблюдаем...». «Мы можем сравнить наши попытки разобраться в реальности с попытками понять механизмы работы закрытых часов», которые никак не открываются. На пути исследования реальности приходится учиться по этому пути ходить. Наши «факты» остаются неполными. Доводы против нетерпимости и догматизма, в конечном счёте, представляют собой не «моральные» доводы; они твёрдо стоят на том условии, что человек не может знать всех фактов, или всё о каком-то отдельном факте. Человек, придерживающийся догм сбился с толку; «аморальным» его мы можем лишь называть.

И всё же, кое-что мы знать можем. Факты меняются, но некоторое подобие вчерашнего дня присутствует в том, что мы видим и слышим сегодня. Факты меняются, но нам их хватает в данный день. Мы можем считать самым важным фактом само изменение. Факты, как мы их наблюдаем, представляют собой нечто большее, чем мелькающие обрывки нескончаемых преобразований, как если бы мы смотрели на отдельные кадры *движущейся плёнки*, не понимая, что смотрим, именно что, на движущуюся плёнку. Если присмотреться, мы увидим, что каждый кадр немного отличается от предыдущего. Таким же образом, присматриваясь к «факту», мы видим, что он выглядит немного – или заметно – по-другому от одного момента к следующему. Трава растёт, плод зреет, мальчик становится мужчиной. Знакомый человек, каким мы его знаем, представляется чем-то средним, своего рода смешением или абстракцией множества того, что мы в нём пронаблюдали. Каждый факт случается лишь однажды. В силу того, что *факты* меняются, любой факт получается уникальным, и поэтому двух в точности одинаковых фактов не случается. Однако, говоря в общем, все факты в нашей досягаемости не изменяются настолько резко и в такой качественной мере, чтобы внезапно нас одурачить. Конечно, случается и так, что изменения происходят для нас неожиданно, но пока мы поддерживаем готовность и понимание факта самих изменений, меняющиеся факты, как правило, не пугают нас слишком сильно.

В простом смысле, факт представляет собой наблюдение. Под наблюдением мы подразумеваем поступок индивидуума, и поэтому говорим, что факт зависит от личной точки зрения этого индивидуума. Мы говорим, что факт неизбежно остаётся неполным, потому что индивидуум, который наблюдает факт, имеет ограничения в своих способностях наблюдать. К этому, факт меняется не только сам, но меняется и индивидуум, который его наблюдает, и поэтому наблюдает он по-разному в разное время. Перефразировав Гераклита, мы можем сказать, что один и тот же человек не может войти в реку дважды. Узнав об этом впервые, мы можем расстроиться от утраты прежних радужных ожиданий, но должным образом усвоив это, мы начнём ценить обретенные способности составлять прогнозы.

Стоит также отметить, что мы не просто находим факты, как они «есть»; скорее, мы их формируем. «Мир, как мы его знаем, представляет собой продукт деятельности наблюдателя и наблюдаемого». Важность личного баланса в том, что мы называем фактами, хорошо передаёт простыми и эффективными терминами нижеследующий отрывок из вступительной главы к пятому тому *Коллоидной Химии*, под редакцией Джерома Александра:

В качестве предостережения от излишней уверенности в наших знаниях о чувствительности, стоит вспомнить, что Блэксли и Фокс продемонстрировали, что способность людей распознавать вкус фенилтиокарбамида обуславливается рецессивным геном, и что даже те, кто распознаёт его вкус (около 70 процентов участников), описывают его по-раз-

ному: горький, сладкий, солёный или кислый. Это показывает, что чувствительность реализуется с определённой относительностью. Мойер протестировал шестьдесят человек на способность распознавать четыре простых вкуса: апельсина, лимона, лайма и ванили. Среди участников лишь один показал идеальный результат. Пятеро показали точность более 75 процентов, но сорок восемь из них не смогли набрать даже 50 процентов. Ваниль определяли как чёрную смородину, лайм, абрикос, сливу, тернослив, лимон, ананас, апельсин, мандарин, миндаль, красную смородину, клубнику. Распознавать вкус бензоната натрия может лишь ограниченное число людей, а в способностях распознавать такие ароматы как вербена и различать вина люди существенно расходятся. Уильямс сообщает (журнал *Science*, декабрь, 1931), что человек с обонянием, которое по всем остальным тестам оценили нормальным, не мог распознать запах скунса, а запах н-бутил меркаптана – «парфюма», который скунсы переносят – не показался ему неприятным. Лэйсэл и Уильямс, в попытках распознать вещество как креатинин, сочли его безвкусным, хотя в литературе пишут, что на вкус креатинин ощущается горьким. Им пришлось протестировать образец на нескольких других людях, чтобы найти тех, кому он показался горьким. Так как постное мясо содержит много креатинина (около 1 грамма на килограмм), а супы на постном мясе содержат экстрагированный креатинин, у нас имеется ещё одна основа для различий во вкусах. Уильямс считает, что эта проблема входит в проблему более общего характера – индивидуальные метаболические особенности, которые иногда встречаются в медицине (например, реакции на морфий, новокаин, йодоформ, и т. д.) или в промышленности (реакции на косметические средства, «химикаты», и т. д.).

Вкус не удаётся определить строго словами, потому что в общем физиологическом смысле вкус проявляется индивидуально, а индивидуальные отличия – которых уже насчитывается много – становится крайне сложно разобрать, когда к ним начинают добавляться факторы научения, или так называемой физиологической обусловленности. Чувство вкуса, при этом, мало чем отличается от других чувств. Индивидуальные отличия в способностях что-то чувствовать описали многие учёные на основе своих лабораторных экспериментов. Стоит признать, что наблюдение зависит от личной точки зрения, и не есть универсальная истина.

Практически, это означает, что степень пользы и надёжности факта зависит от согласованности наблюдений других людей с вашими. (Здесь мы, конечно, говорим о фактах первого порядка, а не о выводимых из них заключениях. Заключение одного человека могут оказаться лучше заключений тех, кто с ним не соглашается.) Если большинство людей называют что-то зелёным каждый раз, когда вы называете это красным, возможно, стоит довериться их слову. Если врач, два интерна и медсестра соглашаются в том, что на вашем пиджаке не живут кузнечики, возможно, стоит оставить попытки их стряхнуть. Говоря в общем, чем больше людей соглашаются в отношении факта, тем надёжнее мы считаем этот факт.

К этому, однако, стоит добавить два квалификатора. Во-первых, одни могут наблюдать надёжнее других. Если бы вы работали менеджером по персоналу на заводе, и нанимали контролёров брака в металлических пластинах, вы бы не стали брать кандидатов беспорядочно. В партии из 100 металлических пластин по определению десяти опытных контролёров может выявиться, например, 27 дефектных. Кандидата, нашедшего только 17 или 36 дефектных пластин в партии, не посчитают надёжным наблюдателем в сравнении с тем, кто нашёл 27. На современных заводах применяются различные виды так называемых проверок на пригодность, которые позволяют определить потенциальную надёжность кандидатов для работы, при которой требуется хорошая наблюдательность. В таких проверках в качестве основной меры надёжности наблюдателя пользуются согласованностью его наблюдений с наблюдениями других наблюдателей. Мы считаем надёжным такого наблюдателя, с которым другие наблюдатели – с большим опытом и высокой компетентностью – соглашаются.

ся. Представление о том, что сообщение о факте одного человека не отличается надёжностью от сообщения любого другого, далеко не всегда оказывается верным.

Другой аспект этого общего высказывания состоит в том, что согласованность в наблюдениях частично зависит от сходства условий, в которых их проводили. Если вы пользуетесь микроскопом, а я нет, вы можете пренебречь моим несогласием с вами. Если же мы с вами пользуемся одним микроскопом, наши несогласия становятся важными. О каждом впервые открытом микробе, синтетическом веществе и факте некоторое время знает лишь один человек. Никто не может его оспорить, просто потому что никто другой ещё не наблюдал его надлежащим методом. Надёжность этого факта повышается с тем, что его наблюдает больше людей. До тех пор пока его не пронаблюдали, по меньшей мере, двое человек, он остаётся необоснованным. Вышесказанное мы можем свести к тому, что некоторые наблюдатели наблюдают надёжнее других в силу разницы в способностях пользоваться тем же оборудованием и техниками, и в силу разницы в доступном оборудовании и техниках.

Другой квалификатор состоит в том, что некоторые наблюдения не получится подтвердить *напрямую* вторым лицом. Если я вам скажу, что у меня болит зуб, вам придётся поверить мне на слово, до тех пор пока вы не найдёте прямое тому подтверждение. Вы не можете чувствовать мою зубную боль, а я не могу вам её сказать; я могу сказать только о моей зубной боли. Каким же тогда образом удастся проверить такой факт? Опосредованно.

Мы обычно говорим: «Он говорит, что у него болит голова, но по его поведению не скажешь». Или: «Он говорит, что у него болит голова, но я не вижу тому причин». Врачи различают два типа таких состояний: симулирование и истерия. Когда человек говорит, что он потерял слух, он мог оглохнуть в обычном смысле, но он также может притворяться (симулировать) или страдать истерической глухотой. Надлежащие методы осмотра позволяют получить веские косвенные (опосредованные) свидетельства, подкрепляющие заключения о состоянии того или иного типа. В сущности, если мы можем выявить, что известные физические причины глухоты отсутствуют, а затем выявить, что человек слышит, мы говорим, что он симулирует – он не только передаёт ложное сообщение, но и осознаёт свой поступок. Если же известные физические причины отсутствуют и человек не слышит – по крайней мере, не в условиях достаточных, чтобы выявить способность слышать в симулянте – мы говорим, что он действительно оглох, или же истерически оглох. Отсутствие известных физических причин глухоты служит веским свидетельством того, что человек на самом деле не оглох, но в таком случае остаётся возможность, что имеются некоторые физические причины, которые до сих пор не обнаружили или не признали медициной. Говоря в общем, диагноз истерической глухоты ставят, когда удаётся определить, что физические причины отсутствуют и человек не врёт в сообщении о своей глухоте. Под истерической глухотой мы имеем в виду, что несмотря на то, что у него функционирует всё необходимое для слуха, он всё равно не слышит из-за эмоциональных конфликтов, которые вызывают в нём нетерпимость к слуху. Когда эмоциональные конфликты разрешаются, а человек слышит и честно об этом сообщает, мы принимаем это как достаточное свидетельство тому, что он не симулировал.

Сообщения о внутренних опытах, – боль, зуд, и т. д. – которые не представляется возможным пронаблюдать прямо вторым лицом, мы можем отнести к (а) надёжным, (б) умышленно ложным или к (в) таковым истерического происхождения. То, к какому типу их относить, мы определяем косвенными свидетельствами. Мы считаем эти сообщения надёжными, когда они согласуются с соответствующими им условиями и поведением. Согласуются они или нет, и в какой степени, – и таким образом считаются надёжными – зависит, даже в этом случае, от согласия между людьми, способными наблюдать их согласованность.

Учитывая эти квалификаторы, мы можем сказать, что факт представляет собой наблюдение, согласованное двумя или более человек, квалифицированных, оснащённых оборудованием и находящихся в положении для проведения этих наблюдений; при этом, чем больше таких человек участвует в согласовании, тем выше мы оцениваем надёжность факта.

Процесс абстрагирования: невербальные уровни

Мы уже сказали, что факт первого порядка – как наблюдение – остаётся неполным и представляет собой грубую картину более полной и подробной реальности, которую наблюдаем напрямую лишь частично. Мы также отметили, что наблюдения невооружённым глазом совершенствуются с помощью различных устройств и приборов, таких как микроскопы, телескопы, высокоскоростные камеры, и т. д. (Мы их называем экстра-неавральными средствами наблюдения, потому что они позволяют преодолевать ограничения органов чувств.)

Для того чтобы сделать эти высказывания наглядными, мы воспользуемся диаграммой и начнём только с одной её части (Рис. 4), и разовьём её дальше по мере наших объяснений.

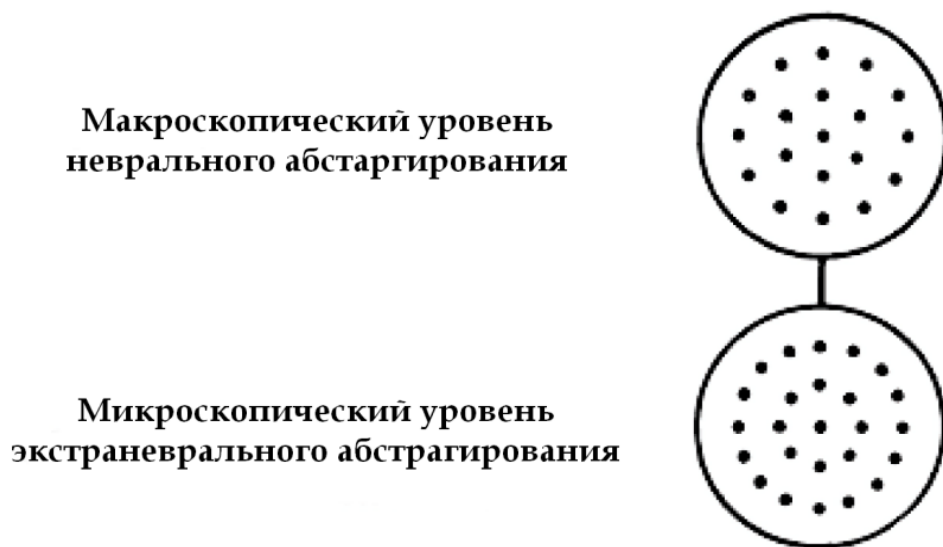

Рис. 4: Схематическое обозначение макроскопического и микроскопического уровней абстракции.

Рисунок 4 обозначает то, что мы называем фактами в нашей повседневной речи. В этом смысле факты представляют собой что-либо, что мы наблюдаем – видим, слышим, чувствуем запах, вкус, прикосновения, или чувствуем кинестетически, внутренне. Таким образом, что-либо, от бегемота до микроба, от жара до зуда, представляет собой факт, покуда он испытывается напрямую. На диаграмме мы обозначили два уровня фактов: макроскопический, или уровень прямого неаврального наблюдения, и микроскопический – уровень экстра-неаврального наблюдения. Мы называем их уровнями *абстракции*, потому что, как мы сказали, наблюдения остаются неполными. Они представляют собой абстракции, и таким образом наблюдение тоже относится к процессу абстракции как один из его обозначенных видов.

Мы можем внести немного ясности, добавив ещё один уровень к нашей диаграмме (Рис. 5). Этот третий, или самый низкий, уровень, говоря словами Эйнштейна и Инфельда, представляет «механизм в часах». Иными словами, мы обозначаем им реальность, существующую за гранью нашей способности наблюдать, в субмикроскопической области, о которой мы знаем только за счёт заключений. Поэтому мы называем его также уровнем *выведенных* данных. Слову «данные» мы придаём важность. В его употреблении подразумевается, что эту субмикроскопическую область следует считать фактической. Научно, мы говорим о ней с точки зрения атомов, электронов, и т. д., и то, что мы при этом говорим, не служит выражением некой фантастики. Мы стараемся говорить так, чтобы то, что мы говорим имело смысл.

Например, вы можете налить воды в стакан и оставить его на столе. Теперь, вы можете наблюдать воду в стакане, как она в нём стоит, или, например, вы можете поместить каплю этой воды на стеклянную пластину и рассмотреть её под микроскопом. На основе таких наблюдений вы можете говорить некоторые вещи о воде, и вы «выскажете факты».

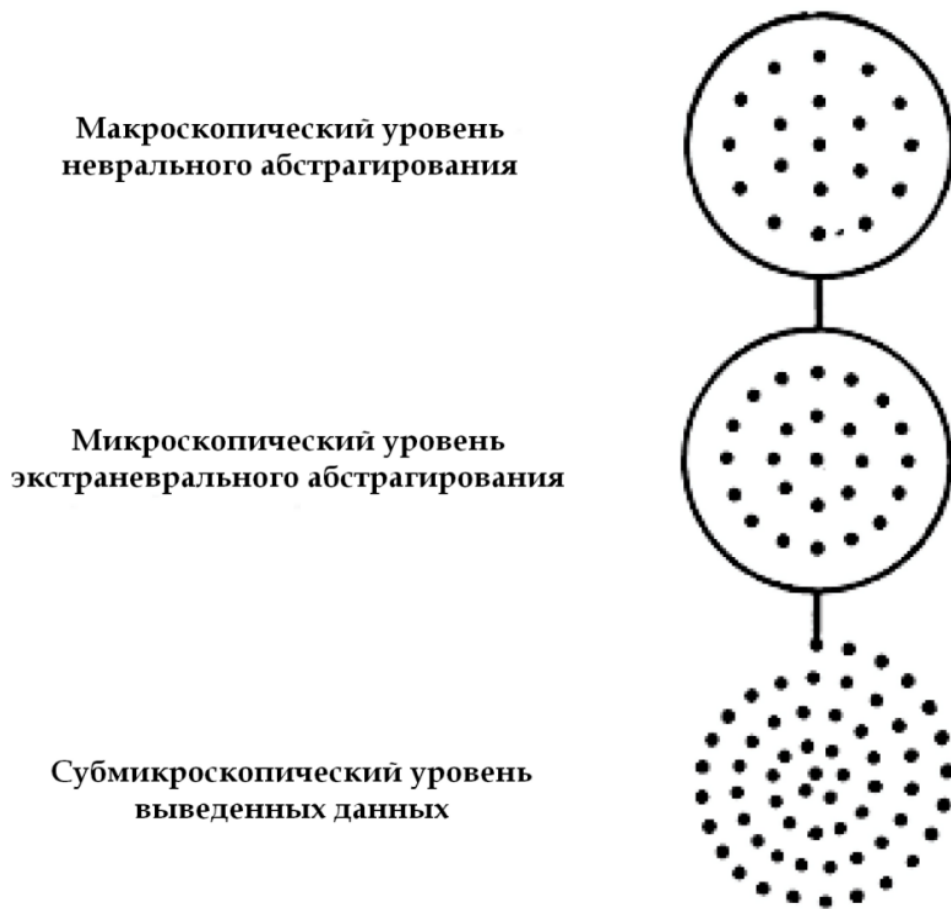

Рис. 5: Диаграмма невербальных уровней абстракции.

Если оставить воду на столе на несколько дней, удастся пронаблюдать, что количество воды в стакане убывает. Вода не вытекает через трещины в стакане, никто из него не пьёт, и вы не видите, как вода из него уходит. Она, тем не менее, постепенно исчезает; вы можете определить это фактом, обозначив его «испарением». Если вы проявите достаточную изобретательность, то сможете составить картину механизма, работой которого обуславливается испарение. Так делали учёные – с точки зрения области субмикроскопического. Конечно, мы можем «объяснить» испарение с точки зрения непредсказуемых плоггов. Учёные объясняют его с точки зрения молекулярной теории материи. Они *заключают*, что то, что мы называем водой, состоит из мелких частиц, пребывающих в постоянном движении на высокой скорости. Эти частицы, которые они называют молекулами, несут электрический заряд, за счёт которого они с той или иной силой друг к другу притягиваются, и в определённой степени, по этой причине большинство из них остаётся в стакане несколько часов. Определённая их часть подходит близко к поверхности воды, двигаясь на очень высокой скорости, и вылетает из стакана в воздух. Вы не видите, как это происходит, потому что ваше зрение не позволяет вам увидеть частички такого малого размера. Если в комнате стоит жара, молекулы в стакане двигаются быстрее, и из стакана их вылетает больше; если же температура в комнате опускается настолько, что вода в стакане замерзает, это означает, что молекулы сильно замедлились, и стакан покидает намного меньшее их число. Иными словами, учёные не просто говорят, что молекулы существуют; они описывают их – конечно, на основе заключения – таким образом, чтобы это описание объясняло то, что они собственно наблюдают. С помо-

щью таких заключений, они могут составлять прогнозы, которые в их отсутствие не представляется возможным составить. Таким образом, приписав молекулам качества, которыми мы можем объяснить усиленное испарение при высоких температурах, учёные могут спрогнозировать скорость испарения при низких температурах, или при другом атмосферном давлении, и т. д. Учёным настолько часто удавалось проверить прогнозы, составленные на основе таких заключений, что они смогли выстроить надёжные теории о субмикроскопическом мире выведенных данных.

Разработка научных теорий в попытках описать этот обширный субмикроскопический мир выведенных данных разворачивается под стать увлекательной детективной истории о творческом воображении, которое позднее во многих случаях подтверждается настоящим открытиями не только электронов, молекул и атомов, но также гормонов, витаминов, анти-токсинов, бактерий, аллергий, и т. д. В психологии эта история складывалась из так называемых неосознанных конфликтов, порывов, желаний и других механизмов, предположительно лежащих в основе нашего поведения. Помимо этого, история складывалась из мотивов, силы привычек, сдерживаний и других выведенных обуславливающих элементов научения и забывания. С другого направления расследования науки шли по следам хромосом и генов к необычной истории о наследственности. Рост и старение, здоровье и болезни, удовлетворённость и страдания, гений и глупость понимаются сегодня – если понимаются вообще – не просто как факты, а как факты выведенного типа.

В самом общем смысле, мы можем описывать субмикроскопическую область динамически-ми терминами процесса, излучений, вибраций, кружащимся танцем не поддающихся наблюдениям частиц и движением волн. Из неё мы абстрагируем тени, цвета, контуры и факты, с которыми мы так ограниченно, порой ошибочно знакомимся посредством наших наблюдений. Из всех этих прямо известных нам фактов, наиболее вездесущим и надёжным выступает факт перемен. Мы рассматриваем его как бесконечный ряд нескончаемых отличий, о которых мы знаем из опыта – или, скорее, опыт учит нас ими, если мы разрешаем себе учиться. Наблюдая, отличия и прогнозируя изменения в мире вокруг и внутри нас, мы учимся составлять картины механизма, которые могли бы объяснить то, что нам удаётся наблюдать. Составляя такие картины и пересматривая их в случаях ошибочных прогнозов, – ведь новыми наблюдениями мы выявляем старые ошибки – мы постепенно достигаем понимания фактов, с которыми нам приходится иметь дело каждый день. Это означает, что значимость факта большей частью реализуется теорией, которой мы пытаемся его объяснить, потому что теорией мы определяем то, как собираемся этим фактом пользоваться.

Не так давно люди предполагали, что, например, причины безумия крылись в духах и дьяволах в теле страдающего индивидуума. В наблюдаемых фактах сомневаться не приходилось, как не приходится и сейчас. Однако то, что мы делаем, основываясь на этих фактах сегодня, значительно отличается от того, что делали тогда, потому что сегодня мы уже не предполагаем дьяволов. Демонических плоглов заменили – не просто исключили, а именно заменили – на другие формы выведенных данных, и соответственно прежние жестокие методы борьбы с безумием уступили место более гуманным и эффективным процедурам. И даже сегодня психиатры отличаются в своих методах лечения «умственных» заболеваний, потому что отличаются их предположения, на основе которых они пытаются их объяснить. Грубо говоря, существует две основные точки зрения. Одни склоняются к убеждению, что безумие обуславливается наследственностью, или, по меньшей мере, оно происходит под влиянием биологических факторов. Другие придерживаются взгляда на «умственные» заболевания как на результат научения или факторов среды. Две этих общих теории, или заключения, предполагают разные процедуры осмотров, разные наборы наблюдений и разные виды лечения.

Всё это подчёркивает, что значимость наблюдаемого факта заключается большей частью в теории – в выведенных данных, которыми мы пытаемся его объяснить.

В повседневных практических целях прежде всего стоит учитывать то, что мы не можем проводить полные, исчерпывающие наблюдения. Мы абстрагируем [отбираем] их из чего-то, что мы обозначили на диаграмме субмикроскопическим уровнем выведенных данных. Нам, по меньшей мере, следует знать о существовании этого уровня реальности и пытаться, насколько у нас получается, представить себе то, каким мы его предполагаем, и если наше представление не помогает нам составить прогнозы и сформулировать объяснения фактам, которые мы наблюдаем, следует пересмотреть это представление. Мы можем считать это минимальными требованиями к человеку, который старается поступать научно и понять, даже в простой форме, мир вокруг него и свои реакции на него.

Заметим, что на диаграмме мы поместили большее количество точек, обозначающих подробности, на микроскопическом круге, чем на макроскопическом. Мы это сделали с целью показать, что невооружённым глазом, или другими органами чувств, мы не можем наблюдать многие аспекты объекта или явления. Они становятся видимыми, только если мы воспользуемся экстра-невральными средствами или особыми техниками наблюдения. Вода под простым наблюдением может показаться покоящейся и прозрачной. Капля «той же» воды, но под микроскопом, уже таковой не покажется. Например, мы можем увидеть в ней активность мелких форм жизни. А если поместить туда песчинку пыльцы, мы сможем наблюдать странное броуновское движение, которое обсудили в предыдущей главе.

Факты человеческого поведения, такого как гнев, плач или смех, если их рассматривать без учёта выведенных факторов, едва ли вообще получится понять. Конечно, на основе обыкновенного наблюдения, мы можем более или менее описать такое поведение, как и условия, в которых оно происходит, а затем выработать объяснение этого поведения с точки зрения его условий – стимулов, на которые мы реагируем. Однако наши наблюдения поведения и стимулирующих условий по-прежнему остаются настолько неполными, что мы вряд ли сможем достичь значимого понимания, имея только эти наблюдения, как таковые. Более того, осознаём мы это или нет, мы редко высказываем объяснения наших действий в форме простых описаний этих действий или условий их среды. Мы шагаем за грань очевидных фактов и пытаемся объяснить своё поведение «человеческой природой», «наследственностью», «волей божьей», «инстинктом», «привычками», и т. д., или же более современным научным способом, когда мы говорим адекватнее определёнными физиологическими, психологическими или семантическими терминами, которые относятся к выведенным данным. Собственная осознанность, от которой во многом зависит личностная адаптация, предполагает осознанность выведенных факторов или предположений, которыми мы пытаемся себя понять. Если мы не осознаём эти предположения, мы не можем относиться к ним критически – не можем проверить и пересмотреть их, чтобы они принесли больше пользы в составлении прогнозов и в контроле нашего поведения.

Для того чтобы проверить такое предположение, следует установить (а) насколько эффективно оно объясняет прошлое поведение, (б) насколько оно позволяет прогнозировать будущее поведение, и (в) можем ли мы учесть какие-либо другие факторы или предположения, которые поспособствовали бы более эффективным объяснениям и прогнозам. Если, например, вы предполагаете, что ваша раздражительная реакция на шум обусловливается наследственностью, вам сначала следует как можно яснее постараться вспомнить свои прошлые реакции на шум. Наследственные характеристики, по определению, проявляются относительно постоянно. Узор отпечатков пальцев, цвет глаз, текстура волос, и т. д., мы считаем наследственными чертами, и они почти не меняются с течением времени. Если ваши реакции

сильно варьируются, и вы едва можете подобрать им объяснение или спрогнозировать их в рамках наследственности, то дальнейшее изучение может указать, что ваша раздражимость представляет собой приобретённую реакцию, связанную только с определёнными типами шума. Или, например, вы обнаружите, что раздражаетесь от шума, только когда испытываете голод. Медицинский осмотр может выявить у вас язву желудка, и в этом случае, врач, скорее всего, пропишет вам какую-нибудь форму лечения. Если лечение сработает, любое понимание того, почему оно работает, зависит от предположений о каких-то физико-химических процессах, потому что полное объяснение не представляется возможным привести, опираясь на то, что вы можете наблюдать на деле.

Объект или событие, или человеческая реакция, в том, как они наблюдаются на макроскопическом уровне, представляет собой абстракцию того, что могли бы наблюдать на микроскопическом уровне. Иными словами, наши глаза не показывают нам полную картину яблока, карандаша или, например, вспышки гнева, и даже на микроскопическом уровне мы составляем не полные картины, а лишь абстракции того, что там, на субмикроскопическом уровне, происходит. На нашей диаграмме мы обозначаем субмикроскопический уровень пунктирной спиралью, чтобы чётко отличить его от двух других уровней и чтобы показать относительно более динамический характер выведенных процессов в сопоставлении с фактами, которые мы из них абстрагируем наблюдениями. Кроме того, мы не складываем окончательные понятия о выведенных данных, а постоянно подвергаем их пересмотру и предполагаем, что субмикроскопические события создают отличия и перемены в реальности, как мы её наблюдаем. Это мы обозначаем незаконченностью спирали. Спираль включает больше «точек», чем круг над ней, потому что даже на микроскопическом уровне мы не наблюдаем или не абстрагируем всё. Определённые подробности неизбежно упускаются.

Факты первого порядка

То, что мы обозначили на макроскопическом и микроскопическом уровнях, мы можем называть фактами первого порядка. Под фактами первого порядка мы имеем в виду факт, который удаётся устойчиво наблюдать. Предметы падают, деревья покрывает кора, бумага горит: это мы называем фактами первого порядка. В одном коротком рассказе для детей повторяется фраза «Просто так утки делают». В нём рассказывается о жёлтом утёнке, который плавает, окунает голову в воду, и делает другие вещи, которые «утки делают». На вопрос «Почему они так делают?» следует разумный ответ на уровне наблюдаемых фактов: «Просто утки так делают». Это мы рассматриваем как факт первого порядка об утках. Им высказывается, так сказать, норма. *Почему мы дышим и почему бьются наши сердца?* В практическом смысле – на макроскопическом и микроскопическом уровнях – «почему» не удастся применить; просто описываются факты первого порядка. Жизнь и реальность, как мы их напрямую испытываем, мы рассматриваем как факты первого порядка, а доступное нам понимание жизни и реальности представляется нам выведенными процессами, которыми мы стремимся объяснить факты первого порядка. В связи с этим, нам ни в коем случае не следует спутывать наши фактические данные с выведенными.

Мы начали обсуждение с процесса разговора мистера А с мистером Б, который начинается, как правило, с факта. Другими словами, изучение языка стоит начинать с изучения того, на чём он стоит. Понимание любого символа во многом зависит от знаний о том, что им обозначают, так что для того чтобы понять язык, требуется знать, хотя бы в общем, что мы можем им обозначать. В сущности, это мы рассматриваем в рамках макроскопического, микроскопического и субмикроскопического уровней – невербальных уровней абстрагирования.

Отличия между уровнями

Мы добавим больше уровней в нашу диаграмму в следующей главе. До сих пор мы обозначили то, что можем назвать миром не-слов, элементами схемы, которые служат символами «реальности», «физического мира», наблюдаемых данных и не-наблюдаемых выведенных данных, за счёт которых мы можем узнавать о мире, в котором живём и о процессах жизни, происходящих внутри нас. Этот мир не-слов мы можем наблюдать, или знать о нём, или абстрагировать, на разных уровнях, из которых мы пока что узнали о трёх.

Нам стоит сделать несколько резюмирующих высказываний об этих *уровнях абстракции*:

1. Каждый из уровней отличается от каждого другого уровня. По мере построения этой диаграммы, мы коснулись того, как эти уровни отличаются друг от друга, и эти отличия, как мы их выразили, могут показаться очевидными. Тем не менее, нам не следует, говоря об очевидности отличий, пренебрегать их значимостью. Наша склонность принимать такие вещи как данное, не обращая особого внимания на их последствия, составляет важный аспект семантических расстройств, о которых мы поговорим в последующих главах.

Некоторые из более ясных последствий отличий факта на одном уровне абстракции от факта на любом другом уровне мы видим, когда исследуем то, что происходит, когда ими пренебрегают. Ими, кстати, пренебрегают не только примитивные люди, которые реагируют на выведенных призраков своих предков, будто они есть объективные, живые существа, но и так называемый «современный» индивидуум, который отказывается, например, есть яйца, потому что он оценивает субмикроскопический процесс яйцо как идентичный макроскопическому яйцу, которое он имеет возможность видеть, нюхать и пробовать на вкус. Некоторым людям не стоит есть некоторую пищу, потому что у них на неё следует аллергическая реакция, но обычные неприязни к некоторым видам пищи служат примером спутывания одного уровня абстракции с другим – иными словами, неспособности различать уровни и поступать с пониманием того, что уровни ощущаемых данных отличаются от уровней выведенных данных. Мы вернёмся к этому позднее. На данный момент хватит сказать, что простое, на первый взгляд, высказывание о том, что один уровень абстракции отличается от любого другого уровня, обладает существенной значимостью.

2. Чем ниже мы спускаемся по уровням абстракции, тем более подробной, динамичной и процессо-подобной представляется реальность. Поэтому по мере продвижения вниз по уровням, мы получаем возможность наблюдать всё более завершённую картину; мы приближаемся к тому, что Эйнштейн и Инфельд называли «идеальным пределом знаний» – мы приближаемся к нему, но никогда его не достигаем. Мы никогда не достигаем его в силу наших физических ограничений, а также потому что исследуя реальность или какой-либо этап реальности, мы исследуем процесс; и перед тем, как мы можем достичь *полных* знаний о процессе, процессу, по меньшей мере, придётся остановиться. Но раз уж мы не можем достичь полных и окончательных знаний о процессе, который мы называем реальностью, то, по крайней мере, знания, которые нам удаётся получить, мы можем поддерживать в *актуальном* состоянии. К тому же, даже грубая осознанность о субмикроскопическом уровне абстракции, выведенная современными учёными, уменьшает восприимчивость к принятию на веру всего и только того, что мы видим своими глазами. Веря только в то, что мы можем видеть и в то, что мы можем видеть всё, мы практикуем заблуждения. Такие заблуждения имеют серьёзный потенциал губительных и даже катастрофических последствий. Эффекты таких заблуждений наблюдаются при некоторых «умственных» заболеваниях.

3. Абстракции на всех этих уровнях мы относим к *не-произносимым*. Мы можем говорить о них, но не преобразовать их в слова полностью. Высказывание о непосредственном опыте

не может служить дубликатом или полным, точным заменителем опыта. Прикусить язык не составляет труда, но попробуйте *сказать* это ощущение. Что бы вы ни сказали, ваши слова не есть ощущение, о котором вы говорите; оно остаётся *не-произносимым*. Это означает, что человек не может передать нам *всё*, что он ощущает, и *всё*, что с ним происходит. Мы передаём столько, сколько слова или другие символы могут «унести». Поэтому мы никогда не можем позволить себе уверенность в том, что мы «знаем», что человек ощущает. Понимание этого факта составляет основу того, что мы называем толерантностью или гуманным пониманием. Осознанность абстрагирования даёт нам основу науки ценностей и для адекватной оценки в общественных и личных делах, а также в естественных науках.

Касаемо определения

Давайте на время оставим мир не-слов, и зайдём на территорию мира слов. Для этого, мы вернёмся к нашей диаграмме, и когда мы закончим её построение, мы сможем сказать больше об уровнях абстракции и процессе абстрагирования.

Стоит отметить, что мы пока не пытались дать краткое и удобное словесное определение *абстрагированию*, но это обязательно сделаем. Мы определим его с точки зрения диаграммы, которую мы строим и с точки зрения того, что мы об этой диаграмме говорим. Мы продолжим постепенно двигаться таким образом, пока не подойдём к формулировке краткого словесного определения *абстрагирования*, но к тому моменту, оно нам не так сильно понадобится. К тому времени, мы узнаем, в той мере, в которой слова и диаграмма позволяют нам знать, что термин *абстрагирование* обозначает и что мы под ним подразумеваем; и мы это узнаем, мы обнаружим, что сможем обсуждать достаточно ясно и эффективно впечатляющее многообразие человеческих проблем, включая наши личные проблемы, с точки зрения процесса абстрагирования.

Именно этот процесс лежит в основе изучения и практики общей семантики. Принципы общей семантики сообщают о нормальном функционировании этого процесса, а то, что мы называем семантическими расстройствами, представляет собой неэффективное поведение, возникающее при нарушении этих принципов. Философы и психологи веками изучали процесс абстрагирования, но они это делали подобно шести слепцам, изучавшим слона. Они пытались понять его со своих точек зрения, каждая из которых в той или иной степени сводилась к какому-то одному аспекту целого процесса. Логика ограничивала себя изучением отношений типа «слово-слово», уделяя больше внимания вербальным, нежели не-вербальным уровням абстракции. Философы традиционно фокусировались только на одной определённой части процесса абстрагирования, но обходили вниманием другие, что приводило к возникновению так называемых философских школ, которые проводили нелепо длительное время за спорами между собой. Психологи пытались разделить этот процесс на «мысли», «эмоции», «чувства», «двигательные функции», «высшие мыслительные процессы», и т. д. Такое разделение видится искусственным и произвольным, и в лучшем случае направленным на удобство изучения и обсуждения. Судя по нашим наблюдениям, процесс абстрагирования представляет собой нечто единое; таким его рассматривают с точки зрения общей семантики. Мы ясно видим его организацию в форме уровней абстракции. В этой главе мы обсудили не-вербальные уровни. В следующей – мы рассмотрим вербальные.

Глава~VI МИР СЛОВ

Мы настолько легко принимаем такую исключительно *человеческую* и *личную* характеристику как речь за что-то само собой разумеющееся, что нам едва приходит в голову «говорить о говорении». Мы обычно учимся говорить без осознанных усилий, и к возрасту, когда мы уже можем понять каким-то зрелым образом эти странные, влиятельные и ужасающие звуки, называемые речью, которые каким-то образом дают нам способность контролировать других людей, они превращаются практически в рефлекс, как дыхание или кашель, и мы не задумываемся над тем, что о них стоит что-то знать или понимать. В итоге большинство из нас никогда не пытается рассмотреть нашу речь глубже или шире. Мы в основном просто говорим. Как отметил один известный профессор: «Я почти никогда не знаю, что я собираюсь сказать, пока не услышу, как говорю это». Кто-то добавит к этому ещё то, что иногда сказанное не удаётся вспомнить спустя всего момент после того как это сказанное сказали, а спустя день, не считая мелкие фрагменты, сказанное окончательно теряется в небытие.

Одно из преимуществ письма над устным разговором заключается в большей осознанности применения языка. По меньшей мере, то что записали, забывается и принимается некритически с меньшей вероятностью, чем то, что «несётся в потоке» речи. Некоторым примитивным обществам удалось создать простые формы культуры и выживать веками без письменного языка, но продвинутые цивилизации не удалось бы построить до изобретения письма и других методов символизации, таких как черчение, геометрия и другие виды математики, и т. д. Профессор Джон Дьюи как-то назвал изобретение символов одним из самых выдающихся событий в истории человечества.

Бездумно привычный нам мир слов не следует принимать как данное. Мы считаем нашу убежденность в том, что язык проявляется как исключительно человеческая характеристика, по-существу оправданным, поэтому стоит принять то, что наши проблемы, как индивидуальные, так и социальные, покуда мы их считаем человеческими, имеют тенденцию возникать из природы или структуры нашего языка и способов его применения. Называя наши проблемы экономическими, политическими, образовательными или личными, мы имеем в виду, что описываем, понимаем и решаем их во многом в рамках взаимодействия с символами.

Одним из ключевых, подлежащих вниманию аспектов в изучении языка, выступают отношения между языком и реальностью – между словами и не-словами. Когда мы не понимаем эти отношения, мы рискуем надорвать тонкую нить, связующую слова и факты, и дать себе чрезмерную волю плодить из наших слов всяческие выдумки и заблуждения. Мы можем подчеркнуть важность этих заключений, напомнив себе о том, что наибольшую часть информации и убеждений мы получаем словесными средствами. Стоит также заметить, что большая часть того, что мы коммуницируем другим людям в языковой форме, не состоит из слов о фактах в прямом смысле, а скорее – из слов о словах. Речь большинства из нас лишь малой своей частью состоит из сообщений о непосредственном опыте на уровне объекта. Между тем, если мы не хотим жить в мире слов, который состоит в крайне неупорядоченных отношениях с миром не-вербальной реальности, нам стоит стремиться к тому, чтобы именно сообщения об опыте на уровне объекта составляли основу всей нашей языковой структуры.

Это не означает, что нам обязательно следует удостоверяться, что все наши высказывания всегда прямо ссылаются на непосредственный опыт, на факты, на которые мы можем указать или продемонстрировать через ощущения. Денотат [или референт] *электрона*,

например, не получится ощутить. Денотаты слов *если*, *to*, *yet* и т. д.¹ не всегда представляются очевидными. А где мы можем найти денотат такого слова как *способность*? Человек, говорящий о рисовых культурах в Китае, не сможет указать на денотат *Китая*. Это стоит как следует прояснить. «Тирания слов» не заключается строго в том, что денотаты к словам часто не удаётся сию минуту отыскать в форме физических объектов или чётко определённых событий. Однако, *в конечном счёте*, посредством каких-либо взаимозаменяющихся определений и некоторых правил использования одного слова по отношению к другому, мы можем привязать наши высказывания к фактам первого порядка. Эти факты, как правило, не получится наблюдать в момент, когда на них ссылаются, но возможность наблюдать их следует иметь в принципе. Язык никогда не отличается лёгкостью восприятия, когда его удерживают на уровне простого перечисления фактов первого порядка. Чтобы сказать что-то значимое, человеку приходится выходить на уровни выше, и чем выше человек может подняться, тем более значимыми его высказывания становятся – учитывая, конечно же, что его путь удаётся чётко отследить обратно к фактическим данным.

Отношения между языком и реальностью обладают *структурным* характером. Для личной адаптируемости или эффективной социальной организации, нам следует согласовывать структуру нашего языка со структурой реальности. В этом смысле, мы можем разобрать структуру на три аспекта: (а) степень дифференциации, (б) изменчивость, или степень и скорость изменений, и (в) отношения между частями (организация). Как в этих отношениях мы можем сравнить структуру нашего языка со структурой реальности? Этот вопрос составляет фундамент точки зрения общей семантики на отношения слов к реальности.

Структура языка: степень дифференциации

Как мы отметили ранее, факт случается лишь однажды, иными словами, двух в точности одинаковых вещей не существует, и никакая вещь не остаётся одинаковой с течением времени. Так мы выражаем процессуальный характер реальности. Таким образом, структура реальности проявляет практически бесконечную степень дифференциации.

Структура нашего языка, однако, видится куда менее дифференцированной. Даже при том, что, например, в английском языке тысячи слов имеют более одного известного словарного значения, в нём не хватает слов для обозначения каждого факта. Всех слов и даже всех словарных значений, не хватит, чтобы представлять количество и многообразие фактов.

В этом отношении, мы видим основательное несоответствие между структурами языка и реальности, которое ведёт к значительным трудностям. Наше явное смятение вызывает то, что мы можем просто выразить, сказав, что вещей, о которых приходится говорить, существует больше, чем слов, которыми мы можем о них говорить. Немалая доля наших недопониманий и разногласий возникает не столько из-за нашей естественной глупости или упрямства, а из-за того, что нам приходится пользоваться одними и теми же словами, чтобы ссылаться на огромное количество разных вещей. Например, слово *интеллект* используют для обозначения бессчётного многообразия действий и предполагаемых качеств. Обсуждение интеллекта часто характеризуется противоречиями, скандалами и путаницей: животные обладают интеллектом; животные не могут обладать интеллектом; интеллект обуславливается наследственностью; интеллект обуславливается средой; темпы умственного развития увеличиваются в обогащённой среде, и уменьшаются в среде с ограниченными ресурсами; интеллект обуславливается одним общим фактором и рядом особых факторов; он обуславливается только особыми факторами; он обуславливается только одним общим фактором; он большей частью проявляется вербально; его вербальные аспекты не играют важной

1. [п. к п.] Эти слова переводятся с английского языка множеством эквивалентов в зависимости от контекста.

роли и т. д. В таком обсуждении в ответ на невинный вопрос: «О чём это вы?» в нас дунет тайфуном определений и обсыпет градом примеров. Для того чтобы «интеллектуально» обсуждать интеллект, требуются особые усердия, тщательный подход и внимательность.

К тому же, то, что один человек называет интеллектом, может называться одним из множества других слов кем-то другим. Общий принцип в этой связи заключается в том, что мы не только можем пользоваться одним словом, чтобы сослаться на множество разных вещей, но также пользоваться множеством разных слов, чтобы сослаться на одну вещь. Два свидетеля в зале суда, один ростом метр шестьдесят, а другой – метр восемьдесят, могут не согласиться, назвав подозреваемого высоким и низким, соответственно.

Трудности в коммуникации и в понимании возникают из-за структурной разницы в отношении степени дифференциации [различения] между языком и реальностью. Пока что мы рассмотрели самые заметные аспекты этой структурной разницы, но она имеет и более серьёзную форму: наш язык – как мы им пользуемся – склоняется, в лучшем случае, к двузначности, и лишь изредка к трёхзначности. Это означает, что мы часто направляем своё поведение к чёрному и белому, хорошему и плохому, красивому и безобразному. Наш язык принимает форму «либо-либо» и позволяет дифференцировать между лишь двумя категориями. Мы проявляем склонность не всегда, но часто решительно говорить так, будто имеется лишь две альтернативы, и поэтому о чём бы мы ни говорили, это обязательно следует отнести *либо* к категории А, *либо* – Б (так называемый закон исключённого третьего). Мы можем считать себя разборчивыми, когда учитываем обе стороны вопроса, но при этом автоматически предполагаем якобы непостижимость третьей, десятой или пятидесятой стороны. Иной раз мы, конечно, можем распознать третью возможность: высокий, низкий и средний; плохо, хорошо и нормально. В таких случаях наш язык принимает трёхзначную структуру, в рамках которой мы говорим о таких вещах как умеренная политика и золотая середина. Мнение о благе умеренности во всём выражает убеждение в том, что форма языка «либо-либо» не способствует мудрости. Во многих случаях мы признаём ограниченность двузначного языка и напоминаем себе, что крайностей стоит избегать, выбирая третью альтернативу, но языковую традицию дву-значного ориентирования мы по-прежнему соблюдаем повсеместно, делая наш язык во многих ситуациях весьма неуклюжим.

В американской политике, например, третья партия приветствуется редко. Большинство избирателей с трудом выбирают одну из всего двух. Третья альтернатива усложняет ситуацию и выносит её за пределы практических возможностей общепринятого языка. Наши расовые конфликты, среди схоже очевидных примеров, происходят в хорошо знакомых словесных рамках, делящих людей на противостоящие группы чёрных и белых, евреев и гоев, католиков и протестантов, и т. д. В первой главе мы упомянули ещё один пример практических последствий нашего дву-значного ориентирования – личная дезадаптация как результат ограничения своей оценки до «успеха» и «неудачи». Между тем, реальность состоит из *степеней* политических убеждений, «расовых» или религиозных отличий, личных достижений, и т. д. Действительность, с которой приходится иметь дело в рамках политики, религии и личных дел, представляет собой весьма дифференцированную структуру. Наша неспособность эффективно иметь дело с этими сферами действительности обусловливается во многом невежественной настойчивостью наших попыток упорядочить и понять бесконечно-значную реальность посредством дву-значной или трёх-значной языковой структуры.

В Главе X мы рассмотрим некоторые простые приёмы, которыми мы пользуемся в общей семантике, чтобы в некоторой степени умерить эффекты такого недостатка структурного соответствия между нашим миром слов и миром не-слов.

Структура языка: изменчивость

Все наши слова в какой-то мере носят «абстрактны» или обобщенный характер, потому что, как мы уже знаем, в любой данный момент фактов существует больше, чем слов, которыми мы можем на них ссылаться. Например, словом «стул» мы именуем не какой-то один уникальный объект, а целый ряд объектов. Даже такой на первый взгляд точный термин как \$10.51 не указывает, *какие* (или *чью*) \$10.51. «Абстрактный» характер наших слов, однако, объясняется другой причиной, и заключается она в разнице между языком и реальностью в отношении к изменчивости структуры, или скорости перемен. Реальность происходит как процесс; язык при сравнении представляется почти статичным. Мир, где мы живём и мы, кто в нём живёт, меняются быстрее, чем меняется язык, применяемый, чтобы говорить о нашем мире и о нас самих. Иными словами, слова становятся обобщёнными, потому что конвейер времени снабжает их постоянно меняющимся набором «значений».

Даже имя собственное, такое как *Национальная Широковещательная Компания*, которое на первый взгляд мы можем счесть недвусмысленным, потому что существует лишь одна Национальная Широковещательная Компания, при более тщательном рассмотрении удастся отнести ко множеству разных вещей в разное время. Даже ваше собственное имя обозначает что-то хоть сколько-нибудь другое в разное время, когда его употребляете вы или кто-либо другой. Этот момент становится особенно важным в отношении местоимения я. С этой точки зрения, в высказывании «Ребёнком я мало общался из-за стеснительности» допускается грубая фактическая ошибка. Я¹⁹⁴⁶ никогда не был ребёнком. Я¹⁹¹⁰, ребёнком, мало общался из-за стеснительности. Говоря о себе¹⁹⁴⁶ и себе¹⁹¹⁰, я имею в виду двух разных людей. Когда мы употребляем местоимение «я», не указывая дат, оно может выражать отождествление, или полное отсутствие отличий, между несомненно разными этапами растущего и меняющегося индивидуума. Этот факт относится к тем самым очевидным вещам, которые мы часто не замечаем. Однако когда мы учимся принимать его во внимание, мы можем сами удивиться не-квалифицированности, не-датированности и обобщенности этого личного местоимения, и тому, какие проблемы такое отношение к нему может вызвать.

Наш язык меняется со временем. Словари периодически обновляют, чтобы соответствовать времени. Старшее поколение неустанно жалуется на молодёжь, опошляющую родной язык. Даже самые великие и почтенные столпы литературы – работы Шекспира, Вордсворта, Мэтью Арнольда, Библия короля Якова – попадают под волны языковых инноваций. Преподаватели английского языка без конца борются с новыми диковинными словечками. Миграции, войны, захват территорий, колонизации, новые курсы правительства, растущее многообразие отраслей и профессий, и развитие наук – всё это способствует образованию новых слов и изменению значений старых. В каждой профессиональной области, в которой мне приходится работать, применяют по меньшей мере один, но чаще больше, специальных словарей, и их объём и количество постоянно растут; при этом, каждый из них в некоторой мере устаревает в день своей публикации. Если бы Бенджамин Франклин мог вернуться завтра в Филадельфию, он бы не только увидел, какой отпечаток он оставил на этом городе, но и обнаружил бы – даже на страницах собственной газеты *Saturday Evening Post* – словарь чуждый его языку. Самым странным ему бы показался не язык Филадельфии, а реакции людей на их новый язык и на старые, когда-то известные ему термины. Поведение в городе, действия горожан, их инструменты, популярные темы для разговоров – это бы больше всего заставило его почувствовать себя в незнакомом месте. Даже батон хлеба у него под рукой отличался бы от того, который он мог бы нести в Филадельфии восемнадцатого века.

Перемены в системе нашего языка ползут с черепашьей скоростью в сравнении с преобразованиями материальной и социальной реальностей, которые несутся со скоростью кролика.

Когда мой отец вёл автомобиль, он по привычке кричал: «Но!» и «Тпру!» В 1946 году слово «джиттербаг»² вызвало бы недоумение у людей, которые назвали бы это просто танцами. Культурные перемены сметают старые категории.

Рассматривая реальность сквозь призму языка, в лучшем случае, мы видим довольно размытую картину. На затуманенном фоне появляются неразборчивые формы, дует ветер живой истории, несёт туман, затем внезапно формы изменяются, исчезают, и на смену им приходят другие. У нас всегда уходит какое-то время, чтобы увидеть или осознать перемены. Мы испытываем беспорядочные последовательности больших и малых сюрпризов, и оказываемся в глубоком потрясении, когда допускаем ошибки в расчётах из-за слов, которые только начали обозначать то, что уже не происходит. Перо реальности пишет так быстро, что за ним никогда не поспееет самый быстрый чтец. Структура языка меняется намного менее интенсивно в отличие от структуры реальности. Мы можем сравнить это с тем, как мы начинаем слышать гром в небе, когда он уже отгремел.

Деадаптация индивидуума и общества зависит от того, что мы принимаем вербальные записи прошлого за описание настоящего. Из-за того, что наши сегодняшние слова практически ничем не отличаются от вчерашних, мы поддаёмся иллюзии, что вещи, о которых мы говорим сегодня, тоже не изменились со вчерашнего дня. Перемены могут застать нас врасплох, но ещё хуже они на нас сказываются, когда мы их совсем не замечаем.

Существует теория, что шизофрения у взрослых проявляется обращением к детским образам поведения. С точки зрения этой теории, мы можем сказать, что при этом расстройстве человек не распознаёт и не учитывает изменения, происходящие в ходе развития от детства к зрелости. Существуют деадаптированные индивидуумы, – и общества – живущие так, будто они оценивают настоящее как временное отклонение от прошлого. Они считают вчерашний день нормой, и обращаются с настоящим как с аномалией.

Основы нашего языка придумали древние люди, не имевшие в своём распоряжении знаний сегодняшнего дня. Их картины «механизма в часах» сегодня могут показаться нам сказочными выдумками. Они не могли предположить принимаемую нами динамику субмикроскопической области, поэтому мир, в видимых им аспектах, представлялся им более статичным, чем он представляется нам. Вырабатывая свой язык, они создали мир слов, под которым предполагали относительно статичный мир не-слов. Тот язык, своей базовой структурой, по-прежнему пребывает с нами и по-прежнему создаёт нам проблемы. Он отражается на наших институтах, традициях, общих образах поведения и оценке. Из-за этого мы продолжаем готовиться к повторяющейся истории, нежели к дивному новому миру.

Практикуя общую семантику, мы поддерживаем пересмотр языковой структуры, чтобы наши оценочные реакции служили более эффективной адаптации к нашему отнюдь не статичному миру. Эти пересмотры мы обсудим в последующих главах, в частности в Главе X.

Структура языка: организация

Помимо степени дифференциации и изменчивости, мы можем описать структуру языка в аспекте её организации – отношений между её условными составляющими.

Мы выделяем несколько важных свойств организации нашего языка, о которых узнали из учебников по грамматике. Возможно, нам с меньшим трудом удастся вспомнить о том, на что мы отвлекались во время уроков, нежели о подробностях их содержания, но для наших целей, нам не потребуется вспоминать их точно. Мы, скорее всего, без труда вспомним, что,

2. [п. к п.] jitterbug – популярный в 1930-е – 1950-е годы свинговый танец; слово по разным версиям происходит от обозначения состояния сильного алкогольного опьянения, а также от обозначения человека, страдающего 'умственным' заболеванием; 'дословно' jitter – «трястись» (от волнения, возбуждения и т. д.), bug – «зараза».

среди прочих категорий, мы относили слова к именам существительным, именам прилагательным, глаголам, наречиям, и т. д. К глаголам мы относили слово *to be*, который изменялся по формам *is, was, were*³ и т. д. Нас интересуют именно эти подробности грамматики. В сущности, то, что мы хотим сказать в отношении организации нашей языковой структуры, мы можем выразить примером простого высказывания: «Джон есть умный».

Мы относим слово «Джон» к именам существительным, «есть» – к глаголам, а «умный» – к прилагательным. Говоря просто, существительное ссылается на предмет, прилагательное – на качество предмета, а глагол – на отношения между качеством и предметом. Основываясь только на этом, мы уже можем написать подробную диссертацию с запутанными объяснениями работы грамматики, но нам это не понадобится. Стоит, однако, отметить, что здесь мы опустим огромное количество не важных для нашего обсуждения подробностей.

Когда мы говорим, что слово «Джон» относится к именам существительным, мы подразумеваем, что согласно традиционным правилам языка, слово «Джон» ссылается на некий предмет. Когда мы говорим, что Джон есть умный, и что слово «умный» относится к именам прилагательным, мы подразумеваем, что умность есть качество Джона. Под глаголом «есть» мы предполагаем отношения включения или обладания: Джон обладает умностью, или он включает умность. Такая структура языка предполагает, что реальность составляют предметы, обладающие качествами, или что качества – цвета, формы, запахи, и т. д. – *принадлежат предметам*. Древние люди, которые изобрели наш язык несомненно считали это самой собой разумеющейся истиной. Они выработали язык такой структуры, потому что считали, что именно такой язык им требовался, чтобы правдиво объяснять реальность.

Таким образом, мы встроили в структуру нашего языка великое заблуждение, которое поддерживаем и подкрепляем, продолжая пользоваться этим языком и внедряя его в наши убеждения, взгляды, привычки, институты и культурные образы. Об этом, скорее всего, не упоминалось в ваших учебниках по грамматике. Вероятно, вам, как и мне, разрешили принять некритический взгляд на грамматику, как на некое природное явление, нежели как на изобретение человека. В изучении грамматики нас волновало то, что, чем «правильнее» мы следовали указаниям в учебнике, тем выше нам ставили оценки в школе. Нам не приходило в голову, что «правильное» применение грамматики не всегда приносит пользу. Здесь стоит прояснить, что ошибки, которые допускали наши преподаватели, состояли в основном в опущении. Проблема заключается не в том, что нам давали слишком много грамматики, а скорее, в том, что нам не давали её достаточно. Нам не давали актуальной грамматики.

Нам не дали в достаточной мере осознать, что, в отличие от описаний и объяснений в учебниках, реальность не состоит из предметов, обладающих качествами. Отношения, которыми характеризуется структура нашего языка, не согласуются с отношениями, которыми характеризуется структура реальности. Языку, которым мы могли бы представлять отношения, наблюдаемые в мире не-слов, требуются средства и методы выражения пространственно-временного порядка между фактами, между наблюдателем и наблюдаемым, и между говорящим и тем, что он говорит. Проще говоря, почтенные создатели нашего языка не включили в него человека, использующего язык. В попытках понять природу реальности, они не заметили собственную функцию абстрагирования этой реальности, как гончар, преклоняющийся перед идолом, которого сделал собственными руками. Мы до сих пор поддаёмся семантическим наваждениям, которые сами же вносим в свои вербальные формы.

В высказывании «Джон есть умный» мы упускаем, или даже отрицаем, два важных соображения. Во-первых, умность не *принадлежит* в полной мере *Джону*, а представляет собой «совместный продукт наблюдателя и наблюдаемого». Во-вторых, *Джон* и *умность* представ-

3. [п. к п.] *to be* – быть; *is, was, were* – есть, был / была / было, были

ляют не предмет и качество предмета, соответственно, а обширный, нескончаемый ряд событий (Джона) и некоторую часть этого ряда (умность). Я не предлагаю изъять существительные, прилагательные и глагол «есть» из употребления. Или, по крайней мере, пускай это делают люди, которые не поддаются впечатлениям от силы традиций как я. Скорее, стоит предложить, что, нам следует осознавать структуру языка, когда мы им пользуемся, и учиться видеть и избегать тех её проявлений, которые могут скрыть или исказить факты. Нам стоит помнить, что когда мы говорим: «Джон есть умный», мы не просто привлекаем внимание к качеству Джона; в определённой степени, мы сообщаем о собственных оценках. То же касается и высказываний о том, что Джон есть хороший парень, или что он есть грубый, и т. д. Когда мы судим других, мы степени выражаем наши стандарты суждения.

Мы можем снизить риск заблуждения, если заменим глагол «есть» другими словами. Если, например сказать: «Джон производит впечатление умного человека», то мы более разборчиво показываем, что выражаем в этом высказывании своё суждение. Если пойти дальше и сказать: «Джон производит *на меня* впечатление умного человека», то мы ещё чётче подчёркиваем, что выражаем личное, а не какое-то универсальное, суждение.

Мы можем приблизить наш язык к фактам, заменив слово «умный» другими терминами, выражающими описание действий Джона. Например: «Вчера Джон набрал 140 баллов по шкале Стэнфорда-Бине по форме L в тесте на интеллект образца 1937 года», или «8-летний Джон уже может назвать и показать на карте все 48 штатов». Проще говоря, мы придаём нашим высказываниям ясности. Под прилагательными, такими как «умный», «хороший» и т. д. мы, как правило, предполагаем качества предметов и употребляем их дву-значно, поэтому подразумеваемым событиям или поступкам не всегда хватает ясности.

Стоит отметить ещё один момент. В высказывании «Джон – умный» мы подразумеваем не только, что он обладает некой умностью, но и то, что он всегда остаётся прежним. Мы не говорим ничего о том, когда, где и в каких отношениях, или с какой точки зрения Джон есть умный. Слушатель может предположить [в том числе не-вербально], что Джон есть умный всегда, везде, во всех отношениях и с любой точки зрения: Джон есть Джон. Из под этих слов выглядывает структура отождествления: А есть А. Между тем, Джон_{сегодня} *не есть* Джон_{вчера}. Джон, играющий в теннис, не есть Джон, подсчитывающим свой подоходный налог. То, что подразумевается под словом «Джон», в определённой мере зависит от того, кто его произносит и кто его слышит, от времени, места, обстоятельств и т. д. В конечном счёте, «Джоном» мы ссылаемся на ряд событий. Покуда мы это учитываем и стараемся отразить это в наших высказываниях о Джоне, они способствуют более эффективному пониманию.

Структура языка: резюме

Вышесказанным мы поставили себе задачу сделать наш язык более выразительным относительно отличий и перемен в движущейся структуре отношений «где-когда». В значительной мере способ более эффективного разговора и письма состоит именно в этом. В пример мы можем привести персонажей, созданных такими писателями как Шекспир, Анатоль Франс или Джозеф Конрад. Поступки Короля Лира могут казаться почти универсальными опытами, но существует лишь один Король Лир. Существуют лишь один Гамлет и один Лорд Джим. Эти персонажи считаются хорошими с точки зрения литературы, потому что при том, что наши опыты кажутся нам похожими на их опыты, мы знаем, что они отличаются. Они видятся не типами и карикатурами, а уникальными, значимыми индивидуумами. Язык, в котором они живут, служит не только, чтобы показывать, чем мы с ними сходимся, но также подчёркивает отличия между ними и нами, между каждым из них и любыми другими персонажами, которых мы можем вообразить или встретить во плоти. Гамлет, как индивидуум, открытый, мотивиро-

ванный, проходящий через меняющиеся отношения с другими индивидуумами, представляет языковое достижение высокого порядка. То, что он значит для вас, неизбежно отличается от того, что он значит для меня, а то, что он значит для каждого из нас, отличается в разное время. Возможно, частично, это мы и называем гением Шекспира.

Этим, конечно, не исчерпываем эту тему. Язык науки, в своих более развитых формах, демонстрирует так же хорошо, или лучше, чем язык литературы, фундаментальную значимость структурных свойств, которые мы обсуждаем. Независимо от области, в которой работают учёные, или от техник, которыми они пользуются, они применяют язык, выражающий отношения, которые сводят данные к отличиям и переменам. Научный язык в своей структуре, точнее, чем какой-либо другой соответствует известной структуре реальности.

Мы можем представить общую суть структуры языка науки простой диаграммой, которую знает большинство. Мы можем считать её универсальным символом науки и научного образа жизни. Возможно, однажды она заменит множество других символов, на которых люди так долго пытаются сосредоточить свои энергии и желания. Множество форм, которые она принимает, мы сведём – для простоты символа – к диаграмме на рисунке 6.

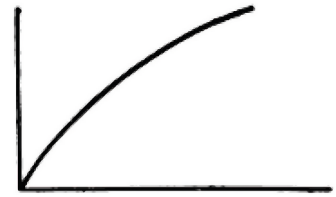

Рис. 6: "Символ науки"

Эта кривая встречается в учебниках по всем наукам и представляет то, что любой учёный пытается выразить: вариацию одного типа, вариацию другого типа и отношения между ними.

Для того чтобы обсудить его более ясно, мы возьмём более подробную форму (Рис. 7).

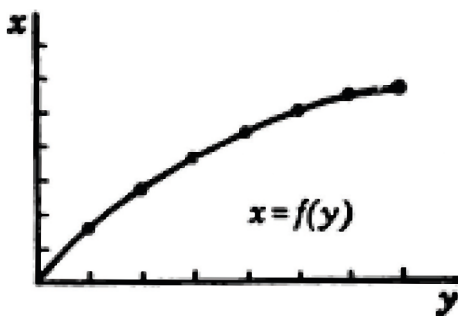

Рис. 7: Рис. 7 Кривая, показывающая отношения между двумя переменными (не основанная на действительных данных). Переменные мы представляем буквами x (по ординате) и y (по абсциссе). Отношения между ними мы представляем кривой и уравнением: x равняется функции y .

По оси x , или ординат, мы представляем отличия, или вариации, или изменения, или последовательные увеличения чего-то – скажем, роста индивидуума. По оси y , или абсцисс, мы представляем последовательные увеличения чего-то другого – например, возраста индивидуума. Предположим, что каждый год в день его рождения мы измеряем его рост и отмечаем каждое измерение точкой над осью y , которая обозначает его возраст в годах, и справа от оси x , которая обозначает его рост в футах и дюймах.

Мы делаем это раз в год на протяжении семи лет. Затем мы чертим линию, соединяющую семь точек. Мы видим по оси y , насколько индивидуум изменился возрастом, а по оси x , насколько он изменился ростом, а по кривой, соединяющей точки мы видим, что два ряда изменений состоят в отношениях – что изменения в росте служат функцией изменений в возрасте, $x=f(y)$, или что рост меняется со временем. Мы можем представлять большие и малые отличия на двух осях; мы можем поместить точки на кривой близко друг к другу или далеко друг от друга, представляя общие или подробные отношения между x и y . Такая простая форма научного символизма обладает структурой, схожей со структурой реальности. Благодаря ей мы выражаем отношения между отличиями или изменениями очень подробно и точно. Она позволяет делать два основных типа высказывания: описание отличий или изменений x и y (например, роста и возраста) и прогноз изменений x по отношению к изменениям y (например, изменений роста по отношению к изменениям возраста).

Мы направляем научный язык на разговоры о кривых такого рода. Иными словами, мы строим его таким образом, чтобы (а) описывать факты с точки зрения отличий или изменений, (б) выражать отношения между фактами с помощью терминов, которые относят один

ряду изменений к какому-то другому ряду изменений, и (в) прогнозировать факты, а именно прогнозировать изменения в чём-то одном относительно изменений в чём-то другом.

Мы не говорим, что чтобы высказывания считались научными, в них обязательно следует включать точные числа и измерения. Мы можем согласиться с высказыванием профессора Эдварда Торндайка, что что-либо существующее существует в каком-то количестве, которое мы можем измерить. Однако не всё и не всегда удаётся измерить до определённых пор, или здесь и сейчас, или в точных числовых значениях. Существует множество отличий, которые получается выражать только грубо в рамках *более* или *менее*, *быстрее* или *медленнее*, и т. д. Существуют также поддающиеся наблюдениям отношения, которые мы называем только, например, *положительными* или *отрицательными*. Фундаментальным здесь видится то, что научным языком мы работаем напрямую или, в конечном счёте, с отличиями, изменениями и отношениями. В общем этот язык, больше структурно согласуется, чем наш «общий» до-научный язык, с реальностью в отношениях (а) степени дифференциации, (б) изменчивости, или степени и скорости изменений, и (в) организации (отношений между частями).

В Главе X мы рассмотрим ряд практических приёмов, которые позволяют сделать наш так называемый общий язык более научным по структуре, чтобы он больше способствовал адаптации в личном и социальном смысле.

Процесс абстрагирования: Вербальные уровни

С этим вступлением мы можем перейти к рассмотрению вербальных уровней абстрагирования. В предшествующей главе мы разбирали не-вербальные уровни. Практикуя общую семантику мы ставим отношения между вербальными и не-вербальными уровнями в высокий приоритет. До сих пор, мы обсуждали эти отношения в общих терминах структурных отличий и схожестей между языком и реальностью. Мы можем ещё лучше прояснить эти отношения с помощью диаграммы процесса абстрагирования.

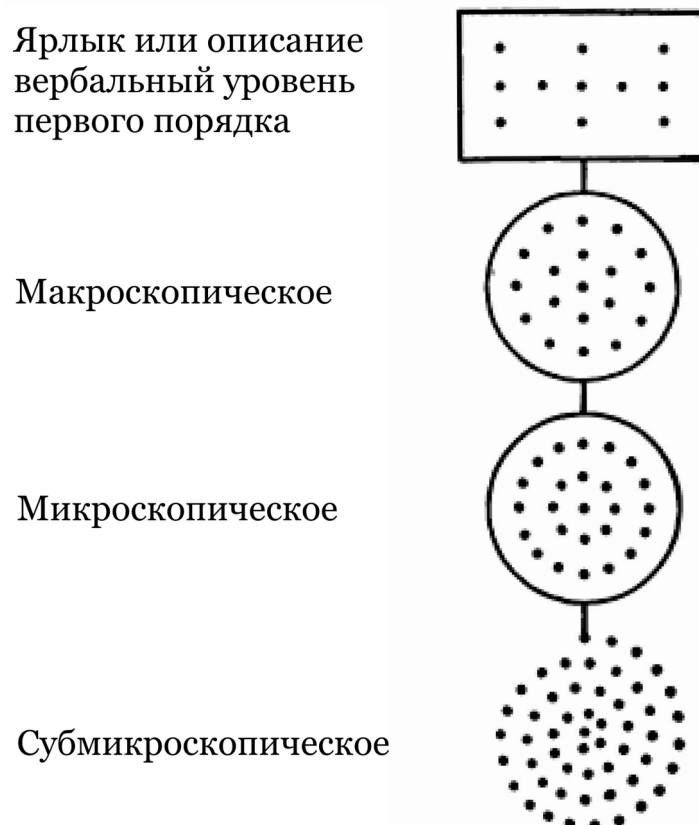

Рис. 8: Схематическая диаграмма невербальных уровней и вербального уровня абстракции первого порядка.

В предыдущей главе диаграмма состояла из трёх уровней; теперь мы добавили четвёртый, (рисунок 8). Мы назовём этот четвёртый уровень обозначением вербального уровня абстракции первого порядка, или короче, уровнем описания. Мы также можем называть его уровнем ярлыка, чтобы показать, что на этом уровне мы в основном пользуемся ярлыками для фактов первого порядка или индивидуумов. На этом уровне мы пользуемся ярлыками для вещей, событий, ощущений – в общем, того, что поддаётся наблюдению.

Переходя с не-вербальных уровней к описательному уровню, мы опускаем (или упускаем) некоторые подробности. Мы не говорим всё о чём-либо. Из попытки попросить кого-нибудь рассказать *всё* о чём-либо, например, о чашке, бутерброде или метели, скорее всего, ничего не выйдет, кроме шутки. Исчерпаемых объектов не существует. Опускание подробностей мы обозначаем меньшим количеством точек в прямоугольнике описательного уровня.

Мы не можем перейти «ниже» вербального уровня первого порядка, взяв с собой язык. Когда, описывая что-то, мы сказали всё, что могли, мы достигли этого уровня абстрагирования, и если нас попросят пойти дальше, мы сможем лишь указать, продемонстрировать, выразить жестами, или каким-либо иным образом объектно показать, что мы «имеем в виду». Мы достигли точки, в которой более не находим, что ещё могли бы сказать. В связи с этим стоит отметить, что мы можем ориентировать определения в двух направлениях – вверх или вниз по диаграмме абстрагирования. *Бейсбольный мяч* мы можем определить в более общих терминах, как тип *шаровидного тела*, или в более конкретных терминах, как сферический объект с пробковой основой, сшитый толстой нитью и обёрнутый лошадиной кожей. Теперь, предположим, что нас просят описательно определить каждый термин, которым мы воспользовались в этом определении, а потом определить каждый из терминов, которые мы употребили в этом определении. В конце концов, слов, которые для этого сгодятся, в языке имеется ограниченное количество, и впоследствии мы обнаружим, что использовали их все. *Сказать* о «значении» *бейсбольного мяча* мы уже ничего не сможем. Мы достигнем вербального уровня первого порядка, и если нас попросят продолжить, мы не сможем ничего сделать, кроме как предъявить бейсбольный мяч. (В реальной жизни, к этому времени, мы бы уже, конечно, сорвались на того, кто просит нас этим заниматься.)

На этом уровне мы пользуемся словами как *не-определёнными терминами*; не-определёнными в том смысле, что их более не удаётся определить словами, а только как-то показать то, что мы ими называем. В этом смысле мы пользуемся словосочетанием *бейсбольный мяч*. Иными словами, мы можем пользоваться им, не определяя его примером. Так мы можем пользоваться любым конкретным существительным [обозначающим вещи и события, поддающиеся физическому наблюдению]. Мы можем так пользоваться и глаголами, такими как *бежать* или *прыгать*, прилагательными, такими как *жёлтый* или *широкий*, или наречием, таким как *быстро*. Мы можем без труда пользоваться такими терминами на вербальном уровне первого порядка в качестве простых не-определённых терминов.

Не так, однако, просто и ясно дела обстоят с такими словами как *if*, *now*, *yet*, *of*⁴ и т. д., или *электрон*, или *сверхъестественное*. Приложив усилия, чтобы определить слово *если* настолько полно, насколько вы смогли, *что* вы можете показать в качестве вещественного примера того, что вы имеете в виду? А в случае *of*? Существует смысл, в котором к таким словам удастся привести фактическую отсылку, но мы понимаем их в основном как слова для составления предложений и фраз. Они служат крючками или крепежами в языковой цепочке. Мы пользуемся ими, чтобы выражать отношения между словами и, в конечном счёте, между фактами. Строго говоря, отношения между фактами не выражаются на вербальном уровне первого порядка; они представляют абстракции более высокого порядка.

4. *if*, *now*, *yet*, *of* – «если», «сейчас», «ещё (не)», предлог, принадлежности слова перед ним слову после него.

Такие слова как *сейчас* и *ещё (не)* мы можем назвать «временными словами», а время мы относим к абстракциям высокого порядка. Мы не можем указать на упаковку времени или на кусок «сейчас». Временными словами мы выражаем отношения между событиями. Как и неопределёнными терминами, мы едва ли можем обозначать ими осязаемые объекты или события, поддающиеся наблюдению. В лучшем случае, мы обозначаем ими что-то, что испытываем ощущениями длительности или кратковременности, или «сейчас» и «тогда». Любопытно выглядит слово *будущее*. Им мы ссылаемся на что-то, что ещё не произошло и представляем абстракцию несомненно выше не-вербальных уровней. К словам, обозначающим подобные конструкции, мы относим и *электрон*. Факта первого порядка, на который мы напрямую ссылаемся словом *электрон*, не существует. Мы ссылаемся им на что-то, что конструируем в воображении, чтобы объяснить или спрогнозировать факты первого порядка. Если нас попросят определить этот термин, в лучшем случае мы можем высказать принятые тенденции его употребления с примерами определённых высказываний, которыми частично ссылаемся на факты, поддающиеся наблюдениям. И только в таком непрямом смысле *электрон* обладает наблюдаемым денотатом. Строго говоря, им не получится пользоваться в качестве неопределённого термина на вербальном уровне первого порядка.

Термин *сверхъестественное* видится примечательным в том, что, по определению, мы ссылаемся им на что-то за гранью, «выше» или вне пределов естественной среды – что-то, что не зависит ни от чего «естественного». Он отличается в этом отношении, например, от *электрона*, определение которого зависит строго от данных, поддающихся наблюдениям; его регулярно пересматривают и сверяют с такими данными. Поэтому такой термин как *сверхъестественное* мы не только не можем применять в качестве неопределённого термина на вербальном уровне первого порядка, но также не проясняем, как могли бы его применять, чтобы сослаться при этом на поддающиеся наблюдениям данные непрямо, как *электроном*. Иными словами, этим термином мы представляем не просто вербальную абстракцию, но и такую абстракцию, степень связи которой с не-вербальными уровнями абстракций едва ли удастся распознать, если эта связь вообще существует.

Нам стоит понять, что существуют определённые слова, которые, в соответствии с их принятыми способами употребления, не получается применять на вербальном уровне абстракции первого порядка. Мы не именуем ими наблюдаемые факты, а представляем связи между фактами, или ссылаемся ими на конструкции выведенных данных. Все другие слова мы можем применять, чтобы именовать факты первого порядка и поэтому можем (и нам следует) применять их на описательном уровне. Мы можем пользоваться практически любым словом метафорически или в аналогии, и большинство слов подходят для относительно высоких уровней обобщения или заключения. Давайте перейдём к их обсуждению.

Для того чтобы процесс абстрагирования проходил нормально или эффективно, следует чётко *различать* и тщательно ко-ординировать⁵ вербальные и невербальные уровни. Отличия между символом и тем, на что символ ссылается, словом и фактом, картой и территорией, произносимым и непроизносимым следует чётко распознавать, и хорошо понимать последствия и подразумеваемые условия этих последствий. Одно из таких подразумеваемых условий состоит в том, что вербальные и невербальные уровни следует поддерживать скоординированными: структуру языка следует выстраивать близко к структуре реальности.

Мы можем наглядно показать то, что мы подразумеваем под структурой с точки зрения процесса абстрагирования, с помощью аналогии карты и территории. (Эту аналогию привёл Коржибски в книге *Наука и Здравомыслие*.) То, что мы называем картой, представляет собой

5. [п. к п.] co(-)ordinate – в англоязычной печати первой половины 20-го века употребляется как дефисом, так и без; в данном переводе употребляется с дефисом, чтобы подчеркнуть понятие порядка (англ. order).

пример некоего языка – организованных в некотором порядке символов. Чтобы карта приносила пользу путешественнику, её следует ко-ординировать с территорией – поддерживать её структуру схожей в определённых отношениях со структурой территории, которую она представляет. Нам следует согласовывать организацию символов – точек, линий, и т. д. – на карте с организацией действительно существующих городов, дорог, рек и т. д. на территории. Например, если на наблюдаемой нами территории с запада на восток мы находим города Денвер, Омаха, Чикаго, то мы ожидаем найти их соответственно представленными на карте. Если на карте они располагаются в порядке: Денвер, Чикаго, Омаха, значит мы допустили ошибки в порядке, и не ко-ординировали карту с территорией, поэтому путешественник, который попытается последовать по такой карте, скорее всего, пострадает от последствий, варьирующихся от лёгкого раздражения до крупной катастрофы. Он также может испытать шок в той или иной степени, в зависимости от того, насколько он осознаёт отличия между картой и территорией. Если он, подобно дикарю, не обладает практически никакими способностями, чтобы распознать отличия между символом и фактом, – картой и территорией – он некоторое время проведёт в смятении, когда поймёт, что попал в Омаху, нежели в Чикаго. Если же он, подобно учёному, почти не имеет склонности отождествлять символ с фактом, ему практически не потребуется приспособливаться заново, когда он обнаружит ошибки в карте. Он просто внесёт изменения в свою карту и продолжит двигаться в нужном ему направлении. Проблема более примитивного путешественника заключается в том, что он, скорее всего, даже не поймёт, что случилось. Предполагая практическую тождественность карты территории, он позволяет себе неоправданную уверенность в карте, и поэтому он семантически не готовится к тому, чтобы применить к своей проблеме очевидное (для нас) решение внести в неё изменения. Такое решение может прийти в голову только человеку, который знает о чётких отличиях между картой и территорией – о разных уровнях абстрагирования – и который понимает, что степень пользы от карты зависит от степени её согласованности с территорией.

То, что мы сказали о карте и территории, мы можем также сказать о любом символе и о том, что им следует обозначать. Мы можем сказать это о высказывании и том, что им следует обозначать. Мы можем сказать это о любой теории и фактах, которые мы ей объясняем и прогнозируем. Люди, привязавшиеся к едва ли что-то объясняющим и не позволяющим делать прогнозы теориям, поступают подобно примитивным людям, которые «верят» в свои карты, несмотря на то, что они приводят их в неправильные пункты назначения. Такие люди настаивают на «домашних» средствах решения проблем, которые ничего не решают. Образно выражаясь, они придерживаются убыточных деловых практик. Мы говорим не только и не столько о «необразованных» людях. Например, как общество, мы продолжаем верить, что наказание противодействует преступности, несмотря на то, что нам приходится расширять и строить больше исправительных учреждений, чтобы вместить в них постоянно растущее число преступников. Подобным образом, мы говорим о принудительном разоружении, возмещении ущерба и прочих старых методах предотвращения войн, не научившись, по-видимому, на опыте войн, которые эти методы не предотвратили. Мы приучаем себя любить свои убеждения, остаёмся им верны, прощаем им их недостатки, противимся и обижаемся на факты, которые заставляют в них сомневаться. Мы можем достаточно легко пронаблюдать, что дезадаптированные люди часто полагаются на свои убеждения, теории, и в целом на слова, нежели на опыт и наблюдения, которыми могли бы их проверить.

Самую высокую важность здесь следует придавать осознанности абстрагирования – пониманию того, что символ не есть то же самое, что он обозначает, что вербальные и невербальные уровни следует чётко разграничивать и ко-ординировать. Цену, которую мы платим за недостаток осознанности наших процессов абстрагирования и, в результате, недоста-

ток прогнозируемости, мы можем рассматривать как функцию шока, смятения и дезадаптации в наших личных жизнях и в социальных организациях. Эта цена измеряется социальными политиками и личными убеждениями, приводящими нас снова и снова к проблемам и нежелательным результатам. Слишком часто мы яростно защищаем те самые убеждения, которыми создали себе проблемы. Мы защищаем и даже возвышаем институты и традиции, в среде которых неизбежно происходят конфликты. Мы не любим, когда кто-то критикует наши отношения к вещам, даже когда эти отношения пагубно сказываются на эффективности наших действий и делают нас несчастными. Мы сентиментально относимся к своим картам, иной раз даже если знаем, что они водят нас по одним и тем же тупикам.

Важность пагубности последствий недостатка осознанности абстрагирования, нежелания менять наши карты – убеждения, теории, политики, и т. д. – едва ли удастся переоценить. Столкнувшись с трудностями, мы видим смысл в «изменении карты», только если осознаём абстрагирование, уровни абстракции и отношения между этими уровнями. Примером крайности такого недостатка осознанности служат муравьи, которые, согласно Уильяму Мортону Уилеру, не выработали новой социальной идеи за последние шестьдесят миллионов лет. Степень, в которой мы походим на муравьёв – степень, в которой мы удерживаем не пересмотренные убеждения, обычаи, традиции, и т. д., переданные предками или усвоенные младенчестве и детстве – мы можем считать показателем степени, в которой мы не осознаём наши процессы абстрагирования.

Это означает, что мы имеем дело с признаками чего-то ненормально устойчиво патологического в своём поведении и в традиционной культуре, в которой мы всегда высоко ценили и по-прежнему ценим устойчивость и постоянство. Синклер Льюис как-то подметил: «Знаете, кто ведёт себя устойчиво? Таракан». Наиболее высокие степени устойчивости в поведении встречаются среди низших форм жизни; в случае людей, наиболее устойчивое поведение встречается, пожалуй, среди серьёзно больных индивидуумов, страдающих от некоторых форм безумия, говорящих и поступающих строго по стереотипам. Адаптация к процессуальной реальности предполагает некоторую степень гибкости – готовности к изменениям. Исходя из нашей диаграммы, карты и вербальные абстракции следует менять, когда меняется невербальная реальность, а она меняется безостановочно. Это, тем не менее, не означает, что при этом мы не сможем найти «за что зацепиться». Об этом мы поговорим чуть позже.

Заключения и и т. д.

Давайте приведём нашу диаграмму к завершённому виду, чтобы прийти к более многостороннему пониманию процесса абстрагирования и его последствий. На данный момент наша диаграмма состоит из четырёх уровней. Один из них обозначает вербальное абстрагирование. Теперь мы добавим оставшиеся вербальные уровни (Рис. 9 на следующей странице).

Вербальные уровни над уровнем описания или ярлыка первого порядка называются уровнями заключения. Мы соединяем один уровень с другим линией, чтобы показать, что процесс продолжается от уровня к уровню. Мы обозначаем упущенные подробности (повышение обобщённости высказывания) меньшим количеством точек в прямоугольниках по мере продвижения к уровням выше. (Мы не придаём фундаментальной значимости терминам *выше* или *ниже* в том, как мы ими пользуемся здесь. Мы можем перевернуть эту диаграмму горизонтально или вертикально, не меняя при этом подразумеваемой сути.)

Мы организуем уровни в диаграмме, начиная – полностью произвольно – с субмикроскопического уровня и идём вверх. Мы заканчиваем на отметке *и т. д.*, чтобы показать, что имеем дело с бесконечным процессом создания абстракций. Мы включаем в диаграмму только три уровня заключений, но это не означает, что их всегда имеется не более трёх. Любую аб-

стракцию мы можем абстрагировать далее – выводить заключения из заключения. Это мы обозначаем *и т. д.* Поэтому *и т. д.* служит очень важной частью этой диаграммы.

Порядок абстрагирования

Другой Существенно важной частью диаграммы служит стрелка в линии от высшего уровня заключения к уровню выведенных данных о субмикроскопическом. Этой стрелкой мы обозначаем, что процесс абстрагирования потенциально и нормально не останавливается. Ей мы также показываем нормальный порядок абстрагирования, который можем обобщённо изложить следующим образом:

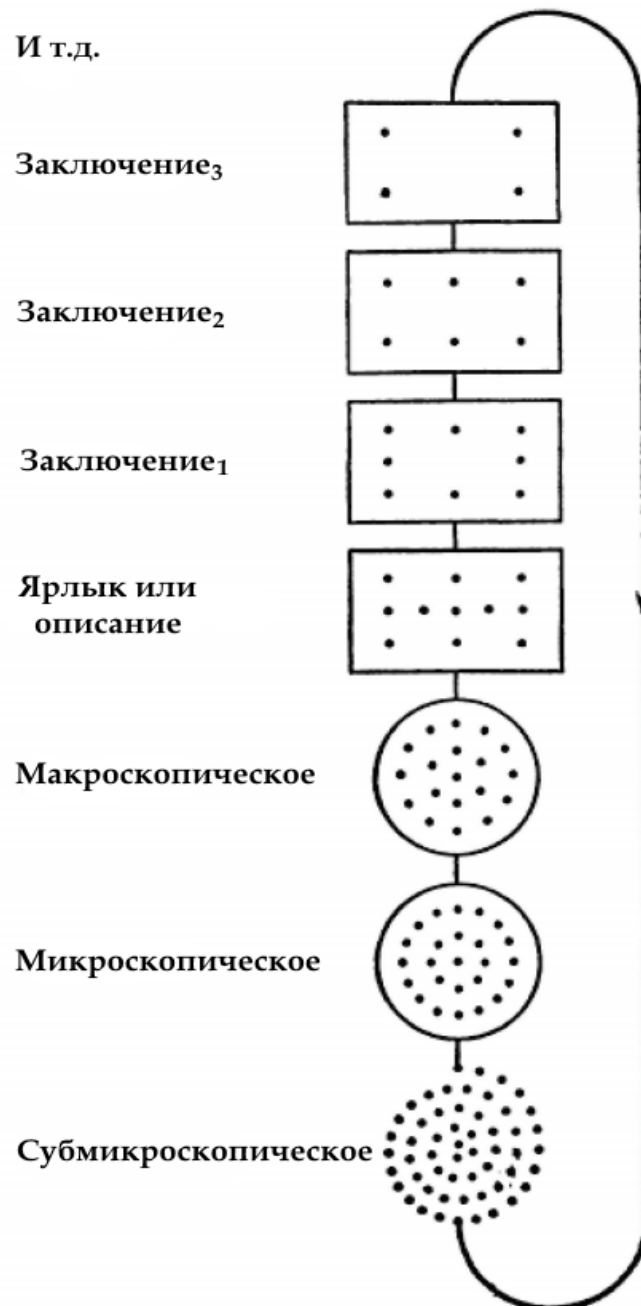

Рис. 9: Схематическая диаграмма процесса абстрагирования. (Адаптировалась из книги А. Коржибски *Наука и Здравомыслие: Введение в не-аристотелевы системы и общую семантику*. Lancaster, Pa.: The Science Press, переизд., 1941.)

Реагировать на ситуацию, задачу или проблему, человек начинает, открыто высказывая свои предположения. Например, физик исследует скорость света, химик проводит наблюдения формирования хлорофилла в зелёных листьях, клинический психолог ищет факторы,

влияющие на привычку сосать палец. Эти люди знают (или, им стоит знать), что работают на основе некоторых предположений о «реальности» и о причинах и следствиях, и стараются высказать эти предположения подробно и с максимально доступной ясностью. Каждый из них высказывает свои предположения по-разному – адекватно и релевантно своим конкретным задачам. Поэтому физик может вербализовать с точки зрения «движения эфира», химик может начать с понятий о «молекулярной динамике», а психолог может начать с предположений о «наследственности» и «зрелости». Если добавить к этой группе жителя Тробрианских островов, озадаченного тем, как ему пополнить запас пищи, он, возможно, начал бы свои процедуры с предположений о духах своих предков.

Высказывания, которые каждый из них относит к заключениям высшего порядка – иными словами, то, как он описывает аспекты реальности, не поддающиеся наблюдениям, выведенные данные – определяет то, как ему предстоит исследовать то, что поддается наблюдениям на микроскопическом и макроскопическом уровнях. Наблюдения, которые он проводит и наблюдения, которые провести не удастся, определяются, главным образом, предположениями, на основе которых он решает провести наблюдения. Чем яснее он высказывает предположения, и чем четче понимает, что *они представляют собой не более, чем предположения*, тем решительнее может сверить их с релевантными наблюдениями.

Например, в случае исследования скорости света Майкельсона-Морли исследователи о субмикроскопическом «эфире» высказали свои заключения так, что провести их сверку не удалось. Согласно этим предположениям, ожидался более высокий показатель скорости света, когда свет перемещался в направлении вращения Земли, чем когда он перемещался в противоположном направлении. Начиная с этих предположений, – согласно нашей диаграмме, начиная с заключений высокого порядка о субмикроскопическом уровне – испытатели соорудили специальный аппарат, с помощью которого они могли бы наблюдать скорость света. Их наблюдения на уровне, который в данном случае мы можем назвать микроскопическим, позволили им определённо сказать, что их заключения о субмикроскопической «реальности» оказались ошибочными. Впоследствии они отказались от понятия субмикроскопического «эфира». Они тщательно описали свои наблюдения, абстрагировали из этих описаний заключения, затем из этих заключений абстрагировали дальнейшие заключения, и т. д., за счёт чего, в итоге, пришли к новым заключениям высокого порядка о субмикроскопической «реальности», на основе которых они провели новые наблюдения, и т. д. Так работает научный метод. Процесс абстрагирования в науке не прекращается.

Проблема вышеупомянутого жителя Тробрианских островов состоит в том, что для него, по-видимому, духи его предков не представляют собой заключения. Для него, по всей вероятности, *духи просто есть*. Он не осознаёт, что слово *духи* представляет собой название для абстракции, для заключения, для предположения. Покуда *духи просто есть*, и покуда Тробрианец не осознаёт, что делает предположения, он, естественно, не переходит к наблюдениям, с которыми он мог бы сверить свои предположения, чтобы их обосновать.

Мы можем научиться откладывать за ненадобностью «эфир» и другие предположения, которые оказались ложными или дефектными, и таким образом, мы можем научиться постепенно менять уклад нашей цивилизации, пока Тробрианец цепляется за «духов своих предков», и таким образом, практически в полной мере продолжает жить по убеждениям и традициям этих предков. Мы ссылаемся на подобные процессы, когда говорим, что наша цивилизация развивается, в то время как в примитивных культурах наблюдается очень слабый прогресс, если он вообще наблюдается.

Кардинальный аспект метода, который мы называем наукой, и ориентирования в повседневной жизни, которое мы называем научным, заключается в осознанности и наиболее яс-

ном высказывании наших предположений, особенно предположений в отношении субмикро-скопических явлений. Все мы вырабатываем свои идеи о том, что находится «по ту сторону циферблата». Мы выражаем эти понятия с точки зрения «наследственности», «человеческой природы» или «сверхъестественного» и множеством других способов; они в том или ином смысле представляют собой наши понятия о «причинах» и «следствиях», и отношениях между ними. Однако когда, подобно Тробриандцу, мы не распознаём в этих понятиях заключения, предположения, а не утверждения факта, мы тем самым замыкаем наш процесс абстрагирования этих понятий. Мы сводим наш процесс абстрагирования от формы по диаграмме выше к форме по диаграмме на Рис.10.

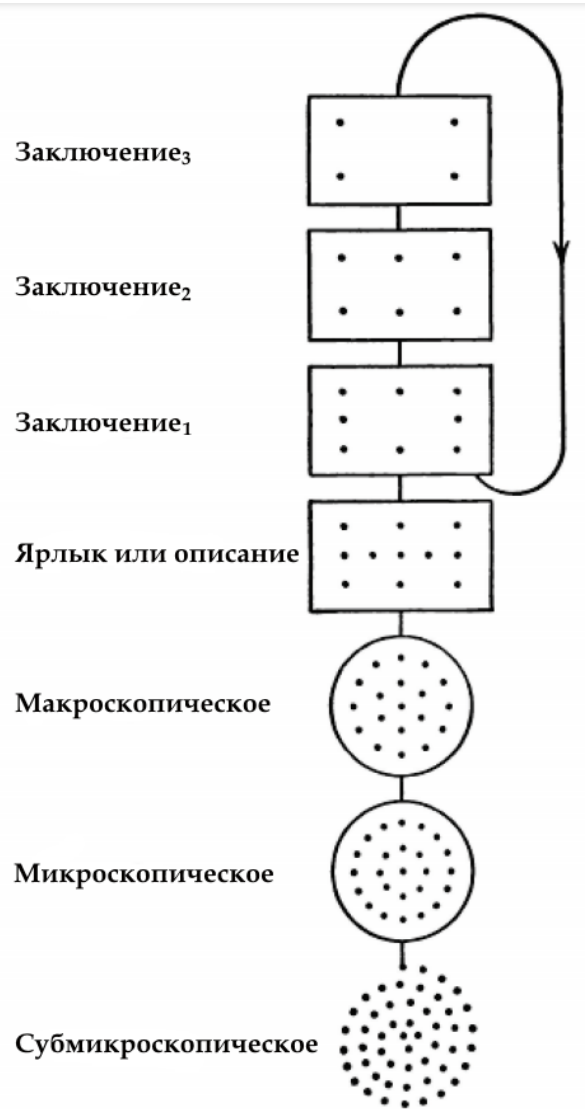

Рис. 10: Диаграмма "замкнутого" абстрагирования, показывающая механизм семантической обструкции.

Мы не высказываем наши заключения высшего порядка *как заключения*. Мы считаем их истинными высказываниями о «сверхъестественном» или ещё о чём-то, и поэтому любые наблюдения, которые мы можем провести на макро и микро уровнях не состоят с ними в связи, как и описания, составленные на основе таких наблюдений. Они не состоят в связи в том смысле, что мы не можем подтвердить или опровергнуть ими эти высказывания или убеждения. Мы, по всей видимости, просто принимаем заключение наряду с несколькими другими, относящимися к нему, заключениями, и никогда не подвергаем его *проверке*. Получается, что любое наше абстрагирование этого заключения не зависит от невербального или вербального абстрагирования более низкого порядка. Это мы обозначили на диаграмме «замкнутого» абстрагирования. Так работает механизм «закрытого ума», старого пса, которого не на-

дрессировать на новые команды. Это же демонстрирует поведение индейца, который пляшет определённым образом, чтобы хорошо росла кукуруза, независимо от объёма урожая, который всходил после предшествующих танцев. Он смотрит на богов, которые не принесут кукурузы, если он не спляшет, не как на предположение, подлежащее проверке, а как на факт, который следует чтить. Поскольку он не смотрит на них как на предположение, наблюдаемые характеристики роста кукурузы не влияют на его истинность или ложность. В повседневной жизни встречается множество примеров такого замкнутого абстрагирования.

Процесс абстрагирования продолжается от любого конкретного уровня вверх, затем обратно к невербальным уровням, затем вверх, затем обратно, по кругу. Субмикроскопические выведенные данные принимаются как *выведенные путём заключения*, как предположения, которые следует проверять с точки зрения того, насколько эффективно они позволяют нам объяснять и прогнозировать то, что мы наблюдаем. Практическая проверка относительного уровня абстракции, на котором мы говорим в любой данный момент состоит в количестве времени (или количестве слов), требуемого, чтобы в достаточной мере прояснить то, о чём мы говорим с точки зрения фактов первого порядка.

Некоторые философские заявления двух тысяч лет давности по-прежнему всплывают в разговорах, так и не удостоившись до сих пор фактической демонстрации. Некоторые философы цепляются за верёвочки от воздушного змея, например, Платоновской «чистой идеи». В университетах, задачи высшего образования становятся предметом разногласий. Не смотря на то, что в некоторых отношениях, образование дают чётко определёнными методами, в других, за многие века, материалы не поддавались фактической проверке.

Стоит понимать, что точный уровень абстракции, которому принадлежит высказывание или слово мы не обозначаем строго, но это не означает, что понятие уровня абстрагирования не получится исследовать с точки зрения надёжной шкалы. Такое исследование пока не проводили, но в своё время проведут. В рамках практических повседневных целей стоит придавать важность тому, что распознать относительные отличия в абстракции двух любых высказываний, как правило, не составляет труда. Мы можем достаточно приноровиться распознавать, когда в обсуждении мы переходим на уровень абстракции выше или ниже. Мы также можем определять относительно высокий, средний или низкий уровень абстракции. В этом состоит практическая осознанность *относительного* уровня и переходов между уровнями выше или ниже. Она играет роль в применении языка по ситуации, говорите вы или слушаете. Мы можем целенаправленно культивировать такую осознанность с помощью практики фокусировки внимания. Мы обсудим это более подробно в дальнейших главах.

Стоит прояснить ещё кое что. Мы включили в нашу диаграмму линию, соединяющую вербальный уровень высшего порядка заключения с низшим, или субмикроскопическим, уровнем. То, что мы видим, слышим и т. д. на уровнях наблюдения – неизбежно остаётся неполным: существует субмикроскопическая область. Мы можем спросить: «Откуда он берётся?» С этим вопросом стоит проявлять особую осторожность. Согласно общей семантике на данный момент, мы можем сказать следующее: мы заключаем, основываясь на том, что видим как неотъемлемое свидетельство того, что существует «что-то» за пределами нашего наблюдения. Мы не можем это наблюдать, поэтому у нас не остаётся иного выбора, кроме как делать о нём заключения, а единственным основанием для этих заключений служат наблюдения, которые мы можем провести. Это означает, что только при помощи максимально надёжных описаний наших наблюдений, и выведения из низ заключений в более общих терминах (на более высоких уровнях абстракции) мы можем прийти к каким-либо понятиям или высказываниям о субмикроскопической области. Отсюда следует, мы можем проверить эти заключения только дальнейшими наблюдениями, которые служат свидетельством того,

насколько эффективно они позволяют объяснить и спрогнозировать происходящие наблюдаемые факты. Процесс абстрагирования идёт по кругу. Поэтому мы чертим линию, которая соединяет вербальные заключения высшего порядка с субмикроскопическим уровнем. Мы покажем практическую значимость и применения этого процесса в следующих главах.

Диаграмма науки

Всё это может звучать излишне академически и отдалённо от чьих-то повседневных дел. Однако, по меньшей мере, в двух отношениях, то, что мы здесь обсуждаем не относится к строго научным кругам, или к «не более чем абстракциям». Прежде всего, то, что мы кратко разобрали выше, представляет собой общий метод науки. Если его применять в различных технических областях, он приводит к результатам, которые вносят вклад в постоянные изменения нашей материальной среды. Благодаря этому общему научному методу мы смогли создать такие вещи как радио, авиацию, кинематограф, рентгеновский аппарат, и т. д. Например, если бы расстояние по экватору составляло сорок тысяч километров в 1800 году с точки зрения времени, которое требовалось потратить на путешествие вокруг земли, то теперь оно составляет не более пятисот километров. А если говорить с точки зрения времени на передачу сообщения вокруг земли, то расстояние уже почти исчезло. Как вы считаете, эти факты влияют на вашу жизнь, на ваши планы на будущее, и т. д.? Или они относятся только лишь к науке? Можно ли назвать атомную бомбу, которую сбросили на Хиросиму, предложением от науки? С точки зрения практических, материальных, промышленных последствий, наука не видится такой уж академической, не правда ли?

Во-вторых, то, что мы здесь обозначили как общий метод науки, мы рассматриваем как основу для *ориентирования* в жизни. Наука, как технология в узком смысле специализированных лабораторных условий, влияет на наши жизни глубоко и значительно, но мы не умеем пользоваться ею эффективно в наших повседневных поступках. Наука, как общее ориентирование, представляет собой нечто совсем иное, и именно в этом смысле она интересует нас больше всего в этой книге. Как общее ориентирование мы описываем и понимаем её с точки зрения присущего жизни процесса абстрагирования, чтобы пользоваться ей с пользой или во вред в повседневной жизни обычных людей не в меньшей мере, чем в эзотерических процедурах людей, работающих над высокотехническими задачами.

Именно с этой точки зрения в дальнейших главах мы рассмотрим основные характеристики процесса абстрагирования и фундаментальные принципы эффективного абстрагирования, за счёт которых научное ориентирование удаётся применять в повседневной жизни.

Глава~VII ПРОЦЕСС АБСТРАГИРОВАНИЯ

Заметив, что все говорят о погоде, но никто с ней ничего не делает, Марк Твен, вероятно, хотел не просто позабавить читателя, но и заставить его задуматься. Действительно, почему люди ничего не делают с погодой, раз они так много о ней говорят? Одна ясная причина видится в том, что люди почти не говорят о погоде.

Они говорят о самих себе. Когда вы отмечаете в разговоре с почтальоном, который принёс вам ежедневную пачку счетов и циркуляров, отличный день, вы не сообщаете о метеорологических наблюдениях; скорее, о желудочно-кишечных. Вы даёте ему знать, что у вас не болит голова, ревматизм вас сегодня не беспокоит, и что ваша любимая бейсбольная команда выиграла две игры подряд. Информировать почтальона о погоде на данный момент не имеет смысла, ведь он, скорее всего, уже два или три часа в этой погоде пребывает.

Любым вашим высказыванием о чём угодно вы ссылаетесь в некоторой мере на самих себя. До определённой степени вы передаёте информацию о геранях, о команде Бруклин Доджers или о погоде, но также представляете свидетельство вашего внутреннего состояния. С такой точки зрения, мы можем поместить наши замечания на континуум. На одном его краю находятся высказывания без наблюдаемого фактического денотата – хотя человек, от которого они исходят, может предполагать, что они им обладают. Одна пациентка в психиатрической больнице как-то рассказала мне историю о том, как её заставили отправиться в плавание. Её связали по рукам и ногам и уложили в койку в трюме корабля. В ходе плавания через её койку постоянно перепрыгивал лев, то с одной стороны, то с другой. Я нашёл её историю увлекательной, но конечно, ей она ссылалась только на какие-то драматические события в её мыслях; какое-то значение эта история имеет только для её психиатра.

На другом краю континуума находятся высказывания, в минимальной степени ссылающиеся на нас самих, такие как «Свежие яйца, 30 центов за дюжину», или «Отсюда до ближайшего почтового отделения – восемь километров», учитывая, конечно, что эти высказывания оказываются разумно истинными или надёжными при проверке. Тем не менее, даже такие высказывания мы не можем полностью освободить от само-ссылки; мы могли бы их смягчить такими вводными выражениями как «насколько я знаю» или «на мой взгляд». Несмотря на то, что все мы слышали, что числа могут врать, высказывания на языке, который мы называем математикой, описывают реальность точнее других. Если мы все согласимся, что $1 \div 1 = 1$ (высказывание не «истинное», но согласующееся с принятыми правилами), мы можем позволить себе уверенность в таких замечаниях как, «Время сейчас – 8:15, а температура в центре Чикаго – 5 градусов по Цельсию». Мы осознаём относительность истинности таких высказываний, но в практических целях можем разрешить себе считать их высказываниями факта, нежели мнения; основываясь на этой информации, мы можем выпить ещё одну порцию кофе перед тем как идти на автобусную остановку, и надеть пальто перед выходом. Если каждый заинтересованный соблюдает правила математики и научного наблюдения и описания, мы даже можем принять как «факт», нежели мнение, по меньшей мере, на время, высказывание о том, что один грамм водорода содержит 303,000,000,000,000,000,000 его молекул. Мы понимаем, что таким замечанием кто-то ссылается как на что-то у себя в мыслях, так и на что-то, чем он может характеризовать окружающий физический мир.

Наблюдатель и наблюдаемое

Суть того, что мы обсудили выше хорошо передал профессор математики Роберт Кармайкл: «Вселенная, какой мы её знаем, представляет собой явление, в котором совместно участвуют наблюдатель и наблюдаемое». Говоря языком общей семантики, процесс абстрагирования обладает личным характером и задействует проекции. Если мы говорим, что какое-либо слово, высказывание или объект представляет собой абстракцию, мы подразумеваем, что его абстрагировал *из чего-то кто-то*. В этом случае «кто-то» означает, что абстракция осуществляется лично или частно. Это касается процесса абстрагирования в целом; видится логичным, что если ваша абстракция осуществляется лично, то они все осуществляются лично, а если абстрагирование представляет собой личный процесс, в нём неизбежно участвует проецирование. Иными словами, например, покуда трубка, о которой вы говорите, что она лежит у вас на столе, составляет абстракцию, «произведённую» вашей нервной системой, вы проецируете эту абстракцию вовне вашей нервной системы, если говорите о ней и реагируете на неё, как на лежащую на вашем столе. Поверьте, это лишь кажется сложным и странным. Стоит вам в достаточной мере понять проекцию, и вы сможете признать её как один из процессов присущих живым организмам, почти как дыхание. Небрежное обращение с этим процессом может нанести вред, как и небрежное обращение с другими естественными жизненными процессами, например, с дыханием.

Мы уже кратко обсудили процесс проекции в одной из предшествующих глав. В качестве примера я приведу историю об одном университетском декане. Этот декан, джентльмен зрелого возраста, ехал как-то на поезде домой после посещения съезда. Предыдущей ночью он засиделся допоздна. Он с трудом фокусировал внимание во время разговора со своим другом и попутчиком – профессором университета. На одной из станций, в поезд вошла девушка, которая когда-то ходила на занятия декана. Она уважительно его поприветствовала и села напротив. Они болтали о том, о сём, но вскоре декана одолела сонливость, и он задремал. Однако через несколько мгновений он пришёл в себя и продолжил разговор. Девушка тоже снова начала говорить, но потом он снова задремал. Это произошло несколько раз; как только девушка начинала говорить, декан проваливался в дрему.

Через пару дней наблюдавший ситуацию профессор рассказал о ней жене декана, на её потеху. Вечером того дня жена спросила декана о девушке, которую он встретил в поезде.

«Ты знаешь», ответил декан, «Не понял я, что с этой девчонкой случилось. Начнёт что-то говорить, и, вроде, говорит нормально, а потом возьмёт и замолчит посреди предложения. Подождёт немного и снова начнёт, потом снова замолчит. Короче, я не понял».

О другом случае рассказывал один довольно именитый профессор. Ему снился сон о том, что к ним с женой в спальню забрался грабитель, на что он поднялся и прокричал: «Вон отсюда!». Он крикнул так громко, что проснулся от этого. Он оглянул комнату, потом посмотрел вниз рядом с собой, где лежала его жена, которая уже проснулась и включила лампу.

«Мне снился сон».

«Правда? И что тебе снилось?»

«Что в комнату влез грабитель, и я ему крикнул: «Вон отсюда!». Я так громко крикнул, что аж проснулся».

Его жена улыбнулась. «Хочешь скажу, что ты на самом деле сказал?»

«На самом деле? Я ж тебе сказал».

«На самом деле ты сказал: «Привет», очень мягко и тихо».

Среди других примеров процесса проекции мы можем вспомнить исследования оптических иллюзий. Взгляните ниже на известную иллюзию Мюллера-Лайера (Рис. 11). Если бы вы согласились поставить пять долларов на то, что линия *В* при измерении окажется длиннее линии *А*, вы бы вскоре узнали, что имеется в виду под проекцией, и что максимальная осознанность своих проекций приносит много пользы. Согласно измерениям обыкновенной линейкой, длина линии *А* равняется длине линии *В*. Согласно вашей нервной системе, без помощи линейки, линия *В* выглядит длиннее.

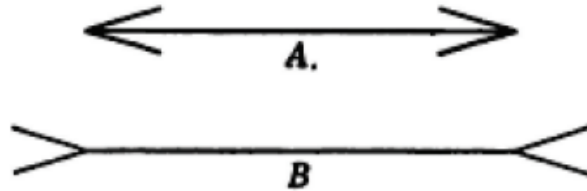

Рис. 11: Иллюзия Мюллера-Лайера. Одна линия длиннее другой? Пример неосознанной проекции.

Человек, говорящий: «Линия *В* [есть] длиннее линии *А*», говорит языком весьма отличным по структуре от языка человека, говорящего: «Линия *В* *выглядит* для меня длиннее». Первый, по-видимому, считает свою абстракцию совсем не абстракцией, а простым фактом, очевидным всем и каждому, универсально и абсолютно истинным. Он не распознаёт её как абстракцию, и вместе с этим, не характеризует её как личную проекцию. Этот человек поставил бы пять долларов на свою правоту, недоумевал бы от того, что люди согласились на его ставку, удивился бы тому, что оказался не прав, и, скорее всего, стал бы подозревать, что его обманули. «Практичный» человек; что видит, в то и верит. К сожалению, он проявляет непрактичность, не осознавая, что может случайно увидеть то, во что верит.

Индивидуум, который говорит: «Линия *В* *выглядит* для меня длиннее», пользуется языком, в котором указывает некоторую степень осознания того, что то, что он видит, когда смотрит на две линии, представляет собой абстракцию, структурированную его собственной нервной системой, и что он испытывает её лично. Как таковой, этот опыт не есть истинен для кого-либо другого, или в каком-либо абсолютном смысле. Его «истинность» устанавливается относительно абстрагировавшей его нервной системы и обстоятельствам, в которых это произошло. Наше желание по тем или иным причинам считать эту абстракцию истинной или неистинной, зависит в значительной степени от множества факторов, а не только от «самых» линий. Иллюзия Мюллера-Лайера, в том, как вы её распознаёте, представляет собой, как сказал бы профессор Кармайкл, совместный результат нарисованных линий и вашего их наблюдения. То, что вы видите, зависит не всецело от того, на что вы смотрите, но от того, как работают ваши органы зрения и нервная система. Что бы вы ни видели, – например линии Мюллера-Лайера – это представляет собой частично что-то, что существует независимо от акта вашего наблюдения, и частично что-то, что вы проецируете, поэтому любые характеристики, которые вы этому приписываете, в некоторой степени определяются характеристиками вашей нервной системы. Индивидуум, говорящий: «Линия *В* *выглядит* для меня длиннее», показывает некоторую степень осознанности вышесказанного. Поэтому его прогнозы окажутся эффективнее. Он, скорее всего, не стал бы ставить пять долларов на свою правоту, и не стал бы удивляться и негодовать, узнав о том, что ошибся.

Неосознанная проекция ярко проявляется в случаях, которые мы обычно характеризуем примитивностью, глупостью и дезадаптацией. Перефразировав отрывок из книги С. Хаякава *Язык в Действии*, мы можем сказать, что осознавать собственные проекции стоит, не только потому что это позволяет развивать в человеке честность, терпимость и общую эффективность, но ещё потому что это во многих случаях не даёт сделать из себя дурака.

Эту мысль в весьма экстравагантной манере демонстрирует история о деревенской домохозяйке, решившей покопаться в вещах, которые её муж привозил из города. Среди них она нашла зеркало – объект, который она никогда раньше не видела. В меру своих познаний она интерпретировала этот объект как фотографию. Она посмотрела не него хмуро и проворчала: «Так это та самая старуха, с которой он мне изменяет!»

Вспомним также басню о жадном псе, который нёс в пасти кость, и по пути, посмотрел в ручей, в котором увидел то, что он принял за другого пса, тоже с костью в пасти. Подумав о том, что ему может достаться две кости, он начал лаять на другого пса, из-за чего кость выпала из его пасти в ручей. Эта басня обычно заканчивается моралью о том, что жадность до добра не доводит. Несомненно, такая мораль имеет смысл в контексте басни, но мораль о преимуществах осознанной проекции вписалась бы основательнее. Пёс проявил не только жадность, но и, говоря шире, тупость. Эта басня показывает, что мы не можем обращаться с «характером» и «интеллектом» так, будто между ними не существует связи.

В качестве ещё одного примера личного и проективного характера абстрагирования, рассмотрим слова *горячий* и *холодный*. Степень, в которой человек осознаёт абстрагирование, обычно удаётся определить по тому, насколько непринуждённо он пользуется такими часто употребляемыми словами. Например, мы отмечаем: «Сегодня жарко (подразумевая погоду или мир вне нашей кожи)», или «Этот напиток – прохладный». Отсутствие само-ссылки в таких высказываниях может указывать на недостаток осознанности абстрагирования.

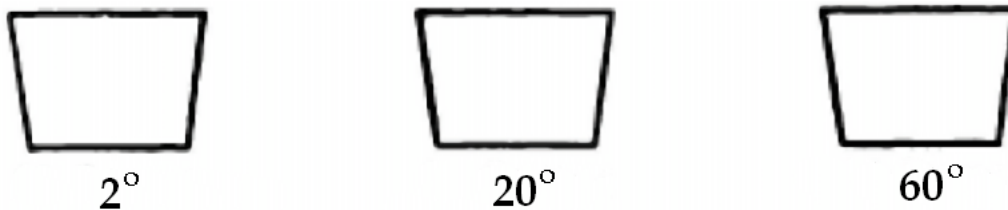

Рис. 12: Представление сосудов с водой разной температуры.

Для большей ясности проведём простой эксперимент. Предположим, перед нами стоят три сосуда с водой (Рис.12). Если окунуть левую руку и подержать её пять минут в сосуде слева, а правую руку – в сосуде справа, после чего окунуть обе руки в сосуд посередине, какой вы ощутите воду, «горячей» или «холодной»? Вашей левой рукой вы абстрагируете «горячую» или «тёплую» воду, а правой рукой – «холодную» или «прохладную». Если вы не осторожно задаёте вопросы, вы можете спросить: «Ну, так какая она? Вода в середине *на самом деле* горячая или холодная?» Если вы разговариваете подобно большинству людей, вы, возможно добавите: «Она же не может быть и такой, и другой одновременно!»

Вот таким вот образом смысл сталкивается с бессмыслицей. Каждый школьник «знает», что горячо есть горячо, а холодно есть холодно, вот и всё, а любой преподаватель, обученный традиционной логике, поощряет школьников, которые это «знают». Ведь мудрецы ещё со времён Аристотеля говорят, что А есть А, что всё есть либо А, либо не-А, и что ничто не может быть одновременно А и не-А. Эти три положения известные как закон тождества, закон исключённого третьего и закон непротиворечия, соответственно, возводятся в абсолют уже более двух тысяч лет как *единственные* и неизменные Законы Мысли. Опираясь именно на эти законы, мы в возвели базовую структуру нашей культуры, цивилизации и наших индивидуальных личностей. Всё это может показаться излишне нарочито поучительным, поэтому давайте вернёмся к нашим сосудам.

Вашей левой рукой вы абстрагировали «горячую» воду в среднем сосуде, а правой – «холодную», а какой-нибудь Аристотелев наблюдатель, между тем, воскликнул: «Определись ты уже! Она горячая или холодная?» Его вопрос вам кажется сложным, а он находит вашу нерешительность, как он это называет, раздражающей, ведь он прекрасно «знает», что горячо

есть горячо, что вода либо горячая, либо не горячая, что вода не может быть горячей и не горячей одновременно. Мы лишь применяем великие законы мысли или чистый и простой здравый смысл к этой ситуации. «Ты так и продолжишь стоять над этими вёдрами и говорить мне, что вода и горячая, и холодная? Что с тобой?» А потом он сам окунает собственную руку в воду и высокомерно говорит: «Она прохладная. Ты, что не можешь понять, что вода прохладная?» Если попытаться его проинформировать, что вода никогда не бывает прохладной, он на полном серьёзе сочтёт, что вы «сошли с ума».

Теперь, что мы можем сказать об этой любопытной ситуации? Мы поняли, что наш Аристотелев друг отождествляет один уровень абстракции с другим. Словом «прохладная» он ссылается не на воду в сосуде, как он предполагает, а на абстракцию, которую «сконструировала» его нервная система. Его неспособность это признать служит примером того, что мы называем неосознанной проекцией. Его здравый смысл, «законы мысли», составляют обобщённую формулу, за счёт которой поддерживается проявление такой неосознанной проекции, и она становится привычным способом реагировать на события. Такая формула ориентирует человека в сторону применения естественных процессов жизни – конкретного процесса проекции и общего процесса абстрагирования – не по назначению. Впоследствии от использования естественных процессов жизни не по назначению вырастают препятствия на пути к индивидуальному и социальному выживанию.

Пять основных тезисов

Давайте перечислим несколько основных характеристик процесса абстрагирования, о которых мы поговорили в предшествующей и этой главе:

1. Его можно считать процессом упущения подробностей.
2. Он проходит нормально от «нижних» к «высшим» уровням.
3. Он происходит потенциально непрерывно, потому что изменения на одном уровне ведут к изменениям на уровне «выше», а также потому что изменения происходят непрерывно на субмикроскопическом уровне.
4. Он проходит лично: абстракция на любом уровне абстрагируется *из чего-то кем-то*.
5. При нём задействуется проекция – оценки неизбежно проецируются во вне нервной системы и воспринимаются как «реальность». Такая проекция потенциально происходит осознанно и поэтому может оказаться полезной в прогнозировании и контроле над реальностью. Не-осознавание этого процесса может потенциально или действительно нанести вред.

Само-рефлексивность Абстрагирования

Теперь мы рассмотрим другие характеристики процесса абстрагирования: (а) само-рефлексивность, (б) многопорядковость, (в) потенциальная само-корректировка, (г) возможность передать его результаты в коммуникации. Мы обсудим эти характеристики по порядку.

Вы вспомните, что на самый верх нашей диаграммы процесса абстрагирования, несколько страниц назад, мы поместили *и т. д.*, чтобы обозначить, что любую абстракцию мы можем абстрагировать далее. В этой связи процесс абстрагирования походит на нашу систему чисел, в которой не существует такой вещи, как *самое* большое число, потому что независимо от того, насколько большое число мы выберем, мы всегда можем добавить к нему 1 и получить число больше. Подобным образом, в процессе абстрагирования не существует такой вещи как *наивысший* уровень, потому что мы всегда можем абстрагировать абстракцию далее. Когда мы называем процесс абстрагирования само-рефлексивным, мы говорим о возможности абстрагировать любую данную нам абстракцию.

Мы можем вспомнить множество примеров само-рефлексивности. Боб Бёрнз, радио комик, как-то рассказывал о своём дяде, который изобрёл пятновыводитель для выведения пятен, оставшихся от пятновыводителей. Другой комик с радио, Боб Хоуп, сказал о современных продвинутых автомобилях, что чтобы ими управлять стоит всего лишь нажать кнопку, которая нажимает кнопку. В какой-то газете опубликовали комикс с изображением двух фотографов с фотоаппаратами, направленными друг на друга, при этом один фотограф фотографировал другого фотографа, который фотографировал первого фотографа, который фотографировал, и т. д. Подобные само-рефлексивные процессы происходят в непрекращающихся разногласиях, например, в научных журналах: профессор Ворштейн отвечает на ответ профессора Хаттона на ответ профессора Чатертонна на критику профессора Свендсона перевода *Одиссеи* профессором Уилоуби – ряд, в который профессор Ворштейн встал совсем недавно, но последним, скорее всего, не станет.

Стоит также вспомнить коробку с кукурузными хлопьями Post Toasties, на которой изображали коробку Post Toasties, на которой тоже изображали коробка Post Toasties; она складывалась в изображение в изображении в изображении, и т. д.

Говоря о само-рефлексивности в контексте её обсуждения профессором Джосайя Ройсом и контексте всего вышесказанного, мы подходим к проблемам, интересующим нас больше всего. Он говорил о само-рефлексивном характере потенциально идеальной карты. Мы формулируем его понятие следующим образом: если вы составляете карту территории, в которой вы хотите охватить всё на этой территории, вам придётся включить в эту карту вас и составляемую вами карту, потому что вы и ваша карта находитесь на территории, карту которой вы составляете. Чтобы ваша карта получилась завершённой, вам придётся сделать вашу карту, помимо прочего, картой вашей карты. Отсюда также следует, что для завершённости карты карты, в неё придётся включить её, и так далее, до бесконечности. Это означает, что такой вещи как абсолютно завершённая карта не может существовать.

В целом с языком дела обстоят так же как с каратами. Например, если вы попытаетесь *полностью* описать то, что вы делаете сейчас, вам придётся описать ваше описание. Чтобы дать исчерпывающее описание, вам придётся доводить его до формы описания описания описания и так далее. Такая вещь как абсолютно завершённое высказывание, как и идеальная карта карты не представляется постижимой. Структура нашего языка, структура мира и структура наших нервных систем по-видимому действуют так, что любое применение символов, по меньшей мере, на человеческих уровнях, в речи, письменности, картах, картинах, числах или прочем, оказывается потенциально само-рефлексивным до бесконечности.

Само-рефлексивный характер нашего языка и абстрагирования в целом позволяет существовать парадоксам и тому, что кажется парадоксами, вокруг которых давно ведутся философские диспуты и некоторые салонные игры. Возможно, вы тоже посвятили часть своего времени попыткам определить, истинность или ложность высказывания «Все критяне – лжецы», которое высказал критянин Эпименид. Возможно вы также слышали известное высказывание о цирюльнике, который брил в деревне всех, кто не брился сам, и вопрос, брился ли цирюльник сам. Ведь если он брился, то он не брился. Если уметь распознавать такие примеры как проблемы само-рефлексивности, то, по крайней мере, удастся избавиться от подозрений о том, что у вас на что-то не хватает ума.

К этому явлению также относится проблема бесконечного регресса. Примером такого регресса служит рассказ о девочке пяти лет, которая спросила у матери о том, кто сделал мир. Когда мать ей ответила, что его сделал Бог, девочка спросила: «А кто сделал Бога?». Самые жуткие вопросы обычно задают дураки и дети, потому что не научились придерживаться проторенных вербальных тропинок, которых придерживаются «здравомысля-

щие» люди. Любой ребёнок, который достаточно долго настаивает на своих «Почему?» и «Зачем?», или любой философ, всё глубже погружающий себя в тёмные пучины проблемы первопричины, рискует никогда не достигнуть твёрдого дна.

Что же нам делать с правдивыми лжецами критянами, цирюльниками, которые умудряются бриться и при этом не бриться, с парадоксами и вопросами, утягивающими нас в бесконечный регресс? Популярно мы бы ответили: «А зачем что-то делать? Если философы желают тратить время на головоломки, пускай». К сожалению, над этими вещами не просто ломают головы или воодушевлённо, но тщетно дискутируют о них в колокольнях башен из слоновой кости. Они свидетельствуют о том, из чего складываются человеческие страдания.

Просто за счёт того, что *мы можем* пользоваться языком, чтобы говорить о языке, что *мы можем* высказываться о высказываниях о высказываниях *до бесконечности*, нам приходится иметь дело не только с такими парадоксами, о которых мы поговорили выше, но и с тенденциями к дезадаптации и катастрофическими последствиями вымыслов, слухов, фантазий, подозрений, заблуждений и кучи других симптомов той само-рефлексивности, которую мы не контролируем. Научное сообщество эту проблему не решит. Нам следует прекратить позволять разговорам об уклончивых критянах и коробках с хлопьями обманывать нас. Мы можем без преувеличения сказать, что говорить о чём угодно, похожем на удовлетворительное понимание личной и социальной адаптации не получится без адекватного понимания роли само-рефлексивности в такой адаптации или дезадаптации.

Всё это мы говорим отнюдь не к тому, что определённые характеристики наших процессов абстрагирования способствуют лишь путанице и трудностям. Эти последствия происходят, когда абстрагированием пользуются неправильно, а неправильно им пользуются, когда его не осознают и не обращают на него внимания. Само-рефлексивность приводит не только к миллионам комплексов неполноценности и тысячам убийств на почве ревности, но и к таким вещам как теория относительности и другим революционным открытиям современной математики и физики. За счёт само-рефлексивности становится возможным всё то, что мы подразумеваем под развитием культуры. Она лежит в основе науки о технике, включая техническое преобразование человека. Если бы наш язык и наши процессы абстрагирования в целом не проявляли само-рефлексивность, то что-либо значимое, что мы подразумеваем под словом «человек» просто не существовало бы. Абстрагирование, как пищеварение, представляет собой естественную функцию организма (мы даже можем считать пищеварение разновидностью процесса абстрагирования), и непрекращающиеся, проективные, само-рефлексивные аспекты этой функции представляют естественные, нормальные аспекты всей экономики организма. Дезинформация об этих процессах может нести такую же опасность, какую несёт дезинформация о питательных или репродуктивных функциях.

Многопорядковость

Понять само-рефлексивность нам поможет понятие многопорядковости, которое ввёл Альфред Коржибски. Согласно этому понятию, многие из наших самых важных терминов характеризуются многопорядковостью, что означает, что мы не присваиваем им какого-либо общего значения. То, что обозначается многопорядковым словом, определяется уровнем абстракции, на котором его применяют; говоря более знакомыми словами (но с несколько меньшим охватом), то, что это слово «значит», меняется, когда меняется контекст. Когда мы говорим, например, о высказывании о высказывании, мы пользуемся словом «высказывание» двумя разными способами. Можете отлистать обратно к диаграмме процесса абстрагирования для наглядности, и представить, что мы формулируем высказывание на одном уровне, а потом мы формулируем высказывание об этом высказывании на уровне «выше».

Например, мы скажем: «Голубые голуби летают быстрее белых голубей». Теперь мы можем перейти на уровень абстракции «выше» и сформулировать одно из множества возможных высказываний об этом высказывании, таких как: «Это – верно» или «Это – ложно», или «Если это верно, то это интересно», или «В той мере, в которой это высказывание истинно, в нём подразумеваются отношения между пигментацией и мышечной структурой». Мы относим эти высказывания к более высокому уровню абстракции, потому что речь в них ведём о первом высказывании. Между тем, мы можем сказать, как о первом высказывании, так и о других, что они представляют собой *высказывания*. Таким образом, слово «высказывание» мы считаем многопорядковым, потому что можем его применять на разных уровнях или порядках абстракции, и его определённое значение меняется от уровня к уровню. На вопрос: «Что такое высказывание?» не получится дать общего, абсолютного ответа.

По этому поводу стоит обратиться к работе Коржибски. На страницах 14 и 15 книги *Наука и Здравомыслие* он пишет:

Мне следует предупредить читателя в самом начале об основательной семантической инновации; конкретно, об открытии *многопорядковости* самых важных терминов, которыми мы располагаем. Зная об этих терминах, мы можем пользоваться ими осознанно в многопорядковом, необычайно гибком и полном условности смысле. К ним относятся такие термины как 'да', 'нет', 'истинно', 'ложно', 'факт', 'реальность', 'причина', 'следствие', 'согласие', 'несогласие', 'пропозиция', 'число', 'отношение', 'порядок', 'структура', 'абстракция', 'характеристика', 'любовь', 'ненависть', 'сомнение', и т. д. Если эти термины удаётся применять к высказыванию, то их также удастся применять к высказыванию о первом высказывании, и, в конечном счёте, ко всем последующим высказываниям, независимо от их порядка абстракции. Термины такого характера я называю *многопорядковыми терминами*. Основная характеристика многопорядковых терминов заключается в том, что на разных уровнях порядков абстракций они принимают разные значения. Мы не присваиваем им какого-либо общего значения, потому что их значения зависят от данного контекста, в котором устанавливаются разные порядки абстракций. Психологически, осознав многопорядковость большинства важных терминов, мы открыли себе путь к конкретно *человеческой*, полной условности наших семантических ответов. Благодаря этому осознанию мы получаем широкую свободу в обращении с многопорядковыми терминами и устраняем серьёзные устоявшиеся психо-логические паттерны и блокады, которые, как показывают анализы, носят животный характер, вследствие чего мы считаем их патологическими для человека. Стоит человеку понять эту многопорядковую характеристику, и эта семантическая свобода прекращает приводить к смятению.

Вместе с этим, мы значительно обогащаем наш словарный запас и делаем его более точным, при этом себя не обременяя. Таким образом термину 'да' мы можем придать бесконечное число значений, в зависимости от контекста, к которому мы его применяем. Такое холостое 'да' в реальности обозначает 'да_∞', включающее 'да₁', 'да₂', 'да₃', и т. д., каждое из которых отличается или может отличаться от другого. Мы можем пускаться в догадки о таких терминах *в общем*, – например, 'что мы называем фактом или реальностью?' – но заниматься подобным окажется тщетным и нецелесообразным, потому что с общей точки зрения, мы можем ответить лишь, что 'пользуемся этими терминами многопорядковым образом и вне какого-либо контекста ни на что ими не указываем'. Это позволяет решить множество узловатых эпистемологических и семантических вопросов и даёт нам один из наиболее действенных методов создания благоприятных условий для человеческой свободы выражения, устраняя недопонимания и блокады и, в конечном счёте, подводя нас к согласию.

Если бы мне не удалось обнаружить многопорядковость терминов, я бы не смог написать настоящую работу, потому что она требовала более гибкого языка, более широкого словарного запаса, и чтобы при этом оставалась возможность избегать путаницы.

Благодаря введению многопорядковости терминов, которую я отношу к *естественным*, но пока не удостоенным достаточного внимания фактом, мы расширяем наш словарный запас во много раз; количество слов в таком словарном запасе, *естественном для человека*, составляет бесконечность. Многопорядковость терминов лежит в основе механизма *полной условности человеческих* семантических реакций; она позволяет избавиться от невероятного количества старых животных блокад, и без неё не получится достичь здравомыслия.

С такой точки зрения, Пилат, спрашивающий: «Что есть Истина?» превращается в простого дурака. Понимание многопорядковости слова *истина* делает вопрос «Что есть Истина?» не более осмысленным, чем строчки из *Алисы в стране чудес*, и избавляет нас от одного предмета лишнего волнения. «Я хуже?» и «Он правда меня любит?» начинают видаться такими же безобидными как «Кто сделал Бога?» Основная проблема бессмыслицы – бессмысленных вопросов, или вопросов, на которые не отыскать ответов, и бессмысленных или не поддающихся проверке высказываний – состоит в тесной связи с само-рефлексивностью и с многопорядковостью терминов, которые в ней фигурируют. Если мы оставим тщетные попытки присвоить терминам *общее* значение, мы можем осознанно и ясно озадачить себя адекватностью контекста, из которого термины получают любые конкретные значения. Нам не стоит беспокоиться о том, что значение термина смещается и меняется; напротив, это даёт нам свободу выражения и гибкость интерпретации, которые способствуют взаимному пониманию и согласию. Твёрдая осознанность само-рефлексивности и многопорядковости также способствует «ясности ума», точности в высказываниях и осознанности всего процесса оценки, которые в свою очередь препятствуют недоумению, сопровождающему страх и волнение, обиду и тревогу, и другие нежелательные семантические реакции.

Примеров многопорядковости найдётся множество, стоит только начать искать. Неспособность распознать многопорядковость наблюдается в большинстве случаев дезадаптации. Для примера вспомним старую поговорку: «Всегда помни и никогда не говори два слова – никогда и всегда». Другими словами: «Всегда избегай всегда» и «Никогда не говори никогда». Эти высказывания противоречат сами себе до тех пор, пока мы не обратим внимание, что в каждом случае «одно и то же» слово употребляется на разных уровнях абстракции. Высказывания сформулировали так, что на уровнях абстракции ниже *всегда* и *никогда* менее вероятно имеют статус «истинных», чем на уровнях выше. Иными словами, «в общем», «в среднем» или «практически» что-то может никогда или всегда считаться истинным, но «на самом деле», или с отсылкой на конкретные факты, оно может считаться истинным лишь частично, иногда или при определённых условиях. Например, мы говорим об исключениях, которые «подтверждают правила», и часто то, о чём мы говорим представляет собой индивидуальные факты, которые «ничего не меняют», покуда нас интересуют только общее, среднее или тенденции. В свете таких соображений, такое высказывание как «Никогда не говори никогда» имеет смысл, и в этом случае *никогда* служит примером многопорядкового термина. Как бы научно и сложно это не звучало сейчас, многопорядковый характер процесса абстрагирования видится чем угодно, но не строго научным вопросом, в контексте практических проблем и задач эффективного общения в повседневной жизни.

Не одни и те же грабли

Другая фундаментальная характеристика процесса абстрагирования состоит в том, что он, как правило, само-корректируется. Мы не видим ничего страшного в своих ошибках, покуда не совершаем одну и ту же ошибку дважды. В этом обычно подразумевается, что ошибки представляют собой естественную часть обучения и накопления опыта.

Однако, как все «знают», опыт не всегда нас чему-то учит. Иногда мы совершаем «одни и те же ошибки» снова и снова, и, по-видимому, нам не всегда приходит в голову учиться на этих ошибках. Существует, однако, область человеческого поведения, где опыт действительно учит. Эту область человеческого поведения мы называем наукой.

У некоторых людей она вызывает недоумение. Некоторые люди даже теряют уверенность в учёных, потому что учёные «без конца меняют свои теории». «Чего они никак не определяют?» «Один одно говорит, другой – другое». Даже среди «учёных» случаи, когда один из них, объявляет свою теорию неподходящей, считаются хорошими новостями. «Похоже Торндайк ретировался со своим законом частоты». Если бы Фрейд ближе к концу своей жизни согласился с некоторыми из своих критиков мы можем легко представить, что об этом бы трубили все газеты: «Фрейд признаёт: секс – это не всё». Больше всего удивления и недоверия, скорее всего, испытали бы последователи Фрейда. В начале второй мировой войны мы наблюдали как происходило нечто подобное (но не с учёными): переполох среди сторонников Сталина из-за того, что он подписал известный пакт с Гитлером, и такое же недоумение людей, узнавших, что они невольно стали союзниками Сталина.

Постоянство в нашей культуре почитают настолько, что некоторые люди чувствуют себя странно после того как они перестали употреблять ain't.¹ «Самосовершенствование» в нашей цивилизации требует «силы воли» и толстой кожи, если человек хочет оставаться хладнокровным и не смущаться, когда ему говорят: «Ты наверное думаешь, что ты такой умный и красивый?», или «Ты хочешь, чтобы я с тобой пошёл слушать как поют эти лохматые итальянцы?». Множество книг о «психологии», «умственной гигиене» и «счастливом браке» читают за задвинутыми шторами, а книги об этикете редко держат в местах, где их могут увидеть гости. Некоторые успешные персоны не водят свои автомобили на глазах у публики до тех пор, пока не запачкают их где-нибудь на сельских дорогах. Пожалуй, наиболее очевидная форма, которую принимает такая тенденция состоит в том, что очень мало людей справляются с адресованной им критикой. К этому, кстати, сводится один из привлекательных аспектов «психологии» Дейла Карнеги, общее положение которой выражается фразой «никогда никого не задевай» или «никогда не критикуй». «Клиент всегда прав».

Многое, что мы подразумеваем в разговорах о нашей коммерциализованной цивилизации, резюмируется этим судьбоносным слоганом: «Клиент всегда прав». Этими словами мы сводим и кристаллизуем основополагающую личную и социальную философию, которой оправдываем и поддерживаем наши привычные слабости. В бизнесе, он способствует развитию особого чувства ценностей, согласно которым мы тратим на сладости и сигареты столько же, сколько на школы, а звёздам бейсбола и радио комикам платим больше, чем судьям верховного суда или руководителям медицинских исследований. Однако худшие результаты такой точки зрения реализуются не в бизнесе. В образовании политика «всегда правого клиента» принуждает к уравниванию и замедлению. В результате получается школа, в которой то, что преподаётся и то, чему учатся, в значительной мере определяется пожеланиями налогоплательщиков в лице членов школьного комитета и предпочтениями простых, незрелых детей и подростков. Это становится важным аспектом политики образования, потому что в составлении учебных программ и управлении учебными заведениями строго настроено запрещается нарушать и даже посягать на устоявшиеся в обществе традиции и убеждения.

Исторический опыт показывает, что в школах мы усваиваем и передаём из поколения в поколение пути старейшин. Мы видим это на примерах примитивных обществ, но не обращаем на это внимания при взгляде на современное образование в нашей культуре. Директорам большого столичного университета пришлось поддаться «мнению общественности» и вы-

1. [п. к п.] ain't – просторечная форма отрицания в английском языке.

нужденно отменить назначение Бертрانا Рассела членом факультета. По-видимому, мистер Рассел не только добился выдающихся достижений в области человеческой мысли, но и применил эти достижения к некоторым дискуссиям о «сексе» – а клиенты этого конкретного университета не хотели иметь ничего общего с «сексом» Бертрана Рассела. Ему пришлось ехать в Гарвард, и местные студенты вероятно так же разочаровались в том, что мистер Рассел рассказал им о «жизни». Лекции, вокруг которых крутилась интрига, опубликовали под названием *Исследование Значения и Истины*, и в их содержимом Рассел не сказал о «сексе» столько, чтобы их с интересом прочёл по долгу службы даже офицер полиции. К тому же, лёгким чтивом их не назовёшь.

В личной адаптации, как в бизнесе и других аспектах нашей социальной структуры точка зрения «клиент всегда прав» ведёт к ужасной путанице, конфликтам и в целом к личностной инфантильности. Такая точка зрения проявляется в обиде на критику, раздражительности, склонности считать себя жертвой, что ведёт к напряжениям, эгоизму и общему недостатку покоя. В основе всего этого лежит ненадлежащее обращение с процессом абстрагирования, в которое входит статичное понятие реальности, ослабленные способности распознавать отличия и недостаток умения готовиться к переменам. К ненадлежащему обращению с процессом абстрагирования также относятся собственно недостаток осознанности абстрагирования – осознанности непрекращающегося, личного, проективного, само-рефлексивного, многопорядкового характера процесса абстрагирования, когда он проходит наиболее эффективным способом, и когда с его помощью мы достигаем индивидуального роста и социального прогресса. Когда с процессом абстрагирования обращаются ненадлежащим образом, самокорректировку этого процесса не представляется возможным осуществить.

В этом заключается ключевое отличие между нашим повседневным поведением и поведением по научному методу. Применяя общий метод науки, мы расчищаем путь для процесса абстрагирования от семантических блокад, поэтому он может протекать свободно. В таких условиях он само-корректируется. Этот момент мы обозначаем стрелкой на нашей диаграмме. Любую теорию, предположение, убеждение, мнение и т. д. мы автоматически отсылаем обратно к реальности, чтобы сверять их с релевантными наблюдениями и опытом, и соответствующим образом корректировать. В этом смысле, любая *научная* теория содержит опорные точки для собственного пересмотра. Именно поэтому учёные без конца «передумывают». Под научной «истиной» всегда предполагают её условность и меняют согласно новым наблюдениям, к которым она нас неизменно направляет. Это мы имеем в виду, когда говорим, что теория приносит пользу, если стимулирует исследования, потому что, если она стимулирует исследования, она направляет нас к дальнейшим релевантным наблюдениям, на основе которых мы её проверяем и улучшаем. Иными словами, теория несёт пользу, если указывает путь к теории получше. Так мы в общем смысле говорим о само-коррективном качестве процесса абстрагирования. Он даёт основу и механизм для бесчисленных тонких подстроек и отладок необходимых для постоянной эффективной адаптации.

Время-связывание

Наконец, мы можем поговорить о результатах процесса абстрагирования. С этой стороны, ценность процесса состоит в механизме время-связывания: средстве, которое позволяет одному человеку извлечь пользу из знаний других людей, а каждому новому поколению вязать, так сказать, свои временные узлы мудростью прошедшего времени, и таким образом, избегать ошибок и развивать достижения предыдущих поколений. Именно благодаря время-связывающей функции этот процесс создаёт основу для социальной ко-ординации, для того, что мы называем культурой, и для развития цивилизации. Символы, письменный и разговорный язык, искусство, математика, карты, чертежи, таблицы, и другие результаты абстрагиро-

вания мы можем передавать не только в «пространстве», но и во «времени»; не только из Нью-Йорка в Лондон, но и от Египта времён Клеопатры в современную Америку. Крайне важным видится также то, что говорящий может передавать высказывания не только своим слушателям, но и себе. Отношение языкового поведения к развитию личности заслуживает особого внимания в очевидном но любопытно недооценённом факте, что говорящий, как правило, служит себе самым отзывчивым и впечатлительным слушателем. Чудной старичок, который как-то сказал, что не считал разговор с самим собой ненормальным, покуда ничего не приходится говорить в ответ, невольно обратил внимание на достаточно универсальное явление. Мы все говорим с самими собой, даже когда говорим в обществе, и мы все «говорим что-то в ответ». Это служит одновременно техникой безумия и гения.

Благодаря передаче символов один человек может пользоваться другими нервными системами, наряду со своей. Сэмюэл Хаякава в книге *Язык в Действии* приводит простой пример. Если Джонс и Смит прогуливаются, на Смита вот-вот упадёт камень, и Джонс это видит, Джонс может преобразовать свою абстракцию низкого порядка в символ: «Берегись!» Смит отпрыгивает и избегает травмы, потому что переданный символ позволяет ему воспользоваться нервной системой Джонса, в придачу к своей.

Этим примером Хаякава представляет очень упрощённую, но фундаментальную формулу цивилизации, суть которой сводится к тому, что каждый человек пользуется нервными системами других людей. В ограниченной степени, животные и более низкие формы жизни в целом имеют способности к такой коммуникации абстракциями. Заяц стучит задними ногами по земле, курица кудахчет, слон трубит, а другие зайцы, куры и слоны откликаются соответственно на передаваемые сигналы. То, как этот процесс проходит у человека, значительно отличается от того, как он проходит у более низких форм жизни. Для ясности и наглядности мы можем обозначить эти отличия, в слегка преувеличенной манере (Рис. 13).

С изображением с правой стороны диаграммы мы уже познакомились; оно представляет то, как потенциально процесс проходит на уровне человека. То, как процесс абстрагирования проходит на более низких уровнях живых существ, мы обозначили весьма обобщённо и упрощённо на диаграмме слева, под буквой А. Например, собака не знает ничего о микроскопической или субмикроскопической реальности и сравнительно не обладает миром слов. Последний тезис обращает внимание на преувеличение в нашей диаграмме, которым мы подчеркиваем то, что несмотря на то, что собака реализует некий «язык», её способности к вербальному абстрагированию определённо имеют значительные ограничения в сопоставлении с человеческими. Она может в основном понимать «вербальные» абстракции первого порядка. Она может обозначить некоторые виды фактов гавканьем и вилянием хвоста. Она может реагировать определёнными движениями на слова своего хозяина или на лай и виляние хвостом других собак, но в основном она реагирует на макроскопическом уровне.

Диапазон даже этих символов первого и второго порядка имеет значительные ограничения в сопоставлении с тем, чего может достигнуть взрослый человек. Как мы отметили выше, число разных слов в многопорядковом словаре составляет бесконечность; так же дела обстоят и на низких вербальных уровнях.

Обширное многообразие возможных символов и потенциально неограниченная саморефлексивность человеческого процесса абстрагирования, учитывая также, что человек может *записывать* свои абстракции или символы, составляют огромную разницу между человеческим и животным абстрагированием. Человек может как построить цивилизацию, так и разрушить её, а собаки, тем временем, не идут дальше своих личных абстракций, и извлекают сопоставимо меньше пользы даже из нервных систем других собак, и уж тем более, не могут извлечь пользу из нервных систем и перенять опыт от уже умерших собак. Поэтому

Коржибски определил собак и других животных в класс *пространство-связующих*, способных передвигаться и «связывать пространство» со своим опытом. Человека он классифицировал как *время-связующего*, способного «связывать время» наряду с пространством — иными словами, способного «связывать» со своим опытом абстракции других людей, других нервных систем, не только ныне живущих, но и тех, кто жил в уже прошедшем времени.

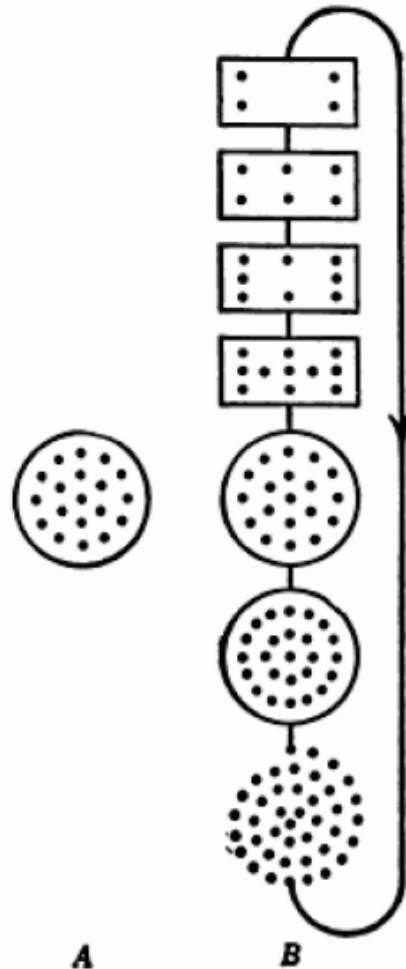

Рис. 13: Диаграмма процесса абстрагирования в человеке и более низких формах жизни. А обозначает ограниченный, по сути, однозначный процесс абстрагирования у животных. В обозначает потенциально бесконечно-значный процесс абстрагирования у человека. (см. Рис. 9).

Мы относим человека к время-связующим существам, потому что он может передавать абстракции на вербальном или символьном уровне не только в реальном времени, но и с помощью записи. Мы можем брать записанные абстракции Аристотеля, Ньютона, Вашингтона и абстрагировать из них далее. В этом смысле мы обладаем способностями к прогрессу. Каждое поколение людей может начать там, где остановилось предыдущее. Американский мальчик в 1946 году может стремиться стать не как Джордж Вашингтон, а лучше Джорджа Вашингтона; он может продолжить с того места, на котором Вашингтон остановился. В этом заключается ключ к развитию, но одна лишь возможность этого, не гарантирует того, что так и случится. Это могут делать только те, кто осознаёт процесс, с помощью которого удаётся достичь чего-то подобного. Относительно осознанное применение этого процесса служит неотъемлемой частью научного метода, и мы видим это по время-связыванию или прогрессу, которого достигли там, где науку применяли за последние три столетия. В связи с этим стоит поднять довольно важный вопрос. В научных областях мы отбросили традиции; мы это сде-

лали намеренно за счёт осознанного применения научного метода. Мы добились успехов, о которых наши до-научные предки даже не мечтали. Даже мир вашего деда ограничивался видимыми горизонтами, но уже через несколько лет с тех пор люди в лабораториях забрали возможность смотреть на эти горизонты уверенно и определённо. Видимый горизонт вашего мира теперь не ограничивает, а просто украшает его. Человек научился связывать как пространство, так и время. Каждый день мы слышим как люди говорят в Анкаре, в Лондоне, в Берне. Газеты позволяют вам пользоваться нервными системами в Токио, в Каире и в Буэнос-Айресе, а пока вы сидите у своего радио, люди со всего мира в своих интересах могут извлекать пользу из вашей нервной системы, что им удаётся.

Коммуникация, транспорт, промышленные процессы, использование инструментов в повседневной жизни, военные методы, коммерциализованная рекреация – всё это подвергается преобразованиям посредством экспериментальных техник. Материалистические аспекты нашего мира подверглись серьёзным изменениям. Со времён Галилео, и особенно в последние сто лет, мы связываем время наперегонки с самими собой, чтобы менять всё, покуда всё меняется быстрее и быстрее – но только там, где мы применяем научный метод.

А как обстоят дела с другими областями? Римское право, греческая логика, римская церковь, средневековая мораль и философия, экономика по меньшей мере двухсотлетней давности, устаревшие политические обычаи и образование, которое всё это поддерживает и возвышает – всё это мы можем назвать второй половиной нашего разрозненного мира. Дела обстоят так, будто афиняне, древние египтяне, римляне и подданные Чингисхана явились, чтобы нажимать кнопки и крутить ручки, водить автомобили, пилотировать самолёты, управлять танками, бомбардировщиками и подводными лодками в мире магии, который они «открыли», но не поняли. Мы оформили и подогнали законы, обычаи, личные жизненные подходы и социальные традиции к миру и режиму жизни, которые уже почти исчезли. Мы видим, что наши привычки мешают нам там, где они раньше помогали, а наши убеждения ведут к беспорядку и суете, тогда как раньше служили основой для комфортной жизни.

Говоря проще, мы идём по новой территории, пользуясь старой картой, и если мы не можем сделать территорию прежней, нам придётся обновить карты, чтобы они подходили новой территории. Если мы не прекратим пользоваться наукой в некоторых областях нашего опыта, нам следует начать пользоваться ей в тех областях, в которых мы так долго хранили верность старым способам. Если мы не прекратим экспериментировать над нашим материальным миром и нашими физическими вещами, нам следует начать экспериментировать над самими собой, нашими убеждениями, социальными обычаями и способами уживаться вместе в этом тесном мире. Ведь если мир меняется быстрее тех, кто в нём живёт, они становятся, по определению, всё менее приспособленными к нему.

Мы можем коммуницировать результаты процесса абстрагирования и тем самым осуществлять время-связывание и прогресс. Пользуясь процессом абстрагирования для «связывания времени» лишь в некоторых отношениях и противясь переменам в наших абстракциях, мы неизбежно плодим дезадаптированных личностей. Такое поведение ведёт к социальной или культурной шизофрении и сильнейшему стрессу цивилизации; ни один индивидуум не может этого избежать. Президент Линкольн настаивал на том, что его страна не может жить полу-порабощённой и полу-свободной: «Не устоит тот город или дом, что разделен сам в себе». Скажем шире: что цивилизация не может существовать полу-научной и полу-средневековой. Люди, которые стремятся сохранить прошлое, не удержат то, что отдаляется от них в забвение. Мы не можем пытаться превзойти своих отцов. Не в их мире нам следует жить. Это не значит, что цивилизации придёт конец. Мы представляем время-связующий класс жизни, и по мере осознания этого факта, растёт надежда на лучшее.

Кратко

Последствия процесса абстрагирования, основные положения и принципы, которые в нём фигурируют, а также их различные применения, мы разберём более подробно в последующих главах. Сейчас стоит кратко перечислить основные характеристики процесса согласно обсуждению на предыдущих страницах. Процесс абстрагирования предполагает:

1. Опускание подробностей
2. Протекание от «нижних» к «верхним» уровням
3. Потенциальную непрерывность
4. Личный характер
5. Проективность
6. Само-рефлексивность
7. Многопорядковость
8. Само-корректировку
9. Приход к коммуницируемым результатам

Этот естественный жизненный процесс создаёт основу для время-связывания, человеческого прогресса и для личной и культурной адаптации. Эффективное абстрагирование предполагает применения определённых принципов, к обсуждению которых мы скоро приступим. Ненадлежащее обращение с абстрагированием приводит к возникновению симптомов неспособности к личной и социальной адаптации.

Мы продолжаем наше исследование человека как картографа в попытках само-рефлексивно оценить наши оценочные процессы.

Глава~VIII ТРИ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЯ

Остроумный вечерний конференсье, который узнавал всё больше и больше о меньшем и меньшем, пока не достиг уровня, на котором знал всё о ничём, служит наглядным примером относительной противоположности человека, практикующего общую семантику. В идеале, у практика общей семантики становится всё меньше ошибочных представлений о всё большем количестве вещей, пока у него совсем не остаётся заблуждений о чём-либо.

Основная цель общей семантики состоит в выработке осознанности абстрагирования. Именно поэтому мы провели предыдущие три главы в обсуждении абстрагирования как естественного процесса, и указали основные характеристики этого процесса. Если человек хочет лучше осознавать процесс абстрагирования, ему следует что-то о нём знать; по меньшей мере то, что он может узнать из глав с V по VIII. Теперь мы разберём его последствия и чётко обозначим общие положения и принципы его функционирования. Мы хотим понять последствия надлежащего и ненадлежащего использования этих принципов; последствия не только в широком смысле культурных тенденций и ситуации в мире, но и в конкретных смыслах повседневных успехов и неудач, счастья и печали, бодрости и уныния.

Давайте вспомним рассказ Алана Милна *Винни Пух* о том, что случилось однажды утром, когда мишка Пух пошёл по чьим-то следам в лесу. Пятачок увидел, что Пух шёл, опустив голову и спросил, что тот делал, на что Пух ответил: «Иду по следу». «По чьему следу?» Пух ответил, что не знает, потому что не может определить по отметинам лап. Пятачок пошёл с ним, ведь он и так не нашёл бы, чем заняться до пятницы. Отпечатки лап вели их по кругу, а они тем временем обсуждали, что эти следы могла оставить какая-нибудь Бука или Бяка. Внезапно они обнаружили, что к тому, за чем они следовали, присоединилась ещё одна Бука или Бяка, и они, по-видимому, следовали за всё большим количеством Бук и Бяк.

Пятачок так перепугался, что взглянув на часы и увидев, что уже наступило двенадцать, внезапно вспомнил о том, о чём он чуть не забыл, что он хотел сделать как раз в двенадцать часов, и он оставил Пуха идти по следам одного. Пятачок, видимо, подумал, что рисковать не стоило, и поэтому одному Пуху довелось сделать в тот день открытие. Через некоторое время он прекратил идти по кругу и внимательно посмотрел на следы, которые оставили Буки и Бяки; он долго на них смотрел, потому что ему не хватало мозгов. Затем он аккуратно приложил свою лапу к следу одной из Бук. Сделав это, он осознал значительность своего поступка и усвоил крайне важный урок. Мишка Пух обрёл мудрость.

Тому, чему научился Пух лишь частично, мы можем научиться в куда более значительной мере по ходу осознания того, что мы делаем, ходя по кругу человеческих знаний, по следам Истин, которых становится всё больше. Нас интригует то, что мы вот вот поймаем Истину за хвост, и когда она наконец появляется, что происходит нечасто, она смотрит на нас иронической улыбкой, с которой мы признаём, что следы по которым мы идём, оставили мы сами.

Мудрость придёт с пониманием, что то, что мы видим, и то, на что смотрим, не есть одно и то же; что то, что мы знаем и то, о чём знаем, отличаются; и что «вселенная, *какой мы её знаем*, представляет собой явление, в котором участвует и наблюдаемое, и наблюдатель».

Не-тождественность

Фундаментальную мудрость, о которой мы говорим, резюмирует основное положение общей семантики, *положение о не-тождественности*. Наиболее обобщённо оно формулируется как *А не есть А*. В такой форме многим оно может показаться странным и не совсем понятным, или даже бредовым. Различные учения, языковые структуры и другие семантические влияния склоняют нас к мысли о большей естественности основного Аристотелева положения о тождественности – *А есть А*. Когда мы говорим о большей «естественности», мы имеем в виду большую «привычность». Положение о не-тождественности становится легче понять по различным формулировкам и применениям в конкретных примерах.

Ранее мы рассмотрели одно из применений этого положения в обсуждении трёх сосудов с водой разной температуры. Мы выяснили, что положение «*А есть А*» в формулировках «горячо есть горячо» и «холодно есть холодно» не согласовывалось с реальными, живыми, экстенциональными «фактами», которые мы могли бы описать как: «одна и та же» вода абстрагировалась «горячей» одной рукой и «холодной» другой. Так мы применяем «*А не есть А*» в формулировках «горячо не есть горячо» и «холодно не есть холодно». До-научное положение «*А есть А*» не включает значимые условия процесса абстрагирования.

Споры об «обоснованности» положения о тождественности и противопоставляемого положения о не-тождественности идут уже многие годы. Нас не интересуют запутанные подробности этих споров; мы хотим как можно чётче сформулировать, что имеется в виду под не-тождественностью и непринятием тождественности в контексте общей семантики.

Давайте попробуем более конкретно оформить основное положение «*А не есть А*». Во-первых, мы можем высказать его с точки зрения процесса абстрагирования: «слово не есть объект», или имя, присвоенное факту, или что-либо сказанное о факте, не тождественно факту. Коржибски говорил, что, что бы вы ни сказали факт есть, он это не есть. Это, конечно же, видится абсолютно очевидным. Но, по всей видимости, именно за этой вопиющей очевидностью нам не удаётся разглядеть важность последствий этой формулировки. Из-за того, что «слово не есть объект» кажется настолько очевидным, мы заключаем, что полностью это понимаем. Мы не можем поверить, что хоть кто-нибудь испытал бы сомнения в этом высказывании, или что мы сами когда-либо верили в то, что слово есть объект.

Известный профессор философии как-то спорил, что никто, кроме редких случаев психических заболеваний, не пытается лечь спать на слово *кровать*. Поэтому, по его настойчивому мнению, говорить о таком отождествлении, а именно о том, что кто-то считает, что слово есть объект, означает говорить нонсенс. В контексте общей семантики, никто не настаивает, что такое отождествление или применение так называемого «закона тождественности» когда-то, кроме редких случаев психических заболеваний, принимает такую буквальную, прямую форму. Однако мы не можем сказать, что случаи отождествления в человеческом поведении и культуре играют незначительную роль. Отождествление, о котором мы говорим, относится к случаям, когда люди *поступают будто* слово есть объект.

Они не пытаются спать на слове «кровать», но краснеют, услышав слово *сифилис*. И если бы они только краснели. Пока люди в лабораториях искали способы борьбы и полного избавления от этой болезни, примитивные вербальные табу нашей так называемой просвещённой культуры предотвращали обсуждение, без которого искать эти способы оказалось гораздо тяжелее. Люди вели себя со словом *сифилис* подобно тому, как они вели себя с тем, на что этим словом ссылались. Они избегали не только сифилис, но и слово *сифилис*. В этом поведении проявляется вера в магию слов – предположение, что контролируя слово, мы контролируем вещь, которую словом представляем – что если не говорить *сифилис*, его и не

случится. Отождествление слова с объектом, в общем смысле, не представляется какой-то абстрактной чепухой. Отождествление такого рода представляет один из серьезнейших аспектов наших социальных и личных проблем адаптации, роста и выживания.

Такие трагичные отождествления чаще всего встречаются в авторитарных областях нашего опыта, где ориентирование по давнишнему прецеденту до сих пор не сдвинули с пути научного метода. Эти последние оплоты Старейшин мы обсуждаем шёпотом, или вовсе не обсуждаем, под заголовками секса, религии, финансов и социального контроля в той форме, в которой они работают в правительстве и в кодексах каст, классов, статусов, и т. д. Думаю, что не случайно проблемы, с которыми приходится иметь дело в психиатрических больницах часто имеют отношение к сексу, морали, религиозным заблуждениям, деньгам и человеческим отношениям, в которых имеет место превосходство и подчинение превосходящему. В работе над этими проблемами мы до сих пор не научились научной эффективности. В этих областях наиболее сильные табу применяются к словам, которые символизируют опыт.

Если бы мы преподавали таблицу умножения так же как мы преподаём вопросы секса, в мире бы не угасали споры о том, сколько получится если шесть помножить на пять, и едва ли кто-нибудь охотно делился бы мнениями по этому вопросу в смешанной компании. В результате этой словесной стеснительности – отождествления письменных знаков и звуковых волн с реальными опытами, на которые, как мы предполагаем, они ссылаются, большинство из нас в той или иной степени «не развивается» и не адаптируется к проблемам «секса». Отношение большинства современных матерей напоминает отношение кошки из рассказа Стеллы Бенсон, которая посмотрела на собственный выводок котят взглядом выражающим: «Ну надо же, какая штука произошла!»

Мы можем судить о степени нашей словесной изворотливости по примеру воспитателей в детском саду, которым пришлось прояснить и выучить около сорока эвфемизмов, которыми дети просились в туалет. Способы, которыми мы порой усложняем себе жизнь в попытках обойти некоторые английские слова из четырёх букв, а порой и некоторые термины из анатомии, стоит считать чудесами семантической гибкости. Только профессор «философии» придерживается убеждения, что никто не ведёт себя так, будто слова есть вещи.

Два вида языка

Дела обстоят будто мы пользуемся двумя видами языка в решении наших обыкновенных задач. Мы, конечно, сравниваем сильно упрощённо, но здесь нам это понадобится, чтобы донести важную мысль. Если ваше радио, или автомобиль или электрический уют не функционируют должным образом, вы разговариваете с мастером, например, с механиком. В вашем с ним разговоре вы пользуетесь языком, который отличается своей прямоотой, эффективностью и ярко выраженным с обеих сторон здравомыслием. Вам не приходится называть свечи зажигания четырьмя десятками «уважительных» терминов, и никто из вас не краснеет от упоминания генератора, и даже от прикосновения к нему. В таком разговоре вы бы не сочли за личное оскорбление, если бы механик сказал, что у вас порвался шланг. Отождествление слов, которыми вы пользуетесь, с фактами, о которых вы говорите, или «себя» с реальностями, с которыми приходится иметь дело, сводится к минимуму.

В любой момент, однако, всё это может поменяться в пугающую сторону. Если окажется, что механик забыл некоторые из своих инструментов, и не пошёл за ними, потому что рабочий день уже подходил к концу, разговор может потечь по другим каналам. Вы можете начать говорить о политике или, например, религии. Зрелость и здравомыслие, которое оба проявляли минуту назад, может испариться и улетучиться. В разговоре может начать проявляться отношение соперничества, свидетельствующее о размытом понимании обоюдных вербаль-

ных рефлексов. Если хотя бы один из вас – предпочтительно оба – не проявит тактичности, один или оба, скорее всего, отождествят «себя» с высказанными замечаниями, а высказанные замечания – с тем, о чём их предположительно высказали. Если вам удастся закончить этот разговор каким-либо выводом, отличным от того, что механик показывает свою глупость, то это произойдёт, скорее всего, потому что механик не захочет портить себе деловую репутацию оскорблениями в ваш адрес. Вам повезёт, если один из вас, или оба, втайне или открыто, не заключат, что ваш собеседник практикует «коммунизм» или «атеизм», или что-то ещё подобное. Кратко говоря, вы с высокой вероятностью начнёте обсуждать не политику или религию, а друг друга, и если окончательно не растеряете здравомыслие в процессе, вы можете задуматься над тем, почему этого не произошло, когда вы говорили о радио или автомобиле. До вас, вероятно, также дойдёт, что как только мы научимся говорить о политике и религии так, как мы говорим о транзисторах и генераторах, мы сможем вести наши политические и моральные дела настолько же эффективно, насколько нам удаётся обращаться с технологическими устройствами.

Психиатры давно обнаружили, что пациенты психиатрических больниц в разных степенях и формах отдаляются от реальности или запутываются в ней. Они поняли, что их главная задача состоит в том, чтобы каким-то образом повлиять на пациентов, чтобы те смогли распознать реальность и иметь с ней дело «объективно». Например, они обнаружили, что могут помочь многим пациентам трудотерапией, иными словами, занять их делом, которое требует непосредственного, мануального взаимодействия с фактами или какими-либо материалами, систематически и организованно, с относительно значительными результатами. Современная психотерапия, конечно, не ограничивается только этим, но этим способом психиатры смогли воспользоваться достаточно прямо, руководствуясь тем, что обычно люди не «сходят с ума» в ответ на факты как таковые. Они «сходят с ума», когда начинают удаляться от фактов и терять связь с реальностью – когда то, что они говорят и думают более не состоит в адекватных отношениях с их миром не-слов.

Слова об объектах и слова о словах

Если мы хотим упорядочить слова и объекты, карты и территории, убеждения и реальности, нам прежде всего следует их чётко дифференцировать. Покуда у нас не получается особым образом применить положение о не-тождественности, мы рискуем прийти к неразберихе, в которой бред допускается и приравнивается к обоснованным высказываниям, поскольку мы не видим между ними существенной разницы. Когда мы не определяем слово и объект с высокой достоверностью, слова об объектах и слова о словах кажутся равносильными. Человек может реагировать на абстракции высокого порядка так, будто они не отличаются от абстракций низкого порядка, кроме тех случаев, когда чётко распознаёт отличия и природу отношений между ними. Человек, у которого не получается распознать эти отличия и отношения – иными словами, он не осознаёт собственное абстрагирование – проявляет склонность отождествлять разные порядки абстрагирования: слова с объектами, объекты с субмикроскопическими событиями, высказывания высокого порядка с высказываниями низкого, и т. д. Такой человек верит в то, что видит, что читает, что ему говорят, что он сам думает и что говорит себе. Коржибски выразил эту нить рассуждений кратко: «Отождествление служит общим симптомом в патологических процессах 'умственных' заболеваний».

Этим способом – одним из множества возможных – объясняем положение о не-тождественности – положение о том, что А не есть А. Этим способом мы показываем, что имеем в виду, когда в рамках общей семантики говорим, что считаем отождествление – А есть А – ложным по отношению к фактам. Например, высказывание о том, что деньги есть деньги, если вы имеете в виду, что облигация с надписью «\$100» есть то же самое, что сто-долларовая купю-

ра, или чек на 100 долларов есть то же самое, что 100 серебряных долларов. Сто долларов в одной форме могут оказаться чем-то совсем иным в сопоставлении со ста долларами в какой-либо другой форме. И, конечно, «та же самая» сто-долларовая купюра обладает разной ценностью, разным «значением» в разных обстоятельствах. В одно время она может «означать» пятьдесят бушелей картофеля, в другое время она может «означать» хирургическую операцию. В одном случае, вы бы предпочли купюру картофелю; в другом – вам бы пригодился картофель или операция. Сто-долларовые купюры не всегда одинаково ценятся. Мы здесь говорим об *оценочном* тождестве или не-тождестве. Это отождествление случается в разговорах и поступках, происходящих будто слово есть вещь, заключение есть описание, сумма денег есть пища, которую мы бы на них купили и т. д.

В этом же смысле, истина не есть истина (A не есть A). Например, то, на что ссылается истина на одном уровне абстрагирования не тождественно тому, на что она ссылается на каком-то другом уровне. Говоря проще, теоретическое высказывание о гамбургере не есть то же самое, что ярлык *гамбургер*, который не есть то же самое, что гамбургер, который вы можете съесть, который, опять же, не есть то же самое, что гамбургер, на который воздействует ваша система пищеварения, и который ассимилируется в ваше тело.

В рамках общей семантики мы отвергаем тождественность и относительно общим образом применяем не-тождественность, выразив положение о нём в следующей форме: данная абстракция не есть абстракция, из которой её абстрагируют, и не есть абстракция из самой себя. Так общим способом мы говорим, что слово не есть объект, заключение не есть описание и т. д. Опыт зубной боли никак не удастся полностью представить каким-либо объёмом словесного описания зубной боли, а обобщающее высказывание «У меня вчера болел зуб» не включает бóльшую часть подробностей более полного описания. Сначала происходит опыт, а описание представляет абстракцию из него; обобщающее высказывание представляет собой абстракцию описания. Абстракция представляет предшествующую абстракцию, а её представлением служит последующая абстракция. Положением о не-тождественности мы выражаем признание этой общей характеристики абстрагирования.

Горизонтальная не-тождественность

Если мы назовём то, что обсудили, вертикальной не-тождественностью и вертикальным отождествлением (по диаграмме процесса абстрагирования), мы сможем обратить внимание на то, что можем назвать горизонтальной не-тождественностью и горизонтальным отождествлением. Таким образом, при экстенциональном применении, принятый закон тождественности, A есть A , принимает форму, например, «человек есть человек», или даже «человек есть животное». Положение о не-тождественности, в этом случае, A не есть A , принимает форму «человек₁ не есть человек₂» или «Смит₁ не есть Файдо₁».¹ В этом смысле, положение о не-тождественности никак не удастся отрицать. Оно видится весьма надёжным. Чтобы его получилось отрицать, пришлось бы найти и предъявить двух человек или человека и животное, или любые две вещи, одинаковые во всех отношениях – точные копии. Попробуйте, если хотите. Положение о не-тождественности представляется надёжным на не-вербальных основаниях. В некотором относительно абстрактном смысле мы можем сказать, что A есть A , человек есть человек, мальчишки остаются мальчишками, «свиньи и есть свиньи», человек – это животное и т. д., но с точки зрения «фактов» и непроизносимых явлений, или опыта первого порядка, мы не можем считать такое высказывание истинным.

Мы видим не только то, что Смит₁ не есть Смит₂, но мы также можем распознать, что Смит₁^{сегодня} не есть Смит₁^{вчера}. Две вещи не одинаковы между собой, и одна вещь не одинакова с

1. [п. к п.] «Смит» – распространённая фамилия; «Файдо» – распространённая кличка собаки.

самой собой от момента к моменту. «В одну и ту же реку дважды не войдешь». Таким образом, положение о не-тождественности видится общеприменимым в системе общей семантики. Ссылаясь на процессуальную реальность, оно представляется структурно верным.

В практических целях закона тождественности иногда хватает, несмотря на его структурные дефекты. Мы можем им пользоваться, но стоит напоминать себе о том, что мы допускаем его. Например, когда мы едим орехи, мы можем делать это на основании предположения, что орехи есть орехи, что орех₁ есть орех₂, считая их одинаковыми. При этом, нам стоит помнить, что они не одинаковы, что, в конечном счёте, орехи не есть орехи; орех₁ не есть орех₂. Отличия, говоря в общем, могут не играть существенной роли, и мы можем не обращать на них внимания, но если мы в общем изначально ориентируемся по не-тождественности, то надкусив плохой орех, который попадает почти в любом кульке, не срываться на «эти чёртовы орехи». Мы просто выбросим орех₁ и возьмём орех₂, потому что изначально не предполагали, что они все окажутся одинаковыми. Поэтому мы можем позволить себе не возмущаться и не напрягаться, когда нам попадает плохой орех.

Разные вещи считаются одинаковыми «в принципе». Иными словами, на относительно высоких уровнях абстрагирования, «в общем», «в среднем», «в практических целях», «в основных свойствах», в некоторых более или менее важных отношениях (не во *всех* отношениях) мы можем оценивать две или более вещей, говорить о них, и обращаться с ними так, будто они одинаковы. В определённых целях, конкретные отличия могут не играть особой роли; но нам следует понимать и помнить, что отличия имеются, и что существуют условия, в которых они играют роль. Нам стоит опираться на фундамент не-тождественности и ориентироваться соответствующим образом, чтобы готовиться иметь дело с отличиями в любое время. Чаще всего главную роль играют те отличия, которые мы ожидаем меньше всего; они ведут к худшим последствиям и требуют от нас самой сложной адаптации.

В рамках системы общей семантики, закон тождества становится особым правилом или исключением, более ограниченным в своей области применения, чем положение о не-тождественности. Это означает, что мы можем применять его в условиях, созданных с учётом ориентирования не не-тождественность. Проще говоря, мы считаем схожести настолько обоснованными и надёжными, насколько это позволяют допустить имеющиеся отличия. Отличия лежат в основе; мы признаём схожести, игнорируя некоторые из них, упуская подробности. Когда мы осознаём, что упускаем некоторые подробности и игнорируем некоторые отличия, удерживая основной ориентир на не-тождественность, схожести, которые мы абстрагируем, обобщения, которые мы выводим, «тождества», которые мы предполагаем «в практических целях», могут считаться надёжными. При ориентировании на не-тождественность, мы можем осторожно, осознавая ограничения, применять закон тождества относительно безопасно. Это соотносится с естественным порядком абстрагирования, при котором дифференциация служит основой и проверкой обобщения.

Не-всеобъемлемость

Существует ещё два базовых положения, тесно связанных с тем, которое мы обсуждаем. Первое из них мы можем оформить в высказывание: «А не есть полностью А. Более конкретно: «слово служит не полным представителем объекта» или «карта не охватывает всю территорию». Этим положением мы выражаем понятие о том, что абстрагирование представляет собой процесс упущения подробностей. Сказать всё о чём-либо не получится, так же как не получится пронаблюдать что-либо полностью. Мы называем это положением о *не-всеобъемлемости*. Он следует из положения о не-тождественности.

С точки зрения привычного поведения человека, закон тождества имеет тенденцию вырабатывать отношение *всеобъемлемости*, когда человек оценивает абстракцию, будто она представляет собой не абстракцию, а всё, что он может оценивать. Такое отношение часто проявляется в слухах и сплетнях. Люди оценивают высказывания второго, пятого, десятого порядков (абстракции), как будто эти высказывания служат окончательными заключениями и не требуют уточнений. Люди формируют суждения об индивидуумах и даже совершают поступки с тяжёлыми последствиями, на основе таких абстракций высокого порядка.

Просить людей не верить в слухи и не распускать их, «поступать по совести», и т. д., как правило, оказывается неэффективным, потому что общее ориентирование по тождественности практически неизбежно приводит людей к тому, что они отождествляют разные уровни абстракции, и «невинно» реагируют на высокие и низкие уровни так, будто они не отличаются. Проблема заключается не в том, что любители распускать слухи – «плохие», или «злодеи» и т. д. В определённом смысле, им просто не хватает образования (не зависимо от свидетельств об их образовании). Из-за того, что они не осознают абстрагирования и не знают об отличиях и отношениях между уровнями абстракции, они принимают заключения высокого порядка за описания первого порядка, описания за факты, а (лично абстрагированные) «факты» за некую абсолютную реальность. Они не делают это из злых побуждений, а неотделимо от ориентирования по тождественности. Любые пречетания, включая угрозы наказания и смерти, и обещания рая, попросту не работают, если только человек не научится ориентированию по не-тождественности, и по вытекающей из неё не-всеобъемлемости.

Индивидуумы обученные не-тождественности и не-всеобъемлемости не подавляют свои импульсы в отношении сплетен. Они их не испытывают. Им не пришлось учиться поступать хорошо. Они просто научились осознавать свои процессы абстрагирования. Подобно мишке Пуху, они обрели мудрость, научились тому, что то, что они говорят не есть то, о чём они это говорят, и что то, что на что они смотрят не есть то, что они видят. Высоконравственный человек мог бы сказать, что они достигли толерантности и понимания, или что они «переродились», или что «нашли свет». На деле они усвоили разницу между *сигналом* и *символом*. Абстракция, которую оценили как абстракцию, распознаётся как символ. Символ представляет что-то отличное от себя, а *символьная реакция* происходит в отношении не символа непосредственно, а в отношении чего-то другого, что он представляет – символом чего служит. На слух, который оценили как абстракцию, и поэтому как символ, не реагируют напрямую. Реагируют на факты, предположительно представленные слухом, и если факты не удаётся найти, реакции не происходит. Загадочное «чувство совести», «сдержанность», «сила характера» или «воли» не имеет к этому отношения. Здесь попросту не нашёлся адекватный стимул к действию, поэтому реакция не за чем не могла последовать.

Мы также можем оценить слух не как абстракцию и, следовательно, не как символ, а как факт, и среагировать на него напрямую, будто на сигнал, а на сигналы мы реагируем подобно животным, относительно без задержки, обдумываний, предопределённым образом. Если мы оцениваем слова или высказывания как сигналы, а не как символы, наши реакции на них становятся патологически устойчивыми. Мы начинаем «прыгать через обруч», реагируя на слова и слоганы с предсказуемым постоянством, чётко устоявшимся образом, как дрессированные тюлени. Уровни абстракции отождествляются, а слов, которые мы слышали или прочли становится достаточно, чтобы заставить нас реагировать, потому что мы принимаем их за факты. В таких условиях, когда символы становятся сигналами, замечание Коржибски о том, что «те, кто правит символами, правят вами», становится судьбоносно правдивым.

Тождественность и всеобъемлемость идут рука об руку, как не-тождественность и не-всеобъемлемость. Если слух_{макроскопическое} есть слух_{описание} есть слух_{заключение}, то нам хватает слуха_{за-}

ключение, чтобы среагировать на слух_{макроскопическое}. Если слух_{заключение} не есть слух_{макроскопическое}, мы не реагируем поспешно и стереотипно на слух_{заключение}, а ищем, на что собственно реагировать – слух_{описание}, или лучше, слух_{макроскопическое}. И даже на последний не придётся реагировать, поскольку он понимается как не абсолютно надёжная абстракция слуха_{субмикроскопическое}.

Если, например, заика₁ есть заика₂ есть заика₃, и т. д., если заика и есть заика, то чтобы среагировать на индивидуума, требуется знать лишь, что он *есть* заика, и реакция случится быстро и относительно без задержки, потому что подобная реакция проявится не только на заику₁, но на любого другого заику. Но, если заика₁ *не есть* заика₂, человек не может среагировать на ярлык как по команде; ему понадобится узнать больше, помимо того, что человека называют заикой. Он может оказаться королём Англии или русским наркомом иностранных дел. Может даже оказаться, что он, по любым принятым стандартам, говорит нормально.

Всё это может показаться здравым смыслом или общеизвестными фактами, поэтому стоит предостеречь читателя от иллюзорной очевидности. Если вам хочется сказать, что вы не видите в этом ничего нового, вы можете уместно это перефразировать в: «Я не хочу знать об этом больше». Это один из распространённых и парализующих способов выражать отношение всеобъемлемости. Обзывание «старьём» редко указывает на то, что мы так называем; скорее, такой поступок показывает, что мы прекратили прилагать усилия, чтобы получать новые знания, улучшать понимание или менять привычки. «Старьё» означает: «Я и так уже *всё* об этом знаю». Такое отношение я бы сравнил с гнойником в мозгу.

Осознанность не-всеобъемлемости как *принцип* даёт нам уверенность, что мы поступим так, будто мы знаем, что не можем знать или высказывать что-либо полностью и окончательно. Она позволяет нам узнать, как вести себя адекватно тому, что мы знаем.

Приведём пример с Генри. У Генри возникали проблемы с поведением. Все, кому поручали ему помочь, со временем сдавались, поэтому пришлось вызвать психолога. Психолог пришёл, изучил школьные записи, провёл подробные беседы с учителями Генри, с классным руководителем, с его родителями. Он поговорил с Генри и провёл с ним тесты. Он пронаблюдал за ним на уроках и во время игр. Потом он вызвал Генри на консультацию и выдал своё заключение: «Генри», сказал он, «тебе просто стоит держать себя в руках».

На что Генри сорвался: «Держать себя в руках!? Я это без конца слышу от мамы и папы. Учителя и классный руководитель, и все остальные постоянно мне талдычат, чтоб я держал себя в руках. Может вы мне расскажете, как мне, блин, себя в руках держать?»

Когда мы что-то знаем, мы не извлекаем из этого пользы, если не знаем, как поступать соответственно тому, что мы это знаем. Цель осознания базовых принципов, таких как не-тождественность и не-всеобъемлемость, состоит в том чтобы выработать более намеренную и адаптивную регуляцию собственного поведения, чем та, которая вырабатывается на основе общепринятых правил или привычек. Эти принципы мере дают понять, как это делается.

Само-рефлексивность

Третье основное положение системы общей семантики состоит в том, что язык и абстрагирование в целом характеризуются само-рефлексивностью. Мы уже это обсудили, и здесь нам хватит лишь указать на то, что само-рефлексивность служит одним из фундаментальных элементов системы. Её тесная связь с положениями о не-тождественности и не-всеобъемлемости представляется достаточно очевидной, и поэтому не требует подробных описаний. Таким же образом как само-рефлексивный процесс предполагает создание абстракций из абстракций из абстракций, потенциально *до бесконечности*, так и не-тождественность и не-всеобъемлемость неотъемлемо сопровождают процесс абстрагирования.

Кратко

Давайте резюмируем базовые положения общей семантики в следующих формулировках:

Не-тождественность: Слово не есть объект; карта не есть территория; абстракция на одном уровне не есть тоже самое, что абстракция на любом другом уровне.

Не-всеобъемлемость: Слово не представляет весь объект; карта не охватывает всю территорию; то, что абстрагируется на один уровень не представляет всё, что абстрагировали на уровне ниже.

Само-рефлексивность: Мы пользуемся языком, чтобы говорить о языке, создаём карты карт, оцениваем оценки; мы абстрагируем из абстракций абстракций потенциально до бесконечности. Иными словами, абстрагирование происходит само-рефлексивно.

Эти основные понятия составляют фундамент системы общей семантики. Если принять их, остальное последует. Последствия практики этих положений оказываются разными и общими; они затрагивают множество важных и тривиальных аспектов жизни. То, что мы обсудили в этой главе, мы поймём адекватнее и применим эффективнее, при учёте, что всё нами сказанное *не есть всё*, что мы могли сказать. По мере того как мы ходим кругами по человеческим знаниям и опыту, нам ещё предстоит много что отследить, прежде чем мы к чему-то придём. В следующей главе мы постараемся внести ещё больше ясности.

Глава~IX РАБОЧИЕ ПРИНЦИПЫ

В предыдущих главах мы обсудили процесс абстрагирования и основные положения о не-тождественности, не-всеобъемлемости и само-рефлексивности. Мы представили базовые аспекты системы общей семантики. Эту систему применяют согласно определённым принципам для решения личных и социальных задач. Эти принципы мы обсудим далее.

Мы рассмотрим три основных принципа: принцип *вероятности*,¹ *символьной реакции* (условности) и *экстенсинализации*. Вместе с символьной реакцией, мы рассмотрим два дополнительных принципа *задержки реакции* и *оптимального тону*са. Принцип экстенсинализации интегрирует остальные принципы, поэтому его мы рассмотрим последним.

Вероятность

Принцип вероятности следует напрямую из трёх основных положений общей семантики. Он резюмирует мысль о неопределённости истины в условиях меняющегося всего, даже если изменения происходят настолько медленно, что мы не замечаем их. Истина также остаётся неопределённой, потому что её абстрагировал никогда не застрахованный от ошибок человек. Мы можем сформулировать этот принцип следующим образом: в процессуальном мире процессуальные существа составляют прогнозы и передают сообщения только с некоторой степенью вероятности, но не с абсолютной определённостью.

Проще говоря, мы не можем позволить себе уверенность ни в чём, кроме как в неопределённости. Эйнштейн выразил это понятие следующим образом: «Покуда мы ссылаемся законами математики на реальность, мы считаем их недостоверными; покуда мы считаем их достоверными, мы не ссылаемся ими на реальность». То же мы можем сказать о языках помимо математики. Мы не отрицаем некоторые случаи высоких показателей вероятности; мы почти можем позволить себе уверенность в том, что завтра где-то взойдёт солнце, кто-то умрёт, кто-то заплатит налоги, а в любом блюде французского меню, как сказал Уилл Роджерс: «Под подливой подадут либо мясо, либо картошку». Однако даже о таких, на первый взгляд, неизменных вещах мы говорим по своему присуще неполному опыту. Между максимальной вероятностью и абсолютной достоверностью всегда имеется промежуток.

Здесь у вас, возможно, возникнет желание спросить: «Допускаем ли мы абсолютную достоверность не абсолютной достоверности ничего?» Чтобы ответить на этот вопрос, давайте вспомним уровни абстрагирования, согласно которым мы допускаем достоверность невозможности абсолютной достоверности высказываний. В этом высказывании о достоверности мы говорим о других высказываниях; мы не ссылаемся на реальность. «Покуда мы ссылаемся законами математики на реальность, мы считаем их недостоверными; покуда мы считаем их достоверными, мы не ссылаемся ими на реальность». Проще говоря, $2=2$ мы считаем достоверным, *потому что мы так говорим*; иными словами, мы допускаем это выражение как достоверное, если не ссылаемся, например, на двух свиней и ещё двух свинок, настоящих, на которых можем указать, а не на выдуманных, потому что 2 разные свиньи не есть 2 другие разные свиньи. Словами Эйнштейна, покуда выражением $2=2$ мы ссылаемся на реальность, мы не считаем его достоверным; покуда мы считаем его достоверным, мы не ссылаемся им на реальность. Мы смотрим на это не как на какой-то таинственный па-

1. [п. к п.] В терминологии Альфреда Коржибски – «общий принцип неопределённости».

радокс, а как на простой факт, что уровни абстрагирования отличаются, и что высказывание о реальности отличается от высказывания об этом высказывании. Одно мы считаем недо-стоверным, другое – потенциально достоверным, по крайней мере, покуда мы обращаемся с ним как с таковым. Такое высказывание как $2=2$ остаётся достоверным в том смысле, что мы соглашаемся его таким принимать. Мы легко забываем простейший факт, что язык и правила его применения создал и продолжает создавать человек.

Наши живые реакции пребывают на низших, не-вербальных уровнях абстракции. Именно на этих уровнях «всё течёт». На более высоких уровнях мы можем сказать, что оно не течёт. *Сказать* мы можем, что нам заблагорассудится. Как выразился Хаякава, мы можем поставить табличку с надписью «Здесь Бесплатное Пиво» в месте, куда бесплатное пиво никто не приносил. Уровни абстракции потенциально существуют независимо. Тем временем, мы и мир вокруг нас не пребывают в статике, и поэтому мы не можем абсолютно их предска-зывать. Мы можем позволить себе уверенность, что $2=2$ в принципе, но не на деле. Следующая устрица не тождественна предыдущей, особенно если прямо перед ней вы съели двадцать семь устриц. Поскольку никакие две вещи не одинаковы и никакая вещь не остаётся преж-ней, ваша неспособность адаптироваться к реальности зависит от степени, в которой вы на-стаиваете на достоверности по фактам и считаете, что вы её достигли.

В практическом смысле, с точки зрения поведения, этот принцип сводится к девизу: «Я не знаю, давайте посмотрим». Когда мы оказываемся в новой ситуации, мы не спешим реаги-ровать на неё каким-либо заранее решённым способом, а говорим: «Я не знаю, следует по-смотреть», стараясь учесть любые отношения, в которых *эта* ситуация может отличаться от предшествующих, готовясь реагировать на эти отличия адекватно.

Заметим, что такой подход к новым ситуациям не предполагает нерешительность и не пред-ставляет неспособность «определиться». Скорее, он позволяет не спешить к определённо-сти и даёт меру страховки от ошибок, которые мы допускаем, когда судим о людях по пер-вым впечатлениям или по словам, сказанным о них. Мы допускаем такие ошибки, когда реагируем на индивидуума не как на уникального и меняющегося, а как на представителя типа, такого же как остальные представители, в чём испытываем уверенность.

Иногда в воскресных еженедельниках встречаются статьи о типах мужчин, которые хочет *конкретная* студентка колледжа в мужья – «Идеальная вторая половинка для Студентки Бэтти», или что-то подобное. Такие статьи пишут репортёры, которые ходили по территории университета и спрашивали у десяти девушек, каких мужчин они предпочитают. Девушки, как правило, дают очень позитивные, варьирующиеся в своей конкретности ответы. Дороти, например, говорит, что хочет выйти замуж за высокого, обаятельного блондина, который бы хорошо танцевал. Мы можем счесть такое описание вполне конкретным, но в то же время недостаточно ясным, чтобы его удалось применить к любому из тысяч мужчин. Предположим Дороти встретила одного из них. Она его оценивает как «[тот самый] свой тип», поэтому влюбляется в него с первого взгляда. Она любит не его, а «тип». Отождествляя его со «своим типом», она определяет его ещё и как «своего мужчину». Только по прошествии не-которого времени, когда её жизнь достаточно плотно сплетётся с его, Дороти обнаружит к собственному разочарованию и, скорее всего, к обиде на «мужчин», помимо высокого роста, светлых волос, обаяния и неплохих навыков танцора, его «лень», «вспыльчивость» и «склон-ность к изменам». Она не подумает, что позволила себе неоправданную уверенность и, ско-рее всего, решит, что её обманули, и что «мужчинам нельзя доверять», в чём позволит себе не менее твёрдую уверенность, чем в том, что тогда нашла себе «вторую половинку».

Практически все дезадаптированные люди жалуются на чувство неопределённости, выражая при этом своё несчастное положение догматическими заявлениями с отношением

обречённого финализма, которое отказываются менять, несмотря на все допущенные из-за него ошибки и пережитые страдания. У таких людей, по-видимому, не получается допустить, что они что-то упускают в *предположениях*, на которые опираются. Многие из них даже не берутся за мысль о том, что они предполагают вообще. Они усвоили идею востребованности и даже необходимости определённости, и думают что им, в конечном счёте, удастся её достичь. Сомнениям эту идею они не подвергают. Детей с малых лет учат испытывать стыд, когда им приходится говорить: «Я не знаю». Строгие, непогрешимо авторитетные преподаватели передают им понятие надлежащего идеала, согласно которому всё следует знать правильно, абсолютно и всегда. В системе оценок, в которой 5 означает «идеально», оценка 4 может деморализовать и привести ученика к разочарованию. Такие дети могут вырасти с чувством глубокого недоверия к политикам, которые перескакивают от одного мнения о государственных и международных вопросах к другому. Когда им самим удаётся попасть в людские советы, они приносят в них свои «блага» в виде твёрдых убеждений – упрямств. Они нередко превращаются в «людей высокого принципа и нулевой заинтересованности».

В каких-нибудь «высших» идейных ареалах, определённости допускается и даже оказывается полезной в качестве рабочего принципа. К сожалению, эти «высшие» идейные ареалы существуют только в наших размышлениях и на высоких уровнях абстракции. Если попытаться жить на этих уровнях, будто они не отличаются от не-вербальных уровней реальности, то не получится адекватно приспособиться к миру и людям в нём. В ареалах прямого опыта, ни взглядом назад в воспоминания, ни вперёд в ожидания мы ничего не можем определить абсолютно. К каждой ситуации, задаче и человеку стоит подходить не со строгими привычками и заранее выработанными идеями, а с учётом видимых вероятностей. Эту установку мы можем выразить словами: «Я не знаю *наверняка*, но посмотрю на то, на что могу здесь посмотреть». Этот принцип вероятности или неопределённости не представляет собой что-то, что следует «знать» или включить в какую-нибудь учебную программу. Этот принцип следует *реализовывать в поведении* регулярно, систематически, день ото дня.

Символьная реакция

Следом идёт принцип символьной реакции (условности), который мы понимаем в сопоставлении с *сигнальной* реакцией. Представьте бегуна, для которого звук выстрела пистолета служит сигналом, по которому он реагирует только одним заданным образом с минимальной задержкой. Ответ бегуна на звук пистолета служит примером сигнальной реакции. Прочие примеры встречаются в условностях социальных отношений: «Спасибо», «Пожалуйста», «Чудесный денёк», «Приходите ещё», и т. д. К другим примерам относится регулярное голосование за кандидатов от одной партии, склонение головы, когда священник начинает петь отче наш, резкую реакцию на английское слово из четырёх букв, даже когда социальные условия к этой реакции не располагают, стереотипные реакции отвержения или одобрения на определённые названия, такие как *коммунист*, *капиталист* и т. д.

Сигнальные реакции проявляются ярко в ситуациях ритуалов или церемоний, например, в церкви, в зале суда, в приличном обществе и т. д. Когда мы испытываем подавленность, когда злимся и при других сильных чувствах, мы тоже обычно реагируем практически без оглядки, по наизусть выученным сценариям речи и поведения. Язык, задействованный в таких ситуациях, как правило выражает крайности; в нём в больших количествах проявляется всеобъемлемость, выраженная такими словами как *всегда*, *никогда*, *ничего*, *никто*, *все*, *всё*, *полностью*, *абсолютно*, *естественно*, и т. д. Этот язык ничем не сдерживается.

По таким примерам мы можем в общем сказать, что сигнальные реакции происходят относительно без задержки, стереотипно, с малой вариативностью и указывают на чрезмерную

готовность реагировать. На стимул, который мы оцениваем как сигнал, мы вероятно среагируем слишком скоро, слишком сильно и слишком ограниченно. Чрезмерность здесь указывает на внутреннее напряжение. Как я отмечал в *Гигиене Языка и Речи*: «Склонность к незадержанным реакциям проявляется параллельно с гипертонусом. Напряжённый индивидуум может нервничать, легко раздражаться, поддаваться оскорблениям, и т. д., и в целом проявлять чувствительность. Относительно расслабленный индивидуум чаще проявляет вдумчивость, терпеливость, сдержанность в суждениях, обращает внимание на многие стороны вопросов и собранно подходит к ситуациям, требующим быстрых действий».

Символьные реакции, сопоставимо с сигнальными, характеризуются большей задержкой и степенью напряжённости близкой к оптимальной. С принципом символьной реакции в тесных отношениях состоят принципы *задержанной реакции* и *оптимального тонуса*. Мы обсудим их вместе далее. О методах релаксации мы поговорим подробнее в главе X.

Задержанная реакция

Осознанность абстрагирования предполагает понимание, что любое слово или высказывание, как и любой объект или событие, любой стимул, представляет собой абстракцию *чего-то другого* – в этом смысле, символ, который представляет что-то отличное от себя самого. Поэтому человек не реагирует на него напрямую, как на сигнал; скорее, в своей реакции на символ, человек реагирует на «что-то отличное от самого символа». Но, это «что-то» не всегда сразу представляется очевидным; требуется время, от доли секунды до более длительных периодов, чтобы узнать, что представляет символ более надёжно и релевантно. К тому же, то, что он представляет, постоянно изменяется. Соответственно, человеку стоит проявлять задержанную и изменчивую реакцию, потому что готовая, заданная реакция в таком случае, как правило, лишает преимуществ. Человек, устойчиво и регулярно проявляющий символьные реакции, поддерживает относительную расслабленность; не слишком сильную расслабленность, что он вообще не реагирует, но и не излишнюю напряжённость, что позволяет проявлять рефлексивность и гибкость.

В некоторой степени мы выражаем принцип задержанной реакции традиционными изречениями: «Не говори гоп, пока не перепрыгнул», «Если злишься, досчитай до десяти», «Не начинай считать цыплят, пока не вылупились», «Остановись, посмотри и послушай». Причина, по которой эти мудрые высказывания толком не влияют на наше поведение, по-видимому, заключается в том, что они не согласуются с до-научными предположениями, по которым мы живём. Если мы желаем определённости, то почему не считать цыплят, пока они не вылупились? Если любовь есть любовь, А есть А, независимо от уровня абстракции, на котором вы её испытываете или оцениваете, то почему бы не прыгнуть, не осмотревшись? Если истина есть истина, если истина₁ есть то же, что истина₂, если истина_{заклучение} есть то же, что истина_{наблюдение}, то мы не увидим смысла задерживать и обуславливать свои реакции.

Для мышей, сыр есть сыр, поэтому мышеловки работают. Для многих людей Правильно есть Правильно, Неправильно есть Неправильно, Капитал есть Капитал, Труд есть Труд. Поэтому пропаганда тоже работает. В связи с этим стоит обратить внимание на то, что мы называем приобретёнными рефлексам. Собаку, как пятьдесят лет назад показал русский физиолог Павлов, получается адресировать так, чтобы у неё выделялась слюна по звонку колокольчика. Это служит лишь одним из примеров так называемых приобретённых рефлексов, который привлёк к себе внимание множества современных физиологов.

Пока Павлов не «открыл» это явление, его веками демонстрировали фермеры, звавшие свиней. Те фермеры и Павлов научили своих животных конкретному отождествлению – вести себя относительно звонка или другого звука так, как они вели себя относительно пищи.

Если периодически звать свиней и давать им кукурузу, через несколько кормёжек они начнут приходить, даже если им не давать кукурузу, а просто по зову. У свиней «зов фермера есть кукуруза». Мы можем измерить тупость свиньи количеством приходов, после того как кукурузу давать перестали, и кратковременностью задержки перед приходом, если она имеется.

В нашей культуре, то, что продемонстрировал Павлов и фермеры в отношении животных, нередко проявляет человек. Иной раз, это пугает – в нашей культуре. В книге о «психологии тоталитарной политической пропаганды» Сергей Чахотин подробно описывает схожести между методами, которыми Павлов заставлял собак пускать слюну по звонку, и методами, которыми пользовался Гитлер и другие авторитарные лидеры в целях вербовки последователей, чтобы они реагировали на свастику и другие сигналы монотонно *устойчивыми* и *не-задержанными* жестами, отношением и сложными сценариями действий.

Эффективность политической пропаганды, как и коммерческой пропаганды (рекламы), зависит от того, до какой степени людей удаётся склонить к реакциям на слоганы, названия, оформления, цвета, и т. д. Её способы не сильно отличаются от способов, которыми собак дрессируют реагировать на звонок. О степени, в которой людей удаётся склонять к таким реакциям, мы можем судить по обилию политической и коммерческой пропаганды, которой нас подвергают. Мы видим её всюду, потому что она работает – в нашей культуре.

Я постарался выделить фразу «в нашей культуре», чтобы дать понять, что человека никто не обязывает вести себя подобно собакам или свиньям. Так называемые законы научения, основанные на относительно не обусловленном поведении животных, многие психологи продвигают как законы *человеческого* научения. Мы, как собаки Павлова, или как фермерские свиньи, подвергаемся усвоению отождествления. Вследствие этого, мы тоже характерно реагируем на слова и другие стимулы стереотипно, без задержки, и вырабатываем приобретённые реакции. Проще говоря, мы тоже легко поддаёмся обману.

То, как мы классифицируем или то, какой ярлык мы вешаем на индивидуума или вещь, во многом определяет то, как мы на них реагируем. Когда наши классификации или ярлыки полностью и без исключения определяют наше отношение и реакции на этих индивидуумов, наше поведение едва ли удаётся отличить от поведения собак Павлова.

Нам следует чётко осознать, что в нашей основательно до-научной культуре мы проявляем склонность обращаться с индивидуумами и вещами с позиции классов, категорий и типов. Эта невольная позиция обуславливается структурой нашего языка. В этой структуре, выстроенной на положении «А есть А», подразумевается, что реальность состоит из типов вещей, каждый из которых обладает своими отличительными свойствами. Поэтому мы говорим, что наш язык обладает субъектно-предикатной структурой. Иными словами, мы организуем структуру так, чтобы классифицировать объекты или действия согласно предположительно присущим им качествам. Эта функция реализуется автоматически. Некритически употребляя практически любое нарицательное существительное, мы именуем не конкретную уникальную вещь, а целый класс. «Это [есть] книга» представляет более завершённое высказывание: «Этот конкретный, уникальный объект относится к классу объектов, которые мы называем *книгами*, и мы реагируем на него согласно своим реакциям на другие объекты в этом классе». Это классифицирующее высказывание служит, чтобы относить определённую вещь к данной категории или классу вещей. Мы реагируем на конкретную вещь согласно тому, как мы научились реагировать на категорию. В этом смысле любым высказыванием в форме: «Это [есть] книга», мы выражаем *отождествление*.

Таким отождествляющим высказыванием мы по-существу сообщаем об определённом количестве одинаковых объектов. Любое нарицательное существительное выполняет функцию отождествления – выражения *одинаковости* всех разных, конкретных вещей, кото-

рые мы им называем. *Кресло, шапка, тужель, благо* и т. д.; при употреблении всех этих слов мы предполагаем, что в этом мире имеются определённые количества одинаковых вещей. Просто употребляя эти слова в разговоре, как их обычно употребляют, мы автоматически практикуем различные степени отождествления.

Различные степени – потому что структура нашего до-научного языка может склонять к почти полному отождествлению, тем самым препятствуя разумному поведению, но большинство из нас, применяя язык, практикует некоторые степени «здравого смысла».

Реальный опыт с голыми фактами учит нас в разной степени что А не есть А, что все примеры *шапки* или *блага, демократии* или *врача*, и т. д., не одинаковы. По мере того как мы это осознаём, мы учимся *задерживать наши реакции*, чтобы менять их – чтобы приспособить каждую реакцию к конкретному примеру *шапки* или *блага*, или чего-то ещё. Мы так поступаем, потому что когда-то узнали, например, что некоторые шапки называют коронами, некоторые короны оказываются ненастоящими, а самые сообразительные из нас усвоили, что никакие две короны, и даже никакие две шапки не одинаковы во всех отношениях, во всех реакциях, которые они могут вызвать, и во всём, что ими могут обозначать.

Понимание этого способствует выработке склонности к задержке реакций на слова и на вещи, покуда мы оцениваем их как абстракции или символы. Без этой задержки адекватная реакция не реализуется. Если все *евреи, врачи* или *блондинки* не одинаковы, то нам не следует давать только один ответ на каждого *еврея, врача* или *блондинку* в каждом случае. Нам следует задерживать реакции в любом конкретном случае до тех пор, пока мы не проявим подходящую реакцию. Мы умеем это делать.

Мы видели множество примеров того, как человека *удаётся надрессировать* на животное поведение, чтобы он реагировал сигнально, без задержки, а не символично – согласно своим естественным способностям. Человеку стоит осознавать основные принципы и методы, которыми его поведение могут извратить. Мы избегаем опасности, когда знаем, как она происходит. Если вы не хотите, чтобы вас обманули, вам стоит выяснить, каким образом это делается. Убедиться в том, что фокусник не распилил женщину надвое удастся, не закрыв глаза и сказав себе: «Быть не может!», а разузнав, каким образом он выполнил фокус.

Чтобы прекратить вести себя как собака Павлова, стоит узнать, что Павлов сделал с собакой. Он взял положение о тождественности, А есть А, и надрессировал собаку вести себя по этому положению, чтобы для собаки две разные вещи означали одно и то же. То, что Павлов сделал в своей лаборатории, мы делаем дома, в школе и в повседневных ситуациях с помощью слов. Мы называем разные вещи одним словом, учимся реагировать на слово, и так приходим к тому, что пытаемся реагировать одинаково на множество разных вещей.

Мы можем поступать не таким безусловным образом, а пользоваться своей способностью реагировать на множество разных уровней абстрагирования. В этом мы существенно отличаемся от собак и других животных. Благодаря этому, мы, в отличие от собак, можем избегать отождествлений. Мы можем ассоциировать любые факты, или избегать ассоциаций, в зависимости от того, чем нам это служит. Нам не приходится формировать рефлекс, как собакам. Мы можем сами обуславливать собственные реакции, опираясь на оценку условий, в которых мы пребываем и учитывая положение о не-тождественности. Для этого, нам следует задерживать наши реакции в той или иной степени – и мы можем это осуществить.

Мы можем не вырабатывать неизменные реакции на класс, а распознать индивидуальные отличия среди членов класса и менять наши реакции на них соответственно. Мы понимаем, что можем классифицировать данного индивидуума множеством способов, в зависимости от целей классификации, и что он не относится абсолютно к какому-либо конкретному классу. Мы также можем понять, что классы на высоких уровнях абстракции вмещают больше в от-

личие от классов на низких уровнях. Реакции на класс – отождествления – на высоких уровнях производят более широкий эффект в сравнении с реакциями на класс на низких уровнях. Если вы обусловлено реагируете на слово, и вместе с ним на класс, *негр*, это влияет на ваши отношения с несколькими миллионами индивидуумов. Реакция на ярлык, и на класс, *северный негр* повлияет на меньшее количество человеческих отношений. Вам, однако, не придётся вырабатывать какую-либо из этих реакций. Вы можете реагировать на негра₁ и на негра₂ по-разному. Более того, вы можете реагировать на человека₁ и человека₂ как на индивидуальных людей, вне класса *негров*. Если вы не хотите реагировать на человека как на класс, вам следует от этого отучиться. Иными словами, чтобы иметь приобретённые реакции, их придётся приобретать – им придётся учиться. Иначе, вы продолжите естественно опираться на свои текущие оценки. Вы – не собака Павлова.

Мы можем реагировать на разных уровнях абстракции, но не знать об этом – не осознавать своё абстрагирование; это встречается широко в нашей до-научной культуре. Если мы не знаем, что одним словом именуют целый класс вещей и под ним подразумевают их тождество, не оцениваем разницу между словами и объектами, не разграничиваем чётко заключения и описания, то мы проявляем склонность вести себя как животные, которые обо всём этом тоже не знают. Мы реагируем на абстракции низких уровней, на отдельных людей, объекты или события, автоматически предполагая их тождество абстракциям высоких уровней, классам, категориям или обобщениям. Мы реагируем, например, на слово *образование*, как будто оно ничем не отличается – в том, как на него реагируем мы – от образования на деле, и так, будто образование₁ не отличается от образования₂. Некоторые люди выражают позицию за «образование», другие выражают позицию против «образования». И те, и другие проявляют обусловленную реакцию на высоких уровнях абстракции.

Ограничения от привычек

В нашем обсуждении мы не предполагаем, что хотим избавиться от всех классов, категорий и обобщений вместе с существительными и прилагательными, и что нам следует прекратить заводить привычки. Мы нуждаемся в обобщениях и классификациях, и хотим поддерживать определённую степень регулярности в своём поведении, чтобы, в свою очередь, поддерживать организованность в обществе. Более того, нередко нам приходится действовать решительно и без лишних раздумий, если речь идёт о нашем выживании.

Мы хотим обратить внимание на то, что обобщения не всегда оказываются надёжными или полезными, поэтому их стоит оценивать, соотнося с конкретными обстоятельствами, которые складываются по-разному. В человеческом обществе нам требуются классификации, но мы не всегда применяем их гибко. К тому же, мы не можем окончательно предреши́ть критерии классификации той или иной вещи. Они зависят от целей, необходимостей и возможностей текущего момента. Например, индивидуум не может во всём вести себя «глупо» или «гениально». Мы все иногда поступаем глупо, а большинство из нас порой демонстрирует исключительную проницательность. Мы редко можем счесть отнесение человека к тому или иному классу или присвоение того или иного качества справедливыми относительно его структурной сложности и постоянно меняющихся фактов. В лучшем случае, типизовать человека стоит с конкретной целью, и никогда не стоит это делать окончательно.

Нам требуются названия и язык в целом. Нам требуются названия классов, но нам следует понимать, что они служат названиями классов. Нам следует понимать, что то, к чему мы применяем названия, меняется. Если мы это понимаем, мы пользуемся словами осматрительнее в той или иной ситуации. Язык, как таковой, или любое слово, как таковое, не есть

«плохи» или «хороши». Роль в адаптивном или слабо-адаптивном дискурсе играет наше отношение к языку, наша степень осознанности или то, как мы языком пользуемся.

Возвращаясь к привычкам и паттернам в поведении, стоит отметить, например, преимущества в следовании правилам дорожного движения, в расписаниях поездов, приёме пищи по часам и следовании другим правилам поведения по ситуации. Этикет, например, создаёт множество удобств. Пользу приносят и привычные повседневные процедуры, такие как бритьё, и прочие способы ухода за собой. Человек практикующий общую семантику, скорее всего, одобрит сведение к рутине относительно неважных, но при этом, неизбежных и необходимых условностей личной и общественной жизни. Если вы хотите пользоваться только синей зубной щёткой и всегда вешать её на второй крючок слева, он вас поблагодарит, если вы с ним пользуетесь одной ванной. Он не станет возражать, если по утрам вы не скажете ему ничего оригинальнее, чем «Доброе утро». Стоит, однако, знать и предел.

Привычка может служить вспомогательным средством к прогрессу, но не основным, и с этой точки зрения её стоит регулировать. Привычка способствует прогрессу, покуда помогает экономить время и энергию, но он не последует, если сэкономленное время и энергию не тратить на разумные преобразования другого поведения. К простому примеру, чем более привычным для вас становится бритьё, тем больше свободы вы получаете во время бритья, чтобы занять мысли важными для вас задачами. Это даёт существенное преимущество, если только в рассмотрении этих задач вы не приходите к одним и тем же выводам.

Никакие две вещи не одинаковы, и никакая одна вещь не остаётся прежней. Если вы чётко это осознаёте, то особых проблем с тем чтобы поступать так, будто некоторые вещи одинаковы, и будто некоторые вещи остаются прежними – поступать согласно привычке – у вас не возникнет. Мы считаем это нормальным, потому что отличия стоит учитывать сообразно целям и обстоятельствам. Некоторые отличия в некоторых случаях не играют особой роли. Покуда вы осознаёте, что отличия всегда имеются, и что вам приходится рассуждать о том, как они влияют на ваши целенаправленные действия, вы можете довериться привычке, потому что вы поймёте, когда от неё стоит отойти. Такой привычки, на которую удастся положиться всегда и во всём, не существует. Привычки приносят пользу тем людям, которые от них не зависят, и не форсируют их независимо от обстоятельств; менее рассудительных индивидуумов привычки ведут к неэффективности, глупости и опасностям.

Здесь стоит дать ещё несколько предостережений, потому что в нашей культуре так широко уважают догматические, строго определённые высказывания, решительные действия и постоянство. Мы любим считать себя «человеком дела», уверенным в своих взглядах и не склонным передумывать. Мы любим, когда «всё остаётся на своих местах», включая нас. Поэтому стоит очень чётко прояснить, что принципы вероятности и символической реакции не ведут нас к нерешительной возне или к политике смены лошадей на каждой переправе. Напротив, мы пользуемся этими принципами, чтобы обеспечить разумность решений и адекватность поступков в мире, где вещи не остаются неподвижно удобными. Мысли одного политика как-то называли грязными, потому что он никогда их не менял. Это случается с неподвижными «мыслями» в подвижном мире – они утрачивают эффективность. За процессом может поспевать только процесс. Рабочие принципы общей семантики разрабатывались, чтобы отрегулировать процесс человека так, чтобы он поспевал за процессом реальности.

Экстенсионализация

Мы можем интегрировать и в некоторой мере расширить принципы вероятности и символической реакции в рамках более широкого принципа *экстенсионализации*. В общей семантике этот термин применяют двумя основными способами, общим и более конкретным. В общем

смысле, термином *экстенционализация* мы обозначаем то, что называем научным методом – осознанно и адекватно протекающим процессом абстрагирования. Мы можем назвать поступки по экстенциональному принципу научными поступками, при которых мы различаем и ко-ординируем уровни абстрагирования, следим за отношениями между словами и фактами, абстрагируем в надлежащем порядке от нижних уровней к верхним и обратно к нижним, и выстраиваем полезные отношения между заключениями и фактами. Как сказал бы психиатр, экстенциональный индивидуум поддерживает связь с реальностью, смотрит на факты и хорошо понимает себя. Он в относительной мере не испытывает семантических блокад, напряжений и недостатка мотивации. Он вписывается в компанию другим и себе.

В более конкретном смысле *экстенционализацией* обозначается ориентирование на не-вербальных уровнях абстрагирования. На это стоит посмотреть с точки зрения экстенционального и интенционального определений. Говоря в общем, интенциональными мы считаем определения по словарям. Согласно словарю Уэбстера слово *stutter* определяется как «произносить слова с нерешительностью или отрывисто: говорить, спазматически повторяться или прерываясь»; также приводится синоним *stammer*.² (*Stammer* определяется как «делать произвольные остановки в произнесении слогов или слов; говорить нерешительно, с колебаниями; говорить с трудом»; и снова приводится синоним *stutter*.)

Это определение заикания составили для того чтобы описать или обозначить не какой-либо конкретный пример заикания, а целый класс событий. Словарь даёт общую характеристику для всех представителей класса. В определении не указали подробности, по которым получилось бы отличить один пример заикания от другого. Редактор словаря смог написать такое определение, опустив эти подробности. Из этого определения следует, что все заикания сходятся. Оно представляет собой попытку редактора сформулировать сущностное *качество*, которое делает заикание заиканием, а не лошадью или раздражённостью.

Экстенциональное определение мы, строго говоря, даём полностью не-вербально. *Заикание* мы определяем экстенционально, указывая, или демонстрируя его примеры, а не говоря о них. Два человека, согласившиеся принять определение *заикания* по Уэбстерскому словарю, могут сильно расходиться в своих экстенциональных определениях этого слова.

Я придумал меру, которую назвал Показателем Экстенционального Согласия, чтобы выражать степень согласованности между двумя и более индивидуумами в их экстенциональном определении какого-либо слова. В лаборатории Университета штата Айова, доктор Кёртис Татл провёл исследование, по результатам которого обнаружил, что даже среди экспертов количество случаев согласия в определении *заикания* экстенционально (по указанию на слова на аудиозаписи, на которых человек «заикался») составило всего 38 процентов от числа, которое бы вышло при идеальном согласии.

Это стоит учесть, но погружаться в излишние подробности мы не станем, чтобы не уйти слишком далеко от тем, которые хотим рассмотреть. Исследование доктора Татла и подобные показывают, что согласие в том, как нам стоит определять наши термины – интенционально – никоим образом не гарантирует согласия в том, на что мы этими терминами ссылаемся, когда говорим о конкретных примерах. Говорящий, определивший свои термины, не может оправдано надеяться, что слушатели соотнесут эти термины с теми конкретными реальностями, с которыми соотносит их он. Профессор Куин из Гарвардского Университета, отметил, что мы не можем продвинуться в решении некоторых проблем, потому что «некритически допускаем взаимопонимание». Этим высказыванием он указал на одно из самых серьёзных препятствий на пути человеческого сотрудничества и прогресса. Наша традиция

2. [п. к п.] На русский язык оба слова, *stutter* и *stammer*, переводятся как «заикаться», первое слово преимущественно употребляется жителями США и Новой Зеландии, второе – британцами.

определять слова интенционально и наивное убеждение, что от этого наши «значения» становятся ясными, ведут к тому самому «некритическому допущению взаимопонимания».

Вербальные определения, тем не менее, могут эффективно способствовать экстенсинализации. Например, в книге *The Mask of Sanity* [Маска Здорового Ума] доктор Харви Клякли представил подробное вербальное определение *психопатической личности*. Его описания нескольких конкретных пациентов получились достаточно наглядными, чтобы на их основании удалось бы указать на других реальных индивидуумов как на примеры *психопатической личности* с некоторой уверенностью, что с этим согласится, по меньшей мере, доктор Клякли. Однако даже такое определение, в силу его словесности, мы не можем оправданно называть экстенсинальным; скорее, описательным или операциональным.

Интенсинальные, высоко-абстрагированные определения несут некоторую пользу, только если их абстрагировали из подробных описательных или операциональных определений — если те, кто ими пользуется, знают определения низкого порядка, из которых их абстрагировали. Мы говорим, что заикаться означает «говорить, спазматически повторяясь или прерываясь», с пользой, если учитываем, что можем описать или продемонстрировать в достаточных подробностях несколько действительных примеров такой манеры разговаривать. Если мы не можем это сделать, то по существу, мы не знаем, о чём говорим. Когда интенсинальное определение не основывается твёрдо на абстракциях низкого порядка и парит, так сказать, в воздухе, оно не только не несёт пользы, но может ещё и навредить — кроме случаев, когда над ним удаётся посмеяться. Если принимать его всерьёз, такое определение, или термин его представляющий, может преградить оценочные процессы настолько плотно, что человек может начисто лишиться ясности и здравости в дискурсе.

В современной науке применение операциональных определений стало обязательным. За это стоит благодарить Эйнштейна. Хотя, пожалуй, наиболее эффективно важность операциональных определений общественности показал физик Перси Бриджмен в своей книге *The Logic of Modern Physics* [Логика Современной Физики], изданной в 1930 году. Здесь нам хватит сказать, что операционально термин определяют путём описания операций, выполняемых при применении термина экстенсинально. Например, операциональное определение *веса* включало бы описание действий человека, проводящего наблюдение того, сколько что-то весит. Операциональное определение *заикания* включало бы описание того, как выполняется заикание, или какими путями и процедурами заикание получится пронаблюдать. В науках такими определениями обычно ссылаются на конкретные операции с измерениями.

На вербальных уровнях описательные или операциональные определения служат необходимым фундаментом для возведения заключений и теорий, с помощью которых мы приходим к достижениям науки и здравомыслия. В их отсутствие на местах науки и здравомыслия обычно оказываются бред и безумие. Одних только операциональных определений нам, однако, не хватит. Они представляют собой один из важных шагов, который часто пропускается, в процессе абстрагирования. Если они не ведут к абстрагированию к верхним порядкам, то не дают результатов; если они выводятся не из адекватных экстенсинальных, не-вербальных определений, то ведут нас к заблуждениям. К тому же, они работают только относительно. Иными словами, операционально мы можем определить термин множеством разных способов, и если такое определение принимать как вечный абсолютизм, оно, скорее всего, приведёт нас к таким же трудностям, к которым нас ведёт применение абсолютных интенсинальных определений. Если их применять относительно, они могут служить фундаментом на вербальных уровнях, но не твёрже экстенсинальных определений под ними.

Не-вербальные уровни дают нам данные опыта; из них мы выводим вербальные абстракции, которые затем оцениваем и сверяем с данными не-вербальных уровней. Сбор дан-

ных, «испытывание», из которых мы можем делать выводы, и с которыми можем их сверять представляет собой то, что в общей семантике называется экстенсионализацией. Экстенсиональный принцип состоит в том, что адекватная оценка зависит от регулярной сверки убеждений, предположений и знаний с не-вербальными опытами или «твёрдыми фактами».

Твёрдые факты» при этом понимаются в свете современных, выведенных данных о субмикроскопическом, как мы показали на диаграмме процесса абстрагирования. Мы стремимся свести к минимуму отождествление того, что мы видим с тем, во что верим. Человек, практикующий экстенсионализацию, осознаёт, что его способности к наблюдению или прямому опыту имеют ограничения. «Объект», как он его воспринимает, не включает всё, но такой человек не говорит, что за гранью его наблюдения находится какая-то «сверхъестественная» область, что-то где-то «вне естественной среды». В попытках сформировать образ «механизма за циферблатом», экстенсионально-ориентированный человек не упускает циферблат из виду. Его заключения о том, что он не может пронаблюдать или испытать напрямую, следует каким-то образом связывать с тем, что он пронаблюдать и испытать может, иначе он пустится со своими заключениями во все тяжкие и не сможет оценить степень их полезности и ценности. Мы уже обсудили вопрос о месте конструкций в научном мире. Нам стоит вспомнить о них снова, чтобы прояснить, что под экстенсионализацией мы не предполагаем веру во всё, что человек видит и в то, что человек видит всё, или наивную склонность позволять убеждениям развиваться и укрепляться без систематической сверки с прямым наблюдением и опытом. В практике экстенсионализации мы придаём особое значение не-вербальным уровням прямого опыта в процессе абстрагирования.

Ребёнок, обученный экстенсионализации, как Адам в райском саду, взглянул бы на животных перед тем как их называть. Такое сравнение провёл математик Эрик Темпл Белл, говоря о современной системе образования, в которой дети называют животных до того, как получают возможность их увидеть. К этому стоит добавить, что они называют немалое количество животных, которых не увидят никогда, потому что эти животные не существуют даже в допустимом субмикроскопическом смысле. К моменту, когда дети могут читать, и до того как многие из них приготовились к чтению, мы выпускаем их под словесную морось, постепенно перерастающую в затопляющий ливень, и по нему им приходится добираться обратно в мир, который они оставили, когда пришли в школу. И когда они наконец добираются до мира реальности – если им это вообще удаётся – они смотрят на него сквозь экран, исписанный словами – интенциональный фильтр. Большинство покидают этот мир по наступлению смерти, никогда его не «открыв». То, что они видят не есть то, на что они смотрят и не есть то, что они могли бы увидеть, если бы отмыли экран перед глазами от слов.

Общую семантику, с точки зрения её рабочих принципов, разработали, чтобы помочь нам избавиться от «слов перед глазами». В следующей главе мы разберём несколько способов, которыми можем это делать, и попробуем более чётко показать, какое место экстенсионализация занимает в науке и в здравомыслии.

Глава~X ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ И ТЕХНИКИ

Обсуждаемые принципы несомненно представляют ценность, но только если применять их к собственному поведению. В этом состоит слабость многих так называемых интеллектуалов – они знают что, но не знают как. Многие научно и литературно образованные люди и прочие профессиональные фразёры считают модным воздерживаться от утомительных попыток пустить идеи в работу. Взять, например, психологов-теоретиков, гордых слабыми или вовсе никакими знаниями о том, как собственно психология, о которой они говорят высокомерным тоном, применяется в школах, на производстве, дома или даже в клиниках. Практически так же многие физики считают себя выше инженеров, применяющих физику на практике. В наших колледжах и университетах нередко выше ценятся курсы с наименьшим потенциалом практического применения. Редко встретишь выпускника, который чётко понимает, что ему следует *делать* с тем, чему его научили в аудитории или лаборатории.

Люди проявляют склонность смотреть на разговоры, письмо и чтение как на цели сами по себе. В нашей культуре человек может на полном серьёзе стать знаменитым *разговаривателем*¹ или *писателем*. Он может даже заслужить титул прославленного *читателя*. Многие люди пытаются выделить себя тем, какие книги они читают, а в школах придают важность навыку быстрого чтения. Некоторые люди практикуют коллекционирование книг, но не для того, чтобы их читать, и уж тем более не для того, чтобы применять на практике то, о чём они из них узнали, а без шуток, просто чтобы ими обладать – и их за это уважают! Мы часто забываем, что книги, которые мы не читаем, или о которых, прочтя, забываем, не несут ценности, разве что украшают интерьер или помогают убивать время. Это относится к новым и древним книгам, глубоким и поверхностным, в бумажном или кожаном переплёте. Ценность книги состоит не в самой книге, а в поступках, следующих за её прочтением.

Когда мы оцениваем знания, не учитывая их эффектов в повседневном поведении тех, кто знаниями обладает, мы пренебрегаем самыми простыми принципами абстрагирования. Заявления о знании чего-то при поведении, которое указывает на незнание этого, служит примером семантической блокады. Я не приглашаю этим читателя в старый тщетный спор о том, понимаем ли мы, как что-то делать, если сами это делать не можем. Понимать мы можем на разных уровнях абстрагирования. Такие термины как *знать* и *понимать* относятся к многопорядковым терминам. Мы можем знать что-то *вербально*. В личной адаптируемости знания едва ли помогают, если не владеть ими и не применять их экстенционально. Если мы говорим, что понимаем принципы адаптации, в то время как наше поведение демонстрирует, что мы адаптируемся плохо, мы не можем оправдать своё заявление.

Особенно абсурдными видятся заявления о понимании процессов абстрагирования и оценки, когда наши поступки не отражают этого понимания. Если мы критикуем или поддерживаем общую семантику вербально, но при этом нарушаем её принципы, мы лишаем нашу критику или поддержку обоснованности. Наше понимание общей семантики проявляется не столько в том, что мы о ней говорим, сколько в том, как мы это говорим, как мы пользуемся языком, когда говорим о чём-либо, и как мы поступаем не-вербально каждый день.

Мы применяем принципы общей семантики по-разному. В своей основе, они служат принципами научного метода, поэтому тем или иным образом ими пользуется любой компетентный

1. [п. к п.] В оригинале – *speaker* – «оратор», «вещатель» и т. д.; имеется в виду человек, задача которого сводится к говорению.

исследователь, и любой человек, который решает задачи, основываясь на исследовании фактов и чётких формулировках. Это означает, что в некоторой мере общую семантику применяют миллионы людей, никогда об общей семантике не слыхавшие и не имеющие понятия о том, что они её применяют. В той или иной мере её применяют врачи, инженеры, преподаватели, психологи, опытные торговцы, фермеры, домохозяйки, редакторы, юристы, художники, и т. д. Однако наиболее эффективно эти принципы, как и любые другие, применяют те, кто знают, что применяют их, и те, кто понимают ограничения и нюансы их применений. Простой здравый смысл может оказаться лучше, чем ничего, или чем зазубренные фразы, но точно не заменит осознанное применение полезного, чётко понятого принципа.

В целях личностной адаптации наиболее часто принципы общей семантики применяют в практике экстенциональных приёмов, задержанной реакции и семантической релаксации. Далее мы обсудим и постараемся прояснить эти термины в своих практических целях.

Экстенциональные приёмы

Мы ведём разговоры об индивидуумах, называя их высокими или низкими, смыслёнными или глупыми, честными или нечестными, красивыми или неприглядными, и т. д. Какой-то шутник однажды сказал, что люди в этом мире делятся на два типа: на тех, кто постоянно делит людей в этом мире на два типа, и тех, кто так не делает. По-видимому, те, кто так делают, относятся к большинству. Мы можем рассматривать количество прилагательных, используемых нами для описания людей и их поведения, как приблизительное количество категорий, к которым мы пытаемся их отнести. Мы часто пользуемся такими прилагательными в парах, в которых одно считается противоположностью другого. Этот аспект нашего языкового поведения выдаётся, пожалуй, сильнее других. Чарльз Огден написал об этом занимательную книгу под названием *Opposition [Противоположность]*, из которой читатель может почерпнуть практическую значимость этой закономерности в применении языка.

В общей семантике мы считаем это важным в следующих отношениях. Во-первых, мы пользуемся этими прилагательными, будто ссылаемся ими на абсолютные качества. Мы часто не замечаем, что классифицируя человека как, например, глупого, мы высказываемся о своих личных стандартах – в том числе, о собственном недостатке понимания – в не меньшей мере, чем высказываемся о другом человеке. Мы не осознаём, что занимаемся само-проекцией. Мы не придаём значения тому, что выражаемое в таких высказываниях относится скорее к заключению, а не к описанию, к персональному суждению, а не к фактам, и что таким высказыванием мы передаём что-то относительное, а не абсолютное.

Во-вторых, в употреблении всех этих прилагательных мы выводим схожести на передний план, а отличия уводим на задний, и подкрепляем этот эффект, применяя прилагательные парами. Если мы скажем, что Смит [есть] умный, мы по сути говорим, что этот человек сходится со всеми другими людьми в обладании некой умностью; мы также в определённой мере подразумеваем, что остальные люди сходятся в том, что обладают тупостью. Мы не указываем на то, в чём Смит представляется уникальным и как он отличается от всех остальных. Иными словами, мы вовсе не говорим о нём, как об индивидууме, и не можем этого сделать, пользуясь дву-значным языком, которым удобно получается выражать и указывать на схожести. Если мы хотим указать на уникальность и важность индивидуума, нам следует пользоваться языком, удобным в выражении *отличий* между индивидуумами.

Наконец, стоит заметить, что применяя классифицирующее прилагательное к индивидууму, мы будто бы ставим ему диагноз. Когда мы «объясняем» поведение маленького Уилбура, говоря, что он *есть* подлый, мы по сути говорим, что он обладает подлостью. В средневековье о Уилбуре могли бы сказать, что в него вселился дьявол. В текущий, просвещённый, век

мы говорим, что Уилбур *обладает* свойством подлости. Мы можем продемонстрировать ещё большую просвещённость и сказать, что он обладает этим свойством *в большей или меньшей* степени. В средневековые практиковались техники изгнания дьявола из человека, которого угораздило его в себя вселить. Теперь мы, конечно, понимаем глупость такого занятия, но при этом считаем вполне допустимым пользоваться теми же техниками (в средневековые практиковали в основном наказание), чтобы изгонять подлость. Возможно, подлость и дьявол есть одно и то же? Почему мы так поступаем?

По-видимому, мы так поступаем вследствие не «человеческой природы», а субъектно-предикатной структуры нашего языка. Мы говорим о людях, будто они обладают признаками или качествами в абсолютном смысле, внутри себя, и будто мы можем на основании этого обладания относить их к той или иной категории. Мы формируем предположение, которое не высказываем, и о котором часто даже не знаем, что качество, такое как, например, подлость, есть, всегда было и всегда будет качеством человека, который им обладает. Этим предположением мы допускаем ошибку и не делаем ничего полезного не только с точки зрения науки, но, хуже, делаем проблему индивидуального развития практически безнадежной. Этим предположением мы направляем внимание на то, что по определению не можем изменить, тогда как с экстенциональной точки зрения на личные проблемы и индивидуальное развитие, нам следует направлять внимание на что-то, что мы изменить можем.

Ориентируясь экстенционально, мы рассматриваем как отличия, так и схожести. Например, Смита мы оцениваем как представителя какого-то класса, к которому можем его обоснованно отнести с какой-то целью, но не абсолютно и не навсегда; мы оцениваем его как индивидуума. Мы распознаём индивидуальность Смита, поскольку видим его отличия от других людей. Мы не отрицаем, что с той или иной точки зрения, Смит сходится со многими другими людьми. Мы видим что-то общее между ним и его соседями, однопартийцами, коллегами, и т. д. Товарищества, семьи и группы по интересам свидетельствуют о том, что мы чувствуем что-то общее друг с другом, и считаем себя схожими с другими людьми, считающими нас схожими с ними – мы так или иначе «относимся».² Медведь хочет знать о вас только то, что вы есть его брат медведь, если только вы не хотите оказать ему услугу.

Схожести легко и охотно бросаются нам в глаза. Настолько легко, что для многих людей все младенцы выглядят одинаковыми, причём каждый кажется похожим на мать или отца. Настолько легко, что для многих из нас население мира состоит из евреев и гоев, католиков и протестантов, выпускников Гарварда и не-Гарварда, друзей и врагов и т. д. Даже в так называемых демократических обществах проблемы классов и каст стоят остро и решать их приходится с трудом. Нам не всегда легко удаётся смотреть на Смита как на индивидуума. Нас интересует, кто он *есть* – иными словами, класс, к которому мы могли бы его отнести, чтобы реагировать на него соответственно – как на тех, кто относится к тому же классу.

В качестве средства преодоления склонности придавать значение схожестям и развития навыка распознавания отличий Коржибски ввёл экстенциональные приёмы. Проблема пренебрежения отличиями представляет собой лишь часть более общей проблемы соотношения языка с реальностью и представления мира процессами средствами статичного языка. Мы уже рассмотрели, что экстенционально тождеств не существует, но при этом практически под каждым словом в нашем языке тождество подразумевается. Под названиями или именами, например, *вяз* или *Генри*, подразумевается что-то, что следует называть или именовать; что-то, что остаётся неизменным со временем, и поэтому используется одно имя или название для представления этого чего-то, независимо от времени. Под таким названием как *вяз* подразумевается, что существует много вязов, много индивидуальных деревьев, которые мы на-

2. [п. к п.] В оригинале – belong – «принадлежать», «относиться (к какой-либо группе, сообществу, месту и т. д.)».

зываем одним словом в силу их схожестей. Под словом *дерево* подразумевается тождество в ещё более широком масштабе. Однако на не-вербальных уровнях тождеств не существует, но то, как мы пользуемся языком в силу его отождествляющей и статико-генной структуры, ведёт к серьёзным трудностям в попытках формулировать достаточно точные высказывания о мире процессов и отличий. Коржибски ввёл экстенциональные приёмы для работы с этой общей проблемой. Мы применяем эти приёмы, чтобы вносить изменения в структуру нашего языка, чтобы привести её к большей согласованности со структурой «территории». Далее мы разберём эти приёмы и то, как можем их применять.

В книге *Наука и Здравомыслие* Коржибски представил пять экстенциональных приёмов. Три рабочих приёма: индексы, даты и *и так далее*; и два безопасных приёма: кавычки и дефисы. Мы рассмотрим несколько дополнительных приёмов, но сперва разберём эти пять.

Рабочие приёмы

Мы пользуемся рабочими приёмами, чтобы чётче представлять нашим языком процессуальную реальность, в которой никакие две вещи не одинаковы, никакая из них не остаётся прежней и ни о какой из них мы не можем сказать всё. Мы рассматриваем три приёма по отдельности, но работают они вместе; под каждым из них мы подразумеваем два других.

Изучая алгебру в школе, мы узнали о таких символах как x_1 , x_2 и подобных. Эти числа называются нижним индексом, очевидно, потому что их пишут под x . Математики пользуются этими числами, чтобы напоминать нам и себе о том, что x представляет собой переменный термин – иными словами, мы можем применять x для представления любого числа. В одном случае он может обозначать 9, в другом – 118, и т. д. Иными словами, x_1 не есть x_2 .

Мы можем сравнить x с любым обыкновенным словом. Например, слово «дом». Мы можем пользоваться им, обозначая мой дом, ваш дом или любое другое из множества строений, о которых мы говорим. Дом₁ не есть дом₂. Этот экстенциональный приём применяли к слову *дом* задолго до того, как кто-то начал думать и говорить об экстенциональных приёмах как таковых; мы нумеруем дома уже несколько столетий. Эти номера представляют один из видов индексирования, влияние которого на общество с первого взгляда обычно недооценивают. Цивилизация становится возможной благодаря коммуникации, но саму коммуникацию не удалось бы осуществить, кроме случаев общения лицом к лицу, если бы мы не пользовались индексами в форме номеров домов, квартир, офисов, телефонов и т. д. Без индексов, о современной коммуникации почтой, телеграфом и телефоном не пришлось бы говорить и, соответственно, не пришлось бы говорить и о современной цивилизации.

Среди других форм этого приёма мы можем назвать страховые номера, номера автомобилей, сложные системы нумерования в каталогизации книг в библиотеках, номера футболистов на форме и т. д. Известная нам жизнь не представляется возможной без индексов.

Мы применяем этот хитроумный приём почти ко всему, кроме языка. Это мы делаем в общей семантике. Если мы можем сказать дом₁, дом₂, и т. д., мы можем сказать и человек₁, человек₂, и т. д., или любовь₁, любовь₂, и т. д. Мы можем применять индексы к любым словам. Обратите внимание, когда мы это делаем, мы также пользуемся *и т. д.*

Ваши преподаватели родного языка, возможно, говорили вам не пользоваться *и т. д.* Если говорили, то они, вероятно, неосознанно, учили вас тому, что вы живёте в мире, о котором вы можете знать всё и сказать всё. Предполагается, что те, кто говорит *и т. д.*, скорее всего, не выучили свои уроки. Стоит учесть, что когда мы учим родной язык, мы также учим своего рода физику и психологию; получаем знания о мире и о себе. Мы это не осознаём, из-за чего

предполагаем, что родной язык относится к «инструментальным предметам».³ Если мы считаем родной язык «инструментальным предметом», то предполагаем, что когда учимся читать и писать, мы не учимся ничему, кроме чтения и письма, и что как только мы научились делать эти вещи, мы обладаем «инструментами», которыми можем учиться.

Люди, – включая многих работников образования – которые считают чтение и письмо «инструментальными предметами», по-видимому, предполагают, что существуют предметы без содержимого, и забывают о том, что под инструментом подразумевается его изготовление кем-то, что-то, к чему его применяют, цель, с которой его используют, человека, который им пользуется и способности или недостаток таковых у разработавшего его человека. Они упускают то, что когда мы учимся языку, одновременно с ним мы усваиваем его *структуру* и учимся прилагать эту структуру к реальности, которая включает нас самих. Когда мы учим родной язык, как его часто преподают, мы учимся тому, что в реальности *и т. д.* не имеет места. Обучение представляет собой подготовку к бесчисленному множеству шоков, разочарований, глупых и досадных ошибок, которые мы допускаем от абсолютистской всеобъемлемости и догматизма. В этой книге не хватит места, чтобы в достаточных подробностях разоблачить вышесказанное, но оно послужит хорошим целям, если заставит задуматься о том, что *и т. д.* ни в коем случае не следует считать тривиальным.

И. д. представляет основное положение о не-всеобъемлемости и служит практическим приёмом, которым мы можем это положение применять в общем и в конкретных случаях. Таким же образом индекс представляет основное положение о не-тождественности, и служит приёмом для его эффективного применения в повседневной жизни.

Дату – третий рабочий приём – мы можем считать особым индексом, который служит, чтобы индексировать времена. Времени, как такового, в природе не существует, но существуют разные времена. Даты позволяют нам выражать этот факт и напоминать себе почти автоматически, что двух тождественных времён не происходит. Датами мы обычно индексируем письма, газеты, журналы, юридические документы, и т. д., но можем пользоваться ими более общим образом. Смит₁ не есть Смит₂ (никакие два индивидуума не одинаковы), Смит₁¹⁹⁴⁰ не есть Смит₁¹⁹⁴² (никакой один индивидуум не остаётся прежним). Французам тяжёлым опытом пришлось усвоить, что война₁ не есть война₂, что война¹⁹¹⁸ не есть война¹⁹⁴⁰. Подобным образом британцам пришлось усвоить, что война₁ это не война₂, что война¹⁹⁴¹_{Малайя} не есть война¹⁹⁸¹_{Европа}. Именно такого экстенционального ориентирования не хватает менталитету линии Мажино, и в целом, консерваторам и романтикам. Даты и индексы для слов, как и другие виды индексов, приходятся особенно полезными для выражения положения о не-тождественности. Они помогают нам придать нашему языку структуру более схожую с процессуальной структурой реальности. Они напоминают нам о том – и нам, по всей видимости, следует регулярно напоминать – что все вещи меняются.

Безопасные приёмы

Помимо рабочих приёмов мы пользуемся двумя безопасными приёмами: кавычками и дефисами. В связи с нашим до-научным ориентированием, мы обычно пользуемся словами элементаристически. Об этой проблеме математик Кайзер писал: «постулат элементаризма, под которым предполагается почти универсальная практика употребления таких выражений как 'душа' и 'тело', 'пространство' и 'время', 'материя' и 'дух', 'эмоции' и 'интеллект', и так далее, будто бы значение каждого из двух терминов радикально и всецело отличается от значения его пары, и отделение одного от другого на основе этой условности». Под такими

3. [п. к п.] tool subject – школьный предмет, направленный на усвоение навыков необходимых или способствующих изучению других предметов.

терминами, когда мы их так употребляем, мы предполагаем вербальное разделение событий, не поддающихся делению на не-вербальных уровнях. Употребляя их, мы подразумеваем реальность абсолютных, безотносительных, независимых сущностей или элементов.

Эти слова оказываются удобными, когда не получается сразу найти более подходящие термины, или когда наш слушатель не понимает эти более подходящие термины. Поэтому мы пользуемся такими словами, обособляя их кавычками, или по меньшей мере, мы подразумеваем кавычки, чтобы напомнить как себе, так и нашему слушателю, что эти термины следует оценивать относительно ложности по фактам в их толковании. И так мы можем обсуждать «эмоциональную» дезадаптацию или «интеллектуальное» развитие, обособляя слова кавычками, чтобы не забыть о том, что дезадаптация не может происходить исключительно «эмоционально», или о том, что развитие не ограничивается только «интеллектуальными» аспектами, минуя при этом «эмоциональные». Подобным образом мы можем пользоваться дефисом и обсуждать эмоционально-интеллектуальную дезадаптацию, или развитие. Так же мы можем говорить о пространстве-времени, нежели о пространстве *и* времени. Если мы говорим о них отдельно, то мы неосознанно допускаем, что можем продемонстрировать что-то в определённый момент времени нигде, или что-то где-то в никакое время.

Дефисы и кавычки позволяют избегать элементалистического употребления языка, практиковать и развивать не-элементалистское ориентирование, при котором мы признаём, что – словами Джона Гантера – всему найдётся причина, а что-либо происходит по причине всего. Реальность происходит структурно, а структура представляет собой упорядоченные отношения. Такие простые приёмы как кавычки и дефисы служат нам напоминанием о структуре реальности и о том, что события состоят друг с другом в функциональных отношениях.

В этой книге кавычки и дефисы употребляются систематически, и с разных точек зрения причины их употребления отличаются. Обратив внимание на конкретные случаи употребления, вы поймёте некоторые способы их применения в качестве экстенциональных приёмов.

Экстенциональное соглашение

В общем применении этих приёмов мы опираемся на соглашение – договорённость между говорящим и слушателем о том, что мы под этими приёмами подразумеваем в ходе общения. На письме мы можем пользоваться этими приёмами, собственно вписывая их в виде индексов, дат, *и т. д.*, кавычек и дефисов, но не без практического предела. В разговоре мы можем произносить слова с индексами, датами, *и т. д.*, указывать дефис между словами и частями слов, и показывать кавычки соответствующими жестами. Мы также можем выражать многое интонацией, длинной пауз, позой тела и выражением лица. На письме, однако, практические пределы достигаются быстро. Когда мы читаем про себя, мы можем читать, будто эти приёмы рассыпали по странице, но в большинстве случаев, читатель может счесть наглядное использование приёмов непрактичным, лишним и неполным. Их применение, как мы уже сказали, во многом сводится к взаимному пониманию, соглашению, между говорящим и слушателем, писателем и читателем. Следует просто понимать, что слова употребляются и оцениваются так, будто их индексировали и датировали, обособили кавычками и соединили дефисами, а *и т. д.* уместно использовали для указания не-всеобъемлемости. Таким образом, не прибегая к заметным изменениям в языке, мы существенно меняем *структуру* языка, а вместе с ней – невро-семантические реакции.

Разговор о процессуальной реальности видится невозможным без применения экстенциональных приёмов. Без «экстенционального соглашения» между говорящим и слушателем, даже в таком простом высказывании как «Джек Бенни [есть] отличный комик» присутствуют отождествления, элементализм, неосознанная проекция, всеобъемлемость и т. д. Но, с

пониманием того, что слова индексировали и датировали, что, по меньшей мере, глагол «есть» обособили кавычками, и что к высказыванию добавили *и т. д.*, мы избавляемся от этих пагубных эффектов. Благодаря экстенциональному соглашению, риск начать спор с такого высказывания значительно снижается, потому что мы передаём им едва ли больше, чем высказыванием: «Я посмеялся над тем, что сказал Джек Бенни вчера вечером».

Этот пример кажется тривиальным. Поэтому я его и выбрал. Потому что любой человек, наблюдавший разговоры за игрой в бридж, в автобусах, в кафе, в гостиной и т. д., увидит жёлуди малозначимых бесед, из которых растут дубы социальных трений. Именно в простой повседневной речи большинства людей нехватка экстенциональных соглашений ведёт к самому большому числу семантических раздражений и обид. Мы не ходим по коридорам парламента, по комнатам для совещаний корпораций или по лекционным залам именитых профессоров в поисках семантических ошибок простого человека с улицы – человека, который нарушает мир и спокойствие, и провоцирует недоверие среди своих соседей по креслу в автобусе, говоря такие судьбоносные фразы как «Джек Бенни [есть] отличный комик».

Даже многие опытные клинические психологи и психиатры не могут поверить в тривиальность большинства дезадаптаций, от которых люди страдают. Опытам, которые большинство детей и взрослых оценивает как трагедии, определённно не хватает штрихов от Сесила Демилля. Оценить значимость этих способствующих адаптации приёмов, удастся только осознав этот простой факт. В моём опыте, когда люди впервые узнают об этих приёмах, они их не понимают. Их не получается сразу воспринять всерьёз с до-научной точки зрения. Когда я говорю кому-нибудь, что эти приёмы представляют основу экстенсинализации, науки и здравомыслия, и что знания об общей семантике, без понимания, как и когда ими пользоваться, не помогут, мой собеседник отвечает мне пустым взглядом.

Частично такое недоверие возникает из-за отсутствия чёткого понятия о том, как собственно этими приёмами пользоваться; требуется потратить некоторое время, чтобы этому научиться. Следует регулярно индексировать и датировать слова, которым мы придаём важность, во всём сказанном, написанном, прочтённом или услышанном на протяжении нескольких дней или кратких периодов одной или двух минут время от времени. Следует индексировать объекты – дерево₁, дерево₂, дерево₃, дерево₄, и т. д., кресло₁, кресло₂, и т. д., обращая внимание на их отличия. Следует индексировать людей, близких и незнакомцев – Смит₁, Смит₂, Смит₃, и т. д., наблюдая их отличия друг от друга – наблюдая то, что мы обозначаем символами 1, 2, 3, и *и т. д.* Некоторое время следует чаще пользоваться датами – начальник¹⁰ утра, 3 окт. выглядит раздражённым, Мэри^{вечер, 4 окт.} разговаривает не особо ласково, новости¹⁰ вечера, 6 ноя. не воодушевляют, и т. д. Некоторое время также стоит провести, избегая элементаристические термины и заменяя такие слова как *эмоция* и *мысль* не-элементаристическими терминами, как *оценка*, или любыми другими словами для описания поведения.

Эти приёмы следует понимать не на вербальных уровнях, – не как что-то, о чём мы можем поговорить – а на не-вербальных уровнях, экстенционально, как то, чем мы можем пользоваться. Когда Галилей изобрёл телескоп, некоторые из его друзей отказались смотреть в него. Они не возражали против того чтобы смотреть на него или разговаривать о нём, потому что, согласно Аристотелю, вокруг Юпитера не крутятся луны, и поэтому говорить, что посмотрев через телескоп Галилея, удалось бы их увидеть, означало нести бред. Мы можем легко представить, как эти друзья говорят Галилею: «Смотреть через линзы на луны Юпитера? Ты шутишь? Ты же не думаешь, что уважаемые, образованные люди, как мы, примем твою игрушку всерьёз. Кто ты такой, чтобы отрицать Аристотеля? Лучше спрячь эту игрушку и помалкивай, а то люди подумают, что ты умом заболел». Несомненно, экстенциональными приёмами они бы тоже не стали пользоваться. Разве согласно здравому смыслу А не есть А?

Разговор об этом имеет мало смысла. Если мы посмотрим через телескоп Галилея, мы, возможно, увидим луны Юпитера. Если мы *применим* экстенсиональные приёмы, мы применим принципы общей семантики и обнаружим то, что обнаружим. Мы просто к этому не привыкли. Чтобы научиться ездить на велосипеде, придётся сесть на него и попробовать ехать.

В контексте личностной адаптации применение этих пяти экстенсиональных приёмов служит как профилактической, так и оздоровительной мерой. Если мы вспомним людей в затруднениях из Главы I, их идеализм, фрустрации и деморализации, их чувства неполноценности, нечёткие вопросы и размытые ответы, мы увидим ценность экстенсиональных приёмов. В практических целях, мы можем свести адаптацию к вопросу определения наших целей в согласованности с нашими возможностями достичь их, формулировки вопросов таким образом, чтобы на них удалось чётко ответить, и реалистичной оценки самих себя. В такой постановке, решениями становятся датирование и индексирование наших целей, наших возможностей и ограничений и, как следствие, наших успехов и неудач; при этом каждое определение стоит заканчивать на *и т. д.* Обособление кавычками таких слов как «успех» и «неудача», «полноценность» и «неполноценность» помогает нам избежать обобщений о себе самих, которые заставляют нас блуждать или топтаться на месте. «Причины» стоит соединять дефисами: не «умственный» *или* «физический», а невро-семантический, или организмо-средовой; не «эмоциональный» *или* «интеллектуальный», а сочетание обоих и других факторов; не «экономический» *или* «моральный», а социально-экономический в матрице семантических сред, выстраивающих общую структуру культуры. Таким образом, простой дефис помогает нам избежать простых же, но глупых объяснений. Экстенсиональные приёмы не ведут нас к моментальному просветлению, но дают возможность умерить страдания, на которые мы себя обрекаем пустой, безответственной болтовнёй и обобщениями. Однако помогают они, только если мы пользуемся ими регулярно, когда говорим о себе, о мире и о других людях, которые составляют важную часть этого мира.

Специальные термины

Помимо пяти, представленных выше, мы разберём ещё несколько приёмов, которые могут произвести схожие эффекты. Большей частью эти приёмы представляют собой слова определённого типа: *существительные во множественном числе*; *квантифицирующие термины*; *действенные*; *операциональные термины*; *обуславливающие термины* для указания конкретных контекстов или условий, в которых мы применяем или обосновываем высказывание, например, *в нашей культуре* или *в наше время*; термины для выражения *осознанности проекции*, такие как *с моей точки зрения*, *по-видимому*, *выглядит, как мне кажется*, и т. д.; *расстановка акцентов* (курсив). Мы обсудим эти дополнительные приёмы кратко.

Существительные во множественном числе в некоторых случаях помогают произвести эффекты схожие с эффектами индексов. Например, мы можем говорить о причинах, нежели о причине войны, чтобы подразумевать экстенсиональную изменчивость факторов, относящихся к войне. Подобным образом мы можем говорить о влюблённостях, нежели о влюблённости, чтобы указать на то, что любовь₁ не есть любовь₂, и что обстоятельств и способов влюбиться найдётся много. Множественное число позволяет придать больше условности реакциям во избежание чрезмерной ригидности убеждений и поступков.

Квантифицирующие термины придают языку точности, которой не хватает высказываниям с абстрактными словами. Высказывание: «Мы понесли тяжёлые потери» производит эффект отличный от эффекта высказывания: «Из десяти тысяч солдат пятьсот погибли в бою, и тысяча двести получили ранения в ходе нападения».

Один заика как-то сказал мне, что люди обычно издевались над его дефектом речи. Он думал так со дня, когда над ним посмеялись одноклассники. Я задал ему вопросы, и он рассказал, что в классе тогда находилось около тридцати учеников, и из них над ним смеялись только двое. Учитель над ним не смеялся, и он не смог вспомнить случая, когда кто-то над ним нарочно издевался. Такая простая квантификация высказывания помогла изменить его общее отношение – спуститься «с небес на землю». Точность в высказываниях служит одним из главных принципов в науке и здравомыслии, и квантификация помогает нам добиться большей точности. Конечно, мы не всегда можем выражать всё самыми точными терминами, но можем повышать точность хотя бы в некоторой степени, укрепляя тем самым надёжность своих заключений, что способствует нашей адаптации.

Ценность *действенных и операциональных терминов* состоит в их потенциале избегать субъектно-предикатных высказываний. Если мы говорим, что Генри [есть] подлый, мы предполагаем, что он обладает неким присущим качеством, но при этом не говорим ничего о том, что Генри сделал. Как следствие, мы не предлагаем никаких конкретных способов, которыми Генри мог бы улучшиться. Если же мы, например, скажем, что Генри сорвал кепку с головы Билли и бросил её в костёр, ситуация станет яснее, как и её потенциальные решения. От «подлости» избавиться не получится, но мы можем предпринять вполне конкретные меры, чтобы не дать Генри возможностей или стимулов бросать чужие кепки в костёр.

Психиатры иногда жалуются, что некоторые пациенты приходят к ним с готовым диагнозом. Такой пациент может с порога сказать, что у него [есть] комплекс неполноценности, или что он [есть] интроверт. Психиатру в таких случаях приходится направлять пациента, чтобы он сказал ему не то, что он *есть* или чем он *обладает*, а рассказал о том, что он *делает*, и об обстоятельствах, при которых он это делает. Стоит ему прекратить говорить о том, какого [есть] *типа* он человек, каковы [есть] его *качества* и каким расстройством он *обладает* – стоит ему прекратить высказываться субъектно-предикатно и начать применять действенные термины, описывать своё поведение и его обстоятельства – как оба начинают видеть, что конкретно они могли бы сделать, чтобы изменить как поведение, так и обстоятельства.

Прогресса в психологии за последние тридцать лет во многом удалось достичь применением языка, более подходящего для описания поведения. Психологи постарше, практикующие традиции Вильгельма Вундта и Эдварда Титченера, занимали себя элементами «разума», сознания и так называемыми качествами разных типов ощущений, восприятия и мыслей. Подобные языковые тенденции наблюдаются в работах Уильяма Макк-Дугалла, который «элементализовал» человека в мозаику из инстинктов и соответствующих импульсов. Относительно недавняя «теория личных качеств», по-видимому, продолжает ранние статичные, субъектно-предикатные подходы к изучению человека. Такой же подход, по всей видимости, лежит в основе попыток объяснить поведение в рамках «типов» личности.

Даже Павлов, который сделал так много, чтобы избавить психологию от этой стерильной традиции, не смог избежать подобных ошибок. Он рассуждал в рамках типов реакций торможения и возбуждения и даже о соответствующих типах животных и людей. Однако именно Павлов, а за ним Торндайк, Карр, Уотсон, Сижор и другие «бихевиористы», «функционалисты», задали новую тенденцию к не-аристотелевой психологии. Они, прежде всего, способствовали переменам в структуре языка, которым пользовались для представления личности и поведения. Эти перемены не охватили и не закрепились во всех областях психологии, но определённо многие психологи стали меньше говорить о типах и качествах, и больше о происходящих, взаимосвязанных процессах поведения в функциональных отношениях с определёнными паттернами стимулирующих и ограничивающих условий. Некоторые ветви

современной психологии стоят в одном шаге от общей семантики благодаря языковым революциям, которые спровоцировали «бихевиористы» и «функционалисты».

Действенные термины, которыми мы описываем действия и то, «что происходит», некоторые писатели называют *операциональными*. Физик Перси Бриджман значительно поспособствовал продвижению операциональных терминов и определений своей книгой *The Logic of Modern Physics* [*Логика Современной Физики*]. Мы уже обсуждали это в предыдущей главе, но здесь об этом тоже стоит упомянуть, чтобы дополнить обсуждение экстенциональных приёмов. Операциональными терминами мы ссылаемся не на сущности, обладающие качествами, а на операции, действия или поведение. Например, социабельность операционально представляет собой не инстинкт, отличительную черту или качество, а то, что человек делает, как он реагирует в определённых условиях. «Мысль» операционально не есть атрибут «разума», или «вещь» с какими-то своими атрибутами, а происходит как поведение или выполнение некоторых манипуляций символами. Действенными, функциональными, операциональными, поведенческими терминами и высказываниями мы направляем внимание на действительности, с которыми что-то можем делать, нежели на вещи с атрибутами и высоко абстрактные качества, которые существуют по определению и «логической судьбе». Такие понятия могут парализовать наши потенциалы вести себя более адаптированно.

Другим средством экстенсионализации служат термины, которыми мы *квалифицируем*, высказываем *исключения* и указываем на *условия*, включая термины *кроме, помимо, в условиях*, различные прилагательные и многие другие слова, указывающие на ограниченность обобщений. Мы можем назвать такие термины *обуславливающими*. Интересными среди них видятся фразы *в нашей культуре* и *нашего времени*. Одна из книг Карен Хорни называется *Невротик Нашего Времени*. В значимой части названия – *нашего времени* – допускается, что с точки зрения Хорни, проблемы адаптации стоит рассматривать в их отношениях к условиям общества или культуры, в которых они возникают. Такая точка зрения представляет в некоторой мере релятивистское или экстенциональное ориентирование.

Мы могли бы прояснить много споров о социально-экономических проблемах, добавляя к высказываниям обстоятельство *в нашей культуре*. Например, частное предпринимательство требуется для развития промышленности *в нашей культуре*; рост государственного долга приведёт к обвалу экономики *в нашей культуре*; войны случаются неизбежно *в нашей культуре* и т. д. Этой фразой мы напоминаем себе, что эти высказывания не обязательно стоит считать обоснованными провозглашениями о «природе человека» или «реальности». Они могут оказаться беспочвенными в культуре отличной от нашей. Этой фразой мы указываем на то, что другие культурные условия, по крайней мере, учитываются.

Мы можем расширить экстенсионализацию терминами, которые позволяют выразить *осознанность проекции*, такими как *с моей точки зрения, по моему мнению, как я это вижу* и т. д. В одной из предыдущих глав мы уже обсудили осознанность проекции, а теперь подчеркнём ценность таких терминов в эффективном применении этой осознанности. Мы можем сдерживать и предотвратить потенциально пагубные эффекты 'есть' тождества и предикации,⁴ пользуясь подобными фразами. Семантически, высказывание «Поэзия [есть] несерьёзна» отличается от «Поэзия [есть] несерьёзна, с моей точки зрения». Последним высказыванием мы не провозглашаем поэзии окончательный приговор. Добавляя свою точку зрения, говорящий напоминает себе и слушателю, что он неизбежно говорит о себе, а не только о поэзии.

Выражения *точки зрения* редко наблюдаются в языке рекламы, высокопарных политических речей и сильных эмоций. По-видимому, неосознанная проекция служит основным механизмом такого языка, и поэтому он может оказывать разрушительный и деморализующий

4. [п. к п.] 'есть' тождества и 'есть' предикации относятся к конструкциям «сущ. есть сущ.» и «сущ. есть прил.».

эффект на людей. Едва ли удастся представить любое знакомое нам применение языка рекламы, политической подачи или злости, обиды и деморализации, какими мы их знаем *в своей культуре*, в условиях поколения, чётко осознающего проекцию.

Не стоит считать, что лишь употребление *точки зрения* и эквивалентных выражений гарантирует эффективное поддержание осознанности проекции. Как и в случае с другими экстенциональными приёмами, этим следует пользоваться с пониманием формулировок общей семантики. Попугайство не способствует лучшей адаптации. Любые из этих терминов и приёмов, которые *могут* поспособствовать экстенционализации, *мы можем* применять так же бессмысленно и бесцельно, как и любые другие слова. Важность мы придаём не словам, а невро-семантическим реакциям, которые мы этими словами обозначаем.

Если бы мы не писали новые предложения с заглавной буквы и не пользовались знаками препинания, читать пришлось бы с большим трудом. Правописание сформировалось для удобства понимания читателя. Человек, практикующий общую семантику, пользуется одним из приёмов правописания чаще обычного – *расстановкой акцентов*, или курсивом.

Курсив обычно используют чтобы указать на то, что имеется в виду само слово, а не что-то, что оно обозначает – например, слово *слово* – или чтобы указать название книг, или иностранных терминов. При практике общей семантики, мы пользуемся курсивом в этих и других традиционных целях, но мы также пользуемся им, чтобы поставить акцент и обозначить особую важность некоторых терминов в определённых контекстах. В общей семантике мы пользуемся курсивом, чтобы подсказать читателю: «Уделите особое внимание экстенциональному значению этого слова, так как в этом контексте указали именно его». Иными словами, «Не принимайте это слово, как вы привыкли это делать. Приложите усилия, чтобы провизуализовать и прочувствовать то, о чём здесь идёт речь». В этой книге вы найдёте много применений курсива в качестве вспомогательного средства экстенционализации.

Практические эффекты

Эффективно применяя экстенциональные приёмы, мы меняем структуру языка, что способствует общему экстенциональному ориентированию. Как мы уже отметили, ими не всегда приходится пользоваться открыто, и в достаточной мере открыто ими пользоваться не получится. Для того чтобы выработать «хватку» и применять их по мере семантической необходимости, следует регулярно практиковаться. По ходу выработки этой «хватки», вам придётся всё меньше пользоваться приёмами открыто; это понадобится делать, когда на применение приёмов стоит обратить особое внимание. В большинстве же случаев применение приёмов зависит от взаимопонимания между говорящим и слушателем (писателем и читателем) – «экстенционального соглашения» о том, что приёмы подразумеваются в сказанном или написанном. При этом на поверхности язык может не сильно отличаться от того, каким мы пользовались раньше, но семантически, структурно отличаться в корне.

Нам стоит выделить некоторые из этих отличий. Во-первых, в языке, при котором реализуется экстенциональное соглашение, заметное внимание уделяется отличиям; мы говорим о них чаще обычного. Следовательно, мы квалифицируем и дорабатываем наши обобщения, чтобы подчеркнуть, что из любого правила найдутся исключения, чтобы чётче указать на индивидуальный случай и чтобы в целом придать точности обобщающим высказываниям. Таким образом, экстенциональное соглашение способствует тому, что мы обычно называем терпимостью, непредвзятостью, справедливостью, и т. д., и предотвращает догматизм, неоправданную привязанность к традициям и предрассудкам. Соглашение также способствует любознательности, которая, в свою очередь, помогает адаптироваться эффективнее. Это происходит по ходу дела, без необходимости себя уговаривать или принуждать.

Наряду с этим, экстенциональное соглашение помогает осознать относительность истины. Вряд ли что-то может оказаться трагичнее в своих последствиях, чем убеждённый поиск абсолютной Истины. Чтобы поверить в абсолютную Истину, придётся отвергнуть положения экстенциональной не-тождественности и не-всеобъемлемости, и игнорировать потенциалы само-рефлексивности языка. Если этого не сделать, то поиски универсальной и окончательной Истины стоит забросить. Истина с заглавной *И* принимается как неизменный факт, с которым ничего не получится сделать. От него не удастся пойти дальше, прогрессировать. Этот факт не согласуется с миром перемен, и воспринимается только при статичном ориентировании. Но, истина со строчной *и*, относительная истина, согласованная с не-тождественностью, не-всеобъемлемостью и само-рефлексивностью, индексированная и датированная истина служит росту и адаптации к процессуальной реальности, проводником к прогрессу, нежели препятствием ему. Относительную истину мы относим к предположениям, потому что осознаём процессы, которыми её абстрагируем. В качестве предположения она представляется надёжной настолько, насколько на её надёжность указывают наблюдения и опыт. Истина в таком смысле обновляется с течением времени, за счёт чего продолжает приносить пользу. Она способствует обучению и направляет его.

В другом отношении, экстенциональное соглашение способствует развитию релятивистского ориентирования. Как мы сказали в начале этой главы, при интенциональном, абсолютистском ориентировании человеческое поведение рассматривается, как будто оно служит представителем неких качеств или типов личности или характера. Иными словами, мы считаем, что поведение какого-нибудь человека указывает нам на то, какими чертами он *обладает*, и какой тип он *есть*, и мы определяем это как окончательный вердикт. При экстенциональном, релятивистском ориентировании ситуация обстоит иначе. Поведение человека считается не качеством, а *техникой*. Это означает, что мы оцениваем его поведение в отношении к ситуации, в которой оно происходит, и учитываем, как оно сказывается на этой ситуации. Поведение что-то *делает*. Под техникой мы можем подразумевать просто способ что-то делать. Например, когда кто-то грузно топает ногой и кричит: «Да, заткнись, ты!», или когда кто-то улыбается и говорит: «Доброе утро», мы рассматриваем это как техники применения чего-то с какой-то целью. И то и другое представляет собой формы поведения. Если мы говорим, что они представляют личностные качества или типы темперамента, мы говорим в рамках субъектно-предикатной структуры языка, и – осознанно или неосознанно – принимаем их как независимые, неизменные и таинственные сами по себе. Если же мы говорим о них как о техниках, мы практикуем совершенно иное отношение.

В традиционном понимании качество оценивается как свойство того или иного типа личности, который представляется безнадёжным. Вы либо *есть* какой-то тип, либо нет. Вы им рождаетесь и ничего не можете с ним поделать. Технику, однако, мы оцениваем с точки зрения того, с какими целями её выработали, насколько эффективной она оказывается в достижении этих целей, и к каким ещё последствиям её применение ведёт. Соответственно, реакцию человека как технику мы оцениваем с учётом того, что он ей осуществляет, насколько эффективно он это делает, и с какими последствиями осуществляется эта реакция. Так мы практикуем экстенциональное ориентирование; говоря о поведении на языке с экстенциональным соглашением, мы проводим наши оценки вышеописанным образом.

Экстенциональное соглашение направляет нас к вещам, *поддающимся изменениям*. Когда мы применяем экстенциональные приёмы в общении, мы говорим о поведении как о технике, а нашей задачей в оценке техники становится её изменение – пересмотр и обновление. Задача в оценке личностных качеств в большинстве случаев состоит в том, чтобы отнести их к абстрактным категориям хорошего или плохого. Но, техники мы изменяем – или откладываем за ненадобностью – в зависимости от того, насколько успешно они помогают достичь тех

целей, для достижения которых их выработали, и от последствий достижения этих целей. Поэтому, когда я работаю с людьми, страдающими от неспособности адаптироваться, мы не ищем качества, которыми они *обладают* или типы, которые они *есть*, а смотрим на то, что они делают. Мы вместе спрашиваем, в каких целях выработались эти конкретные поведенческие сценарии, насколько успешно они их реализуют, и к каким последствиям это приводит. Затем мы изменяем поведение необходимым нам образом; когда мы ищем способы его изменить, мы обращаем внимание на условия, которые способствуют поведению или ограничивают его. Мы придерживаемся того, что можем изменить, и держим качества в стороне, потому что они по своим определениям не поддаются изменениям.

Учитывая вышесказанное, мы можем увидеть, насколько абсолютистский, субъектно-предикатный, интенциональный язык отличается от релятивистского, функционального, экстенционального языка. Эти языки способствуют существенно разным тенденциям в личностном развитии, в политике образования и в социальных традициях. Они способствуют развитию разных цивилизаций, одну из которых мы практиковали веками, и до сих пор недостаточно её понимаем, и другую, очертания которой мы пытаемся представить в этой книге.

Язык науки

Регулярно и уместно применяя экстенциональные приёмы, мы согласуем своё языковое поведение с общим методом науки. Мы уже обсудили язык науки в Части II и уделим ему больше внимания относительно его влияния на проблемы личностной адаптации в Главах XI и XII. Поэтому здесь мы не станем вдаваться в подробности. Стоит, однако, отметить, что язык науки играет не менее важную роль в науке, чем язык здравомыслия играет в здравомыслии, и что язык здравомыслия в основе своей структуры представляет собой язык науки.

Вспомним, что этот язык даёт нам средства формулировки значимых вопросов и ясных высказываний. Общий метод науки без множества специальных технических элементов состоит из (а) вопросов, на которые мы отвечаем на основе наблюдений, (б) релевантных наблюдений, которые мы проводим самостоятельно или пользуемся наблюдениями других людей, (в) точных описаний наблюдений, составленных так, чтобы ответить на заданные вопросы, и (г) пересмотра прежних заключений согласно сформулированным ответам – после чего мы можем снова начать задавать вопросы, отталкиваясь от новых заключений. Без шага наблюдений остаётся только применение языка. Наблюдения направляются вопросами, которые мы сформулировали языком, исходя из прежних заключений.

С помощью экстенциональных приёмов в этом процессе мы составляем индексированные и датированные вопросы, на которые можем ответить согласно наблюдениям с указанием времени, места и условий. Мы также индексируем и датируем свои ответы, и формулируем относительные, не-всеобъемлющие заключения. *И т.д.* в конце заключений передаёт их незавершённость и не-категоричность, в силу чего дальнейшие наблюдения могут привести к пересмотрам; так этот приём способствует дальнейшим наблюдениям, поиску знаний и доработке объяснений и прогнозов. Экстенциональные приёмы помогают разбираться, прогнозировать и контролировать события, без чего личностная адаптация не представляется возможной. Мы не можем обойтись без этих приёмов в языке науки и здравомыслия.

Задержанная реакция

Две другие техники необходимые для применения общей семантики мы называем *задержанной реакцией* и *семантической релаксацией*. Мы обсудим их в определённой мере отдельно, но стоит понимать, что они не могут работать независимо друг от друга.

В некоторых подробностях мы уже поговорили о задержанной реакции в Главе IX, чтобы лучше объяснить принцип символьной реакции. Приобретённые символьные реакции отличаются от стереотипированных сигнальных реакций тем, что перед символьной реакцией задержка длится дольше. Мы можем считать это разницей между спешкой в действии в ответ на ситуацию и отсрочкой действия для лучшей оценки ситуации.

Важным для нас представляется то, что задержанную реакцию удаётся *практиковать* осознанно. Значительная часть того, что мы называем целенаправленным контролем поведения состоит в регулировании задержки ответных действий. Ценность представляет не просто задержка, а то, что происходит в ходе этой задержки. Например, если вы задерживаете свою реакцию, просто чтобы досчитать до десяти, как правило, ничего полезного не происходит; время тратится зря. Порой задержка в ответе может указывать на глупость, смятение, страх, и т. д. Поэтому здесь стоит подчеркнуть, что задержка реакции помогает приспособиться к обстоятельствам в той мере, в которой мы проводим эту задержку за оценкой этих обстоятельств и последствий той или иной реакции на эти обстоятельства. Такая оценка занимает время, и поэтому задержке стоит придать важность.

Однако мы не говорим здесь о том, что нам стоит мешкать; реакцию следует задерживать столько долго, сколько требует адекватная оценка. Это означает, что большинство повседневных реакций потребуют едва ли заметной задержки. По временной длительности задержка занимает не дольше того, что мы бы назвали «обычной» задержкой. Многие получается делать, и стоит делать, привычным образом, оперативно, как рефлекс. Тем не менее, практически с любым индивидуумом в ходе обычного дня случается множество ситуаций, с которыми не удаётся адекватно иметь дело обычными способами. Даже самые привычные привычки и рутины приходится иногда изменять в ответ на изменившиеся обстоятельства, и порой мы попадаем в такие обстоятельства, к которым наши часто практикуемые сценарии поведения не подходят. В таких случаях осознанная оценочная задержка становится необходимой для адекватного ответа. Прежде всего, во время оценки мы обращаем внимание на ключевые отличия данной ситуации от других ситуаций из нашего опыта, с которыми мы склоняемся данную ситуацию отождествить с первого взгляда на неё. Также оценка включает значимое индексирование и датирование, иными словами, отличие этого от того и тогда от сейчас. Мы приобретаем опыт, когда осознанно задерживаем наши сегодняшние реакции, чтобы не отождествлять их с нашими вчерашними реакциями.

Задержка становится особенно важной, когда мы хотим избавиться от так называемых привычек. Первый и, пожалуй, главный шаг к избавлению от привычек, таких как излишнее курение или вспыльчивость, состоит в решительном откладывании нежелательных действий, которые мы невольно повторяем. Как правило, мы избавляемся от привычек постепенным замещением их какими-либо другими действиями, но эти другие действия не получают возможности произойти, если с привычным поведением ничего не делать. На деле, мы можем считать скорость реакции одним из важнейших её аспектов; простым способом мы можем начать менять привычные ответы на ситуации с преобразования их частоты. Меняя их частоту, мы меняем в той или иной степени всю их структуру. Подобным образом, когда мы задерживаем ответ, мы меняем его природу, потому что она частично зависит от того, насколько оперативно он осуществляется. Например, если вы привыкли обедать в полдень, и в какой-то день обед пропустите, вы, скорее всего, не испытаете такой же голод в два часа, какой испытали в полдень. Реакции происходят не как единичные события, а чаще как серии событий, и если исключить, отложить или ещё как-то изменить какую-то одну часть серии, это сказывается на всей серии. От этого (по крайней мере частично) зависит эффективность задержанной реакции в попытках избавиться от привычек.

Проблемы личностной адаптации растут из того, что мы называем привычками. Мы испытываем эти проблемы, потому что держимся за прежние убеждения, выражаем прежние взгляды, реагируем прежним образом, не обращая внимания на отличия в целях и обстоятельствах этих реакций. Для поддержания адаптации следует реагировать по-разному на разные ситуации, а для этого требуется видеть отличия и оценивать их. Это занимает время. Поэтому задержка реакций становится необходимой техникой адаптации.

Семантическая релаксация

Задержанная реакция и адекватная оценка в целом становятся возможными за счёт *семантической* релаксации. Слово *семантическая* в данном случае употребляется, чтобы подчеркнуть важность оценки ощущений и позиций в отношении состояния напряжения. Стоит отличать мышечное напряжение, например, при попытке поднять пианино, от напряжения, возникающее от страха или раздражения. В мышечном напряжении при полезном труде или активном отдыхе мы не видим ничего нежелательного. Нас интересуют случаи волнения, обид, тревоги и других напряжений, связанных с самозащитными реакциями. Соответственно, релаксация, которая нас интересует, происходит, когда мы освобождаемся от напряжений такого рода. Поэтому мы называем её *семантической* релаксацией.

Такая релаксация реализуется наиболее полноценно и стабильно, когда у нас удаётся добиться адекватной личностной адаптации в общем смысле. Она начинает проявляться за счёт эффективного применения обсуждаемых здесь принципов в повседневной жизни. В этом случае в особых методах релаксации необходимости не возникает. Если же человек испытывает общую дезадаптацию, прямые попытки устранить напряжения от импульсов к самозащите вероятно не увенчаются особым успехом. Мы не можем полноправно назвать «естественной» такую релаксацию, которой достигаем, принуждая себя расслабиться.

Такое суждение, конечно, не стоит доводить до крайностей. Методы целенаправленной релаксации определённо представляют ценность. Мы можем рассматривать это как отношения взаимной поддержки: личностная адаптация способствует релаксации, а релаксация способствует личностной адаптации. Испытывая напряжения, мы проявляем большую склонность вести себя нецелесообразно и культивировать дезадаптирующие отношения. Методы прямого снятия напряжения способствуют более адекватному поведению.

Чтобы понять релаксацию и напряжение в отношении к личностной адаптации, мы разделим релаксацию на два разных вида: для отдыха и для работы. К первой относятся состояния глубокой расслабленности, вторая предполагает оптимальный тонус, свободу от излишних напряжений, напряжений от конфликтов, тревог и в целом от дезадаптации.

Если вы хотите отдохнуть, выспаться ночью, подремать в полдень или эффективно отдохнуть за короткое время, вам могут помочь техники, описанные доктором Эдмундом Джейкобсоном, директором Лаборатории Клинической Психологии в Чикаго, в книгах *Progressive Relaxation* и *You Must Relax*. Первую книгу он написал с техническим уклоном, а вторую для широкого круга читателей. Его метод включает две основные практики. При первой предлагается напрягать мышцы, а потом резко ослаблять напряжение, чтобы почувствовать разницу между повышенным тонусом и лёгким напряжением или расслабленностью. При второй расслабляется одна часть тела за раз в порядке от ног до головы и обратно.

Вы, вероятно, знаете, как тщетно иногда приходится уговаривать себя или следовать чьему-нибудь совету расслабиться. По заключениям исследований доктора Рэймонда Кархарта в книге 1943 года *Speech Monographs* вербальные указания расслабиться обычно ведут к усилению напряжения. Пользуясь техникой доктора Джейкобсона, мы обходим эту проблему, расслабляясь не полностью, а одной частью тела за раз. Мы «указываем» расслабиться

пальцам на ногах, затем ступням, затем лодыжкам, икрам, бёдрам и т. д., и продолжаем так до лба, после чего возвращаемся часть-за-частью обратно к пальцам ног и т. д., пока не достигнем необходимой релаксации, или пока не заснём. На начальных этапах освоения этой техники, мы следуем указаниям наподобие: «Сосредоточьтесь на пальцах ног; напрягите их; прочувствуйте напряжение; теперь расслабьте; прочувствуйте расслабленность». И так далее, с другими частями тела. Нюансы практики могут отличаться у разных людей, но в целом процедура проходит, как мы описали. С помощью этой техники удастся научиться достаточно глубокому расслаблению и эффективному отдыху.

Если вы хотите отдохнуть, то можете воспользоваться множеством широко практикуемых методов релаксации: послушать музыку, принять ванну, лечь и сфокусироваться на своём дыхании, позагорать, пойти на сеанс массажа, и т. д. Детей успокаивают – на время – попросив прикинуться тряпичной куклой или мешком муки. Чтобы быстро отдохнуть за короткое время, стоит лечь и попробовать визуализовать умиротворённый пейзаж. Лёгкий ветер и стук дождя по крыше дома вызывают сонливость и поэтому помогают релаксации.

Однако намного чаще мы ищем способы расслабиться с целью настроиться на работу; именно этот вид релаксации нас прежде всего интересует. Полная релаксация становится проблемой для регулярно занятого человека; чрезмерную расслабленность в таких случаях мы можем назвать даже патологической. Цель семантической релаксации состоит не в том чтобы обвиснуть до состояния тряпичной куклы, а в том чтобы добиться оптимального тонуса. Оптимальную или «подходящую» степень напряжения мы можем определить следующим образом: мы испытываем оптимальное напряжение, когда любой перевес в сторону напряжения или расслабления вредит, а не помогает, нашей эффективности.

Существует метод прямой практики оптимального тонуса или семантической релаксации. Его разработал Альфред Коржибски. Сейчас его применяют только экспериментально, и пока не опубликовали достаточно данных о его исследованиях, оправдано мы можем описать его только кратко и осторожно в целях проверки его потенциальной ценности на данном этапе его развития. Как процедура для систематического применения этот метод появился относительно недавно, но его основные элементы, вероятно, существуют со времён начала человечества. В базовом виде матери практикуют этот метод с каменного века по сегодняшний день, чтобы успокаивать своих капризных детей. Когда ребёнок плачет и показывает другие признаки раздражённости, его мать не говорит ему: «Сфокусируйся на пальцах ног. Напряги их. Теперь расслабь», и не пытается его массировать. Она просто *держит* ребёнка. Заметный успокоительный эффект при этом едва ли удастся объяснить какой-либо механикой, например, физическим давлением. Успокоение, по-видимому, носит оценочный, семантический характер, иными словами, оно срабатывает как реакция на акт удержания ребёнка успокоительным образом. Это общим примером способа прямой семантической релаксации.

Процедура с трудом поддаётся описанию, и здесь подробно это делать не стоит по двум причинам. Во-первых, как мы уже сказали, этот метод применяют пока только экспериментально, и мы рискуем поспешить с попыткой исчерпывающего описания. Во-вторых, с ним не всё обстоит так просто, как может показаться по словесному описанию; его следует усваивать по демонстрациям опытного инструктора. Попытки научиться ему со страниц книги видятся подобными попыткам научиться играть в бейсбол по переписке с тренером, но учитывая потенциальный интерес читателя, что-то определённое о процедуре сказать мы можем.

Мы опишем релаксацию кистей и лица, но этим методом удастся воспользоваться для других «мышечных частей» тела, таких как икры, бёдра, руки и плечи. Мы можем сопоставить эту процедуру с массажем. Когда нам долго приходится нести что-то тяжёлое, сняв

ношу, мы испытываем облегчение, которому помогает массаж онемевших и уставших кистей и пальцев; его обычно практикуют с усердием и применением ощутимого давления.

Семантическая релаксация отличается от такого метода. Массаж в неё не входит вообще. Одной рукой мы просто касаемся ладони и пальцев другой руки, удерживая руку спокойно без излишнего сжатия, и сгибаем пальцы второй руки первой рукой, прилагая лёгкое давление и обращая внимание на ощущения в руке. Наблюдается ли мягкость, теплота, сухость, тугость, прохлада, влажность? Как легко пальцы сгибаются? Мы удерживаем руку стабильно, но не слишком крепко, несколько секунд, затем отпускаем, после чего снова удерживаем. Теперь опять сгибаем пальцы два или три раза. Затем меняем руки и повторяем процесс. В сущности, так проходит вся процедура. Она сводится к ощущению напряжения в одной руке другой рукой и «отпускания» напряжения в одной руке другой рукой не столько физическим давлением, сколько прямым мануальным выражением спокойствия, лёгкости, поддержки и т. д. Важность мы придаём семантическому аспекту, нежели механическому.

Для релаксации лица мы помещаем руку на лицо так, чтобы большой палец на одной стороне и пальцы на другой находились прямо под скулами. Подбородок при этом вкладывается в ладонь. Руку и пальцы следует расслабить. Затем мы медленно сводим большой палец с пальцами, аккуратно вытягивая большим и указательным пальцем верхнюю губу наружу. Нижнюю губу тоже тянем вперёд. Нижнюю челюсть свешиваем свободно, а шею удерживаем в не напряжённом положении. Напрягайте ладонь и пальцы медленно и осторожно, чтобы потянуть мышцы рта и щёк наружу, затем расслабьте их, потом повторите процесс. Не давите кончиками пальцев и не сжимайте слишком сильно. Это упражнение выполняется с целью прочувствовать рукой напряжения в лице и расслабить с её помощью мышцы лица.

Люди обычно не осознают степень напряжённости какой-либо части тела напрямую, кроме случаев сильного напряжения. Рукой мы можем прямо почувствовать напряжение в лице или, например, в предплечии и начать чётче его осознавать. Такая повышенная осознанность напряжения посредством ощущения его через руку и пальцы, по всей видимости, способствует релаксации, которая следует за процедурой. Когда мы обращаем внимание и начинаем осознавать своё напряжение, мы обычно расслабляемся. Эта процедура помогает осознанности любых напряжений и служит техникой напоминания о нежелательных напряжениях и, при возможности, их ослабления. Пользуясь этой техникой несколько раз в день, получится культивировать относительно устойчивый оптимальный тонус.

Эта процедура представляет практическую ценность. Стоит только научиться, преодолев неумелость и спешку, и её станет очень просто практиковать. Этот метод позволяет добиться не глубокой релаксации для сна и полного отдыха, а просто оптимальной степени напряжённости. Не стоит исключать, однако, что он также может поспособствовать более качественному сну и отдыху, но его главное преимущество заключается в том, что он предупреждает нашу склонность превращать любую работу в тяжкий труд, хмуриться, реагировать резко и делать повседневные дела, вкладывая больше усилий, чем они требуют.

Как мы уже отметили, оптимальный тонус идёт рука об руку с задержанной реакцией. Он способствует и подкрепляет оценочную задержку. Поспешные выводы, утрата контроля над собой, поступки сгоряча – этими и другими выражениями мы обозначаем неэффективные и ошибочные поступки людей. Раздражительность, чрезмерная чувствительность, поспешность защищаться, необоснованная уверенность в первых впечатлениях и другие характеристики мы, как правило, считаем признаками дезадаптации. Уравновешенность, терпение и обоснованная уверенность считаются главными признаками адекватной адаптации. Они проявляются в эффективной задержке реакций и свободе от излишних самозащитных напряжений. Адаптированный человек не торопит и не раздувает свои реакции.

Резюме основных принципов общей семантики

Этими практическими техниками – экстенциональными приёмами, задержанной реакцией и семантической релаксацией, или оптимальным тоном – следует пользоваться, чётко понимая, что мы ими обозначаем. Мы обозначаем и реализуем ими принципы общей семантики. Чтобы иметь представление о положении этих практических техник в системе общей семантики, мы составим резюме системы с учётом того, что мы обсудили по сей момент:

РЕЗЮМЕ ОБЩЕЙ СЕМАНТИКИ

1. Общее предположение о процессуальном характере реальности и фундаментальной важности перемен и отличий

А. Основные положения

1. Не-тождественность
2. Не-всеобъемлемость
3. Само-рефлексивность языка и процессов абстрагирования

Б. В общей семантике, основанной на положениях выше, процесс абстрагирования формулируется как

1. Процесс упущения подробностей
2. Процесс, который проходит нормально от «нижних» к «верхним» уровням, и который характеризуется
3. Потенциальной непрерывностью
4. Персональностью
5. Прозективностью
6. Само-рефлексивностью
7. Многопорядковостью
8. Само-коррективностью
9. Продуктивностью результатов, поддающихся коммуникации

В. Рабочие принципы общей семантики

1. Вероятность (неопределённость)
2. Символьная реакция (условность)
  - а. *Задержанная реакция*
  - б. *Оптимальный тонус (семантическая релаксация)*

3 Экстенсионализация

- а. *Порядки абстрагирования*
- б. *Экстенциональное определение*

в. *Экстенциональные приёмы*

- (1) Индексы, даты, и т.д.
- (2) Дефисы, кавычки
- (3) Экстенциональные термины
  - (а) Множественные существительные
  - (б) Квалифицирующие термины
  - (в) Действенные и операциональные термины
  - (г) Обуславливающие термины
  - (д) Термины, выражающие осознанность проекции

(е) Расстановка акцентов (курсив)

Г. Практические приёмы и техники, выбранные для обсуждения в данной главе

1. Задержанная реакция
2. Оптимальный тонус
3. Экстенсиональные приёмы

Важность применения

Экстенсиональный индивидуум, практикующий экстенсиональные приёмы, задержанную реакцию и семантическую релаксацию, служит примером научного способа жить. Он освобождается от самозащитных напряжений, семантических блокад, осознанно абстрагирует и проецирует, учится на своих ошибках и на критике других людей, не спешит ни на кого нападать и не держит обид, не скачет к выводам и не медлит, когда стоит действовать, не фрустрирует от затруднений и не деморализуется неподвластными ему обстоятельствами. Он эффективно работает с проблемами. Он не приспособился, но он приспособливается.

Применяя экстенсиональные приёмы, оптимальный тонус и эффективную задержку реакции, мы культивируем научный подход к проблемам любого толка. Мы уже говорили и скажем ещё раз, что при таком подходе мы задаём индексированные и датированные вопросы значимые в данных условиях; проводим надёжные наблюдения, или пользуемся наблюдениями других людей, опираясь на заданные вопросы; упорядочиваем и формулируем эти наблюдения так, чтобы ответить на вопросы насколько возможно чётко и полно доступными средствами. Полученные ответы мы считаем надёжными в пределах вероятности, обоснованной наблюдениями, на которых мы их основали. Ответы следует сверять с дальнейшими наблюдениями и полагаться на них по необходимости в своих поступках.

Так, без учёта технических тонкостей, работает метод науки. Так, в своём кратком описании, проходит надлежащий процесс абстрагирования и функционирует механизм личностной адаптации. То, что мы называем дезадаптацией, начинается с туманных вопросов, когда наблюдения утрачивают значимость и надёжность, а ответы обрастают излишним числом трактовок или не подвергаются пересмотру. Дезадаптация случается в результате нарушения принципов вероятности, символьной реакции и экстенсионализации. Когда нарушение этих принципов узаконивается и продвигается авторитетом старшинства, целые общества двигаются в ложных направлениях. Прогресс в итоге оказывается сдержан, а потенциалы время-связывания участников этих обществ искажаются и подавляются.

Общая семантика и научный метод обещают избавиться от препятствий из убеждений и корыстных интересов на пути время-связующих процессов, чтобы естественные человеческие процессы абстрагирования и оценки шли непрерывно и само-корректировались. В этой практике мы преследуем цель научиться начинать завтра с того, на чём мы остановились – а не начали – вчера. Таким образом мы хотим добиться гарантии необходимых пересмотров, за счёт которых наша культура могла бы служить семантической средой, способствующей адаптации, здоровью и реализации наших творческих потенциалов.

Приведённые принципы и техники работают эффективно лишь в той мере, в которой их применяют. Тонкости применения этих принципов и техник неизбежно варьируются в зависимости от того, кто и когда их применяет. Так или иначе, применение стоит во главе угла. Иначе техники не несут пользы, а принципы остаются стерильными словами. Показателем понимания, как здесь, так и везде, служат поступки, которыми оно демонстрируется.

Превью

Принципы науки и здравомыслия и техники личностной адаптации, которые мы рассмотрели, удастся понять лучше, рассмотрев расхожие случаи и последствия их несоблюдения. Поэтому в последующих главах мы рассмотрим недопонимания и конфликты, фрустрации и неэффективности людей в затруднениях, и за счёт этого, возможно, сможем лучше научиться тому, как предотвращать и бороться с культивированной беспомощностью человека. Усвоив в некоторой мере применение принципов общей семантики, мы посмотрим на особо важные проблемы и особо значимые цели, к которым эти принципы можем применять. Большой частью мы обратим внимание на то, что происходит, когда мы их не применяем.

ЧАСТЬ IV *Изменения*

Глава~XI ЯЗЫК ДЕЗАДАПТАЦИИ

Вспомним, как в первой главе мы говорили, что у людей в затруднениях чётче других симптомов проявляются трудности в формулировании собственных проблем. Языком, которым они пользуются, работает как-то не так. Мы не слишком углублялись в подробности, потому что на тот момент мы ещё не обсудили язык, который позволил бы нам говорить о языке. Собственно этим мы занимались во всех последующих главах, и поэтому теперь мы воспользуемся этим языком, чтобы поговорить о языке дезадаптации.

Коржибски говорил, что избавившись от научной терминологии, мы потеряем и науку. Учитывая общий смысл, в котором здесь применяется слово *терминология*, мы можем подобным образом сказать, что избавившись от терминологии дезадаптации, мы её преодолеем.

Язык дезадаптации личности действительно существует. Нам приходится пользоваться определённым языком – или пользоваться языком определённым способом – когда мы волнуемся, жалуемся, ненавидим или вырабатываем и поддерживаем чувство неполноценности. Мы не сможем обсудить личность, не затронув языковое поведение, как не смогли бы без сыра приготовить сырное суфле. Ключевые термины в наших разговорах о личности тем или иным образом обозначают словесные и символные реакции на слова и символы. Когда мы говорим о взглядах, подходах, страхах, ненавистях, тревогах, конфликтах, предпочтениях, неприязнях, само-оценках, бреде, и т. д., мы, как правило, указываем – осознанно или нет – на те виды поведения, в которых язык играет значительную, если не главную, роль.

Способов говорить о языке существует много. Существует много измерений языкового поведения и много способов наблюдать язык, и дифференцировать людей с точки зрения языка. В наших текущих целях, некоторые из них мы считаем важнее других, и на них мы обратим особое внимание. Мы, скорее всего, практически не коснёмся аспектов языка, о которых пишут в учебниках по грамматике, а сфокусируемся на тех, которыми создаются отличия между смятением и эффективностью, между страданиями и энтузиазмом.

Вербальный продукт

Встречаются люди, которые говорят много; встречаются и такие, которые почти не говорят. Таким очевидным способом мы можем отличать людей в отношении их языкового поведения. Индивидуумы значительно отличаются объёмами своих высказываний, учитывая, конечно, обстоятельства, в которых они оказываются. В связи с этим, представляется очень сложным выделить объём высказанного, который удалось бы назвать нормальным. Однако если мы обратим на это внимание в контексте повседневных наблюдений, мы можем выработать более или менее обоснованное понимание рамок нормального объёма вербального продукта, и вскоре мы станем более чувствительными, по крайней мере, к тем людям, которые говорят намного больше или намного меньше, чем большинство. Именно эти, близкие к краям измеряющего континуума, индивидуумы интересуют нас больше всего.

Среди тех, кого мы уже считаем дезадаптированными, найдётся несоразмерное число болтливых и молчаливых индивидуумов, у которых наблюдаются трудности в самовыражении и в удовлетворённости этим выражением как для них самих, так и для их слушателей. Те, кто говорит быстро, почти без раздумий, напористосто и в чрезмерных объёмах, выражают едва ли больше тех, кто говорит мало, запоздало, медленно и без заметного интереса. Люди в

обеих условных категориях, по-видимому, проявляют необычное отношение к словам. Болтуны ведут себя так, будто могут понять и контролировать что угодно, если говорят об этом в нужной мере. Они, по всей видимости, не замечают, что их разговоры двигаются по кругу, вновь и вновь возвращая их к тому, с чего они начали. Молчуны и скудословцы, по-видимому, столбенеют от страха перед властью речи и её последствий.

Большие объёмы

В практических целях, мы распределим многословных индивидуумов по трём категориям относительно целей: избежать молчания, скрыть правду, отыскать достоверность.

Среди людей, с которыми мне приходилось работать, я помню одного джентльмена, проявлявшего своего рода фобию в отношении к периодам неловкого молчания, которые случаются даже в самых оживлённых и непринуждённых разговорах. В нём нарастало напряжение, и не в силах выдержать его, он выдавал какое-нибудь бессодержательное замечание, которое только прибавляло неловкости. По-видимому, он чувствовал себя виноватым в этих безмолвных паузах и понимал их как свидетельства собственного неумения вести разговоры. Под этим поведением, насколько мы можем судить, он пытался скрыть чувство неполноценности, не допуская никаких событий, которые могли бы его раскрыть.

Ещё я работал с одной удивительной женщиной, которая, казалось, могла говорить хоть весь день вообще без остановок. Я даже не мог подобраться к её случаю с экспериментом. Примечательно, определённую часть её высказываний получалось слушать вполне спокойно, примерно, как смотреть шестидневную велосипедную гонку по телевизору; первые несколько кругов проходят довольно увлекательно; к пятисотому кругу терпеть становится тяжело. Вероятно, её мотивации росли из глубоко чувства фрустрации от социальных и профессиональных взаимодействий. В своих длительных монологах, она со временем начинала удерживаться в колее излияния критики и возмущений в адрес её реальных и воображаемых противников. Свои обличения других людей она обычно выражала конфиденциальным тоном, который, по-видимому, служил ей опорой для собственной шаткой самооценки.

Некоторые люди пользуются речью не столько в положительных целях заслужить одобрение или подкрепить самооценку, сколько в отрицательных целях скрыть факты или мотивы. В лечебной практике часто приходится работать с человеком, который говорит вокруг да около, и только напустив непомерное количество пыли в глаза, доходит до высказываний, на которые врач может сказать: «Наконец-то, что-то существенное». Люди могут платить психиатру десять или пятнадцать долларов в час и тратить эти часы на то чтобы скрыть от него необходимую информацию, которую он ищет, чтобы им помочь. В психоанализе, когда в ходе лечения, говорит в основном пациент, а врач помогает ему говорить больше, такое явление как «невосприимчивость» считается неизбежной частью процедуры. Невосприимчивость, в этом смысле, проявляется в рассказах о незначительных вещах в связи с нежеланием раскрывать ключевую информацию о себе. Подобным содержимым, как правило, отличаются многие речи на выпускных церемониях; их значимость оценивается в отношении того, о чём говорящий не говорит. Мы можем также вспомнить о двух жителях штата Вермонт, один из которых испытывал проблемы со слухом. Как-то раз они стояли в толпе и слушали уличного оратора, и глуховатый пихнул второго локтем и спросил, о чём говорит оратор. Второй, послушав оратора несколько секунд, ответил: «Он не говорит».

Индивидуумы, которые прячутся за клубами вербальной пыли, делают это, потому что опасаются последствий раскрытия определённой информации. В общем смысле, они щепетильно относятся к проблемам социального статуса, возможно, потому что тщательно впитали идеалы «хорошего мальчика» или «хорошей девочки» из своих семантических окружений.

Они отчаянно пытаются произвести о себе хорошее впечатление и проявляют чувствительно относятся ко мнению окружающих. Они усвоили, что не-многословность приравнивается к незначительности, но открытость создаёт риск оказаться социально отвергнутым. Они говорят много, но с крайней осторожностью, чтобы прикрыть окна правды занавесом слов.

Другие многословные индивидуумы, по-видимому, не могут понять, чему им стоит придавать важность. Они тычутся по словесным тупикам в искренней надежде найти выход из своих замешательств. Вероятно, их мотивирует желание избавиться от недоумений и найти путь в царство вечных истин. Они судорожно пробуют ходить под одной линией рассуждений за другой, изматывая себя на вербальных беговых дорожках. Их не удовлетворяют никакие выводы, но они продолжают непоколебимо верить в силу слов и неустанно пускаются в поиски северо-западной семантической переправы в Индию Истины. Эти неутомимые охотники на Абсолют испещрили своими следами область философии, но никто из них, конечно, не тянет на звание профессионального философа. В своих поисках они иногда заглядывают в психологические клиники, чтобы провести лингвистические ремонтные работы.

Нам, конечно, не стоит позволять себе излишних обобщений. Встречаются разговорчивые индивидуумы, не испытывающие серьёзных проблем с адаптацией. Они просто ведут себя активно и общительно. Им нравится делиться своими чувствами, взглядами, опытами и информацией. Мотивацией к разговорам им в значительной степени служит искренний интерес к другим людям. Такие индивидуумы обычно демонстрируют свою адекватность двумя важными характеристиками: осознанностью того, что они разговорчивы и умением, и желанием внимательно слушать собеседников. Неприспособленность в разговорчивом индивидууме узнаётся в его навязчивости, склонности легко отвлекаться, заметном недостатке понимания того, что он говорит и почему, и незаинтересованности в своём слушателе.

Учитывая эти характеристики, мы можем сказать в общем, что эти люди говорят много, потому что испытывают в этом нужду. Они чувствуют эту нужду, потому что, несмотря на всю болтовню, их проблемы остаются нерешёнными, и в большом числе случаев, этой же болтовнёй проблемы создаются и усложняются. По этим причинам, мы можем считать излишнюю словесность относительно надёжным показателем личностной дезадаптации. Спутывающий язык многословных индивидуумов обычно выражает, в той или иной степени заметности, идеализм, фрустрацию, мстительность и активную самозащиту. Он также выражает наивную веру в слова, подобную вере в магию слов среди примитивных людей.

Малые объёмы

Немногословные люди интересуют нас не меньше, но по другим причинам. Допуская широкое обобщение и учитывая множество из него исключений, мы можем сказать, что эти люди пребывают на более серьёзных этапах деморализации. По наблюдениям за ними, может показаться, что они лучше осознают свою неполноценность, или успешнее убеждают себя в ней. В них замечается растерянность и разочарованность. Опять же, нам не стоит считать всех тихих людей дезадаптированными. Молчаливость, как всё остальное, следует рассматривать в отношениях к обстоятельствам, в которых она проявляется.

Один молодой человек, пришедший ко мне в кабинет, на вопрос о том, какие он испытывал трудности, ответил: «Ну, я не могу, в смысле, я не, я не уверен, что знаю. То есть, один профессор, один из моих профессоров, он сказал, что думал, что я, наверное... Он сказал, что подумал, что ему кажется, что мне тяжело выражать то, что я хочу сказать». Как выяснилось, в колледже он показывал успехи в спорте, но его отец относился к его способностям с презрением. Его семья – иммигранты первого поколения – жили в районе, в котором практиковали стандарт для молодых людей, что всем им следовало стать юристами, врачами, профес-

сорами или занять подобную респектабельную должность. В «прежней стране» отцы не имели доступа к таким профессиям, и поэтому они испытывали несдержанные амбиции в отношении своих сыновей. Этот молодой человек не отвечал требованиям медицинской школы, но его семья, и конкретно его отец, не позволяли ему сдаваться.

На момент, когда этот молодой человек обратился за помощью, он готовился к получению высокого разряда по физкультуре. Он ставил себе две цели. Вторым в списке приоритетов шло трудоустройство спортивным тренером, чтобы поправить свою финансовую ситуацию. Главная же цель заключалась в том чтобы включить в свою учебную программу курсы необходимые для допуска в медицинский колледж. Его отец, друзья его отца и его собственные друзья даже не допускали мысли о том, что он не станет врачом. По результатам вступительных экзаменов по чтению и языку удалось без сомнений рассудить, что ему не имело смысла даже пытаться. Его направили к врачу, потому что он заваливал все свои курсы.

Этот индивидуум проявлял не просто дефицит словарного запаса, ограниченные способности к чтению или какие-либо другие трудности с языком. Он проявлял растерянность в целом. Говоря привычными терминами, уровень его интеллекта оценивался ниже среднего, как и его словарный запас; тем не менее, встречается много индивидуумов с подобными характеристиками, которые проявляют разговорчивость. Проблема молодого человека, по-видимому, состояла в том, что он так долго пытался говорить «за пределами своего понимания» и достичь уровней, для которых у него не хватало ни слов, ни знаний, что он замкнулся в своей «неспособности самовыражаться». Он потерпел такое количество неудач, что ему начало казаться, что даже в самых простых высказываниях крылось что-то таинственно сложное. Казалось, он совсем потерял уверенность в своих языковых способностях. Слова, которые приходилось произносить, читать или слушать, приводили его, можно сказать, к параличу. Он, по-видимому, страдал от какого-то невро-лингвистического ступора. Когда подходила возможность или необходимость говорить, он проявлял апатию и упадок духа.

Существуют и другие причины излишней молчаливости. Некоторые индивидуумы, поглощённые чувством неполноценности и вины, по-видимому, проецируют свои самооценки на других людей, и воспринимают как данное то, что другие люди считают их недостойными. Им кажется, что их не принимают. В некоторых случаях они неподдельно себя стыдятся. Они считают, что если что-то скажут, их слушатели испытают стыд за них и от них, и начнут отвергать их ещё сильнее. С врачами такие индивидуумы делятся случаями из детства о насмешках, критике и даже о наказаниях за выражение своих взглядов. Они нарабатывали убеждения в том, что сказанное ими считается неважным, неинтересным, неразумным, неумелым или неуместным. Это привело к невро-лингвистическим страхам, смущению и нежеланию действовать. Эти процессы, в свою очередь, привели к укоренению того самого чувства неполноценности, с которого началась их склонность избегать контактов с людьми.

В других случаях, такая сдержанность может возникать из-за скрытой враждебности по отношению к матери, отцу или другому человеку, близко связанному с данным индивидуумом. Нередко такой враждебностью реагируют также на сексуальную фрустрацию. В нашей культуре часто встречаются семьи и сообщества, в которых практикуют и насильно прививают беспощадно строгие моральные кодексы. В отсутствие разрешений и чётко указанных условий и способов управления порывами и стимулами, которые приходится сдерживать с трудом, дети могут реагировать ненавистью к родителям и другим людям, вынуждающим их испытывать фрустрации. Между тем, в культуре, в условиях которой формируются эти реакции, эти же реакции осуждаются. Родители учат детей любить их и чтить семью, угрожая им болезненным наказанием. В результате формируются глубокие конфликты, от которых некоторые индивидуумы утрачивают дар речи, что, по всей видимости, служит им методом

самозащиты – то, что мы не сказали, не получится нам предъявить. Эта самозащита, однако, редко реализуется осознанно. Индивидуум, как правило, осознаёт только то, что вербально выразаться приходится с трудом и неприятными ощущениями.

Стоит обратить внимание на ещё один, интересный с точки зрения общей семантики, случай. В университетах кандидаты в докторов философии обычно сдают устный экзамен при комитете из членов факультета. Понаблюдав за языковым поведением некоторых кандидатов во время этих экзаменов, удастся обнаружить много необычного и удивительного. Одно из проявлений такого поведения интересует нас особенно. Его приходилось наблюдать у многих студентов, которых я знал, но особенно заметно продемонстрировал его один студент, который за два часа экзамена отвечал на все вопросы с крайней осторожностью, тщательно подбирая слова. Он мне напомнил об одном клиническом случае, когда человек в течение нескольких часов составлял письмо своим родителям, перечитывая его по сотне раз, будто в сдержанном отчаянии. Как этого пациента, так и кандидата на экзамене, мы можем назвать языковыми перфекционистами. Такие люди вкладывают огромные усилия в свои высказывания из-за убеждённости в том, что на каждый вопрос допускается один и только один правильный ответ, и что на каждое обстоятельство следует давать один и только один подходящий комментарий, и поэтому их повсеместная проблема состоит в том, чтобы подыскать в точности правильные слова. Такое отношение мы можем считать случаем, когда ориентирование по Аристотелю заходит слишком далеко. Абсолютизмы, отождествления, двузначные языковые структуры, которые доводятся в этих случаях до крайностей, приводят к явно патологическому языковому поведению. При таком поведении особенно заметно проявляются излишние промедления, сомнения, осторожность в разговоре или письме, и почти маниакальный видимый или скрытый пересмотр.

Напоминание работникам образования

Стоит отдельно отметить, что несмотря на то, что мы легко можем признать, что люди которые говорят очень мало, вероятно, испытывают некоторые проблемы с адаптацией, мы не относимся к умению хорошо говорить как к в не меньшей степени значимому. Более того, большинство людей, скорее всего, сойдутся в том, что сочтут устойчивую и размеренную речь признаком развитых способностей и интеллекта. Ценность, которую в нашей культуре приписывают «подвешенному языку», заставляет многих людей вкладывать значительные усилия в овладение навыками непринуждённого разговора. Эта общепринятая ценность также объясняет склонность других людей терять уверенность в своих способностях говорить приемлемо и чаще отдавать предпочтение молчанию. В наших школах и университетах способность говорить где угодно на любую тему в течении любого необходимого времени обычно представляют как желательную. При этом, вероятно, любой учитель встречал многих студентов, вербальный инструментарий которых пребывал в патологическом или почти патологическом состоянии. Возможно, работникам образования следует рассмотреть эту проблему. В этой связи, стоит отметить, что один из наиболее заметных эффектов, который производят изучение и практика общей семантики, наблюдается в тенденциях задерживать вербальные реакции, говорить меньше, размереннее, с меньшим волнением и большей точностью, и следовательно, с большей уверенностью и эффективностью.

Невро-лингвистическая ригидность

Вербальный продукт выступает не единственным аспектом языкового поведения, который отражает и способствует развитию личностной дезадаптации. Другой достойный обсуждения аспект мы назовём *ригидностью*. Этим понятием мы охватываем диапазон и вариативность тем, на которые мы говорим – ригидность *содержимого*; монотонность в отдельных пред-

ложениях, стиле, употреблении слов, манере, и т. д. – *формальная* ригидность; и настойчивость в вербальном выражении убеждений, взглядов, и т. д. – *оценочная* ригидность.

При контролируемых условиях и достаточных усилиях эти фазы языкового поведения удаётся измерить в лаборатории; я провёл несколько исследований такого рода и привёл обсуждение их определённых аспектов в Приложении. На данный момент хватит сказать, что дальнейшие высказывания мы основываем на том, что удалось обнаружить в ходе этих исследований. Для пользы в повседневной жизни в сложных исследованиях языкового поведения строгой необходимости не возникает; хватает некоторых значимых наблюдений в школе, клинике, на работе, дома и, в целом, в жизненных ситуациях. Мы можем проводить наблюдения, покуда знаем, что искать и на что обращать внимание. Ригидность выступает одним из аспектов языкового поведения, заслуживающим тщательных наблюдений.

Ригидность содержимого

Чаще всего ригидность содержимого встречается в форме болтовни о своём. Врач говорит об операциях, банкир сводит разговор к деньгам, домохозяйка в мельчайших подробностях объясняет лучшие способы стирать постельное бельё, мыть эмалированную посуду и консервировать помидоры – все эти люди проявляют ригидность содержимого в языковом поведении. Когда хозяйка готовится к приёму гостей, она нередко говорит что-то наподобие: «Смитов приглашать не стоит. Муж опять всех замучает своими разговорами о проблемах с Конгрессом». Если вы ловите себя на том, что заводите одну пластинку снова и снова, об этом стоит задуматься в контексте личностной адаптации. К теме разговора, в отличие от петухов по утрам, не получается легко привыкнуть, когда к ней возвращаются раз за разом.

Ригидность содержимого происходит как своего рода сужение семантических каналов, сравнимое, например, со сведением диеты к мясу с картофелем. Проблема при этом состоит не в том, что мясо и картофель вредят здоровью, а в том, что регулярно насыщаясь только ими, мы упускаем другие продукты, которыми могли бы полезно разнообразить и сбалансировать диету. Говоря только о деньгах, мы страдаем от «семантического недоедания». Разговоры о деньгах не вредят, но если не говорить больше ни о чём другом, мы лишаем себя ресурсов для адекватных заключений об общих жизненных делах. Иногда мы говорим, что каждый говорит о том, что знает; к этому стоит добавить, что каждый узнаёт больше о том, о чём говорит. Поэтому человек, проявляющий ригидность содержимого, функционирует с ограниченными знаниями и в результате легко допускает ошибки в своих оценках.

Люди, проявляющие ригидность содержимого, как правило, не умеют хорошо слушать. Как только разговор уходит от их излюбленной темы, им становится скучно, и они прекращают слушать или пытаются вернуть разговор к обсуждению вещей из области своих интересов. В обоих случаях они избегают возможности узнать что-то новое. Такое языковое поведение в разной степени проявления наблюдается почти у всех людей среднего или старше среднего возраста, и мы вполне можем считать это одной из самых серьёзных проблем в нашей культуре, потому что, как правило, люди этих возрастных категорий занимают у нас руководящие посты. В нашем обществе не ригидные пожилые люди встречаются необычайно редко. Человек, который в свои шестьдесят принимается изучать новый предмет, заслуживает появиться в заголовках газет не меньше общеизвестного человека, укусившего собаку.¹

Наиболее серьёзный аспект ригидности содержимого заключается в том, что она служит препятствием должной готовности к ситуациям. Индивидуум, не обращая внимания на то, что происходит вокруг него, без разбора вываливает содержимое его личного мира слов. Такие

1. англ. man bites dog – «человек кусает собаку» – выражение, обозначающее случай, о котором написали бы в газетах, в сопоставление случаю, когда собака укусила человека, о котором в газетах писать бы не стали.

люди на потрясающе красивом закате в присутствии красивой женщины, или даже во время военных действий, могут продолжать обсуждать преимущества баночного пива в сравнении с бутилированным или достоинства и недостатки своих любимых футбольных команд. Знания таких людей обычно находят своё применение в решении кроссвордов. Один испанский художник как-то раз написал в своём дневнике: «Одиннадцать из четырнадцати детей подхватили коклюш. Я сегодня закончил два портрета во весь рост». Так держать. Безразличие к окружающим событиям в таких случаях походит на отрешённость от реальности среди пациентов, страдающих шизофренией. Их «мысли» крутятся вокруг чего-то одного, а речь характеризуется мономаниакальностью. Широкий круг интересов говорит не просто о «культурности» или образованности, но и о здоровье. Тем временем, самых выдающихся вербальных специалистов в мире мы находим в психиатрических больницах.

Любители болтать о своём обычно не становятся хорошими компаньонами, с которыми удалось бы построить глубокие близкие отношения, из-за слишком сильной склонности захламлять до непроглядности свою невро-семантическую среду предметами своих малочисленных узконаправленных интересов. Из-за этого у них не получается находить время искренне беспокоиться о личных интересах и точках зрения других людей. Если они и демонстрируют понимание, то оно проявляется сиюминутно, больше формой, нежели содержанием. Они могут вести себя «подобающе», например, на похоронах или свадьбе, но стоя, склонив голову, они, скорее всего, гоняют вокруг неё всё те же привычные мысли. Таким индивидуумам быстро наскучивают разговоры о личных печалях или пристрастиях других людей. Их внимание легко рассеивается даже тем, что они читают или слушают на публичных речах, если оно не укладывается удобно в их собственные вербальные сценарии. Даже если они что-то читают, то, как правило, ограничивают себя только несколькими авторами, сферами интересов или видами книг и журналов. Я как-то работал с пациентом, который прочёл одну книгу двадцать семь раз. Настолько вербально запертые люди едва ли годятся в хорошие мужья или жёны, и вряд ли могут стать толковыми родителями или друзьями. Поэтому они обычно уговариваются в одинокие и в общем дезадаптированные жизни.

Формальная ригидность

Ригидность содержимого обычно, но не всегда, состоит в связи с формальной ригидностью. Примеры наблюдаются в людях, речь которых изобилует устойчивыми выражениями. Среди них мы можем выделить уважаемых матерей, которые характеризуют практически всё фразой «просто прелесть», а также индивидуумов сыплющих ругательствами и сленгом. Хорошим примером служит девушка, которая – согласно широко известной истории – работала секретарём у профессора Эйнштейна. Её речь раздражала выдающегося физика, который, не в силах терпеть, сказал ей: «Мисс Блэнк, я бы хотел вас попросить, чтобы вы впредь воздержались от двух слов, которые часто употребляете. Первое слово *паршиво*, а второе *шикарно*». «Нет проблем, профессор», ответили она. «Скажите, какие».

Хорошие демонстрации подобного языка встречаются в газетах и радио программах, в которых обсуждаются музыкальные концерты. Особенно занимательный пример нашёлся в журнале *The New Yorker* (20 марта, 1943, с. 51):²

Новое представление уже знакомой симфонии Сибелиуса оказалось весьма захватывающим и стоящим потраченного на него времени. . . .

Композиция впечатляет как никогда сильно в своей свежести и оригинальности; знакомые аккорды звучат по-новому. Новая концепция инструментальной игры красок, навевающая Северную природу и, более всего, дух величия и героизма. . . . И, эти вели-

2. Разрешение дано, *The New Yorker*. Авторские права, 1945, The F-R Publishing Corporation.

чие, пафос и героический дух общаются друг с другом вне сдержанной фальши и при-творства, бессильных и пустых, подобно композициям наших дней, коих найдётся в изобилии.

— Олин Даунс от *The Times*, 15 февраля.

Даже самое умелое исполнение Второй Симфонии Сибелиуса едва ли сгладит антипатию к такой откровенно анти-музыкальной работе. Искусность интерпретации во вчерашнем исполнении лишь подчеркнула её претенциозную концепцию и академическую манеру, в которой композитор воплотил эту концепцию. Получать удовольствие от прослушивания, например, второй части, удастся только если воспринимать её в качестве аккомпанемента к какому-нибудь вестерну, но сама по себе она вызывает чувство ужаса.

— Пол Бауэлс от *Herald Tribune*, 15 февраля.

Комментарии не требуются.

Мы можем также показать формальную ригидность на примере истории об одной уважаемой в своём сообществе женщине. Она часто занимала почётное место на званых вечерах, и люди говорили, что, приветствуя гостей, она, независимо от сказанного гостем, неизменно, как заевшая пластинка, отвечала: «Какая прелесть!» Как-то раз одна из уважаемых матерей помоложе и пониже статусом решила проверить этот слух. Она подошла к этой светской львице, приветливо улыбнулась и сказала: «Я сегодня мужу скормила мышьяк», на что та с театральной интонацией ответила: «Ой, какая прелесть!»

Вербальные привычки особенно легко замечаются в церемониях, ритуалах и в большинстве вежливых разговоров. Церемонии и т. д. не всегда несут высокие время-связующие ценности; чаще — наоборот. Чем больше церемоний и ритуалов практикуют в разных сферах культуры, тем ригиднее становится её структура, и тем меньше в ней найдётся того, что способствовало бы переменам в традициях и убеждениях. По мере того как индивидуум проникается ригидностью структуры своей культуры, иными словами, по мере того как он укореняет её традиции в своём поведении, его язык начинает состоять из менее гибких вербальных паттернов. Такие «закостенелости» в языке указывают на семантические блокады, которые препятствуют развитию навыков пересматривать взгляды и улучшать методы.

Хуже случается, когда индивидуумы, языковые паттерны которых «костенеют», занимают руководящие позиции в общественных институтах своей культуры (судах, правительственных службах, школах, церквях, крупных предприятиях, и т. д.), потому что они начинают способствовать ригидности культурной структуры. Мы видим это в тенденциях преобладания консервативных мужчин и женщин в старых, устоявшихся обществах, которые начинают менять свои политики и процедуры только в усугубившихся условиях и при возникшей потребности в самосохранении. Общества, которые слишком сильно завязли в традициях, чтобы осуществить эти перемены, как правило, распадаются. Подобное мы можем сказать и об индивидуумах; когда их языковые привычки до такой степени утрачивают гибкость, что эффективная оценка изменившихся и изменяющихся обстоятельств становится невозможной, они постепенно начинают проявлять признаки нервных и «умственных» расстройств. Когда «карта» более не согласуется с «территорией», и её при этом не пересматривают и не обновляют, это ведёт к неизбежной относительной дезориентации.

Именно в этой связи сленг, ругательства и клишированные выражения становятся важными. Сленг видится нежелательным, не просто потому что языковые формалисты считают его оскорбительным. Формалисты, которые неизменно противятся переменам в узусе, демонстрируют более слабое семантическое здоровье, чем те, кто пользуется сленгом и другими нетрадиционными конструкциями, когда они способствуют эффективности коммуникации. Нежелательным представляется сленг, который стал привычным и более не служит чёткости

и целесообразности выражения – «однодневный» сленг. Он видится таковым, потому что представляет собой слова без цели – карты, составленные из каракулей. Стоит вспомнить, что сленг, ругательства и устойчивые выражения любого вида pochodят на другие слова тем, что у них, самих по себе, отсутствует значение – значение слова не содержится в слове, а присваивается человеком. Коммуникативная ценность слова, сленгового или иного, зависит от контекста, в котором его употребляют, – контекста в широком смысле – вербального, ситуационного, культурного. Подобно тому, насколько нерелевантные и бессмысленные точки мы можем наносить на карту, когда мы не видим ясно их отношение к остальной карте, слова тоже могут работать неэффективно и вызывать путаницу, когда они не подходят контекстам, в которых их употребляют. Сленг, ругательства и клише часто употребляют без учёта контекста, просто потому что они представляют относительно статичные вербальные привычки. Любые привычки обычно проявляются без видимой связи с обстоятельствами, в которых они проявляются. Именно поэтому мы считаем, что такие привычки свидетельствуют о дезадаптации и способствуют ей. Реакции, включая вербальные реакции, служат адаптации, покуда мы ориентируем их согласно условиям для их проявления, иными словами, покуда мы проводим адекватную оценку условий, в которых реагируем.

Следовательно, мы можем сравнить формальную ригидность с приобретёнными реакциями или условными рефлексам. Она проявляется в сильно схожих реакциях на значительно разные ситуации. Мы можем назвать её вербальным выражением отождествления. В мире процессов она служит свидетельством и инструментом неадекватной оценки.

В научных исследованиях, упомянутых выше и приведённых в Приложении, удалось выявить, что формальная ригидность проявляется сильнее в языке маленьких детей, в сопоставлениях с детьми старше и молодыми взрослыми; сильнее в языке детей с низкими результатами по тестам на уровень интеллекта, чем у детей с высокими результатами; и сильнее в языке людей, страдающих шизофренией, чем у студентов начальных курсов, у которых не выявили никаких «умственных» отклонений. В этих исследованиях ригидность измерялась с точки зрения разнообразия или гибкости словарного запаса. Я назвал меру типом-знаковым соотношением (ТЗС) – соотношением разных слов (типов) с общим числом слов (знаков). Например, если в сочинении из ста слов, индивидуум употребил пятьдесят семь разных слов, его ТЗС составит .57. В ходе исследований я разработал и применил разные формы ТЗС и другие показатели, позволяющие создать некоторое представление о вербальной, и в частности *формальной* ригидности индивидуума. Как только мы оценим семантическую значимость такой ригидности, ТЗС и прочие связанные меры станут яснее.

Однако если говорить о наблюдениях в повседневной жизни, такие точные измерения провести не получится и не потребуется. Относительно эффективно формальную ригидность мы можем научиться распознавать как в своём языке, так и в языке других людей, не прибегая к методам технических исследований. С этой точки зрения вы можете оценить всяческую литературную макулатуру, журналы для домохозяек и другие публикации из газетных киосков, а также мыльные оперы, которые транслируют по радио. В таких историях авторам, как правило, не удаётся адекватно представить ни мир общего опыта, ни собственные индивидуальные оценки этого мира. В лёгком чтении вербальная ригидность предстаёт во всех своих формах: формальной, оценочной и в форме содержимого. Сюжеты, персонажи, действие, ситуации и «мораль» имеют свои стандарты, как и язык, которым их написали. Благодаря этому, персонажей представляют не как индивидуумов, а как *типы*, среди которых мы легко узнаём уличного вора, детектива, бедную молодую работницу, сына большого начальника, и т. д. Такие истории формируют своего рода традиционную и вымышленную карту опыта, и если попытаться жить по этой карте, на реальном опыте придётся испытывать сплошь шок и разочарования, что случается со многими, кто принимает «реальные истории»

за реальные истории. Литературная ценность раскрывается не в гостиной за чаем, а в практической способности отличить надёжную вербальную карту от липовой.

Оценочная ригидность

Оценочная ригидность состоит в тесной связи с двумя другими формами. Чаще всего она наблюдается у хронических пессимистов и неисправимых оптимистов. Множество персонажей Неда Спаркса служат примерами одной крайности таких семантических особенностей, а для примера другой крайности оценочной ригидности подходит Мэр, в радио спектакле сыгранный Лайонелом Бэрримором, который говорит: «Да, будет тебе! Всё закончится хорошо. Всё всегда хорошо заканчивается». Мы можем также привести в пример истории, в которых «добро» всегда побеждает, а за «грехи» всегда расплачиваются. Один пожилой джентльмен как-то сказал мне: «Танцы – это не только зло, но и тяжкий грех». Он на этом не остановился, и продолжал в том же ключе ещё долго. Некоторые индивидуумы считают, что мир всегда катится непонятно куда, что молодёжь – безнравственна и слаба, а цивилизация – обречена. Для других, однако, вот-вот настанет период процветания, голубка мира всегда несёт яйца с двойным желтком, и из всех возможных миров, этот – самый лучший.

Такие индивидуумы, конечно, предаются неосознанной проекции, не зная в этом никакой меры. То, что они выражают в качестве оценок реальности, на деле представляет собой проекции их собственных кислых желудков и уставших щитовидок. Картографы в бреду, пророки тысячелетия в никуда. По привычке отождествляя заключения с описаниями и описания с фактами, они применяют язык крайне безответственно. Люди, которых мы называем сентименталистами или романтиками, страдают оценочной ригидностью; они никогда до конца не усваивают, как отличить Санта Клауса, аиста и Матушку Гусыню от реальностей взрослой жизни. Они роняют слёзы над фильмами, отождествляя голливудские свет и тени с событиями чьих-то жизней и падают в обмороки от вида раненых котят, проецируя свои стереотипные оценки на электро-коллоидные явления перед своими глазами.

Оценочная ригидность встречается очень широко в нашей культуре. Огромное количество наших высказываний, которые, как мы предполагаем, мы делаем в отношении реальности снаружи нашей кожи, на деле ссылаются на события внутри нас. Мы вырабатываем оценочные привычки, способствующие статичности наших отношений к вещам, о чём свидетельствует относительная статичность вербальных форм, которыми мы говорим о мире. Понаблюдав за некоторыми индивидуумами, о них может сложиться впечатление, что они попросту не могут описать хоть что-нибудь относительно прямо и точно. Даже самые обыденные разговоры они сводят к морализаторству, напоминая самим себе и всем, кто слышит, о плохом, о хорошем, от осенних закатов до кильки в банке. Они утрачивают семантическую зоркость; их обзор загораживает пелена из слов, и они больше не видят то, на что смотрят. Впоследствии они живут в мире видений, семантических иллюзий, вербальных миражей, в стране вечного детства, где существуют Добро и Зло, Правильно и Неправильно, Любовь и Отвращение. Фильтры отождествлений сделали их семантически близорукими, и очки в этом случае подыскать не получится. Стоит отметить, что учитывая наши знания о дефектах зрения, мы всегда предполагаем, что видим только глазами, в то время как наиболее серьёзные из этих дефектов стоит рассматривать, принимая во внимание, что мы видим предположениями, убеждениями и подходами. Мы видим сквозь вербальные фильтры.

Дезадаптация проявляется в нашей склонности осуществлять и выражать сильно схожие оценки по отношению к существенно разным ситуациям. Чтобы увидеть это яснее, стоит обратить внимание на то, что я называю *оценочным именованием*. Этим термином я хочу подчеркнуть нашу общую склонность оценивать индивидуумов и ситуации, опираясь на на-

звания, которые мы к ним применяем. Иными словами, то, как мы что-то классифицируем, в значительной мере определяет то, как мы на это реагируем. Мы в основном классифицируем с помощью именования. Назвав что-то каким-либо словом, мы становимся склонны оценивать это и реагировать на это, опираясь на слово, которым мы это назвали. В своей культуре мы учимся оценивать названия, или ярлыки, или слова почти независимо от реальностей, к которым могли бы их применить. Более общим языком, мы можем сказать, что уровни абстрагирования потенциально – и часто действительно – происходят независимо.

Склонность оценивать названия как названия – реагировать на отдельно взятые слова – проявляет практически каждый человек *в нашей культуре*. Психологи разработали способ это продемонстрировать с помощью психогальванометра, которым измеряется электрический потенциал кожи. Данные показаний этого инструмента позволили выявить, что даже у так называемых образованных людей потенциал кожи изменяется в ответ на услышанные или прочитанные слова, такие как *мать, кровь, любовь, синий*, и т. д. Изменения потенциала кожи, как реакция на такие слова, указывает на реакцию всего организма на слова.

Благодаря этой демонстрации удалось выявить, что реакции на слово, будто оно есть объект – отождествления уровней абстракции – происходят почти универсально в нашей культуре. Психологи говорят о ней как о «норме» и даже составили таблицы, в которых распределили показатели нормальных реакций организма на определённые слова. Такая оценка слов как слов – звуков или чернильных отметин на бумаге – с экстенциональной точки зрения видится патологической. Например в ответ на *мать*, экстенционально-ориентированный человек отреагировал бы примерно так: «Мать? Какая мать? Мать₁, мать₂, мать₃, и т. д.? О ком вы говорите? Что этот человек делает, с кем, в каких условиях, по каким причинам, с какими последствиями?» Слово *мать* как таковое вне какого-либо контекста едва ли представляет собой что-то большее, чем набор линий. Изменение электрического потенциала кожи как реакция на этот набор линий видится странным. Тем не менее, мы демонстрируем устойчивую склонность не только оценивать отдельно взятые слова, но и реагировать схожими отождествлениями на другие символы, такие как фотографии, флаги, узоры, и т. д.

Приведём историю об одном британском колониальном правителе в Африке, у которого не получалось эффективно контролировать местных жителей. Однажды к нему приехал друг, который, оценив ситуацию, запросил с согласия правителя большую партию портретов королевы Виктории и попросил развесить их на стенах лачуг местных жителей. После этого проблемы как рукой сняло; местные жители стали покорнее. Удивлённый этим, правитель спросил своего друга: «Почему местные реагируют так на портрет королевы Виктории?» Его друг ответил: «Для них, это не портрет королевы Виктории, а сама королева Виктория».

Возможно, конечно, что так случается только с очень примитивными людьми. Мы считаем себя слишком цивилизованными, чтобы так поступать. В свете этого стоит обратить внимание на некоторые примеры нашего поведения. В нашей культуре психолог поделился исследованием, в котором он приглашал поучаствовать студентов колледжа. Он выдал каждому нож для колки льда и пачку фотографий с лицами людей. Затем он дал указание выколоть глаза лицам на фото. Студенты следовали указанию до тех пор, пока не доходили до определённой фотографии. В каждую пачку психолог добавил фотографию матери студента, и ни один из них не согласился выкалывать глаза на фотографии собственной матери. Они оценили светочувствительные эмульсии, свет и тени, изображённые на бумажной подложке почти таким же образом, каким они бы оценили своих настоящих матерей. Подобно случаю с портретами королевы в Африке, фотографии матерей студентов были их матерями.

Ещё один весьма любопытный пример принесла одна из моих студенток, миссис Наоми Бёруик. Она получила задание исследовать определённый аспект оценочного поведения лю-

дей, страдающих заиканием. Сначала она спросила каждого из нескольких субъектов сказать ей имя человека, с кем, как они считали, им пришлось бы сложнее всего разговаривать. Затем она попросила каждого субъекта пять раз подряд прочесть вслух отрывок текста, в ходе чего она отмечала каждое слово, на котором случалось заикание. Мы уже знаем, что когда заикающиеся люди несколько раз прочитывают вслух один отрывок текста, с каждым последующим прочтением они заикаются меньше и меньше; то же произошло и с субъектами миссис Бёруик – количество случаев заикания уменьшалось после каждого прочтения. Отметив это, она перешла к главной части исследования.

Не сообщая субъектам, она нашла фотографии людей, с кем, как они сказали, им пришлось бы сложно говорить. После пятого прочтения она клала фотографию их «нежелательного» слушателя перед ними и просила прочесть отрывок в шестой раз и обращаться при этом к фотографии. Количество заиканий заметно возрастало и доходило почти до уровня первого прочтения. В этом случае мы видим отчётливое и значительное изменение в поведении в ответ на фотографию. Для субъектов, как для африканцев и студентов, фотография человека стала самым человеком. Невро-семантически фотография, или символ, человека отождествилась с реальным человеком, которого они лишь представляли.

Вероятно, любой человек смог бы добавить много примеров подобных отождествлений из своего опыта и наблюдений. Если вы ещё сомневаетесь, попробуйте назвать десять следующих людей, с которыми встретитесь, известными словами, запрещёнными к печати в этой книге. Это тоже служит свидетельством общей тенденции в нашей культуре отождествлять слова с тем, на что мы ими ссылаемся. Каждый разумный взрослый человек в нашем обществе знает о силе влияния словесных табу. Мы оцениваем слова или ярлыки, будто их реальность не отличается от реальности того, что ими предположительно обозначают.

Многие дети практически неизбежно получают ярлыки «заики», «тугодума», «лентяя», «тупицы» или «хулигана». Однажды ко мне на приём пришла девушка с жалобами на неуклюжесть. Её рукам настолько не хватало ловкости, что вполне удалось бы допустить частичный паралич. Она писала неразборчивым почерком, вещи часто падали из её рук, она, по-видимому, не могла танцевать, и даже ходила, пошатываясь, будто не могла твёрдо стоять на ногах. Люди удивлялись тому, как она умудрялась поддерживать вертикальное положение тела. Свой недостаток моторной координации она, по всем признакам, не симулировала. Через некоторое время выяснилось, что за два года до поступления в университет, учась в одной престижной школе для девочек, она там прославилась как умелый наездник. Представляется сложным сдержать сомнения в том, что такой неуклюжий человек может искусно и умело ездить на лошади. После более подробных и конкретных расспросов об истории её жизни, выяснилось, что в возрасте четырёх лет, за ней закрепился ярлык «неуклюжая». Вся семья её так называла, включая дальних родственников, даже в разговорах между собой. Она приняла этот ярлык, и сама себе говорила, что она [есть] «неуклюжая». Но, ей нравились лошади, и умелая езда на них выдавала, что «неуклюжей» она не была.

К проблеме пришлось подойти с учётом оценочного именования как определяющего фактора. Я в простой форме объяснил ей релевантные принципы общей семантики, в рамках которых мы разобрали её само-оценивание. После этого, стало возможным внести изменения в её поведение. В течение примерно двух месяцев она смогла танцевать, умело играть в теннис, а проблемы в её моторике прекратились. Она перестала вести себя неуклюже; в общем физическом смысле, она никогда так себя не вела. Я счёл удивительным, что на протяжении почти двадцати лет до этого она оставалась семантогенным инвалидом.

Языковое поведение родителей девушки – и впоследствии её поведение – проявлялось следствием склонности оценивать ярлыки, будто они есть реальность. Эту склонность мы и

называем оценочной ригидностью. Мы считаем её одной из форм семантического заболевания, которое встречается очень часто, но едва ли когда-либо распознаётся таковым в нашем обществе. Мы можем без преувеличений сказать, что оценочная ригидность обрекает на тщетность наши попытки разобраться с дезадаптациями индивидуумов. Это происходит из-за традиции в практике психологов и психиатров по-всякому их именовать. Они берут какие-то поступки индивидуумов и лепят на них ярлыки статичных состояний: *шизофрения, истерия, проблемы с дисциплиной или естественно психопатическая личность*. С семантической точки зрения, такого рода именования не помогают решить проблему, и скорее усложняют поиск решений. Если кому-то и удаётся помочь, когда его уже обклеили такого рода брендами, это удаётся сделать вопреки нашим неосознанным попыткам самим себе помешать. У вас прибавится уверенности, если вас назвать «естественно психопатической личностью»? Это скорее удастся сравнить с якорем в лицо утопающему вместо спасательного круга. Не стоит, однако, недооценивать диагноз. Он нам требуется, чтобы успешно проводить терапию и видится слишком важным, чтобы счесть его неэффективным, или даже губительным, учитывая пренебрежения к семантическим факторам при его постановке.

Проблема с диагнозами в медицине, психиатрии, психологии и в повседневных ситуациях выглядит как семантическое болото, к изучению которого мы едва приступили. Мы с привычной небрежностью разделяем людей на козлов и баранов, не задумываясь, что если мы назовём человека козлом, назовём его так официально и настойчиво продолжим его так называть, он со временем станет козлом как для себя, так и для нас. Роза, названная по-другому, может пахнуть иначе. Людей получается довести до тяжёлого состояния с помощью символов. Их удаётся довести до катастрофически разрушительного поведения словами, особенно когда этими словами они ссылаются на то, что их серьёзно волнует, и на то, от чего, как они считают, зависит их самооценка. Найдётся немало случаев, в которых диагностические наименования могут как пагубно сказаться на состоянии пациентов, так и прояснить – или запутать – случай для врача. Именно об этом мы говорим, когда призываем врачей лечить не только болезни, но и пациентов. Покуда диагноз служит примером оценочной ригидности, и способствует её дальнейшим проявлениям у того, кто применяет диагностический ярлык и у того, к кому его применяют, он усугубляет процессы, которые этим диагнозом именуются.

Пятая свобода³

Пере- и недо-вербализация, и ригидность в языковом поведении, не только служат признаками дезадаптации, но и способствуют её развитию. Язык людей в затруднениях представляет собой то, из чего их затруднения складываются. Наука человеческого поведения пребывает на этапе, сравнимом с этапом в истории медицины, когда врачи ещё не знали о бактериях и антисептических мерах. Мы пока знаем очень мало о «вербальных бактериях», и нам предстоит научиться доступным методам стерилизации наших семантических тампонов и скальпелей. Сегодня мы требуем такой свободы слова, которая представляет куда большую опасность для здоровья, чем в своё время представляли общественные стаканы для питья. Названия и имена, которые мы присваиваем друг другу и то, как мы их оцениваем, ведут к страху и ненависти, бедности и преступности, расовой и классовой дискриминации и другим понятиям из справочника по человеческой глупости.

Надежда, однако, остаётся. Мы можем научиться применять лингвистическое обеззараживание и семантическую гигиену. С чумой неадекватной оценки удастся справиться, как в своё время удалось справиться с эпидемиями чумы благодаря открытию микробов. Научно-ориентированная цивилизация представляется возможной; и идти до неё придётся не так да-

3. «Пятая свобода» – выражение из речи Франклина Рузвельта «О положении в стране» 1941 года; часто используется для обозначения условной свободы, необходимой для реализации первых четырёх

леко как кажется. Становление такой цивилизации зависит от формирования научного отношения к языку – осознанности абстрагирования, которая работает подобно антисептикам и антитоксинам. Применяя научное отношение к языку и символам, мы обретаем пятую свободу, которая делает другие свободы возможными – мы получаем свободу от путаницы.

Глава~XII ЯЗЫК КАК ТЕХНИКА

Человека называют говорящим животным, но именно тем, что человек говорит, он отличается от животного. Животные испытывают свои проблемы и трагедии, но только человек, по-видимому, может наговорить себе проблем, которых иначе не существовало бы. Развив в себе сложную кору мозга, человек не только стал прямоходящим, чем создал себе проблемы с грыжей и несварением, – проблемы, которые женщины усложнили себе высокими каблуками – но и научился умело создавать проблемы из воздуха. Мы совершили значительный скачок от обезьян до современной цивилизации, но нам ещё предстоит идти.

По всей видимости, мы пока ещё не совсем осознали себя классом жизни, умеющим пользоваться символами. Мы всё ещё воспринимаем наш язык как данное и не понимаем как то, как мы говорим, может влиять на то, как мы живём. В такой идее явно подразумевается, что наш язык следует менять; и, из-за того, что мы относительно плохо осознаём наш язык, и мало знаем о его структуре, мы предрасполагаем себя считать, что язык поменять не получится. В целом мы относимся к своему языку, будто иных языков не существует, и считаем человека, который предлагает что-то с ним делать, чудачком или психом. И кстати, это [есть] *наш* язык. Он [есть] часть нас самих; и, если кто-то критикует его, он критикует нас, а нам это не нравится. Один мой университетский преподаватель как-то на полном серьёзе заявил: «Если кто-то сомневается в моих идеях, я защищаю их так, будто мне хотят отрезать руку».

К тому же, многим из нас кажется, что нашим языком следует дорожить и с бережью передавать его нашим детям. Большинство родителей, не задумываясь и не сомневаясь, рассказывают своим детям те же сказки и стишки, которые разучили сами ещё детьми. Мы заботливо сохраняем труды Шекспира, сказки Матушки Гусыни, Библию, произведения Данте, Шелли, Теннисона, Лонгфелло и др., и называем их нашим литературным наследием. Вопрос о том, стоит или нет сохранять наше литературное наследие, практически никогда не поднимается, а если кто-то и решает его поднять, на него смотрят с презрением и дают понять, что обсуждению он не подлежит. Проблема не состоит только в том, что мы не можем представить, как могли бы поменять наш язык, но ещё и в том, что мы противимся и избегаем вопроса о том, стоит ли вообще его менять. Отсюда естественно следует, что поскольку наш язык отражает и способствует нашим дезадаптациям, как индивидуально, так и социально, мы продолжаем наши дезадаптации поддерживать и культивировать.

Прежде чем менять наш язык, нам следует выработать к нему определённое отношение – отношение, чтобы смотреть на него как на форму поведения, которое, как и любое другое поведение, стоит оценивать как *технику* – опираясь на вопросы о том, в каких целях мы ей пользуемся, насколько эффективно с её помощью удаётся достигнуть этих целей, и с какими последствиями. Техника представляет собой способ что-либо делать, и мы можем рассматривать и оценивать язык как технику достижения личностной адаптации. В предыдущей главе мы попытались рассмотреть и оценить его с этой точки зрения, и мы продолжим этим заниматься в этой главе. Для этого нам потребуется обратить внимание на различные отношения, в которых мы можем наблюдать за языковым поведением потому что, по мере наблюдения за ним, мы повышаем нашу осознанность языкового поведения и узнаём больше о тех его аспектах, которые поддаются *изменениям*. В прошлой главе мы обсудили вербальные объёмы и вербальную ригидность; далее мы рассмотрим некоторые другие важные аспекты языкового поведения, в частности, связанные с его само-рефлексивностью.

Абстрагирование на мёртвом уровне

Мы уже поговорили о само-рефлексивности процесса абстрагирования. Языковое поведение стоит рассмотреть учитывая этот процесс. В адекватном языковом поведении мы идём в чётком порядке от описания к более высоким уровням абстрагирования, и возвращаемся к описанию и к не-вербальной демонстрации, если в этом возникает необходимость для оценки и коммуникации. Учитывая этот процесс, мы рассмотрим два вида неадекватного языкового поведения – две формы того, что назовём *абстрагированием на мёртвом уровне*.

Низко-уровневое абстрагирование

Первая из этих форм поведения наблюдается в устойчивом низко-уровневом абстрагировании, которое отражается в монотонно описательном языке. Наверняка, многие из нас знают людей, которые могут говорить и говорить, не делая никаких выводов. Например, болтовня на лавочке почти всецело состоит из: «Он сказал, потом я сказал, потом она сказала, а я сказал, и он сказал», и заканчивается на: «Вот, собственно, что я ему сказал». Письма, описывающие поездки в отпуск с перечислением увиденных мест, времени отправок и прибытий, съеденной еды, оплат за услуги, описанием удобств, и т. д., служат ещё одним примером такого языка. Мы берём свои вербальные привычки с собой, куда бы мы ни отправлялись, и не меняем их во что бы то ни стало, даже при виде красивого пейзажа или творящихся исторических событий. Мы видим сквозь пелену слов. Путешественник, который может рассказать о том, на что он смотрел, не жели о том, что видел, встречается редко.

Ещё один пример абстрагирования на мёртвом уровне низкого порядка мы можем выбрать среди нескольких сочинений из исследования письменного языка пациентов, страдающих шизофренией, которое провела доктор Мэри Манн. Текст ниже написала женщина 23-х лет, которую попросили изложить историю своей жизни. Отрывок составляет первую машинописную страницу её истории. Она повторила большинство абзацев слово в слово, и даже ошибка в ошибку, несколько раз на последующих страницах рукописи. Ей не только не удалось выйти за грани уровней описания и перечисления, но и пришлось ходить по одному и тому же кругу. Стоит отметить, что до этого она училась в двух университетах восточного побережья, и в возрасте одиннадцати лет набрала 136 баллов (очень высокий результат) в тесте на коэффициент интеллекта по шкале Стэнфорд – Бине.

Я родилась в маленьком городе, -----, -----, и там было очень интересно. Я и моя сестра любили играть с куклами, кубиками и машинками. Нам никогда не надоедало смотреть на то, как дедушка доил коров. Мы ходили в магазин для бабашки и дедушки, чтобы купить сладостей, и т. д. Нам было, с кем играть, и мы весело проводили время.

Мы любили ходить на пикники со родителями и двоюродными родственниками.

Потом мы переехали в -----, где мы ходили в детский сад и в школу. Я и моя сестра ходили в школу, играли на пианино, ходили в гости и держали кроликов. Нам нравилось смотреть, как мать готовит торт, толчёт картошку и готовит нам нравилось.

Ещё мы жили на другой улице и ходили в другую школу, где мы играли школу.

У меня был преподаватель по музыке, который был очень добр и мы много раз играли дуэтом. Мы ходили в школу -----, где у нас была серия книг. У нас были ручки, автоматические карандаши, и т. д.

Ещё у нас были забавные карточки с буквами, из которых мы составляли слова.

Иногда у нас были куклы и мы играли с машинами для кукол, и т. д. Готовили сладости, и т. д. У нас были качели, которые доставляли нам много удовольствия. Также мы катались на Бьюик седан.

Мы жили в -----, и ходили в школу. Наши знакомые были очень добры к нам, и мы всегда играли и ходили в церковь. Мы ходили на уроки пианино, физкультуры и танцев. Мы ходили кататься на коньках, роликах, и нам всегда были интересны наши книги.

Мы ходили в начальную и среднюю школу и мы гордились своими оценками. Мы готовили сладости, и веселились в компании. Друзья, и т. д. пикники в парке. У нас был Круг Королевских Девушек. . . . У нас был президент, вице-президент, секретарь и казначей.

Языковое поведение, представленное выше служит следствием и причиной общей блокады процесса абстрагирования. Этот язык никуда не ведёт, или приводит лишь к очень ограниченным выводам. Судя по примеру выше, человек может вовсе не достигать выводов. Он перечисляет «факты», но не связывает их между собой должным образом. Текст напоминает перепечатку форзаца школьного учебника по истории с датами и событиями.

Так называемые *идио-саванты* служат наглядной демонстрацией того, что мы обсуждаем. Они могут быстро считать, заучивать и воспроизводить списки номеров вагонов, численности населения множества крупных городов, длинные отрывки литературных произведений, и выполнять другие вербальные трюки. В этом смысле их называют «савантами» [фр. учёными]; в других отношениях они отстают от среднего человека – отсюда и термин *идио-савант* [фр. слабоумный учёный]. Здесь стоит вспомнить *некоторые* из наших популярных радио викторин. В таких передачах в значительной мере задействуют языковое поведение характерное для идио-савантов. Их популярность указывает на широту тенденции подменять интегрированную систему оценки или суждений элементаристическими фрагментами «знаний». Возможно, эти викторины имеют такую популярность, потому что представляют собой что-то, что мы хорошо знаем – мы принимали участие в подобных викторинах почти каждый день на протяжении нескольких лет в начальной и средней школе, и в колледже.

Высоко-уровневое абстрагирование

При другом варианте абстрагирования на мёртвом уровне доминируют высокие порядки абстрагирования. Языковое поведение проявляется бредом, принятием желаемого за действительное, некоторыми «философскими» системами, верованиями, и т. д. Оно характеризуется размытостью, двусмысленностью, иногда даже полной бессмысленностью. Если не выбрасывать рекламные проспекты, брошюры, журналы «Новое Мышление» и т. д., которые оставляют в почтовом ящике, получится собрать внушительный объём демонстративного материала. Ещё больше удастся найти на полках библиотек, газетных стойках и в радиопередачах. Повседневные разговоры, лекции в аудиториях, политические речи, церемониальные обращения, а также групповые обсуждения тоже служат богатым источником буйствующих слов. Осознав эту вездесущую лингвистическую заразу, искать честное лицо становится тяжело и долго. Если бы Диоген искал человека с безупречно ясным, обоснованным и значимым дискурсом, его фонарь оказался бы слишком мал, чтобы такого найти.

Самые тяжёлые формы такого языкового поведения наблюдаются у пациентов страдающих «умственными» заболеваниями. По их формулировкам и по описаниям их галлюцинаций удаётся ясно увидеть, в какой беспорядок может превратиться процесс абстрагирования. Иногда их слова не состоят ни в какой символической связи с не-вербальными уровнями. Особенно примечательным примером служит странное поведение, которое психиатры называют «разделением личности», которое считают одним из проявлений *шизофрении*. Термин шизофрения ввели, учитывая, главным образом, *раскол* в личности.¹ Многие психиатры говорят об этом аспекте поведения, как о разделении между «интеллектом» и «эмоциями». Пациенты поддерживают бесстрастное выражение лица, обычно не проявляют аффективных

1. *schizophrenia* – шизофрения; *schism* – разделение, раскол.

реакций и испытывают в очень малой степени, или не испытывают совсем, печаль, любовь, радость и т. д., которые чувствуют и выражают нормальные люди. Понимать это явление, как разделение между «эмоциями» и «интеллектом» представляется сложным, потому что этими терминами пользуются, будто бы они друг от друга не зависят, даже когда о них говорят в отношении нормальных человеческих реакций, тем самым подразумевая, что даже личность нормального человека характеризуется изначальной «разделенностью».

На так называемое разделение личности пациента, страдающего шизофренией, мы можем смотреть как на отделение вербальных уровней абстракции от не-вербальных или как на существенный недостаток эффективных отношений между ними. Пациент без видимых проявлений чувств может сказать, что его мать только что переехал грузовик, потому что он говорит о вербальной «матери» и вербальном «грузовике»; в общем смысле, он не говорит ни о чём реальном. Он живёт в мире слов, который он полностью отождествляет – или спутывает – с реальностью, которая, как знают её другие, для него не существует. Мы не задаём вопрос об истинности или ясности его высказываний, потому что он воспринимает свои высказывания априори абсолютно правдивыми, всецело значимыми и предельно достаточными для выражения. Процесс абстрагирования в этом случае обращается: он начинается со слов, и если факты не сходятся со словами, значит проблема возникла с фактами. В более глубоком смысле, он ведёт себя так будто слова *есть* факты. Если вы не поймёте, что он говорит, он может начать на вас злиться, испытывать к вам отвращение или полностью игнорировать; если вы не согласитесь с тем, что он сказал, он, скорее всего испытает к вам недоверие. Карта для него *есть* территория, и любые вопросы о том, насколько эффективно картой удалось бы *обозначить* территорию, не допускаются как в силу их «немыслимости». Это в значимой мере объясняет, почему таких пациентов не получается избавить от их заблуждений с помощью доводов.

В бредовом языке шизофреников распознаётся что-то жутковато странное. Многие психиатры отмечают, что понять точку зрения шизофреника или каким-либо образом сопереживать его состоянию часто не представляется возможным. Они ведут себя настолько неотзывчиво к тому, что обычно считается разумным, что попытки обсуждать с ними их проблемы видятся тщетными. Они не понимают и не принимают ответственность за язык. Их разговоры звучат, в расхожем смысле слова, безумно. Один такой пациент в разговоре со мной спрашивал о каких-то друзьях, и чисто по выражениям, его разговор казался разумным, но тон его голоса и общий лад производили впечатление неуверенности, недоверия и недостатка адекватного интереса к информации о друзьях и связанных с ними людях. Какое-нибудь случайное слово в ходе разговора могло значительно сместить его внимание, и он начинал обсуждение о влиянии лучей солнца на интеллект и характер человека, не меняя при этом тона голоса, и не выражая различного отношения к значимости или обоснованности своих комментариев. По-видимому, он не учитывал, что отличная от его точка зрения слушателя вообще существовала. Он поверхностно выслушивал вопросы и комментарии, но в ответ продолжал говорить что-то никак значимо с ними не связанное. Судя по его реакциям, то, что ему говорили, не производило на него хоть какого-нибудь впечатления.

Такое «безумное» языковое поведение выдаётся следующими аспектами: (1) «эмоциональная линейность», бесстрастность и отстранённость; (2) сильная спутанность между смыслом и бессмыслицей, выраженная в поведении монотонностью голоса, лица и общего характера подачи в высказываниях как разумных замечаний, так и невнятных, бессвязных наборов слов; (3) недостаток самокритики и очень слабая способность принимать во внимание, понимает его слушатель или нет; (4) общее спутывание или отождествление уровней абстракции, будто все уровни есть один и тот же, без дифференциации между высокими и низ-

кими порядками заключений, и между заключениями и описаниями. В этом смысле, такой язык производит эффект высоко-уровневого абстрагирования на мёртвом уровне.

Значимость буйствующих слов в контексте дезадаптации, как это происходит при шизофрении, заключается в том, что предположения и убеждения не проверяются – не сверяются с не-вербальными наблюдениями и опытами, а вместо этого отождествляются и уравниваются с ними в значениях. Если карта есть территория, вопрос о том, согласуется она по структуре с территорией или нет, не поднимается, следовательно, отсутствует возможность воспользоваться структурой территории для сверки с ней карты. Карта может обновляться время от времени, но безотносительно территории. Шизофреники, по-видимому, ориентируются в основном не дву-значно, а *одно-значно*. Иными словами, они, судя по их поведению, оценивают все уровни абстрагирования как единственный существующий уровень и не допускают иного понимания какого-либо высказывания, помимо одного – их собственного. В их мире их заключения [есть] верны, а все остальные, если они вообще существуют, [есть] неверны. Ориентирование шизофреника, исходя из его языкового поведения, подлежит сравнению с ориентированием собаки, в мире которой не распознаётся, например, что-то правильное и неправильное, а *есть* только то, что *есть* – есть-ность или одно-значное ориентирование. Отсюда, по-видимому, и происходит крайняя вербальная безответственность и невосприимчивость к реальности или к высказываниям о реальности. Отождествление уровней абстрагирования, в таких случаях, достигает невиданных мер.

Обратите внимание, что шизофрения представляет собой крайнюю степень того, что в меньших степенях и других формах встречается в нашей культуре повсеместно. Наш субъектно-предикатный язык ориентирует нас дву-значно и ведёт к отождествлениям и предположениям об относительно статичном мире абсолютов. Такие свойства языка заметнее всего выдаются при серьёзных случаях дезадаптации, и практически отсутствуют в языке науки как общего метода. Шизофрения представляется самой серьёзной формой дезадаптации в нашем обществе, поэтому, изучая язык шизофрении, мы узнаём много полезного. Не стоит, однако, считать, что языковое поведение людей, не страдающих шизофренией, в корне отличается. Включите радио на весь день, и вы осознаете ошибочность этого предположения.

Скучный и интересный язык

Абстрагирование на мёртвом уровне не стоит расценивать лишь как разделение на две отдельные крайние категории высокого и низкого уровня. Подчеркнуть здесь стоит термины не *высокий* или *низкий*, а *мёртвый*. Иными словами, при абстрагировании задействуется ограниченное число уровней. Если это звучит слишком лабораторно, то мы можем обсудить это в более привычном большинстве из нас контексте «скучного» и «интересного» языка.

Каким образом говорящий звучит «скучно»? Если вы вспомните самых скучно говорящих людей из своего опыта, вы, вероятно, обратите внимание на то, что они придерживались приблизительно одного уровня абстракции. Некоторые люди говорят скучно, потому что они либо редко поднимаются выше уровня подробного описания, на что слушателю остаётся лишь спрашивать: «И что?», либо редко спускаются на этот уровень, от чего слушатель оказывается разочарован тем, что не получил что-то, что, как он предполагал, ему обещали. Говорящий на низких уровнях не говорит, что делать с вываленной на вас кучей информации, а говорящий на высоких уровнях не говорит, о чём он собственно говорит, из-за чего вы не понимаете, что стоит делать в связи со сказанным, а он, тем временем, говорит так уверенно, что кажется, что вам самим следует это понимать. По правилам приличия (или поведения в аудитории) нам полагается дожидаться, пока человек закончит говорить, и вам от

фрустрации остаётся мечтать, рисовать каракули на бумаге или засыпать. Испытав такие реакции, мы обычно обозначаем их, говоря, что человек говорил скучно или нудно.

А как людям удаётся звучать «интересно»? Бытует мнение, что говорящий звучит интересно, если говорит о том, что слушателя интересует. Преподаватели красноречия считают важным «выбирать тему» так, чтобы она подходила аудитории. Однако вам, наверняка, приходилось слушать скучные речи на несомненно интересующие вас темы; более того, многие из тем таких скучных речей интересуют людей так сильно, что им приходится терпеть их скуку. Вы также, наверняка, слышали множество интересных речей о чём-то, чем совсем до этого не интересовались, или даже не знали, пока выступающий вам не рассказал. Ключ к тому, как вызывать интерес, заключается не в выборе темы. В некотором смысле, интересных тем не существует. Интересным или скучным мы можем назвать *опыт реагирования* на какую-либо тему. Если и существует какой-то «ключ», то большей частью он заключается в умении определённым образом направлять реакции слушателей.

Понаблюдав за интересными, на ваш взгляд, говорящими, вы, вероятно, обнаружите, что они переходят вверх и вниз по уровням абстрагирования, подобно тому как арфисты переходят между басовыми и альтовыми струнами арфы – упорядоченно и разнообразно. Арфист, щипающий одни и те же струны, раздражает уши слушателей, а человек говорящий слишком долго на одних и тех же уровнях абстрагирования, затрудняет их оценочные процессы.

Один человек играл на виолончели не так, как играли другие виолончелисты. Он ставил на неё всего одну струну, и когда играл, всегда прижимал её в одном и том же месте. И так он играл дни напролёт. Однажды, его жена, окончательно лишившись терпения, спросила его: «Джон, почему ты не играешь, как другие виолончелисты? Ты же видел, что они пользуются несколькими струнами и водят пальцами по грифу вверх и вниз?

Ну, да», ответил Джон, водя смычком по струне. «Они ищут своё место. Я своё нашёл».

Технические отчёты в научных журналах считаются большинством людей – и даже учёных – весьма сухим чтивом, потому что изобилуют мельчайшими подробностями, а заключения, если их вообще приводят, как правило, сводятся к данным, полученным в ходе определённого исследования. Вопрос: «И что?» остаётся практически без ответа относительно того, что большинство читателей сочло бы важным. Авторы начинают до того, как читатель успел подготовиться, и заканчивают, когда он как раз хотел бы задать несколько вопросов.

Со статьями, написанными преимущественно на высоких уровнях абстрагирования, ситуация складывается относительно противоположная. Большинство людей назвали бы их тоже сухими в силу недостатка описательных подробностей, и понять их вовсе не удастся, не ознакомившись с другими статьями, скучными от, наоборот, избытка подробностей. Беда писателей технических журналов состоит в том, что они не пишут для публики, или читающей публики, или даже для «интеллектуальной» читающей публики; они пишут только друг для друга, и каждый писатель переоценивает терпимость другого, как читателя, к семантической монотонности. По моему тщательно обдуманному мнению, очень мало статей в технических журналах кто-то – даже учёные – действительно читает внимательно и с интересом, кроме самих авторов, их близких друзей, знакомых и, конечно, их учеников.

Об одном особенно показательном случае в поддержку вышесказанного, недавно рассказал мне один из моих друзей. В 1931 году он занимался исследованием определённых реакций у младенцев, и хотел ознакомиться с отчётом, который в 1891 году опубликовали в немецком научном журнале. Он пошёл в библиотеку университета, в котором проводил исследование, и нашёл там все выпуски этого журнала за 1891 год. Он пролежал в библиотеке сорок лет. В университете, в котором проводилось много научных исследований в области, которой этот конкретный журнал посвятили; в университете, в котором от всех кандидатов в доктора фи-

лософии требуют уметь читать на французском и немецком языках – там и лежал тот немецкий научный журнал, и за сорок лет его страницы никто не разрезал. В добавок, через три или четыре недели после того, как мой друг взял книгу, он получил уведомление о просрочке с требованием её вернуть.

Мы считаем научные статьи и книги скучными не только из-за тем. В сравнение с некоторыми публикациями о сексе, написанными биологами и психологами-экспериментаторами, даже чтение расписания поездов увлекает куда больше. Люди, увлечённые цветами, сочтут научные трактаты некоторых ботаников впечатляюще унылыми. Некоторые учёные пишут самые интересные книги о людях и окружающем мире. Причины, по которым технические журналы не пользуются популярностью, не стоит искать в их оглавлениях; стоит обратить внимание на степень, в которой писатели ограничивают свои обобщения и экстенсionalный охват своих высказываний, и на то, что иногда они парят на летучих коврах заключений.

Придерживаясь такого писательского стиля, авторы научных трудов часто достигают выдающейся тщательности и точности в отношении крохотных островков реальности, которую они исследуют. Время от времени, у какого-нибудь Ньютона, Рассела или Эйнштейна получается, сведя несколько таких надёжных, но ограниченных выводов, абстрагировать из них один вывод широкого охвата и важности. Так развивается наука. Тем не менее, процесс, по всей видимости, понимают не многие учёные. Большинство лабораторных тружеников настолько привязываются к данным на своих приборах и пренебрегают высказываниями без таких слов как *грамм* или *миллиметр*, что привыкают познавать жизнь через узкую щель.

Человеческая ценность научных лабораторной состоит не только в конкретных крупицах данных и узко ограниченных законах, которые они позволяют выявить, но большей частью она обуславливается двумя аспектами: во-первых, методом, который она представляет и возможностью общего применения этого метода вне лаборатории; во-вторых, в широких последствиях обобщающих выводов, которые составляют на основе не одного, а нескольких конкретных лабораторных экспериментов и предполагаемых отношений между ними. Неадекватность большинства научных писателей видится в том, что каждый из них сообщает о своём небольшом исследовании, как о чём-то отдельном, из-за чего из его исследования не удаётся вывести достаточно широкое обобщение. Поэтому его работе не придаётся важности до тех пор, пока кто-то не рассмотрит его конкретное исследование в отношениях с более широкой и узнаваемой проблемой, чем с той узкой проблемой, с которой имел дело он.

Эйнштейн не провёл ни одного лабораторного эксперимента, и, возможно, это послужило одной из причин его научных достижений. Ему не приходилось следить за показаниями какого-то конкретного измерительного прибора, и он мог позволить себе обратить внимание на данные о множестве измерений и исследований, чтобы увидеть как разбросанные наблюдения удалось бы свести в значимые отношения. Он работал от уровней наблюдений и описаний к более высоким уровням заключений, приходя к экстенсionalно обоснованным выводам, охват которых позволял говорить об их важности для человечества. Затем с этой позиции он мог формулировать вопросы, с помощью которых мы смогли бы изменить наши привычки наблюдения и прийти к новым знаниям. Он представлял науку в сопоставлении с технологией, науку как общий метод, охватывающий узко специализированные аспекты физики, химии, психологии и т. д. В этом смысле, он избегал элементаризма отдельных технологий и специализированных областей. Он представлял язык науки, как наиболее эффективно-го способа оценки. Он избегал абстрагирования на мёртвом уровне – как чрезмерных описаний фактов, так и безответственных обобщений. Он играл на широком диапазоне уровней абстрагирования, и играл на них систематически и симфонически.

Диапазон и порядок абстрагирования

В отношении само-рефлексивности нам стоит рассмотреть два основных вопроса. Во-первых, мы обсудим вопрос диапазона уровней абстрагирования, задействованных в языке человека. Для надлежащей оценки диапазон не следует ограничивать без надобности. Если человек говорит или пишет слишком много на низких, более описательных, уровнях или на высоких, более заключительных уровнях, возникает два нежелательных последствия: (1) обобщающие предположения остаются не проверенными и не пересмотренными, и (2) обобщающие выводы, основанные на опыте человека, не достигаются. В результате, у человека формируется ригидность или не-адаптируемость оценочных реакций.

Во-вторых, стоит рассмотреть вопрос о порядке абстрагирования. Оценивая адекватно, мы ведём абстракции низкого порядка к абстракциям высокого порядка, а получившиеся заключения сверяем и корректируем согласно наблюдениям и описаниям низкого порядка. Любое излишнее сдерживание или блокировка этого процесса потенциально или действительно ведут к дезадаптации. Такие семантические блокады также обращают процесс абстрагирования. Это означает, что непроверенное предположение препятствует абстрагированию в порядке наблюдение-описание-заключение, и человек отождествляет заключение с фактом, или принимает первое за второе, чем искажает реальность. Обращение порядка абстрагирования из-за семантических блокад служит механизмом формирования заблуждений.

В поисках вопросов

Важность этих вопросов для индивидуума и общества станет яснее, если обратить внимание на наши вопросы. Во-первых, сколько вопросов мы задаём? Люди заметно в этом отличаются. Некоторые индивидуумы редко задают даже один. Видимо, они не задумываются о том, что у них может не хватать информации. При этом они решительно отвечают на вопросы других людей и предлагают своё мнение к обсуждению. Их выразительность блестит, но им не хватает само-критичности. Альфред Бине, создатель современного теста на интеллект, в попытках определить интеллект, подчёркивал важность само-критики. Мы можем судить о степени и эффективности само-критических тенденций человека по его вопросам, особенно по связанным с обоснованностью и значимостью его убеждений и взглядов.

Важнее количества вопросов представляются их качества. Направление и степень личностного развития человека во многом определяется тем, какие вопросы его интересуют. Мы можем задавать такие вопросы, которые позволяют быстро и эффективно учиться, а можем задавать такие, которые ведут к смятению и дезадаптации.

Если мы когда-нибудь реализуем существенные реформы в системе образования, направить их стоит на обучение детей не тому, как давать старые заученные ответы, а тому, как формулировать новые вопросы. В образовательном процессе едва ли удастся найти что-то более основополагающее, чем внимание техникам постановки вопросов. Авторитеты в сфере образования сегодня, как и века назад, считают школы местами, где дети учатся пользоваться инструментами (чтением, письмом и арифметикой) для поиска информации, развития навыков и подходов. В школах детям приходится учиться истине, эффективности и правилам приличия, чтобы жить безобидно, поддерживая и сохраняя традиции и убеждения своей культуры. При таком подходе к образованию крайне мало внимания уделяется техникам изыскания и оценки. Говоря кратко, детей не учат задавать вопросы эффективно; их учат давать одобренные, часто непонятные им ответы на вопросы, которые им никто бы не задал вне школьной аудитории. Мы можем легко улучшить такое образование.

Проще говоря, постановка вопросов составляет весомую часть науки как метода. Учёный называется учёным, потому что он формулирует новые вопросы или пересматривает старые

вопросы, чтобы отвечать на них, систематически сверяясь с наблюдениями. Основная задача учёного состоит в составлении вопросов так, чтобы наблюдения имели ценность – чтобы они устойчиво служили самым широким интересам человека.

Последней мысли стоит придать особую важность. Например, биологи, которые изучают крыс, не занимаются этим ради того, чтобы крысы росли и развивались. Когда работника лаборатории начинают так интересоваться сами крысы, его самого стоит передать на исследования. Биологи интересуются широкими человеческими проблемами, связанными с физическим ростом, здоровьем и болезнями. Они исследуют крыс вместо людей, потому что на вопросы, которые их интересуют, получается ответить быстро и нередко более точно, наблюдая за крысами. Исследования жизненных процессов в человеке занимают больше времени, а условия, в которых человека удаётся наблюдать, сложнее поддаются контролю.

Подобным образом психологи-экспериментаторы, изучающие людей, не интересуются несколькими конкретными индивидуумами, которых они наблюдают. Их интересует что-то, чем они могли бы связать наблюдаемые ими факты. Их интересуют поведение, любовь, смех и познание, не проявляемые Элмером Джонсом, а *представляемые* Элмером Джонсом. Если бы он проявлялся уникально *во всех практических отношениях*, изучать его не имело бы смысла. Всё, что удалось бы достоверно сказать о нём, не получилось бы сказать о ком-то другом. И наоборот, если бы он проявлялся идентично *во всех отношениях* всем остальным людям, его бы не пришлось изучать. Наблюдая за его поведением, не удалось бы узнать что-то новое. Более того, если бы мы все проявлялись идентично, то не имели бы вообще возможности узнать что-то новое, и никто бы не пытался, потому что в мире полном тождественности познание нового относилось бы к области вечно непостижимого. Причина, по которой мы испытываем человеческие проблемы, заключается в том, что мы никого не можем оправданно назвать абсолютно уникальным, а причина, по которой мы можем с пользой изучать себя, как индивидуумов, заключается в том, что никто всецело ни с кем не идентичен. Мы не служим ни самим себе законом, ни мерой всему вокруг. Учёный пытается определить значимые отличия, чтобы найти схожести, которые получится абстрагировать в форме общих законов. Именно поэтому он так усердно изучает отдельные факты, и поэтому же он приходит, если ему это удаётся, к таким общим теориям.

Что учёный делает с теорией? Заучивает? Защищает? Собирает вокруг неё культ? Отнюдь. Он использует её в конкретных целях – *чтобы задавать вопросы* – новые, ещё никем не заданные вопросы. А эти вопросы он использует, чтобы направить себя и других к новым, никем не проведённым наблюдениям. Так он получает новые знания, новые ответы, новые, никем до этого не представленные теории. Из этих новых теорий он формулирует новые вопросы, новые ответы, и т. д.; этот процесс не прекращается. С этой точки зрения, наука выглядит как постоянно отодвигающаяся граница. По этой причине, она нравится молодым, когда они её понимают. Поэтому мы можем позволить себе допустить предрешённость научной цивилизации. Ступай на Запад, молодёжь, и Запад за собой тебя потянет.²

Поступать научно, в базовом смысле означает задавать вопросы – новые, значимые, чёткие, ответо-доступные вопросы. Научно-ориентированный человек задаёт такие вопросы, потому что осознаёт свои абстракции или предположения. На деле, когда человек осознаёт, что его убеждения представляют собой убеждения, а не факты, он *автоматически превращает* их в вопросы. Если сказать: «Преступное поведение обуславливается наследственностью», и счесть это высказыванием факта первого порядка, мы в нём не засомневаемся. Если же сказать: «Преступное поведение обуславливается наследственностью», и

2. Перефразированное выражение об экспансионизме США в середине 19го века; в оригинале: «Ступай на Запад, молодёжь, ступай на Запад и подрастай со всей страной».

осознать это как гипотезу, мы можем приравнять это высказывание к вопросу: «Обусловливается ли преступное поведение наследственностью?» Благодаря исключённым из этого высказывания абсолютизма и финализма, оттолкнувшись от него, мы позволим себе предположить: «В каких условиях происходит преступное поведение?» А в достаточной мере осознавая абстрагирование, мы почти автоматически перейдём к вопросу: «Прежде всего, на что мы ссылаемся терминами *преступное поведение* и *наследственность*?»

Говоря кратко, вырабатывая понимание того, что наши заключения *представляют собой заключения*, мы позволяем процессам абстрагирования проходить относительно беспрепятственно. Вопросы при этом свободно ведут к новым выводам, а новые выводы позволяют задать новые вопросы. Наши теории, таким образом, становятся важными за счёт вопросов, которые в себя включают, а наши вопросы становятся важными за счёт теорий, к которым они нас ведут. Когда теория, заключение или вывод отождествляется с фактом, новые вопросы не задаются, а процесс абстрагирования блокируется намертво.

Хэтти₁ и Хэтти₂

Осознанность абстрагирования, осознание предположений предположениями, того, что они исходят от нас, и могут оказаться не принятыми или обоснованными универсально, способствует тому, чтобы мы задавали не просто вопросы, а осмысленные ответо-доступные вопросы. Осознание того, что наши убеждения представляют собой абстракции, предполагает осознание того, что мы их абстрагировали из неких абстракций порядком ниже, которые, в свою очередь, мы абстрагировали из абстракций ещё более низкого порядка, и т. д. Впоследствии мы возвращаемся к реальности, к не-вербальным уровням опыта и наблюдений, и именно с опытом и наблюдениями нам следует сверять наши абстракции высокого порядка, наши убеждения и предположения. Поэтому мы почти автоматически строим вопросы так, чтобы ответы на них ссылались на опыт и наблюдения. Это мы и подразумеваем, когда называем наши вопросы осмысленными и ответо-доступными. Одновременно с этим, ответы на эти вопросы влияют на абстракции на высоких уровнях.

Возьмём для примера расхожий случай. Хэтти Джонс встречается на улице подругу, Сару Смит, и здоровается с ней. Сара Смит не отвечает на приветствие. Хэтти Джонс не ориентируется экстенционально, и сразу заключает для себя, что Сара Смит на неё злится. Хэтти Джонс не оценивает это как гипотезу; для неё это есть факт. Она может, между делом, время от времени, на протяжении нескольких последующих дней задать себе вопрос, но пользы из неё много не извлечёт, потому что вопрос она задаст следующий: «Почему Сара на меня злится?» Такой вопрос не только не принесёт пользы, но и создаст проблемы, и случится это по двум причинам. Во-первых, она не знает, в экстенциональном смысле, что имеет в виду под *почему*. Во-вторых, она ищет объяснение «факту», который на деле представляет собой личное заключение. В итоге любая попытка ответа приведёт её к ещё большей путанице и непониманию. Она может наплодить красочных заблуждений о Саре Смит и загубить с ней дружбу. Такого рода последствия нередко случаются в повседневной жизни.

Этим мы затронули лишь часть истории. Наш вариант ситуации может даже не произойти. За высказыванием Хэтти о том, что Сара на неё злится, может вовсе не последовать вопросов, и она сразу совершит скачок к действию. В ближайшем разговоре с другим знакомым она может выговорить своё недовольство и обложить Сару Смит всякими нелестными эпитетами. Возможно, она не пригласит её на ужин с друзьями и постарается избежать общения с ней на следующем собрании клуба. Одно последствие поведёт к другому, и в итоге никакая Соломонова мудрость не поможет восстановить былую близкую дружбу.

Теперь, представим другую Хэтти Джонс, ту, которая осознаёт своё абстрагирование и проекции, и ориентируется экстенционально. Когда Сара Смит не реагирует на приветствие, Хэтти не спешит к выводам и убеждениям; она не теряется и понимает, что поведение Сары получится объяснить множеством причин, и ни на одно объяснение не стоит полагаться всецело. Возможно, она думает о списке покупок; возможно, у неё порвалась подвязка, и она слишком сильно этим обеспокоилась. Кто знает, ей могли сообщить, что её дом сгорел, что её мать умерла или что её сын разбил голову. Возможно также, что она просто замечталась. Не стоит исключать и то, что Хэтти её действительно чем-то не обрадовала. Да, не стоит, но как знать наверняка? Хэтти не может вспомнить ничего, что послужило бы тому причиной. Но это ничего не объясняет; она лишь задаёт вопросы, и ответить на них получится только одним способом. Следует подождать. Если что-то случилось, информация об этом дойдёт до неё одним или другим образом. К тому же, она скоро увидится с Сарой снова, и тогда уже сможет узнать. По меньшей мере, она узнает, действительно ли она её злится.

Поэтому, сказав себе: «Я не знаю. Следует подождать и посмотреть», она спокойно решает пойти своей дорогой и не создавать себе лишних проблем. Три дня спустя она встречается Сару на чаепитии у миссис Симпсон. Сара подходит к ней и, как ни в чём не бывало, начинает дружелюбную беседу. Возможно, Хэтти забыла о случае на улице. А если нет, то в ходе разговора она может сказать, что Сара стала рассеянной в последнее время.

«Ты о чём?»

«Я на днях видела тебя в городе и поздоровалась, а ты прошла мимо».

«Правда?»

Очередной лист с древа жизни с грацией опустился в озеро истории, пустив по воде рябь.

Наши воображаемые, но образцовые Хэтти и Сары могут, конечно, задеть чувствительных научных профессоров, которые приписывают себе глубокое понимание. Нам здесь, однако, удивляться не приходится. Если экстенциональное ориентирование вынести из лабораторий, мы сможем применить его в таких расхожих ситуациях, в какой это сделала экстенционально-ориентированная Хэтти. Если мы резюмируем эту ситуацию, сказав, что Хэтти повела себя разумно и учтиво, мы располагаем лишь обособленным сценарием, но не проясняем, как удалось бы себя повести в похожих ситуациях. Если же мы говорим, что она сориентировалась экстенционально, осознавая своё абстрагирование, мы предполагаем общий практический метод, которому можем научиться и который можем развивать.

Отметим, что Хэтти₁ (интенционально-ориентированная) высказала предположения, будто они есть факты, и реагировала соответственно, почти без задержки, на карту в своих мыслях, будто она есть территория вне её кожи. Она, по всей видимости, не осознавала свои проекции. Случаи такого рода мы называем отождествлениями или спутываниями уровней абстрагирования. Хэтти₂ (экстенционально-ориентированная) высказала предположения как предположения, и они автоматически сфункционировали как вопросы, на которые удалось бы ответить на основе надлежащих наблюдений или описаний фактов. Автоматически же, её реакции задержались до тех пор, пока не появилась бы возможность провести обозначенные наблюдения или получить обозначенную информацию. Ей не пришлось подавлять никакой гнев, собирать в кулак силу воли или черпать из запасов добродетель. Она просто подождала, потому что не нашла что-либо, на что смогла бы среагировать оправданно до тех пор, пока не встретила Сару снова на чаепитии у миссис Симпсон.

Отметим также, что Хэтти₁ задала вопрос, в который не включила ориентиров для поиска ответов; в добавок, она допустила ошибку, сформулировав ответ из воздуха, чем только усугубила свою глупость, смятение, дезадаптацию, как это ни назови. Хэтти₂ задала таки

вопросы, на которые смогла найти ответы, поспособствовавшие успокоению и чёткому ориентированию. Информация, которая требовалась, чтобы на них ответить, предполагалась в вопросах, как и то, где следовало эту информацию искать.

Вопросы к не-смыслу

Некоторые слова приводят к неясности в вопросах и препятствуют поиску ответов. Такими словами получается пользоваться безболезненно, и иной раз они даже помогают, если человек осознаёт процессы абстрагирования, происходящие при их применении, но в прозорливых вопросах их обычно не употребляют. Среди множества этих слов мы можем назвать: *почему*, *стоит* или *следует*, *правильно* и *неправильно*, и иногда как и *причина*.

Деадаптированные люди довольно занимают себя такими вопросами как: «Почему это случилось именно со мной?», «Почему я никому не нравлюсь?», «Почему я родился?», «Стоит ли мне вступить в брак?», «Стоит ли женщине курить?», «Правильно ли то, что я получаю так много денег?», «Неправильно ли то, что я не молюсь каждый день?», «Как мне стать популярным?», «Как я могу быть хорошей женой?», «В чём причина страха?», и т. д. Ещё их волнуют вопросы наподобие: «Какой грех – самый непростительный?», «В чём смысл жизни?», «Я – неудачник?» – вопросы, содержащие один и более неясных терминов.

Такие вопросы содержат беспредельные термины. Под этим мы подразумеваем, что такие термины как *почему*, *стоит*, *причина*, *есть* и т. д., употребляются без возможности увидеть границы их смысла, из-за чего человек не может знать о релевантности или обоснованности того или иного ответа. Иными словами, мы называем термины беспредельными в том смысле, что уровни абстракции, на которых ими пользуемся, и на которых можем формулировать ответы, мы никак не указываем. Они относятся к многопорядковым терминам, которыми мы пользуемся на любом уровне абстракции; какого-то общего значения они не несут, потому что их значение зависит от уровня абстракции, на коем их употребили.

Например, когда человек спрашивает: «Почему я родился?», ответить не получится, потому что не получится знать, что бы мы могли принять как требуемый обоснованный, содержательный ответ. Человек может спросить, например: «Из всех возможных слияний сперматозоидов и яйцеклеток, которые могли произойти, что обеспечило то слияние, в результате которого появился я?» Ответ вновь представляется невозможным, потому что мы не можем провести наблюдения, на которых удалось бы построить ответ. Мы попросту вопрошаем к не-смыслу. Однако, возможно, человек спрашивал вовсе не об этом. Скорее всего, он спрашивал: «С какой целью я пришёл в этот мир?», «Что мне здесь делать?» Опять же, мы не видим возможности узнать, какие конкретные наблюдения мы можем провести, чтобы сформулировать ответ. В этом виде вопрос ничего не значит. Именно такой ответ на этот вопрос дал бы научно-ориентированный человек, и он бы его устроил.

Не стоит исключать, что человек с вопросом «Почему я родился?» просит указать ему на какие-нибудь простые учебники по эмбриологии, акушерству и анатомии. Если он просит именно об этом, то мы можем легко ответить на его вопрос. Хотя, если бы он понимал, что ищет этот ответ, он бы не задавал свой вопрос так непрямо. Деадаптированные люди либо не просят такую доступную информацию, либо не понимают, что именно эта информация им помогла бы. Если бы они это понимали, мы бы не считали их деадаптированными.

Люди в затруднениях характеризуются не только тем, что настойчиво задают себе неясные и безответные вопросы, но и тем, что не понимают, что на их вопросы не удастся ответить. Они также, по-видимому, не понимают, что их деадаптации как-то относятся к настойчивости в их вопросах и попытках ответить на них. Предложения изменить формулировку их вопросов вызывают у них недоумение. Они не хотят их менять. Они хотят ответов, абсолют-

ных, ныне-и-вовсеки правильных. Поэтому они остаются дезадаптированными и продолжают преследовать болотные огоньки, всё сильнее впадая в разочарование и отчаяние.

Мы все хотим ответов; они снимают с плеч горы напряжения, делают нас счастливыми или, по крайней мере, спокойными. Плохие новости обычно удовлетворяют нас больше, чем никакие. Один хирург говорил, что почти все пациенты хотят, чтобы им честно сказали, что у них нашли неизлечимое заболевание, или что им осталось жить всего полгода, чем держали их в напряжённом ожидании. Длительный тщетный поиск вожделенных ответов может деморализовать человека. И такой пытке дезадаптированные люди подвергают себя регулярно.

Мы избегаем этой пытки, попросту не задавая – или не пытаясь ответить на – безответные вопросы. Задав вопросы, нам затем следует подвергнуть их вопросу: «Какие наблюдения, или описания наблюдений, помогут составить ответы?» Если этот вопрос не поддаётся ответу, то изначального вопроса, по сути, не существовало, поэтому ответам ничего не подлежит. На примере известного вопроса к не-смыслу, мы можем объяснить, что узнать, сколько ангелов может танцевать на кончике иглы, удастся при наличии ангелов и иглы. Если для ответа на этот вопрос мы просим слишком много, то он изначально не существовал.

Всем этим дезадаптированным людям на деле следует искать не ответы на свои старые вопросы, а новые вопросы. Дурак знает ответы на все вопросы, которые этот дурак может задать. Языком дезадаптации люди описывают устные и мысленные вербальные круги вокруг вопросов, которые, не позволяя направить и организовать наблюдение, лишь усугубляют напряжения, конфликты и страдания, сопровождающие непроходящее смятение.

Структура смятения

Нам стоит также обратить внимание, что характерная неясность и безответность настойчивых вопросов дезадаптированных людей обуславливается их формулировкой элементаристическим, абсолютистским, дву-значным языком. Люди в затруднениях задумываются о «физическом» или «умственном», «материальном» или «духовном» и т. д. характере своих затруднений. Они говорят, что «дух в порыве, но плоть – слаба», или наоборот. Они рассуждают об «экономическом» или не «экономическом», «политическом» или не «политическом» типах проблем в мире. Они выдумывают не менее элементаристические решения для своих проблем. Например, они могут защищать позицию, что «любовь к деньгам есть корень всего зла», или что «нам следует вернуться к режиму религиозного правления», или что все проблемы удастся решить определённой пенсионной системой или налоговым планом.

Восемнадцатая поправка конституции США служит примером элементаристического ориентирования в масштабе государства. Попытка разоружения после первой мировой войны без рассмотрения важных факторов служит примером элементаризма в масштабе мира. Многие люди с подозрением относятся к панацеям, но не многие, по-видимому, понимают, почему. Проблема панацей кроется в *структурных предположениях* о них, которые мы обозначаем такими терминами как *элементаризм*, *абсолютизм*, *либо-либость* и т. д.

Дезадаптированные и некомпетентные люди практикуют такие предположения, не замечая, но полагаясь на них в своих поступках. Они возлагают надежды на разрекламированные лекарства, на витамин В, на восемнадцатидневную диету, на слоган «клиент всегда прав» или «продолжай улыбаться». Они предполагают, что какая-то одна вещь служит причиной всему (элементаризм), что на вопрос всегда найдётся один и только один правильный ответ, и что все остальные ответы есть неправильные (либо-либость), и что *тот самый* правильный ответ есть правилен всецело, ныне и вовеки без исключений (абсолютизм). Эти люди отвечают на вопросы такими терминами, потому что такими же терминами вопросы задают. Терминология, или структура, вопроса задаёт терминологию, или структуру, ответа. Вопросы, состав-

ленные элементиалистическими, абсолютистскими, дву-значными терминами ведут к ответам, составленным такими же терминами. Ответы, в свою очередь, ведут к путанным, неэффективным и ещё более дезадаптирующим поступкам.

Кратко

Вербальная несостоятельность людей в затруднениях наблюдается в крайностях вербального продукта; в содержательной, формальной и оценочной ригидности; в абстрагировании на мёртвом уровне; в элементиализме, абсолютизме, либо-либости структуры применяемого языка; и в настойчивых, ложно-направляющих, безответных вопросах к не-смыслу.

С практикой человек может выработать навыки наблюдения таких характеристик языкового поведения в себе и в других людях. Способность их распознавать даёт человеку некоторую меру контроля над ними и меру понимания основных механизмов адекватной оценки. Проще говоря, такая способность позволяет человеку распознать дурака – и не стать таковым самому – с большей эффективностью. Она позволяет добиться большей осознанности в чтении, слушании, разговоре и письме. То, что происходит в этих деятельности, определяет степень и пределы личностного развития и социальных перемен.

Глава~XIII ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕЗАДАПТАЦИИ

Мы можем условно свести процесс взросления к своевременному осознанию того, что первые пятнадцать лет оказались самыми тяжёлыми, потому что мы не могли их оценить самыми лёгкими. У нас не получается выработать чувство меры прыща, пока мы не испытали фурункул. Я веду к тому, что в изучении личности мы не можем чётко оценить здравомыслие и терпимые типы переживаний, пока не ознакомились с подробностями безумия. Большинство из нас оценивает безумие, как и гениальность, как невозможные, пока мы их не испытали. Мы не можем его спрогнозировать. Стоит ему проявиться в своей полной мере, даже в близко знакомом нам человеке, мы приходим в удивление и недоумение.

Ценность изучения более выдающихся и серьёзных форм нервных и «умственных» заболеваний состоит в том, что оно, в своём роде, выполняет функцию микроскопа. Обыкновенную забывчивость, например, мы почти не замечаем, а целенаправленно наблюдать её приходится с трудом; однако, в сущности, такое же явление, дошедшее до амнезии, становится ясным, по крайней мере, некоторыми своими проявлениями. Мы все испытывали периодически находящее чувство грусти, но не ломаем голову над вопросами о том, из чего оно складывается и чем вызывается, пока внимательно не рассмотрим случаи глубокой меланхолии. Мы едва ли можем найти человека без нескольких странных убеждений, но не придаём им значения, пока не встретим человека, живущего заблуждениями, проявления которых придают палатам в психиатрических больницах их пугающую атмосферу.

В этой главе мы посмотрим на расхожие случаи смятения и неэффективности в поведении через «микроскоп» психопатологии. Мы попробуем расширить и прояснить картину личностной дезадаптации, обсудив некоторые выдающиеся расстройства, которые встречаются в больницах для «умственно» больных. Отметим, что мы не станем строить из себя докторов. Лечение тяжёлых расстройств занимаются работники медицинской профессии, и это стоит обозначить без каких-либо иносказаний. Благополучие пациента и общества требует, чтобы лечение нервных и «умственных» заболеваний, которые мы рассмотрим, осуществляли только хорошо обученные практикующие медики. Наша цель состоит лишь в том, чтобы взглянуть на некоторые крайние формы дезадаптации человека, чтобы улучшить нашу способность наблюдать и иметь дело с нашими собственными непутёвыми поступками.

Общая классификация

Психиатры и психологи – люди, которые занимаются наблюдениями и оценкой человеческого поведения – на текущий день достигли некоторого согласия в отношении множества своих наблюдений. Они не всегда соглашались в высказываниях о своих наблюдениях; иными словами, они не всегда соглашались в своих теориях, но серьёзные споры о том, что они наблюдают в поведении людей, среди них не возникают, или, по крайней мере, долго не длятся. Те, кто отвергают теории Фрейда, восхищаются наблюдательностью; те, кто оспаривают объяснения поведения, предложенные Павловым и его последователями, принимают собранные ими данные. Даже члены Американской Психиатрической Ассоциации договорились о стандартной классификации «умственных» и нервных расстройств, и большинство из них формулируют по ней свои наблюдения. Они, конечно, иногда спорят о том, как следует классифицировать или диагностировать того или иного пациента, или о том как следует объяснять или обращаться с наблюдаемым расстройством, если его уже классифи-

цировали. У последователей Фрейда, Крепелина и Адольфа Мейера, скорее всего, не возникнет разногласий о том, что пациент настаивает на том, что он есть Наполеон, но они могут поспорить о том, почему он на этом настаивает и о том, что с этим стоит делать.

Мы не станем воспроизводить классификацию «умственных» и нервных заболеваний Американской Психиатрической Ассоциации; её вы найдёте в любом учебнике по психиатрии или психопатологии. Мы не хотим уходить далеко от наших обсуждений. Нам хватит сказать, что в этой классификации выдающиеся расстройства подразделяют на *психозы* и *психоневрозы*. Различают также расстройства от органической патологии, и расстройства, при которых её не наблюдают. Нас интересуют те, при которых её не наблюдают.

В целом, разница между психозом и психоневрозом состоит в степени и сложности. На практике не всегда удаётся отличить один от другого, как и отличить «нормального» индивидуума от «ненормального». Многие, но не все, психоневротики могут функционировать относительно нормально, не считая их конкретные ограниченности. Человек может проявлять неконтролируемые страхи лифтов или поездов, или он может время от времени страдать от головной боли на почве невроза, но при этом жить жизнь успешного писателя, актёра или руководителя. Человек с истерической слепотой может не страдать от каких-либо других болячек и может стать обаятельным собеседником в большинстве обстоятельств. Однако больные психозом обычно оказываются ограниченными своими расстройствами в более полной мере. Их дезадаптации, как правило, сопровождаются симптомами более общего характера. Мы можем считать индивидуума убеждённого в том, что он находится в центре государственного заговора, или слышащего голоса, говорящие ему засунуть своих детей в печь в подвале, потому что она есть священный алтарь, в большей вероятности ограниченным в способностях с любой обыкновенной общественной точки зрения.

Психоневрозы

В классификации Американской Психиатрической Ассоциации приводят три типа психоневрозов (и предполагают множество других, теоретических), называемые *истерия*, *неврастения* и *психастения*. Истерики отличаются, и отдельно рассматриваемые случаи разделяют и классифицируют с разных точек зрения. В конечном счёте, это расстройство развил в себе индивидуум, и он остаётся индивидуумом после того, как развил его в себе.

Истерия

Основные симптомы истерии сводятся к различным физическим проявлениям, которым не получается найти органических причин. Истериком называют человека, которому тем или иным образом вечно что-то «трепет нервы». Его может частично парализовать; он может оглохнуть, ослепнуть или лишиться чувствительности некоторых частей тела. Он может полностью утратить аппетит и отказываться от пищи. Как вариант, основным симптомом может стать амнезия; индивидуум может даже забыть собственное имя, где он живёт, чем зарабатывает на жизнь и т. д., или ему может казаться, что он стал кем-то другим.

Эти ограничения обычно проявляются внезапно и без видимых – с медицинской точки зрения – причин и исчезают, если это происходит, так же внезапно и «загадочно». Точнее, симптомы не уходят, а меняются. Например, у пациента может заработать ранее парализованная нога, но неделю спустя отнимется рука или пропадёт голос. Многие психиатры связывали эти случаи с теми, когда человек отбрасывает костыли и восстанавливает зрение, будто бы чудом, в церквях и храмах, но никогда окончательно не выздоравливает, что в популярных журналах часто не проясняют. Множество примеров истерии встречается среди случаев так называемых «боевых неврозов», когда истерический паралич, слепота или что-либо ещё

происходит уже после окончания боя. В первой мировой войне многие солдаты, страдающие от «боевого невроза», оставались на американских побережьях; не многим из них удалось выздороветь после перемирия. Во второй мировой войне, невротические реакции проявлялись так же вдали от военных действий и от довлеющего военного долга.

Не стоит считать, что истерики симулируют в каком-либо ординарном смысле. Они не влияют на заболевание или ограничение способностей осознанно, чтобы избежать неприятных ситуаций, опасностей или ответственности. Если они ведут себя честно, они просто и достоверно утратили способности видеть или слышать, или шевелить ногами, или делать что-либо ещё. Они могут даже со всей очевидной искренностью жаловаться, что не могут следовать приказам, вступить в брак или осуществить что-либо ещё, чему их ограниченность препятствует. Студенты иногда «не могут» писать экзамены; они стараются, зная за себя, что честно и отчаянно хотят что-то написать. Ко мне на занятия ходила девушка, у которой случалась судорога правой руки, когда на экзамене ей приходилось писать числа. Такие проблемы мы считаем в сущности истерическими. Дезадаптации истерического характера варьируются в степени от редких и малых до перманентных и охватывающих всё тело.

О наблюдаемом поведении при истерии спорить не приходится. Индивидуумы, у которых наблюдаются симптомы, перечисленные выше, действительно существуют. Следует называть их истериками или нет в том или ином конкретном случае, часто становится предметом обсуждения; от одного индивидуума к другому реакции варьируются в сложности, резкости, настойчивости, видимых отягчающих обстоятельствах и т. д. Нас, прежде всего, интересует поведение или симптомы; называют их истерией или как-то ещё, роли не играет. Мы, однако, не пытаемся этим умалить значимость искусства постановки медицинского диагноза. В своих целях мы хотим чётко рассмотреть эти ограничивающие реакции, которые проявляются в условиях угрозы или опасности без видимой органической причины, как *поведение*. Мы хотим рассмотреть их не только на примерах тяжёлых случаев, но, в частности, более слабых форм, которые наблюдаются вне больничных стен, в наших знакомых и в нас самих.

То, что происходит с солдатом, который внезапно слепнет незадолго перед отправлением его полка в бой, кажется более очевидным, чем то, что происходит с матерью, у которой начинаются обмороки за две недели до свадьбы её единственной дочери. Случай солдата во многих отношениях удастся легче трактовать, говоря о мотивациях, симптомах и возможном лечении. О том, имеет ли место что-то «психологическое» в поведении матери, заключения не напрашиваются; мы не видим мотивации, в частности, если считаем это выражением счастья за брак своей дочери; мы не можем чётко определить симптомы, а на вопрос о том, какое лечение ей требуется, получится ответить только после множества посещений врачей, или не ответить на него вовсе. Такие случаи больных женщин – и мужчин, и даже детей – нередко встречаются в приёмных врачей. Назвав все эти случаи психоневротическими, мы можем злоупотребить толковым термином, поэтому стоит рассмотреть их симптомы как *поведение*, чтобы расширить наше понимание некоторых расхожих форм «не-здравомыслия».

Неврастения

В этом типе психоневроза мы видим разрушительные последствия развитой «вросшей» скуки. Неврастеники прибывают в усталости, грусти, испытывают недостаток энтузиазма, реагируют резко эмоционально под давлением, пугаются обычных жизненных дел, легко раздражаются, или, по меньшей мере, беспокоятся, от критики или советов. В сущности, такие пациенты проникаются глубоким чувством неполноценности. Они – не всегда, но – могут жаловаться на физические симптомы, которым не удаётся найти органических причин. Эти предполагаемые симптомы, если они наблюдаются, по-видимому, согласуются с ощущением

утомлённости пациента. Мы можем выразить общее впечатление о нём, сказав, что он просто никак не соберётся с силами, чтобы начать вести обыкновенную жизнь.

В сравнении с более чётко различимыми невротическими недугами истериков, в более или менее ясных жалобах неврастеников на физические симптомы мы видим пример того, насколько сложно удаётся выделить чёткие отличия между всеми случаями одной и другой форм психоневроза. Пациенты, как правило, в большей степени проявляют себя как истерики, или в большей степени как неврастеники, нежели исключительно как одни или вторые. Более того, имея дело с этими пациентами, далеко не всегда легко получается отличить эти психоневрозы от некоторых психозов. Иногда не удаётся решить, отнести конкретного утомлённого, отвлечённого, сбитого с толку, избегающего контактов индивидуума к неврастеникам или к шизофреникам. В жизни симптомы обычно не раскладывают сами себя по полкам.

Психастения

При третьем типе психоневроза – психастении – среди основных симптомов выделяют навязчивые мысли, компульсивные побуждения и фобии. Навязчивые мысли, как правило, изобилуют преувеличениями и проявляются в регулярно приходящих образах, сомнениях и страхах. Индивидуум часто убеждает себя в том, что за ним следят, или что он теряет зрение. Мы можем считать такие навязчивые мысли крайними формами того, что нормально испытывается как волнение, или как «спутанный ум» при бессоннице. Когда эти «заевшие» мысли переходят в поступки, их называют компульсивным поведением. Например, один из моих пациентов жаловался на серьёзную бессонницу. Каждую ночь, после того, как он ложился спать, он вставал по несколько раз, чтобы спуститься вниз и убедиться, что выключил свет, запер двери, закрыл окна и т. д. Он чувствовал непреодолимую нужду делать это не один раз, а в некоторых случаях множество раз в течение ночи, вплоть до утра.

Некоторые люди проявляют относительно безобидные компульсивные тенденции; например, они наступают на все швы между бетонными плитами на тротуаре, или наоборот, избегают их, шагают в унисон с человеком идущим рядом, не упускают возможность плюнуть в реку, оказавшись на мосту и т. д. В некоторых случаях пристрастие играть в солитёр или закидывать монеты в игровой автомат и дёргать рычаг может подвести достаточно близко к тому, чтобы оценить эти действия как компульсивные. Один студент рассказывал мне, что за три месяца игровыми автоматами увёл себя в долг на \$350; этот долг он считал огромным и сильно из-за него тревожился. В случаях психастении проявляются более серьёзные и крепче мотивированные компульсивные тенденции. В классических случаях люди моют руки через короткие промежутки времени. Одна женщина при любых обстоятельствах отказывалась брать за лестничные перила, чтобы, как она говорила, не подхватить сифилис.

О фобиях, или сильных и относительно не поддающихся контролю страхах, психастеников, скорее всего, знают многие. Истории о фобиях часто пишут в популярных журналах, особенно если в них рассказывают об известных людях. Мы можем сказать, что сегодня жалобы на клаустрофобию (боязнь замкнутых пространств) или агорафобию (боязнь открытых пространств), или на что-то подобное, вошли в моду. Люди, по-видимому, не могут найти предела того, чего им приходится бояться. Один писатель перечислил пять расхожих людских страхов: страх смерти, врачей, собак, демонов и темноты.¹ Один психиатр как-то рассказал мне о пациенте, которому приходилось иметь дело с таким большим количеством фобий, что он обозначил его «фобофобией». Среди часто встречающихся форм фобия-подобных реакций мы можем отметить страх мышей, змей и молний. Страх перед аудиторией тоже встречается настолько часто, что он вполне вписывается в категорию фобий.

1. В оригинале все слова начинаются с буквы d: death, doctors, dogs, demons, darkness.

Психастеники доводят эти расхожие страхи до крайностей и придают им необычные формы. Коржибски приходилось иметь дело с пациентом, боявшимся мячей для гольфа. Ко мне обращался человек, который проявлял резкие фобические реакции на ситуации, в которых ему приходилось принимать пищу в компании других людей. Другой человек чрезмерно беспокоился о своих «оговорках», когда он, например, говорил «бызал», вместо «забыл». Он работал учителем в школе и, судя по его поведению, близился к «нервному срыву» из-за своего специфического недуга. Некоторые психиатры относят эти фобии и связанные с ними состояния тревоги в особую категорию «неврозов тревоги» в силу резкости и чёткости их тенденций в реакциях. Другие психиатры считают их частью общей картины психастении.

Здесь мы видим очередную причину трудностей в постановке диагноза. Навязчивые мысли, компульсивное поведение и фобии психастеников не всегда явно отличаются от убеждений, стереотипного поведения и подавленных и тревожных состояний при психозах. К тому же, компульсивное поведение психастеников в некоторых случаях походит на безответственную импульсивность пациентов с диагнозом «конституционально психопатическая личность». О том, как следует диагностировать или классифицировать индивидуума, могут возникать разногласия, но, о том, как описывать его поведение, обычно не спорят. Мы сможем лучше понять дезадаптацию, если сконцентрируемся на получении знаний о поведении, и не позволим себе вовлекаться в споры о том, как это поведение классифицировать.

Психозы

В Американской Психиатрической Ассоциации учитывают четыре главных типа функциональных психозов: *шизофрения* (раннее слабоумие), *паранойя*, *маниакально-депрессивный психоз* и *инволюционный психоз*. Их называют функциональными, потому что не выявили связанные с ними органические патологии. Об этом ведутся обсуждения, но преобладает мнение, что эти расстройства не получается адекватно объяснить повреждениями телесных тканей. Так или иначе, нас вновь интересует поведение пациентов с указанными психозами.

Шизофрения – простой тип

Шизофрения встречается широко. Двадцать или более процентов палат в больницах для «умственно» больных занимают шизофреники. В связи с этим может показаться, что эта болезнь служит представителем более серьёзных разрушительных сил в нашей культуре. Симптомы её проявляются экстремально по интенсивности и форме, но обладают пугающей схожестью с определённым, не экстремальным, поведением, наблюдаемым вне больниц.

В обсуждении абстрагирования на мёртвом уровне в Главе XII мы затронули некоторые основные симптомы шизофрении. Мы говорили о недостатке эмоционального тона, бесстрастном выражении лица и вербальной безответственности. Последнее видится ключевым, потому что потенциально свидетельствует о значительном недостатке какой-либо осознанности абстрагирования. Уровни абстрагирования попросту не дифференцируются. Это спутывание достаточно часто упоминается в докладах психиатров о случаях шизофрении. Доктор Уильям Уайт в своих поздних трудах утверждал, что когда эти пациенты говорят «абстрактным» языком, они пользуются им «конкретно». В подобном смысле, доктор Курт Гольдштейн сказал, что разница между шизофрениками и нормальными индивидуумами заключается в способности к абстрактному поведению. В качестве своей догадки о том, что Гольдштейн и Уайт говорили, я могу сказать в терминах общей семантики, что проблема состоит в радикальном отождествлении шизофреником уровней абстрагирования. «Конкретное» поведение в своих вербальных аспектах сводится к применению языка на относительно низких

уровнях перечисления, именованя или описания. Мы видели это на примере отрывка написанного шизофреником из исследования доктора Манна в предыдущей главе.

В качестве ещё одного примера того, что иногда делают шизофреники, когда пытаются пользоваться языком на более высоких уровнях абстрагирования, мы рассмотрим отрывок материала, написанный другим пациентом, участвовавшим в исследовании доктора Манна. Мужчина 27 лет начал проявлять симптомы шизофрении во время учёбы в юридическом колледже. Согласно карте пациента, он считался «успевающим» студентом. Далее следует первая страница того, что он напечатал, когда его попросили описать историю его жизни.

В свои спокойные моменты, когда я пристально смотрю на жизнь, я вспоминаю те описательные вещи, которые составляют капитальные вложения имущества ребёнка от семи до одиннадцати месяцев, такие как те, что окрашены и значимы, и те, что нет.

Те мимолётные моменты – это множество, которое формирует чёткую панораму для организации пассивного и активного тела и разума позднее.

Затем идут друзья, младенцы одного возраста, включая мою близкую сестру, на семь лет позднее родилась другая сестра. Они также несли форму изобразительности, что способствует подаче дальнейших указаний, например, от церкви, города, школы и государства.

Никаких особенных событий, а просто жил обычной жизнью взрослого, скорее включая от ранних до поздних состояний. Получил школьный аттестат, диплом от колледжа, и в продвинутой стадии работы в юриспруденции.

В особенности, жизнь окрашена значительно и схожа с тем, что обнаруживает любитель театра, после того как просмотрел несколько фильмов.

Жизнь, в заключении, обладает многими твёрдыми и грубыми внешними сторонами, моя фактически движется по небольшой, гладкой и интересной колее. Её заключение, в том как оно относится ко мне, не даёт ей никаких новых дополнений или новых начал к тому, чтобы быть настолько же текучим, как великая река Миссиссиппи, и сравнительным, как я могу судить о законе.

Обозревая свою жизнь, я считаю, что в сексуальные или телесные качества осуществлялись, в той или иной мере, вмешательства, которые не позволяют создать менталитет необходимый для того чтобы справиться со здоровьем и силой писателя.

Отец часто подчёркивал элементарные цели, такие как концентрация и противоположное представление предмета жизни, как её рассматриваю лично я, то есть, быть живым.

Мозг, особенно если человек (читатель) изучал физиологию, если доводить его до того, что иногда прерываются нервы, я мог бы предположить, что это был бы лучший момент, чтобы взглянуть на жизнь, как прямо сказано с гуманитарной точки зрения, а потом, перечитывая эту бумагу, как свою Жизнь, я бы заключил, что многое можно найти в словарях, и различные переводы языков о том, как человек чувствует, его чувства, а также, вероятно, куча неизбежных заключений.

Через несколько абзацев он написал следующее:

Жизнь – очень эрисел, потому что она – очень наглядна, и иногда бывает близка к самотражению или подавлению в сопровождении.

Взять, например, слово *жизнь* и слово *закон* обе начинаются с буквы / [англ. life, law] и обладают традиционным количеством и размером с последующим усилением многих других классификаций, от которых немеет разум как может это делать медицинский эфир. Я, остановившись ненадолго, чтобы поразмышлять не могу представить уверенность, которая держится в этом моменте.

Что мы можем сказать об этом, оперируя терминами «конкретное» и «абстрактное» (как употребляют их Гольштейн и Уайт)? Я не могу дать уверенный ответ. Мы, тем не менее, без

особых сомнений и промедлений назовём выше применённый язык дезорганизованным, размытым и относительно бессмысленным. В глаза бросается слово *эрисел*, которое служит примером одного из симптомов шизофрении, упоминаемых почти в каждом учебнике – неологизмы, или изобретённые слова. Мы также можем заключить, что этот язык отражает практически полное отсутствие осознанности абстрагирования. Если пациент осознавал отличия между заключениями и описаниями, он этому осознанию не предоставил никаких свидетельств. Вероятно, именно это имеет в виду Уайт под шизофреническим применением «абстрактного» языка – пациенты пользуются им как «конкретным». Так или иначе, мы не можем не заметить, что этот пациент, по всем признакам, отождествляет разные уровни абстракции и, скорее всего, не знает о самом понятии уровней. С его точки зрения, существуют только слова, слова и слова, а описания и заключения есть одно и то же. Почти полную бесполезность его высказываний в качестве проводника в реальность мы можем, с некоторыми оговорками, считать свидетельством того, что для пациента слова и реальность тоже есть одно и то же. Не получается представить, что человек писавший высказывания, приведённые выше, задавался вопросами: «Что я имею в виду?» и «Откуда я знаю?» Такие вопросы редко, если вообще, возникают у человека, который не осознаёт абстрагирование и, следовательно, плохо понимает необходимость согласовывать язык с реальностью.

Среди других симптомов шизофреников выделяют относительную необщительность и замкнутость. В детстве и отрочестве они обычно отдаляются от людей, ведут себя стеснительно и скрытно. Я могу привести весьма показательный пример из своего опыта. Шизофрения развилась у одного моего близкого знакомого. На протяжении нескольких лет я считал этого индивидуума сиротой, и очень удивился, когда к нему приехали родители, братья и сёстры после его отправки в больницу. Он никогда о них не говорил и не давал ни малейшего намёка на их существование в ходе наших, порой долгих разговоров, на протяжении четырёх лет. В добавок, о чём я тоже не имел понятия, он практиковал религиозную веру и регулярно посещал церковь; в больнице у него случались наваждения, что он есть Христос. Он никогда не говорил о своих религиозных взглядах, а я не предполагал, что он практиковал какие-то религиозные убеждения. Шизофреников не только плохо удаётся узнать после того, как их шизофрения стала очевидной, но с ними также с трудом получается подружиться и узнать их как людей до того, как они становятся пациентами больниц.

Наряду с замкнутостью, имеется ещё один заметный симптом – склонность к мечтаниям и глубоко проработанным фантазиям. В запущенных случаях расстройства эту склонность мы наблюдаем в проявлениях бреда и галлюцинаций, от которых шизофрения обычно производит такое необычное и пугающее впечатление. В зависимости от того, как *мечтания* определять, все предаются им в той или иной степени. Шизофреник же не ограничивается только причудами, желаниями или капризами в образах и словах, которые мы все испытываем время от времени, и которые оцениваем как мечтания. Шизофреник воспринимает это всё как реальность. В особо запущенных случаях расстройства, фантазии шизофреника, по-видимому, есть реальность не менее всего остального. Даже его разговоры во многих отношениях выражают фантазии. Бред в некотором смысле представляет собой мечтания, к которым относятся серьёзно, и поступают, основываясь на них, будто они есть подтверждённые факты. Это составляет основу поведения, которым характеризуются шизофреники.

У детей проявляется нечто в целом схожее, когда они не могут отличить факты от вымыслов. Иногда они, по-видимому, притворяются, но уверенно это заключить, не получится. Один шестилетний мальчик не пришёл одним вечером на ужин, а потом его нашли сидящим по-птичьи на ветке дерева во дворе. Его мать подошла к дереву и позвала его, но он в ответ посмотрел будто бы сквозь неё. Поняв, что он не собирался спускаться, семья села за ужин. На следующий день за обедом отец спросил мальчика (который спустился с дерева ко

времени, когда пришла пора идти спать): «Ну как, понравилось притворяться птицей?», а мальчик, с оскорблённым видом, ответил: «Притворяться птицей? Я *был* птицей».

Некоторые психиатры, среди которых – доктор Уайт в свой поздний период, предложили точку зрения, с которой шизофрения представляет собой «регрессивный психоз», потому что взрослые люди, страдающие шизофренией в некотором смысле возвращаются к детскому поведению, но эту точку зрения в последние годы достаточно активно опровергают. Как выразился доктор Норман Кэмерон, шизофреники не возвращаются к ранним стадиям своего поведения, а вырабатывают другие сценарии поведения. Ребёнок может теряться между фактами и выдумками, но ключевой момент состоит в том, что он свою способность развивает, а шизофреник своей способности лишился. С тем же успехом мы могли бы сравнить забывчивость пятилетнего мальчика с рассеянностью семидесятилетнего дедушки. Эти два явления могут показаться похожими, но процессы в их основе значительно отличаются.

Шизофренический бред представляет большой интерес, но нас интересуют не столько его темы, сколько структуры и отношение пациента к нему. В содержимом, как правило, находят-ся само-обвинения и мании преследования (когда другие люди хотят «до него добраться») или само-прославления и возвеличивания (он есть Наполеон или Христос, или великий и могучий в каком-то ином смысле). Структурно, мы можем обозначить бред диаграммой в Главе VI. Он представляет собой своего рода «семантический рак» – злокачественный рост в почве убеждений. Он может начаться с некоторого опыта, наблюдений, которые будто бы попадают в вихрь интенционализации в среде из принятых когда-то предположений, после чего эти факты разрастаются в крепкие убеждения. В некоторых случаях не удаётся понять, существовали ли изначально хоть какие-то факты, из которых возникли эти убеждения.

Существовали они или нет, бред, сформировавшись, представляет собой сложную вербальную надстройку, которая будто бы парит в воздухе, не нуждаясь в подспорье из фактов. Эту ситуацию удастся выразить двумя почти эквивалентными способами. Мы можем сказать, что бред никак не относится к реальности, и поэтому не согласуется с данными или опытом. Или, мы можем сказать, что бред представляет собой убеждение, которое отождествляется с реальностью – карта принимается за территорию. Показательным видится то, что некоторые пациенты, когда их спрашивают о том, как они пришли к своим убеждениям, говорят, что высказанное ими не есть никакие убеждения, а есть самые что ни на есть факты. Бред, в таком смысле, представляет собой обращение процесса абстрагирования, при котором вербальные уровни пациент оценивает как более первостепенные, чем не-вербальные уровни, или как одинаковые по значению или значимости. Мы можем считать такое обращение процесса абстрагирования базовым механизмом проявления бреда.

Примером более заметных симптомов служат галлюцинации. Шизофреник, который сидит в углу палаты, слышит голоса и «отвечает» им, очевидно, уже не просто страдает бредом. В галлюцинациях мы видим в своём самом неприкрытом явлении механизм неосознанной проекции. Если человек видит несуществующих маленьких человечков, разговаривает с ними, пытается от них убежать или строит против них планы, мы можем безошибочно сказать, что он путает заключения не только описаниями, но и с реальностью. Поведение человека настолько плотно завязалось на этом спутывании, что реальность прекращает как-то влиять на его оценки. Мир за пределами его кожи будто больше не существует. Не-вербальные уровни абстракции, как мы их знаем, отделились от вербальных уровней, как мы их знаем, он более не отличает одни от других и взаимодействует только, или почти только словами со словами, будто они есть факты. В этом смысле, бред и галлюцинации шизофреников наглядно выражают беспрепятственное, неконтролируемое отождествление уровней абстракции. Этим высказыванием мы выражаем общее положение вещей по данному вопросу.

О другом заметном симптоме шизофрении обычно говорят как о эгоистичности, эгоцентризме, инфантилизме, сильной склонности разговаривать о себе и т. д. Простыми словами, шизофреники часто проявляют чрезмерное себялюбие. Своим образом, в своей мере этим занимаются все. Во многом, это сводится к вопросу определений и различий – мы можем учитывать себялюбие₁, себялюбие₂, и т. д. Большинство из нас, большую часть времени, возможно, проявляют такое себялюбие, которому приписывают некоторую социальную значимость, в то время как себялюбие шизофреников, как правило, не представляется значимым окружающим людям, и на практике может представлять собой социальную угрозу.

Психиатр, доктор Джон Дорси, отметил, что подрастая, мы начинаем с этапа «Помогите мне», проходим к этапу «Я могу позаботиться о себе сам» и приходим к этапу «Позвольте мне помочь вам». Когда мы помогаем другим, мы, вероятно, проявляем эгоизм в той же мере, в которой проявляем его, когда требуем помощи у других. Филантропия настолько же удовлетворяет филантропа, – иной раз, даже больше – насколько она удовлетворяет тех, кто получает её выгоды. Мы не возражаем, куда кто-то получает выгоды. Мы возражаем, когда филантроп считает деятелей образования и науки, которым он даёт деньги, своими работниками. Мы возражаем, потому что такие филантропы своими действиями говорят: «Помогите мне», вместо «Давайте, я помогу обществу». Мы не любим подарки в долг, возможно, в силу нашего собственного эгоизма, который заставляет нас не любить тех, кто позволяет нам им помочь, но не даёт ничего взамен, ни «благодарности», ни «чести».

Поэтому мы не ценим эгоизм, который проявляют шизофреники. Он не несёт нам или обществу никакой ценности – никакой, кроме издержек, неудобств и беспокойств. Мы можем относиться терпимо и даже уважать заметный эгоизм, который проявляет музыкант на сцене или практичный владелец бизнеса, потому что мы любим хорошую музыку или выплаты 10 процентов дивидендов, но эгоист, не приносящий пользы, в обществе считается балластом.

Эгоцентризм шизофреника, как и его недостаток эмоций, представляется последствием или выражением его общей оторванности от реальности. Его эгоистичные заботы не представляют ценности для общества, потому что общественная реальность мало что для него значит. Она не служит ему эффективной опорой для оценок и решений, влияние на общество которых он не подвергает вопросам. Он настолько глубоко ушёл в собственный мир слов, что его уже почти не получается считать социальным существом. Он порвал отношения с миром; «отключился» от него. Отсутствует рабочее соединение между вербальными и не-вербальными уровнями абстракции. Из-за того, что он отождествляет вербальные и не-вербальные уровни, и поэтому будто бы остаётся только на одном уровне, он не отличает то, что происходит на не-вербальных уровнях, как мы их знаем, от того, что он делает на вербальных уровнях. В этом измерении мы можем назвать его личность «разделённой». В значительной степени, то, что происходит с ним, не производит впечатлений *на* него.

Шизофреник может вести себя не более эгоистично, чем остальные люди, но он меньше общается, слабее реагирует на эффекты своего эгоизма, производимые на других людей, и попросту упускает других людей в своих оценках того, чему он придаёт важность. Подобным образом характерно ведут себя младенцы, и поэтому мы говорим, что шизофреники поступают инфантильно. Младенец отличается от шизофреника в том, что он по прошествии некоторого времени начинает обращать на нас внимание. На шизофреника в этом надеяться приходится не всегда, по крайней мере, с нашей точки зрения. Это стоит подчеркнуть, потому что мы не можем с полной уверенностью судить о точке зрения пациента. Профессор Э. Б. Гатри допустил, что от шизофрении страдает не шизофреник, а его семья.

При шизофрении наблюдается также то, что мы можем назвать ригидностью структуры личности. Это, по-видимому, осуществляется как функция общей семантической блокады паци-

ента – его отождествления уровней абстракции. Обычно мы избегаем крайних проявлений ригидности, потому что в той или иной мере реагируем на реальность, и покуда она меняется, меняемся и мы. И, именно утрата этой способности реагировать ведёт нас к «узколобости» и «твёрдой уверенности». Игнорируя меняющиеся требования нашего окружения, мы вырабатываем устойчивые интересы, системы привычек и рутин; мы остаёмся неизменными, как и наши политические, религиозные и социальные отношения. Такую ограниченность реакций мы развиваем в себе лишь до некоторой степени, по мере того, как мы растём в нашей культуре, но шизофреник развивает её до такой степени, что его слова и поступки часто кажутся лишёнными всякой связи с окружением. Он может сидеть на месте часами, повторяя одни и те же движения руками. Его бред может тоже начать повторяться систематически и не меняться, независимо от того, что он видит, что ему говорят, что с ним или вокруг него происходит. Ригидность в поведении и узкий кругозор, даже в относительно нормальных степенях, стоит считать сигналами опасности. В случаях шизофреников, возросшие степени этих условных показателей свидетельствуют о серьёзной дисфункции.

Наконец, многие из этих симптомов выражают, или по меньшей мере, дают намёк на некоторый чувственный тон. Мы уже отметили шизофренический недостаток эмоций, каменное выражение лица, но не стоит понимать это буквально. В качестве общего высказывания, оно сгодится, учитывая, что мы осознаём его ограничения. Говоря о случаях, когда шизофреники проявляют эмоциональные реакции, мы можем сформулировать три высказывания. Во-первых, они обычно не реагируют актуально для текущей ситуации, по крайней мере в том, как её видят другие люди. Когда другие люди удивляются, печалятся или радуются, шизофреник, скорее всего, не проявит таких реакций. В этих случаях, может показаться, что он относится к происходящему безразлично, или что он сосредоточился на чём-то другом. Когда же другие люди не видят на то причин, шизофреник может проявлять грусть, необычное довольство или другую эмоциональную реакцию, например, неуместную весёлость.

Во-вторых, во многих случаях и разными способами реакции шизофреника, по-видимому, выражают или намекают на «дурные чувства», злость или ненависть. Эти пациенты иногда реагируют очень чувствительно, раздражительно и агрессивно. Их скрытые тенденции к ненависти особенно заметно проявляются в бреде и при депрессиях. Их анамнезы часто включают свидетельства об опыте и социальных отношениях, из которых ненависть могла выработаться. Многим из этих пациентов, по-видимому, пришлось испытать очень тяжёлые и болезненные фрустрации. Шизофреники в той или иной мере характерно имеют опыт трудных отношений, чувства недоверия, обиды и презрения в отношении других людей, выразить которые они почти не получали возможности, и делали это только под сильнейшим давлением. Они истлели. Эти пациенты служат драматической и трагической демонстрацией человеческой значимости ненависти. Её значимость заключается не только в её прямых опустошающих эффектах, но и в огромном количестве «энергии», которая на неё тратится. Человек обладает ограниченным «запасом энергии» в целом, ограниченным запасом часов в день и ограниченным запасом лет в жизни; «энергия» и время, посвящённые активной ненависти, с точки зрения конструктивного поведения, теряются безвозвратно. Один из уроков, который мы можем извлечь из приобретённых знаний о шизофрении, состоит в том, что ненависть не помешало бы рассматривать как патологическую форму поведения.

В чувственном тоне шизофреников преобладает депрессивность. Они, говоря в общем, по жизни грустят. Дела обстоят так не всегда, а когда они обстоят так, это не всегда легко удаётся заметить, но тщательное расследование в большинстве случаев выявляет хмурые облака – чувства ничтожности, неполноценности, вины, стыда, разочарования, само-отвергания, подавленности; все эти симптомы мы можем считать признаками наступающей шизофрении.

К ним нередко примешиваются сильные страхи и чувство скорой катастрофы. Санитары следят, чтобы у этих пациентов не проявились суицидальные наклонности.

Наблюдая за проявлениями шизофрении, удастся сделать заключения о человеческом поведении; например, глубокая, неотступая депрессия, хроническая обида и подавленность говорят о семантическом нездоровье. Счастье, надежда, благожелательность, в меру хорошее мнение о себе стоит рассматривать не просто как средства достижения популярности, а как симптомы хорошего здоровья. В палате психопата первыми в глаза бросаются безжизненность и недостаток ординарной оживлённости. С этой точки зрения, шизофрения проявляется при полной утрате способности дружить. Осознав ужас этого факта, удастся по-новому оценить звуки счастливого смеха и теплоту незамысловатой привязанности.

Резюме простой шизофрении

В этом кратком резюме мы приписываем так называемой шизофрении следующие характеристики:

1. Крайний недостаток осознанности абстрагирования.
2. Всеохватывающее отождествление уровней абстрагирования,
- и
3. Неосознанные проекции.

Эти симптомы ведут к следующим общим последствиям:

1. Эмоциональная апатия. Эмоциональные реакции, как правило, проявляются неадекватно данной ситуации. Выделяются базовые чувственные тона ненависти и депрессии, а также существенно ослабленные способности к дружбе.
2. Бред.
3. Галлюцинации.
4. Эгоцентризм.
5. Ригидная и в целом инфантильная структура личности.

Особые типы шизофрении

Традиционно различают четыре типа шизофрении: *простая* (которую мы обсуждали до сего момента), *гебефреническая*, *кататоническая* и *параноидная*. В целом при всех этих типах проявляются симптомы, которые мы уже обсудили; отличаются эти типы своими особенностями выражения или интенсивностью проявления отдельно взятых симптомов.

Например, при гебефренической шизофрении, выделяется так называемая «игривость». К ней относятся шутки, смех, хихиканье и т. д., причин которым со стороны не наблюдается. Гебефреник может показаться не просто игривым, а непристойным и безответственным в отношении к себе. Он может игнорировать принятые приличия при использовании туалета и т. д. В психоанализе, в котором особое внимание уделяется «сексу», в теоретических дискуссиях о пациентах этим проявлениям придаётся особое значение. Существуют, конечно, и другие интерпретации, не только с точки зрения секса. Один психиатр предположил, – и многие другие психиатры сходятся с ним в этом предположении – что шизофреник так обращается с отходами своего организма, или ведёт себя каким-то подобным образом, не из-за какого-то полового извращения или отсталости, а просто в силу «рассеянности». Он делает это примерно так же бесцельно, как нормальный человек рисует каракули на бумаге, когда ждёт телефонного звонка. С точки зрения общей семантики мы можем смотреть на это игривое, непристойное поведение так же, как на остальное поведение шизофреника – как на

апатию или бред. Иными словами, мы можем рассматривать его как один из типов выражения отстранённости от реальности, вызванной отождествлением уровней абстракции.

Кататоническая шизофрения характеризуется весьма неординарными симптомами. Классическую форму симптома обычно называют *cerea flexibilitas* – восковая гибкость. Пациенты могут поддерживать положения тела, даже видимо неудобные, по несколько часов. Руку такого пациента удастся расположить практически как угодно, и она остаётся в этом положении какое-то время. Иногда, приняв позу, пациент может застыть в ней очень твёрдо, так что его руки и ноги с трудом поддаются перемещению. Кому-то, глядя на него, может захотеться сказать, например, что он «окаменел от страха» или «от скуки», но не буквально.

Несмотря на ограниченную подвижность, пациенты могут реагировать активно и резко. Коржибски рассказывал о подобном случае, произошедшем, когда он проводил исследования в больнице для «умственно» больных. Лечащий врач представил его одному из кататонических пациентов родом из Литвы. Как многие литовцы, он подвергся идеологической обработке, включавшей глубокую ненависть к полякам. Он пребывал в кататоническом ступоре несколько лет, оставаясь неподвижным, безразличным и невосприимчивым к окружению, выходя из него редко на короткое время. Когда ему представили Коржибски, он немедленно вскочил и схватил его за горло. Последовала борьба. Лечащий врач допустил роковую ошибку, когда представил Коржибски как «выдающегося польского учёного».

Это служит примером не-задержанной реакции, тесно связанной с отождествлением и всеобъемлемостью. На нём мы видим крайне патологическую форму поведения, которое в меньших степенях достаточно часто встречается в нашей культуре. В этой книге мы обсудили это уже несколько раз. Я однажды знал студента, очень способного исследователя, который, получив диплом о высшем образовании, устроился на работу в крупной корпорации – но только после того, как он дал согласие пройти необходимые процедуры, чтобы сменить имя. Стоит также вспомнить, что в Японии цвет, с социальной точки зрения, не играет такую важную роль, какую он играет в нашей части мира. Вместо этого, японцы обращают внимание на растительность на лице; чем больше человек имеет растительности на лице, тем ниже считается его статус, или выше социальная недостаточность. Это мы можем считать другой формой выражения отождествления, которое лежит в основе наших этнических и классовых дискриминаций, и которое спровоцировало дикое, не-задержанное нападение на «выдающегося польского учёного». Как мы уже отмечали, в некотором смысле, безумных людей не существует; существуют только безумные способы себя вести.

Об обоснованных отличиях между параноидной шизофренией и паранойей ведутся обсуждения. Последнюю традиционно считают типом психоза, отличным от шизофрении. На практике встречается множество пограничных пациентов с признаками как паранойи, так и шизофрении. В общей категории шизофрении они отличаются от других шизофреников параноидным характером своего бреда – они патологически подозревают других людей. Как шизофреников мы их уже обсудили; как параноиков мы начинаем их обсуждать.

Наглядно

При шизофрениях больше, чем при других серьёзных типах расстройств мы видим наглядно случаи неадекватной оценки и неэффективного поведения, которые в более лёгких формах, делают наши жизни заметно менее приятными и продуктивными, чем мы, без сомнения, могли бы их сделать. То, что мы называли в обсуждении более ординарных людей излишней интенсификацией, в шизофрении мы находим в виде бреда. То, что мы называли не-обусловленностью, наблюдается в ригидном поведении пациентов, их невосприимчивости к окружению, недостатке эмоционального тона, настойчивой ненависти или депрессии.

Чрезмерное напряжение и сопровождающие его конфликты, удастся сравнить и сопоставить с кататоническим ступором в тяжёлых случаях этих расстройств. Мы также отметили в описании случая кататонического литовца, как могут проявляться не-задержанные реакции в запущенной форме. Ординарные варианты всеобъемлемости, которую мы ежедневно выражаем в своих слишком категоричных и поспешных выводах, развиваются при шизофрении в, по-видимому, полное отождествление уровней абстракции и непонимание разницы между фактами и вымыслами. Маслоу и Мителман в книге *Principles of Abnormal Psychology* [Принципы Психопатологии] описывают пациента, который писал слово *бифштекс* на клочках бумаги и ел их. Неосознанная проекция, в форме «голосов» и зрительных галлюцинаций шизофреника, по-видимому, не поддаётся контролю и не имеет границ. Эти семантические неадекватности в менее странных формах встречаются часто среди реакций так называемых нормальных людей, и мы можем ещё долго продолжать их список.

Паранойя

Другие психозы, *паранойя*, *маниакально-депрессивный психоз* и *инволюционный психоз* характеризуются в основном, и в разных степенях от случая к случаю, симптомами, схожими с симптомами шизофрении. Как мы отметили ранее, цитируя Коржибски, отождествление выступает общим симптомом при всех «умственных» заболеваниях. При всех психозах наблюдается спутывание уровней абстракции и обращение процесса абстрагирования. Шизофреники подвергаются более общему влиянию собственных проблем, тогда как у психотиков одни аспекты выделяются ярче других. Шизофреники функционируют как «разнорабочие», а психотики как «специалисты» в своих странных человеческих делах.

При паранойе основным симптомом выступает крайняя подозрительность, выраженная в бреде. Среди прочих симптомов мы можем выделить замкнутость, эгоцентризм, скрытность и глубокие чувства неполноценности, сходящиеся в чувство вины, которое неосознанно проецируется на других людей – индивидуум предполагает, что другие люди видят его так, как он видит себя. Он обвиняет себя в плохих и постыдных поступках, ничтожности, а потом проекцией создаёт мир, в котором другие люди предъявляют ему такие же обвинения. Саморефлексивно это приводит к этапу, на котором он представляет, что эти люди замышляют что-то против него. В его бреде они плодят о нём скандальные слухи, хотят лишить его собственности, пытаются его убить, отравив его пищу или каким-то иным способом.

По мере отдаления от нижних уровней абстракции, он более эффективно систематизирует и усложняет свой бред. Часто, в ходе этого процесса – который, он, конечно, не полностью осознаёт – происходит интересный поворот событий. Бред смещается от преследования к величию. Будто бы параноик сам себе говорит: «Почему все эти люди сговариваются против меня? Почему они пытаются убить меня? Ну, конечно! Теперь, мне всё ясно! Это потому что я обладаю великой силой, великим богатством. Не удивительно, что у меня столько врагов. Всем великим людям в истории приходилось иметь дело с врагами, как приходится и мне. Я слишком велик». Возможно, к этому он бы добавил: «Я есть Наполеон. Поэтому они сговорились убить меня. Они меня боятся. Конечно, боятся, я ж есть Император Наполеон».

Многие психиатры замечали, что параноики ведут себя логично. Если принять предположения, которые принимает параноик, придётся согласиться, что большинство его высказываний и действий, вытекают логически из этих предположений. Логика, как таковая, не гарантирует здравомыслия. Она гарантирует только обоснованную последовательность, а проявлять параноидное поведение удаётся вполне последовательно, как последовательно ведут себя пресвитерианцы или республиканцы. Это объясняет, почему параноика не получается разубедить в достоверности его бреда простыми обсуждениями или спорами. Споры только

подталкивают его к «размышлениям», которыми он ещё больше усугубляет свой бред. Параноики часто демонстрируют блестящие вербальные способности, и они служат живыми примерами того, насколько опасными эти блестящие вербальные способности могут оказаться, как таковые. Чрезмерно высокий I.Q., потенциально ценный актив, может иной раз стать поводом насторожиться. Говорят, что чтобы стать безрассудным, сначала придётся рассудком обзавестись. Для того чтобы выработать сложный бред при паранойе, требуются хорошие вербальные способности. Не у каждого получится «выдумать такое».

Маниакально-депрессивный психоз

Маниакально-депрессивный психоз отличается цикличностью. В случаях циклического типа поведение переходит от глубокой депрессии к сильной возбудимости и несдержанности, и обратно. Существует, однако, множество случаев, в которых цикличность не наблюдается. В одних случаях выдаётся депрессия; их называют *маниакально-депрессивно депрессивными*. В других – возбудимость; их называют *маниакально-депрессивно маниакальными*.

Рассмотрев фазы маниакально-депрессивного психоза, удастся обнаружить в разных степенях проявления большинство симптомов шизофрении. Пациентов, у которых депрессия определяется как основной симптом, часто представляется сложным отличить от шизофреников, у которых депрессия тоже порой выходит на передний план. Некоторые депрессивные пациенты проявляют недостаток подвижности вплоть до кататонии. Иногда они отказываются от пищи, и их приходится кормить через трубочку. Они также ведут себя скрытно и необщительно. Они без конца пребывают в раскаянии. Попытки их расшевелить приводят к раздражению или ступору. В некоторых случаях наблюдаются достаточно проработанные бредовые идеи с самоуничижительным содержанием. В других – пессимизм, сожаления и печаль, от которых они страдают, пока не обрели чёткую форму организованного бреда. Они выглядят поверженными и лишёнными способностей оценивать ситуацию.

В своей маниакальной фазе этот психоз проявляется наиболее ярким образом. В сравнении с маниакальным пациентом, цирковой клоун покажется интеллигентом. В маниакальном состоянии пациент длительными порывами выплёскивает человеческую энергию всеми цветами радуги. Несмотря на понимание его печального положения, маниакальным пациентам удаётся вызвать у наблюдателя смех, особенно своими безостановочными, несдержанными разговорами в ответ на практически всё и вся вокруг. Язык без костей и мозг без тормозов создают вербальный винегрет, который не снился самым умелым виртуозам игры слов.

Среди винегрета иногда попадают мельчайшие горошины смысла. Одним летом я работал в кабинете психиатрической больницы, окно которого выходило во двор, где на другой стороне располагалось женское отделение. Одна из маниакальных пациенток приходила оттуда к одному из окон отделения и кричала во весь голос: «Что не так с этим миром снаружи? Принеси дерево!» Спустя несколько недель, в ходе которых мне пришлось услышать это сообщение двести или триста раз, я начал принимать его более или менее серьёзно. Мне не удалось понять, что она имела в виду под: «Принеси дерево!», но её вопрос: «Что не так с этим миром снаружи?» начал казаться мне достаточно чётким следом здравомыслия.

Некоторые пациенты проявляют поверхностное дружелюбие и общительность. Они могут ходить за кем-нибудь по пятам часами, болтая бессмыслицу, в чём напоминают игривого щенка. Иногда они резко агрессивно срываются на посетителей, врачей или других пациентов, за что их заворачивают в мокрые простыни и помещают в палаты со обитыми подушками стенами. Они несомненно представляют опасность для окружающих и для самих себя.

Маниакальные пациенты легко отвлекаются. Внимание смещается быстро, порывисто, безостановочно. Прогуливаясь по коридору, маниакальный пациент может дотронуться до каж-

дого подоконника, понюхать каждый цветок в горшке, постараться не наступить – или наоборот, наступить – на все швы или другие отметины на полу, не прекращая при этом ни на секунду говорить о чём-то, отдалённо связанном с проходящими мимо людьми и сменяющимся видом из окон, переходя на песни, стишки, случайные комментарии и шутки, которыми обычно обмениваются в коктейль-баре. Если интенсивность всей этой деятельности сбавить процентов на 500, он вполне может сойти за «весьма остроумного человека».

Среди других особенностей поведения некоторых пациентов выделяют стереотипию – склонность настойчиво повторять последовательности поступков. Они могут повторять действия или комментарии снова и снова, как в случае с женщиной, которая всё лето кричала одни и те же слова в окно сотни раз. Связь этих стереотипных реакций с остальным поведением пациента наблюдается не всегда. В целом, маниакальный пациент производит впечатление крупномасштабной дезорганизации, специализуясь в яркой, напористой бессвязности.

Как в депрессивных, так и в маниакальных фазах наблюдается дезориентация. Пациент может лишиться способности понимать, где он находится или определять текущее время года или год. Даже те маниакальные пациенты, которые на поверхности выглядят открытыми и отзывчивыми своей среде, в более глубоком смысле, эту среду не замечают. Как при шизофрении, так и при этом психозе, имеют место беспрепятственное отождествление уровней абстракции, неспособность отличить смысл от бессмыслицы, заключение от описания, факт от предположения. Оценки не сверяются с наблюдениями и опытом, потому что, по-видимому, наблюдения и убеждения, опыт и воображение не дифференцируются.

Инволюционная меланхолия

Инволюционный психоз обычно случается поздно в жизни. Некоторые авторитетные врачи связывают его с менопаузой или так называемой «переменой в жизни», или, по меньшей мере, с определённой утратой энергии, требуемой для сексуального функционирования. Другие не придают такого значения сексуальным факторам, а связывают это расстройство с общей утратой жизненных сил и надежды. Мы обойдёмся комментариями относительно этой формы данного психоза, известного как инволюционная меланхолия. Инволюционная меланхолия включает погружение себя в глубокую меланхолию и само-рефлексивную грусть. Она, как правило, происходит в то время жизни, когда будущее становится намного менее значимым в сравнении с прошлым. Мы можем рассматривать её как реакцию патологического неудачника, смотрящего на то, как заканчивается игра, в которой он проиграл.

Наряду с глубокой депрессией, наблюдается общее ухудшение умственной деятельности. Простейшие решения кажутся невыполнимо сложными; теряются воспоминания; общее состояние характеризуется недоумением. Нередко в чувственном тоне присутствует сдержанная обида. Случаются также осложнения в виде необоснованных страхов. Часто встречаются суицидальные наклонности. Дрожащие руки, сутулая осанка и печальное бормотание наводят на мысли, что человек не видит ничего кроме пустых, серых пейзажей разрухи.

Как и при других психозах, процесс абстрагирования оказывается безнадёжно заблокирован. Реальность искажается и отождествляется с гротескными заключениями и предположениями. Пациенты кажутся совершенно невосприимчивыми к фактам или к высказываниям о фактах. Нормальные отношения между языком и реальностью для них стёрлись; остались лишь слова, повествующие о нависших хмурых облаках безысходности и грядущей смерти.

Конституционально психопатическая личность

Наконец, мы подошли к удивительному персонажу – конституциональному психопату; проблемному ученику в классе для безумцев и чудаку на деревне. Попробуйте вспомнить такого

человека из вашего опыта; им, вероятно, окажется один из представителей того, что мы имеем в виду под психопатической личностью. Один из интересных случаев привёл доктор Хэрви Клэкли в своей книге *The Mask of Sanity* [*Маска Здравого Ума*]. Доктор Клэкли, в общей точке зрения на это расстройство, называет его *семантической деменцией*.

Мы можем оценить то, что он имеет в виду под этим термином, рассмотрев самые яркие симптомы психопатических личностей. Пожалуй, уместно его симптомы мы можем обозначить словом *импульсивность*. Не стоит путать её с полным отсутствием сдержанности маниакальных больных. Они, скорее, напоминают психоневротиков. Помимо «эпизодов» или особых слабостей, они обычно, по крайней мере, видимо, ведут себя в целом нормально и компетентно. Примеры пациентов, приведённые доктором Клэкли, включают вполне солидных индивидуумов, и даже одного известного психиатра, главврача больницы. Среди лично знакомых мне пациентов, я работал с одним редактором, работодателю которого приходилось его прощать за периодическую некомпетентность – точнее, периодические прогулы.

Психопаты в некоторых случаях напоминают пациентов, страдающих от гебефренической шизофрении. В частности, они часто ведут себя настойчиво игриво или поверхностно позитивно и дружелюбно в ситуациях, в которых уместнее стоило бы вести себя формально или серьёзно. Отношение к окружению характеризуется халатностью, например, в том, что такие люди могут иногда уйти во время рабочего дня на обед, и потом не вернуться, не потому что у них что-то случилось или их что-то не устроило, а просто потому что захотелось. Это отношение демонстрирует случай на суде, когда судья спросил нарушителя, зачем он бросил кирпич в окно, а тот ответил: «Я точно не знаю – просто чтобы это сделать».

Такое развесёлое расположение со стороны выглядит пугающей беспечностью и безответственностью, которых от зрелого человека обычно не ожидают. Мы можем провести колею поведения, проходящую на границе между нарушением закона и «умственным» заболеванием, и по этой колее бредёт, пошатываясь, психопат. Сместившись в одном направлении, он оказывается в тюрьме, в другом – он, как правило, на короткий период, попадает в учреждение для «умственно» больных. Если ему сопутствует удача, или если он располагает деньгами или водит влиятельные знакомства, он может позволить себе ограничиться терпением осуждений только от своей семьи и нескольких близких товарищей. На замечания и уговоры этих расстроенных, но терпеливых советников, он, вероятнее всего, отвечает выражениями твёрдой решимости впредь держать себя в руках, не допускать подобных ошибок, начать с нового листа, и т. д. Он мирится с женой, с родителями, просит у всех за всё прощения, и несколько дней или недель, или даже месяцев, стабильно ходит на работу, возможно, откладывает деньги, посещает церковь по воскресеньям и не пьёт ничего крепче лимонада. А потом, в один прекрасный день, по воле случая, когда он решает выпить, когда он вовлекается в конфликт, знакомится с блондинкой или обнаруживает ошибку в ежемесячном счёте, он неосознанно соскальзывает обратно в петлю колеи, которая уводит его от пути благоразумия. Говоря проще, на такого человека не получается положиться.

Некоторые из этих психопатов обладают узкой гениальной способностью. Персонаж Монте Вули в фильме *Life Begins at Eight-Thirty* [*Жизнь Начинается в Восемь Тридцать*] служит частичным примером этого странного сочетания гениальности и ненадёжности. Читатель, вероятно, вспомнит несколько психопатов, или почти психопатов, достойных освещения в новостях, среди деятелей театра, спорта или политики. Мы не станем называть их имена в этой книге. Легенды калифорнийской и клондайкской золотых лихорадок в некоторых аспектах сложились благодаря перевозбуждённым психопатам, чьи поступки под влиянием золотой пыли привлекли массу внимания. Эти гибриды гения и некомпетентности так впечатляют, потому что обещают изобилие благородного, а приносят кучу бесполезного.

Не все психопаты обладают гениальными способностями. Некоторых из них едва удастся отличить от слабых умом. Выделяются они тем, что их относительная глупость и неадекватные суждения раздражают окружающих. Проще говоря, они поступают глупо и плохо. Существуют индивидуумы со слабыми умственными способностями, которые проявляют добросовестность и надёжность по своей компетентности, а также честность и приличие в социальных реакциях. Недалёкого психопата отличают по недостатку сдержанности, включающей агрессивность, мелкую, но частую ложь, проблемы сексуального характера и склонность к излишнему употреблению алкоголя. Среди бродяг и бездомных найдётся великое многообразие психопатов. Каждый год в урожайный период на пшеничных полях Канзаса сезонно в наши края прибывали незнакомцы, которые рассказывали легенды о дороге, байки о драках в барах, о том, как их тянет вернуться домой и повидаться с матерями, которых они не видели годами. И «в этот раз» они точно собирались домой; им лишь требовалось немного денег, но когда кто-то давал им денег, они отправлялись в очередной бар, теряли деньги по рассеянности или кому-то отдавали. Домой их тянуло, но до дома никогда не дотягивало.

Общая картина психопатической личности складывается из недостатка нормальной сдержанности, эпизодической незрелости, ненадёжности и поверхностности. Последний элемент видится ключевым. Поверхностность чувств также отмечал Клэкли; наблюдение именно этого элемента позволяет нам говорить об этом расстройстве как о семантической деменции – дефиците простых суждений и здравого смысла в вопросах личностного развития и социальных отношений. Оценки психопата отличаются инфантильностью и неглубокостью. Он совершает поступки, игнорируя и предавая последствия; при этом, насколько бы неблагоприятно эти последствия ни складывались, он реагирует на них показным раскаянием, под которым без труда удаётся разглядеть невозмутимое пожимание плечами. По нему *кажется*, что он всё понимает, *кажется*, что его волнуют проблемы, которые он приносит и создаёт, он *кажется* решительно настроенным прилагать усилия, чтобы исправиться – но это только *кажется*. Доктор Клэкли уместно характеризует это непостоянство, или фасад зрелости, которым психопат пытается прикрыть свой инфантильный характер, названием своей книги *Маска Здравого Ума*. Во время своих спокойных периодов, или, скорее, странных интерлюдий, психопат демонстрирует явно не присущую ему социальную грацию, знания о здравом смысле без какого-либо его понимания, словесные способности, которые для него ничего не значат – в целом, форму без содержания. Мы говорим, что внешняя красота человека не идёт глубже кожи, и можем сказать, что внешне привлекательный характер, умение судить и взаимодействовать с обществом у психопата не идут глубже слов.

От общих впечатлений от всего этого действительно напрашивается термин *семантическая деменция*; при этом предполагается некое оценочное слабоумие, недостаток глубины чувств и развитых убеждений. По этому поводу вспоминается рассказ о лошади, которая побежала и с треском врезалась в стену амбара, не из-за слепоты, а потому «ей было плевать». Психопат, по-видимому, не умеет отличать один импульс или действие от другого с точки зрения их последствий. Он не понимает разницы между искренним чувством жалости, привязанности или уважения и фальшивым выставлением таких чувств напоказ. Он не приписывает словам любви, доброты и содействия тех значений, которые приписывает им большинство людей, но может пользоваться ими как опытный актёр, чтобы создать иллюзию искренности. Он не отождествляет уровни абстрагирования полностью, но и не различает их чётко. Процесс абстрагирования не блокируется всецело, но он протекает туго или обращается при некоторых обстоятельствах – и об этом мы не можем судить достоверно.

Половые дезадаптации

Нам осталось рассмотреть тип симптомов, наблюдаемых в некоторой форме при всех серьезных расстройствах личности – половые дезадаптации. Их обычно не рассматривают в качестве отдельного расстройства. Так же как бред или компульсивные наклонности, так и половые дезадаптации как таковые рассматривают как симптомы, нежели как расстройства; они могут играть роль в общем сценарии расстройства практически любого типа.

Относительно секса в случаях личностной дезадаптации, имеется слишком мало или слишком много того, что мы считаем проблемным. Иными словами, пациенты проявляют склонность реагировать на ситуации сексуального характера отвращением, страхом, излишним ханжеством, или безответственным промискуитетом или каким-либо извращением.

Простое ханжество, как форма половой дезадаптации, в среднем, встречается наиболее широко. Темы секса не просто избегают, а отвергают, не от безразличия, а от чувства стыда и страха, приобретённых в раннем детстве от родителей, которые, скорее всего, понимали эту тему до-научно. В крайних формах это относительно простое ханжество перерастает в явно ненормальное избегание, сильный страх сексуального опыта или даже обсуждений на тему секса, и общую неспособность получать какое-либо удовлетворение из этой сферы человеческого опыта. Фригидность и импотенция становятся конечными последствиями – катастрофическими для расы и потенциально трагическими для индивидуума и его партнёра.

В нашем обществе, к худу или добру, единственные условия, при которых половые отношения принимаются нормальными предполагают моногамный брак. Они считаются мерой по которой оценивают любой тип полового поведения в нашей культуре. Для нас, лучшее половое образование ведёт к успешному моногамному браку. Дела не всегда обстояли так, и даже сегодня они обстоят не так во всех частях мира, но так они обстоят в общем в западной цивилизации, и в частности, практически везде в США. Поэтому половые дезадаптации стоит понимать в отношении к этой социальной традиции. Простое правило заключается в том, что мы считаем дезадаптацией любое половое поведение, которое не следует принятым нормам морали, согласно которым половой акт может надлежащим образом проходить только между законно состоящими в браке партнёрами, и согласно которым же, половая сочетаемость, удовольствие и дети считаются неотъемлемой частью брачных отношений.

Очевидно, фригидность, импотенция, какая-либо в значительной мере утраченная способность испытывать сексуальное удовольствие, страх беременности, избегание детей или общее ханжество снижают возможность, вплоть до полной невозможности, успешного брака. По причинам, которые возникают из нашего не самого успешного полового образования, большинство людей склоняются к предположению, что разводы и несчастливые браки почти всегда случаются из-за неверности со стороны одного или обоих супругов. Как ни странно, браки чаще всего разрушаются, прямо или косвенно, из-за ханжества – неспособности получать удовольствие от половой активности и от её нормальных биологических последствий. В результате случаются разводы, отношения полные напряжения и страданий, семьи без детей или нежеланные, и от того несчастные, дети и, нередко, неверность.

При психозах и психоневрозах обнаруживают много разнообразных половых дезадаптаций, среди которых заметнее всего выделяется ненормальное отвращение к сексу. Например, при шизофрении, наблюдается значительное снижение полового влечения. В некоторых примерах бреда, особенно религиозного характера – которые встречаются довольно часто – удаётся разглядеть попытки разрешения острых половых конфликтов, при которых что-либо связанное с сексом обозначается как «грех» или «зло». Недостаток зрелых, здоровых половых импульсов представляет один из выдающихся аспектов серьёзных «умственных» или нерв-

ных расстройств. Пациентам в психиатрических больницах часто заметно не хватает того, что в разговорном языке называют сексапильностью, или привлекательностью.

Промискуитет чаще встречается в периоды отрочества и ранней взрослой жизни, которые считаются многими людьми «перегруженными сексом», что видится оправданным лишь в поверхностном смысле. В более фундаментальном смысле, их, скорее, стоит считать «недогруженными». Иными словами, они в своём большинстве испытывают недостаток зрелого полового влечения. Их желания не имеют никакого отношения к беременности или детям. Они боятся или даже испытывают отвращение к этим нормальным последствиям полового акта. Их желания ограничиваются возбуждением интенсивных ощущений; они хотят только чувственной стимуляции. Секс для них не представляет ничего более взаимной мастурбации. Промискуитет мы можем обоснованно считать половой незрелостью. Этот симптом инфантилизма наводит на мысли о психопатической личности, как мы описали её выше.

Половые извращения проявляются в невероятном многообразии форм. Если попытаться описать их все, получится очень толстая книга. Нам хватит выделить две: мастурбацию и гомосексуальность. В нашей культуре мастурбацией занимаются многие. Относительно достоверные исследования показывают, что около половины населения женщин и заметно больше этого количества мужчин практикуют мастурбацию, особенно в возрасте от 11 до 16 лет. Некоторые авторитетные люди считают, что мастурбация не приносит вреда, по крайней мере, физиологически, если не практиковать её «чрезмерно» и если индивидум не переживает по этому поводу. Однако если смотреть на неё как на семантическую реакцию, — потому что считать её исключительно физиологическим актом, что бы это ни значило, не получилось бы — мастурбация представляется, мягко говоря, фундаментально неестественной формой поведения. Мы не пытаемся здесь поддержать не самые удачные и многим известные нравоучения, результаты которых неизбежно ведут к трагедиям. Такие нравоучения представляют ещё более серьёзную опасность, чем мастурбация. Мы хотим сказать, что мастурбация представляет собой что-то сильно отдалённое от нормальных зрелых половых отношений, независимо от того, насколько много людей ей занимаются, особенно среди подростков *в нашей культуре*. Семантически мы можем поместить её на один уровень с безответственным промискуитетом. Если мастурбация не провоцирует чувство вины, страха или тревоги, возможно, она не произведёт долгосрочных или тяжёлых эффектов, но это не означает, что она представляет фундаментально нормальное поведение.

Гомосексуальность, как правило, ведёт к более серьёзным последствиям. Гомосексуалисты с трудом приспособляются к нормальным отношениям в браке, кроме случаев, когда они прошли достаточно успешный курс лечения, или когда им несказанно повезло с партнёром. Многие из них, конечно, не вступают в брак никогда. Существует много видов гомосексуальных практик, но по-существу они сводятся к взаимной сексуальной стимуляции между людьми одного пола. В определённом смысле, мы можем назвать это замысловатой формой мастурбации — поведения, которое считается менее зрелым, чем промискуитет. Губительные последствия гомосексуальности следуют как прямо, так и косвенно. Прямо, она способствует выработке привычек и взглядов, предотвращающих возможность нормального брака и принятия семейных ответственностей. Косвенно, она ведёт к самооценкам, с которыми не получается достичь счастья и эффективности. Говоря просто, гомосексуалисты теряют самоуважение, потому что общество противостоит им с помощью строгих табу, а также потому что им не удаётся достичь того, что даже они считают половой зрелостью.

Возможно, существуют индивидуумы, сформировавшиеся физически так, что гомосексуальность проявляется у них естественно — так сказать, истинные гомосексуалисты. Вероятно, однако, большинство людей, практикующих гомосексуализм, могут вести нормальные поло-

вые отношения. Более того, вероятно, большинство из них в сущности сходятся с теми, кто занимается мастурбацией в той или иной мере привычно. Говоря совсем простым языком, они решили свои половые конфликты посредством определённого компромисса, давшего им форму сексуального выражения, при которой исключается риск беременности или нарушения моральных норм, запрещающих гетеросексуальные отношения вне брака.

В таком смысле, мы можем рассматривать все половые извращения как компромиссы. Они, конечно, не всегда вырабатываются осознанно или целенаправленно, но работают, тем не менее, на компромисс, и это, скорее всего, в значительной мере служит причиной их распространённости и закреплённости в поведении. В силу того, что в наших моральных нормах не поддерживаются половые отношения до брака, – или в браке, но с людьми на стороне – они практически универсально провоцируют конфликты между людьми, не состоящими в браке – и людьми в несчастливых браках – с нормальным половым влечением. Эти половые конфликты, учитывая их распространённость, мы вполне можем считать присущим аспектом нашей культуры, а единственно возможными решениями, с точки зрения тех же моральных норм, служат либо брак, либо какой-нибудь компромисс. Даже полное воздержание относится к компромиссным решениям, если только человек не предполагает, что каким-то образом уничтожил своё половое влечение, и если он поддерживает нормальное здоровье, оснований для такого рода предположений, по-видимому, мы не находим.

Молодые, активные люди легко вырабатывают дезадаптации из-за того, что каким-то образом приходят к убеждению, что существует некое всецело удовлетворительное решение их половых конфликтов, применимое вне брака. Средний возраст вступления в брак за последнее время возрос. Экономические неопределённости и длинные периоды общего и профессионального образования заставляют молодых людей откладывать брак дальше от времени эмоциональной готовности к нему. Они просят совета о том, как выйти из половой дилеммы, в которую попали, а старшие пуритане и ханжи говорят, что их проблема не существует. Она существует, но единственное допустимое обществом решение они не могут себе позволить, кроме как после длительного ожидания, потому что общество так состоялось.

Самое малое, что удалось бы сделать для этих молодых людей, мы можем сформулировать тремя общими высказываниями. Во-первых, их родители, преподаватели, представители духовенства, врачи и другие ответственные старшие могут в меру реалистично и честно сказать им, что удовлетворительных решений, кроме брака, они не найдут. Любое другое решение, в лучшем случае, станет компромиссом, а любой компромисс в таких делах предполагает, по меньшей мере, определённые недостатки. Во-вторых, если мы хотим сохранять моральные нормы, которые способствуют конфликтам и дилеммам у людей, не состоящих в браке, нам придётся признать и понять, что такие неудачные и нерегулярные компромиссы продолжают происходить. Если мы настаиваем на политике фрустрирования естественных влечений у молодых людей, нам придётся действовать более эффективно в ответ на их реакции на эти фрустрации; нетерпимость и осуждения не помогут. В-третьих, если мы это признаем, мы можем двинуться в сторону экономических перемен, которые бы позволили избегать фрустраций, или снизить их интенсивность. Если мы пока не знаем, какие перемены нам требуются, по меньшей мере, мы можем провести исследования, основываясь на результатах которых мы смогли бы предпринять меры, чтобы достигнуть такого общества, в котором половые дезадаптации стали бы исключением, нежели правилом.

Резюме: Симптомы выдающихся дезадаптаций

Мы повторим симптомы выдающихся дезадаптаций человека простым списком, чтобы попытаться составить картину деморализации. (Главные симптомы, с моей точки зрения и с учётом положений общей семантики, мы приведём под первыми тремя пунктами.)

1. Недостаток осознанности абстрагирования с вытекающим
2. Отождествлением уровней абстракции, заключений с описаниями, описаний с не-вербальными наблюдениями и опытом, и т. д.
3. Неосознанная проекция, наиболее интенсивно проявляющаяся в бреде, галлюцинациях и истерических состояниях.
4. Всеобъемлемость в чрезмерной уверенности и придании значения словам.
5. Не-задержанная реакция, импульсивность, интенсивные реакции, и т. д., примеры которых наблюдаются при маниакальных состояниях, навязчивых мыслях, компульсивности, фобиях при психастении, и поверхностной импульсивности у психопатических личностей.
6. Ригидность – абсолютистское, элементаристическое, дву-значное, и даже одно-значное ориентирование, наблюдаемые на примерах равнодушия у шизофреников и статичном, систематическом бреде у параноиков.
7. Инфантилизм, эгоцентричность, социально бесполезный или вредный эгоизм – отсутствие способностей заводить и поддерживать дружеские отношения, излишняя склонность к самозащите.
8. Злость, обида, вражда, проявляющиеся особенно у маниакальных и параноидных пациентов.
9. Депрессия, чувства неполноценности, ничтожности и вины, самобичевание, особенно ярко проявляющиеся при инволюционной меланхолии, депрессивных фазах маниакально-депрессивного психоза, многих случаях шизофрении, и, в меньшей степени, при неврастении.
10. Половые дезадаптации, среди которых мы выделили три основных типа: излишнее ханжество и недостаток зрелых сексуальных чувств; промискуитет; извращения, самые частые среди которых: мастурбация и гомосексуализм.

Однако и поэтому

В связи с перечисленными симптомами, мы отметим два момента. Во-первых, судя по психозам и психоневрозам, они проявляются интенсивнее наших более расхожих трудностей и расстройств. В своих менее серьёзных формах, они представляют собой аспекты обычных дезадаптаций. На вопрос о том, тяжёлым или лёгким расстройством личности страдает определённый индивидуум в определённое время, часто не удаётся дать простой ответ, потому что различия между «здравомыслием», «не-здравомыслием» и «безумием» стоит оценивать степенями. Например, чёткую границу различий между обычной подозрительностью и паранойей провести не удастся. То, что мы называем подавленностью, отсутствием мотивации, грустью, обидой, печалью, унынием и т. д. сливается в более серьёзные случаи патологической депрессии. В определённых обстоятельствах практически любой из нас может вести себя как конституциональный психопат. Как мы уже говорили, мы посмотрели как бы через микроскоп на неэффективности, страдания, импульсивность и смятения, которые мешают «среднестатистическому человеку» стать образцом мудрости и душевного равновесия. Мы посмотрели на самих себя в семантическом коридоре, полном зеркал, чтобы оценить, как мы бы себя вели, если бы испытывали чуть больше депрессии, склонности к

бреду, импульсивности, страха или печали, чем испытываем сейчас. Я надеюсь, это позволило нам научиться чему-то новому, нежели найти новые поводы для переживаний.

Во-вторых, нам стоит отметить, что эти симптомы следует понимать. Представляется незрелым расстраиваться, тревожиться или избегать конструктивного рассмотрения этих симптомов. Понимание служит самой надёжной защитой нашему семантическому здоровью.

Десять симптомов, перечисленных выше, стоит рассматривать как различные аспекты и типы опасной деморализации. Они служат показателями более серьёзных последствий длительных, глубоких фрустраций и укореняющихся чувств отчаяния и ничтожности. Эта фрустрация необязательно, и не значительно, происходит из-за реальной неблагоприятной ситуации, реальных врагов, препятствий или превратностей судьбы. Реальное препятствие, или то, что произошло по неудачному стечению обстоятельств, может разозлить человека или отнять у него мотивацию, но едва ли сведёт его с ума. Такая фрустрация, которая ведёт к неестественным отвлечениям или глубоким депрессиям, развивается в человеке от многочисленных, настойчивых ошибок в оценке. В опытах и обстоятельствах, которые выглядят как «причины» распада личности, как правило, не наблюдается ничего экстраординарного, но оценки этих опытов и обстоятельств преувеличиваются и спутываются заметно сильнее. Говоря языком здравого смысла, проблема состоит не столько в том, что происходит с вами, сколько в том, как вы её принимаете. Наша народная мудрость хорошо выражается в нашем убеждении в том, что имеется что-то здоровое в человеке, который умеет «принимать».

Человек, не умеющий «принимать», чьи фрустрации перерастают в деморализацию, в простом смысле, «избаловался». Он каким-то образом научился ожидать слишком многого, слишком уверенно, и ценить ожидания слишком высоко. Для него в игру не имеет смысла играть, по крайней мере, строго по правилам, если он не может выиграть – и он так подготовил себя к игре, так установил свои цели, что выиграть точно не может. Он настолько нечётко определил свои цели, – в рамках «успеха», «счастья», «богатства», «моральной чистоты», или чего-то подобного – что не найдёт способа узнать, добился их или нет, из-за чего предполагает, что не добился. Он также может поставить себе чёткие, но настолько высокие цели, что об их достижении не приходится говорить. При этом он ценит эти цели так высоко, и придаёт их достижению такую важность для своего самоуважения, что фрустрация, испытываемая им из-за неспособности воплотить свои цели, становится невыносимой. В результате, он теряет равновесие и чувство реализма. Он, простыми словами, ведёт себя как неудачник, в силу того, как он оценивает то, что, как он считает, он потерял. Он живёт взлётами и падениями от идеализма к фрустрации к деморализации. То, что мы обсудили в этой главе, представляет собой условный конец его печального путешествия.

Наконец, стоит ещё раз подчеркнуть, что эта глава составляет минимальное резюме выдающихся «умственных» и нервных расстройств. Более того, это резюме составил настоящий автор, и не смотря на то, что он постарался придерживаться в нём описаний типов поведения, имеет смысл ожидать, что другие не всегда пожелают согласиться с его высказываниями. Как мы сказали в начале главы, в этой области ведутся активные обсуждения, согласие в которых не всегда достигается, помимо того, которого удалось добиться в обсуждениях описаний и наблюдений. В связи с этими замечаниями, видится уместным вспомнить старое предостережение: «Я говорю то, что говорю, и не говорю то, что не говорю».

В этих выдающихся расстройствах, нас интересуют не сами расстройства. Скорее, некоторые знания о них могут принести нам пользу, потому что они наглядно представляют некоторые основные принципы и механизмы наших собственных затруднений и смятений. Если мы не можем позволить себе уверенность в том, что говорим осмысленно, не зная как могли бы говорить бессмысленно, то мы не можем позволить себе уверенность в собственном здра-

вом уме, если не понимаем, как можем вести себя без него. Ключевой момент здесь заключается в том, что если мы знаем, какими условиями и каким обучением мы можем превратить ребёнка в шизофреника, мы можем позволить себе относительную уверенность, как родители, преподаватели и ответственные взрослые, что у нас получится построить более здравомыслящий мир и обучить наших детей жить более здоровые жизни. Люди иногда говорят, что всё становится простым, если знать, как и что делать; к этому мы можем добавить, что знать, как и что делать, зависит от того, знаем мы или нет, как и что *не* делать.

Глава~XIV НАШИ ОБЩИЕ ДЕЗАДАПТАЦИИ

Тяжёлые расстройства, которые мы рассмотрели в предыдущей главе, обычно встречаются только в больницах для «умственно» больных. Тем не менее, некоторые знания о них могут оказаться полезными в оценках поведения наших знакомых и нас самих. То, что человек в нашей культуре может провести своё детство и дорасти до взрослой жизни без хотя бы не-которого дезадаптивного, как мы его называем, опыта, по меньшей мере, вызывает сомне-ния. С развитием современной психиатрии, и, в частности, детской психологии, нам становится виднее, что взросление далеко не всегда идёт легко и безопасно. Целые книги пишут о проблемах единственного ребёнка в семье, или младшего ребёнка, или старшего; несомненно, второй ребёнок в семье четырёх человек, и третий ребёнок в семье пяти, тоже испытывают особенные для себя проблемы. Существуют проблемы, которые особенным образом характеризуют детей-сирот, детей, родители которых развелись, детей, отстающих в школе, исключительно смыслённых детей, детей, которые живут в городе или вдали от го-рода и т. д. Короче говоря, по всей видимости, не существует таких обстоятельств, при кото-рых ребёнок не испытает проблем с адаптацией. Везде найдутся свои недостатки.

Не всякий человек с лёгкостью определит нормального ребёнка или нормального взрос-лого. Авторы, которые предпринимают попытки это сделать, обычно формулируют свои определения из отрицательных высказываний; они определяют нормальность отсутствием каких-либо ненормальностей. Вас считают нормальным, если вы не ведёте себя ненормаль-но. Однако, к тому времени, когда ненормальность определили, остаётся иметь дело с тре-вожным подозрением, что никто, включая нас, не ведёт себя нормально во всём и всегда.

Значения нормального

Стоит прояснить, что нормальное поведение или личность определяют разными способами. Употребляя слово *нормальный*, мы можем говорить о статистике, медицине, обществе или законах. Этим термином мы можем пользоваться также в инженерном смысле. Стоит хотя бы немного поговорить о каждом из этих контекстов *нормального*.

С точки зрения *статистики*, мы связываем нормальность со средними значениями или по-казателями. Например, нормальный интеллект, психологи определяют по показателю коэффициента интеллекта в 100 баллов – или от 90 до 110 – потому что, по определению, 100 считается средним значением, как его определили в самом тесте Стэнфорд-Бине. В средней американской семье живёт «чуть меньше» троих детей, и поэтому для родителей считается нормальным, статистически, заводить двоих или троих детей. В статистическом смысле, мы говорим о нормальном росте, весе, возрасте вступления в брак, доходах, сроке обучения, продолжительности жизни и т. д. Подобным образом, относительно личности, как мы могли бы её определить по поведению, мы говорим о нормальности в настроениях и от-ношениях к вещам так называемого среднего человека. Если вы испытываете намного боль-ше счастья или подавленности, чем нормальный человек, то статистически вы не вписыва-етесь в категорию нормального. Этот способ определять нормальность видится, конечно, сильно поверхностным. Им мы в сущности, представляем принятие статуса кво и не предпо-лагаем, что кто-то станет выяснять, почему «средний» человек ведёт себя так, как он себя ведёт, или попытается изменить его поведение. При таком способе, мы идеализуем среднего человека, а индивидуальные отличия не считаем настолько важными, насколько они часто

оказываются. Мы, однако, уравниваем ненормальность гения с ненормальностью слабоумного человека. Мы также подразумеваем, что пятьдесят миллионов французов не могут ошибаться, тогда как с некоторых точек зрения, ошибаться они очень даже могут.

С точки зрения *медицины*, вас считают нормальным, если вы не болеете. У медицинского нормального человека может наблюдаться постназальный затёк, предрасположенность к простуде, перхоть, набор относительно пригодных зубов, одышка и утомляемость, но при этом он не лежит прикованным к постели, и может систематически ходить на работу, поддерживая достаточный уровень компетентности, чтобы регулярно получать зарплату. С точки зрения занятого врача, такому человеку не требуется интенсивная медицинская помощь, он может успешно пройти медосмотр, чтобы получить страховку, и возможно даже окажется годным для службы в армии, по крайней мере, по определённому направлению, и т. д. Поэтому, с точки зрения медицины, в практическом смысле, его считают нормальным, но, возможно, он не классифицируется как «сильный», или, например, он может умереть из-за «сердечной недостаточности» до того, как возникнут подозрения о том, что он может от неё умереть. Если говорить о личности, вас называют нормальным, если психиатр отпускает вас с коротким напутствием, потому что его ожидают другие люди, которым его услуги требуются больше, чем вам. В конечном счёте, ваша нормальность в рамках медицины, зависит от количества имеющихся врачей. Если бы врачей хватало на всех, большинство из нас считались бы «больными», потому что врачи нашли бы время, чтобы разбираться с самыми малыми проблемами, и их бы это интересовало. Поэтому ваша нормальность, с медицинской точки зрения, проявляется относительно предъявляемым вам требованиям, вашей способности терпеть неудобства и широты доступа к медицинскому обслуживанию.

Социально, нормальным мы считаем то, что одобряет достаточное количество человек, или то, что одобряют достаточно влиятельные люди. Социально нормальный человек время от времени сплетничает, периодически ругается с супругом, иногда наказывает детей, врёт по ситуации, изредка теряет самообладание, курит больше и работает меньше, чем его проповедник и его банкир считают правильным, и проявляет больше эгоизма, раздражения, смятения и невежества, чем следовало бы по мнению проповедника Гарри Эмерсона Фосдика и ректора Чикагского Университета, Роберта Мэйнерда Хачинса. Он не настолько отличается в этих отношениях от большинства других людей, чтобы привлекать к себе слишком много внимания. Ненормальным обычно считается человек заметный своей необычностью, чаще неприятный окружающим, чьи взгляды, привычки и интересы отличаются от оных группы. В любом обществе придерживаются определённых нравов, традиций и правил приличия, и, в глазах общества, следовать им считается нормальным. Ваша одежда, речь, поведение за столом, способы тратить деньги и время, мебель в вашем жилище, книги, которые вы читаете, кандидаты, которых поддерживаете и люди, которыми себя окружаете, во многом определяют вашу социальную нормальность. Критерием измерения социальной нормальности служит одобрение коллектива. Оно, как правило, согласуется со статистической нормальностью, но не всегда. Например, братья Маркс или Фьорелло Ла Гуардия статистически относятся к ненормальным, но к нормальным – социально.

В *легальном* смысле, то, что разрешают или не запрещают, относят к нормальному. Говорят, что в Париже неразрешенное запрещают, а в Берлине незапрещенное разрешают. Так или иначе, легальное есть нормально в глазах закона, независимо от того, насколько необычным или оскорбительным для своих вкусов его считает общественность. Например, если объявили войну, по закону становится нормальным заниматься убийством определённых людей, а отказ это делать в некоторых случаях может стать «нарушением закона». Однако некоторые вещи, одобряемые социально и попадающие в диапазон статистической нормальности, могут иногда объявить нелегальными. Так обстояли дела в США с употребле-

нием алкоголя в период сухого закона. Законы обычно соответствуют принятым социальным стандартам; их утверждают исходя из решений общества, но наше законодательство чётко отражает силу традиций и личной заинтересованности. Законы не выражают в точности так называемую волю народа, или отношения всех групп меньшинств, поэтому значения между легальной, статистической или социальной нормальностью разнятся.

Как мы упомянули выше, термин *нормальный* мы также употребляем в *инженерном* смысле, и именно в этом смысле мы пользуемся им в общей семантике. Представьте себе, например, отношение опытного механика к автомобилю. Он не оценивает его работу по показателям «среднестатистического автомобиля», по одобрениям общества или минимальным требованиям закона. Он не смотрит на автомобиль с медицинской точки зрения, и не считает его нормальным, если он работает умеренно хорошо. Он смотрит на автомобиль, на водителя и на условия, в которых он используется, и говорит по существу: «Этот автомобиль сконструировали таким-то образом, его водитель обладает таким-то опытом, его используют на асфальтированных дорогах и паркуют в сухом гараже. Соответственно, я ожидаю, что он легко заводится, разгоняется и тормозит согласно стандарту, едет с максимальной скоростью восемьдесят миль в час, тратит галлон бензина на двадцать миль расстояния и т. д. Если автомобиль не делает эти вещи, он не работает нормально». Работу автомобиля оценивают по применимым к нему инженерным стандартам.

На человеческих уровнях, с инженерной точки зрения, в плане ожидания поведения, средний показатель может оказаться слишком высок для некоторых индивидуумов в некоторых условиях, и слишком низок для других индивидуумов в других условиях. К тому же, то, что одобряется в обществе, допускается в медицине, и разрешается законом, может оказаться неразумным или неэффективным для определённого человека с его конкретными потенциалами или возможностями, или их недостатком. Например, такой человек как Хелен Келлер, имеет статистические, медицинские, социальные и законные ограничения, но она считается вполне нормальной и эффективной, с точки зрения инженера, который учитывает, с чем ей приходится иметь дело и в каких условиях. Матрона сообщества с дипломом бакалавра, которая не делает никакой особо полезной работы, коллекционирует спичечные коробки и посещает гадалок, при всех этих фактах, считается статистически, социально, медицински и законно нормальной, но с инженерной точки зрения, она функционирует намного хуже того, что инженер мог бы разумно от неё ожидать. Инженера интересуют отношения между вашей видимой и потенциальной эффективностью. Если вы получаете средние баллы, когда могли бы идти впереди всего класса, вы ведёте себя ненормально, и если вы идёте впереди класса, но усердиями доводите себя до нервного срыва, вы тоже ведёте себя ненормально. Если вы набрали десять килограмм лишнего веса, врач может счесть это нормальным, но не инженер. Если вы верите в астрологию, судья не станет возражать, но возразит инженер. И то, сколько ещё людей поступает как вы, не имеет значения. С инженерной точки зрения, пятьдесят миллионов французов могут ошибаться в корне.

С инженерной точки зрения общей семантики, отождествлять слова с фактами, заключения с описаниями, может кто угодно согласно закону, вне больницы, в семье, но такое поведение представляет серьёзный недостаток эффективности и в этом смысле – патологию. Человек, практикующий общую семантику, как инженер, учитывает разницу между потенциальными и наблюдаемыми показателями. Если мы «знаем, что и как надо», нам следует делать то, что надо как надо – с инженерно-семантической точки зрения. Оправданно мы делаем меньше, чем потенциально можем, только если ничего не можем с этим поделать. Оправдываться мы можем довольно часто, но не так часто, как обычно оправдываемся.

Если говорить о работе над личностными дезадаптациями, множеству этих определений *нормального* присваивают множество различных значений. По определению, принятому в качестве ориентира, устанавливают диапазон проблем, над которыми предстоит работать и целей, которых предстоит достичь. Если нормальное определяют статистически, любые дезадаптации в пределах средних значений оставляют без внимания, а целью ставят среднее поведение. При таких условиях, человеку придётся во многом «адаптироваться к дезадаптациям». Задачей станет поддерживать статус кво населения – поддерживать сточную трубу цивилизации в хорошем состоянии, но не задаваться вопросами о том, что по ней течёт. Такой политикой бо́льшую часть энергии и ресурсов преподавателей, духовенства, психиатров, психологов и соцработников направят на реабилитацию – или на повседневное поддержание – уже повреждённых и изломанных личностей, а не на поднятие уровня общего среднего показателя адаптации. По-сути такие же подходы практикуют в политиках, основанных на социальном, медицинском и легальном определениях нормального. Не подвергаться порицанию, не болеть и не попадать в тюрьму, означает стремиться к отрицательным целям, при которых интеллектуальная работа направляется скорее от них, а не к ним.

Мы можем признать, что более положительные политики практикуются в программах общественного здравоохранения, на которые в некоторой мере повлияло инженерное отношение. В вопросах об улучшении здоровья населения, нас не мотивируют желания поддерживать среднее здоровье. Мы пытаемся избавиться или контролировать источники болезней и повысить средние показатели здоровья всей нации, и даже всего мира. Мы не принимаем показатели детской смертности или среднюю продолжительность жизни на тот или иной период, в качестве стандарта, который следует поддерживать. Мы стараемся снизить показатели смертности, увеличить продолжительность жизни, избавиться от эпидемий и улучшить здоровье среднего человека. Улучшая физическое состояние людей и условия, в которых они живут, мы стараемся сократить разницу между статистическим средним показателем и потенциальным максимальным показателем общественного здоровья. Работать над этим нам ещё предстоит долго, но достижения прошлого позволяют с относительным оптимизмом смотреть на возможности будущего. Мы не можем легко недооценить важность максимального общественного здоровья как цели, на достижение которой можем направить действенные реформы. Если бы мы могли работать в этом направлении более целенаправленно и систематически, чем мы работали до сих пор, мы бы несомненно создали культуру, по человеческим стандартам, более адекватную, чем когда-либо до этого.

В профилактике и лечении расстройств личности, нам требуется – с инженерно-семантической точки зрения – своего рода политика, подобная тем, которые лежат в основе наших программ общественного здравоохранения. Сосредоточив наше внимание на потенциальной, нежели на усреднённой адаптации, мы можем прекратить проецировать страдания и полумеры прошлого в будущее. Сместив наши беспокойства со сточной трубы цивилизации в сторону родников здравомыслия, мы можем надеяться превратить усреднённого человека из по неволе фрустрирующего, напряжённого и смятённого, в потенциально трезвомыслящего, коллективного и творческого. Мы слишком долго принимали себя, как «есть», доверяли духам, судьбе и шансам, и считали свои ошибки своей же природой. Мы забыли как ходить, в ожидании Моисея, который отвёл бы нас к обетованной земле. В заблуждении о том, что то, что мы видим, есть реальность, мы не задумывались о том, как это удалось бы изменить. Мы приняли привычку за мудрость. Тем, что устраивало отца, не следует довольствоваться нам, потому что отца это тоже бы не устроило, если бы он знал что-то получше. Если мы можем справляться лучше, с инженерной, семантической, время-связующей точки зрения, нам стоит справляться лучше. Мы, несомненно, можем.

Дезадаптивные тенденции

С этим простым ориентированием в работе над проблемами нормальности мы можем более эффективно рассмотреть те наши подходы, которыми нам – или большинству из нас – не удаётся достигать разумных инженерных стандартов нормальной личностной адаптации. Мы рассмотрели широкий паттерн наших общих дезадаптаций, последовательность ИФД, в первой главе, и в предшествующих трёх главах взглянули на некоторые из наших часто встречающихся языковых неадекватностей и симптомов серьёзных психозов и психоневрозов. Теперь, мы попробуем классифицировать «малые» затруднения, которые мы встречаем – в изобилии – вне психиатрических больниц, среди студентов вузов, домохозяек, бизнесменов, фермеров и в целом людей. Как правило, первыми с такими проблемами приходится работать сотрудникам по вопросам охраны детства, школьным психологам, клиническим психологам и другим работникам, оказывающим помощь людям с недугами, которые пока ещё не стали настолько серьёзными, чтобы отправить их в больницу. В этой классификации мы поговорим о поведенческих *тенденциях*. Любую подобную классификацию стоит понимать как произвольную. Цель её состоит в том, чтобы направить внимание к некоторым наиболее важным отличиям между конкретными дезадаптациями, и сделать их обсуждение более удобным. Все, кто прочёл предыдущие части этой книги, поймут, что данную классификацию мы представляем с не-элементалистической и релятивистской точки зрения. С пониманием этого момента, читатель сможет спокойно отнестись к тому, что классы и категории во многом пересекаются друг с другом и служат категориями не столько людей, сколько поведения. Мы пользуемся ими, чтобы фокусировать внимание на некоторых особенностях поведения, но не чтобы донести, что можем оперировать этими категориями как единственными возможными, или что они неизменно оказываются самыми полезными. Они придутся полезными в наших текущих целях; других рекомендаций к ним мы пока не даём.

Тревожные тенденции

Волнения, страхи и всякие дурные предчувствия составляют значительную долю наших общих личностных дезадаптаций. В примитивных культурах встречаются два основных вида страха: страх сверхъестественного и страх реальных опасностей, таких как суровая непогода, болезнь, дикие животные и человеческие враги. В нашей культуре такие страхи тоже существуют, но, что важнее, мы испытываем то, что можем назвать оценочным страхом. Под этим мы имеем в виду, что сами факты не пытаются нас морально настолько, насколько мы это делаем своими оценками этих фактов, и чертами, которых создаём из воздуха.

Мы тоже испытываем страх сверхъестественного. Эта тревога встречается достаточно широко, особенно среди детей и инфантильных взрослых. Она может иметь отношение к понятию «неискупимого греха». В некоторых семьях и сообществах адское пламя и проклятье до сих пор может вызвать нездоровый ужас в сердцах детей или незрелых взрослых. Впечатляющий образ разгневанного бога лишает самообладания многих людей в менее цивилизованных регионах мира, и значительное количество тщетного поведения мотивируется целью успокоить «великих духов». У некоторых индивидуумов такая тревога принимает форму своего рода недоверия в отношении «удачи» или «судьбы». В этом мире живёт великое множество людей, которые считают, что где-то как-то существуют внешние силы, неопределимые и непредсказуемые, перед лицом которых испытывать остаётся нечего, кроме страха, ужаса и боязливой надежды. Жизнь для таких людей немалой частью представляет собой постоянные попытки избежать зла, о котором они «знают», и грехов, которые могут существовать. Подобно их примитивным товарищам, они боятся абстракций, которые не могут определить спокойными терминами экстенциональных реальностей.

В современных религиях, конечно, стараются уделять меньше внимания архам для покойников, и больше – улучшению условий жизни. Религии, представители которых беспокоятся об условиях, способствующих преступности, бедности и враждебности, и стараются осуществить перемены к более устойчивому социальному порядку, обычно оказывают положительное влияние на адаптивные аспекты поведения общества. В прежних, более примитивных, религиях люди беспокоились о грехах, потому что своей целью они ставили спасение души, что создавало – и до сих пор создаёт – значительный объём побочного продукта в форме отчаяния и страхов. Такие страхи мы наблюдаем в нашем обществе меньше, чем в менее развитых обществах, потому что наши религии направляют внимание своих прихожан на реальности, которые не столько плодят пугающие заблуждения, сколько способствуют положительным общественным действиям.

Мы также можем испытывать страх реальной опасности, хотя благодаря научному просвещению мы уже не беспокоимся так активно и глубоко, как это делают примитивные народы. Молния и оспа представляют нечто совсем иное для человека, который может дать им рациональные объяснения, нежели для того, кто считает их необъяснимыми и таинственными. Тем, кто работает с детьми, всё ещё приходится иметь дело со страхами собак, темноты, молнии и других естественных явлений, и большей частью эти страхи не переходят во взрослую жизнь. Взрослые люди, не считая фобий при психоневрозах, испытывают мало тревог такого типа, не считая связанных с болью, болезнью, смертью и почти универсальным «уважением» к змеям, пожарам и наводнениям.

Среди большинства людей преобладают оценочные страхи. Большинство таких страхов состоят в связи с тревогами по поводу само-оценки, социального статуса и экономического благополучия. Такие ценности как самоуважение, хорошая репутация и материальный достаток люди ставят в высокий приоритет. Неспособность достичь этих ценностей или поддерживать их приводят индивидуума в едва терпимое напряжение. Это видится особенно релевантным в американской культуре, в которой царят конкуренция, личные достижения, популярность и богатство. В силу того, что большинство индивидуумов не определяет эти цели эффективно, но в то же время придаёт им такую высокую важность, преследование этих целей сопровождается существенными тревожными опасениями, которые часто приводят к фрустрациям, волнению и утрате самоуверенности.

Большинство людей в некоторой мере боятся незнакомцев, начальника, того, что скажут соседи, и старости. При этом проявляется, как правило, не резкий всплеск интенсивного страха, а стабильная, окутывающая тревога, при которой с трудом получается заставить себя расслабиться. Эта тревога влияет на их настроение, суждения, напряжённость и общий взгляд на жизнь. При ней возникают склонности к самозащите, обидчивости и отсутствию спокойствия. Немалой частью, это становится ценой, которую мы платим за избранную нами марку цивилизации. Мы можем понимать это как тревожную *тенденцию* – тенденцию подходить к каждому новому человеку, ситуации, дню с лёгким, но устойчивым страхом. Стоит нам выработать такую тенденцию, как у нас появляется множество вещей, которых мы можем начать бояться. А стоит нам научиться бояться собственного знания о том, что мы боимся, – научиться испытывать страх страха – как мы само-рефлексивно переходим к этапу дезадаптации, который разворачивается уже на территории психопатологии.

Тенденции к отстранённости

Склонность избегать или отстраняться от некоторых ситуаций или занятий – то, что обычно называют стеснительностью – идёт рука об руку со страхами и выражает их. Мы понимаем, что такое поведение основывается и мотивируется само-оценками, которые мы называем

чувствами неполноценности. Исследования многих психологов показывают, что о чувствах неполноценности признаются трое из четырёх индивидуумов, по крайней мере, среди старшеклассников и студентов колледжей. Так называемый комплекс неполноценности встречается настолько часто, что, казалось бы, его даже обсуждать не стоит; почти каждый человек знает о нём из собственного опыта.

Нам всё же стоит напомнить себе о некоторых основных элементах этой формы дезадаптации. Прежде всего, она очевидно представляет собой расстройство само-оценки, и её оценочный характер следует подчеркнуть. Даже люди, которые, по разумным стандартам, считаются успешными, могут страдать от чувств неполноценности. Такие чувства, при этом, не стоит сразу принимать за «настоящую» неадекватность. Более того, нередко те самые люди, которые привыкли к собственной продуктивности в работе, выдающимся достижениям и авторитетным положениям, страдают больше всех от потери чувства собственного достоинства, когда, по обстоятельствам, или в силу возраста, им вынужденно приходится уступить некоторую меру своего статуса. Они чувствуют, что невольно «ослабляют хватку», что преодолели свой пик, и что их больше не сочтут полезными или важными, как раньше. В обществе, где царит конкуренция, большинство людей предполагают, что для того чтобы избежать клейма неудачника, им придётся постоянно двигаться вверх. Например, большинство мужчин болезненно переживает проигрыши, даже с результатами близкими к победителю, или отказ от высокого статуса, даже в шестьдесят пять или семьдесят лет.

По-видимому, основным источником этой проблемы служит дву-значное ориентирование, в рамках которого мы принимаем только две альтернативы: «успех» и «неудачу». Постоянно испытывать чувства неполноценности удаётся без особых усилий, если мы относим людей всего к двум классам: полноценных и неполноценных. Скатываться к самоуничижению тоже не составляет труда, когда мы убеждаем себя, что поступаем либо правильно, либо неправильно. Люди с комплексами неполноценности проявляют склонность жить в мире, окрашенном в белый и чёрный цвет, и не видеть промежуточных оттенков серого. Организовать свою систему ценностей таким образом, чтобы не чувствовать неполноценность, видится нам вполне выполнимой задачей. Решение удастся свести к определению соревнования, в котором человек участвует. Один студент часто приходил ко мне за консультацией, потому что чувствовал себя неполноценным в сравнении со своими профессорами. Тысячи старшеклассниц испытывают недостаток уверенности в себе, потому что сравнивают свою внешность и утончённость с оными популярных звёзд кино. Дети чувствуют себя неполноценными в той или иной мере, просто потому что временно остаются детьми в мире взрослых, которые, в сравнении с самими собой, видят детей во многих отношениях неполноценными. Детям следует учиться не судить о себе по стандартам взрослых.

В контексте дву-значного ориентирования, мы все отстали от Джима. Лишь один человек может иметь статус самого богатого, а остальные оставаться бедными в сравнении с ним. Только один человек может держать рекорд по прыжкам в высоту, а все другие остаются в проигрыше по отношению к нему. В организации только один человек может занимать пост президента, а другим приходится работать его подчинёнными. Мы все отстали от Джима.

Таким образом, мы можем считать комплекс неполноценности, практически универсальным явлением в дву-значной культуре, в коей нам приходится жить. В культуре, где доминировало бы бесконечно-значное ориентирование, о нём бы даже не слышали. В такой культуре «неполноценный» и «полноценный» распознавали бы как относительные термины, и автоматически задавали бы к ним вопросы: «Неполноценный (или полноценный) для кого, в каких отношениях, когда, в каких условиях, и с чьей точки зрения?» За счёт этих вопросов, человек попросту не смог бы прийти к убеждению, что он есть «неполноценен» – неполноценен по

отношению ко всем остальным, во всех отношениях, всё время, во всех условиях и со всех точек зрения. Именно от таких удивительных убеждений страдает в нашем обществе множество людей. Конечно, в такой абсолютизм его возводят не все. Большинство из нас признает в себе какие-то компенсирующие качества. Однако в определённых сферах опыта – часто, весьма широких – мы обобщаем наши чувства неполноценности, не принимая во внимание экстенциональные подробности.

Практическая значимость таких обобщённых чувств неполноценности заключается в том, что они выражаются, как правило, в *тенденциях* к отстранённости. Когда мы чувствуем себя неполноценными по отношению к другим людям, мы проявляем склонность их избегать, выходить за рамки конкуренции – или сотрудничества – с ними. Мы ограничиваем наши социальные связи и контакты и лишаем себя потенциально полезных опытов. Стеснительный ребёнок, с инженерно-семантической точки зрения, оценивается как не нормальный ребёнок. Отстранённый, замкнутый взрослый оценивается как не нормальный взрослый. Общительность служит признаком хорошего семантического здоровья и средством обогащения опыта. Большинству людей не нравится одиночество, а те, кому оно нравится, вероятно, убегают от чего-то более важного, в сравнении с тем, к чему бегут. Они уходят не столько в себя, сколько от себя – от своих само-оценок и чувств неполноценности. Такое бегство, однако, не прекращается никогда, ведь деморализующие абстракции всегда остаются при них.

Агрессивные тенденции

Некоторые индивидуумы не реагируют на фрустрации, неудачи и само-оценки неполноценности, удаляясь, так сказать, с поля. Скорее, они реагируют с излишней агрессией. Подробности отношений между фрустрацией и агрессией рассмотрели и систематизовали профессора Доллард, Дуб, Миллер, Маурер и Сирс – группа психологов из Йельского Университета – в своей книге *Frustration and Aggression* [*Фрустрация и Агрессия*]. Об этом писали многие другие авторы, и в целом считается, что наиболее частой реакцией на неудачи и многочисленные тщетные попытки становится относительно активная агрессия. Среди взрослых она не проявляется в форме открытых физических действий, а чаще выражается вербальной критикой, злословием, склонностью к спорам, скупостью на похвалу, возражениями на решения по избранию кандидатов, действий комитетов и т. д.

В нашей культуре человеческая энергия, которую спускают на такого рода нападки и злые намерения, составляет пугающие объёмы растраты человеческих ресурсов. Механизмам, посредством которых работает агрессия следует придавать фундаментальную важность, потому что только за счёт их понимания мы можем ослабить её эффекты. Здесь мы говорим о неэффективной и дезадаптивной агрессивности, при которой и за счёт которой практикуются ошибочные оценки. В одном из смыслов, мы можем считать агрессивность нормальной и желательной; в некоторых формах, в некоторое время она может оказаться весьма значимой для выживания. Преимущества и необходимость храбрости, силы характера, выносливости в преодолении препятствий и т. д., едва ли имеет смысл обсуждать подробно. В равной степени, стоит понимать, что агрессивность может проявляться неразумно, вредно и мотивироваться тем, что служит дезадаптацией. Проясним, что мы ведём это обсуждение с целью понять механизмы агрессивного поведения именно такого толка.

С этой точки зрения мы ясно видим, что не все фрустрации ведут к агрессии. Как отметил профессор Маслоу и другие психологи, те фрустрации, которые угрожают статусу человека существенно отличаются от тех, которые его статусу не угрожают. Например, безответная любовь отличается от проигрыша в дружеском теннисном матче. Проявлением агрессии мы обычно реагируем на те неудачи, которые тревожат наши само-оценки. Достаточное количе-

ство таких неудач может привести к разочарованиям и депрессии. Даже самые крепкие индивидуумы частично проигрывают в своей борьбе, если внезапно осознают, что потратили на что-то усилия впустую. Агрессию, как любую другую технику, обычно отбрасывают, когда она не помогает. Казалось бы, её встречается так много в нашей культуре, потому что она так помогает, или нам так кажется. Мы вознаграждаем агрессию во многих её формах и ситуациях её проявления. Часто осёл, который лягается больше остальных, получает сено. Дети достаточно рано узнают, что угрозы, выраженные громкими криками, нередко оказываются эффективными. Здесь стоит отметить, что агрессивность в немалой степени представляет собой форму выученного поведения. Это означает, что её не следует воспринимать, как что-то данное или присущее человеку по его природе. Она выучивается, как выучиваются многие другие способы поведения, попросту до той степени, до которой она помогает добиваться результатов, и *до той степени, до которой индивидуум не признаёт каких-либо других эффективных средств достижения таких же или более желаемых результатов*. С точки зрения общей семантики, последняя мысль видится нам ключевой, потому что более эффективные средства, чем дезадаптивная агрессия, которыми получается достичь более желаемых результатов, существуют.

По-видимому, механизмом в основе агрессивных реакций на фрустрацию служит неосознанная проекция. В любопытный пример мы можем привести случай, который произошёл некоторое время назад в Чикаго, в дорожной пробке. Он начался с того, что один маленький, довольно старый автомобиль известной марки заглох на одном из самых больших в мире перекрёстков. С разных сторон слышались гудки. Из заглохнувшего автомобиля вышел маленький человек с кривым стартером в руках и прошёл к передней части машины, где рядом уже стоял конный полицейский и смотрел на него как начальник царской стражи. Вокруг собиралось всё больше и больше людей, а тот маленький человек крутил и крутил стартер, судорожно, отчаянно, безуспешно. Наконец, провернув стартер последний раз, маленький человек встал в полный рост, отошёл назад, и под уже оглушительные звуки тысяч гудков и перед глазами самой многочисленной публики в своей жизни, он со всей силы швырнул стартер в радиатор автомобиля и в раздражении удалился в толпу.

Не каждый фрустрированный человек драматически «бежит с корабля», но агрессивные поступки, которые совершаются на основе неосознанной проекции, встречаются очень часто. От чего тот маленький человек так решительно швырнул стартер? От раздражения, вызванного своими оценками автомобиля. Чтобы выдать ему по заслугам. Чтоб не делал так больше. Его ответ на ситуацию может показаться настолько убедительным, что не сразу получится понять, что автомобиль ничем не заслужил вины. За что бы тот маленький человек ни швырнул в него стартером, он же сам и спроецировал в своей фрустрации.

Мы можем относительно уверенно предположить, что не реагировали агрессивно в ответ на фрустрацию настолько часто, насколько мы это делаем в своей культуре, если бы с детства учились осознавать свои проекции и нести ответственность за собственные точки зрения. Именно механизмы осознания проекции позволяют нам увидеть, что часто, если не всегда, мы располагаем другими, более эффективными средствами достижения более желательных результатов, чем тех, что мы достигаем посредством агрессии. Без такой осознанности, мы тщетно пытаемся побороть собственную тень, и не замечаем реальные источники наших фрустраций. Ошибочные оценки, основанные на проекциях, становятся для нас подсадными резиновыми утками собственного изготовления, на которых мы можем агрессией растратить энергию, и остаться в итоге без добычи. Швырянием стартера в радиатор двигатель не запускают, а только рискуют сломать рабочий радиатор. Подобным образом, швыряясь руганью и нападками на людей, чьи ненавистные характеристики существуют, как мы знаем, только в наших мыслях, мы создаём больше проблем, чем решаем.

Такая проблема относится к наиболее расхожим формам дезадаптированного поведения в нашем обществе, потому что оно иногда окупается, или нам кажется, что оно окупается, частично потому что агрессия в своих более «разумных» формах видится необходимой, но главным образом потому что мы не научились осознавать свои проекции. Если бы научились, то мы привычно, без необходимости напоминать себе «досчитать до десяти», держивали бы нашу ругань и швыряние стартеров до момента осознания, что мы можем подыскать более подходящий способ действовать в данных обстоятельствах – что подсадные утки плавают не перед нашими глазами, а скорее *позади* них.

Неосознанная проекция вместе с агрессивными тенденциями имеет потенциал довести человека вплоть до паранойи. Мы можем даже допустить, что частичка паранойи проявляется почти в каждой вспышке агрессии. Параноидные тенденции, как и любые другие, разнятся степенью от лёгких до серьёзных. Человек с развитой параноидной тенденцией отличается убеждённостью в том, что люди, которые по факту не препятствуют достижению его целей, намереваются это делать. В его глазу всегда остаётся соринка подозрения. Если бы тот маленький человек в пробке вёл себя не просто агрессивно, а ещё и страдал паранойей, он бы убедил себя, что кто-то специально организовал ситуацию, в которой его машина заглохла именно в том месте, в котором она заглохла, и что все собравшиеся вокруг люди участвовали в этом заговоре. В этом случае, уходя, он, скорее всего, чувствовал бы, что «избегает» ситуации. С параноиками ничто не происходит просто так; они считают себя жертвой или беглецом обстоятельств, которые кто-то спланировал.

Человек с параноидными тенденциями проявляет склонность подходить к индивидуумам и ситуациям, так сказать, с кулаком в кармане. Он не ждёт, пока на него начнут нападать, и принимает напряжённое положение для ответного нападения заранее. Он реагирует открыто и не жалеет злословия. Мы можем назвать это низким порогом фрустрации. Иными словами, чтобы довести его до фрустрации много делать не придётся, потому что он её ждёт и сам к ней идёт. В конкурентной борьбе он убедил себя в том, что его сторону никто, кроме него, не защищает. Все действуют против него. Это убеждение он проецирует на мир вокруг себя и видит его отражение во всём, на что смотрит.

По-видимому, между агрессивными реакциями и параноидными паттернами оценки имеется связь. Агрессивный человек просто защищается, будучи фрустрированным, но если он «фрустрируется» легко и часто, он может приучить себя не выключать защиту, заниматься поиском поводов для фрустраций и предполагать, что другие люди хотят ему противостоять или мешать. В этом он напоминает бешеную собаку, которая кусает, чтобы её не пнули. Например, по немалому количеству так называемых проблемных детей складывается впечатление, что их слишком много били или лишали ранних жизненных достижений, из-за чего они сделали вывод, что лучшая защита есть активное нападение. Им требуется оказывать очень много поддержки, чтобы отучить их думать, что весь мир работает против них.

Таким образом, дезадаптивная агрессия предполагает не только неосознанную проекцию. По мере того как проецируемые оценки становятся всё более *обобщёнными*, агрессия может начать приобретать параноидный характер. Комбинация неосознанной проекции и отождествления (неуместного обобщения) – потенциально представляет серьёзную опасность. С этой позиции мы можем объяснить множество случаев преступности, «умственных» заболеваний и других конфликтов, разногласий и враждебности, которые делают наши жизни намного менее приятными и продуктивными, чем мы могли бы их сделать.

Шизоидные тенденции

Один из наиболее серьёзных аспектов общей дезадаптации, который часто упускают, мы видим в том, что назовём шизоидными тенденциями. В предыдущей главе мы относительно подробно обсудили шизофрению, и предположили, что она во многом представляет определённые трудности в адаптации, характерные для нашей культуры. Эту точку зрения мы можем подкрепить тем, что шизофрения, как «умственное» заболевание, встречается намного чаще других. Ещё убедительным видится то, что значительная доля симптомов, которые проявляются у людей с относительно малыми проблемами, представляются шизоидными по характеру. Например, как мы отметили в первой главе этой книги, дезадаптированные люди демонстрируют склонность взаимодействовать с миром «идеалистически». Они практикуют перфекционизм. Ключевыми здесь видятся их стандарты и то, насколько плотно они к ним привязываются. Их стандарты или идеалы, интересуют нас своими двумя важными аспектами: крайней интенциональностью и само-относительностью. Приверженность этим идеалам представляется важной в практическом смысле, потому что она ведёт к очень рутинному образу жизни и заметной ригидности в структуре личности.

Мы называем идеалы дезадаптированных индивидуумов интенциональными в том смысле, что они приходят к ним или принимают их без достаточного учёта опыта. По большому счёту, их наивно перенимают из книг, от родителей, учителей и других «авторитетов». Эти заключения мы можем сделать, исходя из наблюдений за попытками таких людей защищать свои идеалы. В них мы часто слышим высказывания наподобие: «Мать лучше знает», «Отец всегда говорил...», «Когда я была маленькой, мать говорила мне много раз...», «В библии написано...», «В школе учили...», «Профессор такой-то, очень уважаемый человек, считает, что...» и т. д. Если они и предпринимают попытки экстенционально оценить свои принятые убеждения, отношения и цели, то делают это очень ограниченно. Они редко берутся сравнивать свои понятия и стандарты с оными других людей с точки зрения их эффектов на личность и социальной ценности. Более того, они практикуют такое отношение к людям с другими идеалами и стилями жизни, при котором считают их странными, нецивилизованными или просто «неправильными». Обобщённо, таких дезадаптированных людей хочется назвать наивными. Они попросту не знают, почему живут так, как живут, или почему так высоко ценят цели, к которым так бескомпромиссно стремятся. Они играют «хороших» мальчиков и девочек, которым не требуется знать ни о чём, кроме того, что им сказали делать.

В показательный пример я могу привести школьную учительницу, которая обращалась ко мне за консультацией, потому что «у неё никак не получалось разобраться со всеми своими делами», несмотря на то, что она усердно составляла себе ежедневные и еженедельные расписания. Она рассчитывала даже время на досуг. Свободное время, рассчитанное до десяти минут, служило демонстрацией её искусно распланированной жизни, которая, в сущности, представляла собой последовательность крайних сроков. Она также настаивала на том, чтобы её рабочий стол оставался чистым и свободным от лишних вещей.

На вопрос о том, зачем она точно рассчитывала своё время, и хотела, чтобы на столе не лежало ничего лишнего, она ответила, что людям следует соблюдать опрятность и организованность, не тратить время, и не оставлять вещи на столе. Почему? Ну, потому что это просто неправильно. По-видимому, ей не приходило в голову оценить эти стандарты в контексте их эффектов на других людей, – например, её самой – которые пытаются их придерживаться. Это просто правильные стандарты, по которым стоит жить, правильные в абсолютном интенциональном смысле. Она жила по определению «хорошей жизни», и не думала о том, что её трудности могут возникать в связи с этим определением. Она будто бы забыла о реально-

сти собственной жизни в попытках её организовать. Разглядеть очевидные шизоидные тенденции в поведении этой женщины не составило труда.

Эта тенденция также виделась очевидной в силу эгоцентричности её целей. Эти цели она ставила, прежде всего, *для себя* в ограниченном смысле. Она хотела жить складной аккуратной жизнью, и чтобы у неё всё шло ровно. Она не оставляла места в своём графике на время, которое посвятила бы волонёрской работе в местной больнице, или заботе о своих детях (детей она не заводила, и в ходе консультации выяснилось, что она не очень любила детей). По ней не удалось бы сказать, что она, по крайней мере, осознанно, ценила собственную аккуратность, потому что она могла помочь ей стать лучше в своей работе учителем, но она считала, что аккуратность поможет произвести хорошее впечатление на завуча. Она хотела его впечатлять, и это желание мотивировало, частично, не только составление подробных расписаний на жизнь и поддержание чистоты на столе, но и презентабельность и опрятность во внешнем виде, пунктуальность в посещении педсоветов и в других подобных функциях. Насколько удалось предположить, она посещала летние университетские курсы и работала на получение учёной степени, просто потому что хотела удовлетворить завуча, и в общем, продвинуться выше по карьерной лестнице. Свидетельства тому, что она видела в своей учёбе в аспирантуре и ожидаемой степени магистра средства к более эффективной общественной деятельности, отсутствовали. В своих целях она явно учитывала только собственную выгоду. Её чувства, комфорт, безопасность, опирающиеся на одобрение других людей, она ставила, в более глубоком смысле, своими реальными целями, а аккуратность и организованность попросту служили средствами достижения этих целей. Она остановилась на стадии развития личности, которая характеризуется высказыванием: «если вы со мной хорошо обращаетесь, я буду хорошей девочкой, а вы продолжите со мной хорошо обращаться». Её поверхностная эффективность и показное сотрудничество выделялись среди симптомов глубокого эгоизма.

Она придерживалась своих интенциональных, эгоцентричных идеалов многие годы, и они, по-видимому уходили корнями в её раннее детство. Она пришла в клинику без намерений менять их, потому что, вероятно, не видела связи между ними и своей общей подавленностью, чувствами тревоги, падающим энтузиазмом в работе, с людьми в своём окружении и со своим будущим. Её основная жалоба на неспособность разобраться со всеми своими делами заслуживает внимания. В нашей культуре, без сомнения, найдутся миллионы людей с жалобами на то, что у них не получается разобраться со всеми своими делами. С чего бы им хотеть это сделать? Что они собираются делать, когда сделают все дела? Что им делать, когда на столе ничего не осталось? Когда они распланировали свою жизнь, выработали привычки, утвердились в убеждениях и всё разложили по полкам? Вероятно, они не найдут, куда двигаться и что делать. Они пытаются заставить мир застыть в удобном положении, остановить стрелки часов, отгородиться от всех неприятных стимулов – сбежать от реальности, от работы, незаконченных дел, от людей и от их требований, от ответственности и порицаний. Они пытаются ускользнуть в свой личный мир слов, значения которых всегда остаются одинаковыми, где каждый день есть долгожданное завтра, и каждый вечер они проводят у не угасающего камина за одной и той же книгой, где да никогда не означает *возможно*, а два и два всегда дают четыре – Большая Леденцовая Гора шизофрении.

Проблема заключается не в том, что миллионы людей, которые проявляют подобный общий паттерн поведения, в полной мере страдают шизофренией. Признать здесь стоит шизоидную *тенденцию*. Школьная учительница из примера выше не страдала от шизофрении, но основные характеристики её дезадаптации, достаточно прямо подводили к заключению об этом типе расстройства, хоть и в слабом его проявлении. Один такой человек, скорее всего, не окажет серьезного влияния на общество, но миллионы таких индивидуумов могут придать

обществу характер, особо не подающий надежды на светлое будущее. Заметнее всего в этом шизоидном типе ориентирования выступают его стесняющие и ограничивающие эффекты: беспричинная усталость, скука, раздражительность, апатия и чувство опустошённости, от которого человек спасается захватывающими фильмами, детективными историями, комиксами, обнажёнными танцами, черепашьими бегами и другими средствами семантического пальцо-сосания, которые в нашем обществе поставляются в изобилии – чтобы отвечать спросу, который они же плодят. Найти, под этими симптомами, если провести расследование, удастся сверхинтенционализированные, абсолютные, эгоцентричные идеалы, преследуемые по ригидной рутине с застывшими паттернами интереса, отношения и убеждений, которые составляют основу структуры шизоидного ориентирования.

Порядок₁ и порядок₂

Мы не хотим создать вышесказанным впечатление, что аккуратность и приверженность порядку, как таковые, обязательно следует рассматривать как признаки дезадаптации. Эффективные привычки и рутины, направленные по значимому назначению, чётко осознанные, и легко и эффективно поддающиеся изменениям согласно изменившимся обстоятельствам, сильно отличаются по своим эффектам от интенциональной, направленной в никуда ригидности, о которой мы говорили. Дезадаптивной мы называем рутину, которой следуют самоотносительно, чтобы ей просто следовать, или преследуя необдуманные и эгоцентричные цели. Особенно это касается случаев, в которых поставленных целей приходится достигать с трудом, или если цели не глубоко удовлетворяют по их достижению. Люди, которые преследуют такие цели, со временем становятся всё менее удовлетворёнными и страдают от нарастающего осознания, что посвящают свои жизни чему-то неважному. В конечном счёте, их жизнь пропитывается разочарованиями, они реагируют на мир обидами, апатией, пониженным интересом к жизни и склонностью искать пути побега от запросов, – а вместе с ними и от возможностей – которыми жизнь продолжает их снабжать.

В экстенциональном смысле, порядок требуется для адекватной адаптации. Он, однако, иногда складывается весьма беспорядочно. Если вы это не совсем понимаете, то, скорее всего, потому что термин *порядок* мы употребляем в более, чем одном значении. Он относится к многопорядковым терминам. Экстенционально порядок оценивается в пространственно-временных отношениях – относительно того, что, где, когда, в каких отношениях к чему и т. д. происходит. Упорядоченная экстенциональная жизнь состоит из эффективной ко-ординации структуры убеждений, чувств и действий со структурой реальности. Когда паттерн отношений и убеждений, и рутина действий более не ко-ординируется в достаточной мере с экстенциональными обстоятельствами, в которых они функционируют, может проявляться высокая степень интенционального порядка, но экстенционально царит беспорядок. В то же время, процессуальный характер реальности требует упорядочено такую степень и темп непрерывных пере-адаптаций, что экстенционально хорошо упорядоченная жизнь может казаться беспорядочной или непоследовательной с точки зрения человека, ориентированного интенционально.

В следующий раз, когда друг, с которым вы давно не виделись скажет вам: «А ты всё тот же старый добрый Уилфорд», вы можете обоснованно задуматься о том, получили вы комплимент или диагноз. Возможно, «старому доброму Уилфреду» требуется семантический ремонт, если «времена сейчас другие» – а они обычно оказываются другими.

Инфантильные тенденции

В некоторой степени, тенденции к отстранённости и агрессивности, тревожные и шизоидные тенденции, которые мы обсудили, получится более общим образом охарактеризовать как инфантильные тенденции. Однако всего сказанного о них до сих пор не хватает, чтобы адекватно охватить проблему инфантилизма и незрелости. Мы традиционно считаем ранние годы жизни очень важными тем, как они определяют характер дальнейшего развития. Реже мы признаём очевидное последствие, что в дальнейшем развитии не достигается полная зрелость. Взгляды, убеждения, привычки, общее ориентирование, приобретённые в раннем детстве люди продолжают практиковать во взрослой жизни, и поэтому мы можем позволить себе назвать их инфантильными. В великой мере психиатр или клинический психолог занимается тем, что пытается привести человека, так сказать, к сегодняшнему поведению – помочь ему вести себя адекватно своему возрасту. В этом смысле, психиатр служит своего рода семантическим катализатором, ускоряющим процесс развития личности.

Мы можем проиллюстрировать эту проблему случаем с одним врачом, который однажды обнаружил, что испытывает трудности при открытии двери. Мальчиком четырёх лет он часто ходил в столовую для персонала в больнице, где хирургом работал его отец. Позднее отец нашёл работу в другом месте, а мальчик повзрослел, окончил медицинскую школу и сам стал врачом. В возрасте около тридцати лет ему довелось посетить ту больницу снова, и он пошёл поест в столовой для персонала. Ему понравился этот опыт, но окончив обед и подойдя к выходу из столовой, он пришёл в необъяснимое напряжение и неуверенность. Один из других врачей подошёл, открыл дверь, и они вышли в коридор. Однако нашего молодого врача не отпускало любопытство. Он вернулся к двери, проверить, что вызвало у него такое смятение в связи с её открытием. Как только он протянул руку вниз, чтобы повернуть ручку, причина стала ясна. Он вспомнил, что не тянулся к этой дверной ручке с четырёхлетнего возраста – когда ему приходилось тянуться *вверх*, чтобы повернуть ручку.

Образно выражаясь, большинство дезадаптированных индивидуумов по-прежнему тянутся вверх, чтобы повернуть дверную ручку. Достигнув взрослости количеством прожитых лет, они до сих пор реагируют так, как они научились реагировать детьми. Их приходится учить тянуться за ручкой вниз, чтобы открыть дверь. Перевоспитание личности называется так весьма уместно. Стоит отметить, что значительную часть перевоспитания личности проводят, копаясь в детстве человека, которого требуется перевоспитать. В работах, написанных на эту тему, не всегда чётко указывают, зачем это делается. Главным образом, это делается, чтобы прояснить, что опыты детства имели место в *детстве*. Общая ценность критического пересмотра истории жизни человека заключается в том, что он помогает осознать, что некоторые опыты представляют собой *исторические события*. Человеку следует уметь отличать прошлое от настоящего, чтобы понять, что некоторые детские оценки и реакции, которые он проявляет в обстоятельствах настоящего, утратили свою уместность или необходимость. Молодой доктор из случая выше решил свою «проблему», осознав, что ему больше не требуется тянуться вверх, чтобы открыть дверь. В кратчайшем резюме, именно таким способом получается решить большинство наших проблем с адаптацией.

Таким образом, об инфантилизме мы можем в целом сказать следующее: практически все наши дезадаптации какого-либо вида, в некоторой степени характеризуются инфантилизмом в том смысле, что при них каким-либо образом устойчиво проявляются оценочные и реакционные тенденции, сформировавшиеся в раннем детстве. Среди причин этому факту нас в первую очередь интересуют две. Во-первых, тому, чему мы учимся рано в жизни, мы учимся хорошо, особенно на почве значимых эмоциональных опытов. Во-вторых, в большинстве

случаев, дезадаптации начинаются в семейных отношениях, и закрепляются, не в последнюю очередь, потому что семейные отношения продолжаются, иногда всю жизнь.

Два этих факта связываются друг с другом. Одна из основных причин, по которым некоторые реакции, выученные в первые годы детства, обычно плотно закрепляются, состоит в том, что в этом научении фигурируют глубокие, сложные эмоции характерные для определённых ситуаций в семье. Стоит обратить внимание, что те аспекты поведения, которые мы обычно считаем основными в характере или позиции человека, в основном складываются из его доминирующих степеней и паттернов напряжения – из того, что ему нравится и не нравится, характерных настроений, страхов, того, что он любит и ненавидит, и конфликтов на почве того, что он любит и ненавидит. Обычно такие аспекты поведения во многом определяют индивидуальность человека и позволяют распознавать его в одно время и в другое, как отдельную личность. Иными словами, этих аспектов хватает, чтобы обозначить пределы и сценарии развития личности индивидуума. Ещё раз, эти аспекты поведения, в особенности, выучиваются и крепко закрепляются в ходе первых лет жизни; это происходит в результате в той или иной мере эмоционально окрашенных опытов в семье. Таким образом, вырабатываются плотные ассоциации между ними и конкретными людьми и ситуациями, которые имеют обыкновение повторяться, как и реакции на них, в ходе самого продуктивного периода роста и развития. Этим же образом ранние паттерны личности человека обзаводятся прочным фундаментом к тому времени, когда он достигает взрослости – и с этим, его взрослая личность имеет тенденцию отражать инфантильные качества.

Особо стоит отметить роль эмоций в этих крепко закрепляющихся в раннем детстве паттернах реакций. Называя их значительно эмоциональными, мы имеем в виду, что они преимущественно происходят не-вербально, иными словами, в них преобладают организменные оценки в рамках «удовольствия» и «боли». В ходе первого года жизни ребёнок проявляет относительно мало языкового поведения, а то, что он проявляет, видится очень сырым и выражающим, в основном, состояния удовлетворённости и дискомфорта. Язык «нормального ребёнка», как правило, не становится значимым в привычном смысле, и не начинает в значительной мере выражать отношение к окружению до возраста двух или трёх лет. Обычно, когда двухлетний ребёнок говорит «мяч» или «машина», признаками того, что он при этом выражает, служат не столько слова, сколько тон голоса, выражения лица и сопутствующие жесты; выражается при этом скорее отношение к тому, нежели информация о том, на что ребёнок ссылается словами, и отношение это проявляется, в принципе, дву-значно. Ребёнок либо тянется, либо избегает, принимает, либо отвергает, проявляет нежность, либо грубость к стимулам, с которыми взаимодействует. В классификации того, как он взаимодействует со звуками, запахами, вкусами, давлением, температурой и внутренними ощущениями, мы обозначим только два вида оценки – положительную и отрицательную.

Терминологией функционирования нервной системы, мы можем назвать эти ранние реакции преимущественно таламическими. Чтобы прояснить, что имеется в виду под этим высказыванием, мы рассмотрим мозг в двух его условных главных отделах: коры и таламуса. С этой точки зрения, мы говорим, что входящие нервные импульсы проходят сначала через таламус, а потом достигают коры, и все исходящие импульсы проходят через таламус после того как они покинули кору. Существуют также прямые связи, по которым входящие импульсы могут перенаправляться на уровне таламуса до достижения коры.

Говоря обобщённо, языковые функции и произвольные действия контролируются через кору, тогда как прямые, не-вербальные, произвольные реакции на стимуляцию передаются преимущественно через таламус. По сути, корой практикуются функции (а) задержки реакций, (б) дифференциации, следовательно, оценки стимулов, и (в) регулирования та-

ламического и других низших уровней нервной системы. Язык – или, в общем, применение символов – развивается вместе с корой и в значительной мере становится средством функций коры, таких как задержка, дифференциация, оценка и регулирование. Язык обеспечивает нас основой эффективной осознанности и произвольного контроля поведения. Кора большинства детей не развивается полностью до позднего отрочества, или, примерно, до восемнадцати лет. Вес мозга увеличивается относительно быстро до восьми лет, после чего рост замедляется, и к восемнадцатому году жизни обычно достигается предел роста. Развитие языка следует примерно по такому же курсу. Исследования в области «умственного» развития по показателям стандартных тестов на интеллект показывают схожие результаты.

Эти факты представляются фундаментально важными в отношении того, насколько устойчиво может проявляться инфантильное поведение. Ключевой момент состоит в том, что то, что выучивается не-вербально, – посредством прямого опыта преимущественно на таламическом уровне – выучивается намного надёжнее и имеет потенциал производить свои эффекты дольше, чем то, что выучиваться только на вербальном уровне. Это особенно точно прогнозируется, если в том, что выучилось таламически, имело место заметное удовлетворение или дискомфорт, и если этот опыт повторялся часто. Мы можем рассматривать младенца или маленького ребёнка с недоразвитой корой и почти без навыков языка как относительно таламическое существо, которое выражает свои оценки прямыми действиями, нежели вербальными формами. Та небольшая доля языкового поведения, которое они проявляют, обычно сводится к повторению за другими, произвольным выражениям, в то время как осознанные коммуникативные или директивные выражения отсутствуют. Эти прямые реакции в основном выражают положительные или отрицательные чувства, и в силу того, что они повторяются в поведении, и приводят к незамедлительным и чётко ощущаемым последствиям, они обычно становятся устойчивыми частотами поведения. К тому же, как мы уже упомянули, они ассоциируются с индивидуумами и ситуациями, которые обычно продолжают присутствовать в среде ребёнка, и поэтому, по мере того как он подрастает, они вызывают у ребёнка устойчивые типы реакции.

К тому времени, когда кора ребёнка достигает зрелости, а его язык становится относительно структурно сложным, его основные частоты поведения уже устоялись, и в силу того, что они устоялись на таламическом или произвольном уровне, они предрасполагаются к модификации через кору или прямыми языковыми влияниями. С таламусом поговорить не получится, что означает, что не получится уговорить человека бросить отношения и оценки, которым он научился в ранней жизни. Это удастся сделать не более успешно, чем уговорить рыбу, чтобы она прекратила вести себя как в воде. Язык не значит ничего для рыбы, и значит очень мало для ребёнка, просто потому что таламус не выполняет языковые функции. Сильные положительные и отрицательные оценки, выражаемые более или менее произвольно в состояниях напряжённости или в других сценариях по сути рефлексивных действий, не получится просто взять под контроль вербальными средствами.

Мы не называем язык полностью бесполезным в работе над инфантильными реакциями у взрослых. Языком мы можем пользоваться наиболее эффективно двумя основными способами. Во-первых, мы можем направлять им индивидуума к опыту из первых рук, который позволит ему заново оценить и отучиться таламически от своих инфантильных реакций. Простые обсуждения, которые не ведут к действиям, не произведут достаточного эффекта. Например, попытки просить человека, чтобы он расслабился, почти всегда оказываются безуспешными, но если дать ему чёткие пошаговые указания, как расслабиться – и ещё лучше показать и направить его на то, как это делать – становится возможным снизить его инфантильные оборонительные напряжения. Мы не можем просто сказать взрослому человеку, чтобы он прекратил заикаться, и ждать, что он прекратит, но можем указать, как ис-

полнить определённые речевые упражнения, каким образом это сделать, в каких условиях, и таким образом подвести его к опытам, которыми он таламически научится говорить с меньшим страхом и напряжением. В целом от того, чему человек научился таламически, особенно в раннем детстве, ему следует отучиваться тоже таламически – прямым опытом. У вас не получится повлиять на собственное инфантильное поведение, если вы просто прочтёте о нём книгу, если только книга не простимулирует вас совершить конкретные подходящие действия. Молодой врач, который пришёл в смятение при попытке открыть дверь, избавился от него тем, что пошёл обратно к двери и произвёл действия с ручкой, вместо того, чтобы просто «размышлять» о ней или крутить неясные теории. Его «размышления» оказались полезными, потому что привели его к адекватным действиям.

Второй способ, которым мы пользуемся языком для перевоспитания инфантильных реакций состоит из прихода к осознаниям относительно этих реакций и того, как они развиваются. Если вы боитесь молний, то обоснованное объяснение того, как вы приобрели этот страх и почему он у вас остался, может помочь вам избавиться от него, если это объяснение позволяет вам осознать, что причин этого страха больше не существует, или узнать, что вы можете сделать, чтобы избавиться от причин. Больше всего, вам поможет не просто понимание вашего страха молний или страха в общем, а понимание базовых процессов оценивания. Осознанность абстрагирования послужит самым эффективным средством против инфантильных реакций любого типа, предотвратит неадекватные оценки и поспособствует зрелости. Иными словами, наиболее эффективный в перевоспитании личности язык позволяет адекватно разговаривать о языке. Именно этот процесс позволяет оценивать собственные оценки и корректировать их, и служит основным механизмом зрелого поведения.

Незрелость или инфантилизм узнаётся, как мы уже отмечали, практически в любой форме дезадаптации личности, но особенно хорошо их удастся объяснить с точки зрения их некоторых аспектов. Прежде всего, мы можем охарактеризовать их относительным недостатком адаптируемости. Этим мы вновь обращаем внимание на очевидный факт, что инфантильные реакции развиваются в младенчестве или раннем детстве и удерживаются во взрослой жизни. Собственно, их устойчивость и представляет недостаток адаптируемости, потому что устойчивая практика старых реакций не позволяет вырабатывать новые. Индивидуум будто продолжает тянуться вверх, чтобы открыть дверь, не смотря на то, что ему уже давно стоит тянуться вниз. Таким образом, у него не получается отличать новые ситуации от старых, и отличать себя в возрасте двадцати лет от себя же в возрасте трёх.

Для нормального взрослого человека мелодия детства продолжает играть, но песня закончилась; он не позволяет воспоминаниям былых страхов и привязанностей неуместно определять его текущие поступки. Он смотрит на своё детство как на историю и понимает, что оценки и реакции адекватные во взрослой жизни, не требовались и смогли бы проявиться в возрасте четырёх лет. Взросление и достижение зрелости представляется для индивидуума тем же, чем представляется время-связывание для расы, и сводится к усвоению того, что каждый новый день следует начинать не с того, с чего начинался предыдущий, а с того, чем он закончился. Делая это разумно, мы становимся зрелыми взрослыми. Франсуа Ларошфуко как-то отметил, что больше, чем от кого-либо ещё мы отличаемся от самих себя.

Реакции, которые продолжают проявляться в дальнейшие годы и придавать взрослому человеку инфантильный характер, мы можем обозначить такими словами как *поверхностные, импульсивные, наивные, эгоистичные, дву-значные*. Они отражают повышенную зависимость от других людей и недостаток самодостаточности. За инфантильным индивидуумом удастся заметить, что он не всегда уважает авторитет но в то же время возлагает на него слишком много ответственности. Он взаимодействует с авторитетом, подчиняясь ему по-дет-

ски, или нападая на него или противясь ему в равной мере по-детски. Он ведёт себя в основном так, чтобы избежать наказания или заслужить расположение. «Образцовый» ребёнок, «овечка» жена, «безрассудный» школьник своим поведением служат примерами нездоровой зависимости от других людей, авторитет которых они принимают как данное, и с которыми они пребывают в потенциальном или действительном конфликте. Хулиган или преступник стремится не менять общество, а только бунтовать против него. Он не ведёт себя конструктивно или творчески в социально значимом смысле, потому что он таким образом ориентируется на авторитет, как на таковой. Он заискивается перед ним, избегает его или втаптывает его в грязь, когда представляется случай. Заискиваясь перед авторитетом, он выигрывает расположение, избегая его, он избегает наказания, восхваляя его он получает похвалу других людей, которые тоже хотели бы его восхвалять. Во всём этом, он чувствует что-то, что по его стандартам считается самодостаточностью.

Один такой незрелый, авторитарно ориентированный индивидуум может не представлять серьёзной проблемы. Однако, если это становится широким аспектом целого общества, в котором миллионы людей живут на подобных частотах, игнорировать такую проблему может оказаться опасным. Например, понятие демократии плохо сочетается с тем, что детей в ней обучают вести себя определённым образом, объясняя это тем, что их родители и учителя хорошо к ним относятся, если дети слушаются, и наказывают, если они не слушаются. Возможно, такой диссонанс не наблюдался бы, если бы детям просто говорили вести себя естественно. Но, как отметил Джордж Деверо, 95 процентов того, что мы делаем не получится делать «естественно»; практически всё наше поведение определяется обществом. Это не обязательно стоит считать дезадаптивным. Не стоит исключать, что наше поведение определяется обществом неизбежно. Потенциально дезадаптивным видится то, как нас мотивируют вести себя определённым образом одобрения и запросы общества. Если мотиватором нам служит лишь уважение или страх по отношению к авторитетам, то в отсутствие ожидаемой оценки авторитета, мы не всегда практикуем принятые отношения и привычки разумно или конструктивно, и не всегда меняем их согласно обстоятельствам.

Такая сильная зависимость от авторитета или уважение к нему, возникает в связи с нежеланием принимать ответственность в целом, и ответственность за собственное поведение в частности, и способствует этому нежеланию. В отсутствие зрелого чувства ответственности оценки осуществляются поспешно и поверхностно, и основываются на условиях личного комфорта или эгоистического преимущества. Поступки совершаются импульсивно, необдуманно и без адекватного учёта последствий. Об инфантильном человеке, в отношении его само-понимания, складывается впечатление, что он оценивает всё крайне наивно. Он, по-видимому, не осознаёт свои мотивы, конкретную природу своих конфликтов или причины того, как он развивается. Он принимает себя полностью как данное, будто бы его поведение не нуждается в объяснениях. Он часто не может определить свои профессиональные цели, или, в других случаях, определяет фантастические цели. Любые попытки выразить его «философию жизни», как правило, выходят скудными и бессвязными. Он сам в себе не разбирается. Во всех этих важных отношениях он ведёт себя как ребёнок.

С практической точки зрения, мы придаём важность этим инфантильным частотам реакций, потому что они так широко встречаются. Они наблюдаются в той или иной мере практически в каждой форме дезадаптации, и в малых степенях, они, по-видимому, функционируют в личностях большинства людей. По этим причинам, перевоспитание личности в значительной мере сводится к вопросу о том, как помочь индивидууму повзрослеть, поменять свои детские отношения, убеждения и привычки на зрелые методы оценки и частоты реакций. Приспособленный индивидуум ведёт себя согласно своему возрасту и адекватно реагирует на свои ответственности и возможности, с которыми ему приходится иметь дело по жизни, и созданию

которых он сам способствует. Самыми простыми словами, зрелость проявляется в реакциях адекватных отличиям сегодняшнего дня от вчерашнего дня.

Особые ограничения

Дезадаптации, которые мы обсудили, часто служат причиной или становятся последствием различных недостаточностей или ограниченных способностей. В большинстве случаев в чём-то дезадаптированные взрослые и дети обращаются за помощью к врачу с жалобами не на свои дезадаптации, а на какие-либо физические недуги, или на трудности в школе, на работе или в конкретных социальных ситуациях. В результате этого, консультантам по трудоустройству и образованию или врачам часто приходится работать с проблемами, которые на деле оказываются симптомами личностных расстройств.

Утрата физических способностей часто проявляется в симптомах психоневрозов и других «умственных» и нервных расстройств. Она также наблюдается при менее серьёзных дезадаптациях. Среди наиболее часто встречающихся симптомов стоит выделить утомляемость – склонность быстро, или даже заранее, уставать не только от тяжёлого физического труда, но особенно от занятий, при которых едва ли приходится напрягать мышцы. Некоторые люди хронически изматывают себя тем, что просто живут – повседневным уходом за собой, необходимостью вставать каждое утро, знакомой рутинной работой и поддержанием небольшого количества социальных отношений. Большинство населения не состоит из бодрых, трудолюбивых, радостных и общительных людей. Одна женщина несколько лет назад поделилась в журнале своим оригинальным способом борьбы с усталостью: она отдыхала один час каждый день, один день каждую неделю, одну неделю каждый месяц, и один месяц каждый год. Получается, что она «отдыхала» чуть больше пяти месяцев из двенадцати в году. Однако большинству людей не требуется больше длительных отпусков, больше сна или меньше работы. Из дезадаптированных индивидуумов, с которыми работал я, очень мало смогли бы извлечь пользу из «меньше часов, больше зарплаты» – уж точно не от «меньше часов». Большинству из них помогло бы, скорее, больше часов и больше живости.

Ко мне на занятия приходил один студент, который почти всегда засыпал во время лекций. (Он засыпал практически на всех других занятиях, не только на моих.) Он обратился ко мне за помощью, и выяснилось, что спал он от восьми до десяти часов каждую ночь, и что врачи, с которыми он консультировался, не смогли найти каких-либо органических причин его постоянной сонливости. Его состояние, тем не менее, поддавалось некоторым объяснениям. Этот студент предавался мечтам, но не строил никаких определённых планов на будущее в отношении профессии или других занятий в жизни. Он приехал с Озарка, чтобы учиться в университете по настоянию своего дяди, который возлагал на него надежды такой глубины и охвата, что студент не мог их понять. Он реагировал на учёбу в университете примерно так же, как молодые мальчики реагируют на уроки пианино тёплым весенним днём. Верность дяде и университетские правила вынуждали его посещать лекции, и не особо осознавая процессы в основе этого конфликта, он решал его, засыпая и закрываясь тем самым от отвлекающих стимулов, исходящих от профессоров. Из-за того, что он не понимал, что с ним происходило, он начал переживать по поводу своей излишней сонливости и подозревать, что он страдает каким-то странным расстройством. Студент обратился к психологу только после того, как другие врачи заверили его, что не нашли у него никаких заболеваний.

Недостаток понимания этого студента делает его типичным примером подавляющего большинства людей, которые жалуются на болезни и утрату способностей, возникающих большей частью из-за дезадаптаций того или иного типа. Большинство людей приносят свои семантогенные мигрени, усталости, проблемы с пищеварением, и т. д. врачам, и искренне

верят, что им поможет таблетка, диета или операция. Они считают посещение врача хорошей практикой, но получив от них заверения о своём нормальном физическом здоровье, они оказываются сбитыми с толку и лишаются мотивации. Им не хватает элементарного само-понимания, чтобы обратиться к психологу или психиатру. Даже с самой рудиментарной осознанностью у них бы не возникали такие «физические» симптомы, или по крайней мере, они возникали бы реже и в менее серьёзных формах.

Последователи позднего Альфреда Адлера склоняются к предположению, что дезадаптированный человек обычно проявляет наиболее «доступные» ему слабости. Кто-то может отреагировать на ситуацию, которая угрожает привести к неудаче, «утратой» голоса, потому что он часто страдает от ларингита; другой человек отреагирует на похожую ситуацию «расстроенным желудком», потому что имеет большую предрасположенность именно к проблемам с пищеварением, чем к каким-либо другим. Эта теория видится вполне правдоподобной, но её далеко не хватает, чтобы объяснить большинство случаев болезней. Если человеку придётся исполнять песню на сцене, и это воспринимается с тревогой, мы можем назвать потерю голоса «логичной», независимо от того, как часто он страдает от ларингита. Если человек боится идти на формальный ужин, куда придут определённые люди, которых он не хочет видеть, прямым способом он может этого избежать «расстройством желудка», даже если он обычно пребывает в здравии. Количества слабостей «доступных» большинству из нас, скорее всего, хватит, чтобы обеспечить подходящую утрату способностей почти на любой случай. Мы можем прямо «воспользоваться» больным горлом, чтобы не участвовать в публичном разговоре. Это, конечно, не означает, что все такие семантогенные недуги случаются по желанию и при полной осознанности мотивов и отношений в ситуации. Они варьируются от явно намеренных до неосознанных по всем промежуточным степеням осознанности и невинности. Они могут проявляться временно для какой-нибудь срочной ситуации или относительно постоянно, работая как сезонный билет на место в ложе с газировкой и хот-догами, откуда человек может смотреть игру без риска влезть в драку.

В интерпретации жалоб на предположительно физические симптомы, безусловно, не стоит заходить слишком далеко. Никто не отменял бактерии, множество болезненных ощущений и чувств усталости, не имеющих никакого отношения к личностным дезадаптациям. Люди с нормальными личностями тоже иногда заболевают. То, что психолог принял за боли в спине на почве невроза, хирург-стоматолог может корректно диагностировать как зубную инфекцию. Некоторые язвы не случаются от волнения, а головные боли могут начинаться от излишнего напряжения глаз. Если принять во внимание, что дезадаптированные люди иногда намеренно «ищут» успокоение в ограничивающих способности неврозах, — и, в добавок, «извлекают больше всего выгоды» из каких-либо настоящих заболеваний или поломанных костей — то заключение, что все болезни происходят от неврозов или от других «умственных» причин, видится совершенно неоправданным. Важность этого очевидного предостережения удастся осознать, если прочесть несколько книг и журналов на тему «психологии». Понятие семантогенных ограниченных способностей, обоснованное и допустимое в определённых случаях, не стоит применять без разбора. Так или иначе, не стоит рассматривать его как что-то большее, чем рабочая гипотеза до тех пор, пока её в достаточной мере не проверили. То, что эта гипотеза работает во многих случаях, означает лишь, что её следует учитывать как возможное объяснение болезней и ограниченных способностей, которые, по-видимому, не происходят по органическим причинам.

В случаях личностных дезадаптаций, возникающих от физических ограничений, вероятность злоупотребить толковой теорией видится ниже. Большинство глухих, слепых, инвалидов, заик, неграмотных, людей с больными сердцами или больных туберкулёзом, или с другими ограниченными способностями, в некоторой мере вырабатывают отношения и соци-

альные реакции, которые отражают влияние их ограничений. Так называемая психология физически ограниченных людей во многом представляет собой психологию фрустрации и чувств уязвимости. Физически ограниченные люди испытывают деятельность, одобряемую обществом, не как обычные люди. Те, кому удалось достигнуть душевного спокойствия, несмотря на свои ограничения, вероятно сделали две вещи. Во-первых, они каким-то образом преодолели свои ограничения, компенсировали их, нашли значимые области применения своих более важных интересов – и при этом им удалось достичь в некоторой мере материального достатка. Во-вторых, они эффективно культивировали шкалу ценностей, которая согласуется с их особыми потенциалами и ограничениями. Они научились развивать свои преимущества, нежели недостатки.

Физически ограниченные индивидуумы, не преуспевшие в этих отношениях, демонстрируют большую склонность фрустрировать, тревожиться о своей уязвимости и социальном статусе, и чувствовать себя ниже здоровых людей. Они живут в том же обществе конкуренции, что и остальные люди, из-за чего видят себя в невыгодном положении. То, как они реагируют на свои фрустрации, – пугливостью, само-жалостью, агрессией, или каким-либо другим образом – во многом зависит от их обучения. Их мечты, интересы, типы людей, которые им нравятся и не нравятся, попытки добиться одобрения и заработать на жизнь, настроения, стремления и опасения в той или иной степени окрашиваются особенностями их ограничений. Они ждут завтрашний день в свете воспоминаний о вчерашнем, и то, как эти воспоминания организуются, отражается на отношении к будущему.

Если физически ограниченный человек хочет добиться личностной адекватности, ему требуются способности, которыми он смог бы, вопреки своим ограничениям, достичь некоторой меры чувства безопасности, какого-то статуса и понимания соотношения между тем, что он умеет и тем, что ему следует делать. Хромоногую мальчика, который может продавать лошадей, вырезанных им из дерева, и которому нравится смотреть футбол, не получится назвать ни выдающимся, ни жалким. Он представляется более жалким, чем тысячи здоровых, крепких мальчиков, которым не удаётся попасть в спортивную команду университета, и при этом, более выдающимся, чем какой-либо другой человек, который тоже умеет вырезать фигурки из дерева или ремонтировать радио, или делать что-либо ещё, на что ему хватает способностей. Удивление, с которым многие индивидуумы реагируют на однорукого юриста или на писателя заика, шутливо отметил Артемус Уорд: «Я знавал одного человека из Орегона, который жил совсем без зубов, представляете? Ни единого зуба во рту, но при этом он мастерски играл на бас-барабане».

Жалкими мы можем назвать тех хромоногих мальчиков, которые не научились ходить настолько хорошо, насколько могут, и которых научили завидовать любому человеку способному ходить лучше, чем они. Они не понимают, сколько всего могут сделать с несовершенными ногами или даже совсем без ног. Они каким-то образом пришли ко мнению, что если не могут танцевать или выиграть в соревнованиях по бегу, то не несут этому миру никакой пользы. Большинство так называемых физически ограниченных людей на деле стоит относить не к ограниченным, а просто к другим. Внимательно изучив то, как их отличия от других меняют их жизненную ситуацию, они могли бы понять, что в любом фундаментальном смысле, эти отличия меняют совсем мало. Уместным видится вспомнить, как белка Ральфа Уолдо Эмерсона сказала горе: «Я не могу носить леса на своей спине, но и ты не можешь расколоть орех». Может ли кто-то считать вас физически ограниченным, если вы относительно плохо знаете географию Уругвая, или если вы не обучились алгебре, или не можете перечислить названия мышц в вашей спине? Может – кто-то со своей точки зрения. Живут ли на этом свете люди, не имеющие ограничений с чьей-то точки зрения?

Поэт Генрих Гейне написал лучшие работы в свои последние годы жизни в относительно безнадежном парализованном состоянии. Эрл Карлсон, страдавший серьезной формой спастического паралича, сумел поступить в медицинскую школу после смерти своих родителей, один и без денег. Несмотря на деформации своего тела, он стал одним из главных мировых экспертов в болезни, которой он сам отказался себя ограничивать. Глухая, слепая и немая Хелен Келлер стала одним из самых вдохновляющих людей всех времён и заставила многих пересмотреть свои взгляды на физические ограничения. Я знаю одного успешного слепого психолога и безрукого юриста. Клиффорду Бирсу удалось превратить лёгкую форму «безумия» в источник социальной пользы. Он вышел из больницы для «умственно» больных и основал Государственный Комитет по Психической гигиене, чем поспособствовал принятию одних из самых значимых социальных и медицинских реформ. В преподавательском составе университета, в котором я работаю, со мной работают пять заик и по меньшей мере четверо профессоров, ранее страдавшие от заикания. Один профессор, дававший мне курс анатомии, иллюстрировал свои лекции удивительными рисунками на доске цветным мелом, и при этом страдал от цветовой слепоты. В конце своей карьеры он вёл лекции в инвалидном кресле. Что мы имеем в виду под физическими ограничениями?

Людей, которых мы называем физически ограниченными, стоило бы называть исключительными. Это послужило бы менее заключающим термином. Индивидуум, ставший исключительным за счёт утраты конкретных способностей или необычных физических характеристик, может выработать или не выработать дезадаптацию. Если он её выработает, то, скорее всего, это произойдёт из-за фрустрации и чувства уязвимости, которые возникают в связи с его исключительными условиями, но при этом фрустрация и чувство уязвимости возникают лишь до той степени, до которой он не учится и не усваивает, как экстенционально оценивать свою ситуацию так, чтобы воспользоваться его оставшимися возможностями, и достичь за счёт этого какого-либо статуса. Конечно, из этого правила встречаются исключения. Болезни и травмы иногда производят крайне разрушительные эффекты на человека. «Умственная» отсталость, старческий маразм и различные психозы часто сводят своих жертв к полной неспособности функционировать, а некоторые индивидуумы, которых болезнь коснулась не так сильно, не располагают ресурсами, необходимыми для эффективной компенсации. Факт, тем не менее, остаётся. Как отметил Джордж Стоддарт, мы можем изготовить шёлковую сумку из того, что, как мы думали, есть свиное ухо.

Не всё

Относительно полный каталог расхожих дезадаптаций сложился бы в многотомную энциклопедию. Мы обсудили и повторили достаточно на предыдущих страницах, чтобы сложить некоторое представление о многообразии и диапазоне неэффективностей, которые отражают нас в мире, в котором мы же и живём. Всем сказанным мы хотим обратить внимание на необходимость широкой переоценки стиля жизни и до-научной культуры, к которым мы привыкли как индивидуумы и как общество. По-видимому, то, что «устраивало отца», не устраивает нас. Разумная практика процессов время-связывания поможет нам выйти на более высокий уровень человеческой адекватности, чем нам до сих пор удалось достичь. Мы отстаем сильнее, чем нам кажется.

Завтра обещает длиться долго.

Глава~XV И ТАК ДАЛЕЕ

В свете всех пугающих и волнующих новостей, которые мы получили в предшествующих главах, мы можем позволить себе одно утешение в высказывании: «Не со мной одним так происходит». Страдания удаётся легче переживать в компании, и компания у нас имеется.

Насколько широко встречаются эти дезадаптации? На этот вопрос, конечно, ответить точно не получится. Переписчик не спросит, не страдаете ли вы комплексом неполноценности, а в опросах Гэллапа пока не учитывают количество вздёрнутых и кривых носов в стране. Наблюдения за друзьями, знакомыми, за самими собой, за заголовками в газетах и за тем, что говорят по радио, вероятно, приведут к заключению, что все – включая нас самих – достигли пика мудрости и счастья. Такое заключение, видимо, стоит на достаточно прочном фундаменте благодаря тем же систематическим исследованиям и опросам.

Преобладание дезадаптации

В своей книге 1938 года *Modern Society and Mental Disease* [Современное Общество и Психические Заболевания] доктор Карни Лэндис сообщает, что по данным из карт пациентов учреждений для «умственно» больных, одного из каждых двухсот взрослых американцев следует поместить в больницы. На основе данных отчётов из армии США, государственных медицинских архивов и опросов, собранных компанией Metropolitan Life Insurance Company, доктор Лэндис оценил, что один из каждых десяти взрослых мужчин подвергается утрате трудоспособности по причине «умственного заболевания».

Доктор Стэнли Кобб из Гарвардского Университета, в своей недавней книге *Borderlands of Psychiatry* [На Границах Психиатрии], пишет, что в этой стране живёт около 600.000 пациентов с «умственными» заболеваниями, не считая 100.000 слабоумных пациентов. Это сходится с утверждением доктора Лэндиса, что одного из каждых двухсот взрослых американцев помещают в больницу. Также доктор Кобб, на основе данных о приёмах и выписках пациентов, оценивает, что за пределами больниц найдётся от 600.000 до 2.500.000 «умственно» больных человек, не считая 2.500.000 слабоумных. Помимо этого, согласно различным исследованиям, из которых он цитирует, доктор Кобб указывает, что существует приблизительно 6.000.000 индивидуумов, которые, как он говорит, находятся на границах психиатрии; иными словами, они страдают от психоневрозов, эпилепсии, алкоголизма, некоторых речевых расстройств и различных нарушений функций нервной системы. Их количество оценивается от 7.000.000 до 9.000.000, не считая слабоумных. При этом доктор Кобб не включает в свои оценки определённые типы ограничений речи и чтения. Также он не до конца проясняет, включает ли он все дезадаптации из категорий преступности и «проблемного поведения». Судя по опубликованным опросам, мы можем сказать, что от 2.000.000 до 5.000.000 детей и взрослых страдают от таких расстройств, и что эти расстройства часто оказываются причиной или следствием личностных дезадаптаций. Взятые вместе, все эти данные согласуются с оценкой доктора Лэндиса в 10 процентов. Стоит заметить, что никакие из этих показателей не охватывают такие расхожие и часто серьёзные проблемы как разводы и ещё кучу неназванных и не классифицированных страданий, таких как незапланированные дети и несчастливые в браках взрослые. Ко всему этому мы можем также добавить толпу людей, которые страдают необъяснимыми временными или хроническими страхами и сожалениями, которые не фиксируют в опросах и врачебных записях.

Резюмируя, приблизительно один из каждых десяти человек в США в какой-то период жизни претерпевает некое относительно серьёзное нарушение в работе личности. На каждого такого человека приходится несколько тех, кто испытывают менее суровые формы дезадаптации; число зависит от того, как *дезадаптацию* определяют. Смотря на вещи реалистично, не приходится сомневаться, что найти таких людей получится больше, чем захотели бы признавать работники торговой палаты. Для того чтобы прочувствовать вышеуказанную статистику, в следующий раз идя по улице, отметьте каждого десятого человека на своём пути. Пройдя три или четыре квартала, подведите итог количества мужчин и женщин, которые потенциально идут из или в психиатрическую клинику. Между тем, возможно, вы сочтёте интересным – и, скорее всего, немного жутковатым – заметить, что отличить десять индивидуумов из каждой сотни, которые выглядят как наиболее вероятные кандидаты, представляется довольно трудной задачей.

Социальная реформа и индивидуальная ответственность

С экстенциональной точки зрения, любые серьёзные попытки решить масштабную проблему дезадаптации личности требуют существенных преобразований в обществе, в котором мы как индивидуумы живём. Мы допускаем противоречие, – с инженерно-семантической точки зрения – когда говорим о хорошо адаптированном жителе трущобы. Мир, который мы для себя создаём, во многом определяет типы страданий, которые мы в нём находим.

То, что называется социальной реформой, мы можем свести к поведению индивидуумов, которые отвечают теми или иными действиями на сложившуюся ситуацию. Несмотря на то, что нескольких фермеров из засушливых районов удастся перевезти к лучшим землям против их воли, – или хотя бы несмотря на их безразличие – а несколько трущоб привести в порядок без одобрения жильцов, даже такие предприятия получится осуществить только по личной инициативе каких-то индивидуумов – при этом даже после их осуществления, многое остаётся нерешённым. С точки зрения индивидуума, не имеет смысла ждать, пока личностная адаптация наступит по чьему-то решению в Вашингтоне или в результате безликой абстракции под названием «культурная эволюция». Решения, исходящие из Вашингтона или Нью-Йорка, или Йельского Университета, идут на пользу, и вероятно облегчают попытки многих индивидуумов справиться с их конкретными трудностями. Профессионалов в области социального обеспечения стоит поддерживать в их попытках обогатить жизни максимально возможного количества людей, но даже по достижению ими лучших результатов, статистика дезадаптации, скорее всего, останется неутешительной. К тому же, чем более адекватно индивидуумы учатся производить семантический ремонт самостоятельно, тем больше пользы обществу может привести социальное обеспечение.

В конечном счёте, существенный и устойчивый социальный прогресс достигается посредством улучшения качества жизни усилиями индивидуумов. Каждый отдельный индивидуум может достичь высокой степени адаптации, если он возьмёт ответственность за её достижение на себя. Я ни в коем случае не говорю это в пользу личного изоляционизма. Личностная адаптация состоит в неотъемлемой связи с социальной адаптацией, и в изоляции их достичь не получится. Принимая ответственность за своё благосостояние, индивидуум не отказывается от помощи других людей. Наоборот, ему требуется с ними сотрудничать, и пользоваться любыми средствами личностного развития, которые предлагает общество.

Потенциал науки как метода

Что ценного общество даёт индивидууму в поисках личностной адаптации? С точки зрения общей семантики, обобщённо мы можем ответить на этот вопрос достаточно просто: Наше

общество даёт нам средства и возможности культивировать научное ориентирование по отношению к проблемам, вопросам, ситуациям, к которым индивидууму приходится приспосабливаться и состоять с ними в каких-либо отношениях. Наряду с традиционными авторитарными структурами и обычаями, которые по-прежнему преобладают в нашей культуре, существуют также крупные центры научных исследований и обучения: большие организации, правительственные службы и т. д., работа которых идёт в направлении выработки экспериментальных и в целом экстенсиональных подходов к решениям множества задач; обширная библиотека научной литературы, лишь малая часть которой попадает в ежедневную прессу, открывает доступ к относительно надёжной информации и интерпретациям; множество больниц, клиник и образовательных центров, в которых проводят лечение личностных дезадаптаций и обучение по их предотвращению; и стабильно растущее число индивидуумов, практикующих фундаментально научные взгляды и подходы к жизни.

В целом личностная адаптация сводится к тому, как мы решаем проблемы. Среди методов решения проблем, которые мы как раса выработали, своей заметной эффективностью выделяется научный метод. Этим методом мы можем работать над личными проблемами не менее эффективно, чем над теми проблемами, на которые не смотрим как на личные. Этот метод и возможность его применять позволяют нам создавать общество, и по мере его применения появляются всё новые возможности его применять.

Научный или экстенсиональный подход, описанный примерно такими же терминами, какими мы описали его в этой книге, удаётся применять настолько легко, что узнавший о нём человек может задаться вопросом о том, почему его не преподают повсеместно детям и почему им привычно не пользуются взрослые. Может также возникнуть вопрос о том, что собственно люди делают со своими проблемами, когда они не пользуются таким подходом в их решении. Проблема состоит не в том, что у человека не получается разглядеть последствия неразберихи в своём поведении – их он видит в симптомах своих дезадаптаций. Но как он приходит к неразберихе? Что конкретно он делает, чтобы насоздать себе проблем и испортить жизнь? Возможно, полезнее мы можем задать этот вопрос следующим образом: как бы вы обучили ребёнка, чтобы гарантировать, что он поведёт себя неэффективно, дезориентировано и деморализовано во взрослой жизни?

На этот вопрос получится дать подробный ответ длиною в книгу, или краткий и ёмкий, что мы попробуем сделать. Для того чтобы гарантировать, что ребёнок вырастет дезадаптированным взрослым, его следует учить спутывать уровни абстракции. Это обучение повлечёт за собой настойчивые неосознанные проекции, привычные излишние обобщения, не-обусловленные, стереотипные и не-задержанные реакции, относительную напряжённость, обидчивость, склонности к самозащите, периодическую неспособность отличать прошлое от настоящего, одну ситуацию, человека или опыт от другого и, следовательно, склонность реагировать неадекватно схожим образом на разные обстоятельства. Из-за слабых навыков оценки, такой индивидуум проявит склонность принимать то, что ему представляют с достаточной видимостью авторитета старшинства, популярности или финансового престижа, из-за чего он легко сможет стать добычей беспринципных рекламщиков, продажных журналистов и всяких жуликов. Он предпримет попытки решить свои проблемы – которых наберёт немало – не чёткими их формулировками и не принятием личной ответственности за поиски надёжных фактических ответов на свои целесообразно составленные вопросы, а с помощью таблеток, пустой болтовни и указаний тех, кого он считает авторитетами. Такими подходами у него получится лишь безуспешно биться в напряжении и обвинять что ни попадя, от нелюбви до неудачи, от аллергии до Аллаха, в надежде на то, что верёвки проблем от этого спадут, но они, конечно же, запутаются ещё плотнее. От незнания он не сможет обратить внимание на свои неосознанные отождествления как на причины своих проблем. Дайте ребёнку ложную

карту территории опыта, научите его путать эту карту с территорией, и вам не придётся долго ждать, чтобы им овладела фрустрация и деморализация, от которых он вырастет живым примером того, как не следует передавать человеческое наследие.

Но почему же простой экстенциональный подход к личным проблемам не входит в унифицированные программы обучения детей? Опять же, подробный ответ составит целую энциклопедию, но мы можем ограничиться и несколькими ёмкими формулировками.

Я преподаю курс общей семантики студентам, которые обучались в колледже от двух до шести лет и получили по крайней мере двенадцать лет школьного образования. Видится справедливым предположить, что в ходе такого периода учёбы, не считая образования на дому и неформального обучения, кто-то бы научил их стабильно и без затруднений применять простые и очевидные принципы, описанные в этой книге. За некоторыми частичными исключениями, кажется, что никто этим не занимался. То, о чём я написал в этой книге, могут в той или иной мере знать некоторые психологи и учёные, но, насколько я могу судить по нескольким годам опыта преподавания общей семантики, с этим не приходилось в достаточной и эффективной мере знакомиться большинству выпускников университетов. Если общественность хорошо знает эти материалы, это не всегда получается чётко разглядеть в общественном порядке и в личных поступках.

Ответ представляется относительно простым: преподаватели и родители учат детей тому, о чём они знают, и они, по всей видимости, не знают достаточно об экстенциональных процедурах, направленных на решение личных проблем. Они не подвергались влиянию среды, в которой могли бы систематически и развёрнуто получать информацию о процессе абстрагирования и осознанно нарабатывать навыки оценки и экстенционализации. Этот ответ стоит дополнить тем, что преподавателей и родителей – людей в целом – традиционно (специально или неосознанно) учили отождествлять уровни абстракции, полагаться на авторитеты, нежели на собственные процессы оценивания, и следовательно пользоваться методами, которые оказываются неэффективными в работе над личными проблемами. Много ума не требуется, чтобы распознать те аспекты дезадаптации индивидуумов, которые отражают их убеждения и традиции культур, в которых этим индивидуумам приходится жить. Мы можем не только отыскать метод в нашем безумии, но научение в нашем методе. Научение предполагает обучение, и когда выученные ошибочные оценки и неэффективные поступки встречаются широко, мы можем заключить, что обучают им тоже широко.

Примерно таким образом мы можем ответить на вопрос о том, почему простые экстенциональные методы не практикует больше людей. Подобным же образом мы можем объяснить, почему римляне не пользовались нашей гораздо более эффективной, системой записи чисел: они не пользовались нашей системой, потому что они о ней не знали, и из-за того, что они о ней не знали, они гордились той системой, которой располагали, и учили пользоваться ей своих детей. Кратко, научный подход к личным проблемам не применяется широко, потому что его широко не преподают, а не преподают его широко, потому что люди на позициях преподавателей не ознакомились с ним.

Мы забываем о том, как недолго просуществовала наша цивилизация, даже в своих относительно развитых аспектах, и насколько мало большинство людей знает о новых научных подходах к проблемам человеческого поведения. Вероятно, даже тридцать тысяч лет назад существ в значительной мере похожих на современного человека ещё не существовало. В этом мире до сих пор живёт много людей, сравнить которых с современными физиками и психологами получится только на грубом биологическом уровне. Население этого мира представляет собой невероятную смесь практически всех когда-либо существовавших культурных течений, от племён, которых антропологи называют людьми каменного века, до таких групп

как американская ассоциация содействия развитию науки. В одном индивидууме нередко уживаются убеждения и взгляды характерные для почти каждого известного периода документированной истории. Вероятность найти человека, который бы ориентировался в жизни исключительно согласно современной науке, видится крайне низкой. В Лондоне и в Нью-Йорке живёт немало людей с менее современными взглядами, чем у Аристотеля, Гомера или Архимеда. Лишь некоторым удалось поспеть за Галилео или Фрэнсисом Бэйконом.

Научный подход к личным проблемам мы считаем новым, а по ординарным стандартам – революционным. Первую психологическую лабораторию меньше семидесяти лет назад основал Вильгельм Вундт в Лейпциге. Многие пионеры психологии – научного исследования поведения – живут до сих пор, и до смерти им ещё предстоит жить и жить. За последние двадцать пять лет учёные провели значительную долю исследований личности человека, но те аспекты дезадаптации, в которых фигурирует языковое поведение, до сих пор изучили недостаточно глубоко и подробно. Применение научного метода к более личным аспектам поведения только сейчас начинает внедряться.

В свете всего этого, стоит признать, что заявление о том, что метод науки позволяет не только исследовать личность, но также представляет собой паттерн поведения нормальной личности, звучит почти как вызов. В этом заключается фундаментальное заявление этой книги, и общей семантики. *Методами науки мы приходим к методам здравомыслия.*

Наша основная проблема

Между «безумным» и «научным» поведением мы выделяем отличия, которые считаем ключевыми относительно того, на что они указывают в «здравом» поведении. Ответственность за осознанность этих отличий следует нести каждому президенту университета, директору школы, преподавателю, родителю, чиновнику и любому человеку, занимающему влиятельное положение. В самом лучшем случае, осознавать эти отличия, во многих практических целях, следует каждому индивидууму. Одна из главных целей этой книги состоит в том чтобы эти отличия прояснить.

Основная цель науки, применимой к проблемам поведения личности, состоит в том чтобы преобразовать поведение личности в научное поведение. Но, как мы отметили ранее, мы прожили в мире с наукой пока ещё так мало, что лишь немногие из нас могут уверенно сказать, что знают о ней достаточно. Мы не задумываясь называем наше время научной эпохой, но пробираемся через неё – или пытаемся пробираться – большей частью до-научными способами по до-научным путям. Мы применили научные техники к нашему материальному окружению и промышленным средствам с почти волшебными эффектами, но у нас получилось это сделать, самим в эти волшебные научные техники не вовлекаясь. Как остро отметил Льюис Мамфорд, человек не отражает совершенство своих инструментов. Человек не направил собственные методы совершенствования своих инструментов на самого себя.

Вследствие этого, мы можем назвать социальную структуру нашего дня сформированной лишь наполовину. Мы в заметной мере достигли физических преобразований, благодаря чему мы теперь можем переправлять наши слова из Нью-Йорка в Бомбей за долю секунды – но слова эти не менялись с давних наивных пор. Мы можем поехать на автомобиле на скорости восемьдесят миль в час по шоссе с движением в четыре ряда – чтобы поиграть с друзьями в пинбол. Мы можем взлетать в стратосферу на волшебных крыльях – чтобы разбомбить заводы или даже детские сады. Общество, которое удастся возвести с помощью науки, мы построили пока лишь наполовину, и не понимая своего текущего положения, мы во многих отношениях пытаемся разрушить его собственными неуклюжими попытками завершить строительство научного общества.

До-научный человек не сможет ни построить, ни удержать научную культуру. Человеку, как изобретателю инструментов, ещё предстоит доработать инструменты для собственного преобразования, потому что в их текущем состоянии у него лучше получается ими себе вредить. Покуда человек пользуется наукой чтобы решать только свои материальные проблемы, он собственными успехами создаёт проблемы более высокого порядка: чем больше линкор мы собираем, тем острее становится необходимость устранить мотивы пользоваться им. Едва ли удастся найти что-то, что демонстрирует неутешительное положение культуры нашего мира ярче, чем остервенение, с которым мы расходует наш научный потенциал на изготовление оружия, чтобы поддерживать – не искоренять, а именно поддерживать – до-научные обычаи и государственные структуры, которым мы науку противопоставляем. Мы с страстием ведём войну, чтобы защитить, как мы провозглашаем, ту самую культуру, война в которой стоит на одном пьедестале с традициями. Мы доблестно защищаем и подпитываем свои националистические и прочие групповые ценности, чем вносим разобщённость в людские отношения. Мы пользуемся научными *техниками*, чтобы достичь целей, которые никак не получится совместить с последствиями время-связывания и практическими возможностями общего *метода* науки. Мы работаем против цели с впечатляющим рвением. Левая рука не просто не знает, что делает правая, а ещё и работает против неё.

Разлад в структуре нашей культуры едва ли назовёшь делом беспристрастных академиков. Его манифестацию мы видим в миллионах личностей, уставших и забытых противоречиями. Как мы уже упомянули, один из десяти американцев проводит некоторую часть жизни, страдая от «умственного» расстройства, а на каждого явно и серьёзно несбалансированного человека приходится двое или трое других, которые «отстают» от него на пару шагов. Медицина и практики общественного здравоохранения поспособствовали повышению средней продолжительности жизни, но они сделали слишком мало, чтобы мы меньше страдали или могли посвящать себя более продуктивным занятиям, чем наши предки. Нам удавалось эффективно справляться с микроскопическими бактериями в нашей физической среде, но тем временем «вербальные бактерии» нашей семантической среды не попадали в диапазон нашего внимания, что позволяло им стремительно расти и развиваться вместе со средствами коммуникации. Теперь зловредными бактериями агрессии и предубеждений орошают целые континенты, за счёт чего два невроза цветут там, где раньше чах один.

Объяснить всё это не получится одной лишь нашей глупостью. Математик Томпсон однажды в напутствие своим студентам сказал, что один дурак может сделать то, что может сделать другой. Нам, в наших попытках преобразовать общество, пригодилось бы немного изменённое напутствие: «То, чего "дурак" достиг в одном направлении, он может достичь и в другом». Ведь мы своей глупостью ведём себя по достаточно определённо направленному пути. Мы не проявляем глупость фундаментально – во всём, что мы делаем. В тех областях, в которых мы применили методы науки, мы добились колоссального прогресса. Спорить об этом не приходится. Интеллектуальными способностями, которыми мы добились этого прогресса, мы сможем добиться прогресса других типов.

Мы вредим себе не *методами* науки, а применением *результатов* науки к тем сферам нашего опыта, к которым нам не удалось применить её *методы*. Научный метод, за счёт которого удалось поднять уровень коммуникации от барабана в джунглях и городского глашатая до современного радио, сам по себе ничем не навредил. Вред последовал от неудачи применить тот же метод, чтобы улучшить семантические реакции тех, кто пользуется современным радио, которое усугубило ущерб и несчастья, происходящие от таких реакций. Мы не можем обвинить научный метод, с помощью которого мы создали атомные бомбы, в трагедиях, случившихся от использования этих бомб. Трагедии атомных бомб произошли, потому что мы не воспользовались методом науки, чтобы изменить устаревшие способы улаживать

конфликты. При наличии атомных бомб наши уважаемые традиции оказались куда смертельнее, чем при наличии одних только пушек. Мы допустили ошибку не в том, что не пересмотрели научный метод, а в том, что не применили его к тем, кто его применяет.

И так далее

Я вижу особенность вклада общей семантики в том, что в ней *метод* науки формулируется так, чтобы ясно передать возможности его применения к нашим личным и социальным проблемам. Этот метод представляется в ней как проект для жизни в повседневном смысле слова. Формулировками общей семантики мы можем проложить себе путь через густые заросли теории и специальных терминов, и добраться до обнадеживающей простоты понятий, принципов и техник, которые составляют основы науки.

Я не сомневаюсь, что даже дети могут научиться этим основам так же легко, как они сейчас учатся различным до-научным убеждениям и традициям, которые иной раз кажутся куда более запутанными. На эту возможность мы можем смотреть оптимистично. Общество движется вперёд на неуёмных ногах своих детей. Им, и потом их детям, предстоит жить в мире, который они создают в своих мыслях. Миры, которые носят в своих мыслях представители текущего поколения, не стоит передавать от отца к сыну, не оценив их здравым умом. Человеческий потенциал наших детей заключается в их способностях к время-связыванию, и нам не стоит преграждать их путь к нему. Тяжело приходится тому отцу, который передаёт своему сыну убеждение, но не метод пересмотра этого убеждения.

Передавать стоит *метод*, которым следующее поколение сможет наиболее эффективно осуществлять оценки и решать проблемы, и именно этого, судя по существующим результатам, позволяет добиваться метод науки; Стоит особенно подчеркнуть язык науки, который служит удивительным механизмом внедрения науки в общество и в человеческие ценности, и посредством которого мы формируем мир в наших мыслях. Мы делаем это с помощью символов. В том, как язык усваивается индивидуумом, он играет двойную роль. Во-первых, он в определённой мере сформировывает структуру культуры, в которой индивидуум находит свои возможности и ограничения. Во-вторых, он служит главным средством, которым индивидуум запечатлеет эту структуру культуры на себе, и таким образом развивает личность, отражающую, в лучших и худших своих проявлениях, общество, где он живёт. Многие из нас не осознают, насколько обоснованно мы можем считать себя детьми символа.

Подчёркивая важность обучения экстенциональным методам исследования и оценки именно детей, я не хочу сказать, что взрослое население уже не успеет чему-то научиться. Старого учить не всегда есть то же, что мёртвого лечить; возможно, обучение поможет ему ожить. Обучение взрослых обычно сопровождается трудностями отучения от устоявшихся паттернов убеждений и поведения, но эти трудности они могут преодолеть. Такое отучение сводится к избавлению от тенденций к самозащите, и возможность избавиться от них даёт чёткая осознанность абстрагирования. Стоит разрушить блокады самозащитных тенденций, и обучение взрослого человека начинает проходить не тяжелее, чем обучение ребёнка. Взрослым стоит учиться, потому что им придётся учить детей. Взрослый человек не может выполнять свои социальные обязанности, если он застрял в своих убеждениях, особенно если его убеждения мало чем отличаются от убеждений его предков. С социальной точки зрения, если старый не учится, он приносит не больше пользы, чем мёртвый.

В практических рамках личностной адаптации и социального прогресса, эти замечания обретают значимость лишь в той мере, в которой каждый из нас интерпретирует и применяет их себе на пользу. Мы обсудили трудности, с которыми нам приходится иметь дело в жизни с самими собой и друг с другом. Мы рассмотрели некоторые доступные нам способы работы с

этими трудностями и их предотвращению. Применение представленных принципов и методов зависит от личных решений, необходимость которых проявляется по-разному.

Неизбежное будущее быстро становится безвозвратным прошлым. В этом неумолимом преобразовании реализм наших надежд обеспечивает ценность наших воспоминаний. Мы стремимся или отчаиваемся так, как мы помним, и так же мы взрослеем и меняемся вместе с обстоятельствами, или же теряемся, противясь переменам, коим не можем воспрепятствовать. Мы приглашаем в жизнь разочарования, ожидая, что история повторится. Опыт напутствует, что мы можем стать тем, чем можем стать, лишь отказавшись от того, чем мы стали.

Чтобы заполнить эти напутствия практическим содержанием и провести читателя от слов к действиям, я написал следующие главы, в которых разобрал несколько практических способов и возможностей продвинуться вперед по планам на будущее. Смысл этой книги, как любой другой, несут вытекающие ощущения, слова и поступки тех, кто её прочёл.

ЧАСТЬ V *Применения*

Глава~XVI В РАБОТЕ НАД ЧУЖИМИ ЗАТРУДНЕНИЯМИ

В работе с пациентами, испытывающими личностные трудности, я в не котором роде чувствую себя хирургом, который, каждый раз при входе в операционную вспоминает удаление своего аппендикса. Когда-нибудь мне хочется написать «Мемуары Белой Крысы». Из-за серьёзных проблем с заиканием и связанных с ним дезадаптаций меня осматривали, диагностировали, проводили тесты, изучали их результаты, назначали лечение; меня психоанализировали и гипнотизировали; я писал свою автобиографию и менял основную руку. В лаборатории проверяли мои рефлексy, фотографировали движения глаз, регистрировали особенности дыхания; мою кровь анализировали, давление и пульс измеряли; мой фи-феномен и хронаксию проверяли; мне приходилось сидеть в холодной воде, чтобы замерыли мою дрожь; я принимал барбамил и гашиш, и описывал ощущения от их действия лабораторному стенографисту; я проходил электрокардиограммы, аудиограммы и электроэнцефалограммы; меня тестировали на интеллект, записывали мой голос, определяли базовый уровень метаболизма, оценивали эмоции, составляли диаграммы моих нервных импульсов; меня спрашивали, любил ли я мать больше, чем отца, и не испытывал ли трудности в попытках избавиться от навязчивых продавцов. Я пытался говорить с камнями во рту, сжимая зубы и дыша диафрагмой по метроному. Я пробовал техники расслабления, диеты, пел гаммы и заикался нарочно. Каким-то образом, в ходе всего этого, я получил степень бакалавра искусств, магистра гуманитарных наук и доктора философии и стал известен как логопед, психолог и обще-семантик. Я испытывал свои речевые дефекты, а люди приходили ко мне со своими. Разговаривая с ними, я смог стать собственным самым внимательным слушателем, и со временем обзавёлся своей точкой зрения. В этой главе я попытаюсь её представить.

Я проводил работу в сфере личностной адаптации в психологической и логопедической клинике при Университете штата Айова, которую спонсировали отделы логопедии, психологии и охраны детей, работавшие в сотрудничестве с университетскими больницами, медицинским колледжем, отделом здравоохранения студентов, стоматологическим колледжем, образовательным колледжем и государственным отделом социального обеспечения. Благодаря этому я смог получить помощь от психиатров, неврологов и других медицинских специалистов, включая психологов, соцработников и преподавателей. Работа в сотрудничестве с большим числом профессионалов научила меня осторожности и предусмотрительности; я направлял все сложные случаи работникам, чья квалификация позволяла им с ними работать, за счёт чего я мог посмотреть на любой конкретный случай с разных точек зрения.

Я работал преимущественно с двумя типами пациентов: людьми с дефектами речи, в связи с которыми они выработали личностные затруднения, и университетскими студентами, о проблемах с адаптацией которых стало известно в ходе курса в контексте их попыток вписаться в студенческое сообщество. Некоторых из этих студентов направляли ко мне их заведующие кафедрой или преподаватели; другие приходили самостоятельно. Большинство из них учились в моём классе. Курсы по логопедии, клинической психологии и общей семантике обычно побуждают студентов просить у преподавателя помощи в решении проблем, которые они либо ранее не осознавали, либо предполагали, что никто не знает, как помочь конкретно в их случаях. Говоря в общем, среди пациентов преобладали не слишком серьёзные дезадаптации. Их наиболее распространённые паттерны мы обсудили в Главе I и XIV.

До того как я начал изучать общую семантику, я прошёл обучение клинической психологии и психопатологии, и применял эту новую дисциплину, основываясь на этом опыте и знаниях. Следует учитывать этот факт в дальнейшем обсуждении. Я постараюсь показать наиболее важные способы, которыми мы можем применять общую семантику в работе с личностными проблемами, с которыми удалось ознакомиться мне. Обсуждение я подам под заголовками Осмотр, Диагноз и Лечение. Я воспользуюсь терминами *пациент* и *студент* взаимозаменяемо, не только потому что в большинстве среди них мне пришлось работать именно со студентами, но также и потому что в личностном переобучении, которое нам приходилось осуществлять, пациент представляется скорее учащимся, нежели пациентом.

Осмотр

Обычно когда человек впервые приходит в клинику с проблемами адаптации, ему хочется поговорить. Он не всегда с охотой говорит обо всём, потому что может не знать, как сказать то, что он сказать хочет, но, по крайней мере, он не приходит просто посидеть почитать журналы в приёмной. Его путь не следует без необходимости преграждать препятствиями. Ни один врач, которому приходилось страдать от подобных затруднений, не станет подвергать его попытке опроса и заполнения анамнеза или предварительного тестирования. Тому, кто пришёл в надежде излить душу, набор стандартных вопросов от врача, смотрящего на него как на очередную строку в статистической таблице, может показаться испытанием. Человеку хочется, чтобы его выслушали. Тесты могут пригодиться потом, как и вопросы о месте рождения, обучении и возрастах братьев и сестёр. На первом приёме хватит спросить лишь имя и номер телефона. (Учитывая, что я работаю как с людьми с дефектами речи, так и с пациентами, которым требуется работа над адаптацией, мне стоит прояснить, что сейчас я говорю об осмотре индивидуумов, испытывающих проблемы именно с адаптацией. Осмотр логопедических пациентов обычно проходит более беспристрастно, по определённой рутине.)

До тех пор пока не станет видно, что пациент выговорился, врачу следует его слушать и помогать по необходимости вопросами, чтобы он продолжал говорить. Немалую долю врачебного искусства составляют навыки связанные с умением слушать, и встречаются такие навыки редко. Большинство людей, особенно родителей и преподавателей, часто торопятся давать советы, поэтому они так плохо слушают, и поэтому же в своих попытках помочь человеку они так часто, наоборот, усугубляют проблемы. Для того чтобы стать хорошим слушателем, следует преодолеть склонность к словесным порывам в ответ на всё увиденное или услышанное. Попытки рассказать о своих проблемах некоторым людям могут оказаться безнадёжными просто из-за того, что как только один начинает говорить, второй тоже начинает говорить, и первому, уже без возможности вставить своё слово, приходится слушать о напастях и проблемах *второго*, попутно выдумывая оправдание, чтобы уйти от разговора.

Начав наблюдать за людьми с этой точки зрения, вы удивите, насколько редко встречается человек, который слушает внимательно и терпеливо, и задаёт вопросы сообразно тому, что услышал, а не ждёт возможности увести разговор в своём направлении. По-видимому, большинство людей, когда не разговаривают с кем-то, разговаривают сами с собой. Возможно, они никогда не слышали о навыке абстрагирования на немом уровне, а если и слышали, то не пробовали его развивать. Именно этим навыком следует в должной мере овладеть врачу.

Врачам иногда советуют избавляться от предрассудков и не выражать моральных суждений в отношении того, что рассказывает пациент. Утверждающие это авторы обычно объясняют такой совет, указывая на то, что любое проявление предосудительности или морального суждения ограничивают свободу высказываний пациента. Это, конечно, звучит разумно, но мы можем привести это к более общему соображению: человек не может позволить себе мо-

ралистических сигнальных реакций и одновременно с этим слушать внимательно. Прежде чем давать индивидуальные советы, пациента следует просто выслушать.

Искусство выслушивания не ограничивается спокойствием и отсутствием моральных суждений. Человек, умеющий хорошо слушать, выглядит живым. Во многих стандартных учебниках по клинической психологии на беспристрастности и подавлении эмоций делается такой сильный акцент, что те, кто им учатся, вырабатывают хроническое протокольное лицо. Врачи, которым самим приходилось становиться пациентами, обладают преимуществом знания, насколько невыносимо проходит разговор со «столбом» – с человеком, ведущим себя настолько беспристрастно, уклончиво, и не проявляющим ни грамма эмоций, что у пациента пропадает желание продолжать разговор. Если от слушателя не следует никакой различимой реакции, человек не может говорить долго. Пациент хочет хотя бы некоторой уверенности в том, что человек за столом интересуется тем, что он ему рассказывает, и не умирает от скуки. Протокольное лицо порой очень пригождается в деятельности врача, но польза от него зависит от способности включать и выключать его по необходимости. Если держать его всё время включённым, оно может угнетающе сказаться на вербальных импульсах пациента.

Хроническое протокольное лицо в такой работе создаёт проблемы также, потому что большинство пациентов испытывают в той или иной мере подавленность, волнения и хмурость. Едва ли что-либо ещё помогает им по жизни, чем чья-нибудь улыбка по случаю. Любой, кто работал хотя бы некоторое время с дезадаптированными людьми, знает, что их не получается легко заставить засмеяться. Жизнь кажется им «реальной», «серьёзной», и часто они ведут себя так будто целью жизни определили могилу. Недостаток спонтанности у врача в ответ на недостаток спонтанности пациента не помогает в его лечении. Если и существует место, которому не помешает атмосфера надежды и поддержки, то таким местом следует сделать то, куда люди ходят за личностным переобучением.

Врачу стоит слушать пациента лицом и глазами – молчать, но выражать внимание и некоторые реакции. Главной задачей, особенно в самом начале, становится взаимодействие со студентом таким образом, чтобы он продолжал говорить максимально свободно, снижая сдержанность по мере того как он говорит. Это стоит делать так не только потому что врачу понадобится извлечь максимум информации, но и потому что сам разговор производит терапевтический эффект. Рассказ о своих проблемах слушателю, который интересуется, но не критикует, сочувствует, но не жалуется, помогает снять напряжение и приободриться.

Чтобы студент сказал достаточно, иногда приходится задавать вопросы, в которых стоит избегать излишней сложности и стараться не смутить студента. Такие вопросы как «Что случилось дальше?», «Что вы в связи с этим почувствовали?», «Расскажите поподробней», обычно помогают человеку продолжать говорить. Вопросы следует основывать на высказываниях студента, чтобы он сам мог оценить их разумность и уместность. Иногда пациент может испытывать невольную сдержанность, и ему приходится помогать говорить дальше. Помочь ему в этом получится двумя более или менее эффективными способами. Во-первых, врач может обсудить с ним проблему, пока он может её приблизительно определить, дать ему общую информацию, чтобы он в общих чертах понял проблему, и чётко обозначить, что рассказав больше, пациент увеличит шансы на успешную помощь. Во-вторых, врач может рассказать пациенту о своих трудностях или напомнить о трудностях других людей, которые пациент сможет оценить как схожие с его собственными, проявить к ним интерес и, в не некотором смысле, «объективность», в силу того, что он участвует в них непосредственно. Страдать за компанию получается легче и полезнее, чем делать это в одиночестве, потому что при этом, человек может заключить, что его страдания не происходят только с ним, от чего сходит на нет причина скрывать их от других людей, которые, как ему раньше казалось,

могут счесть их неприемлемыми. Этот метод сводится к тому, чтобы помочь пациенту увидеть, что с тем, что он считает постыдным или глупым, вы уже успешно справлялись. Взяв инициативу на себя в обсуждении тем, которые пациент считает запретными из-за их неприличия, врач может помочь пациенту говорить откровенно о своих проблемах.

В таких опросах, особенно на начальных этапах, стоит уделить внимание пометкам. Большинство людей, ещё не набравшись уверенности, говорит немного свободнее, если врач не записывает за ними. Однако некоторые пациенты, по-видимому, предполагают, что заметки врачу делать стоит. Главным здесь остаётся то, что врач чётко даёт пациенту понять и заверяет его, что со всем, о чём он рассказывает, врач работает строго конфиденциально, и если в этих целях пациент просит не делать пометок, врачу следует отложить карандаш и бумагу. Он сможет написать резюме опроса после ухода пациента. После нескольких консультаций, пациент, скорее всего, не станет возражать даже против подробных пометок.

После одной или двух консультаций, если они прошли относительно хорошо, и врачу с пациентом удалось наладить сотрудничество, они смогут извлечь больше пользы, – и вместе с этим, сэкономить время – если пациент выпишет самые важные, на его взгляд, аспекты его проблемы. Его высказывания могут оказаться весьма полезными в последующих консультациях. Если врачу кажется, что на работу с определённой проблемой уйдёт значительное время, он может попросить, чтобы пациент написал свою автобиографию. Большинство студентов относятся к этому заданию с интересом. Ему не придётся писать слишком длинную и подробную биографию. Те, с которыми мне приходилось работать, варьировались в объёме от 1000 до 10.000 слов, а в среднем составляли 5000 слов. Рассказ о собственной жизни следует писать как можно быстрее и не перечитывать его. Обычно его пишут в простом хронологическом порядке, начиная с краткого описания семьи с указанием информации о рождении и младенчестве, если студент ей располагает, и затем, начиная от самых ранних воспоминаний, идут от одного года к другому до момента написания биографии.

Такая автобиография даёт множество преимуществ. Пациент выражает письменно значительное количество информации, которую, в противном случае, вообще не удалось бы получить. Он получает возможность рассмотреть свою проблему более или менее организованным образом. Пациент может написать её вне часов консультации, что экономит врачу значительное количество времени. Врач может воспользоваться автобиографией в качестве отправной точки для обсуждения проблем пациента. Работая с написанной автобиографией, первым делом, стоит попросить пациента заполнить в ней пробелы, потому что в описании своей жизни, он мог перейти, например, от восьмого года к двенадцатому, и восполнив этот период, он может пролить свет на важные факты, которые он мог изначально удержать. Такая информация может придать больше значимости другим частям его рассказа. Так или иначе, вскрытые факты позволяют сравнить то, что он включил в своё описание, с тем, что он опустил. Отыскав и заполнив пробелы, врач может пройти по более полному варианту автобиографии вместе со студентом и отследить важные тенденции в отношениях и поведении, учитывая, как студент взаимодействовал со значимыми ситуациями по-разному с разными последствиями, что позволит наметить потенциальную программу переобучения.

По завершению переобучения, большинство студентов охотно соглашались дать разрешение читать их автобиографии другим пациентам, а в некоторых случаях даже их публиковать, по крайней мере, те части, которые бы их не выдали. Со временем, врач может собрать целую библиотеку автобиографий, которыми он и другие врачи могут пользоваться в своей работе. (Автобиография или другие материалы, предоставленные студентом никогда не никому не передают и не позволяют читать, если они не дали на это разрешение.) В некоторых случаях удаётся многого достичь, дав студенту сравнить свой жизненный рассказ с

рассказами, которые написали другие люди. Многие пациенты считают свои случаи уникальными и предполагают, что никто не страдает так, как страдают они, либо универсальными – что всем приходится в одно или другое время страдать от того, от чего приходится страдать им. Оба эти недопонимания позволяет исправить чтение нескольких автобиографий.

В придачу к информации, добытой из опросов и письменных высказываний, различные данные удаётся в некоторых случаях вывести у других людей и посредством специальных тестов и осмотров. Учитывая, что врач и студент работают конфиденциально, не следует пытаться получить информацию от родителей, преподавателей, работодателей или друзей студента, если он на это не согласился. В лучшем случае, следует попросить его собрать такую информацию самостоятельно, если он может сделать это эффективно. Если у него не получится сделать это, не подвергая свои отношения с другими людьми рискам, то и врачу, скорее всего, не стоит пытаться. Стоит твёрдо убедиться, что информация, которую мы пытаемся получить, играет ключевую роль, и, в этом случае, получить к ней доступ следует, не привлекая чьего-либо нежелательного внимания. Старшие преподаватели не всегда могут оценить важность профессиональной этики и настаивают на донесении, регистрации и обсуждениях с коллегами, от чего врач полностью теряет возможность поддерживать с пациентом конфиденциальные отношения. В некоторых случаях, последним человеком на земле, которого стоит о чём-то информировать или спрашивать, становится заведующий кафедрой или декан. Ситуация, в которой работал я, сложилась идеальным образом, и мне кажется, что ценность этого соображения не получится переоценить. В работе над личностными проблемами редко приходилось искать больше информации, чем предоставил студент, а когда такая необходимость возникала, это удавалось сделать, не предав его доверия.

Мы можем задействовать тесты и специальные осмотры, не ставя студента в невыгодное положение. В такое положение студент попадает при рутинном или неоправданном применении тестов, или при необязательном направлении его в специальные клиники. По материалам в некоторых учебниках может сложиться впечатление, что определённые тесты следует проводить на всех пациентах, или что при опросе следует учитывать конкретный эпикриз, или что каждого студента, которому не удаётся наладить отношения со своим соседом по комнате, следует отправлять к психиатру, неврологу, психометристу и социальному работнику прежде, чем начинать с ним работу по переобучению. Такой подход относится к интенсивному ориентированию и идёт против даже простейшего здравого смысла. Тест стоит проводить, когда для этого удалось выявить чёткую причину. Не стоит также отправлять студента к специалисту, кроме случая, когда мы чётко знаем, какую информацию о студенте мы можем у него запросить. Я усвоил этот урок несколько лет назад, когда отправил заика к неврологу по «общим соображениям», после чего получил от него ответ: «Диагноз – заикание».

Говоря в общем, мы применяем четыре типа тестов, которые оказываются в некоторой степени полезными, или которые показались мне достойными применения в работе с пациентами, испытывающими проблемы с адаптацией: тесты на умственные способности, профессиональную пригодность, успеваемость и «личностные качества». Я не вижу необходимости в том, чтобы проводить тест на умственные способности с каждым пациентом с дезадаптированной личностью, особенно, когда приходится работать со студентами университета, но в некоторых случаях такие тесты могут принести пользу. Пользу они приносят особенно в оценке адекватности целей студента и причин затруднений в учебной деятельности. Как мы отметили в Главе I, идеалы и цели, к которым стремятся многие студенты, часто оказываются неадекватными их способностям, поэтому иногда стоит воспользоваться возможностью оценить их цели в отношении к их умственным способностям. Чтобы определить, не страдает ли студент слабоумием, тесты практически никогда проводить не приходится; сомневаюсь, что для этого вообще требуется тест. Результат теста, однако, может оказаться

средством не дать, например, потенциально первоклассному продавцу стать некомпетентным юристом. В других случаях, тесты помогают узнать, заваливает ли студент свой курс в силу недостатка способностей или по какой-то иной причине. Иногда тест пригождается, когда требуется определить, вызывает ли у пациента смятение при обсуждении своих проблем низкий уровень интеллекта или различные семантические блокады. В клинике, с которой я работаю, чаще всего пользуются тестами на умственные способности Стэнфорда-Бине и Векслера. Иногда хватает Самостоятельного Теста на Умственные Способности.

Пациенты, с которыми мне приходится работать могут обратиться в бюро профориентации; их услуги порой оказываются весьма практически ценными. Значительная часть дезадаптированных студентов ставит себе либо смутно определённые профессиональные цели, либо стремятся достичь профессиональных вершин, на покорение которых у них, по-видимому, не хватает необходимых способностей. Во многих случаях консультантам из бюро профориентации посредством тестов на способности удавалось дать рекомендации, которые помогали успешнее осуществить профессиональное планирование и добиться лучшей адаптации.

Подобную услугу врачу оказывает достаточно широкая программа вступительных экзаменов. Она включает набор тестов, охватывающих основные области дисциплины, навыки чтения, речи, письма и математики. Данные из этих тестов представляют ценность в оценке проблем с адаптацией у некоторых студентов, поступивших на курсы, к которым они не совсем подходят, у студентов с особыми ограничениями, которым требуется коррекционный курс, или у тех, кто не располагает должными активами для студенческой работы. Эти тесты пригождаются в работе со студентами, которые демонстрируют достаточные способности для учёбы в университете, но при этом испытывают нехватку мотивации, или с теми, кто не может пользоваться своими способностями из-за личностных дезадаптаций.

Существует множество так называемых личностных тестов. С чистой совестью, опираясь на собственный опыт, я могу сказать, что они приносят столько результатов, сколько приносят вышеупомянутые процедуры. Некоторые другие врачи отзываются о таких тестах положительно. Например, Личностный Инвентарь Бёрнройтера, результат которого выводится подсчётом количества «дезадаптированных» ответов на вопросы в тесте; этот итоговый балл не всегда удаётся значимо интерпретировать без собеседования с человеком, прошедшим тест. Если провести с ним собеседование, оказывается, что тест не выявил почти ничего дополнительного. Я не сомневаюсь, что по некоторым обстоятельствам эти тесты стоит применять, особенно в исследовании на больших группах людей с целью выявить особые случаи, но в индивидуальной работе, их ценность кажется мне ограниченной.

Среди других личностных тестов, широко применяются проекционные, в частности тест Роршаха. Этот тест состоит из десяти чернильных клякс, цветных и чёрных, каждую из которых показывают субъекту и просят его сказать, что они в ней видят. Люди видят разные вещи; некоторые говорят, что кляксы или их части напоминают им животных, другим людей, разные объекты и т. д. В одних ответах подчёркивается цвет, в других – форма. Некоторые субъекты подмечают малые детали, другие обращают внимание на кляксу как целое. Некоторые ответы дают чаще остальных; врач отмечает необычные ответы. Итог теста подводится разными способами и интерпретируется по-разному. В журналах по психологии опубликовали несколько сотен статей об этом тесте. Некоторые из авторов делают впечатляющие заявления о способности «предсказывать» «личность» индивидуума по ответам на тест без какой-либо другой информации о нём. Другие авторы оспаривают такие заявления.

Стоит заметить, что этот тест служит средством наблюдения «неосознанной» проекции человека – учитывая, конечно, что он не знает слишком много о тесте. Если бы человеку, практикующему общую семантику, или в меру экстенциональному человеку, показали бы чер-

нильную кляксу, предположу, что ему она напомнила бы чернильную кляксу. Мне говорили, что такой ответ считают «ненормальным». Отказ «видеть что-то» в чернильной кляксе, видимо, относят к патологическим поступкам. С точки зрения общей семантики, это представляет интерес, а проблема выглядит весьма сложной. Тем временем, если дать человеку свободно играть со своими неосознанными проекциями, тест Роршаха, возможно, позволяет выявить что-то об их природе и их значимости, особенно в руках опытного врача.

Не стоит забывать, что мы можем наблюдать неосознанную проекцию множеством способов, не ограниченных ответами на чернильные кляксы. Применяя общую семантику в работе над личностными проблемами, мы можем относительно безотрывно наблюдать за неосознанной проекцией, в частности, в языковом поведении. Большинство дезадаптированных людей демонстрируют некоторую степень неосознанной проекции практически в каждом своём высказывании. Демонстрируют они особенно значимые способы проекции или нет, когда говорят о чернильных кляксах, следует выяснять эмпирически. Не получится однако поспорить о том, что они проявляют её значимо, когда говорят о себе, о других людях и об их окружении. Принцип теста Роршаха кажется разумным, но его мы можем назвать лишь частным случаем общего систематического наблюдения проекции.

Существует, конечно, множество других типов тестов, лабораторных процедур и техник наблюдения, которыми мы можем воспользоваться в изучении личности. Многие из них описывают авторы книг, приведённых в конце этой главы. В этом обсуждении я не ставлю целью описать всеохватывающую технологию исследования личности, а хочу лишь указать те процедуры, которые нашёл наиболее практичными и полезными в работе со своими пациентами. На деле, учитывая таких пациентов, техник, которые я упомянул, взятых вместе, хватает, чтобы составить вполне идеальную процедуру. К всем этим техникам редко приходится прибегать в работе с каждым отдельным пациентом. То, какими следует пользоваться, определяют экстенциональные подробности. Общий принцип заключается в том, чтобы не отягощать пациента осмотром и лечением больше, чем это уже делает его недуг. Любую технику стоит применять только с чёткой целью и по конкретной необходимости.

Некоторые пациенты приходят только на одну или две консультации. Таким тщательный осмотр и процедуры не требуются. Существует множество проблем с адаптацией, по крайней мере, среди студентов университетов и пациентов логопедических клиник, которые по опыту считают временными: решающий экзамен следует преодолеть, разочарование в любовных отношениях – обдумать, смерть в семье – принять, к финансовым затруднениям – приспособиться, или исправить их, разногласия с соседями по комнате в общежитии – уладить, профессиональные планы – прояснить, к социальным аспектам жизни на территории университета – привыкнуть и т. д. В решении таких проблем, работа врача сводится к тому, чтобы помочь сравнительно адекватному индивидууму преодолеть расхожее жизненное препятствие. Врачу требуется лишь описание проблемы от студента с её главными составляющими, чтобы он мог дать ему информацию, которая бы прояснила, какие практические шаги он может предпринять сразу, чтобы взять ситуацию под контроль. Количество трудностей временного характера, которые получается решить при помощи небольшого количества информации, упущенной, по каким-то причинам, студентом, иной раз впечатляет.

Экстенциональная точка зрения обостряет чувствительность к осознанию мелочей, которые так часто вызывают кажущиеся большими проблемы. Непосредственные причины плохих настроений, волнений и враждебности оказываются настолько незначительно малыми, что даже не верится. Нередко, мы ошибочно пытаемся «стрелять по уткам из гаубицы». Общая семантика заставляет человека концентрироваться на фактах пациента, что позволяет свести клинические процедуры до здравого минимума. Одновременно с этим, она способствует

необходимой тщательности. Мы не отбрасываем никакие доступные техники на основе общих принципов, а оцениваем любую конкретную технику в функциональных отношениях с фактами каждого пациента. Мы не относим техники к «хорошим» или «плохим», а смотрим на их конкретные назначения. Иными словами, нам следует выводить суждения каждый раз, а не полагаться на «универсальные» правила.

Наконец, стоит прояснить, что любому врачу следует воздержаться от попыток лечить некоторых пациентов. Некоторые пациенты приходят с настолько сложными случаями, что требуют более подробного осмотра и, как мы отметили выше, направления к психиатру. Врачу не стоит брать на себя ответственность и идти дальше первой или второй консультации, если он определяет суровость или тип случая как такой, с которым ему не позволяет работать недостаток квалификации. Любой ответственный и заслуживающий доверия врач работает в сотрудничестве со специалистами, которые могут выполнять определённую работу лучше, чем он; он консультируется с ними свободно и направляет к ним пациентов, с которыми они справятся безопаснее и адекватнее.

Диагноз

В предыдущем параграфе мы не поговорили об эпикризе, потому что наиболее целесообразно им пользуются, когда формулируют диагноз. Стоит держать эпикриз в мыслях при сборе информации об индивидууме, но информацию удастся получить более эффективно, если следовать не готовому эпикризу, а зацепкам, которые получается заметить в ходе консультаций. Как правило, перед постановкой диагноза остаётся несколько не прояснённых моментов, по которым врач может собрать данные посредством прямых вопросов. За свой опыт я наработал нижеследующий эпикриз в качестве простого ориентира. Я продолжаю его разрабатывать, упрощать и адаптировать к фактам и потребностям каждого конкретного пациента.

ПЛАН РЕЗЮМЕ ПАЦИЕНТА С ПРОБЛЕМАМИ ЛИЧНОСТНОЙ АДАПТАЦИИ

I. Описание проблемы *на данный момент* в рамках конкретных, *поддающихся изменениям* характеристик

A. Поведения

1. Видимого (преобладающе не-вербального): доступного для наблюдения поведения и таких реакций, происходящих в состояниях напряжения, учащённого сердцебиения и т. д., которые не проявляются очевидно

2. Оценочного (преобладающе вербального)

a. Конкретных заметных оценок (идеалов или целей, отношений к вещам, предположений, убеждений, конфликтов, страхов, обид, разочарований и т. д.)

b. Общих методов оценивания

1) Интенционального (ориентирование на основаниях высказываний или идей других людей, которые представляют для пациента авторитет по возрасту, престиж, «общественное мнение», традиции и т. д.)

a) Главные индивидуумы, книги, организации, институты, представляющие такие авторитеты для пациента

b) Конфликтующие авторитеты

2) Экстенционального (ориентирование на основаниях прямого опыта, опыта других людей, который чётко донесли и проверили, с широким учётом авторитета науки – согласно Главам II – IV – в отличие от авторитета старшинства и т. д.)

a) Основные конкретные опыты и источники информации, которые учитывает пациент

В. Стимулирующих и ограничивающих условий

1. Внешних для человека (семантическая среда)

а. Дома, школы, двора, определённых групп и индивидуумов, возможностей заработка, рабочих условий и т. д.

2. Внутренних

а. Характерных оценочных реакций, важным образом связанных с таковыми, непосредственным образом фигурирующих с данной проблемой, и описанных выше под А-2

б. Интеллекта, фонда информации, образования, профессиональной подготовки, конкретных навыков или их нехватки и т. д.

с. Физиологических и органических факторов (здоровья, жизненных сил, конкретных физических ограничений и активов и т. д.)

II. Данные *соотносимые* с проблемой на текущий момент

А. История настоящей проблемы

1. *Описание* проблемы в момент проявления

2. Время и конкретные условия проявления

3. Основные изменения в проблеме по мере её развития; время и условия этих изменений

4. Степень, в которой на данный момент работают ранее усугубляющие факторы

В. Сведения о семье (*покуда их получается отнести к проблеме на данный момент*)

1. Биологические (физические характеристики семьи)

2. Семантические (приблизительно, социальные или символические): идеалы, цели, убеждения, предположения, отношения к вещам, оценочные методы характерные для семьи

3. Сведения о социально-экономической ситуации в семье

С. Личное развитие пациента

1. Рождение и раннее развитие, болезни и т. д.

2. Опыт образования, формальный и неформальный

3. Документированные сведения об опыте (работа, хобби, дружба, членство в группах, путешествия и т. д.)

Д. Собственные суждения пациента обо всём перечисленном в разделе II в отношении настоящей проблемы

III. План переобучения

А. Конкретные преобразования (в поведении или в стимулирующих и ограничивающих условиях), которые следует попытаться осуществить, с указанием порядка и конкретных процедур

IV. Прогноз

А. Ожидаемые изменения и приблизительный срок их наступления

В. Изменения, которых вероятно не получится достичь, с указанием причин

Разделами I и II этого эпикриза мы определяем по практическим соображениям термин *диагноз*, как мы его употребляем здесь. Главной целью диагноза, как мы указываем в разделах эпикриза III и IV, мы ставим создание основы для программы переобучения и приблизительную оценку вероятного успеха такой программы.

Под диагнозом мы не подразумеваем простое вешание ярлыка. С точки зрения общей семантики, нам не стоит излишне задействовать ярлыкование в привычном смысле. Если мы не станем называть человека психоневротиком, классифицировать его как психопата и относить его к интровертам, он не почувствует, что ему предстоит расплачиваться за эти названия как за постыдные поступки. Такие ярлыки, когда их *интерпретируют* расхожим обра-

зом, расстраивают и отбивают желание работать, нежели просвещают и успокаивают. Конечно, к тому моменту как студент воспользовался возможностью достичь должного понимания самого себя и получить, так сказать, набор абсорбентов шока, врач может называть его почти как угодно. Как только он выработал эффективную осознанность абстрагирования и сопровождающее её чувство юмора, «слова больше не ранят». Однако если назвать взволнованного, подавленного индивидуума психопатической личностью, или сказать ему, что результаты его теста указывают на высокий уровень невротизма, он может счесть, что его теперь заслуженно перестанут принимать в обществе. Это понимает каждый школьник. Однажды это поймут и психологи с психиатрами. Некоторые из них уже поняли.

Проще всего узнать, что роза, названная иначе, начинает иначе пахнуть, получится, став розой. Я узнал об этом, когда, ещё студентом, выступал перед аудиторией логопедов. Председатель попросил меня сказать несколько слов после психиатра, который подробно рассказал аудитории, что считает заик психоневротиками. В то время – и особенно в тот момент – я испытывал очень серьёзные проблемы с заиканием. Я попытался повлиять на ситуацию, отметив, что если заики иногда казались некоторым людям невротиками, происходило это, по крайней мере частично, по причине речей, подобным той, которую мы только что прослушали. Если покрасить чайник в чёрный цвет, немногие видят в нём свои лица.

Однажды мы узнали, что споры о том, следует или нет называть человека ведьмой, не устраивали только от своих предпочтений. Сейчас мы усваиваем подобный урок в своём понимании отличия между тем, когда мы называем человека негром и когда называем его ниггером. Мы постепенно становимся менее наивными в отношении к своему языку. Теперь большинству легче, чем раньше, удаётся осознавать, что словами мы помогаем создать то, что ими именуем. Мы видим, как это происходит, когда, например, достаточно долго называем ребёнка неуклюжим, глупым или нервным. Врачи могут понять, что если повесить на пациента унижительный, демотивирующий, пугающий и социально ограничивающий ярлык, его дезадаптация может усугубиться и на работу с ней придётся потратить больше времени.

Это не означает, что человеку не следует говорить о нём правду, покуда кто-то её знает, но намеренно стараться подать её неприятным или пугающим образом не стоит, потому что это не принесёт пользы. Порой мы можем переборщить с правдой, в частности, когда мы выражаем её диагностическими ярлыками, которые противодействуют собственным просветительским эффектам, парализуя индивидуума страхом, стыдом и неоправданными самообвинениями в неполноценности и дефективности. Большинство студентов попросту не понимают, о чём вы говорите, когда называете их невротиками, и ощущают себя, в некоторой мере, обречёнными жить в некомпетентности и остракизме. Если вы настаиваете: «Но ведь они *есть* невротики!», то вы упускаете то, что для них – как и для любого ответственного врача – значит больше всего. Элементарную семантику этих проблем мы уже обсудили в Главе XI, когда говорили об оценочном именовании.

По эпикризу, приведённому выше, мы можем сказать, что личностную дезадаптацию следует диагностировать *описательно*, терминами поступков и того, что их обуславливает или препятствует им. Нас интересуют не столько вопросы о типе человека, его чертах или названии его дезадаптации, сколько вопрос о том, что он делает в ответ на что, где, когда с какими последствиями, и в ответе на этот вопрос мы хотим обратить особое внимание на те качества и условия поведения, которые мы можем изменить. Проблема индивидуума решается изменениями в его поведении или в условиях, в которых оно происходит. Цель диагноза состоит в том, чтобы определить какие, конкретно, изменения мы можем осуществить. Если мы вообще пользуемся ярлыками, ими следует пользоваться только для достижения этой цели,

чтобы индивидuum получил возможность вести себя более адекватно или конструктивно изменить условия, в которых он живёт.

Мы привели некоторые релевантные описания дезадаптированного поведения в Главе XIV; описания более серьёзных форм дезадаптации мы привели в Главе XIII. Мы описали симптомы дезадаптаций по ходу книги с точки зрения различных видов нарушения принципов общей семантики: отождествлений, реакций всеобъемлемости, не-задержанных сигнальных реакций, само-защитных напряжений, безусловности ответов, семантических блокад, нереалистичных целей, дезадаптивной структуры языка и т. д. Нам не придётся их здесь повторять. Нам хватит отметить то, что мы уже указали в вышеприведённом эпикризе: что дезадаптация сводится к вербальным и не-вербальным аспектам *поведения*. Как таковую, её следует понимать с оглядкой на среды, в которых она происходит, а также на историю развития и текущие способности индивидуума.

Прежде чем мы пойдём дальше от вопросов о диагнозе, стоит сказать несколько слов об общем понятии «причины». Что «вызывает» чувство неполноценности? Что «вызывает» заикание? Авторы многих учебников отвечают на такие вопросы списком из нескольких факторов, под влиянием которых может возникнуть определённое расстройство. На основе списков такого толка нередко пишут эпикризы, неосмотрительное использование которых иногда ведёт к более или менее бессмысленным высказываниям о «причинах». Резюмируя случай болезни, «причиной» дезадаптации врачи иногда приводят список всех болезней пациента: падения, испуги, переводы из школы в школу и т. д. По любым разумным стандартам, то, что пациенту диагностировали паротит в возрасте четырёх лет, не следует указывать как «причину» его дезадаптации, *кроме как в случаях, когда мы можем указать на отношение этого диагноза к дезадаптации пациента*. В эпикризе выше, раздел II мы озаглавили «Данные соотносимые с проблемой на текущий момент». Если факт истории болезни не получается соотносить с настоящей проблемой, его не стоит добавлять в резюме пациента. Работа с понятием причины с этой точки зрения обостряет чувство дифференциации, проясняет формулировки диагноза и позволяет сократить затраты времени и усилий в опросах и переобучении.

Мы можем соотнести детский опыт, или любой факт из прошлого студента, с текущей проблемой двумя способами. Во-первых, мы можем обратить внимание на всё ещё действующие условия. Отношение, которое человек проявлял к своему отцу в детстве, может по-прежнему играть роль, потому что отец ещё живёт, а отношение к нему пациент продолжает поддерживать. Во-вторых, условия, возможно, радикально изменились, но студент отождествляя настоящее с прошлым, реагирует якобы на отца, который умер десять лет назад, или оценивает каждую новую социальную ситуацию как ту, в которой он в возрасте шести лет испытал сильное смущение. Врачу следует знать характер ситуации или опыта прошлого, с которым пациент отождествляет ситуации или опыты настоящего. Стоит проявлять осторожность и утверждать, что факты прошлого выступают «причиной» настоящего затруднения, только если прошлое продолжает, так сказать, жить в отождествлениях студента или если факторы, которым когда-то придавалась особая важность, до сих пор действуют.

Термин *отождествления* в предыдущем предложении не стоит подменять терминами *воспоминания* или *ассоциации*. Отождествления не всегда фигурируют в воспоминаниях. Ассоциация одного факта или опыта с другим не предполагает их отождествление. Воспоминания и ассоциации не всегда ведут или свидетельствуют о дезадаптациях. Они могут своими эффектами, напротив, способствовать адаптации. Для того чтобы ассоциировать два факта или опыта, человеку приходится распознать их как отличные друг от друга, тогда как при отождествлении человек поступает так, будто они не отличаются. Поэтому, мы можем сказать, что в ассоциации реализуется хотя бы некоторая малая часть адекватной оценки.

Надёжные воспоминания, когда мы их оцениваем как воспоминания, могут служить мерой предосторожности от отождествления. Такие различия я считаю фундаментальными в оценке фактов истории болезни как «причин» дезадаптаций.

Наконец, стоит учесть, что данный эпикриз как ориентир для диагностики и резюмирования случая следует адаптировать к каждому отдельному студенту, с которым врач работает. В некоторых случаях, этот ориентир придётся подробно разобрать, расширить и что-то к нему добавить. В других случаях, проблема может оказаться простой, а время на её решение коротким, из-за чего этот краткий ориентир покажется излишне подробным. То, как им предстоит пользоваться, позволит определиться с экстенциональным подходом к пациенту.

Лечение

В разделе III эпикриза мы указали, что план переобучения следует излагать, учитывая «конкретные преобразования (в поведении или в стимулирующих и ограничивающих условиях), которые следует попытаться осуществить с указанием порядка и конкретных процедур». Всё, что мы делаем в ходе осмотра и диагноза, мы намеренно направляем на такой план переобучения. Таким образом мы исследуем и диагностируем дезадаптацию, работая с поведением и условиями, в которых оно происходит, в первую очередь обращая внимание на те их свойства, которые мы можем изменить.

Учитывая, что мы можем попытаться изменить многое, нам требуется некая система или основа для плана программы переобучения. Нам следует сгруппировать возможные изменения, если мы не хотим запутаться. Требуется схема для прояснения важных отношений. Такая схема или система обычно нарабатывается на опыте работы с пациентами. Попытки, которые предпринимал я в целях организации своей врачебной деятельности, позволили постепенно выработать практическую формулировку, которую лучше получится представить в виде диаграммы; на Рис. 14. (Оригинал этой диаграммы создал доктор Хартуэл Скарброу.)

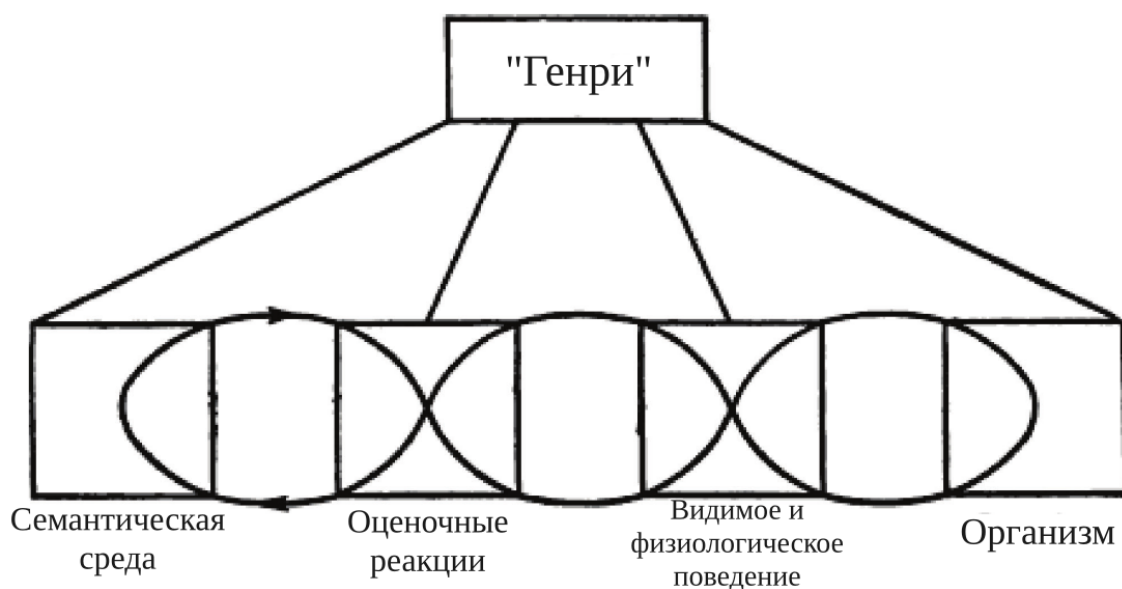

Рис. 14: Диаграмма взаимоотношений между группами факторов, которые следует учесть в личностном переобучении.

На этой диаграмме мы видим четыре общих группы факторов, каждая из которых взаимоотношится с другими. Мы можем размышлять над тем, что стоит попытаться изменить в том или ином случае личностного переобучения, в рамках этих четырёх факторов. Эти четыре фактора мы можем расценивать как четыре общих типа наблюдений за «Генри», под которым мы подразумеваем любого индивидуума. Или, в определённых целях, мы можем считать их четырьмя способами разговаривать о «Генри» – как четырьмя особыми языками. Мы

включаем «Генри» в эту диаграмму, чтобы подчеркнуть, что один любой представленный фактор или точка зрения остаётся частичной и неполной, и что для того чтобы составить полноценное описание пациента, требуются, по меньшей мере, все четыре. Нам не хватит описания человека только с анатомической или органической точки зрения, или только с точки зрения физиологии и по легко наблюдаемому поведению, или по его оценочным реакциям (отношениям к чему-либо и т. д.), или по семантическим влияниям, которым он подвергается. На каждом из этих ограниченных языков мы, как правило, можем сказать что-то важное, но не составить адекватное описание. Чтобы значимо говорить о «Генри», нам требуются все четыре. К тому же, учитывая их взаимоотношения, то, что мы можем сказать с точки зрения одного из них, зависит от того, что мы говорим с точки зрения других. Нам стоит сказать несколько слов о каждом из этих факторов, чтобы показать, как мы можем практически применить такую схему на практике.

Под семантической средой мы имеем в виду среду индивидуума, в которой мы выделяем отношения к чему-либо, убеждения, предположения, ценности, идеалы, стандарты, традиции, знания, интересы, конвенции, институты и т. д. Например, родители и преподаватели ребёнка играют роль в определении характера его семантической среды. Стоит понимать, что за пределами более непосредственной семантической среды человека существует его более широкая среда, которую мы называем его культурой; она представляет собой крупный социальный порядок, в котором живёт он, его родители и его преподаватели. К тому же, семантическая среда индивидуума развивается по мере того, как он подрастает, взрослеет, перемещается с места на место, и в зависимости от разных людей, оказывающих на него варьирующееся влияние. Однако в любое конкретное время характер семантической среды человека определяется культурой, в которой он участвует. Говоря в общем, семантическая среда включает те аспекты всей среды, которые, по меньшей мере, играют роль в жизни собаки или устрицы.

В эпикризе пациента, который мы привели, факторы семантической среды охватывают следующие пункты:

I. A. 2. b.

(1) (a) and (b)

(2) (a)

B. 1. a.

II. A. 2., 3., and 4.

B. 2. and 3.

C. 2. and 3.

Оценочные реакции включают отношения индивидуума к чему-либо, убеждения, предположения, ценности, идеалы и т. д. Вместе, мы можем считать их той частью семантической среды, которую индивидуум обжил или усвоил. Они составляют то, что иногда называют психологическими аспектами поведения, но называя их оценочными реакциями, мы подчёркиваем то, что считаем наиболее важным, по крайней мере, с точки зрения общей семантики. В практических целях, мы можем считать оценочные реакции преимущественно вербальными. По крайней мере, мы наблюдаем их главным образом в языковом поведении индивидуума.

В эпикризе оценочные реакции мы включаем в следующие пункты:

I. A. 2.

B. 2. a and b.

H. A. 1. and 3.

C. 2. and 3.

D.

В то, что мы называем *выраженным физиологическим поведением*, мы, в общем, включаем то, что человек делает – его преимущественно не-вербальное поведение. Мы включаем его деятельность в работе или отдыхе; его характерную осанку, походку и движение; его маньеризмы, жесты, выражения лица, качества голоса; его смех или недостаток такового; его избегание некоторых социальных ситуаций и т. д. В качестве физиологического поведения мы включаем состояния напряжения, важные характеристики частоты ударов сердца, функции желёз, нарушения в пищеварении, головные боли, заболевания и т. д.

Эти аспекты мы охватываем следующими пунктами:

I. A. 1.

B. 2. с.

II. A. (возможно)

C. 1.

Под *организмом* мы имеем в виду не статичную, неизменную органическую структуру, а относительно инвариантные отношения, вовлечённые в процесс роста и износа. В живом организме не получится провести чёткую границу между «физиологией» и «анатомией». Говоря приблизительно, под физиологическим поведением мы имеем в виду те изменения в теле, которые мы можем наблюдать от одного момента к другому; под организмом мы подразумеваем те характеристики тела, которые изменяются настолько медленно, что даже за промежуток в день, неделю или месяц, нам кажется, что они остаются прежними.

Эти факторы мы включаем в следующие пункты:

I. B. с.

II. A. (возможно)

B. i.

C. i.

В следующей главе мы обсудим проблему заикания и его лечения с применением этих четырёх факторов. Этим мы сможем более наглядно показать практическое применение того, что мы представляем диаграммой выше. В настоящей главе мы ограничимся обсуждением более общих соображений.

В отношении диаграммы нам следует затронуть несколько моментов. Мы сделаем это, обсудив некоторые важные отличия между этим способом формулировки проблем личностной адаптации и основными традиционными способами их формулировки. В практических целях, мы можем обозначить три других формулировки, которые можем сопоставить с этой. Их мы можем представить следующими способами:

A. Организм > Поведение. Организм вызывает поведение. Это мы относим, согласно этой точке зрения, к простому выражению телесных или наследственных характеристик человека. Этой формулой мы выражаем только односторонние отношения: организм влияет на поведение, но поведение не влияет на организм. Генри приобретает свою общительность с отцовской стороны семьи, свою хозяйственность он унаследует от своей матери, но опыты самого Генри не обладают причинной значимостью. Или, например, ваш организм определяет, насколько грациозно вы танцуете, но время проведённое, занимаясь танцами с хорошим преподавателем, согласно этой теории, не повлияет на ваш организм. Эта теория поведения, существует дольше остальных. В сущности, эту теорию продвигал Аристотель. Это мы

можем назвать точкой зрения моряка Полая: «Я есть, что я есть», которой многие придерживаются. Большинство людей по-прежнему «объясняют» собственное поведение и поведение своих товарищей теми или иными словами выражая, что оно так складывается по причине «человеческой природы». Иными словами, согласно этой теории, люди ведут себя так, как они себя ведут, потому что они «такими родились». Пугающее количество пациентов, с которыми я работал, на полном серьёзе выражали убеждённость, что они «унаследовали» свои дезадаптации, или что, по меньшей мере, они возникли от «от чего-то физического».

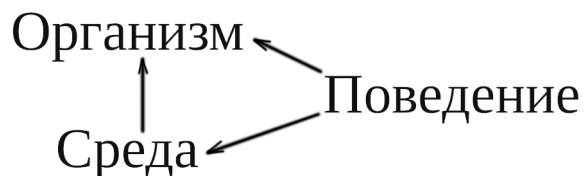
Такой теорией мы сводим личностное переобучение к тому, что можем осуществить посредством хирургической операции, таблеток и осторожным выбором бабушки и дедушки. В её рамках врач практически может лишь посоветовать дезадаптированному индивидууму извлечь максимум пользы из своего безысходного положения и радоваться, что не попал в положение похуже. Мы можем не считать эту теорию всецело ошибочной, но её стоит считать ошибочной в той мере, в которой она не работает успешно на практике. Об этом стоит вспоминать каждый раз, когда какой-нибудь «практичный мудрец» провозглашает через свои широкие ноздри древнюю «мудрость», что человеческую природу изменить не удастся.

На диаграмме, влияния организма на поведение происходят при двух важных условиях. Во-первых, организм меняется и преобразуется как фактор. Во-вторых, отношения между организмом и другими факторами, включёнными в диаграмму, не представляют собой односторонний процесс. Организм не только влияет, но и подвергается влиянию других факторов.

В. Среда > Организм > Поведение. В этом мы видим более современную теорию поведения, но в ней сохраняются недостатки старой. В сущности, эта теория отличается от старой тем, что к двум уже имевшимся добавился ещё один фактор, и добавился таким образом, что он мало на что влияет. Веками некоторые наблюдатели подозревали, что удовлетворительное объяснение человеческому поведению не получится дать, учитывая один лишь организм. Джон Лок, Жан-Жак Руссо и многие другие недавно выразили эту убеждённость и привлекли некоторое внимание к влиянию среды человека на его развитие. Однако многие из тех, кто озвучил такую точку зрения, и многие простые люди, которые её придерживаются сегодня, предполагают, что влияние среды имеет существенные ограничения. Из теории, по-видимому, следует, что организм действительно определяет поведение, а меняться под влияниями сил среды может лишь по-немногу. Успех, несмотря на «плохое» окружение и неудача, не смотря на «хорошее», объясняются, тем, что сказалось происхождение.

В этой теории стоит заметить ещё два момента. Во-первых, в ней, как и в предыдущей, фигурирует одностороннее отношение: среда может в некоторой мере влиять на организм; организм определяет поведение, но такие условия как действия индивидуума, проучаемые опыты, обучение и т. д. не реагируют в ответ на другие факторы. Данное свойство делает эту теорию наиболее неподходящей основой для личностного переобучения. Второй примечательный момент заключается в том, что, большинство людей, которые что-то говорят в рамках этой теории, не проясняют, что они имеют в виду под средой. От того, что пишут многие авторы, может сложиться впечатление, что в их определении среды, наиболее важными её аспектами считаются болезни, бактерии, негигиеничные условия, задымлённость воздуха, неблагоприятные труппы, устаревшая система водопровода и прочее подобное. Эти вещи мы, конечно, считаем важными. Однако, если мы говорим о личностной адаптации, семантические аспекты среды видятся важнее. На деле, санитария, пригодные жилищные условия и т. д. становятся последствиями семантического влияния, преобладающего в обществе или культуре. В свою очередь, эти последствия оказывают желаемое семантическое влияние, но это взаимоотношение между человеческим поведением и человеческими сре-

дами в этой теории не указывается достаточно чётко. Одной из причин этого дефекта в теории видится то, что термину *среда* в ней не дают адекватного определения.

Мы по-прежнему считаем эту теорию более современной. В той или иной форме ей придерживается большинство психологов и психиатров, которые отличаются в том, каким факторам и отношениям этой теории они уделяют больше внимания, или в том, как они определяют различные факторы. Благодаря работе Фрейда, Павлова, Торндайка, Левина, Халла, Мейера и других психологов за последние пятьдесят лет, особенно в последние годы, многие начинают осознавать недоработанность прежних теорий. Мы достаточно далеко продвинулись в прояснении основных терминов, которые применяем для описаний и объяснений поведения и для организации наших знаний о них. Вместе с этими продвижениями мы повышаем эффективность клинических методов для работы с личностными проблемами. Однако подробное обсуждение этих продвижений, исключая части этой книги, в которых мы их уже затронули, уведёт нас далеко от текущей темы. Нам хватит указать главные свойства типа теории, которую мы можем считать стоящей между старыми способами смотреть на поведение и формулировкой, которую мы обозначили диаграммой на рисунке выше (Рис. 14).

(В ходе этого обсуждения я употребляю слово *теория* не самым строгим образом и с относительным нежеланием. Я пользуюсь им, главным образом, чтобы избежать неудобных форм выражения. Четыре представленные схемы мы можем считать паттернами или формами – каркасами – для дальнейшего построения множества различных, конкретных теорий. Они отличаются числом включённых факторов и предполагаемыми отношениями между ними. Они также отличаются тем, как эти факторы определяют.)

В применении точки зрения, которую мы выразили диаграммой, в работе с пациентами с личностными проблемами, мы планируем программу переобучения с оглядкой на преобразования, которые мы могли бы попытаться осуществить относительно каждого из четырёх факторов, представленных в диаграмме. Мы последуем этому сценарию в дальнейшем обсуждении, а также в обсуждении о лечении заикания, в следующей главе.

Семантическая среда. Детей с проблемами в поведении часто забирают из их домов и отправляют в интернат или в специальную школу. Мы можем считать это примером крайней смены семантической среды. Интернаты для инвалидов, слепых, глухих, серьёзно дезадаптированных и т. д. служат относительно убедительным свидетельством, что мы в некоторой мере понимаем важность семантической среды – или, хотя бы, просто среды – в отношении поведения. Убедительным относительно, потому что то, как такими школами и учреждениями иногда управляют, демонстрирует серьёзный недостаток знания о семантических факторах. Однако в других случаях, эти факторы учитывают достаточно эффективно в политике школы.

Другим свидетельством нашего понимания важности семантической среды служит наша система средних школ, профессиональных училищ, колледжей, университетов, больниц, клиник, многоквартирных домов, галерей искусств, концертных залов, театров, библиотек, публикаций, студий радиовещания и т. д. Мы не всегда используем их «в интересах общественности», но сам факт, что мы сохраняем их, свидетельствует о важности, которую мы придаём контролю семантических влияний на наши жизни.

В обсуждаемом нами личностном переобучении преобразования в семантической среде, которые оказываются практическими, обычно попадают в две основные группы. К первым относятся те, которые мы можем осуществить, открыв пациенту доступ к лучшим аспектам,

которые его среда может обеспечить. Под этим мы имеем в виду, что можем дать указания к семантическим влияниям, которым человек подвергается, направив его в подходящие клиники, к консультантам по профессиональным вопросам и т. д. Мы также можем помочь ему записаться в школу или на курсы, подходящие его нуждам, дать ему информацию об организациях, в которых он может найти возможности для саморазвития и социально полезной деятельности. Помимо этого, мы можем посоветовать ему книги, журналы, музыку, искусство и т. д., которые могут принести ему пользу; познакомить его с индивидуумами, которые могли бы оказать на него положительное влияние, помочь ему устроиться на удовлетворительную работу, найти подходящее время для отдыха, социализации, подыскать интересы и хобби и т. д. Решения сводятся не столько к изменению среды, сколько к более эффективному подведению пациента к контактам с некоторыми её аспектами. Со многими пациентами, с которыми мне приходилось работать, эта часть личностного переобучения оказывалась очень важной. В ней мы занимаемся расстановкой отправных точек для переобучения.

Другой способ изменения семантической среды состоит из переобучения людей, состоящих в важных отношениях с пациентом. В обсуждении процедуры осмотра, мы уже подчеркнули важность профессиональной этики – не нарушения доверия – в разговорах о пациенте с другими людьми. Помимо случаев, когда мы можем консультировать родителей и преподавателей ребёнка, не сообщая ему об этом, врачу не следует обсуждать конфиденциальные вопросы с другими людьми или привлекать их к сотрудничеству, не уведомив и не спросив разрешения у пациента. К этому стоит относиться особенно добросовестно при работе с мужьями и жёнами.

Касательно процедур осмотра, мы отметили, что пациенту следует самому разговаривать с людьми, к которыми он хочет проконсультироваться. Это представляется даже более важным на этапе переобучения в программе, потому что чтобы помочь студенту развить в себе больше самостоятельности и укрепить способность иметь дело со своими проблемами самостоятельно, стоит делать всё возможное. Для того чтобы задействовать друзей, членов студенческого сообщества, преподавателей, работодателей, родителей, и т. д., врачу требуется веская причина. Студенту следует говорить за себя, и тем самым культивировать уверенность в себе и ответственность за свои социальные адаптации. Значительную часть пути к зрелости приходится преодолевать собственным опытом, создавая в немалой мере свою семантическую среду своими же силами и устанавливая контроль над отношениями и реакциями других людей. Студенту следует предоставить достаточную возможность научиться этому. Если же сопровождать его во всём, держа без необходимости за руку, и заставляя его чувствовать, что он не справится без постоянной помощи, он не усвоит уроки.

Существуют, однако, две вещи, которые врач может сделать для студента, не ослабляя его самоуверенность. Во-первых, он может предоставить техническую информацию, которую не всегда удаётся передать настолько умело, насколько от врача хотят, родителям пациента, преподавателям или другим людям, которым её следует передать. В этом возникает необходимость, когда врачу приходится работать с проблемой, осложнённой какой-нибудь особой ограниченностью, например, потерей слуха, дефектом речи или какой-либо инвалидностью. В таком случае врач несёт ответственность за то, чтобы проследить, что наиболее заинтересованные люди, которые оказывают наибольшее влияние на студента, максимально чётко понимают характер и значимость особой ограниченности, и то, каким образом с ней стоит иметь дело. Пользу студенту может принести его присутствие на консультациях с родителями и другими людьми, чтобы он мог услышать объяснения и прочувствовать атмосферу интереса и сотрудничества, которая обычно складывается в ходе таких консультаций.

Во-вторых, врач может организовать занятия или групповые встречи для многих типов студентов. Так называемую групповую терапию стали применять широко в работе с пациентами с личностными проблемами. Некоторые её формы разработали достаточно детально; например, психодраму Якоба Морено. Менее заметно, но, насколько я могу судить, в равной степени эффективно, в развитие групповой терапии внёс вклад профессор Брин Бринглсон, разработав курс по речевой гигиене в Университете Миннесоты. Несколько слов об этом курсе помогут прояснить, что мы имеем в виду под групповой терапией.

На курс профессора Бринглсона обычно ходит от двадцати пяти до тридцати человек. Главным образом, они приходят на его курс, потому что страдают от различных проблем с адаптацией. В ходе первых девяти или десяти встреч, профессор Бринглсон ведёт лекции о личности, даёт студентам язык для эффективного разговора о своих затруднениях и создаёт атмосферу научной честности, которая играет ключевую роль в таком виде групповой работы. Затем профессор Бринглсон рассказывает истории из своей жизни, обсуждая себя и свои личные проблемы прямо и адекватно.

Это подготавливает почву для участия студентов в курсе. Они начинают добровольно делиться рассказами о своих жизнях, пользуясь заранее написанными и конфиденциально сданными инструктору автобиографиями, но в рассказах уходят гораздо глубже в подробности. К моменту, когда это сделали трое или четверо, остальные присутствующие чувствуют уверенную готовность участвовать, и за период нескольких лет ни один студент не отказывался. Нескольким участникам пришлось испытать трудности в преодолении нежелания говорить, но даже им удалось дойти до конца.

Одним из интересных моментов в этом курсе мне кажется то, что часть времени за рассказами о себе аудитории студенты проводят перед зеркалом, описывая себя как можно честнее и точнее, обращая внимание на изъяны и дефекты, обсуждая связанные с ними чувства и то, какую роль они сыграли в дезадаптациях.

Когда студент рассказал о себе, поведал историю своей жизни и разобрал свои затруднения в адаптации, другие участники задают ему вопросы, высказывают комментарии, делают предложения, после чего подходит очередь следующего участника. Инструктор в это время остаётся большей частью на заднем плане и появляется, чтобы ответить на вопросы, привести конструктивную критику, приободрить кого-нибудь, и поддержать настрой группы.

В таких обстоятельствах участники группы многое друг о друге узнают. В ходе курса многим из них удаётся найти первых друзей. Этот момент на последней встрече подкрепляют проведением банкета, куда приглашают бывших участников и тех, кто только закончил курс. Это мероприятие отличается от типичного светского приёма. Его скорее стоит сравнивать с семейным воссоединением, только без зависти, обид и стеснений. На этой встрече люди не боятся ранить чувства друг друга. Ежегодные сборы, встречи классов, сборы отдельных членов групп – всё это служит подкреплению и экстенсинализации пере-оценок и адаптаций, которых удалось достичь более формальными аспектами курса. Такая групповая терапия не только позволяет экономить время – давать тридцати людям то, что в ином случае пришлось бы дать только одному за то же время, – но и получить каждому из тридцати участников больше, чем он получил бы один в изоляции от группы. Групповая терапия предоставляет возможность воспользоваться выученными принципами адаптации сразу. Это означает, что она позволяет учиться на поступках. К тому же, обучение каждого студента улучшается за счёт прямого наблюдения и активного участия в процессах адаптации других участников.

В работе, которой занимался я (не считая некоторые исследовательские попытки с техникой психодрамы), я пользовался принципом групповой терапии в некоторой степени двумя способами. Во-первых, я пытался проводить свои занятия в рамках клинической психологии,

и в частности общей семантики, чтобы обеспечить ограниченную меру эффекта групповой терапии. Мне стоит подчеркнуть слово *ограниченную*, потому что, оправданно или нет, я практиковал значительную сдержанность из-за отличий того, что считаю социальными реальностями государственного университета. (Профессор Бринглсон работает со взрослыми пациентами в вечерние часы, и эти обстоятельства семантически заметно отличаются от обстоятельств занятий с обычными студентами университета, живущими в условиях студенческого городка.) Большой частью студенты приходят на эти занятия скорее по учебным причинам, нежели личным. Классы обычно насчитывают больше человек. Все эти факторы таких курсов добавляют ограничений полноценной групповой терапии.

Остаются, однако, некоторые возможности, которыми я могу воспользоваться. Я даю студентам информацию о дезадаптации так, чтобы они могли легко соотнести её со своим опытом и опытом своих знакомых. Благодаря тому, что они получают эту информацию, находясь вместе в одном помещении, вырабатывается некоторая мера «группового ощущения» и взаимного понимания. Каждый студент со временем понимает, что в лекциях рассказывается о нём и его одноклассниках. Этот эффект передаётся в беседы студентов вне аудитории, в которых спонтанно осуществляется, в некоторой степени, групповая терапия.

Этот эффект подкрепляется обсуждениями конкретных случаев во время лекций. Несмотря на ограниченность этого обсуждения с точки зрения профессиональной этики, ей получается задать достаточно чёткое направление. В этих обсуждениях задействуется старая техника, позволяющая человеку внимательно взглянуть на свои дезадаптации за счёт ознакомления с дезадаптациями индивидуума схожего с ним. Эффект этой техники усиливается при работе с группой. К тому же, обсуждая осмотрительно, но прямо, собственные проблемы с адаптацией, инструктор более или менее эффективно может продемонстрировать аспект адаптации, который некоторые из его студентов могут применить на практике сами в условиях, которые сочтут подходящими. В некоторых случаях обсуждения в аудитории провоцируют достаточно значимые само-оценки, что, конечно, усиливает эффекты групповой терапии.

Второй способ, которым мне удалось в условиях университета частично задействовать групповую терапию, практически полностью ограничивается работой с заиками. Несколько лет, каждую неделю учебного года, я устраивал две или три групповые встречи для заикающихся, которые посещали логопедическую клинику. Эти встречи я проводил с несколькими целями, включая разговорную практику, демонстрацию коррекционных техник и т. д. Одной из целей я ставил личностное переобучение, и в относительно небольшой группе, в которой участники делятся более или менее теми же проблемами адаптации, удаётся воспользоваться подходом групповой терапии более эффективно, чем в вышеописанных больших аудиториях. Этот подход включает, главным образом, лекции, сфокусированные на проблемах адаптации заикающихся, сопровождающиеся большим количеством примеров, взятых из личного опыта студентов и инструктора, и обсуждения самими заикающимися своих повседневных проблем в определённых речевых ситуациях, их отношений и поведенческих тенденций, их «успехов» и «неудач» в ходе реализации программ их переобучения.

Среди интересных элементов этих групповых встреч мне хочется выделить «сессию перебивания», в которой один заикающийся говорит, а другие пытаются сбить его с темы, задавать ему вопросы как по теме, так и о других вещах, подшучивать и критиковать его, как положительно, так и отрицательно. Сессия перебивания оказывается весьма полезной для большинства студентов, способствуя снижению интенсивности сигнальных реакций и выработке самообладания «под огнём».

Я также нашёл полезным технику «группового собеседования». Один заикающийся встаёт перед аудиторией, а участники задают ему вопросы. Вопросы носят более или менее лич-

ный характер и составляются так, чтобы дать заикающемуся возможность ответами вынести свои проблемы на обозрение. В этой процедуре действует строгое правило, которое позволяет ему отказаться отвечать на любой вопрос, который он не чувствует свободы или готовности обсуждать, и он знает, что его не станут за это критиковать за то. Учитывая это правило, от него ожидают, что он станет придерживаться максимальной честности и прямоты в тех ответах, которые он дать соглашается. На деле большинство задающих вопросы склоняются к сдержанности, и поэтому редкие вопросы остаются без ответов. Одно из преимуществ этой техники заключается в том, что её легко получается настроить на любой уровень честности и приватности, и поэтому она легко приспосабливается к человеку, которому задают вопросы. Она оказывается особенно полезной на первых встречах группы, потому что позволяет участникам знакомиться друг с другом постепенно. По мере того, как эти собеседования проходят от одной встречи к другой, участники узнают друг о друге всё больше и больше, а обсуждаемые проблемы приобретают всё большую значимость. В конечном счёте, это позволяет произвести значительный групповой терапевтический эффект.

Я не сомневаюсь, что групповую работу такого толка получится провести и со студентами, которые не страдают от проблем с заиканием. В группе, скорее всего, найдётся, минимум, шесть и не более тридцати; предпочтительно – двадцать или меньше. В работе с заикающимися я обнаружил, что групповые встречи служат ценным дополнением к индивидуальным консультациям, и это же я могу сказать о работе со многими другими типами пациентов.

Как мы уже сказали, преобразования в семантической среде сводятся к тем, которые мы можем осуществить, показав студенту возможности для адаптации, которые даёт его среда, и проинформировав и попытавшись изменить подходы к студенту людей, с которыми он состоит в более или менее близких отношениях. По возможности, студенту самому стоит попытаться переобучить и проинформировать людей своего близкого круга так, чтобы он мог более эффективно к ним адаптироваться, но врач в этой связи может сделать, по меньшей мере, две вещи. Он может дать родителям, преподавателям и другим близким студента техническую информацию и объяснения, и провести, по мере практической, групповую терапию.

Этим мы резюмируем то, что мы можем сделать, чтобы изменить семантическую среду, по крайней мере, при работе с переобучением тех типов, которые мы здесь рассматриваем. К этому стоит добавить только рекомендацию поддерживать инициативу пациента знакомиться с другими людьми, отзываться на дружелюбие и заводить друзей. Это не означает, что ему стоит становиться вечно-весёлым экстравертом, вступать во все клубы или солировать в каждом хоре; следует стараться избавиться или умерять отождествления и семантические блокады студента в оценках других людей и реакциях на них. В этом помогает, и даже становится необходимым, взаимодействие с компаниями других людей. За счёт того, что он узнаёт их лучше, он узнаёт лучше себя. Это мы называем экстенциональностью в оценке своей семантической среды и в реакциях на неё.

С точки зрения врача, следует подчеркнуть ещё два момента. Во-первых, он, врач, служит крайне важным, если не самым важным, фактором семантической среды студента. Стараётся он или нет, хочет или нет, в глазах пациента он становится примером личностной адаптации. Учитывая этот простой факт, может показаться, что некоторые врачи плохо понимают эту роль. Если между тем, что врач проповедует и тем, что он практикует, пациент видит существенную разницу, то, что он проповедует, теряет в эффективности. Повседневное поведение врача нередко служит более адекватным показателем его эффективности, в сравнении с тем, как он ведёт лекции или как ведёт себя на собеседовании. Здравомыслие, которого ожидают от него, иногда требует усилий, особенно в свете того, что его семантическая

среда не всегда располагает к его поддержанию. По этим причинам, врачу рекомендуется следить и поддерживать свою адаптацию, если он хочет помогать адаптироваться другим.

Во-вторых, врач, если он хочет поддержать левой рукой то, что делает правая, несёт ответственность, проявляя интерес к тем общественным и культурным переменам, которые дают некоторые надежды на формирование более адекватных условий для жизни человека. Он несёт ответственность, делая то, что он может, чтобы умирить расовые предрассудки, классовые конфликты, сигнальные реакции по отношению к «ограниченным» людям и другие свидетельства семантических блокад, от которых в семьях, школах и сообществах культивируются дезадаптивные эффекты. Законодательство, социально-экономические программы, образовательные реформы, публикации и организации, созданные, чтобы индивидуумы могли жить с самими собой и друг с другом более продуктивно, заслуживают поддержки любого врача, который хочет делать больше, чем дежурить у сточной трубы цивилизации за пять долларов в час. Профессор С. Нок хорошо выразил эту проблему в журнале *Ethics* (выпуск 54, 1943, сс. 14-28) следующими словами: «... задумайтесь о том, сколько людей живут безупречными жизнями и тратят честно заработанные богатства на облегчения человеческих страданий, и при этом с пристрастием поддерживают устаревший образ общества, в которой такие человеческие страдания остаются неизбежными». Любой врач, который позволяет причислить себя к большой компании людей, которых обвинил профессор Нок, рискует всеми своими усилиями привести общество к потерям.

Оценочные реакции. Личностные дезадаптации могут становиться устойчивыми. Это означает, что, как правило, дезадаптированный индивидуум затвердевает в своих дезадаптациях, из-за чего ему становится всё сложнее и сложнее помочь с течением времени. Его отношения к вещам становятся менее подвижными, а сценарии поведения – более строго закреплёнными. Его влияние на самого себя становится более разрушительным. Иными словами, никто не терпит неудачи так, как это делают неудачники: в дезадаптации проявляется само-рефлексивность. (см. Рис. 15.)

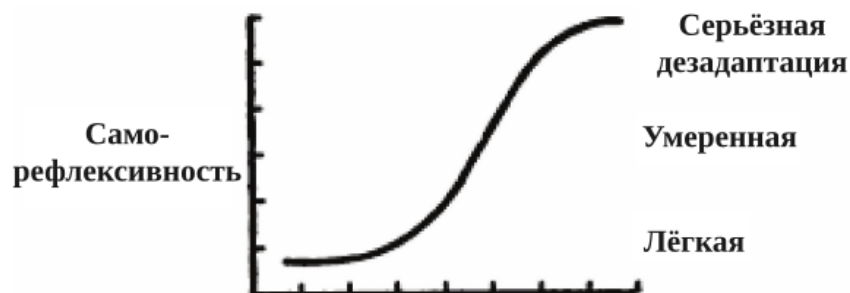

Рис. 15: Схематическое представление само-рефлексивного характера личностной дезадаптации: склонность дезадаптированного индивидуума отвечать меньше и меньше на внешние реальности и больше и больше на собственные ошибочные оценки.

Говоря проще, преобразования семантической среды человека поспособствуют изменениям в его адаптации в той мере, в которой он на них ответит. Практический показатель серьёзности дезадаптации индивидуума мы получаем из того, насколько эффективно и адекватно он реагирует на преобразования среды. К неострым случаям, в важном смысле, мы относим тех, кому хватает изменений в релевантных условиях. Мы можем предоставить таким пациентам необходимую информацию, повлиять с целью изменений в отношениях или ориентиров, на людей, которые оказывают на индивидуума важное влияние, дать профессиональные советы, и реализовать другие изменения, схожие с теми, которые мы обсудили выше. Серьёзными случаями мы считаем те, в которых пациент продолжает практиковать ограничивающие ошибочные оценки и испытывать соответствующие трудности в поведении, невзи-

рая на изменения, произошедшие в среде. Примерами таковых служат серьёзные дезадаптации в Главе XIII. Таких пациентов обычно отправляют к психиатру.

Между этими крайностями находится большая группа тех, кто может извлечь значительную пользу из изменений в среде, если провести с ними подходящее переобучение основных процессов оценки. Именно эта группа, наряду с уже упомянутыми неострыми случаями, интересует нас в первую очередь. Пациенты из группы неострых, конечно, тоже могут выиграть от переобучения привычек оценки. Переобучение именно этого типа мы сейчас обсудим, и наиболее эффективно у нас получится это сделать – с помощью диаграммы (Рис. 16).

Рис. 16: Диаграмма уровней дезадаптивной [М] и адаптивной [А] реакции и отношений между ними. (Изменённая диаграмма, представленная Коржибски и Кендиг, «Предисловие» в *A Theory of Meaning Analyzed* [Анализ Одной из Теорий Значения], Поллок, Сполдин и Рид. *General Semantics Monographs*, III. Chicago: Institute of General Semantics, 1942.)

Здесь нас особенно интересуют уровни общего ориентирования и конкретные оценки, обозначенные на диаграмме как М-1 и А-1, и М-2 и А-2. То, что мы хотим показать этой диаграммой, мы можем резюмировать следующим образом: дезадаптивное поведение в своих конкретных формах (конкретных видимых реакциях, напряжениях и других физиологических состояниях) мы можем рассматривать как выражение конкретных оценок (отношений, предположений, убеждений, идеалов и т. д.). Однако эти конкретные оценки, в свою очередь, определяются общим ориентированием индивидуума (базовой структурой языка, методами оценки и т. д.). Таким же образом, адаптивные реакции (А-3) следуют из адаптивных оценок (А-2), которые, в свою очередь, следуют из общего адаптивного ориентирования (А-1).

Мы хотим показать этой диаграммой, что можем классифицировать методы личностного переобучения с точки зрения уровней и отношений, обозначенных линиями *z*, *x*, и *a*. Представьте себе, сколько усилий тратят родители и преподаватели в попытках – как правило, тщетных и фрустрирующих – преобразовать дезадаптивное поведение (М-3) в адаптивное (А-3) принуждением, не учитывая оценки и общее ориентирование, из которых вытекает поведение. Попытки переобучения такого толка мы обозначили волнистой линией *z*. Они оказываются неэффективными по простой причине, обозначенной пунктирной линией *y*, что адаптивное поведение (А-3) обычно не следует из ошибочных оценок (М-2). Такое переобучение ведёт к смятению, враждебности, недоверию и отчаянию, которые превращают школы в камеры пыток. Волнистой линией *z* мы обозначаем придирки, рукоприкладство, ругань, отправки в угол, приказы, которые требуют исполнять без вопросов, необъяснённые наказания и награды – животные методы воспитания, которым придаются авторитарные деятели образования, надзиратели и «советники», внося свой вклад в нечеловеческое отношение человека к человеку. Дрессировщики животных, возможно, находят такие методы незамеченными, но в рамках дома, школы или больницы их ценность остаётся сомнительной.

Другой метод, несколько более разумный, мы обозначаем волнистой линией *x*: попытки изменить поведение путём изменения *конкретных* отношений к вещам, предположений, мотивов, целей и т. д., обуславливающих поведение. Это представляется наиболее широко применимым способом личностного переобучения в современных больницах, и нечто схожее с ним мы наблюдаем в некоторых семьях и школах. Он порой оказывается эффективным, как мы показываем линией *e*, потому что адаптивные оценки обычно выражаются адаптивными реакциями. В других случаях он оказывается неэффективным, потому что, как мы показываем пунктирной линией *w*, общее дезадаптивное ориентирование – которым во многом пренебрегают при таком обучении – обычно не ведёт к адаптивным оценкам. Самая расхожая жалоба от родителей, преподавателей и врачей звучит примерно так: «Я ему сто раз говорил, сто раз объяснял, что не так с его отношением, что проблемы в его мотивах, что он не ведёт себя ответственно, не думает, прежде чем делать – я ему говорил и говорил – а он ничего не делает. Мне иногда кажется, что ему не хватает старой доброй дисциплины».

Вместо того чтобы обращаться к «старой доброй дисциплине» (которую мы обозначаем волнистой линией *z*), мы можем перейти к методу переобучения, обозначенному линией *a*. Именно в этом методе и на этом уровне мы наиболее чётко задействуем общую семантику. Осознанность абстрагирования – основная цель общей семантики – включает осознанность отношений между поведением, конкретными оценками и общим ориентированием. Обучение общей семантике оказывает влияние, главным образом, на факторы языковой структуры, на механизмы проекции и на оценку в целом. Методы личностного переобучения, в которых мы следуем принципам общей семантики, разрабатывались, – в рамках Рис. 16 – чтобы:

1. Составить чёткое высказывание о дезадаптации, в любом определённом случае, с точки зрения на конкретное поведение (М-3), и определить изменения, которые следует внести в это поведение, чтобы сделать его более адекватным (А-3).
2. Понять дезадаптивные оценки (М-2), которые приводят к этому поведению, и определить изменения, которые следует внести в оценки, чтобы сделать их более адаптивными (А-2).
3. Оценить общее ориентирование (М-1), в частности, в рамках структуры языка и процесса абстрагирования, лежащих в основе конкретных ошибочных оценок, и культивировать более адекватное ориентирование (А-1), за чем с большей вероятностью последуют пересмотренные оценки (А-2), которые требуются для более адаптивного поведения (А-3).

Эти определённые техники используются чётко направленно на эти задачи. Здесь нас интересуют, главным образом, те техники, которые разрабатывались, чтобы осуществить изменения от М-1 к А-1, и следовательно, от М-2 к А-2. В частности, нас интересуют техники, описанные в Главе X, экстенциональные приёмы, задержанная реакция и семантическая релаксация. На деле, конечно, мы можем практиковать эти техники на уровне поведения (А-3), как мы увидим далее, но сейчас стоит подчеркнуть, что они позволяют продемонстрировать и подкрепить принципы, на которых они стоят. Также стоит подчеркнуть, что без надлежащих знаний этих принципов, практика техник, вероятнее всего, превратится в не более чем мало что значащую формальность, которая внесёт мало, если вообще внесёт, изменений в адаптацию человека. Поэтому экстенциональными приёмами, задержанной реакцией и семантической релаксацией следует пользоваться, прежде всего, в качестве демонстрации общих принципов, и дополнять это использование необходимыми обсуждениями основ и подоплёк этих принципов. Здесь мы имеем в виду обсуждения, подобные приведённым в Главах II – IX, и особенно, V – IX. В них мы охватываем основы научного ориентирования (А-1) в сопоставлении с до-научным ориентированием (М-1), и положения о не-тождественности, не-всеобъемлемости и само-рефлексивности, а также процесс абстрагирования, принципы вероятности, условности и символные реакции.

Личностное переобучение в таком контексте может показаться чем-то «интеллектуальным» и запутанным. Подстроив его должным образом под индивидуума, оно может оказаться настолько простым и доскональным, насколько этого требуют или позволяют обстоятельства. Как мы уже отметили, многие проблемы с адаптацией оказываются достаточно простыми и временными, поэтому, с практической точки зрения, не всегда видится разумным идти в нём дальше рекомендаций нескольких изменений в поведении и отношении к вещам, и помощи в преобразовании условий таким образом, чтобы эти рекомендации принесли пользу. Иногда врач может порекомендовать краткие материалы для чтения, – например, Главу I этой книги – чтобы придать рекомендациям значимости. В некоторых случаях, полезным придётся курс личностной адаптации или общей семантики. Более того, многие пациенты могут добиться улучшений, пройдя такой курс, дополненный несколькими личными консультациями. Среди прочих причин, я написал эту книгу, чтобы предоставить текстовый материал, который сделал бы курсы по общей семантике или по психологии адаптации полезными в этой связи, а также для индивидуальной работы с пациентами.

Пациенты отличаются в том, сколько обучения общей семантике им требуется, сколько они могут усвоить и эффективно применять. Некоторым индивидуумам общую семантику стоит подавать медленно и очень простым языком, не только потому что у кого-то из них может не хватать умственных способностей, или в силу серьёзных семантических блокад, но также потому что она может в той или иной мере их расстроить. Когда определённым убеждениям и отношениям пациента бросают вызов, или когда он внезапно начинает осознавать какое-то своё отождествление, он может прийти в волнение. Поэтому любой ответственный врач следит за тем, не вызывают ли его объяснения тревог у пациента. Он по обстоятельствам поддерживает пациента и даёт ему достаточно времени, чтобы тот привык. Обучение следует подстраивать под индивидуума не только по типу, но и по количеству и темпам. Это остаётся верным, независимо от того, практикует врач общую семантику или нет.

Изменений в оценках студента редко удаётся достичь спорами. Многие студенты – и многие врачи – могут склоняться к спорам, поэтому стоит знать два общих способа иметь с ними дело. Первый подразумевает вовлечение в спор. Это не рекомендуется в качестве клинической техники. Второй подразумевает его анализ. Делая это умело, врач может подвести пациента к рассмотрению его взглядов, убеждений, целей и т. д. и к более полному их пониманию. Врач может дать язык, которым тот мог бы говорить о своём языке и оценивать свои оценки. Это удаётся сделать, познакомив его, по меньшей мере, со следующими понятиями:

1. Одно-значные, дву-значные, много-значные и бесконечно-значные языковые структуры. Разница между оценочными высказываниями типа либо-либо, составленными с точки зрения степеней или отличий, на континууме или градационной шкале. Отсюда, исключение «успеха» или «неудачи» и ориентирование по разнице между ожиданием и достижением.

2. Достоверность против вероятности. Абсолютные против относительных оценок. Принцип, согласно которому наблюдаемое представляет собой совместный результат наблюдателя и наблюдаемого; то, что мы знаем, представляет собой отношения между знающим и знаемым. Механизмы проекции. Субъективность. Субъектно-предикатные высказывания против (а) высказываний осознанной проекции и (б) поведенческих, действенных и условных высказываний о структурных отношениях в рамках пространственно-временного порядка. Экстенциональное понимание кавычек и дефисов.

3. Ориентирование на процессуальные отличия против постоянного тождества. Экстенциональное понимание индексов, дат, и *и так далее*. Механизмы отождествления и всеобъемлемости. Символьная реакция против сигнальной реакции.

4. Интенциональное ориентирование против экстенционального. Экстенциональная основа континуума размытости-ясности. Бессмысленные вопросы и высказывания. Не-вербальные и вербальные уровни абстракции. Немое абстрагирование (см. Пункт 12, Семантические упражнения). Роль выведенных данных (высшие уровни заключения и субмикроскопический уровень) в процессе абстрагирования. Основы задачи формулировки и научного метода. Рабочее понимание того, что имеется в виду под экспериментальной или экстенциональной сверкой отношений с вещами, предположений с убеждениями. Абстрагирование на мёртвом уровне. Само-рефлексивность. Время-связывание. Адаптация как адаптации.

5. Отношение структуры личности к структуре культуры и семантической среде. Роль языковой структуры в этом отношении. Отношения, включающие семантическую среду, оценочные реакции, видимое поведение, физиологические условия и организм (Рис. 14). Отношения между уровнями поведения, оценок и общего ориентирования (Рис. 16).

Эти основы следует подавать не абстрактно, а, по мере возможности, в прямом отношении к поведению, оценкам и базового ориентирования студента. Их стоит подавать так, чтобы дать ему язык, которым он мог бы разговаривать о своём языке, базис для оценки его оценок, средства понимания его дезадаптированных реакций. Всё это вместе складывается в общее адаптивное ориентирование и указывает путь к адаптивным отношениям и реакциям, которые имеют значение относительно его особых нужд и ситуаций. Поэтому в параграфе об Осмотре мы подчеркнули важность релевантных подробностей, касающихся элементов поведения, опыта и нынешних обстоятельств студента, которые удаётся преобразовать.

В рамках практической процедуры конкретные отношения к вещам, убеждения и т. д. следует не оспаривать, а обсуждать, опираясь на вышеприведённые основы. Студента следует обучать так, чтобы он мог распознать степень, в которой он склоняется к дву-значности в оценках, отождествлениям, неосознанным проекциям, ведущим к сигнальным реакциям и т. д. В таких рамках он может научиться видеть возможности перемен в своём базовом ориентировании, и таким образом, в своих конкретных отношениях к вещам, предположениям, и т. д., и в своих реакциях на определённые ситуации. Таким способом личностное переобучение может проходить, как показано на Рис. 16, от М-1 к А-1, к А-2 к А-3. Переобучение такого толка, как правило, позволяет не только перманентно избавиться от конкретных дезадаптаций, но также *обобщить* процесс адаптации, чтобы пациент мог не только справиться с текущими затруднениями, но и достаточно эффективно предупреждать будущие проблемы.

В следующей главе мы обсудим некоторые конкретные ошибочные оценки пациентов, страдающих заиканием, и укажем определённые базовые факторы, связанные с этими оценками. То, что мы там скажем, послужит демонстрацией, с точки зрения практических подробностей, семантического подхода к оценочным аспектам дезадаптаций. И, сейчас мы это проясним.

Видимое Поведение и Психологические Условия. Многое из того, что мы можем сказать здесь, мы уже сказали в Главе X. В ней мы перечислили и описали следующие приёмы и техники: экстенциональные приёмы (индексы, даты, и так далее, кавычки, дефисы и специальные термины), задержанную реакцию и семантическую релаксацию. Они служат некоторыми практическими способами применения принципов общей семантики в действительных ситуациях повседневной жизни. В дополнение к этим трём, существует множество других техник, способствующих переменам в поведении, две из которых мы считаем особенно важными. Одна из них заключается в том, чтобы намеренно проверять конкретные предположения посредством наблюдений собственного поведения – и поведения других людей – и его последствий в указанных условиях. Заикающийся человек, который настаивает на том, что люди смеются над ним, может с пользой для себя начать собирать данные – на деле подсчитывать количество людей, которые смеются над ним, и которые не смеются. В этом случае ему при-

дётся определить смех и над ним, и это уже даст ему преимущества. Вторая техника практикуется путём попыток проявлять поведение, которое выражает адекватные оценки. В Винни Пухе, Винни Пух как-то раз встретил Кролика и сказал: «Привет, Кролик. Это – ты?», а Кролик ответил: «Давай притворимся, что нет и посмотрим, что произойдёт». Это выражает основную идею. Давайте притворимся, что нам нравится шпинат, и посмотрим, что произойдёт. Давайте притворимся, что следующий «чёртов северянин», которого мы встретим, не есть «чёртов северянин», и посмотрим как пройдёт встреча. Давайте притворимся, что наш начальник не есть наш заклятый враг, и посмотрим, что изменится. Иными словами, давайте разберёмся настолько тщательно, насколько у нас получится, как ведёт себя успешно адаптировавшийся человек, и в качестве эксперимента попробуем вести себя так же, и внимательно пронаблюдаем последствия. Давайте, не просто сидеть и говорить об адаптации. Давайте попробуем её реализовать.

Следует отметить, что эти техники стоит применять – а не обучать пациента их применять – самыми эффективными способами к проблемам, возникшим от определённых отождествлений пациента, семантических блокад, сигнальных реакций и т. д. Прежде всего, студенту следует понять общие принципы, на которые мы опираемся в применении этих техник. Применение этих техник, хоть и несколько неуклюжее в первое время, поможет ему достичь лучшего понимания этих принципов. Оценки и базовое ориентирование меняются, когда меняется поведение, и наоборот. Это означает, что врач не даёт пациенту «полные» объяснения принципов и новый набор отношений к вещам, прежде чем попросит его сделать что-нибудь, что бы поменяло его поведение. Это также означает, что он не даёт указаний пациенту менять своё поведение, прежде чем поможет ему в некоторой степени понять техники, которыми предстоит воспользоваться. Если он так сделает, то пациент ограничится только формальным применением – без особой цели. Обучение человека, например, технике семантической релаксации, без предварительного обучения хотя бы основам общей семантики, представляется практически невозможным, и потенциально не только бесполезным, но даже вредным. Подобным образом, длинные разговоры о семантической релаксации или об экстенциональных приёмах без попыток применения тоже могут оказаться тщетными.

Как только студент ощущает, что выработал некоторое понимание техники, и видит, как он может применить её с целью изменить своё дезадаптированное поведение, ему стоит попытаться ей воспользоваться. В начале ему, скорее всего, придётся испытать некоторые трудности, после чего ему стоит вернуться к врачу и рассказать о них. Врач, в свою очередь, расскажет ему в частностях о принципах, лежащих в основе техники, и цель этого разговора сводится к тому, чтобы студент попытался применить её снова. Так постепенно получится сдвинуться в некоторой мере в сторону адаптации. В эффективном обучении, практика и обсуждения, говорение и делание, идут рука об руку, придавая друг другу значимости и результативности. Личностное переобучение мало отличается от тренировки по футболу: разговоры у доски ведут к практике с мячом, по которой тренер определяет необходимость провести ещё разговоры у доски, которые ведут к дальнейшей практике с мячом и т. д.

Другие примеры экспериментальных наблюдений, направленных преобразований поведения и применения техник, описанных в Главе X, я привёл в Семантических упражнениях, после Главы XVIII. Другие демонстрации, читатель может найти в следующей главе. В работе с пациентами с личностными трудностями цель осмотра и диагноза состоит в том, чтобы указать на конкретные полезные изменения в поведении. Цель преобразований семантической среды и оценочных реакций студента состоит в том, чтобы сделать эти изменения в поведении возможными и вероятными. Самим изменениям в поведении врач может посодействовать, направив студента к определённым наблюдениям, которые помогут ему пересмотреть его дезадаптивные взгляды и предположения; показав студенту, как он может целе-

направленно изменить своё поведение конкретными способами в определённых ситуациях, обращая внимание на последствия; научив его пользоваться экстенциональными приёмами в целом и с конкретными целями; научив его практике задержанных оценочных символических реакций; и рекомендовав ему, по необходимости, практиковать семантическую релаксацию.

Организм. Если студент пребывает в болезненном состоянии, или если ему недостаёт энергии, врачу следует проследить за тем, чтобы он получил соответствующую медицинскую помощь. Органические состояния, физиологические состояния и оценочные реакции состоят в близких и сложных отношениях. Это проясняют статьи из журнала *Psychosomatic Medicine*. Относительно личностного переобучения, мы можем позволить себе три высказывания:

1. Индивидууму требуется определённое количество энергии и ему следует «чувствовать себя хорошо», чтобы пройти программу личностного переобучения. Утомление обычно способствует возврату к старым сценариям поведения. По этой причине, следует следить за тем, что он получает необходимое медицинское обслуживание и соблюдает адекватную физическую гигиену – надлежащие практики в приёме пищи, сна, упражнений, работы и отдыха.

2. Врач, не получавший формального медицинского образования, обязуется не притворяться таковым и не «играть в доктора». В случаях сомнений о физическом состоянии студента, ему следует обратиться за информацией и советом к квалифицированному терапевту.

3. Оценки или теории студента о его телосложении и наследственности иногда играют важную роль в личностной адаптации. Если это происходит в определённом случае, на это стоит обратить внимание и поспособствовать пере-оценкам в зависимости от ситуации. Следует учесть надёжные факты о наследственности, если они влияют на ситуацию, а необоснованные волнения или заблуждения в отношении генов пациента следует рассматривать как симптомы дезадаптации. По разумным научным стандартам большинство из нас не знает почти ничего о своей наследственности, и к любым понятиям с ними связанным следует задать вопросы: «Что мы имеем в виду?» и «Откуда мы знаем?». Наши деды одарили нас не только ограничениями, но и потенциалами; когда мы тратим достаточно времени и усилий на то, чтобы выжать максимум из потенциалов, мы, как правило, не замечаем ограничений.

Рекомендации для дальнейшего изучения

Если вы хотите сделать что-то с собственными проблемами с адаптацией, вам стоит попробовать сделать некоторые задания в Семантических упражнениях, особенно № 2 и 3. Если вы считаете себя серьёзно дезадаптированным, вам следует проконсультироваться с психиатром или зарекомендовавшим себя психологом. Если вы испытываете неуверенность относительно того, куда вы могли бы обратиться за помощью, вам следует написать в ближайший к вам университет, заведующему кафедрой психологии или декану медицинского факультета. Такой совет может встревожить некоторых людей, но даётся он не с этой целью. На деле, количество людей, которые могли бы извлечь пользу из психиатрических или психологических услуг превышает количество тех, кто её ищет или получает.

Однако большинство тех, кто прочтёт эту книгу, скорее всего, не увидят нужды консультироваться с психиатром. Многим, тем не менее, захочется углубить свои знания о личностном переобучении, и для них я привёл ниже список книг. В большинстве из них вы найдёте другие библиографии. Я не пытался сделать этот список исчерпывающим, а добавил в него всего несколько ссылок на материалы, которые я, вероятно, по своим личным причинам, счёл наиболее информативными и стимулирующими. Многие из ссылок я включил, потому что в них читатель сможет найти описания точек зрения или методов, которые, как я считаю, следует тщательно изучить, но которые мы не обсудили в этой главе. Другие ссылки вы найдёте в библиографическом списке, в конце книги.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

- BRYNGELSON, BRYNG. "The Interpretative Symbol,' Quarterly Journal of Speech, 1938, 24, 569-573.
- HERTZ. M. R. "Rorschach: Twenty Years After," Psychological Bulletin, 1942, JP, 529-572.
- HORNEY, K. The Neurotic Personality of Our Time. New York: W. W. Norton & Company, Inc., 1937.
- LOUTTIT, C. M. Clinical Psychology. New York: Harper & Brothers, 1936.
- MASLOW, A. H., and Mittelmann, B. Principles of Abnormal Psychology: The Dynamics of Psychic Illness. New York; Harper & Brothers, 1941.
- Moreno, J. L. "Who Shall Survive?" Nervous and Mental Disease Monographs, 1934, No. 58.
- Psychosomatic Medicine* (journal). Published quarterly with the sponsorship of the Committee on Problems of Neurotic Behavior, Division of Anthropology and Psychology, National Research Council, Washington, D. C.
- ROGERS, C. R. Counseling and Psychotherapy. Boston: Houghton Mifflin Company, 1942.
- SHAFFER, L. R. The Psychology of Adjustment. Boston: Houghton Mifflin Company, 1936.
- SHAW, C. (ed.). The Jack-Roller: A Delinquent Boy's Own Story. Chicago: University of Chicago Press, 1930.
- STRECKER, E. A., and E BAUGH, F. G. Practical Clinical Psychiatry. Section on Psychopathological Problems of Childhood, by Leo Kanner. Philadelphia: The Blakiston Company, 1940.
- SUPER, D. "The Bemreuter Personality Inventory: A Review of Research," Psychological Bulletin, 1942, jp, 94-125.
- TRAVIS, L. E., and Baruch, D. W. Personal Problems of Everyday Life: Practical Aspects of Mental Hygiene. New York: D. Appleton-Century Company, Inc., 1941.

Глава~XVII ИНДЕЙЦЫ НИКАК ЭТО НЕ НАЗЫВАЮТ

ПРОБЛЕМА ЗАИКАНИЯ

В этой главе мы представим пример подхода с точки зрения общей семантики к определённому типу проблемы с адаптацией. Эту проблему мы относим к одному из самых непонятных и особенных расстройств: заиканию. Мы считаем её непонятной и особенной со своих традиционных точек зрения, тогда как с точки зрения общей семантики, она не выглядит такой странной и необъяснимой. История попыток человека совладать с этим расстройством и объяснить его представляется не менее интересной, чем само расстройство. Историю заикания, в миниатюре, мы можем назвать бурлескной историей человеческой «мысли». Теория Аристотеля о том, что заикание возникало из-за дефектов в организме, в частности, из-за дефектов языка, преобладала более двух тысяч лет. Даже в середине прошлого века это расстройство лечили – по крайней мере, некоторые французские хирурги – отрезанием кусочков языка заика. Стоит ли говорить, особенно учитывая, что это происходило во времена, когда анестетики и современные антисептики ещё не изобрели, что таким методом удавалось вылечить многих заик – насовсем. К какому-то моменту труженикам науки удалось снять заклинание вербального авторитета и начать тщательно изучать языки самих заикающихся и окружающие их релевантные факты, в результате чего хирурги сегодня используют свои ножи по более подходящим назначениям на других пациентах.

Среди населения заикается менее 1%; в США живёт приблизительно один миллион заикающихся. Считается, что заикался Моисей, Чарльз Дарвин и Чарльз Лэм. Согласно опубликованным данным и относительно общеизвестным фактам, многие нынешние знаменитости тоже страдают от этой проблемы. Среди них мы можем вспомнить, конечно, текущего короля Англии, Сомерсета Моэма, Джейн Фроуман, и ещё больше сравнимых по популярности или менее популярных индивидуумов. От заикания, однако, не может застраховаться и простой человек. В среднем, умственные способности заикающихся мало чем отличаются от таковых у других людей. Собственно одной из самых озадачивающих характеристик заикающихся – с традиционных точек зрения – считается их нормальность: заиками мы считаем людей, которые заикаются; если бы они не заикались, мы бы считали их, как всех, просто, людьми.

В следующем обсуждении я отталкивался от того, что мне удалось узнать в ходе двадцати лет экспериментальных и клинических исследований этой проблемы. Я применял в них общую семантику по мере и по качествам того, что я находил.

Заикание и семантическая среда

Уильям Натол, заика из Англии в 1937 году написал в журнале *Psyche*, что тот, кто найдёт средство от заикания, найдёт средство от всех болезней общества. Он, возможно, преувеличил, но попутно выразил некоторую мудрость. В определённом смысле, то, что он сказал о заикании, мы можем сказать и о других странных формах поведения, таких как сосание пальца, нервозность, волнение, сплетни и т. д. Мистер Натол добавил подробностей к своему высказыванию, написав, что он редко, если вообще, заикался в одиночестве (чем характеризуются большинство заикающихся), но устойчиво в разговорах с людьми, поэтому что бы мы ни считали причинами его расстройства, они, вероятно, кроются в других людях в не

меньшей мере, чем в нём. По-своему мистер Натол указал на семантическую среду – среду отношений к вещам, оценок, мнений и убеждений – как на источник своих затруднений.

В поисках заикающегося индейца

Придать значимость семантической среде в отношении заикания меня побудил опыт попыток исследования заикания среди североамериканских индейцев. Несколько лет назад одна из моих студенток, мисс Хэриэт Хэйз, стала преподавателем в индейской резервации, в штате Айдахо. Она носила с собой список подробных указаний для проведения исследований заикающихся среди Банноков и Шошонов, с которыми ей предстояло работать. В конце школьного года она вернулась с новостями, что *не смогла найти ни одного заикающегося индейца*. Директор школы и другие преподаватели, многие из которых близко общались с индейцами на протяжении двадцати пяти лет, сообщили мисс Хэйз, что они никогда не встречали заикающихся индейцев. С тех пор я получил информацию из неизвестных оригинальных источников об одном заикающемся индейце в штате Мэн и двух в районе Скалистых гор. Мне не удалось проверить эту информацию. За двадцать пять лет в Логопедическую Клинику при Университете Штата Айова приходил один наполовину индеец из Южной Дакоты, который жил среди почти одних только европейцев, и один странный пациент, чистокровный индеец, тоже из Южной Дакоты, который получил образование в миссионерской школе.

Последний пациент интересует нас особенно, потому что он не производил впечатления ни типичного индейца, ни типичного заики. Его привели в клинику в Айове в возрасте около двадцати лет. По-видимому, за предыдущие два года он не мог говорить вообще, и именно поэтому директор миссионерской школы направил его к нам. Нам рассказали, что он «заикался» неопределённое, но ограниченное, время непосредственно перед тем как «потерял голос». Неврологический и общий физический осмотры не выявили ничего важного. Лишь через месяц от него удалось получить значимую информацию о том, что он счёл заикание «знаком от Бога», который он истолковал как запрет от бога на разговоры. Его «потеря голоса», таким образом, оказалась его способом выражения подчинения божьей воле. Он, однако, сумел себя убедить, что не мог говорить, потому что бог лишил его этой способности.

С точки зрения коррекции речи, этот случай представил весьма любопытную проблему. С детской простотой он пришёл к тому, что стал верить в то, чему его научили, и усвоил свой урок настолько хорошо, что попытки обратить эффекты этих учений могли оказаться как непрактичными, так и небезопасными, особенно учитывая недостаток доступного на них времени. Доктору Эско Оберману, которого назначили заниматься этим пациентом, тем не менее, удалось найти подходящее решение. У него получилось убедить юношу, что он неверно истолковал «знак Бога». Доктор Оберман интерпретировал его заикание как проверку веры, и сказал, что богу бы понравилось, если бы индейский парень продолжил бы говорить и этим нести своё вероучение людям, невзирая на заикание. На следующий день индейский юноша пришёл к доктору Оберману обрадованный и взволнованный. Он снова мог говорить. И заикался при этом лишь едва. В итоге, его допустили на службу в монастыре – что, скорее всего, не придётся практическим решением всякому заике.

(Это решение не оказалось практическим и для этого пациента. С тех пор как я написал о случае выше, этот молодой человек появился снова, но я видел его лишь мельком. По всей видимости, он не остался в монастыре; он подрабатывал разнорабочим в разных местах. Заикался он, по-прежнему, несильно, и, по-видимому, пребывал в относительно том же состоянии, в котором покинул клинику пять лет назад.)

Стоит подчеркнуть, что этого заикающегося индейца не получается однозначно отнести ни к представителям индейцев, ни заик, и при этом, о других чистокровных заикающихся индей-

цев я не смог найти проверенную информацию. Насколько знаю я, в сравнительно свободных от влияния европейцев условиях североамериканских индейцев не живёт.

Спустя около года как мисс Хэйз провела своё предварительное исследование индейцев Айдахо, я попросил другого своего студента, Джона Снайдекора, который на тот момент находился в том регионе, продолжить исследования. Профессору Снайдекору предстояло сфокусироваться на двух вещах: языке индейцев и их политиках и стандартах заботы и обучения своих детей. Он провёл тщательное исследование, опросив несколько сотен индейцев. Ему также разрешили пообщаться с вождями и членами племенных советов.

Он узнал две главные вещи. Во-первых, в языке этих индейцев *не нашлось слова для обозначения заикания*. Когда он спросил их о заиках в племени, ему пришлось показать заикание вождям и членам племенного совета. Его демонстрации их повеселили. Во-вторых, их стандарты воспитания детей оказались намного менее строгими в сравнении с нашими. Относительно, конкретно, речи, по-видимому, каждый ребёнок считался нормальным или удовлетворительным, независимо от того, как он говорил. Дефекты речи попросту не распознавались. Индейских детей не критиковали и не оценивали по их речи; никто её не комментировал и не делал из неё проблем. По всей видимости, в их семантической среде не существовало речевых тревог или напряжений, которые дети могли перенять. Это, вместе с отсутствием слова для обозначения заикания в языке индейцев, составляет единственное основание, на котором я могу позволить себе объяснение отсутствия заик среди этих индейцев.

Исследование заикающихся детей

Однако, для того чтобы понять важность семантической среды в отношении к заиканию, к североамериканским индейцам ехать не придётся. Стоит лишь обратить внимание на очень большую группу людей среди европейцев, которые, по-видимому, не заикаются – на маленьких детей в нашей культуре. Благодаря Джорджу Д. Стоддарду, директору Исследовательского Пункта Охраны Детства штата Айова [Iowa Child Welfare Research Station], в 1935 году мне удалось получить средства от Фонда Лоры Спелман Рокфеллер, чтобы провести исследование о причинах заикания у детей. На тот момент, люди принимали как данное, что заикание у детей происходило одинаково с заиканием у взрослых, что заикающиеся дети страдали задержками в развитии или от конституциональных дефектов, и что заикание обычно начинается в результате болезни, травмы, шока или какого-либо другого более или менее драматического события. Исследования, которые мы опишем, не позволяют подержать ни одну из этих расхожих точек зрения.¹

Прежде всего, при попытках найти тех, кто начал заикаться совсем недавно, чтобы получить от них относительно подробную и точную информацию, практически все, кого удалось найти оказались маленькими детьми. Трое из четырёх детей в исследовании, начали заикаться в возрасте трёх лет и двух месяцев или раньше. Однако – и этому стоит придать особую важность – все дети в этом исследовании *говорили без заикания на протяжении от шести месяцев до нескольких лет, прежде чем заикание началось*.

В этом исследовании приняли участие 46 детей, и на каждого заикающегося ребёнка провели отдельное исследование не-заикающегося ребёнка, близкого к первому по возрасту, уровню умственных способностей и того же пола. Их относительно тщательно наблюдали и составили анамнезы; осмотром, который в большинстве случаев проходил в доме ребёнка, независимо занимались двое или более человек. В среднем, каждый заикающийся ребёнок

1. Имеется опубликованный доклад о предварительном исследовании. См. У. Джонсон, W. Johnson, "A Study of the Onset and Development of Stuttering" ["Исследование Возникновения и Развития Заикания"], *Journal of Speech Disorders*, 1942, 7, 251-257.

находился под наблюдением в течение двух или полутора лет. За период, приблизительно, пяти лет мне ассистировали семнадцать логопедов, среди которых стоит назвать Чарльза Ван Райпера, Дороти Дэйвис Татил, Хартуэла Скарброу и Сюзан Дуаер. По необходимости нас консультировал директор Логопедической Клиники штата Айова, профессор Ли Эдвард Трэвис. Не вдаваясь в излишние подробности, стоит сообщить о следующем:

1. *Практически каждого заикающегося пациента изначально диагностировали как такового не логопеды, а простые люди – обычно один или оба родителя ребёнка.*

2. *То, что эти люди диагностировали как заикание, не удавалось отличить от запинок и повторений, характерных для речи маленьких детей.* Я организовал проверку плавности речи у детей в возрасте между двумя и шестью годами. Эту проверку провели Дороти Дэйвис Татил, Джордж Эгланд, Маргарет Бранском, Дженэт Хьюс и Элоис Таппер в Исследовательском Пункте Охраны Детства штата Айова.² Они твёрдо установили то, что маленькие дети говорят так, что от 15 до 25 процентов их слов включают какого-либо рода повторение. Они повторяют начальный звук или слог слова, повторяют слово полностью или слово становится частью повторённой фразы. Резюмируя данные иным образом, мы можем сказать, что средний ребёнок повторялся каким-либо образом около 45 раз на тысячу слов. Помимо повторений, проявлялись задержки.

Эти повторения и задержки не сопровождаются каким-либо видимым напряжением или тревогой. По-видимому, они случаются, в некоторой мере, чаще, когда ребёнок говорит о чём-то, о чём знает мало, когда слушатель не отвечает с готовностью на то, что ребёнок говорит, или когда ему не хватает словарного запаса. В опыте разговоров маленьких детей такие условия складываются достаточно часто. Возможно, вы бы испытали нечто подобное, если бы вас попросили в течение десяти минут рассказать что-нибудь на тему теорий Эйнштейна или на другую тему, относительно которой вам недостаёт как информации, так и слов. У ребёнка уходит несколько лет на наработку опыта, запоминание слов и развитие языковых навыков, необходимых, чтобы непринуждённо справляться с обыкновенным разговором. Также, не-плавность возникает чаще, когда разговор становится для ребёнка соревнованием, например, за обеденным столом, когда все разговаривают много, и почти не уделяют внимания попыткам ребёнка выразиться. Наблюдается тенденция проявления большей не-плавности в условиях, в которых ребёнок испытывает стыд, вину и т. д., после того, как его отругали родители, ему в чём-то резко отказали или как-то не одобрили его действия, особенно, когда это создаёт в нём негативные оценки собственных способностей или прав на разговор. Более ярко выраженная не-плавность также наблюдается в периоды «языковых рывков», когда ребёнок переходит от разговора одиночными словами к разговору короткими предложениями, от употребления простых предложений к употреблению сложных, или когда ребёнок прекращает пользоваться местоимением *те* и начинает пользоваться *я* и т. д.

Существуют, несомненно, и другие условия, от которых задержки и повторения в детской речи учащаются. Обратить внимание стоит на то, что эти условия встречаются очень часто, и при том что они складываются в одних средах чаще, чем в других, они складываются достаточно часто для многих детей, из-за чего речь в раннем детстве остаётся в целом весьма не-плавной. Важным мы здесь считаем то, что так называемые заикающиеся дети оказались, по всей видимости, нормальными, даже в отношении речи, при том что кто-то, обычно их родители, изначально сочли их заиками. В придачу к этому, как мы уже упомянули, прежде чем их

2. D. Davis "The Relation of Repetitions in Speech of Young Children to Certain Measures of Language Maturity and Situational Factors", *Journal of Speech Disorders* [Д. Дэйвис «Отношение повторений в речи маленьких детей к определённым мерам языковой зрелости и ситуационным факторам»], 1939, 4, 303-318, и 1940, 5, 238-246. Исследования Эгланда, Бранском, Хьюс и Таппер пока не опубликовали. Их провели в рамках написания магистерской дипломной работы в Исследовательском Пункте Охраны Детства штата Айова.

диагностировали, они проговорили достаточно длительные периоды времени, и никто не замечал за ними никаких дефектов.

3. Оказалось, что заикание у детей разительно отличается от заикания у взрослых. Заикание, как клиническая проблема, как расстройство, которое мы можем определить, случается, как мы выяснили, не перед постановкой диагноза, а *после неё*. Для обозначения этого открытия я ввёл термин *диагнозогенный*; мы называем заикание диагнозогенным расстройством в том смысле, что диагноз заикания служит одной из его причин. Оценки (обычно) родителей, которые они выражают открыто или скрыто, диагностируя речь своих детей как «заикание», «дефект» или «ненормальность», служат крайне важным фактором семантической среды ребёнка. Покуда ребёнок усваивает этот аспект своей семантической среды, он тоже оценивает свою речь «дефективной», «сложной», «неприемлемой» и т. д., и его манера говорить, впоследствии, становится более сдержанной, осторожной, трудоёмкой и т. д. Таким путём нормальные задержки и повторения преобразуются в излишне длинные паузы, усилия и нежелание говорить, которые мы наблюдаем уже у взрослых пациентов.

Таким образом, мы видим определённые взаимоотношения между семантической средой ребёнка, его оценками и его видимым поведением. *Чем больше родители тревожатся, тем больше они изводят ребёнка указаниями «не торопиться», «остановиться и начать заново», «определиться», «дышать глубже» и т. д., тем больше ребёнок боится и приходит в уныние, и тем тяжелее ему даётся речь, от чего родители, преподаватели и другие волнуются ещё больше, настаивают на том, чтобы ребёнок «говорил лучше», от чего оценки ребёнка подвергаются ещё большим нарушениям, и его видимое речевое поведение становится более и более расстроенным.* Этот процесс, в котором все вовлечённые факторы состоят в тесной связи, идёт по порочной спирали.

4. У заикающихся детей не обнаружили задержек в развитии. Их сравнивали несколькими способами с не заикающимися детьми, которых тоже исследовали. У заикающихся детей не выявили никаких задержек в речи, ходьбе, росте зубов и других обычных показателей развития. Единственный заикающийся ребёнок, получивший травму при рождении, прекратил заикаться к концу исследования. У заикающихся детей не наблюдалось больше болезней или травм, а те, которые выявлялись, не получалось обозначить «причинами заикания» (этот термин мы теперь обособляем кавычками, потому что он может оказаться обманчивым, в силу того, что им мы обозначаем лишь изначальную постановку *диагноза заикания*).

Относительно смены активной руки, две группы детей не удалось дифференцировать. В исследовании принимало участие 14 не-заикающихся и 12 заикающихся, которые когда-то меняли активную руку, и разница между 14 и 12 не считается значительной. К тому же, условия праворукости или леворукости, по-видимому, не состояли ни в каких отношениях с улучшениями в речи заикающихся детей в ходе исследования.

Кратко говоря, в исследовании не удалось обнаружить заикающихся в том смысле, что те заикающиеся, которые принимали участие в исследовании, отличались от не-заикающихся в каких-либо базовых анатомических или физиологических отношениях.

5. В этом исследовании мы обнаружили, что практически все дети, *после того как их диагностировали*, выработали речевое поведение, которое с клинической точки зрения мы сочли необычным. К концу исследования, примерно, трое из четырёх участников восстановили нормальную речь, покуда могли судить родители, преподаватели и исследователи. В целом, к такому результату удалось прийти, объяснив родителям и преподавателям, как заикание происходит – подобно тому, как мы объяснили это выше. По факту, с детьми не разговаривали об их речи и не указывали, как им следует разговаривать. Исследователи не делали ничего с физиологической точки зрения, кроме рекомендаций общей физической гигиены,

которые в подавляющем большинстве случаев не требовались. Если что-то и делалось в прямом отношении к проблеме в каком-либо из случаев, это делалось полностью или большей частью с семантической средой.

Иными словами, мы предприняли попытку изменить отношения и принципы – оценки – родителей и преподавателей в отношении ребёнка как человека, умеющего разговаривать. Мы предприняли попытку создать для ребёнка семантическую среду, в которой мы бы свели к минимуму тревоги, напряжения и неодобрение, к которым он бы привык. Таким способом мы попытались привести ребёнка к таким оценкам собственной речи, которые бы позволили ему позволить себе говорить спонтанно, с удовольствием и уверенностью – не в своей способности говорить идеально, а способности говорить приемлемо. В связи с этим мы сочли существенным – и стоит заметить, что это не получилось сделать во всех случаях – попросить родителей и преподавателей оценивать речь ребёнка и реагировать на неё – *независимо от того, как он говорил* – так, чтобы убедить ребёнка, что его речь одобряют. К моменту, когда ребёнок проявил признаки понимания, что его речь должным образом одобряют, его нежелание говорить, излишние задержки, осторожность и видимая трудоёмкость попыток говорить уменьшались. В результате получалась свободная, спонтанная речь, *нормально* плавная – идеальная плавность считается «ненормальностью» под стать сильному заиканию – которая, доставляла ребёнку удовольствие.

Чтобы позволить ребёнку говорить с нормальной плавностью, в некоторых случаях потребовалось внести изменения дома и в школе. Я уже говорил, что дети – как и взрослые – обычно говорят плавнее в одних условиях, чем в других. И здесь я имею в виду не заикание, а по-видимому неосознанные и не требующие усилий задержки и повторения в нормальной речи детей и взрослых. Когда дома или в школе обнаруживался избыток условий, способствовавших не-плавности, предпринималась попытка их исключить или умерить.

В некоторых случаях пробовали расширить вокабуляр ребёнка дав ему более широкий диапазон опыта. В других случаях мы рекомендовали родителям активнее отзываться на замечания ребёнка. В целом, однако, нас больше интересовали другие соображения. Во многих случаях наблюдались не только чрезмерно высокие стандарты речи, применяемые к ребёнку, но также склонность родителей к перфекционизму. Например, ребёнка могли судить по ненормально высоким стандартам поведения за столом, гигиены и подчинения; некоторые, безобидные для ребёнка, но ругательные для взрослого, слова, активно – в некоторых случаях, пугающе строго – запрещались; ребёнка постоянно просили соблюдать тишину или сидеть смирно и т. д. – полный список выйдет слишком длинным для этой книги. (Кто-то может чётко увидеть разницу между семантической средой индейских детей и некоторых наших.) Когда такие стандарты обнаруживались, предпринимались попытки отрегулировать идеалы родителей к действительному уровню развития и способностей ребёнка. Это, как правило, производило успокаивающий эффект и в некоторой мере отражалось на его речи.

Среди других мер мы рекомендовали практиковать более любящие и дружелюбные отношения между родителями и их ребёнком. Их склонность к критике и неодобрениям, как, например, в случаях, когда они считали нормальные задержки в речи дефектами, вела к общим напряжениям в отношениях и к видимым чувствам тревоги у ребёнка. Как вы можете говорить с задержками в ситуации, в которой вы не чувствуете, что вас признают, а то, что вы говорите не принимают хорошо, так и ребёнок может утрачивать плавность, когда слишком много критики и слишком мало видимой заботы вселяют в него сомнения в том, любят ли его родители и станут ли они ему помогать и поддерживать, когда он в этом нуждается.

В одном случае, в ходе этого исследования, я провёл несколько часов с отцом заикающегося мальчика, консервативным и очень занятым предпринимателем, который почти не про-

водил время со своим сыном. По утрам мальчик бегал за отцом в попытках пообщаться с ним, пока тот носился по дому, собираясь на работу. У мальчика не получилось говорить плавно в общении с отцом, который почти его не слушал и редко отвечал на то, что мальчик говорил. Отец не вёл себя с ребёнком строго; он просто не обращал на него внимания, от чего ребёнок испытывал систематические напряжения от усилий, вложенных в попытки получить необходимые внимание и признание. Я показал отцу, как играть с мальчиком, попросил его играть с ним в мяч во дворе, брать его на прогулки, читать ему и составлять ему компанию другими способами. В этом случае от заикания удалось избавиться полностью.

В других случаях мы просили родителей применять менее суровые методы дисциплины, не ругать и не унижать ребёнка в присутствии его друзей, играть с ним в игры или просто проявлять эмоциональную близость. Некоторые родители проявляют склонность к обращению со своими детьми, как со взрослыми.

В целом, в указанных отношениях, лечение заикания у маленьких детей следует направлять не на самого ребёнка, а на релевантные оценки – отношения к вещам, предположения, убеждения и т. д. – и вытекающие из них нормы и реакции родителей, преподавателей и других людей, которые влияют на оценки и реакции ребёнка. Лечение сводится к преобразованию речевых ответов ребёнка за счёт преобразования условий, в которых они происходят.

Не-плавность и заикание

Проблемы взрослых отличаются от проблем детей, но и у тех, и у других наблюдаются определённые общие принципы. Прежде всего, *следует провести чёткую разницу между не-плавностью и заиканием*. Большинство маленьких детей и многие взрослые разговаривают весьма не-плавно, часто повторяясь, делая заметные паузы, протягивая «эээ» или «ааа» и т. д. То, как они разговаривают, сильно отличается от того, как разговаривают заикающиеся люди, которые проявляют значительное напряжение, смущение и нерешительность в отношении своей не-плавности. Именно тревогой, напряжением, страхом и усилиями, с которыми заикающийся делает паузы или говорит «эээ», повторяет звуки или протягивает их, его речь отличается от речи так называемого нормально говорящего человека.

(Стоит также учитывать, что заикание, как термин, которым мы пользуемся здесь и которым пользуются логопеды, стоит чётко отличать от определённых повторений и затруднений в речи людей с травмами мозга и страдающих психоневрозами. Для того чтобы это важное отличие стало очевидным во всех подробностях, требуется провести системное исследование, но клинические наблюдения позволяют выделить его основные аспекты. Например, заикающиеся люди, в стандартном понимании термина, на деле могут говорить без заикания, если их речь сопровождается ритмами, например, метронома, отстукивания собственной ногой, ритмичного мигания света и т. д. Двое заикающихся могут читать вместе, кроме редких исключений, без заикания, даже когда они читают разные тексты. Они адаптируются к прочтению абзаца, заикаясь всё меньше и меньше с каждым последующим прочтением. По моим наблюдениям, так называемые «заики», страдающие психоневрозами, и пациенты, получившие травму мозга, не проявляют такого явления. По внешним признакам, по крайней мере для нетренированного уха, они могут звучать как заики, но расстройство, которое они проявляют, сильно отличается от такового у обычных заик. Человек с опытом чётко видит это отличие, даже просто взглянув на пациента. Мы можем ожидать более глубокое исследование в этой связи в обозримом будущем. В целом заикание не стоит путать с расстройствами, которые походят на него поверхностно.)

Существует расхожее предположение, что недомогание у заикающихся вызывает то, что они не могут говорить плавно. Меня удивляет, насколько широко такое ошибочное понима-

ние может приниматься. *На деле, заикающийся не может говорить не-плавно.* Плавно говорить он может; пока он может поддерживать плавную речь, что ему, в большинстве случаев, удаётся делать 80 процентов времени, её не удастся отличить от речи нормально говорящего человека. Говоря, что заики не могут говорить плавно, мы радикальным образом искажаем факты. Если бы они говорили не-плавно настолько же хорошо, насколько они говорят плавно, их бы считали нормально говорящими. Особенность их проблемы состоит в том, что когда они задерживаются или повторяются, они проявляют страх и усилия, вместо того чтобы продолжать запинаться спокойно, как нормально говорящие.

В базовом смысле, мы отнюдь не считаем заикание дефектом речи, хотя можем иногда считать таковым излишнюю не-плавность. Заикание мы относим к оценочным расстройствам. Оно происходит, когда нормальная не-плавность оценивается как нечто, чего стоит бояться и избегать; это представляется тем, что собственно делает заикающийся в попытках избежать не-плавности. На таком основании его нежелание говорить, стеснение, чрезмерная осторожность при говорении, усилия, направленные на то чтобы говорить идеально, что выражается в лице, движениях тела и напряжениях голоса – всё то, что мы называем заиканием, становится понятным, когда мы рассматриваем это как реакции избегания – реакции избегать не-плавности, которую индивидуум научился ожидать и бояться.

У нормально говорящего человека не-плавность происходит как *ответ* по случаю какого-то внешнего стимула или, например, недостатка словарного запаса или подготовки. Как ответ, в этом смысле, не-плавность представляется нормальной. Для заикающегося, однако, не-плавность становится *стимулом*, на который он реагирует тревогой и усилиями в попытках избежать её и её предполагаемых социальных последствий. Не-плавность как ответ мы едва ли можем считать проблемой; с не-плавностью как со стимулом дела обстоят иначе. Повторение ребёнком звуков, слов и фраз не ведёт к каким-либо серьёзным последствиям до тех пор, пока они не становятся стимулом для его родителей и преподавателей. Когда это происходит, эти речевые тенденции становятся для ребёнка таким же стимулом, каким они стали для его родителей и преподавателей, которые значительной частью составляют его семантическую среду. По мере того как они реагируют беспокойством, неодобрением и попытками заставить ребёнка прекратить повторяться, ребёнок перенимает их беспокойство и неодобрение собственной речи, и впоследствии он вкладывает значительные усилия, чтобы говорить, не повторяясь. Эти отношения и эти усилия, главным образом, составляют заикание. Простую нерешительность в речи мы считаем нормальной и безобидной. *Но, нерешительность нерешительности* может приводить к относительно серьёзным последствиям.

Именно эти позиции страха и смущения, когда человек не решается не решаться и судорожно вкладывает усилия, чтобы говорить идеально, представляют собой симптомы заикания у взрослого человека. Они, конечно, могут наблюдаться в том числе и у маленьких детей, потому что в некоторых семантических средах оценочное поведение ребёнка может поддаваться серьёзному влиянию за очень короткое время. Понять стоит, прежде всего, то, что прежде чем ребёнок твёрдо закрепил своё поведение относительно своей семантической среды, с проблемой получится иметь дело эффективно, изменив саму среду, без прямых попыток изменить оценочное или видимое поведение ребёнка в его речевых аспектах. К тому же, семантическая среда ребёнка чаще всего ограничивается домом и создаётся малым числом индивидуумов, поэтому её *удастся* изменить эффективно в большом количестве случаев.

Лечение заикания у взрослых

В случаях детей постарше или взрослых требуются более прямые меры. Семантическая среда индивидуума со временем расширяется за пределы дома и школы и становится на-

столько больше, что ей уже не получается так легко манипулировать. К тому же (и это мы считаем важнее), индивидум уже её обжил. Его не-плавность стала стимулом не только для окружающих его людей, но и для него самого. Он реагирует на неё самостоятельно. Теперь его видимое поведение в значительной степени определяют его собственные оценки, и поэтому решения следует применять напрямую к ним. Стоит, тем не менее, помнить, что релевантные факторы состоят во отношениях между собой, и эффективным видится работать над ними всеми, а не ограничиваться вниманием только к одному. Всё, что мы можем сделать, чтобы преобразовать семантическую среду, изменить взгляды и правила дома, в школе, соседстве или сообществе, или, проинформировать «общественное мнение», помогает продвинуть желательные перемены в оценочном поведении индивидума. Подобным образом, любые изменения, которые удастся привнести более или менее прямо в манеру заикания, чтобы сделать его более терпимым, могут помочь оценить их по-иному. Программа физической гигиены иногда помогает индивидуму «чувствовать себя хорошо», чтобы он поддерживал энергию на энтузиазм и мог удержаться в колее пути к преодолению затруднений.

С этой точки зрения, к проблеме заикания не стоит относиться элементаристически, считая её *либо* «физической», *либо* «умственной», *либо* «органической», *либо* эмоциональной». Проблема не кроется ни «всецело в разуме», ни «всецело в языке». Мы подходим не-элементаристически и релятивистически. В этом ориентировании мы не рассматриваем любых двух заик в точности одинаковыми. Определённые процедуры, которые оказываются наиболее действенными для одного пациента, могут не помочь другому. Нам также стоит пойти дальше и учесть, что конкретные меры, которые стоит рекомендовать одному конкретному заикающемуся в определённое время, или в одной ситуации, не следует рекомендовать в другое время и в других обстоятельствах. С такой точки зрения, единого метода лечения заикания не существует. Любого конкретного заикающегося следует осмотреть, оценить и лечить экстенционально с оглядкой на конкретные преобразования, работоспособные и рекомендованные в его конкретном случае. Нам не стоит исключать даже возможность того, что для некоторых заикающихся важнее остальных факторов окажется телосложение, хотя в большинстве случаев, наиболее значимыми оказываются другие факторы.

Основываясь на этом общем высказывании, мы можем обсудить лечение заикания у взрослых более конкретными терминами:

Семантическая среда. В качестве общего правила рекомендуется проследить за тем, что семья заикающегося, его преподаватели, работодатель, друзья и знакомые познакомились с природой его проблемы. Объяснения, по необходимости, упрощёнными терминами, схожие с приведёнными здесь, позволят умерить табу против не-плавности, которое заикающийся ощущает, когда ему приходится разговаривать дома, в школе или где-либо ещё.

Например, большинство людей обычно хвалят заикающегося, когда он говорит плавно. Практический эффект такой похвалы подкрепляет его убеждённость, что ему никогда не следует говорить не-плавно; в результате он проявляет больше тревоги и напряжения в попытках избежать не-плавности. Иными словами, он заикается сильнее, когда его хвалят за плавную речь. *Стоит хвалить заикающегося, когда ему удаётся справиться со своей не-плавностью спокойно и без лишних напряжений.* Для людей, которые не ознакомились с этой проблемой, это может прозвучать странно, но существует очень мало родителей, преподавателей и других людей, которые не станут делать что-либо, чтобы помочь заике, когда они ясно видят, что они могут сделать. В целом, следует принять позицию, – на полном серьёзе – что заика не перед кем не обязывался разговаривать плавно, и что следует положительно отмечать его удачные попытки говорить не-плавно без волнений, спешки, излишних усилий и прямо.

Также рекомендуется создать возможности в семантической среде заикающегося для проявления отношения к нему как к достойному индивидууму. Ему стоит чувствовать уверенность в заботе и разумной моральной поддержке своих родителей, чтобы при этом ему не приходилось за них бороться. Ему не стоит давать причины предполагать, что его преподаватели жалеют его или смотрят на него свысока. Его работодателю следует прояснить те отношения, в которых его речь служит и не служит основой для какой-либо критики его работы, а также показать те аспекты его работы, в которых его затруднения с речью не сказываются на его эффективности. Для работодателя такая политика окажется долгосрочно целесообразной, а заикающемуся поможет провести адекватную переоценку себя и своей речи.

Следует способствовать развитию различных талантов заикающегося и давать ему возможность проявлять себя в них. Один из признаков целительной семантической среды заключается в том, что она стимулирует индивидуума к возможному саморазвитию. Не стоит, однако, уводить эту стимуляцию за разумные пределы его способностей, потому что это создаст ощущения неудачи, а там где начинаются неудачи, начинаются и неудачники. Опыты успеха, тем временем, производят терапевтические эффекты. Для того чтобы испытать успех, следует поставить себе разумные, конкретные, практически достижимые цели, результаты достижения которых человек может чётко распознать и оценить. Важность стоит придать самому наличию целей и возможностям их достижения. Если заикающийся проявляет спортивные, писательские или музыкальные способности, ему следует дать необходимые возможности для опыта собственного успеха. Хорошее мнение о себе – основанное на проделанной работе и должным образом оценённое – определённо сказывается на человеке положительно. Если заикающийся оценивает себя как человека положительно, он с большей вероятностью оценит свою не-плавность речи с меньшей тревогой и нежеланием. Заикание₁ (в негативной среде) отличается от заикания₂ (в позитивной среде).

Наконец, каждому заикающемуся следует помогать говорить как можно больше, и в этом отношении родителям и преподавателям стоит проявлять осторожность. Каждый заикающийся отличается в разное время своей способностью «переносить» разговор. В целом, ему стоит говорить настолько часто и много, насколько ему предоставляется возможность, в таких ситуациях, в которых он справляется с этим наиболее успешно, и, по возможности, расширять диапазон таких ситуаций. Большинство заикающихся смогут извлечь пользу, стараясь говорить в тех ситуациях, в которых на плавность не обращают внимание. По мере того как заикающийся разучивается бояться своей не-плавности, он говорит с меньшей тревогой, меньшим напряжением, задержками – с меньшим заиканием. Этим общим принципом стоит руководствоваться родителям и преподавателям, которые помогают ему в его речевой практике.

Если речь идёт о школьнике, которому приходится читать вслух в классе, преподавателю следует открыто обсудить этот вопрос с учеником и прояснить, что он может читать вслух по желанию, и что ему не стоит думать, что его кто-то обязывает говорить идеально. Он может читать вслух, если он сам вызывается это делать. Стоит, по необходимости, освободить его от длительного чтения вслух, например, от анализов книги. В некоторых случаях, стоит освободить его от всей устной работы, и даже не обязывать его участвовать в переключке, при этом увеличить объём письменной работы. В других случаях, особые изменения в устную работу вносить не требуется. Золотого правила здесь не существует, и с каждым случаем стоит работать индивидуально – по способностям и результатам. Главным образом, следует избегать деморализации ребёнка и следить за тем, чтобы он выработал такие оценки самого себя и своей речи, чтобы он захотел разговаривать и получал от этого удовольствие.

Ещё одна рекомендация: по возможности, самому заикающемуся стоит пытаться преобразовывать свою семантическую среду. За счёт этого, решения удастся применять тщательнее,

и заикающийся сможет вести себя более открыто в отношении своей проблемы, разговаривать о ней с другими людьми и приобретать ценный опыт взаимодействия с ними. Принимая максимальную ответственность за создание собственной семантической среды, индивидум прекращает её бояться и чувствовать себя в ней чужим. Понимание того, что оценки других людей в отношении самих себя и выработанные отношения к вещам, которые влияют на их жизни, могут в некоторой мере определяться их собственными усилиями. Заикающемуся человеку, как любому другому, стоит осознать свою значительную ответственность за то, как другие люди к нему относятся.

Оценочное поведение. Под оценочным поведением, как термином, который мы здесь применяем, мы подразумеваем формирование и выражение отношений к вещам, убеждений, желаний, предпочтений и предубеждений, предположений и т. д. Мы не рождаемся с мнениями или занятыми позициями; скорее, мы рождаемся в семантическую среду, из которой мы их черпаем. Взгляд на речь с повторениями как на социальное табу представляется одним из аспектов семантической среды в нашей культуре. Если это табу имеет значительную силу, ребёнок оказывается под давлением, потому что повторение проявляется заметно в ранние годы. Младенец говорит не *Дя*, а *Дя, дя, дя*. Эта склонность к повторению продолжается в раннем детстве, а порой, в некоторой степени, и во взрослом возрасте. Такие авторы как [Эмил] Фроkel, [Чарльз] Блумел и Чарльз Ван Рипер подчёркивали, что «первичное заикание» – «заикание», происходящее в ранние годы – состоит из простых повторений. Стоит понимать значимость того, что они называли такие повторения «первичным заиканием». Мы уже выяснили, что повторения такого рода происходят в пределах нормальной речи, особенно в период раннего детства, и то, что даже логопеды называют их «заиканием» указывает на степень, до которой в нашем обществе повторения подвергаются неодобрению или табу.

Как только ребёнка называли заикой, важность в его семантической среде приобретает именно это табу на не-плавность речи. Сам факт того, что его называли заикой усиливает табу. Если вас никогда не считали заикой, у вас не получится оценить натиск общественного неодобрения того, что обычно считают заиканием. Я назвал это одним из самых пугающих и деморализующих влияний в нашей культуре. В этой связи, видится интересным то, что подобное состояние существует среди некоторых примитивных племён. Например, в книге *Примитивное Поведение [Primitive Behavior]* профессор Уильям Томас пишет: «Почти каждый мужчина и женщина Банту говорит плавно, без прерываний. Доктор Гордон Браун, который работает в одном из племён, сообщает, что наиболее часто умственное расстройство встречается у молодых, которые понимают, что не могут говорить совершенно».

На мой взгляд, заикание не удастся понять в достаточной мере, если не принимать во внимание фактор табу. Поведение заикающихся вполне получается понять, если посмотреть на него как на попытки избежать не-плавности речи, и тем самым избежать последствия табу против не-плавности. Мы уже разобрали случаи, в которых заикание вызывало то, что его родители и преподаватели спутывали или отождествляли его нормальную не-плавность с заиканием. Ребёнок привыкает считать не-плавность *одинаковой* заиканию. Для него табу против заикания становится табу против не-плавности. От этого семантического спутывания он вырабатывает тревожные напряжения, излишние задержки и т. д., которые мы называем развитым заиканием. Он вырабатывает это поведение в попытках избежать не-плавности, которую изначально не одобряли, но теперь это заикание тоже не одобряют, и он оказывается в обескураживающем затруднении, из которого не видит возможности выбраться.

Большинство логопедов подходят к этой проблеме (не формулируя её в этих терминах), пытаясь приподнять уровень их уверенности в способности говорить идеально. Чтобы этого добиться, они предлагают заикающемуся говорить в состоянии расслабления, медленно и

протяжно, говорить монотонно или согласно ритму и т. д. Из этого, как правило, получается речь свободная от «заикания», но звучащая более или менее гротескно. Вы поймёте, что я имею в виду, если пойдёте в ресторан и попробуете в такой манере сделать заказ. Такие методы сводятся к ещё большему укреплению табу против заикания. Мы можем выразить такие методы логопедов простым высказыванием: *«Не заикайся. Что бы ты ни делал, не заикайся. Можешь говорить, как я предлагаю, в этой странной манере, только не заикайся»*.

Если по какой-то странной причине заикающегося на деле устроит такая гротескная манера речи, или каким-то чудесным образом ему удастся такой практикой выработать какую-то аномальную уверенность говорить идеально, результаты такого подхода могут оказаться, в некотором роде, удовлетворительными. Мне стоит отметить, что я пробовал такие методы на себе и знаю многих заикающихся, которые их практиковали, и обычно результаты представлялись трагическими. Многие знают, что, кроме очень редких случаев, эти искусственные речевые манеры выветриваются; со временем индивидуум начинает заикаться в той же, если не в большей, мере, в которой он когда-либо заикался, независимо от того, говорит он намеренно медленно, монотонно или как-либо ещё. Когда это происходит, он не возвращается в исходную точку своей проблемы, а оказывается далеко позади неё. Он снова считается заикой, а табу против заикания усилилось «логопедической процедурой», которую он прошёл. Страх и отчаяние теперь возросли, как никогда до этого.

Просто проведя чёткую границу между заиканием и нормальной не-плавностью, мы можем избавиться от таких неудачных методов и недопониманий, от которых заикание возникает. Заикающемуся человеку стоит понять, что он прекращает заикаться в той мере, в которой он позволяет происходить своей не-плавности. Этому, конечно, не удастся придать смысл до тех пор, пока он не увидит чёткие отличия между усилиями в попытках избежать не-плавности (что собой представляет заикание) и не-плавностью. Заикающийся страдает от семантической путаницы, которую он выработал под воздействием своей семантической среды. Он отождествляет не-плавность с заиканием.

Заикающемуся помогают наблюдения за тем, насколько не-плавно разговаривают так называемые нормально говорящие люди. В отсутствие системных исследований плавности речи у взрослых, я могу сказать лишь о своих эпизодических наблюдениях нормально говорящих, большинство которых составляют профессиональные лекторы. По моим подсчётам повторяемых ими слогов, слов и фраз, их задержек, пауз, эээ и ааа, в среднем они проявляют от пяти до восьми случаев не-плавности в минуту в ходе непрерывного, относительно неподготовленного разговора. У одного известного лектора я насчитал 540 проявлений не-плавности в течение чуть меньше одного часа. У другого – 65 ааа в течение пяти минут. Это происходит нормально. Заикающимся кажется очень неразумным, и даже пыткой, когда логопед просит их говорить с такой не-плавностью намеренно. Для него это *есть* заикание. Однако когда у них получается говорить так не-плавно с чётким намерением, от души, они заметно расслабляются, говорят плавно и заикаются намного меньше. И этого стоит ожидать, если человек рассматривает своё заикание как усилие в попытках избежать не-плавности.

Говоря об оценочном поведении, заикающемуся следует осознать табу, налагаемое его семантической средой. Ему следует понять семантическую путаницу, фигурирующую в этом табу в том, как он его усвоил. *Ему следует отличить заикание от не-плавности и увидеть заикание как собственные попытки избежать не-плавности*. В словесной форме это может показаться простым, но на практике возникают трудности. Указанные преобразования в оценочном поведении требуются осуществлять перед лицом противостоящих влияний в семантической среде заикающегося. Далеко не всегда легко удаётся убедить родителей, преподавателей и знакомых заикающегося привнести схожие изменения в их собственные

оценки. Они, как правило, продолжают хвалить его за плавные разговоры и выражать или подразумевать жалость или тревожность, когда он не говорит плавно. Также, если они уже начали считать его заикой, они автоматически принимают любое проявление не-плавности за заикание, и при этом не замечают подобные проявления не-плавности за собой.

Следует также понять, что заикающийся видит намеренный разговор с повторениями, задержками и т. д. как полное обращение давно устоявшихся привычек. Он ориентировался, в большинстве случаев, годами так, чтобы делать всё возможное, чтобы не делать собственно то, что его теперь просят делать. Его просят прекратить оценивать такими способами, которые он давно привык считать естественными и культивировать те оценки, которые, как ему кажется, идут против здравого смысла. Как многие другие принципы и практики, разработанные деятелями в сфере современной науки, эти тоже могут показаться очень простыми, но в нашей культуре их далеко не так легко удаётся применять на практике. Однако, покуда их получается применить адекватно, их ценность становится очевидной.

Видимое поведение. На всё, что мы можем сказать под этим заголовком, мы уже тем или иным образом указали. Среди главных преобразований в видимом поведении заикающегося мы выделяем намеренное проявление не-плавности, постепенное расслабление некоторых маньеризмов, напряжений лица и т. д., и увеличение объёмов говорения, наряду с увеличением количества ситуаций, в которых приходится говорить. Главная задача состоит в том, чтобы помочь заикающемуся культивировать оценки, которые приведут к смелой, приятной, спонтанной речи – к *нормальной* (не совершенной) плавности.

В среднестатистическом случае стоит осуществлять шаги примерно в следующем порядке: во-первых, иногда возникает необходимость, – или, по меньшей мере, рекомендация – убедить заикающегося в том, что он может говорить нормально. Это удаётся сделать, попросив его почитать вслух с другим человеком, в том числе, с другим заикающимся. Это может показаться странным, но, как мы уже указали, двое заикающихся, за редкими исключениями, могут читать вслух вместе без затруднений. В некоторых случаях, стоит посоветовать заикающемуся читать и говорить в одиночестве, или со своей собакой, потому что практически у всех заикающихся получается это делать без заикания. Такие практики оказываются полезными, покуда они препятствуют предположениям заикающегося о том, что он не может нормально говорить по физическим причинам.

Во-вторых, практически каждый взрослый заикающийся, когда он заикается, проявляет определённые маньеризмы, или так называемые ассоциированные движения, такие как закрытие глаз, повороты головы, движение ногой и т. д. В некоторых случаях эти маньеризмы становятся причиной многих социальных ограничений. От них часто удаётся избавиться; заикающийся может достаточно легко понять, посредством направленной практики, – предпочтительно, перед зеркалом – что ему удаётся не делать эти вещи во время заикания. Ценность избавления от таких маньеризмов состоит в том, что умеряются социальные ограничения, за счёт чего убеждение заикающегося о том, что на его заикание не получится никак повлиять, ослабевает. Здесь тоже стоит проявлять осторожность, чтобы не переборщить; следует следить за тем, что индивидум понимает, что ему не указывают, чтобы он полностью прекратил заикаться. Такое указание укрепило бы табу, с которым заикающемуся приходится бороться, и привело бы к повышению напряжения и снижению мотивации.

В-третьих, по возможности, заикающемуся следует намеренно имитировать своё заикание. Этим для начала стоит заниматься перед зеркалом в присутствии только преподавателя; как вариант, заикающийся может делать это один, если он чётко понимает, что ему следует делать. Позднее, ему стоит пробовать делать это во время разговоров с другими людьми. Как только он научится имитировать свою манеру заикания, ему стоит практиковать притворное

заикание без тех усилий и спешки, которые обычно его сопровождают. Подчеркну, что ему сначала следует делать это либо в одиночестве, либо с преподавателем, а уже потом в других ситуациях. Целью этого занятия следует ставить заикание, лишённое усилий, гримас и страха, чтобы получалось прямо, неспешно, намеренно выполнять то, что в ином случае приходилось бы делать вопреки и с напряжением.

После достаточной практики и подготовки, заикающийся может перейти к внедрению выровненного паттерна не-плавности. Это не стоит путать с заиканием, потому что паттерн не-плавности внедряется и применяется *вместо* заикания. Вероятно, наиболее предпочтительным считается простое повторение, как «э-э-э-это», частично потому что именно это поведение изначально диагностировали как заикание, и теперь следует провести его переоценку, заключив его нормальным и приемлемым. Простое, непринуждённое протягивание первых звуков слов в некоторых случаях окажется удовлетворительным, но может потребоваться больше практики для протягивания *п* и *т*. Также, стоит следить за тем, чтобы протягивание не превращалось в полную остановку, что мы считаем лишь очередным способом заикаться. Внедрив простой паттерн повторения, например, «э-э-э-это», заикающемуся следует много практиковаться в одиночестве, предпочтительно, перед зеркалом. Если имеется диктофон, или лучше, зеркалофон³, стоит записывать новый паттерн повторения, а затем прослушивать его по несколько раз, чтобы привыкать к нему и учиться следовать ему спокойно и непринуждённо.

Постепенно заикающийся сможет внедрить этот паттерн не-плавности в свою повседневную речь, сначала пробуя практиковать его в простых ситуациях, а затем в более трудных. Ему стоит задействовать его всякий раз, когда иначе он бы заикался, и принуждать его притворно на своё усмотрение, когда он говорить слова, на которых он иначе бы не заикался. Он обнаружит, что чем больше притворной не-плавности он практикует, тем меньше он испытывает склонность к заиканию. Так происходит, потому что его заикание составляет его попытки избежать не-плавности, и в той степени, в которой он настроился её практиковать, он не настраивается её избегать. Со временем, количество притворной практики удастся постепенно уменьшить, потому что склонность к попыткам избежать не-плавности (к заиканию) ослабнет, и в итоге станем возможной нормальной речь.

Благодаря этому индивидуум прекращает вести себя как заикающийся, и вместо этого ведёт себя как относительно не-плавно говорящий. Необычное количество повторений в его речи, при том что оно выполняется со всей искренностью и без видимых усилий, привлекает к себе намного меньше внимания, чем может показаться, и испытывается намного легче в сравнении с заиканием. Это происходит, потому что повторение со временем сходит на нет благодаря тому, что человек выполняет его произвольно в качестве противодействия импульсам к заиканию (попыткам избежать повторения или других проявлений не-плавности). Этот импульс к заиканию постепенно слабеет и возникает реже по мере того, как мотивация к нему – желание избежать не-плавности – уменьшается. Вместе с ослабеванием склонности к заиканию, снижается и нужда к произвольному повторению. Таким образом, речь индивидуума становится всё менее и менее не-плавной, и впоследствии значительно выравнивается. В этом процессе, порочная спираль заикания, в которой индивидуум с нарастающим усердием пытается заикания избегать, – чем только его усиливает – обращается благодаря тому, что индивидуум воспитывает и укрепляет в себе толерантность к не-плавности. Покуда, страх заикания становится менее значительным, необходимость в произвольной не-плавности снижается, и индивидуум выравнивает свою речь.

3. [п. к п.] *mirrorphone* – устройство записи с микрофона по заданному отрезку длительности с последующим круговым воспроизведением; изготовлением занималась компания Western Electric для своего филиала Electrical Research Products, inc. приблизительно в 1944 году.

Наконец, стоит добавить, что по мере того как заикающийся идёт по этой программе, стоит поддерживать и направлять его на больше разговоров и расширять диапазон ситуаций, в которых он может говорить. Он, в свою очередь, по мере изменений в его оценках не-плавности, проявит меньше нежелания говорить и меньше склонности избегать социальных контактов. Поддерживать его стоит с осторожностью, не забывая о том, что все эти меры мы принимаем, чтобы помочь индивидууму культивировать такие положительные оценки его речи, которые позволят ему говорить без страха, напряжения, устойчиво и с удовольствием.

Физическое состояние. На основании наиболее адекватных научных исследований, проведённых к сегодняшнему дню, я не вижу особых причин предполагать, что заикающимся требуется соблюдать физическую гигиену больше, чем другим людям. В масштабах населения, средний человек не отличается идеальным здоровьем. Недостатки в нём чаще всего наблюдаются в состоянии зубов, частотой простуды, лёгкой утомляемостью и в других проблемах. Заикающихся не следует сравнивать с населением не-заикающихся с идеальным здоровьем. Относительно состояния их здоровья их вполне удаётся сравнить с действительно существующими не-заикающимися.

Однако важной может оказаться возможная склонность некоторых индивидуумов к недостатку энтузиазма и избытку пессимизма в условиях способствующих усталости, недосыпанию, неподходящей диете, слабой физической активности или болезни. Для того чтобы эффективно реализовать программу корректировки речи, заикающемуся требуется как можно больше энергии, энтузиазма и хорошего настроения. Как только он начал менять своё речевое поведение, ему придётся бороться со склонностью обращаться к старым привычкам, когда он утрачивает настрой и чувствует усталость. С этой точки зрения, стоит придавать важность хорошему здоровью.

В этой связи стоит лишь сказать, что большей частью физическая гигиена включает адекватную практику приёма пищи, сна, физических упражнений, работы и расслабления. Помимо этого, любому человеку стоит посещать врача и давать ему достаточную информацию, чтобы проверять эффективность его рекомендаций и предотвращать любые серьёзные угрозы здоровью. Относительно заикания, стоит сказать, что анатомические и общие физиологические вопросы обычно важностью не выделяются, и если это случается в конкретном случае, им стоит уделить необходимое внимание.

Заикающиеся отличаются—и меняются

О заикании мы можем сказать ещё много. Не стоит считать, что несколькими сотнями опубликованных научных исследований эту проблему удалось охватить полностью. Чтобы резюмировать, оценить и рассмотреть скрытые подробности этих материалов, придётся писать очень толстую книгу. В этой главе я хотел предложить лишь один практический подход.⁴

В действительной реализации этого подхода применяются любые конкретные техники и способы объяснений и указаний, которые рекомендуются в конкретных случаях. Нюансы лечения зависят от возраста, истории индивидуума, природы и сложности его семантической среды, степени его заикания, времени доступного для консультаций и указаний и т. д. Стоит заметить не только то, что мы не можем назвать никаких двух заикающихся одинаковыми, но также то, что мы не можем назвать одинаковым одного заикающегося в разное время. Представленные здесь принципы, если мы считаем их разумными, приносят пользу только если их применять с осторожностью к индивидууму и к его постоянно меняющемуся состоянию и обстоятельствам.

---

4. Краткое изложение точки зрения, представленной здесь, вы можете найти в книге Юджина Хана *Stuttering: Significant Theories and Therapies*, Stanford University, Calif.: Stanford University Press, 1943.

Глава~XVIII БЕЗОТЛАГАТЕЛЬНЫЙ РАЙ

Иные проблемы

Определённый опыт работы с людьми, испытывающими семантические затруднения, позволяет узнать, что страх и напряжение не проявляются в одной лишь форме заикания. Оно представляется только одним из многих случаев ошибочной оценки происходящих событий. В связи с этим стоит отметить, что основы того, что мы обсудили в последней главе, удастся применить общим образом к немалому многообразию проблем. Ни одна наша проблема не возникает в семантическом вакууме, и чтобы понять практически любую из них, следует внимательно изучать семантические среды, в которых они имеют место. В большинстве наших трудностей, как в заикании, каким-то образом фигурируют дезадаптивные оценочные реакции. Опять же, как и в случаях заикания, практически все наши проблемы с адаптацией проявляются в какого-либо рода физиологических изменениях и мышечных напряжениях и движениях, все из которых происходят в организме. Иными словами, если в предыдущей главе мы смогли в некоторой мере объяснить заикание, то мы сможем более или менее теми же терминами объяснить множество других проявлений в поведении. Например, склонность к раздражимости, депрессии, возбудимости, волнению, беспричинному веселью, «неоправданной» усталости или даже болезни мы можем понять и разобрать в рамках отношений между (а) семантической средой, (б) оценочными реакциями, (в) физиологическим и наблюдаемым поведением и (г) организмом. Именно по этим причинам, чтобы подробно обсудить каждую из множества проблем подобно тому, как мы это сделали с заиканием, нам пришлось бы много и бесполезно повторяться.

Однако в качестве отправных точек для более конкретного понимания какой-либо проблемы дезадаптации, человек может воспользоваться следующими общими вопросами:

А. Относительно семантической среды

1. Какие конкретные правила, взгляды, убеждения, традиции, предрассудки, стандарты и т. д. выдаются в вашей среде так, что вызывают у вас какие-либо трудности?
2. Посредством каких конкретных индивидуумов, учреждений и ситуаций реализуются правила и т. д., влияющие на вас проблематичным образом?
3. Какие конкретно стремления, цели или идеалы приветствуются, поощряются или навязываются, и какие препятствия на пути к их достижению это создаёт для вас? (См. Главу I.)
4. В каких конкретно отношениях и какими процедурами ваша семантическая среда (определённая данными терминами) может подвергнуться изменениям в выгодную вам сторону?

Б. Относительно оценочных реакций

1. Какие ваши собственные убеждения, взгляды, идеалы, конфликты и т. д. играют важную роль в вашей проблеме?
2. Какие важные отождествления, семантические блокады, всеобъемлемости, неосознанные проекции и т. д. имеют при этом место?
3. К каким целям вы стремитесь, и каким образом вы испытываете фрустрации в отдельные дни или долгосрочно в своих попытках достичь этих целей? (См. Главу I.)

4. В каких отношениях и какими процедурами вы можете лучше осознать эти факторы, чтобы изложить ваши проблемы яснее, чтобы указать на практические возможности изменения ваших оценочных реакций?

В. Относительно физиологического и наблюдаемого поведения

1. Какими значимыми напряжениями, не-задержанными сигнальными реакциями и другими формами поведения вы выражаете свои дезадаптивные убеждения, взгляды, идеалы, фрустрации и т. д.?

2. До какой степени вы можете изменить это поведение в полезную сторону путём простого экспериментирования с другими способами реакции?

3. Какие желательные изменения в вашем внешнем поведении, вероятно, произойдут после преобразований в ваших оценочных реакциях?

Г. Относительно организма

1. Какие свойства вашего физического склада служат ограничениями вашим оценочным реакциям или вашему физиологическому и наблюдаемому поведению?

2. До какой степени и какими процедурами эти свойства вашего физического склада могут подвергаться изменениям?

Руководствуясь этими вопросами, вы сможете сформулировать значительное число личных проблем и найти практические способы работы с ними, которые немаловажно приведут к ценным результатам. Резюме и процедуры, описанные в Главе XVI, а также техники, которые мы обсудили в Главе X, разрабатывались, конечно, именно в связи с этим. Эти простые указания и методы составляют комплекс практических применений.

Изменения в личности во многом сводятся к изменениям, которые мы можем описать данными терминами, но эти изменения обычно не происходят быстро, по крайней мере, в желаемых направлениях, если их не планировать и не идти к ним целенаправленно. Методы, в частности описанные в Главах X и XVI, способствуют таким переменам, но стоит чётко понимать, что *научиться пользоваться этими методами удастся, только применяя их*. Знаний или разговоров о них не хватит, чтобы взяться за решение своих проблем, кроме как в тех случаях, когда знания и разговоры поведут к действиям. Тем, кто это понимает, но по-прежнему испытывает трудности с самим процессом выполнения, помогут – если их делать – упражнения, следующие за этой главой. Они помогут сделать первые нетвёрдые, но очень важные шаги из туманного мира слов в обширные и удивительные области действительности и действия. Начав процесс переадаптации, обычно удаётся стабильно двигаться к выработке интересного и плодотворного научного, или экстенционального, образа жизни.

Расстройства коммуникации

Осталось, помимо прочего, сказать несколько слов о том, что происходит и что идёт не так, когда мистер А говорит с мистером Б. Однако полезным придётся отметить некоторые общие аспекты того, как мы говорим, пишем, слушаем и читаем, в рамках процесса абстрагирования. Это означает, что на дефекты и проявления неэффективности, которые мы так часто находим в этих языковых функциях, стоит посмотреть как на расстройства абстрагирования.

Поэтому обсуждение проблем коммуникации послужит двум целям. Во-первых, в нём мы сможем указать на наиболее серьёзные семантические затруднения индивидуума и общества. Во-вторых, мы составим схему самых значимых моментов, которые обсудили в этой книге, и прольём некоторый свет на интересующие нас стороны процесса коммуникации.

Во многих университетах и колледжах сейчас предпринимают попытки разработать курсы для развития навыков коммуникации и внедрить в них преподавание, которое традиционно проводилось отдельно на курсах языка и речи. В некоторых университетах эта общая

тенденция доходит до учреждения факультетов, школ или кафедр коммуникации, ведущих исследования и разработку учебных программ по речи, радио, журналистике и соседствующим областям. Эти реформы, видимо, мотивируются постепенным осознанием существования основательных отношений между разными функциями языка. В большинстве случаев, однако, наблюдаются трудности в разработке практических средств ко-ординирования усилий заинтересованных администраторов и инструкторов. Ключевым видится факт, что ис-комое внедрение удастся культивировать только *в пределах* индивидуального преподавателя, но не *среди* нескольких преподавателей.

Необходимым для обучения языку – в отличие от специализированного преподавания письма, разговора, чтения или восприятия на слух на языке – видится язык для разговора о языковом поведении. Требуется терминология, которой удалось бы представить письмо, разговоры, чтение и восприятие на слух состоящими во взаимоотношениях аспектами процесса коммуникации. Такой язык о языке, или о *коммуникации*, даёт нам общая семантика.

Краткий анализ поможет это прояснить. Существуют определённые вопросы, которыми мы можем свести коммуникацию к практическим терминам. Какие составляющие и этапы процесса коммуникации мы можем обозначить? Какие функции работают на каждом этапе? С чем возникают проблемы и какие ошибки или отклонения мы обычно допускаем? Краткий список ответов на эти вопросы вы найдёте в схеме далее. (Стоит упомянуть, что эту схему я подготовил не только для преподавателей коммуникации. В повествовании о разговоре мистера А с мистером Б каждый из нас может поставить себя на место обоих участников, поэтому в следующей схеме многие смогут узнать определённую меру удивлений и разочарований, которые нередко приходится испытывать участникам подобных разговоров.)

1. Происходит событие,

2. стимулирующее м-ра А через его глаза, уши и другие органы восприятия, и возникшие

3. импульсы перемещаются в мозг м-ра А, а оттуда в его мышцы и железы, создавая напряжения, до-вербальные «ощущения» и т. д.,

5. он «отбирает» только определённые, которые организует каким-то образом, после чего

посредством звуковых

и световых волн

м-р А говорит с м-ром Б

6. чьи глаза и уши соответственно подвергаются стимуляции световых и звуковых волн, и возникающие

7. нервные импульсы перемещаются в мозг м-ра Б, а оттуда в его мышцы и железы, создавая напряжения, до-вербальные «ощущения» и т. д.,

8. которые м-р Б начинает переводить в слова согласно своим привычным вербальным паттернам, и из всех слов, о которых он «думает»,

9. он «отбирает» только определённые, которые организует каким-то образом, после чего

4. которые м-р А начинает переводить в слова согласно своим привычным вербальным паттернам, и из всех слов, о которых он «думает»,

И т. д.

м-р Б говорит или действует соответственно, тем самым стимулируя м-ра А, – или ещё кого-либо – а процесс коммуникации продолжается с осложнениями, указанными в схеме ниже...

Рис 17.¹ Поэтапная схема происходящего во время разговора м-ра А с м-ром Б – процесса коммуникации.

СХЕМА ПРОЦЕССА КОММУНИКАЦИИ ЭТАПЫ, ФУНКЦИИ И ВОЗМОЖНЫЕ ОТКЛОНЕНИЯ

Этап 1: Событие или происшествие. Этим мы обозначаем всё, что человек может услышать, увидеть, ощутить вкус и т. д. – всё, что может оказаться источником сенсорной стимуляции. Мы отмечаем, что коммуникация – как и абстрагирование – начинается основательно с какого-то аспекта реальности, чего-то испытанного как факт первого порядка. Это не означает, что в каждом высказывании приходится говорить о непосредственном опыте, но, в конечном счёте, любое высказывание несёт смысл, только если мы можем соотнести его каким-либо образом с реальностью, наблюдаемой или испытываемой кем-либо.

Этап 2: Стимуляция наблюдателя: зрительная, слуховая, химическая, механическая (давление), электрическая, рентгеновская и т. д.

I. Функции

A. Сенсорное восприятие

II. Отклонения

A. Сенсорные дефекты или недостаточности

1. Влияющие на зрение, слух, обоняние, вкусовое ощущение, осязание, кинестетику и т. д.
2. Особые реакции на стимуляцию электрическими токами, рентгеновскими лучами, химическими веществами, пищей, газами и т. д.

Этап 3: Оценки организма (до-вербальные «ощущения»)

I. Функции

A. Передача нервных токов от глаза, уха и других органов чувств к спинномозговому, таламическому и корковому уровням центральной нервной системы.

1. Передача нервных токов от спинномозговых, таламических и корковых уровней мышцам и железам с последующими телесными изменениями (мышечными напряжениями, реакциями желёз и т. д.)

II. Отклонения

A. Ограниченная передача из-за повреждения нервных путей, возникших от инфекций, опухолей, кровоизлияний, ядовитых веществ, механических травм, унаследованных дефектов и т. д.

Б. Ограниченная передача из-за приобретённых или выученных семантических блокад, проявляющаяся в невнимательности, отсутствии интереса, ступорах, предрассудках, неприязни к цветам и т. д., страхах, обмороках от определённых запахов и т. д., излишние оборонительные склонности и прочее подобное.

Этап 4: Вербализация оценок организма (перевод ощущений в слова, грубо говоря, «мышление»)

I. Функции

A. Символьная формулировка (перевод «ощущений», напряжений, «чутья», импульсов в слова и другие символы)

II. Отклонения

A. Недостаток в словаре, познаний в грамматике и других аспектах развития языковых навыков

Б. Афазии (языковые расстройства возникающие на почве мозговых травм или заболеваний)

1. Дефекты в выражении
2. Дефекты в восприятии или понимании
3. И то, и другое, а также дефекты в навыках вербальной ассоциации, именования и т. д.

В. Отклонения, связанные с общим интенциональным, до-научным ориентированием

1. [п. к п.] В оригинале данную таблицу представили в виде горизонтально ориентированного рисунка.

1. Отождествления
2. Семантические блокады
  - а. Всеобъемлемость, неадекватная условность, не-задержанные сигнальные реакции
3. Дву-значная структура языка
4. Абсолютистское ориентирование
  - а. Элементализм, неоправданная достоверность
5. Чревовещание: до-научное ориентирование на авторитет (см. Главу IV)
6. Недостаток осознанности проекций
7. Ригидность языковой структуры (см. Главу XI)
  - а. В содержимом
  - б. Формальная
  - в. Оценочная
8. Абстрагирование на мёртвом уровне (см. Главу XII)
- Г. Недостаток знаний о символизуемых фактах, (неосведомлённость, «невежество»)
  1. Недостаток адекватного понимания точки зрения слушателя или читателя

Этап 5: Вербальное и не-вербальное выражение оценок

I. Функции

- А. Речь
- Б. Письмо
- В. Применение особых символьных систем, таких как искусство, музыка, танец, математика, специальные коды и т. д.
- Г. Второстепенные функции
  1. Жесты
  2. Осанка
  3. Выражения лица
  4. Общие телесные действия
  5. Голос (тон, громкость, качество, темп)
  6. Место действия
    - а. Применения музыки, транспарантов, звуковых эффектов, цвета, освещения, одежды, специальной униформы и т. д.
  7. Особые средства передачи
    - а. Применение радио, телевидения, кино, телефона, телеграфа, машинописи, записи речи, диаграмм, фотографий, методов печати и т. д.

II. Отклонения

- А. Дефекты речи и голоса
  1. Артикуляция (пропуск звуков, например, *rau* вместо *play*; подмена звуков, например, *will* вместо *gun*; искажение звуков, например, «свистящий» *s*; неразборчивые звуки)
    - а. По причине неудовлетворительного образования или недостатка надлежащей стимуляции (значительные органические причины отсутствуют)
    - б. По причинам органического происхождения
      - (1) Расщелина нёба

(2) Дефекты в ротовых структурах, такие как высокое и узкое твёрдое нёбо, искривления зубов, большой язык и т. д.

(3) Церебральный паралич (спастическое состояние мышц, атетоз, атаксия из-за повреждений нервных клеток)

(4) Афазии

(5) Параличи

(6) Потеря слуха

в. В силу «психологических» условий

(1) Умственная отсталость

(2) Общие дезадаптации, такие как инфантилизм, стеснительность, отстранённость и т. д. (см. Главу XIV)

(3) Психоневрозы и психозы (см. Главу XIII)

2. Проблемы плавности-тревоги

а. Заикание (см. Главу XVII)

б. Общая не-плавность – повторяющаяся, обрывистая, медленная, неравномерная, затруднённая речь

(1) По причине неудовлетворительного образования

(2) В связи с психоневрозами, психозами, умственной отсталостью

(3) В связи с органической патологией, такой как церебральный паралич, афазия, паралич и т. д.

3. Голос

а. Слишком высокий, низкий, монотонный, окрашенный тон

б. Слишком высокая, низкая, монотонная, окрашенная громкость

в. Слишком быстрый, медленный монотонный, скачкообразный, окрашенный темп

г. Качественные дефекты: хрипота, грубость, гнусавость и т. д.

(1) Всё вышеперечисленное может возникать в связи с органическими патологиями, потерей слуха, дезадаптациями или неудовлетворительным образованием

4. Употребление слов

а. Ошибки в произношении

б. Грамматические ошибки

в. Неподходящий или неэффективный выбор слов

5. Недостаток знаний и навыков в обращении с особыми средствами передачи

а. Радио, телевидение, телефон, кино, устройства записи речи и т. д.

Б. Дефекты письма

1. Неадекватные навыки письма от руки

а. По причинам неудовлетворительного образования

б. По причинам дезадаптаций

в. В силу органических условий, таких как паралич и т. д.

2. Орфографические, пунктуационные и т. д. ошибки

3. Недостаток навыков применения особых средств письма, таких как машинопись, или недостаток средств печати, неподходящий макет страницы и т. д.

В. Недостаток знаний и навыков применения определённых символьных систем, таких как искусство, музыка, математика и т. д.

1. Недостаток навыка организации коммуницируемого по правилам используемой символической системы и согласно целям конкретной коммуникации

Г. Недостаток навыка презентации

Д. Параличи, пагубные условия, болезни и т. д., препятствующие выразительным жестам, осанке и другим телесным действиям

1. Физическая непривлекательность или характеристики формы и размера, цвета кожи и т. д., вызывающие нежелательные реакции слушателей (часто ввиду их сигнальных реакций)

Е. Оценочные расстройства

1. Страх сцены и другие страхи, враждебные позиции, неоправданный ужас перед слушателем, чувства неполноценности, недостойности и т. д.

Ё. Дефекты в средствах и условиях передачи

1. Дефекты в средствах передачи

а. Радио помехи, неразборчивая печать и т. д.

2. Препятствия и вмешательства

а. Шум, плохое освещение, отвлекающие факторы и т. д.

Этап 6: Перво-порядковая стимуляция слушателя или читателя (или зрителя) световыми и звуковыми волнами от динамика или световыми волнами от страницы с текстом

I. Функции

А. Чувственное восприятие

II. Отклонения

А. Недостатки в чувствах, особенно проблемы со зрением и потеря слуха

Этап 7: Организменные оценки (до-вербальные «ощущения») слушателя или читателя (см. *Этап 3*)

Этап 8: Вербализация оценок организма (перевод ощущений в слова, грубо говоря, «мышление») слушателя или читателя (см. *Этап 4*)

Этап 9: Вербальное и не-вербальное выражение оценок слушателем или читателем: речь и действия слушателя или читателя, составляющие наблюдаемые эффекты коммуникации (см. *Этап 5*)

И т. д.: Речь и действия слушателя или читателя – *Этап 9* – формируют стимуляцию в других людях, и так процесс коммуникации продолжается неопределённо по стадиям, функциям и возможным отклонениям, резюмированным в этой схеме

Схемой выше мы показываем основательность процесса абстрагирования в коммуникации. На деле коммуникация представляется попыткой одного человека передать некоторые результаты своего абстрагирования другому человеку. Обычно он делает это посредством разговора или письма – управляясь звуковыми или световыми волнами, или и теми, и другими. Второй человек «получает» эти звуковые или световые волны, после чего абстрагирует из них далее собственные оценки, схожие или несхожие с оценками, которые говоривший или писавший намеревался передать. Наконец, он выражает эти оценки словами или делами, которые могут удовлетворить или удивить говорившего, или писавшего. Иными словами, коммуникация проходит будто бы соединением двух процессов абстрагирования.

Если мы хотим говорить о коммуникации, мы можем делать это по следующим ориентирам:

1. Источники чувственной стимуляции или «реальности» – субмикроскопический уровень абстракции, показанный на Рис. 9, в Главе VI. Именно в таких терминах мы можем описать то, о чём нам приходится говорить или писать.

2. Ощущения говорящего или пишущего: изначальное абстрагирование, которое он осуществляет на макроскопическом и (в некоторых случаях) микроскопическом уровнях, как мы

показали на Рис. 9. Он может скомуницировать только то, что он может «впустить». Если он, например, лишился зрения, то у него отсутствуют зрительные ощущения, которые он мог бы абстрагировать или передавать.

3. До-вербальное абстрагирование говорящим или пишущим его ощущений. Он осуществляет это абстрагирование на «немых» уровнях.

4. Вербальное абстрагирование говорящего или пишущего – то, как он представляет словами свои до-вербальные напряжения, «чутьё» и т. д. Он, конечно, не выражает открыто все слова, о которых «думает».

5. Говорение или письмо, высказанные на деле слова. Эти абстракции «отбираются» для осуществления коммуникации.

6. Световые и звуковые волны, произведённые в говорении и письме. Мы видим и слышим их как чернильные отметины, телесные действия и как звуки, которые мы называем устными словами. То, что они «есть» как физические события, представляется, в конечном счёте, на субмикроскопическом уровне абстрагирования. Наблюдать мы их можем на микро- и макроскопическом уровнях. (Между тем, именно в связи с этим провели очень много исследований коммуникации: подробный анализ голосовых волн профессора Карла Сишора и других, исследования в области электроники, благодаря которым удалось разработать более эффективные средства передачи звуковых волн, исследования «зрительного образования» и изучение восприятия различных типов печатных гарнитур и т. д.)

7. Ощущения слушателя или читателя: его изначальное абстрагирование на до-вербальных уровнях световых и звуковых волн.

8. До-вербальное абстрагирование слушателем или читателем его ощущений.

9. Вербальное абстрагирование слушателя и читателя – как он обращает в слова свои до-вербальные напряжения, «чутьё» и т. д. Он, как и говорящий или пишущий, не выражает открыто, или даже рассматривает вероятность высказать все слова, о которых «думает».

10. Наконец, абстрагирование на вербальном уровне слушателя или читателя, открыто выраженное им словами или действиями.

Весь процесс коммуникации от начала до конца мы можем общим образом описать терминами абстрагирования и его результатов. Следовательно, обучение коммуникации сводится к обучению абстрагированию. Ваша роль говорящего, пишущего, читателя, слушателя – или действующего, рисующего, играющего на пианино – не имеет принципиального значения. Пишите ли вы прозу, поэзию, числа, ноты или делаете чертежи, тоже не имеет принципиального значения. Не имеет принципиального значения и то, слушаете вы новости, проповедь, стихотворение, прогноз погоды или лекцию об атомной энергии. Основательным во всех этих видах деятельности остаётся то, что вы абстрагируете, и тем самым оцениваете коммуницируемые или потенциально коммуницируемые символы. Результаты этой деятельности зависят от уровня осознанности абстрагирования и от навыков применения принципов и техник абстрагирования. (см. Главы V и X.)

Отклонения в коммуникации, приведённые в схеме выше, представляют собой в той или иной мере отклонения в абстрагировании или состоят с ними в некоторых отношениях. Помимо дефектов в средствах или условиях передачи (радио помехи, плохое освещение и т. д.), отклонения в коммуникации мы можем отнести к одной из трёх определённых категорий:

1. Отклонения в абстрагировании у говорящего и слушателя (или писателя и читателя)
2. Отклонения в открытом выражении (дефекты речи и ограниченность телесных действий из-за параличей и т. д.)

3. Отклонения в чувственном восприятии (в основном, дефекты зрения и потеря слуха)

Строго говоря, отклонения в открытом выражении, например, дефекты речи, и отклонения в чувственном восприятии, например, дефекты слуха, отличаются от оценочных отклонений, затрагивающих абстрагирование; к ним относятся перечисленные в схеме на *Этапе 4*. Однако их практические эффекты относительно коммуникации зависят в немалой мере от того, как их оценивают. Адекватно описать и объяснить речевой дефект не получится без описания человека, у которого он проявляется, и реагирующих на него людей. *Коммуникативная* значимость, например, заикания, как правило, не заключается в том, что от неё речь становится неразборчивой, потому такое случается редко. Чаще она заключается в том, что слушатель оценивает её как важную. Большинство из нас обращает внимание на задержки в речи, незнакомые диалекты и гнусавость. Мы придаём много значения тонкостям голоса, дикции и ритма, или грамматики и орфографии. Такого рода мудрость нам нравится запакованной в непроницаемый полиэтилен, из-за чего мы с готовностью принимаем много бреда, запакованного в тот же полиэтилен, и не замечаем мудрость, которую нам предлагают в бурой обёрточной бумаге. На стокилограммового человека, вещающего насущную истину, не обратят внимания слушатели, которые позволяют своим оценочным процессам нарушиться из-за малозначимого факта, что вещатель произносит *ф* там, где они привыкли слышать *с*. Проблема состоит не в том, что они не могут его понять, если действительно слушают, а в том, что они слушают, *как* он вещает. Его речь оказывается менее дефектной, чем их слушание. На деле если бы слушатели не оценивали его дефект как дефект, он бы попросту не существовал – не имел бы *коммуникативной* значимости.

Схожим образом, говорящий с относительно тёмным цветом лица, за что слушатели относят его – более или менее неуместно – к неграм, может говорить слова, которые в итоге отскакивают от глухих ушей. Цвет его кожи не имел бы *коммуникативной* значимости, если бы слушатели своими оценочными привычками и сигнальными реакциями её ему не придавали. Один из особенно серьёзных аспектов этнических предрассудков состоит в том, что они способствуют такому не эффективному слушанию. Любой предрассудок, этнический или иной, нередко приводит к некоторой функциональной глухоте – «Я бы никогда не стал его слушать. Нечего *мне* тут рассказывать!» Это работает в обе стороны. Человек, испытывающий предрассудки не только отказывается слушать, но и говорить. Как мы хорошо знаем, коммуникация прекращается полностью, когда люди доходят до того, что отказываются говорить; тем временем, базовая важность оценочных расстройств в отношении к процессу коммуникации становится заметной, как задранный нос на мрачном лице. Один из аспектов проблемы негров и белых заключается в том, что некоторые светлокожие люди и некоторые темнокожие люди не чувствуют, что стоят на одном уровне, чтобы разговаривать друг с другом. Пока они не научатся разговаривать, и особенно слушать друг друга, проблема негров и белых продолжит существовать.

В том же русле стоит сказать кое-что очень важное о диктаторских формах правления – об авторитарных правилах в любых местах: в церкви, армии, медицинской профессии, школе, промышленности или дома. Солдат в Гонолулу, рапортовавший своему лейтенанту утром 7 декабря 1941 года о приближающихся самолётах, на что тот его проигнорировал, останется в истории – для тех, кто умеет читать историю – символом неэффективности коммуникации такой ригидной структуры, которая обычно встречается в авторитарных организациях. Для человека, практикующего общую семантику – или для любого научно-ориентированного человека – «значение» Пёрл Харбор заключается в том, что свобода говорить может оказаться опасной в отсутствие долга слушать. Ценность демократии с её *идеалом* свободы слова и «открытого уха», лежит в обеспечении эффективной коммуникации – возможности отвечать, а не только отговариваться. В базовом смысле, демократию обеспечивает способность

начальника, офицера, преподавателя, рабочего, рядового и ученика слушать без семантических блокад. С особым страхом приходится часто наблюдать как в наших школах преподаватель основ гражданства или политологии даёт урок о «демократическом правительстве» строгими рядами рассаженым ученикам, послушно дающим ответы, предписанные самим преподавателем или учебником. Диктатор не может достичь демократии. Её не получится усвоить ни палкой, ни штыком, а только хорошим умением слушать.

Важность дефектов речи и других характеристик говорящего (таких как цвет кожи и социальный статус) следует видеть в оценочных реакциях тех, кто слушает или отказывается слушать их. «Коррекцию» речевых дефектов частично следует осуществлять переобучением тех, кто слушает их и *прислушивается* к ним. Поэтому к решению этнических конфликтов едва ли приходится идти методами пластической хирургии. Идти к нему стоит эффективным обучением коммуникации, рассматривая вместе процессы абстрагирования человека с тёмным цветом кожи с процессами абстрагирования со светлым цветом кожи, чтобы сложить их в единый эффективный процесс коммуникации. Если в процессе такого обучения удалось достичь чего-то меньшего, чем такой результат, то независимо от улучшения характеристик голоса, дикции, правописания и пунктуации, обучения не произошло.

Безотлагательный рай

Даже до 6 августа 1945 года эти соображения следовало считать основательно важными. С того незабываемого дня, когда мы прибыли с ужасающей печалью в атомный век, они стали безотлагательными до степени отчаяния. В своей гонке против уничтожения мы перешли на спринт. От предрассудков и других семантических блокад, закупоривающих процесс коммуникации, придётся избавиться, если большинство из нас хочет избежать скорого и крайне неприятного опыта внезапной смерти. В прошлом, когда не удавалось справиться словами, люди прибегали к опасным средствам коммуникации, под остриё которых мы не попадали. В следующий раз, когда мы снова не справимся словами, миллионы умрут и лишь за секунду или две до этого узнают, если узнают вообще, сколько преимуществ мы бы получили, если бы научились разговаривать с другими людьми и слушать их.

Мы не можем вернуться в средневековье или в июль 1945 года с атомными бомбами в карманах. Мы не можем *вернуться* никуда, где могли бы обеспечить свою безопасность, не говоря о личностном и культурном развитии. Научный метод, коим мы создали атомную мощь, ведёт лишь к масштабному опустошению, когда им пользуются, руководствуясь традиционными до-научными оценками, преобразующими эту мощь в бомбы. В самой атомной мощи мы не найдём ничего «хорошего» или «плохого», но мы можем воспользоваться ей, чтобы прийти к разрухе или к раю. Научный метод сам по себе не несёт разрушение. Несёт его до-научный образ жизни в сложившемся наукой атомном мире. Чтобы выжить в таком мире, требуются люди, практикующие научный метод в работе над личными и социальными проблемами, возникшими или усугублёнными научными достижениями. Главными среди этих проблем мы видим проблемы языковой структуры, семантических реакций и коммуникации.

Когда на кону стоят жизненные ценности, мы не можем дать словам нас подводить. Тем же научным методом, позволившим добиться такой эффективности в создании средств уничтожения, следует пользоваться, чтобы достичь соответствующей эффективности в нашей коммуникации. Высвободив энергию атома, мы создали необходимость как можно скорее стать тем, чем мы могли бы стать давно, разработать и учредить научное образование, чтобы устранить семантические блокады, препятствующие ключевым для выживания здравомыслию и сотрудничеству. Мы больше не можем позволять себе конфликты, агрессию, презрение и ненависть, и терпеть выученное недоумение, культивированное недоверие и вер-

бальную безответственность. Эта проблема относится не к научным и не к моральным, а к практическим приземлённым проблемам выживания. Над нами продолжит нависать урановая угроза до тех пор, пока мы стремимся сохранять разобщающие нас убеждения, верность и институты, и ценим старые предрассудки, предметы гордости и суеверия.

Наукой мы радикально изменили условия своих жизней, и наукой же нам следует изменить образ своих жизней, согласованный с этими условиями. Под словом *следует* я имею в виду принятие продолжения жить в качестве основной задачи, и хочу сказать, что если мы просто продолжим менять условия, в которых живём, но сохранять при этом взгляды, убеждения, традиции и человеческие отношения, приспособленные к другим, уже не существующим условиям, мы можем оправданно ожидать ещё большей дезадаптации и неизбежных катастроф. Если читателю кажется, что я делаю слишком сильный акцент на мрачных прогнозах, значит, он оценивает мои высказывания с не менее мрачной точки зрения. Со своей точки зрения, я хочу подчеркнуть не только нужду, но и возможность и преимущества изменений. Атомная мощь обещает изобилие не в меньшей мере, чем страдания, но только если мы приветствуем изобилие. Она даёт не менее подходящую основу для мира, чем для международных конфликтов, но только если мы не откажемся прийти к миру. Условия, при которых мы выживем, требуют нашего согласия провести должную работу над переустройством.

Наша ситуация оставляет нам лишь принять рай, если только до этого мы не исчезнем.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ

Далее следуют примеры заданий и упражнений для применения на занятиях и в индивидуальном обучении. Я отобрал их из тех, которые применял в ходе шести лет преподавания общей семантики в Государственном Университете штата Айова. В общей семантике мы делаем особый акцент на обучении через действие, поэтому личное применение основных принципов и техник мы считаем необходимым. Стоит, однако, отметить, что любой подобный набор заданий следует рассматривать как набор ориентиров; каждому человеку стоит применять общую семантику к своим проблемам и в своих обстоятельствах, отличных в некоторой мере от обстоятельств других индивидуумов. Следующий далее список предложенных применений окажется полезным тем, кто сможет с их помощью найти наиболее результативные способы практики семантического или научного ориентирования.

1. Семантический блокнот

Мы можем улучшить своё понимание общей семантики и её подоплёк наработкой навыка наблюдения нарушений её принципов в повседневном поведении людей вокруг нас. Нередко в обрывках разговоров, услышанных в автобусах, ресторанах или ещё где-либо, а также в беседах с друзьями и знакомыми мы слышим враждебные и одобрительные высказывания о евреях, капиталистах, председателях профсоюзов, конгрессменах и т. д., выражающие всеобъемлемость и общую интенциональную оценку. В этой практике также стоит обратить внимание на споры и недопонимания, возникающие на почве отличий в том, как собеседники пользуются теми или иными словами, на не-задержанные вербальные реакции и другие свидетельства семантического смятения и дезадаптивного поведения. Записывая ключевые слова и фразы и добавляя к ним краткие описания обстоятельств каждого случая, удастся довольно скоро собрать наглядную коллекцию «семантических осечек».

Неосознанную проекцию удастся легко разглядеть, по меньшей мере, в том, как она окрашивает языковое поведение в ситуациях, когда люди пытаются друг друга впечатлить и общаются с претензией. В больших гостиницах, статусных заведениях, вагонах-ресторанах, во время антракта в театре, на художественных выставках, концертах, в модных магазинах и т. д., встречается богатое многообразие явно окрашенных проекцией высказываний. Чтобы оценить «символы шика», стоит ознакомиться с теорией праздного класса Веблена. Люди за ужином под стать таким, которые организуют лишь по праздникам, жалуются на обслуживание, еду, развлекательную программу и вспоминают о более приемлемых кушаньях в Новом Орлеане или Сан-Франциско (где они на тот момент, скорее всего, жаловались не меньше). Даже человек с недолгим стажем в общей семантике распознает подоплёки такого вербального поведения и заметит ощущения неполноценности и незащищённости, от которого говорящему хочется выставить напоказ свой утончённый вкус и благополучие. В следующем абзаце из журнала *The New Yorker* (10 Февраля, 1945 г., с. 15) автор привёл пример:

«Две женщины за соседним столом обсуждали ситуацию с нехваткой пищи. За это время они отведали: виски сауэр, фасолевым суп, соте из грибов и почек с картофельной соломкой и стручковой фасолью, салат-ассорти, кайзерки и мармелад, шоколадные эклеры, кофе со сливками и сахаром. Женщины подытожили, что ситуация из серьёзной переросла в безнадёжную».¹

Распознать, по меньшей мере, приблизительно, степень, в которой такие высказывания относятся к спроецированным оценкам, нежели к описаниям того, о чём в них идёт речь, не составит труда. Стоит записать несколько десятков примеров, добавив подробностей для точности, чтобы повысить осознанность проективного характера «языка в действии».

Высказывания от злости, раздражённости, обиды, печали или стыда часто служат примерами неосознанной проекции, всеобъемлемости, отождествления и бредовых, или почти бредовых, реакций. Несколько подобных примеров, записанных вместе с описаниями ситуаций, в которых они наблюдались, позволят вспомнить о том, что вы узнали о языке из этой книги.

1. С разрешения *The New Yorker*. Авторское право, 1945, The F-R Publishing Corporation.

Газеты, журналы и радио служат почти неиссякаемым источником «семантиканы». В новостях иногда рассказывают о курьёзных случаях неудавшейся коммуникации. В одном из таких случаев, когда фермера из Небраски спросили, зачем он просигналил флажком остановиться грузовому поезду длиною в милю, он ответил: «Не пытался я остановить никакой поезд. Я ему просто помахал». В ежедневных новостях сообщают о множестве различных недопониманий, от смешных до трагичных. Семантические факторы в таких недопониманиях в контексте несчастных случаев и обучения техникам безопасности обсудил Бенджамин Ли Уорф в статье “The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language” [«Отношение привычного мышления и поведения к языку»]. (*Etc.*, 1944, Том. I, № 4, сс. 197-215). Изучив эту статью, вы сможете читать новостные колонки ежедневных газет между строк. Недопонимания служат источником новостей, а мы, говоря семантически, упускаем суть, когда списываем причины описанных событий на глупость, неизбежность, эгоизм или простую неудачу — что бы мы ни имели в виду под этими словами. Вы сможете дополнить свой семантический блокнот коллекцией новостных статей, демонстрирующих недопонимания и смятения, произошедшие из-за семантических блокад, отождествлений, неоправданной уверенности, неосознанных проекций и других проявлений интенционального ориентирования.

Редакционные статьи, колонки комментаторов и особенно реклама часто содержат предвзятые, окрашенные и однобокие высказывания. В оценке того, что вы читаете, стоит обращать на них внимание. Собирая такие образцы в своём блокноте, не забывая датировать каждый из них, вы сможете отследить развитие навыков разборчивого читателя.

Стоит также собирать карикатуры, юмор которых строится на изображении семантических смятений. Вы, возможно, удивитесь, когда начнёте их искать, насколько большое число карикатур подпадает под эту общую классификацию. То же касается анекдотов. Такие образцы внесут разнообразие в содержимое вашего блокнота.

В своём блокноте вам стоит фиксировать и собственные семантические проколы. Личное применение имеет самое большое значение в усвоении принципов и техник общей семантики, поэтому неудавшимся попыткам их применить следует уделять больше всего внимания и тщательно их анализировать. Как только вы начнёте за собой записывать, вы, несомненно, удивитесь, насколько часто вам придётся ловить себя на том, что вы придерживаетесь убеждений или взглядов, идущих против научного ориентирования. Вы также заметите, что поддаётесь не-задержанным сигнальным реакциям, некритическим отождествлениям и другим поступкам, будто вы никогда не читали эту или другие книги об общей семантике. Записывая такие реакции и периодически их перечитывая, любой, кто серьёзно относится к применению принципов общей семантики, обязательно извлечёт пользу. Не меньшую пользу принесёт и запись случаев эффективного и выгодного применения этих принципов. Стоит вести своего рода семантический дневник, записи в котором не следует обременять излишним количеством подробностей и включать в них всё без разбора. Некоторые из ваших ошибок или успехов окажутся более значимыми, чем другие; записывать стоит первые.

Наконец, вы извлечёте больше пользы от чтения материалов по общей семантике, если напишете, по меньшей мере, краткий комментарий о каждой прочтённой книге и статье. Эти комментарии следует строить не как резюме прочитанного, а как описания важных для вас аспектов собственных реакций на него. Если книга или статья вызывает у вас к чему-то интерес, бросает вызов давнему убеждению, меняет взгляд на что-то, побуждает провести эксперимент, проливает свет на личную проблему или проясняет какой-то момент, который вам долго не удавалось понять, напишите об этом. Такая практика поможет вам удерживать и впоследствии воспользоваться тем, что вы почерпнули из прочитанного.

Прежде чем начинать такой блокнот, следует внимательно прочесть эту книгу. Предпочтительно, следует прочесть первоисточник общей семантики — книгу Альфреда Коржибски *Наука и Здравомыслие*. По мере заполнения блокнота, стоит продолжать читать, либо возвращаясь к уже охваченному материалу, чтобы найти что-то ранее упущенное или укрепить понимание материала, либо читая новые книги, такие как *Язык в Действии* (Хаякава) или *Language Habbits in Human Affairs* [Языковые Привычки в Человеческих Делах] (Ли). Изучение также удастся простимулировать чтением ста-

рых и новых выпусков журнала *Etc.: A Review of General Semantics*, который публикует Сообщество по Общей Семантике (Иллинойский Технологический Институт, Чикаго, шт. Иллинойс).

Записи окажутся особенно интересными и познавательными по прошествии года. Обмен такими блокнотами с людьми, практикующими дисциплину, может принести ещё больше пользы изучению.

Вы можете также пользоваться блокнотом для выполнения любых других задач.

2. Изложение личной проблемы

В Главе I мы представили базовый паттерн дезадаптации последовательностью от идеализма к фрустрации к деморализации – ИФД. Мы сказали, что идеалы в этом паттерне стремятся в высь в трёх отношениях: в том, что их размыто определяют; высоко ценят; и, в их определении, плохо согласуют с реальностью. Неспособность распознать свои достижения приводит человека к чувству фрустрации, которое, в свою очередь, ведёт к (а) ощущению некоторой степени неполноценности и (б) последующим реакциям, от агрессии до явного уныния и утраты инициативы.

Возьмите свою самую важную проблему и составьте её письменное описание в рамках паттерна ИФД. Не стоит стремиться сделать описание исчерпывающим, но привести в нём достаточно подробностей, чтобы в нём смог разобраться человек, который вас не знает. (Здесь мы не подразумеваем, что вы не смогли бы представить свои личные проблемы в каких-то иных рамках. Применить к такому описанию паттерн ИФД стоит в целях упражнения.)

Начинать изложение стоит с общего ответа простыми словами на вопрос: «Что случилось?». После этого, следует разобрать проблему с точки зрения целей или идеалов, к которым вы стремитесь и, по-видимому, не можете достичь, добавив описания напряжений, раздражений, «агрессий», обид, отчаяний и т. д., которыми вы реагируете на ощущения фрустрации в связи с не-достижением целей. Обозначьте относительную размытость целей, силу желания достичь их и, опираясь на то, как вы описали свои цели, изложите максимально реалистично способности и возможности в вашем расстройстве, которые влияют на вероятность достичь или не достичь целей.

Наконец, изложите свои цели или идеалы относительно конкретными терминами так, чтобы объяснить себе, как разумным образом вы могли бы их достичь за терпимый временной промежуток. Изложив таким образом цели, запишите наиболее эффективные способы работы над приближением к целям, к которой вы незамедлительно могли бы перейти.

3. Истории взглядов

Возьмите какой-нибудь из важных для вас взглядов на определённого человека, группу людей или точку зрения, и напишите историю этого взгляда. Опишите происхождение – как вы к нему пришли – и обстоятельства его развития. Приведите описание того, как он фигурирует в ваших социальных отношениях. Подведите итог этого «анамнеза взгляда» своей семантической оценкой, указав степень, в которой он представляет ваши интенциональное и экстенциональное ориентирования.

Вы можете делать это в отношении столько своих взглядов, сколько сочтёте для себя полезным.

4. Споры

В течение недели запишите споры, в которые вы вовлекаетесь сами, или свидетелем которых оказываетесь. Зафиксируйте информацию о теме, участниках спора. Укажите степень, в которой участникам удаётся достичь согласия и то, о чём они соглашаются. Продатируйте каждую запись. Определите каждый случай в одну из двух общих категорий: (а) споры, возникающие из-за отличий в определениях одного или более ключевых терминов, решение которых потребует разумного экстенционального согласия в отношении этих терминов; (б) споры, возникающие из-за разногласий относительно фактического высказывания, решить которые удастся наблюдением оспариваемых фактов (или сверкой с опубликованным фактическим докладом). Подсчитайте соотношение споров, относящихся к первой или второй категории, которые завершились общим согласием.

5. Недопонимания

К недопониманием в новостях, которые мы обсудили в описании семантического блокнота, соберите недопонимания, которые случаются лично с вами. Возможно, вы договорились встретиться с другом в шесть часов, но вы почему-то подумали, что договорились на семь; вы заказали лимонную колу, а вам принесли вишнёвую; вы выполнили не то задание, которое задал преподаватель; вы купили батон белого хлеба, когда вас попросили купить цельнозерновой и т. д. В пределах недели, вы, скорее всего, соберёте большую коллекцию таких простых недопониманий. Запишите ключевые подробности каждого из них, указав даты. Определите их в следующие категории: (а) недопонимания, возникающие из-за фонетического характера одного или более слов (например, «куриный салат» и «куриный сэндвич»); (б) недопонимания, возникающие из-за непроверенных предположений (например, если вы принимаете как данное, что вас просят покупать белый хлеб, потому что его предпочитаете *вы*); (в) недопонимания, возникающие из-за привычки или безусловной реакции (например, вы и ваш сосед по комнате привыкли ходить вместе в определённый ресторан, и вы идёте в этот ресторан, и вспоминаете, что договорились встретиться в другом месте в *это* время); (г) недопонимания, возникающие в связи с не упомянутыми подробностями (например, ваш друг приносит вам марки за три цента, которыми вы обычно пользуетесь, но вы забыли уточнить, что в этот раз вам понадобились марки за два цента). Если вы хотите классифицировать недопонимания иначе или добавить категорий, это стоит сделать. Датируйте каждое недопонимание. Укажите серьёзность каждого из них, с точки зрения последствий. Относительно каждого случая укажите, удалось бы – и каким образом – избежать недопонимания или его неприятных последствий с помощью более осознанного применения языка вами или вторым участником, или вами обоими.

6. Научные техники

А. Прочтите три или четыре так называемых научно-популярных статьи в журналах или в газете. Напишите краткий конспект каждой статьи, в который включите резюме того, что в них сообщают о техниках, использованных для получения представленных фактов и о *надёжности* этих техник. Напишите вопросы, которые вы бы хотели задать авторам после прочтения статей.

Б. Если вам представится возможность, посетите научную лабораторию и, предпочтительно, путём систематического наблюдения узнайте всё, что сможете, о методах, применяемых в определённых исследовательских проектах. Попросите ответственного человека рассказать вам в точности, на какие конкретные вопросы исследователи пытаются ответить, и какими пошаговыми процедурами они проводят наблюдения, описания которых послужили бы ответами. Спросите о применении оборудования и устройств. Напишите о том, что вам удалось выяснить.

В. Если вы ходите на какие-либо групповые занятия или состоите в клубе, предложите посмотреть следующие (или похожие на них) фильмы от компании Encyclopaedia Britannica Films, Inc. (ранее называвшаяся Erpi Classroom Films, Inc.), 1841 Broadway, New York 23, New York:

Molecular Theory of Matter [Молекулярная теория материи]

Electrons [Электроны]

Colloids [Коллоиды]

Вы можете взять эти документальные фильмы напрокат в отделе наглядного образования ближайшего от вас университета. Эти фильмы вызовут у вас большой интерес, если вы читали такие книги, как *The Evolution of Physics* [Эволюция Физики] Эйнштейна и Инфельда или *The Restless Universe* [Неугомонная Вселенная] Макса Борна, или хороший учебник по физике.

7. Слушание

А. Когда вы слушаете лекцию или речь по радио, обратите внимание на случаи, когда вы не соглашаетесь с говорящим. Спросите себя, (а) не придали ли вы определённому слову или фразе значение отличное от того, которое придавал говорящий, (б) не переборщили ли вы с обобщением – вывели из высказывания больше, чем говорящий в него вложил, (в) не предположили ли вы полноту

и завершённость своих знаний, или, по меньшей мере, их идентичность знаниям говорящего (возможно, говорящий владел информацией, которой не владели вы).

Б. Прослушайте какую-нибудь речь и запишите свои наблюдения в рамках относительной степени всеобъемлемости, выраженной говорящим. Ваши наблюдения стоит частично основывать на словах говорящего – употреблении *никогда*, *всегда*, *всецело* и т. д. – и частично на предполагаемом отношении говорящего к собственным высказываниям, особенно степени его уверенности, выраженной тоном, квалифицирующими фразами и т. д. Вы можете зафиксировать свои суждения с помощью шкалы, которую следует подробно описать. Как вариант, вы можете выразить свои суждения описательными терминами, указывая подробности в поддержку ваших основных высказываний.

В. Прослушайте речь и запишите свои наблюдения в рамках подробностей, которые говорящий опустил. Включите резюме то, что говорящий *не сказал*, но мог бы сказать в целях большей ясности, обоснованности и более эффективного охвата выбранной темы. Не пытайтесь составить исчерпывающий доклад и постарайтесь не скатываться в сутяжничество; проявите разборчивость, обратив внимание на те подробности, которые вы сочли наиболее важными.

Г. Перепрочтите с первого по шестой параграфы Главы XII, в которых мы обсуждаем абстрагирование на мёртвом уровне. После этого прослушайте речь и напишите краткий доклад с точки зрения (а) среднего уровня абстракции, представленного в речи (вы можете оценить его в относительном смысле, как значительно описательный или фактически подробный, умеренно таковой или относительно высоко-абстрактный); (б) вариативности уровней абстракции – частоты и степени, с которой говорящий варьировал уровень.

8. Поиск уловок

Изучите пьесу, фильм, политическую речь, рекламу по радио или статью в журнале, явно подготовленную в целях пропаганды, и напишите анализ техник, задействованных авторами, чтобы добиться желаемых эффектов. Какие конкретные отождествления они побуждают? Каким образом они пользуются либо-либо-ориентирующими высказываниями? Какими средствами они отводят внимание от подробностей, которые они предпочли опустить? Какие взгляды они пытаются продвинуть, и как они их подают? Какими способами авторы применяют технику этического доказательства или чревоущания (см. Главу IV)? Опишите иные приёмы влияния авторов в собственных целях на ваши оценки.

9. Наблюдение за языковыми реакциями

Воспользуйтесь доступным устройством для записи речи, чтобы эффективно пронаблюдать за своим языковым поведением. Запишите пять минут собственных рассуждений о себе, о другом человеке или о чём угодно значимом для вас. Говорите *так быстро, как можете*, поддерживая разборчивое произношение. После этого внимательно прослушайте запись с точки зрения общей семантики. Вы извлечёте больше пользы из этого упражнения, если предварительно перепрочтёте Главы I, XI и XII. Запись следует прослушать несколько раз, и перед каждым прослушиванием определяться с тем, на что вы хотите обратить внимание. Зафиксируйте письменно основные наблюдения, и не забудьте датировать каждую запись.

(Если вы не имеете доступа к звукозаписывающему оборудованию, вы можете сделать это упражнение в письменной форме. Пишите в течение пяти или десяти минут так быстро, как можете, а затем прочтите и перепрочтите написанное.)

10. Системы символов

Опишите систему символов, применяемую в каком-либо клубе, церкви, сообществе или любой другой известной вам организации. Укажите происхождение символов, их «значения», способы применения и привычно следующие на них ответы. Чем бы эта организация отличалась в отсутствие этих символов? Каких целей этой организации не удалось бы без них достичь? Как вы оцениваете важность этих целей в сравнении с целями, не обязательно требующими этих символов? Оцените эти системы символов и их применение относительно степени, в которой они побуждают в участниках интенциональное или экстенциональное ориентирование.

11. Применение экстенсиональных приёмов

А. Прочтите популярный журнал или редакционную полосу газеты от крупного издателя и обособьте кавычками те слова и фразы, которые кажутся вам элементиалистическими или те, которые выражают неоправданную проекцию личных или экстенсионально неподходящих оценок автора.

В том же материале вставьте *и т. д.*, где, как вы считаете, автор опустил важные подробности или альтернативы.

В том же материале впишите дату под словами, или в конце предложений, под которыми без даты подразумеваются неуместные обобщения.

В том же материале подпишите индекс (число 1) каждому слову или фразе, которые кажутся вам слишком широко объемлющими или неограниченными.

Прочтите материал ещё раз и попробуйте заменить подходящими терминами с дефисом те, которые вы обособили кавычками.

Б. Составьте описание на 100 слов, озаглавленное «Моё мнение о себе», пользуясь экстенсиональными приёмами во всех подходящих, на ваш взгляд, случаях, когда они помогают квалифицировать или повысить обоснованность ваших высказываний.

В. Поговорите пять минут с самим собой, или с сотрудничающим с вами другом, о человеке, который вам не нравится, или о неприемлемой для вас точке зрения; примените в ходе этого разговора экстенсиональные приёмы настолько эффективно, насколько можете.

Эти упражнения вы, конечно, можете повторить столько раз, сколько сочтёте полезным.

12. Не-вербальное абстрагирование

Подержите объект (пепельницу, карандаш или другой небольшой объект) в обеих руках и осмотрите его, не отрываясь. Как только вы заметите за собой вербализацию объекта, положите его. Поднимите его и снова постарайтесь остаться на немом уровне абстракции. Это следует практиковать с разными объектами, короткими промежутками времени каждый день на протяжении, по меньшей мере, одной или двух недель. Вы также можете заниматься этой практикой, когда смотрите на человека, на картину, слушаете музыку или смотрите игру. В этих случаях вы, естественно, не можете держать в руках то, что наблюдаете, поэтому вам стоит воспользоваться иной техникой: прежде чем начать наблюдать, скрестите руки, а когда начнёте вербализовать, распрямите их. Это упражнение эффективно покажет степень, в которой наблюдения поддаются влиянию вербализаций наблюдаемого.

13. Применение к конкретным проблемам

Организованным образом выскажите способы, которыми вы можете применить общую семантику к какой-либо проблеме или задаче, например: (а) преподавание природоведения в первом классе; (б) преподавание ораторского искусства первокурсникам колледжа; (в) преподавание родного языка второклассникам; (г) преподавание истории отечества старшеклассникам; (д) преподавание психологии первокурсникам колледжа; (е) собеседование кандидатов на должность в большом торговом комплексе; (ё) руководство группой детей, участвующих в исследовании; (ж) тренировка баскетбольной команды старшеклассников; (з) игра в гольф; (и) игра в бридж; (к) постановка школьной пьесы; (л) работа начальником цеха; (м) работа владельцем ресторана или другого бизнеса; (н) изучение изобразительного искусства или музыки; (о) разучивание танца; (п) ведение домашнего хозяйства.

Перед выполнением, следует перепрочсть, по меньшей мере, Главы с VII по X; в лучшем случае, стоит также повторить Главы V и VI. Вы можете представить это задание в форме схемы, но внести необходимые подробности в ключевые элементы. Стоит чётко указать самые важные цели, принципы и техники. Придать этому заданию значимости удастся, выполнив схему полностью и написав доклад об особых проблемах, с которыми пришлось столкнуться, и о полученных результатах.

14. Не-всеобъемлемость: относительность абстрагирования

А. Поместите чайную чашку на стол перед собой и обведите её по контуру карандашом. Затем переверните её набок и снова обведите. Продолжайте, пока не заполните лист бумаги контурами разных сторон чашки.

Какой рисунок *на самом деле* представляет чашку? Ответить на это мы можем, сказав, что чашка₁ не есть чашка₂: мы допускаем все рисунки как частичные представления того, что называем *чашкой*.

Теперь, на другом листе бумаги скомбинируйте любым способом целые линии или части линий из рисунков, которые вы сделали с помощью чашки. Не пытайтесь нарисовать «что-то»; не делайте ваш рисунок похожим на лошадь, дерево или знакомую геометрическую фигуру. Просто организуйте линии и части линий, относясь к структуре как к структуре. Обратите внимание на силу склонности создавать рисунок сообразно формам, включая формы знакомых вам объектов. Постарайтесь не поддаваться этой склонности. Работая осознанно, вы сделаете так называемый абстрактный рисунок.

Проведите эту процедуру ещё раз с целью сделать новый абстрактный рисунок из тех же линий.

Какой из этих рисунков мы можем отнести к абстракции из чашки? Обоснованно, но частично – обе.

Чтобы извлечь больше пользы из этого упражнения, прочтите статью Дженис В. Кент под названием “Improving Semantic Reactions Through Art Education” [«Развитие семантических реакций с помощью художественного образования»] (*Etc.*, 1944, Том I, № 4. сс. 225-228). Стимулирующему обсуждению релевантному этому заданию поспособствует книга *Language of Vision* [Язык Зрения] Гёорга Кепеша (со вступительными эссе С. Гидеона и С. И. Хаякава), от издателя Paul Theobald, Chicago, 1945.

Б. Встаньте на хорошо вам знакомый угол улицы. Постарайтесь изо всех сил представить, что вы стоите на углу улицы в другой стране (укажите её), которую вы никогда не посещали. Удержите эту точку зрения максимально, пока вы смотрите на здания, людей и происходящие на ваших глазах события, будто вы видите их впервые. Проведите так десять или пятнадцать минут. Опишите письменно этот опыт, обратив особое внимание на эффект принуждённой точки зрения на ваши наблюдения и интерпретации.

В. Начните с кем-нибудь разговор и в его ходе примите настолько серьёзно, насколько можете, предположение, что вы разговариваете с иностранным агентом, пациентом психиатрической больницы с бредовыми наклонностями, профессиональным мошенником, агентом службы государственной безопасности, ведущим в отношении вас следствие, или кем-либо ещё. Обратите внимание на все наблюдаемые вами свидетельства, которые, по-видимому, подтверждают это предположение.

Через десять или пятнадцать минут разговора резко поменяйте «роль» вашего собеседника на какую-нибудь сильно отличную от предыдущей (укажите конкретную роль). Снова пронаблюдайте подробности свидетельств, которые, по-видимому, подтверждают новое предположение.

Опишите эффекты ваших предположений, произведённые на ваши наблюдения.

Полезным вариантом этого задания, чтобы оно обострило понимание «расовых» проблем, послужит разговор и наблюдение незнакомца с учётом периодического предположения, что с вами разговаривает, например, еврей. Если вы сделаете это осознанно, то сможете заметить важные отличия в ваших наблюдениях незнакомца и реакциях на него в зависимости от того, какое предположение о нём вы принимаете на данный момент разговора. Степень отличий послужит грубым показателем крайности ваших взглядов на «евреев». Выполнение этого упражнения несколько раз поспособствует переменам в ваших взглядах и, возможно, даже поможет избавиться от склонности оценивать индивидуумов в рамках категории «еврей».

Упражнение общего типа, составленного для демонстрации относительности абстрагирования и не-всеобъемлющего характера абстракций, вы можете выполнять множеством разных способов.

15. Одномоментные реакции

В предшествующих заданиях мы привели относительно конкретные применения общей семантики. В этом – мы обратим внимание на одномоментные применения, не указывая ничего конкретного.

Вам стоит уделить короткие периоды времени не длиннее пяти или десяти минут два или три раза в день и воспользоваться ими, чтобы поступать согласно принципам, которые мы обсудили в этой книге, особенно в Главах с VII по X. Вам следует применять эти принципы активно как в ваших вербальных, так и не-вербальных реакциях, в любых обстоятельствах, сложившихся в эти особые периоды времени. Начать стоит со сфокусированной практики одного принципа. Со временем вы можете увеличить длительность периодов, но не практиковаться интенсивно дольше тридцати минут.

Следует вести записи своих наиболее интересных успехов и неудачах в применении принципов в периоды интенсивной практики. Ценность выполнения этого задания может увеличить инструктор, которому вы могли бы периодически показывать свои записи за советом и конструктивной критикой.

16. И т. д.

Не стоит предполагать, что каждый человек, взявшийся за эти задания, выполнит их одинаково или с одинаковыми результатами. Каким-то индивидуумам некоторые задания принесут больше пользы, чем другие. Их стоит рассматривать как ориентиры. Любой заинтересованный человек может придумать множество дополнительных способов применения принципов и техник, и культивации экстенционального подхода к ситуациям, проблемам и задачам.

Другие ориентиры вы сможете найти в следующих ниже источниках, а также в *Текстах со Второго Американского Съезда по Общей Семантике* [*Papers from the Second Congress of General Semantics*] и текущих выпусках журнала *Etc.*

CHISHOLM, FRANCIS P. *Introductory Lectures on General Semantics*. Chicago: Institute of General Semantics, 1944.

HAYAKAWA, S. I. *Language in Action*. New York: Harcourt, Brace & Company, Inc., 1941.

KENT, JANICE V. "Semantic Reactions in Art Education," *Etc.*, 1944, Vol. 1, No. 4, 225-228.

KEPES, GYORGY. *Language of Vision*. Chicago: Paul Theobald, 1945.

KORZYBSKI, A. *Science and Sanity*. Lancaster, Pa.: The Science Press, 1st ed., 1933, 2nd ed., 1941. (See especially Chapter XXIX.)

LEE, IRVING H. *Language Habits in Human Affairs*. New York: Harper & Brothers, 1943.

MOORE, WILBUR E. "New Patterns for Debate," *Etc.*, 1944, Vol. 1, No. 4, 258-261.

MURRAY, ELWOOD. *The Speech Personality*. Philadelphia: J. B. Lippincott Company, rev. ed., 1944.

RAPAPORT, ANATOL. "Newtonian Physics and Aviation Cadets," *Etc.*, 1944, Vol. 1, No. 3, 154-164.

RUTAN, EDWARD J., and NEUMAYER, E. NGELBERT, J. "Something New in Teaching Grammar," *Etc.*, 1944, Vol. 1, No. 4, 261-263.

Приложение

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Это приложение я написал для читателей с вопросами о возможностях экспериментов или исследований, к которым общая семантика служит ориентиром. Программу исследований я оформил в виде схемы. Стоит сразу указать на ограниченность её диапазона, и на то, что она не представляет каким-либо образом все проблемы, процедуры и интересы общей семантики. Я представил её лишь как один пример более или менее интегрированной программы научного исследования, отправную точку для которой я нашёл в общей семантике, связанной каким-то образом с проблемами, которым мы уделяем в ней особое внимание. Ценность этого приложения заключается, прежде всего, в предложенных возможностях дальнейших исследований.

Общая проблема

Общую важность языка как отличительно человеческой формы поведения и как базового фактора в личных и социальных проблемах признают широко.¹ Эффективное научное исследование такого поведения зависит от разработки высоконадёжных разборчивых мер, применяя которые мы могли бы систематически наблюдать за данными аспектами языкового поведения в их отношении друг к другу и к другим переменным. С помощью таких мер мы могли бы сформулировать и протестировать значимую, поддающуюся проверке гипотезу, а также накопить массив надёжной информации.

Конкретные задачи

В предложенной программе исследования ставятся следующие цели:

1. Разработать надёжные и разборчивые меры для определённых аспектов языкового поведения.
2. Определить степень, в которой получившиеся меры состоят во взаимной связи.
3. Определить степень взаимосвязанности между этими мерами и другими актуальными переменными во влияниях среды, физиологических условиях, интеллекте и адаптированности личности.
4. Применить меры к широко охватывающему исследованию развития языка.
5. Определить степень, в которой измеренное языковое поведение поддаётся модификациям в указанных условиях.
6. Определить степень, в которой модификация в языковом поведении связывается с модификациями в других аспектах поведения или адаптации.
7. Указать нормальные характеристики языкового развития и языкового поведения, а также разновидности расстройств или аномалий в таком поведении с точки зрения применённых мер.

Типы мер языка

Мы не станем предпринимать попытки представить здесь разбор литературы, описывающей теории и эксперименты, связанные с проблемами, на которые мы направляем данную программу. Нам хватит сказать, что авторы работ, охвативших данную область, привели множество процедур, которые следует задействовать; некоторые из них в своих подготовительных исследованиях предложил я. Широко охватывающий разбор исследований в области языкового поведения опубликовал Сэнфорд.² Мы предлагаем исследовать следующие меры языка:

1. W. Johnson, *Language and Speech Hygiene*. Gen. Semantics Monogr., No. 1, Chicago: Institute of General Semantics, 2nd ed., 1941; A. Korzybski, *Science and Sanity, An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics*. Lancaster, Pa.: The Science Press, 2nd ed., 1941; F. H. Sanford, "Speech and Personality," *Psychol. Bull.*, 1942, 39, 811-845; G. K. Zipf, *The Psychobiology of Language*. Boston: Houghton Mifflin Company, 1935.

2. Sanford, *цит. соч.*

Типо-знаковое соотношение (ТЗС). Этим мы мерим «гибкость» или вариативность словаря, чтобы сделать заключения о некоторых аспектах языковой адекватности, выраженной соотношением разных слов (типов) к остальным словам (знакам) в данном языковом образце. Если, сказав 100 слов (знаков), индивидуум использовал 64 разных слова (типа), его ТЗС составит .64. Для того чтобы разработать наиболее надёжную и разборчивую форму ТЗС, его следует подсчитывать в языковых образцах следующими способами:

а. С учётом всех слов, сказанных или написанных данным индивидуумом или в данном языковом образце; отдельно с учётом слов, представляющих разные грамматические категории; с учётом слов в разных категориях частоты, например, наиболее часто используемые 500 слов, следующие наиболее часто используемые 500 слов и т. д., определённые согласно опубликованным результатам подсчётов Торндайка,³ Хорна⁴ и других или согласно результатам подсчётов, проведённых для данного исследования и т. д.

б. Различными статистическими или математическими процедурами:

Суммарный ТЗС, подсчитанный по всему языковому образцу. ТЗСы образцов разных величин не удаётся сопоставлять напрямую из-за того, что они обычно инверсно варьируются размером образца. Знание о точном характере этого инверсного отношения может позволить сопоставлять напрямую ТЗСы образцов разной длины с помощью таблицы поправок; пригодность такой таблицы следует проверить. Исследование, которое провёл Дж. У. Клотос,⁵ проливает некоторый свет на эту проблему.

Средний посегментный ТЗС. ТЗСы образцов разных величин удастся привести к сравнимости, разделив каждый образец на сегменты подобного размера, например, по 100 слов каждый, и подсчитав ТЗС каждого сегмента, после чего вывести среднее значение посегментного ТЗС каждого образца. Мы можем позволить себе предположить, что такие посегментные ТЗС получится сравнить напрямую, если они представляют сегменты равного размера; это также означает, что мы можем напрямую сравнивать средства таких посегментных ТЗС. Результаты, полученные при использовании сегментов разных величин – сегменты по 100 слов, по 500 слов и т. д. – следует сравнивать, чтобы определиться с размером сегментов, дающих наиболее надёжный и разборчивый средний посегментный ТЗС. Эту проблему рассматривает Клотос в вышеупомянутом исследовании.

Кривая накопительного ТЗС. Кривую накопительного ТЗС по данному языковому образцу мы можем построить, высчитав последовательные ТЗСы приращениями к образцу. Например, накопительный ТЗС образца на 1000 слов мы построим следующим образом: значения ТЗС мы представим на оси ординат, а количество слов оси абсцисс. За значения на оси абсцисс мы можем взять единицы в одно слово, 10 слов, 100 слов и т. д., по желанию. Если взять за единицу одно слово, ТЗС на 1000 мы высчитаем построением накопительной кривой образца на 1000 слов; если единица составляет 10 слов, мы высчитаем ТЗС на 100; если единица составляет 100 слов, мы высчитаем ТЗС на 10 и т. д. Соответственно, если мы взяли за единицу 10 слов, то первое значение представляет ТЗС первых 10 слов образца, второе представляет ТЗС первых 20 слов, третье – первых 30 и т. д. Уравнение для полученной кривой составил Клотос. В базовом виде, в этой проблеме мы имеем дело с отношением между D (количеством разных слов, или типов) и N (количеством слов, знаков) в данном образце. Этой проблеме уделили внимание Зипф,⁶ Кэрролл⁷ и Скиннер.⁸ Релевантные данные, представленные Клотосом, позволяют заключить степень, в которой отношение D к N обещает средства прогнозиро-

3. E. L. Thorndike, *The Teacher's Word Book*. New York: Teachers College, Columbia University, 1921.

4. E. Horn, *A Basic Writing Vocabulary: 10,000 Words Most Commonly Used in Writing*. Monogr. in Educ., No. 4, Iowa City: University of Iowa Press, 1926.

5. J. W. Chotlos, "Studies in Language Behavior: IV. A Statistical and Comparative Analysis of Individual Written Language Samples," *Psychol. Monogr.*, 1944, 561 75-111. This study was carried out with the technical assistance of Dr. Don Lewis

6. Zipf, *цит. соч.*

7. J. B. Carroll, "Diversity of Vocabulary and the Harmonic Series Law of Word-Frequency Distribution," *Psychol. Rec.*, 1938, 2, 379-386.

8. B. F. Skinner, "The Distribution of Associated Words," *Psychol. Rec.*, 1937, 1, 71-76.

вания словаря в том смысле, что значение D для данного N даёт основание прогнозировать D указанного N большей величины.

Убывающая кривая ТЗС. Предположим, что мы делим образец в 1000 слов на сегменты по 100 слов. Мы высчитываем ТЗС первого сегмента. Затем мы находим число разных слов во втором сегменте, которые не встречались в первом сегменте – иными словами, число *новых* типов, задействованных впервые во втором сегменте. Потом мы высчитываем ТЗС делением этого числа – не числа типов, а числа *новых* типов – на 100 – числа знаков во втором сегменте. Таким же образом, ТЗС третьего, четвёртого и каждого из остальных сегментов мы можем высчитать разделением количества знаков – в каждом случае 100 – на число *новых* типов, появившихся в образце впервые в рассматриваемых сегментах. Мы можем ожидать, что полученная кривая этих последовательных посегментных ТЗСов покажет более пологое понижение в сравнении с накопительной кривой ТЗС. Мера, представляющая это понижение интересует нас особенно. Она представляет темп снижения употребления новых типов – темп, с которым индивидuum «исчерпывает» свой словарь в ходе создания языкового образца. Убывающее ТЗС представляет прямым количественным способом один аспект языкового развития по применению к языковым образцам, собранных последовательно у одних и тех же детей. Убывающее ТЗС представляет собой первую производную накопительной кривой ТЗС, поэтому нам не придётся подгонять кривую к убывающим данным ТЗС, если мы уже высчитали накопительную кривую ТЗС.

Частоты типов. Под простой, объективной языковой мерой мы подразумеваем такую, какой выражаем частоту употребления каждого отличного слова, или типа. Такие частоты, данные о которых привели Торндайк,⁹ Хорн¹⁰ и другие, применяются, в основном в составлении школьных книг для чтения, сборников упражнений по правописанию и т. д. Эти данные удаётся применять иными очевидными способами. Мы можем рассматривать частоты типов, основанные на языковых образцах, используемых в настоящей программе, как представители норм языкового поведения. В прошлых исследованиях целью, по-видимому, ставили просто определить относительную частоту употребления каждого слова, и в некоторых случаях проявляли особый интерес словам, использованным с особенно высокой частотой. Главная задача настоящей программы в этой связи, в некотором роде, отличается. Мы, прежде всего, хотим выяснить индивидуальные и групповые отличия в относительной частоте употребления определённых типов слов. Мы можем определить (а) изменения в частоте типов, характеризующие языковое развитие; (б) характеристики частоты типов языка особых групп, особенно те, которые позволяют отличить одну группу от другой, например, шизофреников от нормальных субъектов, учёных от писателей и т. д.; (в) особые частоты типов, значительно коррелирующие с другими переменными, такими как интеллект, эмоциональная стабильность, уровень образования и т. д. Мы можем уделить внимание следующим типам слов (и другим, которые сочтём полезными):

- а. Слова, которыми говорящий ссылается на самого себя
- б. Количественные термины (точные численные слова)
- в. Псевдо-количественные термины (слова, приблизительно указывающие на количество, размер и т. д., такие как много, очень и т. д., используемые в качестве квалификаторов других псевдо-количественных терминов в таких выражениях как «очень много»)
- г. Всеобъемлющие термины (термины превосходной степени или выражающие крайность, такие как никогда, всегда, всё, никто, все и т. д.)
- д. Слова, выражающие отрицательную оценку, такие как нет, не [делай] и т. д., и ужасный, неудовлетворительный и т. д.
- е. Слова, выражающие положительную оценку
- ё. Квалифицирующие термины (слова, квалифицирующие или ограничивающие высказывания, такие как кроме, но, однако, если и т. д.)

9. Thorndike, *цит. соч.*

10. Horn, *цит. соч.*

ж. Термины, указывающие на осознанность проекции (такие слова как по-видимому, как будто, на мой взгляд и т. д. Обращая внимание на последние два примера, в целях такого анализа, придётся принимать некоторые фразы как одиночные слова. Мы можем ожидать, что то, что мы называем «закрытым разумом» или догматичными взглядами, характеризуется языком, в котором таких терминов относительно недостаёт.)

Мы можем высчитать и оценить значимость соотношений любого вышеуказанного типа слов с любым другим типом в данных языковых образцах и ожидать, что соотношение терминов, указывающих на осознанность абстрагирования к, например, «всеобъемлющим» терминам, позволит теоретически и практически значимо отличать индивидуумов и группы в рамках изучения личности.

Мы можем определить частоту употребления грамматических типов слов – имён существительных, имён прилагательных, глаголов, наречий и т. д. – а также соотношения существительных к прилагательным, прилагательных к глаголам, глаголов к наречиям, существительных к глаголам, прилагательных к наречиям и т. д., и соотношения этих четырёх типов ко всем остальным словам. Мы можем ожидать, что с развитием языка, относительная частота, в особенности существительных, а также глаголов снижается в отношении относительной частоты прилагательных и наречий. Степень, в которой мы можем воспользоваться этими и другими возможными отношениями в качестве мер языкового развития, а также мер индивидуальных и групповых отличий, следует выяснить. Бьюсман¹¹ и Боудэр¹² использовали коэффициент прилагательных-глаголов, чтобы указать определённые типы личностных отличий и чтобы дифференцировать письменные языковые образцы. Сэнфорд¹³ написал о личностном исследовании, в котором применяли эту и другие связанные меры. В настоящем ряде исследований задействуются анализы в этой общей связи. Ман¹⁴ применяла коэффициент прилагательных-глаголов, а также коэффициенты прилагательных-существительных и наречий-глаголов в своих сравнительных исследованиях письменного языка пациентов-шизофреников и университетских студентов-первокурсников. Фэйрбэнкс¹⁵ провёл исследование относительных частот употребления разных частей речи, сравнивая устный язык пациентов-шизофреников и первокурсников университетов. Клотос¹⁶ представил похожие данные с точки зрения типов и знаков, соответственно; он также представил значения ТЗС для существительных, глаголов, прилагательных и наречий, соответственно, письменных языковых образцов, собранных у школьников из штата Айова.

Пропорциональный словарь. Сколько разных слов или типов составляют 25, 50 или 75 процентов данного языка? Фэйрбэнкс собрал устные образцы по 30.000 слов у пациентов-шизофреников и «успевающих» первокурсников университетов, соответственно. У первокурсников всего 46 разных слов или типов составили 50 процентов образца на 30.000 слов, а у пациентов-шизофреников этот показатель составил 33 типа. Это впечатляет сильнее, если сказать, что у пациентов-шизофреников приблизительно 0,1 от 1 процента слов составили 50 процентов от всего образца. Одно чаще всего употребляемое шизофрениками слово, я, составило 8,3 процента от всех 30.000 слов.

Мы можем проанализировать образец на, скажем, 1000 слов так, чтобы получить следующую кривую: на оси абсцисс мы представим процентные величины, соответствующие числу знаков. Предположим, что 100 знаков составляют 10 процентов от образца на 1000 слов; эти 10 процентов и другие процентные величины, высчитанные таким образом, мы представим на оси абсцисс. Другие процентные величины мы расположим на оси ординат; эти процентные величины соответствуют числам типов. Предположим, что 10 типов составляют 1 процент от общего количества в тысячу знаков; этот один процент и другие процентные величины, высчитанные таким образом, мы представим на оси ординат. Кривая отношения между этими двумя множествами процентных величин, сложится из то-

11. A. Busemann, *Die Sprache der Jugend als Ausdruck der Entwicklungsrhythmik*. Jena: Fischer, 1925.

12. D. P. Boder, "The Adjective-Verb Quotient: A Contribution to the Psychology of Language," *Psychol. Rec.*, 1940, 3, 310-343.

13. F. H. Sanford, "Speech and Personality: A Comparative Case Study," *Character & Pers.*, 1942, ip, 169-198.

14. M. B. Mann, "Studies in Language Behavior: III. The Quantitative Differentiation of Samples of Written Language." *Psychol. Monogr.* 1944, 56, 41-74.

15. H. Fairbanks, "Studies in Language Behavior: II. The Quantitative Differentiation of Samples of Spoken language." *Psychol. Monogr.*, 1944, 56, 19-38.

16. Chotlos, *цит. соч.*

чек, выражающих вышеупомянутые значения: у пациентов-шизофреников 0.1 от 1 процента слов (эта процентная величина представляет типы) составила 50 процентов от образца (эта процентная величина представляет знаки). Отношение, показанное этой кривой, мы можем выразить математически и задаться вопросом о том, удастся ли этим воспользоваться в качестве основы для сопоставления разных языковых образцов или сопоставления любого данного образца с нормой или стандартным образцом. Мы также можем выразить обсуждаемое отношение в рамках рейтинга и частоты. Иными словами, кривая, построенная по частотам слов как функции рейтинга, при том что наиболее часто употребляемое слово имеет самый низкий показатель рейтинга – 1, альтернативным способом представляет то же явление, которое мы обсуждаем здесь с точки зрения пропорционального словаря.¹⁷

Словарь стандартной частоты. Подсчётами слов, опубликованными ранними исследователями, а также теми, которые следует провести в рамках настоящей программы, удастся воспользоваться отдельно или собрать вместе с целью определить значение рейтинга стандартной частоты употребления каждого включённого в них слова. Такие значения рейтинга представляли бы относительную частоту, с которой каждое слово употребили в языковом образце – предположительно, основываясь на более или менее представительной группе населения индивидуумов – с точки зрения не собственно числа раз, которое употребили слово, а с точки зрения их рейтинга. Таким образом, наиболее часто употребляемое слово имело бы число рейтинга 1, следующее наиболее часто употребляемое слово имело бы число рейтинга 2 и т. д.

С помощью получившейся таблицы чисел рейтингов удастся оценить любой данный языковой образец, учитывая число рейтинга каждого содержащегося в нём слова (знака) и высчитывая среднее значение этих чисел рейтингов. Чем ниже окажется среднее значение образца, тем больше в нём найдётся относительно часто употребляемых людьми слов. В этом случае мы можем сказать, что это число рейтинга языкового образца представляет задействованный в нём «словарь стандартной частоты». Мы можем оправданно ожидать, что в языковом развитии эта мера возрастет и послужит ориентиром дифференциации индивидуумов и групп.

Эту меру удастся привести к менее точной, но почти столько же адекватной, форме в рамках чисел рейтингов стандартной частоты на основе категорий. Конкретно, мы можем присвоить первым 100 наиболее часто употребляемым словам число рейтинга 1, вторым 100 наиболее часто употребляемым словам число рейтинга 2 и т. д. Статистическим анализом мы выявим преимущества в классах или категориях неравных величин, помещая, например, более часто употребляемые слова в группы поменьше, а менее часто употребляемые в группы побольше, или наоборот, скажем, варьируя число слов в группе в некотором отношении к частоте их употребления. Сравнение результатов, от применения разных форм меры позволит определить относительную пользу от каждой.

Вербальный продукт. Вербальный продукт индивидуума служит выражением очень простой меры языкового поведения. Индивидуальные отличия и внутри-индивидуальные вариации в отношении вербального продукта представляются очевидными. Их значимость в отношении разных аспектов личной и социальной адаптации пока не исследовали достаточно тщательно или систематически. Мы хотим включить попытку пойти в этом направлении в настоящую программу.

Мы не пользуемся этим термином в качестве синонима темпа или скорости речи, а обозначаем им вербальный продукт при относительно оптимальных условиях. Мы также, конечно, можем выражать вербальный продукт в рамках темпа или скорости.

Эта мера может выражать число слов, сказанных или написанных за единицу времени или в ответ на указанный стимул при стандартных условиях. Она также может выражать пропорцию единицы времени, за которую индивидуум производит устный или письменный язык. Например, мы можем сравнить двух индивидуумов, оставив их вместе на один час и записав (а) время говорения каждого, (б) общее количество слов, сказанных каждым и (в) вербальный продукт каждого относительно количества слов, сказанных за минуту. Стоит заметить, что эти меры отличаются от меры *темпа* вербального продукта *во время говорения*. Мы, конечно, могли бы заинтересоваться корреляцией такой меры темпа с другими мерами вербального продукта.

17. См. Zipf, *цит. соч.*

Длина слов. Учитывая, что исследования Зипфа¹⁸ показывают отрицательную корреляцию с частотой употребления, – более короткие слова употребляются чаще – мы не планируем включать в значимой степени такие меры как длина слов в настоящую программу. Мы, однако, упомянем, что представим использованные данные в таблицах таким образом, чтобы позволить себе провести исследование длины слов, если полученные результаты укажут на его целесообразность. Мы считаем это строго объективной и надёжной мерой.¹⁹

Длина предложений. Длина предложений как мера представляет серьёзные операциональные трудности в исследовании устного языка, но может оказаться в общем удовлетворительной в анализе письменного языка. Мы планируем включить её в анализ, по меньшей мере, отобранного набора образцов письменного языка.

Особые типы тестов языкового поведения

Показатель экстенционального согласия (ПЭС) выражает степень согласия между n людьми в определении данного термина экстенционально – указанием или предъявлением каким-либо образом действительных объектов, явлений и т. д., на которые термин служит ссылкой.²⁰ Таким образом, поведение, на измерение которого мы направляем ПЭС, составляет не столько наблюдение, сколько соотнесение слов с фактами. ПЭС может принимать численные значения от 0.0 до 1.0. 0.0 представляет отсутствие согласия, а 1.0 – максимально возможное согласие между n людьми в том, как они соотносят или применяют данное слово в качестве ярлыка к действительности. Его теоретическая и практическая значимость заключается в том, что он позволяет оценить не только показатель соответствия или отклонения от экстенционального применения слов человеком, но также меру степени, в которой мы можем считать любой данный термин проверяемым, экстенциональным или операциональным – или размытым. Если в высказывании «Люди, страдающие заиканием – психоневротики» мы оцениваем ПЭС термина *психоневротики* в .18, то мы не считаем это высказывание поддающимся надлежащей проверке или фактически значимым, потому что n людей пришли бы к значительному несогласию относительно того, что они могли бы пронаблюдать, чтобы проверить обоснованность этого высказывания. ПЭС, таким образом, даёт средства количественного выражения до определённой степени понятий, представляемых терминами *поддающийся проверке, операциональный* и т. д.

ПЭС высчитывается несколькими способами. Татл²¹ в исследовании для настоящей программы продемонстрировал множество способов вычисления такой меры экстенционального согласия.

$$ПЭС = \frac{x}{y}$$

В базовой формуле выше x представляет число случаев достижения согласия, а y – максимально возможное число случаев достижения согласия. ПЭС представляет долю максимально возможного числа случаев достижения согласия, произошедших в данном случае.

Например, представьте четыре разные картины и 10 разных человек, каждого из которых мы попросим применить ярлык *самая артистичная* к одной из них. Предположим, что этот ярлык применили к картине А три человека, к картине Б – один человек, к картине В – пять человек и к картине Г – два человека. У нас бы сложилось совершенное согласие, если бы все 10 человек применили этот ярлык к одной картине. Соответственно, мы оцениваем число случаев согласия между 10 людьми, которые бы произошли при этих условиях, как максимально возможное число случаев согласия.

Мы устанавливаем это число с помощью формулы $(n-1).5n$; учитывая, что $n=10$, максимально возможное число случаев согласия составляет $9 \times 5 = 45$. Количество случаев, когда удалось прийти к согласию, мы вычисляем так: 3 человека, применивших ярлык к картине А, согласились три раза,

18. Там же

19. O. M. Skalbeck, A Statistical Analysis of Three Measures of Word Length. MA. Thesis, Iowa City: University of Iowa, 1938

20. Эту меру представил и кратко обсудил Джонсон, *цит. соч.*

21. C. E. Tuthill, A Quantitative Study of Extensional Meaning with Special Reference to Stuttering. Ph.D. Thesis, Iowa City: University of Iowa, 1939.

потому что когда $n=3$, $(n-1).5n=3$. В рамках используемой нами техники вычисления ПЭС в отношении картины Б согласий не состоялось. Согласно формуле $(n-1).5n$, в применении ярлыка к картине В произошло 10 случаев достижения согласия и один в применении ярлыка к картине Г. В итоге согласия удалось достичь в 14 случаях. Следовательно, $ПЭС=14/45=.31$, что мы можем интерпретировать как количество достигнутых согласий составило 31 процент от максимально возможного количества.

Мы привели простой пример, чтобы продемонстрировать, как работает базовая формула, а теперь покажем важную модификацию базовой формулы на другом примере. 9 июля 1939 года Американский институт общественного мнения опубликовал в газетах результаты опроса, в котором каждого из нескольких тысяч человек попросили применить один из ярлыков – *консерватор*, *либерал* и *радикал* – к каждому из десяти известных американцев.²² Результаты представили долями процентов в таблице ниже. Эти цифры представляют только реакции людей, «которые знали или имели некоторое представление о терминах, когда позже их прямо спросили что эти слова значили».

	Консерватор	Либерал	Радикал
Хопкинс	4	55	41
Рузвельт	1	62	37
Ла Гуардия	8	64	28
Фарли	13	63	24
Дьюи	45	47	8
Халл	51	46	3
Геймер	64	32	4
Вандерберг	67	29	4
Тафт	86	13	1
Гувер	92	5	3

Пользуясь этими данными, мы можем вычислить ПЭС каждого из трёх терминов. Процедура, которой мы воспользуемся, отличается в трёх важных отношениях от использованной в примере с четырьмя картинками. Во-первых, в первом примере каждый из 10 человек мог применить только один ярлык только к одному из четырёх возможных денотатов. В текущем случае мы имеем три ярлыка, каждый из которых участники могли применить к каждому из десяти денотатов. Во-вторых, в первом примере ярлык применяли 10 участников, а в этом – тысячи; а также числа преобразовали в процентные доли. Мы воспользуемся этими процентными долями вместо чисел, чтобы вычислить ПЭСы. В формуле $(n-1).5n$, n представляет 100 в вычислении максимального возможного числа случаев согласия. В-последних, вместо того чтобы предполагать, как в первом примере, что согласия происходят, только когда ярлыки применяются, но не когда они не применяются, мы предположим, что как применение ярлыка, так и отказ его применять могут предполагать согласие. Применив это предположение, чистое число согласий, допустимое при применении и не-применении данного ярлыка к данному денотату, мы можем высчитать следующим образом: пусть x = числу тех, кто применят ярлык, а $n-x$ – числу тех, кто его не применяет. Число случаев согласия среди тех, кто применяет ярлык, мы находим по формуле $(x-1).5x$. Подобным образом, число случаев согласия среди тех, кто не применяет ярлык, равняется $(n-x-1).5(n-x)$. Чистое число случаев согласия находится простым вычитанием меньших значений из больших. ПЭС находится делением этого *чистого* числа на максимальное возможное число случаев согласия. Таким образом,

$$ПЭС = \frac{\frac{(n-x-1)(n-1)}{2} - \frac{(x-1)x}{2}}{\frac{(n-1)n}{2}} = \left| \frac{2x-n}{n} \right|$$

22. Материал, на котором основывается настоящее обсуждение публиковался под авторским правом Американского Института Общественного мнения в *Des Moines Register*, July 9, 1939.

Таким способом мы вычисляем ПЭС каждого данного термина для каждого денотата, а ПЭСы термина для различных денотатов (в настоящем случае – 10) мы усредняем. Мы получаем следующие результаты для термина *либерал*

	Либерал	
	% Применение	$\left \frac{2x-n}{n} \right $
	ярлыка	
Хопкинс	55	.10
Рузвельт	62	.24
Ла Гуардия	64	.28
Фарли	63	.26
Дьюи	47	.06
Халл	46	.08
Геймер	32	.36
Вандерберг	29	.42
Тафт	13	.74
Гувер	5	.90
Среднее	ПЭС	.34

Полученное число случаев согласия составило, в среднем, всего 34 процента от числа, представляющего полное согласие об экстенциональном значении слова *либерал*, применённого или не применённого к 10 перечисленным людям, предположительно, случайной группой людей, опрошенных организацией Гэллапа летом 1939 года. Термин *либерал*, в случаях его применения к Хопкинсу, Дьюи и Халлу, оказался практически бессмысленным; относительно того, подходили эти люди в качестве денотатов для этого термина или нет, согласия вообще не состоялось. Показатель согласия, однако, оказался относительно высоким относительно того, что Тафта и Гувера не следует обозначать *либералом*. Средний ПЭС составил .58 для консерватора и .69 для радикала.

Доктор Джордж Гэллап, под именем которого этот опрос появился в прессе, конечно, не сообщал о своих результатах в контексте этих ПЭСов. К тому же, он сказал, что результаты опроса показали, «как американские избиратели – *правильно или неправильно* – классифицируют выдающихся людей из политической жизни Соединённых Штатов». [Курсив добавил я.] Слова *правильно или неправильно* наводят на мысль, что существует «правильный» и «неправильный» способы применения такого ярлыка как *либерал*, и что такой термин каким-то образом обладает внутренне присущим «значением», предположительно известным кому-то где-то какими-то средствами, отдалённым от, и более обоснованным, чем экстенциональные значения, приписываемые ему теми людьми, которые активно соотносят его с разными денотатами. По-видимому, по меньшей мере, с экстенциональной точки зрения, «правильное» или «неправильное» здесь места не имеют, кроме как в том смысле, в котором человек, рассматривая эти вопросы, предполагает «правильность» взглядов большинства. Так или иначе, этим опросом доктор Гэллап предпринял весьма амбициозную попытку установить голосованием экстенциональные значения группы слов. ПЭСы, вычисленные на основе его результатов дают возможность достаточно точно измерить размытость или фактическую значимость некоторых из наших важных политических терминов.

Полученные ПЭСы позволяют взглянуть на процессы политических разногласий изнутри, а также указывают на одну из основных проблем, связанных с социальной организацией. ПЭС .34 термина *либерал* позволяет предположить, что такое высказывание как «Америке требуется (или не требуется) либерал в Белом Доме» стоит оценивать как в сущности «лирическое». Замечание «Тот человек – либерал» не описывает того человека. Большей частью оно просто служит заявлением об одном из способов, которым говорящий предлагает применять слово *либерал*, что говорит нам больше о том или ином аспекте языкового поведения говорящего. Если мы знаем ПЭС слова, который высчитали на основе таких адекватных данных, которые, например, представил доктор Гэллап, то мы знаем что-то весьма точное и значимое о языковом поведении употребившего его говорящего

или пишущего, особенно если он не подаёт признаков осознанности ограничений этого слова в его применении в качестве описательного, которые подразумеваются под ПЭС. Описательная применимость слова, при том что его ПЭС составляет .34, скорее всего упирается в такие ограничения, что становится по существу денотативно бессмысленным во множестве контекстов. Его стоит считать во многих случаях не более, чем звуком или чернильным пятном на бумаге, и значимым только как симптом невро-семантического состояния говорящего или пишущего. Иными словами, мы извлекаем больше информации, рассматривая его не столько как язык, сколько как поведение; он символизирует говорящего в большей мере, чем он символизирует то, о чём говорящий, по-видимому, говорит.

Мы отвели столько места под обсуждение ПЭС, чтобы прояснить не только основные действия в его вычислении, но и некоторые из его последствий. ПЭС какого-либо термина, вычисленный по данным, полученным при адекватных условиях, указывает на одну из важнейших характеристик применения слов – относительно точную степень, в которой мы можем считать слова фактически значимыми или размытыми.

Чтобы применять эту меру, требуется вычислять её по данным, полученным при известных и чётко обозначенных условиях; кроме того, конкретная форма основной формулы, используемой для вычисления, отличается в зависимости от цели исследования. В подготовке к настоящей программе пришлось разработать тест для определения ПЭСов для нескольких терминов во множестве разных условий. Прделанная до текущего момента работа позволяет заключить относительно высокую ожидаемую надёжность такого теста и отсутствие неразрешимых проблем. Данные, полученные с его помощью, позволяют выявить отличия между словами, индивидуумами и группами. На сегодняшний день, исследования провели Галлант, Ноч и Мур; всесторонний анализ собранных ими данных провёл Ван Дюзер. Эти исследования я включил в список в конце этого приложения.

В этом тесте субъекту дают слово в стандартном контексте, например в высказывании: «Укажите на изображения с людьми, которые делают что-то *хорошее*». Субъект указывает на изображения, из набора стандартных изображений, на которых видит то, что для него представляет денотаты термина *хорошее* относительно того, как его применяет он. Каждое изображение в наборе заранее нумеруют, а номер каждого изображения, на которое указывает субъект, записывают. На основе полученных таким образом от каждой группы субъектов данных высчитывают ПЭС каждого слова в тесте, как это сделали с данными опроса Гэллага на предыдущих страницах.

В рамках настоящей программы Дж. Уилсон и я²³ провели исследование, в котором студенты-выпускники и преподаватели психологии экстенционально определяли, ссылаясь на список высказываний, взятых из текстов по психологии, термины *закон*, *теория* и *гипотеза*. Средние ПЭСы составили .62 для термина *закон*, .40 для термина *теория* и .28 для термина *гипотеза*.

Показатель экстенсиональной синонимии (ПЭСин). ПЭСы представляют относительную степень размытости употребляемых слов. Обращаясь с данными тестов иными способами, мы можем получить информацию двух других типов, представленную показателем экстенсиональной синонимии (ПЭСин) и показателем экстенсионального конформизма (ПЭК). Записывая процент всех субъектов, которые указывают на каждое изображение или другие типы денотатов, в определении каждого слова, мы можем измерить степень синонимии между двумя любыми словами. В следующей формуле

$$ПЭСин = \frac{c}{\sqrt{xy}}$$

с представляет процент субъектов, указывающих на данное изображение при определении обоих из двух данных слов, а *x* и *y* представляют проценты субъектов, указывающих на изображение при определении каждого из двух слов, соответственно. Мы высчитываем это значение для каждого изображения, и полученные таким способом значения для всех изображений мы усредняем, чтобы вывести выражение средней степени синонимии для любой данной пары слов.

Показатель экстенсионального конформизма (ПЭК). Мы можем рассматривать проценты субъектов, указывающих на каждое изображение при определении каждого слова, с точки зрения норм поведения от-

23. W. Johnson and J. Wilson, "The Degree of Extensional Agreement Among Twenty sychologists in Their Use of the Labels *Hypothesis*, *Theory*, and *Law*." *Proceed. Iowa Academy of Science*, 1945.

носителю соотношения слов и фактов. Мы можем «взвесить» изображения согласно этим значениям и на их основе сможем оценить указание или применение ярлыка данным индивидуумом. Например, если данный индивидуум в своём определении слова *хороший* указывает на определённые изображения, мы интерпретируем это как демонстрацию меньшего конформизма по отношению к группе, чем если бы он указал на другое определённое изображение. Средние процентные значения изображений, на которые индивидуум указывает при определении данного слова, представляет его степень конформизма по отношению к группе в его экстенциональном применении того слова. Мы можем назвать это его показателем экстенционального конформизма (ПЭК); индивидуальные отличия, выраженные с точки зрения ПЭК, могут оказаться фактором в личностной адаптации.

Показатель интенционального согласия (ПИС) выражает степень согласия среди n людей в определении данного термина интенционально – приводя его словесные эквиваленты. Интенциональным определением в нашем случае мы считаем, например, определение по словарю. Так же как ПЭС, ПИС мы измеряем значениями от 0.0, представляющим отсутствие согласия, до 1.0, представляющего максимально возможное согласие.

В подготовительном исследовании Н. Уитман и я²⁴ предприняли попытку определить ПИС для каждого из определённых терминов, употребляемых в сфере психологии (*научение, восприятие, эмоция и личность*) и биохимии (*жиры, липиды, ферменты, окисление и базальный метаболизм*). Из учебников по данным областям мы отобрали по шесть определений (от шести разных авторов) для каждого термина. Мы отредактировали эти определения, исключив из них все слова, кроме существительных, глаголов, прилагательных и наречий (наречия *где* и *когда*; прилагательные *тот, эти, те* и *который*; и артикли, употреблённые в качестве прилагательных, мы тоже исключили). Затем мы записали несколько типов, употреблённых в определениях всех шести терминов, и определили количество определений, в которых употреблялся каждый тип. Число случаев достижения согласия в применении любого данного типа шестью авторами учебников мы нашли по формуле $(n-1).5n$, где n представляет число определений, в которых употребили тип. Полученные значения для разных типов мы суммировали в определении общего количества случаев достигнутого согласия, показанных шестью авторами учебников в вербальном определении термина под вопросом. Максимальное возможное число случаев согласия мы вычислили по формуле $x(n-1).5n$, где n представляет общее количество определений, – в каждом случае шесть – а x – общее количество типов, употреблённых во всех определениях. Затем мы поделили максимальное возможное число согласий на полученное число согласий в определении ПИС данного термина. Установленные таким образом ПИСы составили:

		Число типов
Психологические термины		
Научение	.024	44
Восприятие	.006	40
Эмоция	.010	48
Личность	.007	46
Среднее	.012	44-5
Биологические термины		
Жиры	.080	56
Липиды	.150	59
Энзимы	.127	20
Окисление	.067	27
Базальный метаболизм	.035	50
Среднее	.092	424

24. W. Johnson and N. Whitman, "Intensional Agreement Indexes of Certain Terms in Psychology and Biochemistry." Unpublished research.

Мы можем считать, что разница между средними ПИСами указывает на измеримую разницу между областями психологии и биохимии относительно степени терминологического согласия, которого удалось в них достичь на данную дату. Стоит заметить, как аспект научного развития, что среди биохимиков сейчас наблюдается тенденция отходить от термина *жиры* в пользу термина *липиды* – тенденция заменять один термин другим, с более высоким ПИС. Возрастание согласия относительно определений, как интенциональных так и экстенциональных, представляется основной характеристикой развития науки; средства измерения степени достигнутого в пределах разных областей согласия дают возможность проводить их вполне объективное сравнение в этом важном отношении. Степень схожести между вербальными формулировками в общем удаётся измерить в рамках ПИС.

Мы можем модифицировать процедуру, проведённую в исследовании терминов из психологии и биохимии в трёх аспектах. Во-первых, мы можем взять определения не из учебников или других опубликованных материалов, а у самих субъектов. Во-вторых, мы можем попросить субъектов определить каждое слово, перечислив ограниченное количество его синонимов. В-третьих, субъекты могут не определять данные слова отдельно, а подать их в контексте, заменив данное слово другими или написав определение слова адекватное конкретному контексту. Таким образом, мы сможем исследовать влияние отличий на значение в контексте и на согласие относительно значения конкретных слов.

Показатель интенциональной синонимии (ПИСин). С помощью данных, какие мы только что обсудили, мы можем получить меры интенциональной синонимии. Мы измеряем степень синонимии данных пар слов, определённых экстенционально, посредством процедур, которые уже обсудили, и пользуемся подобными процедурами в настоящей связи. Предположим, что слова *хороший* и *стоящий* определили 100 субъектов, перечислив по три синонима для каждого слова. Степень интенциональной или вербальной синонимии между этими двумя словами мы вычислим по формуле $\frac{c}{\sqrt{xy}}$, где c представляет число терминов (типов), которые привели 100 субъектов в качестве синонимов для обоих слов, а x и y представляют число терминов (типов), перечисленных в качестве синонимов для каждого из двух слов, соответственно. Нас интересует корреляция между ПЭСин и ПИСин.

Тест на семантический словарь. Как мы ранее указали в этой схеме, мы можем получить меры словаря любого индивидуума в рамках типо-знакового соотношения, частот типов, пропорционального словаря и словаря стандартной частоты. Мы можем провести ещё один тест на словарь. Обычные тесты критикуют за то, что несмотря на то, что они показывают число слов, которые индивидуум «знает» или «распознаёт», по ним не всегда удаётся определить диапазон или «глубину» знаний или навыков применения каждого слова, которое он «знает». Проблема, обозначенная этой критикой, предполагает определённые технические трудности, но мы видим некоторые подходы к её решению.²⁵

Мы можем исследовать возможность построения работоспособного теста на словарь, который бы позволил вывести подробный образец способности индивидуума пользоваться каждым словом. Мы можем различать типы значений, такие как значения с точки зрения употребления, разнообразия, отличительных характеристик, источников и т. д. Например, слово *апельсин* удастся определить с точки зрения (а) разных применений апельсинов; (б) типов апельсинов; (в) характеристик, отличающих апельсины от других вещей; (г) географических зон, где апельсины выращивают, методов выращивания, истории методов и т. д. и (д) научных исследований, проведённых в отношении апельсинов. Это не исчерпывает проблему определения термина *апельсин*, но показывает возможность создания теста на словарь такого типа, который позволит задействовать меру «глубины» и «диапазона» словаря.

Меры всеобъемлемости. Ранее мы упоминали термины всеобъемлемости, такие как всё, все, никто, каждый, никогда, абсолютно и т. д. Такими терминами особенно характеризуется язык, действующий в моменты злости, отчаяния или иных глубоко аффективных состояний. Они придают языку характер, отражающий то, что мы обычно называем догматизмом, упрямством, негибкостью и

25. R. H. Seashore and L. D. Eckerson, "The Measurement of Individual Differences in General English Vocabularies", *J. Educ. Psychol.*, 1940, 31, 14-38.

т. д. Ориентирование по двойственным противопоставлениям, или по исключённому третьему, лежит в основе такого языка и формируется за счёт него. Степень склонности человека к дву-значному ориентированию видится важным аспектом общей адаптации, развития личности, интеллекта и т. д. этого человека. Если нам удастся определить строгие критерии для определения всеобъемлющих терминов, то мы сможем изучить частоту их употребления в языковых образцах.

Предложим ещё один подход к изучению всеобъемлемости. Мы можем рассматривать всеобъемлемость как то, что проявляется при излишне резких ответах на ситуации. Мы можем построить надёжный тест, взяв 100 предметов, на которые кто-то мог бы произвести ответ по ступенчатой шкале, выражающей крайние и средние степени предпочтения, отношения, поведенческой тенденции и т. д. Потребуется, по меньшей мере, пять, возможно, семь или более альтернативных ответов на каждый предмет: один, выражающий нейтральность или среднюю тенденцию, а другие, расположенные ближе к одной или другой крайности. Численные значения следует присваивать не по выраженным предпочтениям и т. д., а по пропорции крайних (всеобъемлющих) ответов. Ожидаемо, с помощью такого теста мы сможем указать два основных типа оценочной тенденции: тенденции давать резкие, или всеобъемлющие, ответы, и крайней тенденции давать нерешительные, неопределённые, нейтральные ответы. Вторая тенденция может характеризовать, например, определённые шизоидные состояния. Стоит заметить, что в таком тесте удастся избежать характерного для письменного теста недостатка – эффект сфабрикованных ответов, сказывающихся на результатах, минимизируется, потому что они определяются по «интенсивности», нежели по «содержимому» ответов.²⁶

Тесты на вербальную дифференциацию. Представляется разумным предположить, что адекватность обобщения, или «абстрактного мышления», во многом зависит от адекватности анализа или дифференциации, на которой обобщение основывается. Указать на это получится исследованием практически любого процесса обобщения; особенно очевидным это представляется в медицинских диагнозах. Способность наблюдать, реагировать на, и соотносить отличия, по-видимому, ограничивает способность эффективно абстрагировать схожести. Абстрагирование (грубо, обобщение) мы можем определить как процесс опущения подробностей или отличий; мы распознаём и формулируем сходства согласно тому, как мы пренебрегаем отличиями, но не тому, как мы их наблюдаем или соотносим. Осознанность абстрагирования в любом данном случае, по-видимому, зависит от осознанности пренебрегаемых или соотносимых отличий в процессе абстрагирования схожестей.

Мы хотим построить тест, посредством которого удалось бы измерить способность индивидуума выражать отличия, или осуществлять вербальную дифференциацию. В начале субъекту следует дать пары объектов, конструкций и т. д., и попросить его озвучить отличия между ними. На каждый ответ следует отвести определённый лимит времени. Ответы следует оценивать тремя способами. Во-первых, мы измеряем длительность ответа; не стоит ожидать, что этого хватит, кроме как очень грубой меры. Во-вторых, мы отмечаем количество перечисленных отличий; нам понадобится сформулировать строгие критерии определения «отличия». В-третьих, стоит провести разные формы анализов типо-знакового соотношения в качестве возможных выражений уровня исполнения субъекта.

Предполагая построение надёжного теста, его результаты следует соотнести с другими переменными. Нас особенно интересует отношение дифференцирующей способности с интеллектом, как его измеряют современными стандартными тестами, и с другими критериями компетентности.

Дополнительные меры

Предложенная программа исследований включает не только меры языкового поведения, но и другие меры, которыми следует воспользоваться, чтобы получить данные, дающие представление об отношении языковых мер к другим аспектам поведения. К этим дополнительным мерам относятся тесты на интеллект, оценка психического и хронологического возраста, тесты на способности и достижения, проверка чтения вслух и про себя, речи и письма, и других личностных показателей.

26. Такой подход предлагал в своей работе Г. Б. Уотсон, *The Measurement of Fairmindedness*. New York: Teachers College, Columbia University, 1925. Мисс Элла Енсен, студент-выпускник Университета штата Айова недавно завершила подготовительную форму теста, проведённого приблизительно согласно приведённым здесь описаниям.

Проведённые исследования

Ниже я привёл двадцать исследований, проведённых в связи с обозначенной выше программой. За исключением двух, эти исследования представили в форме магистерских и докторских диссертаций на кафедрах речи и психологии Государственного Университета штата Айова. Некоторые из них публиковали, поэтому, если они вас интересуют, вы можете получить к ним доступ; остальные тоже планируют опубликовать. Взятые вместе, они составляют попытку выработать меры и исследовательские процедуры для изучения языкового поведения с семантической точки зрения. Над программой, которую они представляют, продолжается работа, и большой объём собранных до настоящего момента данных пока не проанализировали. Например, мы получили приблизительно 1000 письменных языковых образцов, по 3000 слов каждый, от школьников штата Айова, отобранных по полу, возрасту, результатам тестов на интеллект, типу школы (деревенской, городской) и социально-экономическому статусу. Отобранные 108 из этих образцов в некоторых подробностях разобрал в своём исследовании Клотос; над ними ещё предстоит работать. Устные и письменные языковые образцы, которые Фэйрбэнкс и Ман получили от пациентов-шизофреников, тоже следует изучить. Тем временем, дальнейшей разработки ожидают другие дополнительные меры и экспериментальные процедуры.

К настоящему моменту завершили следующие исследования:

CHOTLOS, J. W. "Studies in Language Behavior: IV. A Statistical and Comparative Analysis of Individual Written Language Samples." Psychol. Monogr., 1944, 56, 75 - 111.

CLEMONS, A. A Quantitative Study of Verbal Abstracting. M.A. Thesis. Iowa City: University of Iowa, 1939.

FAIRBANKS, H. "Studies in Language Behavior: II. The Quantitative Differentiation of Samples of Spoken Language." Psychol. Monogr., 1944, 56, 1938.

FOLSOM, A. T. Reaction to the Dark Regarded as Language Behavior: Sixteen Cases. M.A. Thesis. Iowa City: University of Iowa, 1937.

FRAZIER, J. A Study of Stutterers' Theories of Their Own Stuttering. M.A. Thesis. Iowa City: University of Iowa, 1940.

GALLANT, M. A Statistical Evaluation of a Word-Fact Relating Test. M.A. Thesis. Iowa City: University of Iowa, 1939.

GRINGS, W. W. "The Verbal Summator Technique and Abnormal Mental States," J. Abn. & Soc. Psychol., 1942, 37, 529-545.

JOHNSON, W., and WHITMAN, N. "Intensional Agreement Indexes of Certain Terms in Psychology and Biochemistry." Unpublished research.

JOHNSON, W., and WILSON, J. "The Degree of Extensional Agreement Among Twenty Psychologists in Their Use of the Labels Hypothesis, Theory, and Law." Proceedings of the Iowa Academy of Science, 1945 (in press).

JOHNSON, W., and WOOD, C. B. "John Told Jim What Joe Told Him: A Study of the Process of Abstracting," Etc.: A Review of General Semantics, 1944, 2, 10-28.

KNOCHE, R. M. Agreement Among University Freshmen on Specified Words Defined Extensionally and Intensionally. M.A. Thesis. Iowa City: University of Iowa, 1939.

MANN, M. B. "Studies in Language Behavior: III. The Quantitative Differentiation of Samples of Written Language." Psychol. Monogr., 1944, 56, 41- 74.

MOORE, R. A Quantitative Study of the Labeling Behavior of Fifth and Sixth Grade Children from Upper and Lower Socio-economic Groups. M.A. Thesis. Iowa City: University of Iowa, 1939.

SHAEITZ, E. A Study of the Relation Between Word-Length and Type-Token Ratio in the Written Language of Iowa School Children. M.A. Thesis. Iowa City: University of Iowa, 1941.

SHATTYN, G. B. Certain Quantitative Measures of the Clinical Aspects of Language. M.A. Thesis. Iowa City: University of Iowa, 1943.

SHERMAN, D. H. An Objective Study of the Ability of Junior High School Pupils to Use Descriptive Language. M.A. Thesis. Iowa City: University of Iowa, 1938.

SKALBECK, O. M. A Statistical Analysis of Three Measures of Word Length. M.A. Thesis. Iowa City: University of Iowa, 1938.

SPENCER, B. L. A Study of Short Speech Samples as Personality Indicators. M.A. Thesis. Iowa City: University of Iowa, 1943.

TUTHILL, C. E. A Quantitative Study of Extensional Meaning With Special Reference to Stuttering. Ph.D. Thesis. Iowa City: University of Iowa, 1939.

VAN DUZER, V. F. A Methodological Study of Language Reaction. M.A. Thesis. Iowa City: University of Iowa, 1944.